МАЙК РЕЗНИК

ЧЕРНАЯ ЛЕДИ
АВАНПОСТ

ЧЕРНАЯ ЛЕДИ
АВАНПОСТ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

МАЙК РЕЗНИК

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

MIKE

RESNICK

THE DARK LADY

THE OUTPOST

МАЙК

РЕЗНИК

ЧЕРНАЯ ЛЕДИ

АВАНПОСТ

АСТ ЛЮКС ТИХЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Р34

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Mike Resnick
THE DARK LADY
THE OUTPOST

Перевод с английского А. Круглова («Черная Леди»), В. Вебера («Аванпост»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 23.11.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 3414.

Издание подготовлено при участии А/О «ТИТУЛ»

Резник, М.
Р34 Черная Леди. Аванпост : [сб.: пер. с англ.] / Майк Резник. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 633, [7] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-027451-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0907-4 (ОАО «ЛЮКС»)

«Крутые парни» и опасные женщины с доброй сотни планет...

Стрелки, шулеры, охотники за наградами, наемные убийцы — и просто бандиты всех возможных видов и рас...

Завсегдатаи самого лихого, самого веселого, самого разудалого кабака Дальнего Фронтира, не боящиеся ни Бога, ни черта, ни сил Закона.

И ВОТ ЭТА пестрая компания спасет мир от захватчиков-«чужих»?

В Галактике Майка Резника случается и не такое!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Mike Resnick, 1987, 2001
© Перевод. А. Круглов, 2003
© Перевод. В. Вебер, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

ЧЕРНАЯ ЛЕДИ

Посвящается, как и всегда, Кэрол.
А также Тому Догерти и Бет Мичем,
которые сдержали все свои обещания.

ПРОЛОГ

Она помнит Землю еще юной.

Она стояла на вершине Кладбищенского хребта, когда Пикетт* пошел в атаку, и видела, как кавалерия скачет в Долину Смерти. Она была в Помпеях, когда взорвался Везувий, и в лесах Сибири, воспламененных ударом кометы.

Она стояла в толпе зрителей, когда не выдержала проволока под «Летающими Валлендами»**, присутствовала при битве у Литл-Бигхорна***, наблюдала за падением Трои и смотрела, как Манолете и Домингес меряются силами со свирепыми быками на залитых кровью аренах Мадрида.

На ее глазах человечество устремилось к звездам. Она видела битву при Спике****, осаду Сириуса V и сидела в углу ринга в тот роковой вечер, когда Джимми Максвейн дрался с Костоломом Мерчисоном. Она бороздила космические трассы вместе с Ангелом, видела, как Биллибак-танцор умирает

---

* Пикетт Джордж Эдвард (1825—1875) — генерал армии Конфедерации. Отличился в битве при Фредериксберге (1862). Его атака на Кладбищенский хребет, предпринятая по приказу генерала Ли, стала кульминационным моментом сражения и закончилась провалом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Валленда Карл (1905—1978) — артист цирка, канатоходец. Разбился, переходя по натянутой проволоке между двумя десятиэтажными зданиями в г. Сан-Хуан; такая же судьба постигла и нескольких артистов его труппы.

*** Битва на реке Литл-Бигхорн (1876) между индейцами и кавалерийским полком под командованием генерала Дж. Кастера известна как последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением, уничтожив всех его солдат.

**** Спика — звезда, альфа Девы.

под красным солнцем далекого мира, и стояла рядом с Сантьяго, когда Джонни «Раз-Два» застрелил его.

У нее нет имени, нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Она носит только черное. Видели ее многие, но знает лишь горстка избранных. Ты увидишь ее — если очень повезет, — когда сделаешь последний в своей жизни вдох. Только тогда, перед тем как ты в последний раз выдохнешь, она появится с тихой печалью в глазах и молча поманит к себе.

Ее называют Черной Леди, и этот рассказ — о ней.

ЧАСТЬ 1
ТОТ, КТО ПОКУПАЛ

1

С чего я начну свою повесть?

Это не эпическая сага, хотя она охватывает тысячелетия и звездные системы. И не история романтической страсти, хотя именно страсть и романтика привели кое-кого из ее героев к роковому концу. И даже не рассказ о героических приключениях, хотя без приключений не было бы и рассказа.

Это всего лишь правдивое изложение событий. Вообще говоря, ему следовало быть написанным на Языке Формального Повествования. Язык этот, однако, требует, чтобы рассказчик изложил в стройном порядке все события своей жизни с самого рождения, а это создало бы искаженное представление о моей собственной роли. Между тем я лишь немногим более чем сторонний наблюдатель, хотя и умудрился навлечь бесчестье на свое имя, Дом и всю расу.

Поэтому я решил обратиться к читателю на Языке Свободного Рассказа и согласно его правилам начну мою историю с как можно более поздних событий — фактически с того момента, когда сам начал в ней участвовать.

Итак, задыхаясь в тяжелой и влажной атмосфере планеты, я с трудом покорил широкие титановые ступени галереи изящных искусств «Одиссей». У парадной двери огромного угловатого здания стояли два служителя в пурпурной униформе со сверкающими алыми кантами на брюках. Я счел уместным обратиться к ним на диалекте Почетных Гостей.

— Послушайте, уважаемые, — произнес я официальным тоном, — мне нужны сведения о месте проведения предстоящего аукциона.

— Черт побери, ну и ну! — хмыкнул тот, что был повыше. — Оно не только носит ботинки, оно еще и разговаривает!

Я сразу понял, что выбрал неправильную форму обращения, и поспешил перейти на диалект Просителей.

— Уважаемый сэр, — произнес я, приглушив свой цвет и наклоняя голову в знак смирения, — тысячу извинений, если оскорбил вас. Покорнейше прошу помочь мне достичь места назначения.

— Вот это уже лучше, — проворчал он, и я почувствовал облегчение — по-видимому, нарушение этикета прощено. — Давай документы.

Я протянул паспорт, приглашение и рекомендации. Некоторое время они с напарником разглядывали бумаги. Я молча ждал.

Вдруг охранник подозрительно поднял на меня глаза.

— Леонардо?

В его голосе прозвучало сомнение.

— Так точно, уважаемый сэр.

— С какой это стати у такого, как ты, человеческое имя?

Я показал на бумаги:

— Если вы изволите обратить внимание, уважаемый сэр, Леонардо — не настоящее мое имя. Я принадлежу к Дому Крстхионн.

Он нашел в паспорте мое бьорннское имя и дважды пытался его произнести. Безуспешно.

— Тогда почему у тебя приглашение на имя Леонардо?

— Меня называют Леонардо на месте службы, уважаемый сэр. Здесь, на Дальнем Лондоне.

— В смысле, на работе?

— Так точно, — подтвердил я, не забыв, как положено, кивнуть головой. — На месте работы. В настоящее время я сотрудничаю с художественными галереями Клейборна.

— Вот как? — с сомнением протянул охранник.

— Да, уважаемый сэр. — Я поклонился и втянул голову в плечи, приняв почти идеальную позу миролюбия. — Могу я теперь пройти?

Охранник покачал головой:

— В моем списке нет никаких инопланетян по имени Леонардо.

Я мог бы обратить его внимание на то, что люди — такие же инопланетяне на Дальнем Лондоне, как и бьорнны, но это было бы несовместимо с диалектом Просителей, тем более что я уже раз совершил ошибку. Поэтому я лишь еще ниже склонил голову.

— Мои документы в порядке, — сказал я, глядя на серый титан под ногами. — Прошу вас, уважаемый сэр! Если мне не разрешат выполнять мои обязанности, Дом Крстхионн будет опозорен.

— Сначала мы проверим, что это за обязанности, — проворчал охранник. — Там, внутри, выставлено на двести миллионов кредитов всякого искусства. И моя работа — убедиться, что в твои обязанности не входит спереть что-нибудь.

— Или сожрать, — ухмыльнулся другой охранник.

— Пожалуйста, уважаемые господа! — настаивал я. — Вам стоит только вызвать сюда Гектора Рейберна или Тай Чонг, и они засвидетельствуют мою личность и право находиться здесь!

— Рейберн или Чонг... есть у нас такие? — спросил охранник у своего напарника.

— Черт его знает, — ответил тот. — Могу проверить.

— Хорошо, проверь. — Первый снова повернулся ко мне. — Ну, все, Лео.

— Вы обращаетесь ко мне, уважаемый сэр? — спросил я.

— А к кому же еще?

— Мое имя Леонардо. Вы забыли, уважаемый сэр.

— Тысяча извинений, — низко поклонился охранник, передразнивая мою манеру. — Леонардо. — Он резко выпрямился. — А теперь давай топай к восточному входу и жди, пока мы все проверим! Если кто-то из них поручится за тебя, я передам, чтоб тебя впустили.

— Я очень хочу поскорее присоединиться к моим коллегам, уважаемый сэр. Нельзя ли подождать прямо здесь?

— Ты мешаешь движению, — покачал головой охранник.

Я оглянулся — вокруг не было ни души.

— Можешь помешать, — добавил он.

Я почувствовал, что опять задел его чем-то, и перестал использовать диалект Просителей.

— Ждать долго?

— А где «уважаемый сэр»? — удивился он, проигнорировав мой вопрос.

— По-видимому, это была неправильная форма обращения, — объяснил я. — Я пытаюсь подобрать диалект, который не оскорбит вас.

— А как насчет молчания?

— Мне неизвестны диалекты без слов. Не могли бы вы ответить на мой вопрос?

— Какой еще вопрос?

— Сколько мне придется ждать?

— Да откуда я знаю, черт побери! — рассердился охранник. — Все зависит от того, сколько там внутри Рейбернов или Чонгов. Послушай, я просто делаю свою работу. Будь хорошим мальчиком, или девочкой, или кто ты там есть, иди к восточному входу и жди, когда тебя впустят.

Я повернулся и стал спускаться по ступенькам. Носить обувь мне было еще непривычно, а тротуар двигался так быстро, что я рисковал потерять равновесие. Поэтому на всякий случай пошел пешком, направляясь к восточному крылу многогранной конструкции из стекла и титана. Вокруг было пусто. На мгновение я замедлил шаг, чтобы полюбоваться керамической мозаикой, украшавшей металлическую стену на высоте человеческого глаза. Наконец передо мной оказалась простая дверь без всяких надписей, смещенная на десятую градуса от центра. Дверь была заперта.

Я стоял и ждал, чувствуя себя раздетым и как бы незавершенным — так всегда бывает, когда я один. Меня одолевали воспоминания о тепле и безопасности Семьи — не так-то просто быть единственным из своей расы в чужом мире и не думать об этом. Прошло пять минут, потом еще десять, и с

каждой секундой я навлекал все большее бесчестье на Мать по Окраске и весь Дом. По сравнению с этим опасения личного порядка — что я так и не увижу ни одной скульптуры легендарного Мориты — казались бледными и бесцветными.

Две женщины человеческой расы прошли мимо, откровенно меня разглядывая. Одна из них шепнула что-то другой, и обе засмеялись.

Наконец дверь открылась, и ко мне бросилась Тай Чонг.

— Леонардо, ради Бога, извините нас за эту путаницу!

— Теперь все в порядке, раз вы здесь, досточтимая леди, — заверил я, используя, как всегда в ее присутствии, диалект Симпатии.

— Долго вам пришлось ждать?

— Не больше двадцати минут, — ответил я, пряча руки за спиной, пока они не восстановили свой нормальный цвет.

— Безобразие! — гневно воскликнула она. — Я добьюсь, чтобы этих охранников выгнали с работы!

— Я сам во всем виноват, досточтимая леди. Я был невежлив — не знал правильной формы обращения.

— Глупости! Они весь вечер отправляли инопланетян за угол к этой двери.

У меня мелькнула мысль, что музею следовало бы нанимать менее обидчивых и более терпимых служителей, но я промолчал. Тай Чонг протянула руку, чтобы провести меня внутрь.

— Ваш цвет изменился, — заметила она, когда я неохотно подал ей свои пальцы.

— На улице жарко, досточтимая леди, — солгал я.

Она пока не научилась распознавать оттенок Переживания, и мне не хотелось еще больше огорчать ее.

— Вот уж не думала, что вы так сильно реагируете на колебания температуры, — посочувствовала Тай Чонг. — Хотите, я отвезу вас обратно в отель?

— Нет, пожалуйста, разрешите мне остаться!

Я старался, чтобы мой голос не выдал паники.

— Ну конечно, как пожелаете. — Тай Чонг удивленно наблюдала, как мой цвет становится все ярче. — Я просто беспокоюсь за вас.

— Спасибо за заботу, досточтимая леди, но я обязательно должен продолжить образование и поддержать честь своего Дома. А кроме того, — немного помявшись, добавил я с чувством стыда, так как это уже были личные соображения, — я столько лет ждал случая увидеть скульптуру Мориты!

— Хорошо, — пожала она плечами. — Но на охранников я все-таки пожалуюсь.

— Я сам виноват, досточтимая леди.

— Сильно сомневаюсь. Кстати, — добавила Тай Чонг, когда мы вошли в здание, — вы, кажется, хотели называть меня по имени.

— Я приложу все усилия, чтобы не забывать об этом, досточтимая леди.

— Я заметила, что с именем мистера Рейберна у вас нет проблем.

— Он не досточтимая леди, — объяснил я.

— Когда-нибудь, Леонардо, я обязательно посещу ваш мир с его досточтимыми леди и не столь досточтимыми джентльменами, — усмехнулась Тай Чонг.

Мы оказались в главной галерее — просторном круглом зале со светлыми керамическими стенами и многогранным стеклянным куполом бронзового оттенка. Здесь мое чувство дискомфорта рассеялось окончательно — я ощутил тепло и приятную тесноту толпы. В зале находилось сотни четыре живых существ, все были ярко и элегантно одеты, и все, за небольшим исключением, — люди. Из представителей других рас я заметил лодинита, трех рамориан, двух моллутеи и тройку пернатых существ со звездного скопления Куинелла. В углу, в стороне от всех, устроился канфорит, надменно сложив серые кожистые руки на узкой груди. Его сияющие хрустальные медали свидетельствовали об участии в двух вооруженных восстаниях против Олигархии.

Не отпуская мою руку, Тай Чонг начала обходить зал и представлять меня многочисленным друзьям и коллегам. Я торжественно приветствовал их на диалекте Дипломатов, обтекаемые обороты которого казались им, похоже, забавными. Потом нас окликнул Гектор Рейберн — в блестящем вечернем костюме он выглядел шикарно.

— Я вижу, вы нашли его, мадам Чонг.

— Эти свиньи там, снаружи, устроили для инопланетян отдельный вход, — снова начала она возмущаться.

— Да, я слышал — они измывались над ними весь вечер, — кивнул Рейберн.

— Всего лишь мелкое недоразумение, друг Гектор, — вежливо уточнил я.

— Скорее, крупное хамство, — возразила Тай Чонг.

— Да ладно, ничего страшного, в конце концов, не случилось, — добродушно сказал Рейберн, игнорируя гневный взгляд Тай Чонг. — Леонардо, можно вас на минутку?

— Конечно, друг Гектор. — Я повернулся к Тай Чонг. — Вы позволите, досточтимая леди?

— Экспонаты с Альбиона? — спросила она Рейберна.

— Да, — ответил тот.

Тай Чонг улыбнулась мне:

— Что ж, для этого вы к нам и прибыли. Встретимся, когда закончите.

Мы с Рейберном вышли из главной галереи. Дальше вел узкий коридор, выложенный плиткой.

— Теперь она несколько дней будет рвать и метать.

— Прошу прощения, друг Гектор?

— Мадам Чонг. Дурацкие принципы! Вы же прекрасно понимаете, что эти охранники — просто пара кретинов, которые ничего плохого в виду не имели, но вот ее вы никогда в этом не убедите. Да-а... Лучше бы она вот так же бросалась на защиту своих служащих-людей. Простите, не хотел вас обидеть, — поспешил он добавить.

— Я понимаю, что вы не хотели, — вежливо ответил я.

— Она думает, что может сразу изменить человеческую природу, — продолжал Рейберн. — Но ведь это просто невозможно. Однажды она кинется защищать какого-нибудь не того инопланетянина, или маньяка-убийцу, или кто там еще будет у нее на очереди, — и тогда дело кончится крупными неприятностями.

Пока я думал, как подипломатичней ответить, мы оказались в небольшом прямоугольном зале, где висело около полусотни холстов и голограмм: обнаженная натура, портреты,

пейзажи морские и космические, натюрморты и даже несколько абстрактных картин, сделанных компьютером с модулем восприятия Дэрхема-Либермана.

Рейберн дал мне время бегло осмотреть коллекцию и перешел к делу.

— У меня есть клиент, который хочет вложить деньги в несколько картин со скопления Альбиона. Это как раз ваш профиль, и я подумал, что вы не откажетесь помочь советом.

— Я буду счастлив оказать любую посильную помощь, друг Гектор. Какую сумму она готова потратить?

— Вообще-то это он. И готов вложить до четверти миллиона кредитов. Я отметил в своем каталоге пару подходящих работ, но хотел бы, чтобы и вы сказали свое слово. — Рейберн замялся. — Честно говоря, я никогда не был силен в экспертизе. Мне особенно интересно, что вы скажете о подлинности Примроуза. — Тут к нему вернулась его обычная самоуверенность. — Конечно, окончательное решение приму я и вся ответственность ляжет на меня, но все равно хорошо бы знать и ваше мнение.

— Чтобы быть вам полезным, друг Гектор, я должен почтительно просить разрешения ознакомиться с экспозицией более тщательно.

— Конечно, — сказал он с облегчением. — Я вернусь через несколько минут.

Рейберн направился к двери.

— Надо попробовать денебианского вина, пока оно не кончилось... — Он запнулся, увидев, что мои цвета потемнели. — Надеюсь, вы не возражаете? На самом деле, мне ведь нечего тут делать — только стоять и смотреть на вас...

— Конечно, друг Гектор, — солгал я. — Я не возражаю.

— Ну, вот и хорошо. Я знал, что весь этот вздор, который несет мадам Чонг насчет бьорннов — что они якобы не терпят одиночества, — лишь плод ее воображения.

Он вышел в коридор и снова заглянул в дверь:

— Вы не забудете проверить Примроуза?

— Не забуду, друг Гектор.

— Отлично. Скоро увидимся.

Он ушел, а я попытался сосредоточиться на картинах, чтобы забыть об одиночестве. Постепенно болезненное ощущение наготы отступило, и я полностью погрузился в работу.

Возраст большинства двухмерных картин был от шести до десяти столетий, хотя одной — впрочем, довольно средней по качеству, — было, по-видимому, почти три тысячи лет. Что же касается голограмм, особенно выполненных в технике стасиса (замороженных линий электростатического поля), то большинству оказалось не более ста лет, хотя, опять же, одна работа принадлежала к ранней эпохе освоения человеком галактики.

Все работы, кроме двух, наверняка принадлежали кисти человека, и я подозревал, что и из тех двух одна, возможно, тоже человеческая. По-настоящему известных авторов было только двое — Яблонский, живший тысячу лет назад на Кабалке V, и Примроуз, который добился некоторой известности на Бариосе IV, хотя потом его работы были забыты. Но все экспонаты несомненно принадлежали к известным и легко узнаваемым школам скопления Альбиона.

Я исследовал Примроуза — незначительную вещь давно уже не популярного мастера, определил, что холст происходит с Бариоса IV, а подпись подлинная, и перешел к остальной коллекции.

Одна из картин — портрет женщины — особенно привлекла мое внимание. По технике портрет сильно уступал работам Яблонского и все же заинтересовал меня. Черты лица женщины были выписаны вдохновенно, создавая ощущение одиночества и мучительного стремления к чему-то недостижимому. Название ничего не проясняло — там стояло просто «Портрет», — но наверняка особа была весьма высокопоставленная, потому что мне уже дважды приходилось видеть ее изображения: один раз на голограмме с Байндера X, а другой — на холсте с Патагонии IV.

Я перешел к Яблонскому и двум самым экзотическим стасис-голограммам и попытался сосредоточиться на них, однако меня тянуло к портрету. Наконец я не выдержал, вернулся к нему и начал пристально изучать технику мазка, нюан-

сы светотени и расположение модели, слегка смещенной от центра.

Имя художника — Килкаллен — ничего мне не говорило. Беглый анализ текстуры холста, химического состава красок и почти каллиграфической подписи в левом верхнем углу позволял установить возраст картины — 542 года. Написана она была в одной из человеческих колоний в системе Бортаи.

Внезапно меня пронзило ощущение тепла. С облегчением я понял, что уже не один.

— С возвращением, друг Гектор, — сказал я, оборачиваясь.

— Ну как, Примроуз настоящий?

Рейберн отпил вина из изящного хрустального бокала.

— Да, друг Гектор. Хотя работа не лучшая. За нее могут дать двести пятьдесят тысяч кредитов, но только за имя. Полагаю, с годами ее стоимость вряд ли заметно возрастет.

— Вы уверены?

— Уверен.

Рейберн вздохнул:

— Жаль. Боюсь, Яблонский обойдется дороговато.

— Я тоже так думаю, друг Гектор. За него дадут как минимум полмиллиона, а весьма вероятно, что и шестьсот тысяч.

— Ну и что, есть у вас какие-нибудь предложения?

— Мне очень нравится вот эта работа, — показал я на портрет.

Рейберн подошел и некоторое время изучал его.

— Ну, не знаю, — промолвил он наконец. — Издалека она довольно эффектна, но чем ближе подходишь, тем заметнее, что этот Килкаллен — не Яблонский.

Посмотрев еще немного, он повернулся ко мне:

— И на сколько, вы думаете, она потянет?

— Может быть, тысяч на пятьдесят. Шестьдесят, если Килкаллен хорошо известен в системе Бортаи.

Рейберн снова взглянул на картину и нахмурился:

— Довольно рискованно покупать работу фактически неизвестного автора. Даже не знаю, можно ли назвать это вложением. По качеству она потянет тысяч на пятьдесят, однако это еще не значит, что цена будет обгонять инфляцию. — Он помолчал. — Надо подумать.

— Вообще-то впечатляет, в этом ей не откажешь, — заметил он, посмотрев еще раз.

В комнату вошла Тай Чонг.

— Я вас ищу. Аукцион начнется через пять минут.

— Уже идем, мадам Чонг, — ответил Рейберн, и я последовал за ним.

— Ну как, нашли что-нибудь интересное? — спросила Тай Чонг.

— Пожалуй, только одну вещь, досточтимая леди.

— Портрет женщины в черном?

— Да, досточтимая леди.

— Я тоже его заметила, — кивнула Тай Чонг. Помолчав, она улыбнулась мне. — Вы готовы взглянуть на Мориту?

— О да, досточтимая леди! — воскликнул я с волнением. — Увидеть своими глазами скульптуру Мориты — об этом я мечтал всю жизнь!

— Тогда пойдемте. Думаю, вы никогда больше не увидите три работы сразу на одной планете. — Она повернулась к Рейберну. — Мы на несколько минут, Гектор.

— Я вас прикрою, — добродушно ответил тот. — В ближайшие полчаса там не будет ничего для нас интересного.

Тай Чонг повела меня через круглую галерею в маленькое помещение немного в стороне. Я безуспешно пытался совладать со своей окраской и чувствовал почти болезненное смущение от такого явного выражения чувств, касающихся исключительно личных интересов.

— Ваши документы, пожалуйста.

Путь нам преградил рослый охранник в пурпурной униформе.

— Я вышла пять минут назад, — заявила Тай Чонг.

— Я знаю, мадам Чонг, но таковы инструкции.

Она вздохнула и вытащила удостоверение.

— О'кей, проходите.

— Спасибо. Пойдемте, Леонардо.

— Без него, — опять преградил путь охранник. — Или это она?

— Он со мной! — возмутилась Тай Чонг.

— Извините, — твердо сказал охранник.

— Леонардо, покажите ему свое приглашение.

Стражник покачал головой:

— Не трудитесь. Вход разрешен только директорам музеев.

— Я полноправный член Дома Крстхионн, — сказал я.

— Это галерея инопланетян?

— Да, — ответил я.

Это было проще, чем объяснять ему тонкости общественной структуры бьорннов.

— Мне очень жаль, но вход только для директоров человеческих галерей.

Я был настолько ошеломлен, что не нашелся с ответом, хотя мой цвет говорил о крайнем унижении. Прежде я даже не осознавал, с каким нетерпением ждал случая увидеть скульптуры Мориты. Казалось, это Мать Всего Сущего наказывала меня за то, что я дерзко поставил личные интересы, пусть даже на мгновение, выше интересов Дома. И как только я понял, что наказание справедливо, все признаки гнева исчезли, сменившись спокойным пониманием ситуации.

Я взял себя в руки. Но не Тай Чонг.

— Что здесь происходит? — вскипела она. — Леонардо прибыл на Дальний Лондон по программе обмена и работает в галереях Клейборна. Его документы в порядке и я лично ручаюсь за него!

— Мадам Чонг, мы ведем войну более чем с пятьюдесятью чужими расами по всей галактике.

— Но не с бьорннами!

— Послушайте, я всего лишь выполняю инструкции. Если вы хотите жаловаться, идите к директору.

— И пойду! Такое обращение с почетным гостем просто возмутительно!

— Прошу вас, досточтимая леди, — вмешался я, слегка трогая рукав ее сверкающего платья и стараясь скрыть свое унижение. — Я не хотел бы быть причиной такого разлада. Я увижу скульптуры Мориты в другой раз.

— К полуночи они отправятся на трех разных кораблях Бог знает куда! Другого раза просто не будет!

— Я увижу их на аукционе.

— Они слишком тяжелы и громоздки для переноса в зал. Вот почему их выставили здесь. — Тай Чонг повернулась к

охраннику. — Последний раз спрашиваю: вы пропустите моего коллегу на выставку?

Он покачал головой.

— У меня инструкция.

Я чувствовал, что Тай Чонг едва контролирует себя, и, несмотря на собственное горькое разочарование, попытался ее утешить.

— Пожалуйста, досточтимая леди, здесь много других скульптур и картин.

— Черт побери, Леонардо, неужели вам все равно?! — воскликнула она в крайнем раздражении.

— Меня учили, что, посещая планеты людей, я должен соблюдать их законы.

— Это не закон! — воскликнула Тай Чонг, бросая гневный взгляд на охранника. — Это политика и я намерена протестовать!

— Ваше право, — ответил тот с холодным безразличием лакея, за которого отвечает начальство.

Гнев, казалось, выплескивался из ее глаз. Она резко развернулась и пошла назад в главную галерею, таща меня за руку, словно маленького человеческого ребенка. Мною, напротив, владело чувство умиротворения — по-настоящему тяжелой сцены удалось избежать, и жизнь еще раз подтвердила старую истину: личные желания и цели не имеют никакого значения.

Я был новичком в обществе людей и никогда раньше не преследовал своих интересов, даже по самому малому поводу. Но, как оказалось, все еще впереди.

2

Когда мы снова присоединились к Рейберну, аукцион только начинался. Рейберн увлеченно беседовал с пожилой женщиной, которая выкрасила волосы в зеленый цвет — в тон к своим изумрудам. Я уже совсем успокоился, чего нельзя было сказать о Тай Чонг — она просто кипела от ярости.

— Уважаемые гости! — начал председатель вступительную речь. — Приветствуем вас на третьем полугодовом аукционе галереи «Одиссей». Сегодня мы представляем сто сорок три произведения искусства — в основном из скоплений Альбиона и Куинелла. Ну и, конечно же, жемчужину нашей коллекции — три работы бессмертного Феликса Мориты, предоставленные правительством Аргентины III. Хочу добавить, что средства, вырученные от продажи скульптур Мориты, будут направлены на борьбу с новым вирусом, который произвел такое ужасное опустошение в системе Аргентины. Галерея «Одиссей», со своей стороны, намерена перечислить треть сегодняшних комиссионных в фонд помощи Аргентине III.

— И все равно на Морите они заработают в десять раз больше, чем обычно, — усмехнулся Рейберн. — Это наверняка предусмотрено условиями сделки.

Аукционист подождал, пока вежливые аплодисменты стихнут.

— А теперь позвольте мне торжественно открыть сегодняшний вечер! Перед вами — произведение искусства, созданное на самой Земле!

Древняя скульптура, выполненная из хрома, была создана в Уганде в 2908 году христианской эры (второй год до галактической эры), а спустя столетие неизвестным путем попала на Спику II. Позднее ее приобрела для своей коллекции Андреа Барос, знаменитая актриса эпохи Поздней Республики. Хотя история скульптуры была весьма примечательной, ей явно не хватало качества, и аукционисту с трудом удалось поднять первоначальную цену на тысячу кредитов.

Некоторое время Тай Чонг с отсутствующим видом наблюдала за ходом аукциона, потом обернулась ко мне.

— Останьтесь пока с Гектором. — Было ясно, что гнев ее все еще не рассеялся. — Я сейчас вернусь.

— Надеюсь, досточтимая леди, вы не собираетесь заявлять протест от моего имени?

— Именно это я и собираюсь сделать!

— Мне бы очень не хотелось...

— Но почему? Политика музея не имеет оправданий!

— Досточтимая леди, быть инопланетянином в этом обществе и без того достаточно трудно. Стоит ли привлекать к себе дополнительное внимание жалобами на неуважительное обращение?

— Вы не из тех, с кем мы воюем! Вы из... — Она вдруг запнулась.

— Из послушных?

— Вы принадлежите к виду, с которым у нас всегда были мирные и гармоничные отношения, — неловко закончила Тай Чонг.

— В галактике больше двух тысяч разумных рас, досточтимая леди. И ни один охранник не сможет запомнить их всех. А к тому же Олигархия ведет войну...

— Олигархия всегда с кем-нибудь ведет войну, — перебила меня Тай Чонг.

— При данных обстоятельствах их политика вполне разумна.

— Если не считать того, что лично вас эта политика унижает!

— Личность не имеет никакого значения.

— Только личность и имеет значение! — решительно отрезала Тай Чонг, и я в очередной раз почувствовал, насколько она и в самом деле инопланетянка по отношению к нам, бьорннам.

На нас начали оборачиваться, и Тай Чонг понизила голос, заметив, что мне неприятно быть в центре внимания.

— Извините, Леонардо, я все-таки обязана заявить протест. Оскорбив одного из сотрудников Клейборна, они оскорбили всю фирму. Я должна защищать своих людей, даже если они сами этого не хотят.

Я замолчал, поняв, что дальнейшие споры бесполезны. Тай Чонг отправилась искать директора галереи, а я заставил себя сосредоточиться на торгах.

Следующим был выставлен Яблонский. Услышав стартовую цену в двести тысяч кредитов, я понял, что не ошибся насчет окончательного результата. Частный коллекционер из сектора Антареса вступил в торги на четырехстах пятидесяти тысячах и в конце концов обошел местный музей, купив картину за пятьсот семьдесят пять тысяч.

— Прямо в точку! — восхитился Рейберн. — Вы знаете свое дело, Леонардо.

— Спасибо, друг Гектор!

Я ярко вспыхнул от гордости, несмотря на беспокойство по поводу Тай Чонг.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Так вы в самом деле думаете, что мы сможем взять портрет за пятьдесят тысяч?

Моя окраска неуверенно потускнела.

— Только если автор не приобрел известность на Бортаи или соседних планетах. Иначе цена перевалит и за шестьдесят.

Следующим шел Примроуз; хотя это была вполне зрелая вещь, принадлежавшая к гексагональному периоду, она ушла всего за сто девяносто тысяч, что подтверждало спад интереса к его работам.

Тай Чонг вновь появилась в зале, явно удовлетворенная. Все вместе мы без особого интереса наблюдали, как еще три лота ушли по весьма умеренным ценам.

Затем подошла очередь первой из скульптур Мориты.

— Возможности подиума не позволяют выставить ее здесь, — объявил ведущий, — однако наверняка все присутствующие имели возможность ознакомиться с ней заранее. Работа внесена в наш каталог под номером семь. Это поразительная по красоте мозаика из огненного камня и солнечных кристаллов под названием «Рассвет». Мы начнем торги с полумиллиона кредитов.

Меньше чем за минуту цена подскочила до трех миллионов. Канфорит вступил в торги, предложив четыре миллиона, но в итоге скульптура досталась большому музею с Делуроса VIII — за шесть с половиной миллионов. Тай Чонг заверила меня, что для Мориты это не предел, хотя аукционист объявил, что цена, безусловно, рекорд для Дальнего Лондона, который, впрочем, по его мнению, не продержится дольше сорока минут, когда очередь дойдет до следующей из трех скульптур.

Тай Чонг попыталась купить небольшую голограмму, но уступила канфориту; впрочем, ей удалось приобрести изысканный натюрморт с Терразаны.

Спустя несколько минут Рейберн тронул мое плечо.

— Следующим идет ваш портрет. Попробую поторговаться. — Он помолчал. — Пятьдесят тысяч, не больше, да?

— Таково мое мнение, друг Гектор.

— Портрет неизвестной, — объявил аукционист, когда картину выставили на подиуме. — Автор — Кристофер Килкаллен, прославился как герой космического флота, разгромивший значительно превосходящие силы противника во время восстания Джагона в 4306 году галактической эры.

Он остановился, сверяясь с записями.

— Выйдя в отставку, командор Килкаллен обратился к живописи, и хотя как художник не отличался плодовитостью, его работы выставлены в музеях не только его родной Бортаи, но также Спики II и Лодина XI. Данный портрет предоставлен душеприказчиками покойного Генриха Фолмайра, правителя Мирзама X, с резервом в двадцать тысяч кредитов.

— Этот термин незнаком мне, друг Гектор, — прошептал я.

— Резерв? Значит, владелец или, как в данном случае, его душеприказчики установили минимальную цену картины в двадцать тысяч кредитов и готовы выкупить ее за эту сумму, если никто не предложит больше.

— И галерея получит комиссионные с этой суммы?

— Конечно. Держу пари, что Аргентина III не получит ни кредита из выкупных денег.

Почти минуту в зале стояла тишина, потом Рейберн кивнул одному из помощников ведущего.

— Двадцать тысяч от галерей Клейборна! — объявил аукционист. — Кто предложит двадцать пять? — Он оглядел зал. — Двадцать пять тысяч?

Прошло еще полминуты.

— Последняя возможность! Кто даст двадцать пять тысяч?

Вдруг он улыбнулся кому-то в дальнем конце зала.

— Двадцать пять тысяч от Малькольма Аберкромби! Кто даст тридцать?

Рейберн кивнул.

— Есть тридцать!.. Тридцать пять?

Я посмотрел в конец зала и увидел, как господин с седыми волосами, густыми кустистыми бровями и изрезанным глубокими морщинами лицом поднял четыре тонких пальца, а затем сжал руку в кулак. Старческие пятна на его руке выделялись так резко, что делали незаметным платиновое кольцо на пальце.

— Кто это, досточтимая леди? — спросил я Тай Чонг.

— Малькольм Аберкромби.

— На какой музей он работает? Имя мне ни о чем не говорит.

— Он коллекционер. Я мало что знаю о нем. Он живет на Дальнем Лондоне и слывет отшельником.

— Мистер Аберкромби предлагает сорок тысяч! Кто даст пятьдесят?

Аукционист выжидающе посмотрел на Рейберна. После долгой паузы тот еле заметно кивнул.

— Есть пятьдесят! Кто даст больше?

Аберкромби поднял пять пальцев, сжал кулак и поднял еще один.

Некоторое время аукционист озадаченно глядел на него.

— Прошу прощения, мистер Аберкромби... это пятьдесят один или шестьдесят?

— Выбирайте сами, — громким скрипучим голосом ответил тот.

В зале послышался смех.

— Но я так не могу, сэр, — смутился аукционист. — Будьте добры, уточните ваше предложение.

— Шестьдесят, — заявил Аберкромби под громкие аплодисменты аудитории.

— Итак, шестьдесят тысяч! — провозгласил аукционист, глядя в упор на Рейберна. — Кто даст больше?

— Это предел? — тихо спросил меня Рейберн.

— В качестве вложения капитала — да, друг Гектор.

Он помолчал, потом взглянул на председателя и покачал головой.

— Кто даст шестьдесят пять? — Аукционист без особой надежды обозревал зал, пытаясь уловить в присутствующих признаки интереса. — Последняя возможность!

— Семьдесят пять! — раздался голос из задних рядов, и все взгляды мгновенно обратились туда.

— Семьдесят пять тысяч кредитов от Ройбена Венциа! — провозгласил аукционист.

Маленький смуглый человечек с огромными черными усами кивнул в подтверждение, нервно озираясь по сторонам.

— Это еще что за фрукт? — удивился Рейберн.

Тай Чонг что-то шепотом спросила у своей соседки и выслушала ее ответ.

— Весьма преуспевающий торговец с Деклана IV.

— Еще один коллекционер? — спросил Рейберн.

Тай Чонг снова проконсультировалась с соседкой.

— Он недавно купил картинную галерею в системе Дедала.

— Его дело долго не протянет, если он будет вот так набавлять по двадцать процентов, — насмешливо заметил Рейберн. — И какому идиоту он надеется сбыть картину да еще получить прибыль?

— Сто тысяч от Малькольма Аберкромби! — объявил аукционист.

— Может, он продаст ее Малькольму Аберкромби? — язвительно заметила Тай Чонг.

Венциа быстро подал знак рукой.

— Сто двадцать пять, от мистера Венциа!

Рейберн раздраженно повернулся ко мне.

— В чем дело? Мне кажется, вы говорили пятьдесят-шестьдесят!

— Ну да, друг Гектор. — Я был в полном замешательстве, и моя окраска приняла соответствующий оттенок. — Я затрудняюсь объяснить происходящее.

Я не мог этого объяснить и две минуты спустя, когда цена выросла до трехсот тысяч.

— Она вовсе не настолько хороша! — озадаченно пробормотал Рейберн.

— Леонардо, — обратилась ко мне Тай Чонг, — что вы можете сказать о Килкаллене?

— Я никогда не слышал о нем до сегодняшнего вечера, досточтимая леди.

— А если бы он жил в скоплении Альбиона и его работы тянули на триста тысяч, то слышали бы?

— Вне всякого сомнения.

— Все страньше и страньше*, — задумчиво проговорила она, когда Аберкромби предложил триста семьдесят пять тысяч.

— Кто даст четыреста? — спросил аукционист.

Венциа кивнул. В этот момент к подиуму подошла элегантно одетая девушка и что-то прошептала ведущему.

— Аукцион приостанавливается на шестьдесят секунд, — объявил тот, отыскав глазами смуглого человечка. — Мистер Венциа, не будете ли вы так любезны подойти к подиуму?

Венциа подошел и тут же начал оживленный спор с аукционистом и двумя заместителями директора галереи. Уже через несколько секунд он был вне себя, а еще через мгновение кинулся прочь из зала, буквально побелев от бешенства.

— Предложение четырехсот тысяч, сделанное мистером Венциа, признано недействительным, — объявил аукционист. — Есть желающие продолжить торг? — Он обвел взглядом зал. — Очень хорошо. Картина продана мистеру Малькольму Аберкромби за триста семьдесят пять тысяч кредитов.

Под аплодисменты зала Аберкромби вышел вперед, чтобы расписаться за покупку.

— Просто бессмыслица какая-то, — пробормотал Рейберн. Внезапно он повернулся к Тай Чонг. — Я хочу еще раз посмотреть на картину!

— Пожалуйста.

— Можно я возьму с собой Леонардо?

— Пожалуй, без него не обойтись. В конце концов, это он делал оценку.

— Пойдемте, Леонардо.

Рейберн поспешно вышел в узкую боковую галерею, временно превращенную в приемную. Я последовал за ним.

Венциа оказался там еще прежде нас. Он был занят спором с Аберкромби, вид которого выражал подчеркнутое равнодушие.

— Вам просто повезло! — возмущался человечек с усами.

* Фраза из «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла. — *Примеч. ред.*

— Я не виноват, что на вашем здешнем счету не хватило денег, — сухо отрезал Аберкромби.

Он крепко сжимал картину в руках, словно опасаясь, что Венциа выхватит ее.

— Триста пятьдесят тысяч? Да этого хватило бы еще на полдюжины Килкалленов!

— Значит, не хватило.

— Но я хочу понять! — настаивал Венциа. — Мы с вами отлично знаем, что чертов портрет не стоит и шестидесяти тысяч!

— Почему же тогда вы предлагали за него четыреста?

— Это мое дело!

— Тогда при чем тут я? — резонно возразил Аберкромби.

— Послушайте, я даю вам за картину полмиллиона кредитов. Прямо сейчас.

— У вас нет полумиллиона.

— У меня нет полумиллиона здесь, на планете, — вздернул подбородок Венциа. — Но я могу предоставить поручительство моего банка.

— Ваше предложение меня не интересует. — В тоне Аберкромби появились нотки раздражения. — А теперь убирайтесь, не то я попрошу охрану проводить вас. У меня дела.

Некоторое время Венциа злобно сверлил его взглядом, потом развернулся и гордо зашагал к выходу.

Аберкромби заметил Рейберна и уставился на него в упор.

— Вы что, тоже явились, чтобы обвинить меня в жульничестве?

— Ни в коем случае, мистер Аберкромби, — поспешил ответить Рейберн, выступая вперед. — Я лишь заглянул, чтобы поздравить вас с удачной покупкой.

— Она оказалась чертовски дорогой, — буркнул Аберкромби, не обращая внимания на протянутую руку Рейберна.

— Почти на семьсот процентов дороже, чем предполагали мы, — согласился Рейберн. — Почему вы ее купили?

— Потому что мне так захотелось! И если у вас есть еще вопросы, то выкладывайте их побыстрее. Мне еще надо организовать доставку картины домой.

— Вы не будете возражать, если мой коллега еще раз взглянет на нее?

— Ваш коллега, вот как? — протянул Аберкромби. Он пренебрежительно ткнул пальцем в мою сторону. — Вы имеете в виду вот это?

— Его имя Леонардо. Это наш эксперт по скоплению Альбиона.

Я отвесил формальный поклон и подошел поближе.

— Все, стоп! — угрожающе произнес Аберкромби, когда я приблизился футов на десять.

— В чем дело, друг Малькольм? — удивился я.

Его холодные голубые глаза пристально разглядывали меня.

— Не терплю инопланетян. И не желаю иметь с ними ничего общего.

— Что ж, осмотрю холст отсюда, друг Малькольм.

— Я тебе не друг, — отрезал Аберкромби.

Некоторое время я изучал портрет. Потом Рейберн спросил:

— Ну как, вы изменили свое мнение, Леонардо?

— Нет, друг Гектор. Не изменил.

— Все, — сказал Аберкромби. — Если вы закончили, мне пора.

— Мы закончили, — ответил Рейберн.

Аберкромби принялся руководить упаковкой картины.

— Вы уверены, что никогда раньше не видели работ Килкаллена? — обернулся ко мне Рейнберн.

— Совершенно уверен, друг Гектор.

— А она не похожа на работы какого-нибудь другого автора из Альбиона, который мог бы стоить таких денег?

— Нет, друг Гектор.

— Но послушайте, Леонардо! Два разных человека оценили этот холст дороже трехсот пятидесяти тысяч, и прежде, чем покупать что бы то ни было из скопления Альбиона, я хочу знать, почему их оценка так отличается от вашей. Конечно, мистер Аберкромби, как коллекционер, мог просто охотиться за одной определенной картиной. Но Венциа — другое дело, он хозяин галереи! Поэтому я опять задаю вам тот же вопрос: есть ли сходство между этой работой и какой-

нибудь другой картиной из скопления Альбиона, которую можно продать за шестизначную сумму?

— Никакого, друг Гектор. Не хочу обидеть друга Малькольма, но эта картина просто не стоит таких денег. Пожалуй, единственное, чем она похожа на более ценные произведения, — это поразительное сходство изображаемого объекта с одной голограммой с Байндера X, которая была продана около двух лет назад за сто пятьдесят тысяч кредитов.

Аберкромби резко обернулся ко мне.

— Какой объект? Модель?

— Да, друг Малькольм.

— А ты видел эту модель раньше?

— Не знаю, друг Малькольм. Модель голограммы с Байндера X необыкновенно похожа. Но точно такое же сходство я наблюдал и на холсте с Патагонии IV, а эта планета была покинута населением за 308 лет до того, как родился Килкаллен.

— Может быть, тебе все люди кажутся одинаковыми? — заметил Аберкромби.

Я почувствовал, что он внимательно следит за моей реакцией.

— Нет, друг Малькольм. Я четко вас различаю. Иначе я не мог бы специализироваться на человеческом искусстве скопления Альбиона.

Он долго не отводил от меня глаз. Я ощущал его внутреннее предубеждение против меня, хотя не мог найти этому никакого логического объяснения. Наконец он повернулся к Рейберну.

— Я хотел бы переговорить с вами наедине.

— Почему бы и нет? — ответил Рейберн. — Леонардо, вернитесь пока к мадам Чонг, я приду через пару минут.

— Хорошо, друг Гектор, — ответил я, радуясь, что избавлюсь наконец от неприятного общества Аберкромби.

— А где Гектор? — спросила Тай Чонг, увидев, что я вернулся один.

— Он беседует с мистером Аберкромби, который, похоже, испытывает глубокую неприязнь ко мне. Но я, право же, ничем не оскорбил его, досточтимая леди.

— Я уверена в этом, Леонардо, — успокоила она меня. — Надеюсь только, что вы не будете судить обо всех людях по сегодняшнему вечеру.

— Я вообще их не сужу, досточтимая леди.

— А между тем стоило бы.

Она замолчала, рассеянно наблюдая за торгами. Небольшой трехмерный космический пейзаж с Фамаалики II ушел по весьма умеренной цене, а ранний Каматхи был продан несколько дороже, чем я предполагал, принимая во внимание грубость его линий.

Вернулся Рейберн. Выражение его лица было странным.

— Ну что? — спросила Тай Чонг.

— Он сделал нам предложение. Черт побери, я о таком еще не слыхивал!

— Какое же?

— Погодите. — Он обернулся ко мне. — Леонардо, скажите мне, но честно: что вы думаете о Малькольме Аберкромби?

— Я думаю, что он, должно быть, находится в сильном напряжении из-за аукциона, друг Гектор.

— Ну-ну, — хмыкнул Рейберн. — Я сказал — честно!

— Я думаю, что это ксенофоб с ограниченным мышлением, который совершенно не разбирается в рыночных ценах на произведения искусства.

Сказав это, я ощутил, что моя окраска приняла оттенок Абсолютной Честности.

Рейберн усмехнулся:

— Вот это уже ближе. Он думает о вас еще хуже.

— А можно по существу, Гектор? — раздраженно бросила Тай Чонг.

— А существо дела, мадам Чонг, состоит в следующем: Малькольм Аберкромби только что предложил галереям Клейборна сделать выбор между рисунком тушью ранней эпохи Сабаи и пятьюдесятью тысячами кредитов.

— Что он хочет взамен?

Рейберн весело улыбнулся:

— Получить на неделю Леонардо.

3

Одинокий и несчастный, я сидел в кабинете Малькольма Аберкромби.

Прибыв почти за десять минут до назначенного времени, я провел девять из них на шумной оживленной улице, оценивая смелые конструкции его огромной резиденции, математическую точность линий регулярного парка, изящество и красоту двух больших каменных фонтанов, украшавших западное и восточное крыло здания.

Решив наконец, что теперь не причиню беспокойства, прибыв раньше времени, я ступил на автоматическую дорожку, приготовившись, что она мгновенно доставит меня к парадной двери. Однако она не двинулась с места. Меня охватила паника. До дома было почти пятьсот футов, и при моих физических данных и довольно большой силе тяжести на Дальнем Лондоне я никак не мог преодолеть это расстояние за оставшуюся минуту. Встреча была назначена заранее, у меня было целых три дня, чтобы подготовиться, и все-таки я умудрился опоздать! Пришлось пойти пешком — другого выхода не было, но едва я сделал первый шаг, как дорожка ожила, и механический голос деловито осведомился, куда меня доставить: к парадной двери, служебному входу или к крылу для гостей.

— К парадной двери, пожалуйста, — с громадным облегчением попросил я.

— Извините, — произнес бесстрастный голос, — программа не позволяет мне доставлять представителей чужих рас к парадной двери. Выберите другой вариант, пожалуйста.

— У меня назначена встреча с мистером Аберкромби, и я пока не знаю, гость я или слуга.

— Программа не позволяет мне доставлять представителей чужих рас к крылу для гостей. Хотите ли вы войти через служебный вход?

— Да. И поскорее, пожалуйста! Я должен быть там через тридцать секунд.

— Программа позволяет мне двигаться лишь с одной скоростью. Пожалуйста, приготовьтесь — движение начнется через десять секунд.

Я вздохнул, пошире расставил ноги, и дорожка медленно и плавно двинулась к дому.

— Вы не можете сойти здесь, — объявил голос возле парадной двери и повторил то же самое, когда мы огибали восточное крыло здания.

Наконец, когда дорожка остановилась перед простой дверью без всяких украшений, я получил разрешение сойти.

В прихожей ко мне сразу же подкатился изящно сделанный робот с сияющей полированной поверхностью. Это был третий по счету робот, которого я увидел на Дальнем Лондоне.

— Леонардо?

— Да.

— Вас ожидают. Пожалуйста, следуйте за мной.

Робот развернулся и покатил по коридору, украшенному деревянными панелями. Остановившись у одной из дверей, он подождал меня.

— Пройдите в кабинет. Мистер Аберкромби скоро к вам присоединится.

Я был настолько рад, что мое опоздание прошло незамеченным, что почти не обратил внимания на болезненное чувство, охватившее меня, как только закрылась дверь и я остался один в комнате. С любопытством осматриваясь по сторонам, я ждал, что с минуты на минуту появится Малькольм Аберкромби.

Однако прошло целых сорок пять минут, и ощущение одиночества и беззащитности стало почти непереносимым.

Кабинет вполне соответствовал моим представлениям о его хозяине — холодный, богатый и надменный. Это была большая комната — даже слишком большая, с несколькими входами. Я с удивлением отметил, что на стенах нет ни картин, ни голограмм. Прямо перед собой я увидел письменный стол из твердого дерева с полированной поверхностью, на котором, кроме пепельницы и письменных принадлежностей, явно никогда не использовавшихся, не было ничего — ни бумаг, ни компьютера. Рядом со столом стоял высокий и узкий стул. Подойдя ближе, я заметил, что на стул положена подушечка, чтобы Аберкромби было удобнее сидеть. Вдоль одной из стен выстроились в ряд еще три стула с высокими спинками —

обитые кожей, дорогие, но неудобные. Между ними на постаменте из оникса стояла хрустальная чаша альтаирской работы. Сквозь ряд окон позади стола открывался вид на сад — полгектара тщательно подстриженных кустарников, образующих сложный лабиринт.

Чтобы чем-то занять мысли, все время вертевшиеся вокруг моего одиночества, я снова стал думать о том, как лучше обращаться к хозяину дома. Он уже дал понять, что диалект Симпатии ему неприятен, а поскольку я не добивался этой встречи, то диалект Просителей неуместен. Проблема состояла в том, что я не знал, был ли я гостем, что требовало бы диалекта Почетных Гостей, или же платным консультантом, который имеет право говорить на диалекте Равных. И, конечно же, оставалась вероятность, что я окажусь всего лишь временным работником, который должен обращаться к хозяину на диалекте Ремесленников или (в случае, если наше общение будет лишь формальным) на Деловом диалекте.

Я все еще размышлял над этой проблемой, когда дверь отворилась и вошел Малькольм Аберкромби. В одежде коричнево-янтарных тонов он выглядел великолепным дополнением интерьера. Изо рта у него торчал массивный золотой мундштук с ароматной спикской сигаретой. Аберкромби направился прямо к столу, сел, затянулся в последний раз, вынул сигарету и погасил ее в пепельнице. Затем откинулся на спинку стула, переплетя пальцы на животе, и пристально посмотрел на меня. Я стоял не шевелясь и старался выглядеть невозмутимым.

— Итак, Леонардо? — нарушил он тишину.

— Совершенно верно, Малькольм.

Он нахмурился:

— Зови меня мистер Аберкромби.

Итак, с диалектом Равных тоже покончено. Я сразу же перешел на диалект Ремесленников:

— Как вам будет угодно, мистер Аберкромби. Поверьте, я не хотел вас обидеть!

— Я дам тебе знать, когда обижусь. — Он снова окинул меня взглядом. — Вижу, тебе неудобно... Пристраивайся где-нибудь.

— Простите?

— Возьми стул! — На его лице появилась недовольная гримаса. — Или вашей расе больше нравится стоять? Как хочешь, мне все равно.

Я посмотрел на три стула с прямыми спинками, что стояли вдоль стены.

— Может, пододвинуть стул поближе к столу, чтобы нам было удобнее беседовать?

— Пусть стоит так! — резко бросил он. — Будем говорить громче если что.

— Как пожелаете, — согласился я, осторожно усаживаясь на стул.

— Наверное, я должен предложить тебе выпить. — Он задумался. — Вы как вообще — пьете что-нибудь?

— Я уже принял дневную порцию воды. А человеческие возбуждающие средства несовместимы с моим обменом веществ.

— Тем лучше. — Он все еще рассматривал меня. — А знаешь, ты ведь первый из инопланетян, кого я пустил в свой дом.

— Это большая честь, мистер Аберкромби.

У меня мелькнула мысль, что диалект Ремесленников и в самом деле подходит больше других — ведь диалект Равных не позволяет лгать из вежливости.

— Первый, не считая пары слуг, которые мне не подошли, — добавил он. — В конце концов, пришлось дать им пинка под зад.

— Мне очень жаль, что так вышло, сэр.

Он пожал плечами.

— Я сам виноват. Не надо было нанимать инопланетян.

— Но меня вы наняли, — заметил я.

— Временно.

Некоторое время мы молчали. Потом он вставил в мундштук еще одну сигарету и закурил.

— А с какой стати тебе понадобилось имя Леонардо?

— В юности я мечтал стать художником и всегда носил с собой папку со своими работами. Когда я попал в галереи Клейборна по программе обмена, кое-что показал Гектору

Рейберну. Ему понравилась интерпретация «Моны Лизы» Леонардо да Винчи в стиле Твейна, и он решил называть меня Леонардо, потому что мое настоящее имя для людей непроизносимо.

— Дурацкое имя, — хмыкнул Аберкромби.

Диалект Ремесленников не позволяет возражать на подобные категоричные заявления в разговоре с работодателем. Поэтому я промолчал.

— Оно подходит человеку — бородатому и забрызганному краской, но никак не кошмарному уроду, полосатому как леденец, с оранжевыми глазами и носом набок!

— Последнее — лишь необходимая деталь моей Окраски, — объяснил я. — Мое дыхательное отверстие расположено между глазами. Вам, вероятно, плохо видно с такого расстояния.

— Оставим расстояние как есть! — фыркнул он. — Лицезреть твой нос — не главная цель моей жизни.

— Я останусь здесь, — заверил я его. — Можете не бояться.

— Бояться?! — взревел Аберкромби. — Да я убил столько инопланетян, что сбился со счета! Я участвовал в сражении на Канфоре VI и провел три года на Раболианской войне. Пускай мне иногда приходится терпеть наглых уродов, которые цепляют на себя человеческую одежду, учат земной язык и прикидываются людьми, но я не обязан делать вид, что мне это нравится, и ходить с ними под ручку! Сиди где сидишь и проблем у нас не будет!

Он испытывал настолько явное отвращение к моей особе, что мне стало еще более любопытно, зачем я ему понадобился. Я попытался выяснить это, коснувшись темы так деликатно, как только позволял диалект Ремесленников. Мне удалось четко сформулировать вопрос лишь с третьей попытки.

— Есть причины. Думаю, ты можешь мне понадобиться, — ответил он.

— В каком качестве?

— Кто здесь наниматель, я или ты? — рассердился он.

— Конечно, вы, мистер Аберкромби.

Он облокотился о стол и хитро взглянул на меня.

— Как ты думаешь, сколько я стою?

— Не имею понятия, — ответил я удивленно.

— Почти шестьсот миллионов кредитов. — Он внимательно следил за моей реакцией. — Справишься с работой — увидишь, что я умею быть щедрым. Даже с вашим братом. Но имей в виду, — глаза его угрожающе сверкнули, — если только попытаешься меня надуть, я окажусь самым злобным сукиным сыном, с каким тебе приходилось иметь дело! Попробуешь стянуть одну-единственную пепельницу — и я потрачу все эти шестьсот миллионов до последнего кредита, чтобы тебя прищучить. Понял?

К счастью для нас обоих, я говорил не на диалекте Равных, иначе мой ответ был бы весьма обидным, а реакция собеседника оказалась бы, по всей вероятности, чрезвычайно болезненной для моего тела. Я лишь заметил:

— Бьорнны никогда не крадут, мистер Аберкромби. Это противозаконно и аморально.

— Так же, как и война, тем не менее все воюют, — возразил он. — Я собирал свою коллекцию сорок лет и хочу немного больше знать о тебе, прежде чем подпущу к ней.

— Если вы так беспокоитесь за сохранность коллекции, то, может быть, нет смысла вообще мне ее показывать?

— Есть смысл.

— Без сомнения, у вас есть система охраны.

Мой цвет потемнел от волнения. Неужели я все-таки увижу это легендарное частное собрание?

— Инопланетянам не впервой обходить системы, рассчитанные на людей. — Аберкромби вдруг подозрительно нахмурился. — Почему ты все время меняешь цвет?

— Только яркость — сам цвет не меняется.

— Ты понял вопрос!

— У бьорннов это непроизвольное отражение эмоционального состояния, — объяснил я.

— А что конкретно твой цвет отражает сейчас?

— Что мне не терпится увидеть вашу коллекцию. Надеюсь, яркость моего цвета не беспокоит вас?

— Меня беспокоит все, чего я не понимаю. А полосы? Они тоже меняются?

— Нет, это отличительные элементы Окраски Дома Крстхионн. Так же как знак на моем лице, о котором вы упомянули раньше.

— Что-то вроде татуировки?

— Да, — солгал я.

Стоит ли распространяться о тонкостях наследственной окраски, если собеседник презирает всех, кто окрашен иначе, чем он сам?

— И в каком возрасте ты получил свои полосы? — спросил он с любопытством.

— В очень раннем.

— Когда вступил в этот самый Крстхионн?

— Нет, мистер Аберкромби. — Я старался говорить проще и не слишком удаляться от истины. — Я стал членом Дома Крстхионн после того, как обрел свою Окраску.

— Такой обряд инициации?

— Не совсем.

Он решил подойти с другой стороны:

— А твоя жена? У нее тоже есть окраска?

— Да.

— И какая же?

— Думаю, в точности как моя. Сам я никогда ее не видел.

Он удивленно моргнул:

— Так ты что, никогда не видел собственной жены?

— Нет, мистер Аберкромби.

— А когда-нибудь увидишь?

— Конечно. Иначе как же мы будем воспроизводиться?

— Понятия не имею! Откуда мне знать, как ваша раса «воспроизводится»!

— Я могу объяснить.

— Избавь меня от подробностей!

Черты лица его исказились в презрительной гримасе.

— Как вам угодно. Я не хотел быть невежливым. Для бьорнна акт воспроизводства — естественная функция, так же как прием пищи и выделение.

— Все, хватит! — рявкнул он. — Ты здесь не для того, чтобы рассказывать, как вы посещаете сортир!

— Да, мистер Аберкромби.

— Это отвратительно и противоестественно.

— Очень жаль, что вы так думаете, — возразил я. — Вероятно, я некорректно выразился.

Он задумчиво посмотрел на меня:

— А тебя никак не назовешь вспыльчивым, верно?

— Не понимаю вас, мистер Аберкромби.

— Попробовал бы кто-нибудь так разговаривать со мной! Я бы просто плюнул ему в физиономию и ушел!

— Вы предложили галереям Клейборна плату за мои услуги. Я опозорил бы свой Дом, если бы не исполнил своих обязательств.

— Но тебе ведь хочется мне врезать? — усмехнулся он.

— Нет, мистер Аберкромби. Не думаю, чтобы мне это понравилось.

— Боже мой! — презрительно скривился он. — Канфориты — так те хоть дрались. Что же это за бьорнны такие?

— Возможно, дело в том, что бьорнны, в отличие от людей и обитателей Канфора VI и Канфора VII, происходят не от плотоядных животных и потому лишены агрессивных черт.

Он еще раз взглянул на меня и пожал плечами.

— Ладно. Перейдем к делу.

— Значит, мои ответы вас удовлетворили?

— Не особенно. Но я убедился, что у тебя просто не хватит духу меня обворовать. — Он встал из-за стола. — Иди за мной.

— На каком расстоянии? — поинтересовался я, помня о запрете приближаться к нему.

— Заткнись и пошли, — проворчал он, идя к двери.

Я догнал его, и мы вышли в просторную светлую галерею размером примерно семьдесят на двадцать футов. На стенах, отделанных темным деревом, висело около пятидесяти картин и голограмм, работы признанных мастеров.

— Изумительно! — воскликнул я, любуясь пейзажем Рамотти из ее позднего пурпурного периода. — Какие изящные мазки!

— Тебе знакомы все эти картины? — спросил Аберкромби.

— Нет, — признался я. — Некоторые из них я вижу впервые.

— Но авторов ты знаешь?

Я посмотрел по сторонам.

— Да.

— Три из них фальшивые. Найди какие.

— Сколько у меня времени? — спросил я.

— Сколько хочешь. — Он прищурился. — А ты снова засветился!

— Люблю трудные задачи, — объяснил я.

Через мгновение мой цвет снова потускнел, едва я осознал, насколько эгоцентричным было это высказывание.

Я обошел галерею, останавливаясь перед каждой картиной и голограммой и анализируя их так быстро, как только мог. Наконец я вернулся к Аберкромби, предусмотрительно остановившись в десяти футах от него.

— Вы хотели обмануть меня, мистер Аберкромби, — улыбнулся я. — Здесь не три, а четыре подделки.

— Как это, черт побери?

— Портрет Скарлоса, натюрморт Нгони, голограмма Перкинса и обнаженная Менке — это все дубликаты.

— Да я отдал за Нгони восемьсот тысяч!

— Значит, вас ввели в заблуждение, — вежливо сказал я. — Нгони жил на Новой Кении пять столетий назад, а краске не более трехсот лет.

— Откуда ты знаешь?

Я попытался объяснить, как бьорнны анализируют химический состав краски, а также структуру холста, дерева и голографических материалов, но поскольку инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны находятся за пределами возможностей человеческого глаза, Аберкромби едва ли мог что-то понять. К тому же ни один диалект не мог передать смысл соответствующих терминов через земные эквиваленты — последних попросту не существовало.

— Ладно, — сдался Аберкромби. — Поверю тебе на слово. — Он на мгновение задумался. — Пошлю его в «Одиссей»; если не пройдет экспертизу, мой агент на Новой Кении пожалеет, что родился на свет.

— А насчет остальных трех я прав?

Он кивнул.

— В таком случае могу я предположить, что нужен вам для определения подлинности ваших покупок — уже сделанных или предполагаемых?

— Нет. Просто я хотел убедиться, что ты знаешь свое дело, — сказал он. И помолчав, неохотно добавил: — Все в порядке.

— Спасибо, мистер Аберкромби!

— Теперь пойдем дальше.

Он открыл дверь в конце галереи, и я вошел вслед за ним в маленькую комнату. Впрочем, маленькой она была лишь по масштабам этого дома. В помещении без окон находились семнадцать картин, пять голограмм, а также пара камей изысканной работы и небольшая статуя. На всех была изображена женщина с портрета Килкаллена.

— Ну, как? — спросил Аберкромби, дав мне бегло осмотреть коллекцию.

— Весьма впечатляюще, — ответил я, и мой цвет опять стал ярче. — Мне кажется, что четыре картины написаны еще до галактической эры.

— Точно. А статуя — так даже до рождества Христова.

— К какой религии она принадлежит?

— Ни к какой.

Я задумался:

— Если одна и та же женщина появляется в изображениях, разделенных многими тысячами лет и триллионами миль, то разве это не значит, что она представляет собой чрезвычайно крупную мифическую фигуру в истории вашей культуры?

— Она не имеет никакого отношения к истории моей культуры, — твердо заявил Аберкромби.

— Тогда как объяснить, что ее изображали в таком множестве произведений искусства?

— Не имею ни малейшего понятия.

— В высшей степени любопытно, — заметил я, отступая на шаг и сравнивая три ближайшие картины. — Несомненно, это одна и та же женщина. Всегда в черном и всегда с незабываемо печальным лицом.

— Надеюсь, ты не думаешь, что она позировала для каждого из портретов? — раздраженно спросил Аберкромби. — Между самым первым и самым последним — семь тысяч лет! Среди людей встречаются крепкие орешки, но рано или поздно умирают все. Как правило, рано.

— Я просто думаю, что существует один общий источник, древняя картина или скульптура, а остальные — лишь его интерпретации.

— Может быть, — с сомнением протянул он. — Только я, как ни бился, так и не нашел его.

Я еще раз не торопясь обошел комнату, рассматривая каждую работу.

— У них есть еще одна интересная общая черта.

— Какая?

— Здесь нет ни одного художника с именем.

— Тебе что, никогда раньше не попадался ни один из этих авторов? — с удивлением спросил он.

— Нет.

— А Килкаллен?

— До аукциона я ни разу не слышал о нем.

— Тогда как же ты мог оценить его в пятьдесят тысяч?

— По возрасту картины, месту происхождения, школе и качеству, а также принимая во внимание сравнительную неизвестность автора, — объяснил я.

С минуту Аберкромби, казалось, обдумывал мой ответ, потом кивнул.

— Что-нибудь еще общее в них ты заметил?

— Кроме вас, их больше ничего не связывает. — Я сделал паузу, раздумывая, не обидится ли он на мой следующий вопрос, и все-таки решился его задать. — Мистер Аберкромби, могу я спросить, почему они вас интересуют? Присутствие одной и той же модели в таком количестве портретов — конечно, довольно интригующее обстоятельство, но я должен заметить, что многие из них написаны грубо и непрофессионально.

— Я коллекционер, — заявил Аберкромби с оттенком воинственности.

— Тогда эта женщина все-таки что-то для вас значит.

— Мне нравится ее лицо.

— Лицо красивое, — согласился я, — однако у вас наверняка есть и другие причины.

— Почему ты так думаешь?

— Два дня назад вы предложили триста семьдесят пять тысяч за картину, которая стоит не больше пятидесяти.

— Ну и что?

— Просто мне кажется, что кроме ее красоты есть что-то еще, что заставило вас выложить столько денег.

Он с минуту сверлил меня взглядом.

— Мне восемьдесят два года, здоровье все хуже, жена умерла, а оба сына убиты в Сеттской войне. Я не видел свою дочь и не говорил с нею почти тридцать лет, свою единственную внучку я терпеть не могу, а стою я шестьсот миллионов кредитов! Что, по-твоему, мне делать с деньгами — оставить женщине, которую я не узнал бы на улице, или другой, которую на дух не переношу?

Я невольно попятился от него, пораженный легкости, с какой этот человек способен отречься от священных принципов Дома и Семьи.

— Пятьдесят тысяч, триста семьдесят пять тысяч — мне плевать, — продолжал он. — Я дал бы за Килкаллена пять миллионов, если бы понадобилось. Я могу позволить себе купить все, что хочу, а в могиле от моих денег толку уже не будет! — Он перевел дух. — И вот чем ты можешь мне помочь.

— Да, мистер Аберкромби?

— Ты говорил, что раньше уже видел эту модель, — он указал на картины, — причем дважды.

— Совершенно верно.

— Картина и голограмма — так?

— Да. Картина — с Патагонии IV, хотя купил ее кто-то с Новой Родезии, а голограмма — с Байндера X.

— Я хочу их получить. И все остальное, что тебе удастся отыскать.

— Мне ничего не известно о других, мистер Аберкромби.

— Они наверняка есть, — убежденно заявил он. — Я охочусь за ними двадцать пять лет, и ничего не знал о тех двух, что ты видел.

— Я даже не представляю, как подступиться к этому делу.

— Начни с тех двух. Ты знаешь, где их продали, и можешь узнать, кто купил их.

— Ну хорошо, пускай я их найду, — возразил я. — Но это еще не значит, что новые владельцы согласятся с ними расстаться.

— Продадут, не бойся, — усмехнулся Аберкромби. — Твое дело найти, а уж я-то сумею их заполучить. — Он воинственно выпятил подбородок. — А потом мы займемся остальными!

— Я сильно сомневаюсь, что за неделю смогу найти даже те две работы, мистер Аберкромби.

— Найдешь за месяц. Какая разница?

— Но ведь вы нанимаете меня только на неделю!

— Я нанимаю тебя на столько, сколько мне понадобится, — отрезал он.

— У меня обязательства перед галереями Клейборна, — возразил я.

— Галереи Клейборна предоставь мне.

— Не хочу показаться невежливым, мистер Аберкромби, однако я прибыл на Дальний Лондон по программе обмена и должен...

— Послушай, — прервал он меня, — если мне придется купить Клейборна со всеми потрохами, я это сделаю, но добьюсь своего! Ясно?

Я не знал, что ответить, и промолчал.

— Я тебе хорошо заплачу, — продолжал он уже мягче. — Расходы и все остальное, цифру назови сам.

— Я прибыл, чтобы приобрести знания о методах работы галерей Клейборна и затем передать их остальным членам моего Дома. Одновременно один из людей-служащих Клейборна проходит обучение в Доме Крстхионн.

— Твой Дом занимается всем этим, чтобы заработать деньги, так?

— Да, конечно.

— Я буду платить ему по десять тысяч кредитов за каждый месяц, что ты на меня работаешь. Это не считая твоего персонального оклада. Ну, нет проблем?

— Не знаю... — Мой цвет лихорадочно пульсировал. — Мне надо тщательно обдумать ваше предложение.

— Я тебе помогу. Если ты отказываешься, я тут же тебя увольняю. Потеряешь работу, а твой Дом не получит денег. Ну как, не боишься опозорить драгоценный Крстхионн?

— Я уверен, что вы не сделаете этого, мистер Аберкромби!

Он устремил на меня ледяной взгляд:

— Давай проверим! Я никогда не угрожаю попусту. И всегда получаю то, что хочу.

— Тогда у меня нет выбора, — упавшим голосом ответил я. — Я вынужден принять ваше предложение.

— Отлично! Договорились. Сегодня я свяжусь с Рейберном и поставлю его в известность.

— Гектор Рейберн — служащий, как и я. Должность управляющего галереями Клейборна занимает Тай Чонг.

— Мадам Чонг, — скривился он. — Как же, слыхал.

— Она очень хорошо знает свое дело.

— А также любит лить слезы по поводу инопланетян. Даже забывает иногда, к какой расе принадлежит сама.

— Вы не смеете так отзываться об этой достойной леди! — как можно тверже заявил я.

— Ого! — улыбнулся Аберкромби. — Стало быть, капелька гордости у тебя все-таки есть. Послушай моего совета, Леонардо, прибереги ее для себя и не трать на эту дамочку. Она то, что я называю «друг по выходным» — самый худший вариант, поверь мне!

— Не понимаю вас.

— Мадам Чонг из тех, кто прилетает в ваш мир развеяться на пару дней, расхаживает с вами вместе по улицам с лозунгами, требуя всей этой ерунды, что вы обычно добиваетесь, и затем отбывает домой. В понедельник утром высаживается космическая пехота, и начинается мясорубка, — а она в это время прохлаждается дома на Дальнем Лондоне, чувствуя себя героиней, и гадает, кого бы еще освободить в следующие выходные!

— Я не хочу больше этого слушать! — в отчаянии воскликнул я, переливаясь всеми оттенками цвета. — Досточтимая леди всегда была ко мне добра и предупредительна!

— Доброту не положишь на банковский счет и не отправишь домой. А я плачу тебе звонкой монетой! И нечего мне указывать, что говорить и чего не говорить в моем собственном доме!

Я промолчал.

— Ну все, договорились, — заключил он.

— Когда мне начинать? — едва слышно произнес я.

— Ты уже начал.

— Но я должен получить разрешение мадам Чонг!

— Я позабочусь об этом.

— Но...

— Ты мне не доверяешь? — Его глаза сузились.

— Что вы, мистер Аберкромби! — поклонился я, беспомощно вздыхая. — Где я буду работать?

— Решай сам. Нужна библиотека — иди туда. Если надо лететь в скопление Альбиона — лети. Хочешь что-то купить — покупай. Все пиши на мой счет. Я позвоню в банк и сообщу им твои данные.

— А если я захочу изучить вашу коллекцию?

— Я проинструктирую роботов пускать тебя в любое время, днем и ночью — но только для осмотра коллекции. Остальной дом для тебя закрыт. Понятно?

— Да, мистер Аберкромби.

— И еще.

— Да?

— Тот человек по имени Венциа, который давал триста пятьдесят тысяч за Килкаллена... Он пошел бы и дальше, если бы не запутался со счетом. Попробуй-ка выяснить, что он хочет!

— Может, его тоже привлекает лицо модели?

— Сомневаюсь.

— Извините, но почему?

— Потому что он ни разу не пытался у меня что-нибудь купить. А ведь я никогда не держал своих покупок в тайне.

— Я попробую выяснить, мистер Аберкромби.

— Постарайся, — сказал он, отпуская меня.

Вот как случилось, что я покинул службу у Тай Чонг, которая сочувствовала всем расам, и поступил к Малькольму Аберкромби, презиравшему все расы до одной, включая, как мне кажется, и свою собственную.

4

Дорогая Мать по Окраске!

Первые шесть недель моей службы у мистера Аберкромби были весьма богаты событиями, и теперь, вновь оказавшись на Дальнем Лондоне, я хочу изложить Вам все подробности. Но я полагаю, что прежде должен рассказать Вам о самом мистере Аберкромби, поскольку Вы выражали некоторые опасения, ознакомившись с моими первыми впечатлениями от нового хозяина.

Человек он и в самом деле в высшей степени необычный. Сначала я думал, что это расовый фанатик, но ошибся. Вернее всего было бы сказать, что ему одинаково неприятны все расы, включая человеческую. Тем не менее я больше не испытываю дискомфорта в его обществе — вероятно, потому, что со мной он ведет себя не холоднее, чем со всеми окружающими его людьми, включая собственную внучку. И словно чтобы опровергнуть эту оценку, порой мистер Аберкромби бывает невероятно щедр и внимателен, хотя при этом терпеть не может благодарностей и чрезвычайно резко реагирует на попытки как-то выразить признательность.

Вот пример — мне предстояло отправиться на Байндер X для выполнения некой миссии. Дальний Лондон мало торгует с Внутренней Границей, и пассажирский корабль отправляется в те края лишь раз в неделю. Когда я обратился в кассу, мне сказали, что все места второго класса уже проданы, а каюты первого класса — не для инопланетян (так люди обозначают все остальные расы — довольно любопытно, если учесть, что на миллионе планет человек сам инопланетянин). И это притом, что половина таких кают была свободной и я мог оплатить любую из них.

Когда я доложил о проблеме мистеру Аберкромби, он сделал один-единственный звонок — и я тут же получил не то что каюту, а двухкомнатные апартаменты!.. Это было настолько щедро, что я так и не решился признаться, что сразу после старта покинул свой роскошный номер и провел большую часть полета в салоне второго класса, общаясь с пассажирами неземных рас. Да и как бы я объяснил ему, что та-

кое тепло и безопасность Стада — ведь он не понимает самой идеи Дома! Когда же я стал благодарить мистера Аберкромби за помощь в этой унизительной, по человеческим понятиям, ситуации, он ответил, что я его служащий и оскорбительной ситуация была для него. Так что беспокоило его вовсе не обращение с инопланетянами как с существами низшего порядка — с этим как раз он был совершенно согласен, — но он не потерпит ни в коем случае неуважительного отношения к слугам Малькольма Аберкромби, даже если речь идет обо мне.

Этот человек воистину соткан из противоречий! Он один из богатейших людей на Дальнем Лондоне и может купить все, что пожелает, однако мне кажется, что это не доставляет ему никакого удовольствия. Его познания в искусстве по меньшей мере ограниченны, и тем не менее он потратил на приобретение коллекции значительную часть своего состояния.

Большинство людей отказываются использовать роботов или служащих других рас, боясь влияния первых и с презрением относясь к последним, а у мистера Аберкромби домашнее хозяйство ведут три робота, и единственное разумное существо, которое имеет доступ в дом, — это я.

Он пожертвовал огромные средства местному госпиталю от имени погибшего сына и в то же время не доверяет врачам до такой степени, что предпочитает страдать от крайне болезненной опухоли в нижней части позвоночника, но не дает согласия на ее удаление.

Он никогда не упоминает в разговоре своих покойных сыновей, хотя я совершенно уверен, что он любил их, и постоянно говорит о своей дочери и внучке, которых, как это ни дико, терпеть не может.

Он тратит тысячи кредитов на свой сад, хотя никогда в нем не гуляет и даже не любуется им из окна.

Он разговаривает со мной в высшей степени оскорбительно, однако, мне кажется, не позволит этого никому другому, по крайней мере пока я у него на службе. Жалованья, которое я получаю, едва хватает на самое необходимое, и в то же время, как я знаю, он был очень щедр и к галереям Клейборна, и к Дому Крстхионн.

У него огромные запасы вина, виски и прочих человеческих стимуляторов, но я никогда не видел, чтобы он употреблял их сам, а гостей у него не бывает совсем.

Библиотеки у мистера Аберкромби как таковой нет — ни книг, ни записей, — как нет в доме и развлекательного центра. Он предпочитает проводить время, следя за движением своих средств и отдавая распоряжения через компьютер. Мистер Аберкромби утверждает, что нисколько не интересуется другими расами, но как только мне случается упомянуть бьорннов, непременно начинает о них расспрашивать. Особенно его интересует организация Дома, хотя он, похоже, совершенно неспособен понять, что именно Окраска определяет принадлежность к Дому, а вовсе не наоборот. А практика существования Матерей по Крови и Матерей по Окраске одновременно и удивляет, и возмущает его; хотя сам он не выносит общества собственной дочери, тем не менее для него просто дико, что меня нисколько не интересует моя кровная мать. Мистера Аберкромби приводит в бешенство, что его дочь вышла замуж за человека, которого он не одобрял, и в то же время он удивляется, как это я не возражаю, что Дом еще в младенчестве выбрал мне Пару по Окраске.

Пожалуй, самое удивительное в этом совершенно необычайном человеке — его одержимость образом женщины, которая, возможно, никогда не существовала, а если и жила когда-то, то умерла по крайней мере семь тысячелетий назад! Фактически, именно эта одержимая погоня за ее изображениями и привела к тому, что он нанял меня — в двойном качестве исследователя и торгового агента. В ходе первого задания я должен был слетать на Байндер X и достать голограмму с портретом этой женщины. Пять дней пути прошли без происшествий в компании нескольких декланитов и дарбиниан, которые делали на Байндере пересадку по пути к своим далеким планетам. На Байндере я потратил два дня, прежде чем напал на след портрета, и в конце концов вышел на его хозяйку — женщину по имени Ханна Комсток. Тогда, на аукционе, голограмму купила не она — видимо, за прошедшие с тех пор несколько лет работа переходила из рук в руки.

На планетах Внутренней Границы люди относятся к чужим расам куда терпимее, и я без труда получил приглашение посетить эту женщину в ее доме примерно в пяти милях от Форта Родригес, самого маленького из пяти городов Байндера Х. Прибыв с визитом, я сообщил ей, что уполномочен купить голограмму от имени Малькольма Аберкромби. Хотя вначале не обошлось без уверений, что она слишком ценит эту вещь и никогда с ней не расстанется, Ханна Комсток назвала цену, которая по крайней мере в полтора раза превышала истинную. Я передал всю информацию мистеру Аберкромби, и он сам связался с хозяйкой и заключил сделку, пока я спал у себя в отеле.

На следующее утро я прибыл в дом миссис Комсток, чтобы забрать голограмму, и поинтересовался, знает ли она что-нибудь об истории этой работы. Она ответила, что не знает и купила ее из-за художника — человека по имени Питер Клипстайн. Имя мне было незнакомо, и женщина объяснила, что это он открыл систему Ворона для земной колонизации и его почитают как великого героя. Соответственно, она решила, что имя Клипстайна придает голограмме особую ценность, по крайней мере для колонистов Ворона, и приобрела ее в первую очередь в качестве вложения капитала. Я спросил, знает ли она еще какие-нибудь голограммы Клипстайна; она ответила, что никогда не слышала об их существовании, и была крайне удивлена, когда нашла эту, поэтому специально удостоверилась в подлинности подписи.

До отлета на Новую Родезию — мой следующий пункт назначения — оставался еще один день, и я отправился в местную библиотеку, где дал задание главному компьютеру выдать информацию о Питере Клипстайне. Сначала я даже растерялся, увидев результат, — не менее двадцати семи полновесных биографий этого человека, но потом, отсортировав данные с помощью компьютера, я получил оптимальный вариант объемом в десять тысяч слов, который в еще более сжатом виде излагаю вам.

Питер Клипстайн входил в Корпус Пионеров, созданный правительством в раннюю эпоху Республики около двадцати пяти столетий назад для исследования и составления карт но-

вых планет, предназначенных для человеческой колонизации. Возникнув на заре галактической эры, Корпус пережил Республику с Демократией и был распущен лишь с воцарением Олигархии около четырехсот лет назад. Нанеся на карту шесть открытых миров, Клипстайн прибыл в систему Ворона, где руководил преобразованием планеты Ворон III. Выйдя из Корпуса в отставку в возрасте сорока семи лет, он поселился на Вороне III, купил обширное поместье с землями, непригодными для сельского хозяйства, и жил в совершенном одиночестве, которое даже трудно себе представить, вдали от семьи и друзей. Демократия не могла контролировать все пограничные миры, входящие в ее состав, и когда Ворон III подвергся вторжению клоканни, космический флот оказался слишком далеко, чтобы прийти на помощь осажденным колонистам. Планета была завоевана менее чем за три дня, и вот тогда Клипстайн начал свою знаменитую единоличную кампанию саботажа и террора, которая привела к тому, что клоканни покинули Ворон III. Когда все было кончено, Клипстайну предложили пост губернатора Ворона III, переименованного в Клипстайн. Но наш герой отказался и вернулся в свое поместье, где и провел в одиночестве оставшиеся годы жизни. Ни одна из биографий не содержит информации о его занятиях искусством, и я полагаю число его работ минимальным. Несмотря на то что голограмма, которую я видел, явно делалась с помощью компьютера, ее качество просто поразительно, и если бы Клипстайн создал много таких работ, несомненно, получил бы некоторое признание в этой области искусства.

Кроме покупки известных мне портретов женщины, которая так поразила воображение мистера Аберкромби, в мою задачу входил поиск других посвященных ей произведений искусства. Ее появление на холстах, разделенных временем и пространством, по-прежнему оставалось загадкой, и я надеялся, что подойду к разгадке, если пойму, что объединяет авторов этих творений. Для начала я поручил библиотечному компьютеру выяснить, что общего в биографиях Клипстайна и Кристофера Килкаллена — художника, чей холст с изображением этой женщины был недавно продан с торгов на Даль-

нем Лондоне. Ответ оказался неутешительным. Клипстайн умер почти за два тысячелетия до рождения Килкаллена, и они жили на расстоянии пятидесяти пяти тысяч световых лет друг от друга. Клипстайн был космическим исследователем и картографом, Килкаллен — кадровым офицером космического флота. Художественного образования не имел ни один из них, но если голограмма Клипстайна была, очевидно, единственным серьезным его творением, Килкаллен успел к концу жизни приобрести вполне солидную репутацию. Клипстайн был атеистом, Килкаллен — приверженцем какого-то мелкого христианского культа. Первый так никогда и не женился, и его биографы даже намекают, что он вел совершенно целомудренную жизнь, в то время как второй был женат четыре раза, развелся с первой женой, пережил следующих трех. Их жизнь была абсолютно различной; пожалуй, единственное, за что я мог зацепиться — воинская доблесть, с которой оба однажды сражались с превосходящим по силе противником, проявив замечательную храбрость, граничащую с героизмом. Это заставило меня предположить, что на картинах была вовсе не реальная женщина, а некое древнее воинственное божество. Компьютеру, однако, не удалось найти в человеческой мифологии ни одной темноволосой богини войны. Тогда я дал ему задание выяснить, не было ли такой женщины среди основателей или, может быть, святых — покровителей звездного флота, и снова получил отрицательный ответ. Впрочем, это и неудивительно — ведь клипстайновская кампания сопротивления едва ли могла считаться войсковой операцией.

Оставшиеся часы на Байндере X я провел в поисках общих черт в гражданской жизни этих двух героев прошлого, но компьютер и тут разочаровал меня.

Наконец пришло время отправляться на Новую Родезию, и я взошел на борт пассажирского корабля, так ничего и не выяснив. К моему облегчению, и здесь было вполне достаточно пассажиров неземных рас, и я смог провести в их компании большую часть пути. Однако потом, к несчастью, мне пришлось сделать пересадку в маленькой колонии на Мориоте II, и остаток путешествия оказался совершенно невыноси-

мым. Кроме меня, пассажиров было всего шесть — пятеро людей и один канфорит, которые всю дорогу не выходили из своих кают. К моменту посадки я пребывал в полном убеждении, что Клипстайн был просто сумасшедшим, ибо ни одно нормальное живое существо не станет добровольно лишаться тепла и безопасности, отгораживаясь от других особей своего вида.

Вообще, о моя высокочтимая Мать по Окраске, я пришел к мысли, что в галактике господствует совершенно безумная раса — разве кто-нибудь, кроме людей, привязан так к этой ужасающей концепции обособленности? По-моему, над этим стоит поразмыслить...

Новая Родезия — это очаровательный зелено-голубой мир. На северном континенте преобладают горы, покрытые густым лесом, а два южных, ровные и изрезанные сотнями рек, идеальны для земледелия. Планета поддерживает уникальные торговые отношения со своим братом-близнецом — Новым Зимбабве, который находится в семи световых годах и снабжает ее всеми необходимыми металлами и радиоактивными материалами в обмен на зерно и мясо. Более того, они объединили свои ресурсы, образовав экономическое сообщество для торговли с остальными планетами Олигархии.

В космическом порту меня встретил лодинитский посол — из всех нечеловеческих миров только Лодин XI, Канфор VI и VII, а также Галахин IX имеют посольства на Новой Родезии. С его помощью я всего за час определил владельца картины, за которой приехал. На Новой Родезии куда меньше людей, чем на Новом Зимбабве, где сосредоточено почти восемьдесят процентов населения этого необычного экономического сообщества. Посол предупредил меня, что новородезийцы куда более недоверчивы к чужим расам, чем обычно бывает в пограничных мирах. Действительно, несмотря на его рекомендации, я целый день пробивался через несусветную массу ограничений и мелких правил, прежде чем смог выехать из космопорта и отправиться к месту назначения.

Человек, которого я искал, Орестес Миннеола — удалившийся от дел химик, специалист по пищевым продуктам — жил в роскошной квартире примерно в двухстах милях к запа-

ду от космопорта. Он принял меня в парадной гостиной и разговаривал вполне любезно, но я чувствовал, что мое присутствие ему неприятно. Узнав о цели моего визита, он позволил мне осмотреть картину, которая висела в другой комнате, однако твердо заявил, что она не продается, поскольку имеет для него особую ценность. Я объяснил, что мистер Аберкромби даст ему за картину гораздо больше, чем заплатил он сам, однако Миннеола остался непоколебим.

В конце концов, когда я убедился, что он на самом деле не хочет продавать картину, а не просто набивает цену, я поинтересовался причиной его особого отношения к этой работе. Оказалось, что ее автор, некий Рафаэль Джамал, был героем мистера Миннеолы, одним из его кумиров. Как считалось, Джамал посвятил работе над этой картиной последние годы жизни. Казалось, моя гипотеза подтверждается, и я спросил, где сражался Джамал — в звездном флоте или в каком-нибудь независимом формировании. Мистер Миннеола смутился и сказал, что ему ничего не известно о военном прошлом Джамала. Теперь, в свою очередь, смутился я, потому что никогда прежде не слышал, чтобы человека называли героем, если он не отличился в сражении. Хозяин картины объяснил мне мою ошибку, выйдя на минуту из комнаты и вернувшись с альбомом цирковых афиш, собранных со всей галактики. Как выяснилось, он большой любитель цирка и изучает его историю.

Перелистав альбом, он нашел яркий, хотя и примитивно выполненный плакат с изображением атлетически сложенного юноши в трико с блестками, висящего на устройстве, называемом трапецией. Это и был Джамал — знаменитый артист цирка. По словам мистера Миннеолы, славу ему принес прыжок с одной трапеции на другую с пятикратным переворотом и без страховочной сетки. Карьеру его прервал трагический несчастный случай, в результате которого его парализовало. Ходить он больше не мог и умер спустя четыре года.

Я откланялся, поблагодарив мистера Миннеолу за внимание и любезность, и принялся искать подходящий отель. Найти не составляло труда, но, как правило, в них пускали только лю-

дей. После долгих поисков я отыскал довольно обшарпанную гостиницу на окраине того, что люди называли туземным кварталом (хотя никаких разумных аборигенов на Новой Родезии не было и этим названием фактически обозначалось гетто).

Я связался с мистером Аберкромби и доложил, что картину найти удалось, но владелец не хочет ее продавать ни за какие деньги. Мой хозяин не выказал ни малейшего разочарования, наоборот, был приятно возбужден. По-видимому, он, как и большинство людей, ценит только те вещи, за которые приходится бороться.

На обратном пути я собирался сделать пересадку на орбитальной станции на Пеллинате IV, но в последний момент нас посадили на Пико II. Дело в том, что беллумы, единственная разумная раса на Пеллинате, выступили против включения в экономическую систему Олигархии и туда направили космический флот, чтобы убедить их пересмотреть свое решение. Подданным и союзникам Олигархии временно запретили посещать этот район, и мне пришлось задержаться на Пико на три дня, пока беллумов не приведут к покорности. Мрачные пейзажи Пико с его потухшими вулканами показались мне весьма живописными, однако, как я узнал, эта колония не представляла никакой ценности для Олигархии и была известна лишь тем, что знаменитый преступник Сантьяго одно время сидел там в тюрьме две тысячи с лишним лет назад.

В местной библиотеке я запросил биографические данные о Рафаэле Джамале с упором на его военное прошлое. Компьютер молчал почти три минуты и затем ответил, что единственное упоминание о Джамале, которым он располагает, — краткая информация о несчастном случае.

Сначала я думал связаться с более мощным компьютером на Пеллинате или какой-нибудь другой ближайшей планете, но, узнав, что такой расход энергии в бедном ресурсами мире Пико будет стоить невероятно дорого, решил вместо этого пропустить через компьютер имена художников из коллекции Аберкромби. Первые семь действительно служили в армии, но уже восьмой из этого ряда выпадал, и к тому моменту, как компьютер обработал все девятнадцать имен, оказалось,

что пятеро из авторов с военными действиями никак не связаны. Тем не менее я не стал отказываться от своей теории о мифологическом происхождении женщины, решив проверить, не участвовали ли эти пятеро в какой-либо неофициальной партизанской деятельности. Оказалось, чтобы сделать такой запрос, надо сначала добраться до Дальнего Лондона.

Когда стало ясно, что наше пребывание на Пико затягивается, я решил провести остаток дня в библиотечной комнате редкостей. Там были книги — настоящие, напечатанные на бумаге и переплетенные. Я никогда раньше не держал их в руках и с трепетом выбрал несколько тяжелых старинных томов, посвященных человеческому искусству, устроился в кабинке зала для инопланетян и начал разглядывать модернистские космические пейзажи.

Спустя час, просмотрев уже половину книг, я внезапно наткнулся на еще один портрет неизвестной женщины, интересующей мистера Аберкромби. Как всегда, она была в черном, и, как всегда, изысканная правильность ее черт была оттенена выражением бесконечной печали. Я быстро нашел соответствующие данные — портрет написан на Земле в 1908 году христианской эры, в стране под названием Уганда. Автора звали Брайан Макгиннис, он натуралист, известный в основном открытием двух редких видов орхидей, произраставших на склонах некоего вулкана. До портрета он создал только серию пастелей, изображавших орхидеи.

В биографическом очерке о Макгиннисе говорилось, что он родился в стране под названием Шотландия, учился ботанике и биологии, четыре года служил в армии и в возрасте двадцати восьми лет уехал в Уганду — тогда дикую и примитивную страну. Он опубликовал семнадцать монографий: тринадцать об орхидеях, три о местной фауне и одну о вулканических образованиях. Скончался Макгиннис от неизвестной болезни в 1910 году христианской эры в возрасте тридцати шести лет.

Я проанализировал все данные, которые нашел о четырех авторах, и по-прежнему убежден, что моя теория верна. Если Джамал все-таки служил в армии, то это обстоятельство —

единственное связующее звено. Кроме, конечно, того, что все четверо были людьми, мужского пола и изобразили одну и ту же женщину на картинах или голограммах. Я уверен, что компьютер на Дальнем Лондоне подтвердит факт военной службы Джамала.

Определить местонахождение холста Макгинниса с помощью библиотечного компьютера я не смог. Не было там и информации о человеке по имени Ройбен Венциа, которым интересуется мистер Аберкромби. Никак не могу понять, почему люди на Пико II не позаботятся об усовершенствовании компьютера у себя в библиотеке!

Вернувшись в свой номер, я собрался сообщить мистеру Аберкромби о новой находке. Однако прямой подпространственной связи отеля не хватало мощности, чтобы достичь Дальнего Лондона, а передать сообщение даже по самому простому маршруту — через Зартаску и Гамму Зайца IX — стоило так дорого, что я решил подождать и обо всем доложить лично.

Я снова пошел в библиотеку в надежде найти еще что-нибудь, но безуспешно. Наконец нас оповестили, что Флот усмирил беллумов. Я вернулся на корабль и продолжил обратный путь на Дальний Лондон.

Там я сразу отправился в поместье Аберкромби, и к моему изумлению, работа Джамала оказалась уже у него в галерее. Я выразил удивление, что картину удалось купить так быстро, ведь мистер Миннеола не хотел с ней расставаться, на что мой хозяин торжествующе заявил, что всегда получает то, что хочет. В этом случае, по его собственным словам (я должен извиниться за их грубость), он «был вынужден фактически купить этому проклятому идиоту собственный цирк». Как я понял, постоянный торговый агент мистера Аберкромби сумел каким-то образом обойти военную блокаду и доставить картину — вот почему она прибыла раньше меня.

Мистер Аберкромби оживился, узнав о холсте Макгинниса, и приказал мне найти его, не останавливаясь ни перед какими расходами. Когда же я объяснил, что не знаю

даже, с чего начать, что с малоизвестной картиной за шесть тысяч лет могло случиться что угодно, он пришел в ярость и сыпал ругательствами, обвиняя меня в саботаже и своеволии, а закончил тем, что велел мне убираться и приступить к работе.

Я уже говорил ранее о тяге к обособленности. Могу теперь добавить еще одну черту, свойственную лишь расе людей, которой мистер Аберкромби обладает в полной мере, — одержимость — явный симптом психической неуравновешенности. Этой женщины, без сомнения, никогда не существовало. Она ничего не может значить для мистера Аберкромби. Ее портрета ни разу не написал ни один художник с именем. И тем не менее мой хозяин потратил значительную часть своего состояния, скупая ее изображения. Более того, я уверен — откажись мистер Миннеола продавать свою картину, Аберкромби не остановился бы перед воровством! И все это из-за неизвестной женщины человеческой расы с неотступно-печальным лицом!

Добавлю, что ее личность продолжает оставаться тайной. Как могли люди, разделенные тысячелетиями и сотнями тысяч световых лет, изобразить одну и ту же женщину? Почему ее ни разу не написал ни один настоящий мастер? И почему исключительно люди и никто из других рас? Почему она никогда не улыбается и носит только черное? Что общего, кроме возможного участия в вооруженных конфликтах, могли иметь между собой те, кто писал ее? Кто она такая и что значила для них? Почему в названиях картин ни разу не появилось ее имени?

Я все время размышляю над этой увлекательной загадкой и очень благодарен судьбе, что я бьорнн, а не человек, а то, пожалуй, и сам мог бы стать одержимым.

Как всегда, желаю Вам процветания нашего Дома и безопасности Семьи.

Ваш преданный Сын по Окраске,

5

В районном филиале я представился администратору и подождал, пока он удостоверится, что мистер Аберкромби оплатит мое компьютерное время. После необходимой проверки администратор препроводил меня в маленькую кабинку в так называемом «Зале дальних миров», который в действительности был отдельным помещением для неземных рас. Зал был переполнен, и неприятное чувство, охватившее меня на пустых улицах Дальнего Лондона, рассеялось без следа. Я включил компьютер.

— Доброе утро, — произнес довольно приятный, хотя и механический голос. — Чем могу быть полезен?

— Мне нужна краткая биографическая справка об артисте цирка по имени Рафаэль Джамал. — В этой ситуации я использовал Командный диалект. — Особо меня интересуют подробности его военной службы.

— Вы хотите получить данные в устном или распечатанном виде?

— А можно и в том и в другом?

— Конечно, но это будет стоить дороже.

— Меня это устраивает.

— Мне необходимы некоторые предварительные сведения, — объявил компьютер. — К какой расе принадлежит Рафаэль Джамал?

— К расе людей.

— Жив он или умер, а если умер, то когда жил?

— Он жил примерно триста пятьдесят лет назад, в первом столетии Олигархии.

— На какой планете?

— Не знаю. Думаю, что на Патагонии IV, потому что он был инвалидом, когда писал там картину, и умер вскоре после этого.

— Спасибо, — сказал компьютер. — Я начинаю поиск в библиотечных файлах.

Последовала пауза.

— Я подключаюсь к открытой информационной системе Патагонии IV, — объявил компьютер.

Секунд двадцать экран был темным, потом вновь засветился.

— Патагония IV больше не является человеческой колонией. Подключаюсь к историко-статистическим файлам Делуроса VIII.

Я терпеливо ждал. Наконец ответ пришел.

— Джамал Рафаэль, — начал читать механический голос. — Настоящее имя Педро Сантини. Родился в 4503 году галактической эры, умер в 4538 году. Холост, наследников не имел, имущество продано с аукциона. До шестнадцати лет проживал на Дельвании III, затем поступил в цирк «Пять звезд» братьев Балабан, где работал гимнастом на трапеции под псевдонимом Рафаэль Джамал вплоть до неудачного падения в 4533 году во время выступления на Патагонии IV, которое привело к параличу нижней части тела. Левая нога ампутирована в 4536 году.

— А как насчет военной службы? — нетерпеливо спросил я.

— Он не служил в армии.

— Тогда он, должно быть, участвовал в военных действиях в неофициальном качестве, — настаивал я.

— Неверно, — бесстрастно произнес компьютер. — Он поступил в цирк «Пять звезд» братьев Балабан сразу по окончании школы и оставался там вплоть до несчастного случая.

— Ничего не понимаю, — растерялся я.

— Я могу повторить ответ на любом из 1273 неземных языков и диалектов, — предложил компьютер.

— В этом нет необходимости. — Я на минуту задумался. — Проверьте, пожалуйста, не было ли на Дельвании III военных действий или гражданских беспорядков в тот период, когда там жил Рафаэль Джамал?

— Проверяю... Нет, не было.

— А не выступал ли цирк братьев Балабан где-нибудь во время вооруженного конфликта?

— Проверяю... Нет, никогда.

— Но это невозможно!

— Ответ отрицательный, — произнес компьютер. — Могу я быть полезен еще чем-нибудь?

— Да. Вот четыре человека: Рафаэль Джамал, Брайан Макгиннис, Питер Клипстайн и Кристофер Килкаллен. Возьмите данные о них из историко-статистических файлов Делуроса VIII и найдите, что они имели между собой общего.

Компьютер снова задал мне свои предварительные вопросы и начал поиск информации.

— Идет обработка данных, — наконец объявил он.

Прошла целая минута — необычно долгое время, если учесть, что все данные машина уже имела.

— Рафаэль Джамал, Брайан Макгиннис, Питер Клипстайн и Кристофер Килкаллен принадлежали к человеческой расе, — произнес механический голос. — Все четверо были мужского пола. Никакого другого сходства я найти не могу.

— Вы вполне уверены? — растерялся я.

— Я не способен ошибаться, — ответил компьютер. — Следует заметить, что данные о Брайане Макгиннисе крайне скудны и получены с Земли, а не с Делуроса VIII, но поскольку Рафаэль Джамал, Питер Клипстайн и Кристофер Килкаллен не имеют ничего общего, кроме расы и пола, то более полная информация о Брайане Макгиннисе не изменила бы моего ответа.

— Спасибо. — Я разочарованно вздохнул.

На всякий случай я еще раз заставил компьютер обработать данные о художниках из коллекции Аберкромби, но никакой связи между ними, включая военную службу, обнаружить не удалось.

Внезапно у меня возникла мысль.

— Я хочу, чтобы вы проанализировали картину. Это возможно?

— Да, — ответил компьютер. — Как я могу получить к ней доступ?

— Ее репродукция есть в книге под названием «Британия в Африке: столетие живописи», изданной на Земле в 1922 году христианской эры. Существует, вероятно, много ее экземпляров, но тот, о котором я знаю, находится в библиотеке на Пико II. Картина без названия, принадлежит перу Макгинниса.

— Я нашел еще один экземпляр в центральной библиотеке Селики II. Доступ туда гораздо быстрее и дешевле, чем на Пико II, — сообщил компьютер. — Подождите, пожалуйста, пока я загружу в память содержание книги.

— Хорошо.

Экран компьютера погас и через мгновение опять засветился.

— Картина Брайана Макгинниса находится в моей памяти. Какие ее аспекты вы хотели бы проанализировать?

— Женщину, — ответил я.

— Я не могу найти никаких данных, позволяющих идентифицировать модель.

— Вполне возможно, что ее никогда не существовало. Она появлялась на холстах, голограммах и в скульптурных изображениях по всей галактике на протяжении более чем семи тысяч лет. По-видимому, ее изображали только представители человеческой расы. — Я немного подумал. — У меня есть доступ к картинам и голограммам из коллекции Малькольма Аберкромби. Не могли бы вы посмотреть в вашей библиотеке, не существует ли каких-либо портретов этой женщины, не входящих в его коллекцию?

— Хорошо.

— И если такой найдется, — продолжал я, — то не могли бы вы предоставить мне его копию?

— Да. Проверяю...

Экран снова погас и оставался темным так долго, что я в конце концов начал болезненно ощущать свою изоляцию от остальных посетителей библиотеки и вышел в зал, впитывая всем телом тепло и уют, исходившие от других живых существ. Через пять минут я вернулся в свою кабинку, и еще через минуту компьютер снова ожил.

— Я нашел семь объектов, которые могут быть изображением этой женщины, — объявил он. — Они начнут появляться на голографическом экране слева от вас, как только вы будете готовы.

— Отлично! — сказал я, ощутив радостное возбуждение. — Начинайте!

На экране возникло лицо женщины с высокими скулами и узкими глазами.

— Это статуя Прозерпины, царицы подземного царства в древнеримской мифологии, — объяснил компьютер. — Создана в 86 году христианской эры Люциусом Пиранусом.

Я внимательно посмотрел на картину. В чертах лица было некоторое сходство, да и волосы вполне могли быть черными (хотя, конечно, по статуе определить это невозможно), но эти узкие глаза и, главное, улыбка... Женщина, которую я искал, всегда погружена в какую-то тайную печаль.

— Нет, — протянул я разочарованно. — Это не та женщина. Продолжайте, пожалуйста.

На экране появилось другое лицо, и это была она, вне всякого сомнения!

— Гравюра на шелке, изображающая Кама-Мару, духа любовного желания и одновременно смерти, который, по легенде, искушал Будду во время медитации. Автор неизвестен. Предполагаемая дата создания — 707 год христианской эры.

— Это она, — сказал я. — Но если это индийская богиня, то почему у нее не индийские черты лица?

— У меня недостаточно данных, чтобы ответить на ваш вопрос, — ответил компьютер. — Продолжать?

— Пожалуйста.

Передо мной возникло еще одно лицо, настолько реальное, что я почти ощутил бесконечную грусть, исходившую от него. Это опять была та самая женщина.

— Живописное изображение Миктекасиуатль, царицы страны мертвых в мексиканской мифологии. Автор неизвестен. Картина написана в 1744 году христианской эры.

— Продолжайте, пожалуйста! — Я весь трепетал от ожидания.

Ее лицо появилось снова — на этот раз на голограмме.

— Голограмма без названия, созданная Уилсоном Деверсом, охотником на крупную дичь с Гринвельдта, в 718 году галактической эры.

Далее последовали три картины с Земли, Спики II и Нортпойнта — каждая из них была точным изображением таинственной незнакомки Аберкромби.

— Других ее портретов в ваших архивах нет? — спросил я, когда экран наконец опустел.

— Точных портретов нет, — ответил компьютер. — Но если изображение слишком плохого качества или сделано в абстрактной манере, то я не могу ее идентифицировать.

— Понятно. Вы в состоянии выдать краткие биографии авторов?

— Включая Люциуса Пирануса?

— Нет. Статую пока оставим в стороне.

— Двое авторов неизвестны, — начал компьютер. — Далее. Уилсон Деверс. Родился в 678 году галактической эры на Карле Великом. В 701 году переехал на Гринвельдт, в 702 году получил охотничью лицензию и оставался профессиональным охотником до конца жизни. Скончался в 723 году.

— Он служил в армии?

— Нет.

— Как он умер?

— Убит случайным выстрелом из звукового ружья клиента. Продолжать?

— Пожалуйста.

— Бариен Смайт. Родился в 3328 году галактической эры на Сириусе V, переселился на Спику II в 3334 году. — Компьютер сделал паузу. — По профессии значится конструктором звездолетов, но в моем распоряжении достаточно данных, чтобы сделать вывод: он был нанят конкурирующей фирмой и занимался промышленным шпионажем. Погиб в 3355 году в результате взрыва, уничтожившего весь фабричный комплекс.

— А остальные двое?

— Мильтон Мугабе. Родился на Земле в 1804 году галактической эры. Специалист по водному хозяйству, в области разведения и добычи акул — крупной хищной рыбы, обитающей в земных океанах. Съеден акулой в 1861 году. Далее. Энрико Робинсон. Родился в 4201 году галактической эры. В 4220 году начал заниматься боксом. В 4221 году сменил имя на Команч-Сокрушитель. В 4224 году переселился на Нортпойнт. Скончался от внутренних травм, полученных в призовом матче в 4235 году.

— Имеют ли личности или жизненные обстоятельства этих художников что-либо общее друг с другом или с четырьмя другими, которых я упомянул ранее?

— Нет.

— Вы дали ответ очень быстро, — заметил я.

— Я предвидел ваш вопрос.

— Разве компьютеры это могут?

— Я так запрограммирован. Но если бы вы не спросили, то я бы не упомянул об этом.

— Понятно. Могу я получить копии изображений?

— Включая скульптуру Прозерпины работы Пирануса?

— Да. И дайте мне еще биографию Пирануса.

— Малоизвестный римский скульптор. Родился в 43 году христианской эры, переселился на Крит в 88 году. Скончался от естественных причин в 111 году.

— Спасибо.

— Могу я быть полезен еще чем-нибудь? — осведомился компьютер.

Я вздохнул.

— Боюсь, пока все.

— Я зарегистрирую ваш заказ на копиях изображений и биографий художников. Кроме того, я продолжу поиск информации на интересующую вас тему по мере того, как буду связываться с другими библиотечными компьютерами и получать доступ к их памяти.

— Большое спасибо!

— Это входит в мои функции.

— Погодите! — Я вспомнил еще об одном задании Аберкромби. — Я попрошу вас сделать для меня следующее.

— Слушаю вас.

— Мне нужна подробная биография Ройбена Венциа.

— Сообщите, пожалуйста, ваш код секретного доступа.

— Я не знаю, что это такое.

— Я не имею права выдавать информацию о живых индивидуумах, не являющихся официально признанными общественными деятелями, при отсутствии у клиента кода секретного доступа.

— По крайней мере вы можете сказать, где его найти?

— Конечно. Он находится в 263 футах к северо-северо-востоку от вас.

— Вы хотите сказать, что он сейчас здесь?

— Да.

— Но зачем?

— Не могу ответить, если у вас нет кода секретного доступа, — ответила машина.

— Спасибо, — сдался я. — Это все.

Экран окончательно погас, а я все пытался представить себе, зачем Венциа мог явиться сюда. Наконец я вышел из кабинки и направился к выходу из «зала дальних миров». Внезапно я увидел Венциа — он встал из-за стола в главном зале библиотеки и пошел в мою сторону, явно намереваясь перехватить меня у выхода.

— Леонардо, не так ли? — обратился он ко мне, протягивая руку.

Несколько секунд я довольно глупо смотрел на нее — до сих пор ни один человек, за исключением Тай Чонг, не испытывал желания установить со мной физический контакт. Наконец я вспомнил, что это форма приветствия, и пожал руку.

— Совершенно верно, — ответил я, используя диалект Равных, — а вы мистер Венциа. Я видел вас на аукционе.

— Зовите меня Ройбен, — добродушно сказал он. — Могу я угостить вас чашечкой кофе?

— Мой организм не может усваивать кофе, — ответил я.

— Тогда чем хотите. Мне нужно поговорить с вами.

— Это очень любезно с вашей стороны, мистер Венциа.

— Ройбен, — поправил он.

— Ройбен. Однако я должен предупредить, что принимаю пищу в ресторане для неземных рас.

— Отлично, — сказал Венциа, направляясь к выходу. — Пошли.

— Я никогда не видел, чтобы его посещали люди.

— Пусть только попробуют меня не пустить!

— Ну хорошо, пойдемте.

— Вас не было видно почти два месяца, — заметил он, когда мы вышли на улицу — Командировка?

— Да, — сказал я, выбрав, как всегда, неподвижный тротуар. — Хотя я не понимаю, почему вы ожидали меня встретить. В конце концов, мы виделись лишь однажды...

— О, знаете ли, люди с близкими интересами обычно часто наталкиваются друг на друга, тем более на такой малонаселенной планете. Понравилась Новая Родезия? — добавил он после паузы.

Я резко остановился и повернулся к нему.

— Как вы узнали, что я был на Новой Родезии?

— Кое-что знал и догадался. — Он показал рукой вперед. — Идем дальше?

Я молча продолжил путь, обдумывая его слова и болезненно ощущая любопытные взгляды прохожих. Представитель неземной расы в человеческом мире сам по себе всегда объект любопытства, а иногда и насмешки, но человек в компании одного из нас — это настолько необычно, что встречные даже не пытались скрыть свое неодобрение. Мне стало не по себе, и я предложил Венциа идти немного впереди или сзади, чтобы привлекать меньше внимания.

— Пускай таращатся, — пожал он плечами. — Мне все равно.

— Разве вас это не беспокоит?

— А с какой стати? Если им больше нечем заняться, мне какое дело?

Я задумался над его ответом, который был вполне типичен для человека с его беспечным равнодушием к мнению и интересам Стада. Через два квартала мы подошли к ресторану, и я провел своего спутника внутрь.

— Грязновато, а? — Венциа сморщил нос, глядя на голые столы и принюхиваясь к тысяче запахов, густо насыщавших воздух. — Может, найдем что-нибудь получше? Я угощаю.

— Да, конечно, есть места и получше, — согласился я, оглядываясь и видя по реакции клиентов, что и здесь мы были объектом повышенного интереса. — Но меня туда не пускают. Кроме того, здесь обычно много народу. Мне это приятно.

— Любите толпу?

— Да.

Венциа пожал плечами:

— Ну, как хотите. Давайте присядем.

Он поднял руку и щелкнул пальцами.

Официант, бледно-голубой трехногий бемаркани, поспешил к нам.

— Вы уверены, что хотите обедать здесь, сэр? — спросил он Венциа.

— Вообще-то говоря, я уверен, что не хочу, — ответил тот с гримасой отвращения. — Но мы с моим другом хотим занять столик. И немедленно!

Ноздри бемаркани начали раздуваться — это был эквивалент враждебного взгляда. Наверное, я порчу репутацию его заведения, приводя человека. Но все же он провел нас к столику в самом конце зала, где мы были не видны со стороны входа.

— Не пойдет, — заявил Венциа.

— Могу я спросить почему, сэр? — осведомился бемаркани.

— Поглядите-ка, — показал Венциа. — Эти стулья — не для людей. Вот если бы я был с хвостом и четырех футов ростом — тогда другое дело. Нет, никуда не годится!

Бемаркани молча подвел нас к другому столику, тоже в конце зала, и Венциа, предварительно протерев стол носовым платком, кивнул и сел.

— Ненамного лучше, — заметил он, — но похоже, что в этом чертовом заведении ни на какие удобства рассчитывать не приходится. Где вы обычно сидите, Леонардо?

— Там, где посадят, — потупился я.

— Должно быть, это довольно неприятно.

— Бывает, — признал я.

— Тогда почему вы терпите?

— Здесь есть свои преимущества.

— Толпа? Если бы вы подняли шум по поводу места, то и толпой могли бы наслаждаться в комфорте. Ну ладно, давайте позовем нашего милого, любезного официанта и скажем ему, что мы будем есть.

Я заказал густой напиток из овощной массы с Сигмы Дракона II — мира, весьма похожего на мой. Венциа попросил

кофе, но поскольку такового не имелось, согласился на стакан воды.

— Запах здесь просто жуткий, — сказал он, когда официант ушел.

— Они готовят пищу для тридцати или сорока различных рас, — объяснил я. — К запаху со временем можно привыкнуть.

— Надеюсь, мы долго здесь не пробудем!

— А зачем мы вообще сюда пришли?

— Затем, что я хочу узнать, почему, собственно, вас интересуют картины, за которыми вы охотитесь.

— Не думаю, что я обязан вам отвечать. Меня нанял Малькольм Аберкромби, чтобы я помог ему приобрести некоторые произведения искусства для пополнения коллекции.

— А почему именно вас?

— Простите?

— Я спросил, почему именно вас? Мне кое-что известно об Аберкромби — он скорее позволит отрезать себе правую руку, чем даст заработать инопланетянину.

— Я видел раньше две работы, которые его интересовали, и он поручил мне отыскать их и приобрести.

— Новые работы? — Венциа весь напрягся.

— Новые — понятие относительное.

— В пределах десяти лет?

— Нет. Последняя относится к ранним годам Олигархии.

Он закурил короткую сигару, не обращая внимания на враждебные взгляды двух терони за соседним столиком.

— Ну и как, повезло? — спросил Венциа уже более спокойно.

— Да, — ответил я. — Мистеру Аберкромби удалось приобрести обе картины.

— И теперь вы пытаетесь напасть на след других работ, изображающих тот же объект?

Скорее утверждение, чем вопрос.

— Совершенно верно.

— А вы здорово тряхнули библиотечный компьютер.

— Откуда вы знаете, что я делал с компьютером?

Он снова улыбнулся:

— Я дал ему указание извещать меня, когда кто-нибудь начнет задавать вопросы о Миктекасиуатль и Кама-Маре.

— Вы шпионили за мной!

— Ну так уж и шпионил... Я ведь не имею понятия, какие вопросы вы задавали, хотя вполне могу догадаться. Сколько работ нашел для вас компьютер?

Я понимал, что у него нет права спрашивать, но в то же время не видел причин скрывать правду.

— Шесть.

— Скульптуру Пирануса вы отбросили?

— Да.

— Правильное решение. — Он выпустил струю дыма. — Ну что ж, шесть — это все, что можно выжать из этого компьютера. И можете не тратить деньги — ни одной из них вы не добудете.

— Вы купили их сами?

— За каким чертом? Они мне не нужны.

— Боюсь, я вас не понимаю. В прошлый раз вы готовы были отдать за картину Килкаллена четыреста тысяч кредитов.

— Вовсе нет.

— Но...

— Я прекрасно знал, что Аберкромби никого и близко к ней не подпустит, — перебил он с чрезвычайно довольным видом. — Просто мне хотелось посмотреть, кто еще ею будет интересоваться.

— А зачем, если эти картины вам не нужны?

— У меня есть свои причины.

— Могу я узнать какие?

Он покачал головой:

— Боюсь, что нет, Леонардо.

— Почему, если не секрет?

Потому что мне кажется, что вы не можете сообщить мне ничего, что бы я и так не знал... Пока, — добавил он многозначительно. — Когда сможете, мы встретимся снова, и тогда, может быть, я предложу вам кое-какую работу.

— Я уже работаю в галереях Клейборна...

— По-моему, вы только что сказали, что работаете на Аберкромби.

— Да, верно. Но официально, в течение всего срока моего пребывания, мой работодатель — Клейборн. За мои услуги Аберкромби платит им.

— Я заплачу больше.

— Если я оставлю Клейборн без разрешения, то навлеку бесчестье на свой Дом. Это невозможно ни при каких обстоятельствах.

— Вам не придется их бросать.

— Не понимаю.

— Клейборн — один из самых крупных торговых домов в галактике, специализирующихся на произведениях искусства, — начал Венциа. — У него филиалы на семидесяти трех планетах.

— На семидесяти пяти, — поправил я.

— Тем более. Вы устраиваете сорок-пятьдесят аукционов в год да еще Бог знает сколько частных сделок.

— Верно. Но я не понимаю, чем...

— Дайте мне закончить! Вы имеете доступ ко всей информации об этих аукционах и сделках.

— Насколько я понимаю, вы недавно купили галерею, — заметил я. — И наверняка располагаете той же самой информацией.

— Я хочу получать ее заранее, — возразил он, сделав ударение на последнем слове. — И поэтому мне нужны вы.

— Я не могу это даже обсуждать, — твердо заявил я. — Это было бы нечестно по отношению к остальным потенциальным покупателям.

— Я не потенциальный покупатель!

— Но вы владеете галереей!

— Там нет ни одной картины. Это лишь почтовый адрес на Деклане IV, не более того.

— Тогда зачем... — начал я, пытаясь сформулировать вопрос.

— Потому что мне нужны как раз те сведения, которые обычно имеют музеи. Но, как я понял, крупные фирмы с целой сетью филиалов получают их гораздо раньше, чем мелкие лавочки.

— Если вам не нужны произведения искусства, то тогда что же вам нужно?

— Имена и адреса авторов.

— Через галереи Клейборна проходит почти миллион сделок в год, — удивился я. — Зачем вам все эти имена?

— Мне не нужны все художники, — терпеливо объяснил он. — Только те, кто писал женщину, которая так интересует вас с Аберкромби.

— Зачем?

Венциа улыбнулся и покачал головой:

— Так я и сказал! Нет, сначала расскажите мне что-нибудь столь же интересное!

— Мне нечего вам рассказать.

— Пока нечего.

— Но это было бы неэтично!

— Почему? Я же не собираюсь лишать Клейборн комиссионных или переманивать у него клиентов. Мне просто нужна информация.

— Я не вправе...

— Не говорите сразу «нет», — перебил он. — Подумайте день-другой, и вы поймете, что я никак не могу повредить ни Клейборну, ни этим художникам!

— Даже если так, все равно это было бы непорядочно по отношению к Малькольму Аберкромби. Он нанял меня, чтобы я искал информацию исключительно для него.

— Глупости! — раздраженно воскликнул Венциа. — Я же сказал — мне не нужны эти проклятые картины!

Он перевел дух и скривил губы в подобии улыбки.

— Давайте вернемся к этому разговору через несколько дней. А пока у меня есть кое-что для вас. В знак доброй воли.

— Я не приму ваших денег, — заявил я. — Поскольку я не могу оставить Клейборн и перейти к вам, то принять плату было бы неэтично.

— Кто говорит о деньгах? Просто я располагаю информацией, которая немного облегчит вашу работу.

— Мою работу?

Он кивнул:

— У вас есть карманный компьютер?

— Да, — сказал я. — Вот он.

— Включайте!

Я включил компьютер и передал ему.

— Свяжитесь с Музеем Культурного Наследия на Делуросе VIII, — начал Венциа. Он говорил медленно и произносил каждое слово четко и внятно, чтобы машина могла его понять. — Используйте код доступа 2141098 и запросите данные о Мелайне — богине, известной также, как Черная Всадница Смерти, Эреш-Кигал, богиня подземного мира, и Маха, ирландская королева призраков.

Он прижал большой палец к сенсорному устройству.

— Свяжитесь с библиотекой Макмиллана в Кении на Земле и используйте отпечаток пальца, чтобы получить доступ к данным о К'тани Нгаи, Королеве Темного Царства. А также свяжитесь с библиотечным компьютером на Пелоране VII и запросите данные о Шарин д'Амато, которая, по легенде, появляется на местном кладбище астронавтов. Кода доступа не требуется.

Венциа замолчал и отдал мне компьютер.

— И у всех этих мифических персонажей есть изображения? — спросил я.

Он кивнул:

— Мифы могут различаться, но женщина всегда одна и та же.

— Вы вполне уверены?

— Если бы я солгал, то вы вряд ли стали бы всерьез рассматривать мое предложение, не так ли?

— Конечно, — признал я. — Спасибо за помощь.

— Не за что. — Он достал небольшую карточку и на секунду вставил ее в компьютер. — Это мой адрес на Дальнем Лондоне и номер моего видеофона. Свяжитесь со мной, когда будете готовы поговорить.

Он встал.

— Поскольку наша беседа окончена, то, надеюсь, вы не будете возражать, если я вас покину. По правде говоря, от этого запаха меня тошнит.

— Последний вопрос! — воскликнул я так громко, что на нас устремились все взгляды, а официант скорчил недовольную гримасу.

— Только один, Леонардо, — усмехнулся Венциа. — Все-таки есть разница между маленьким одолжением и филантропией.

— Почему ее портреты всегда пишут неизвестные люди?

— Я бы не стал называть их неизвестными, — поднял он брови. — Некоторые даже знамениты. Хотя бы Килкаллен — настоящий герой войны, а этот парень с Патагонии IV был, я думаю, самым блестящим гимнастом на трапеции в свою эпоху.

— Но они совсем не известны как художники! — настаивал я.

— Это да, — признал Венциа. Он опять усмехнулся: — Хороший вопрос, Леонардо!

— И каков ответ?

— Пожалуй, я не стану вам отвечать.

— Вы же обещали!

— Я разрешил вам задать последний вопрос, но не обещал ответить на него.

— Могу я спросить почему?

Он улыбнулся и покачал головой:

— Это будет уже второй вопрос.

Когда он ушел, я еще долго сидел один за столиком и размышлял. Почему человек, который не проявляет ни малейшего желания покупать портреты таинственной женщины, так интересуется художниками, их писавшими, и как может быть, что за две минуты он перечислил мне больше фактов, чем Малькольму Аберкромби удалось собрать за четверть века.

6

Следующие две недели прошли без особых событий. Новых изображений незнакомки найти не удалось, и я посвятил большую часть времени списку имен, который Венциа ввел в мой карманный компьютер. Результаты меня удивили. Портреты Мелайны, Эреш-Кигал, Махи и К'тани Нгаи, о кото-

рых упомянул Венциа, действительно изображали ту самую загадочную женщину. Но после пристального изучения легенд, связанных с Мелайной, Черной Всадницей Смерти, я обнаружил еще пять ее портретов, и все разные.

Тогда я взялся за К'тани Нгаи и выяснил, что на всех портретах, живописных и вырезанных из дерева — за исключением работы из библиотеки Макмиллана, — она была чернокожей женщиной, причем, как правило, изображалась с конечностями леопарда. Примерно так же обстояло дело с Махой и Эреш-Кигал. В списке оставалась только Шарин д'Амато, и я воспользовался библиотечным компьютером Дальнего Лондона, чтобы связаться с Пелораном VII. Ответ был кратким, но интригующим:

— Д'Амато, Шарин. Дата рождения неизвестна. Дата смерти неизвестна. Называла себя уроженкой Бантора III, но на Банторе III нет о ней никаких данных.

— Стоп! — воскликнул я. — Уж не хотите ли вы сказать, что Шарин д'Амато действительно существовала?

— Да.

— Когда и где?

— Как уже было сказано, полной биографии Шарин д'Амато не существует.

— Давайте те факты, которые есть.

— Она была спутницей Джебедайи Перкинса с 3222 по 3224 год галактической эры.

— Это все, что о ней известно?

— Да.

— Когда был написан портрет?

— В 3223 году галактической эры.

— Кем, Перкинсом?

— Да.

— Дайте биографические данные о Перкинсе!

— Джебедайя Перкинс. Родился в 3193 году галактической эры. Пилот космического корабля. С 3215 по 3219 год работал в «Каранга Индастриз», с 3219 по 3222 год — в картеле «Боннуи», с 3222 по 3224 год — в корпорации «Фалкон». Погиб в 3224 году, пилотируя корабль с научными наблюдателями в окрестностях сверхновой Куинбара.

— Подошел слишком близко?

— Нет данных.

— Шарин д'Амато была на борту?

— Нет данных, но так принято считать.

— Существуют ли фотографии или голограммы Шарин д'Амато?

— Нет данных.

— Почему считается, что она посещает кладбище астронавтов на Пелоране II?

— Нет данных.

— Кто-нибудь когда-нибудь утверждал, что сам ее там видел?

— Нет данных.

— Спасибо, — сказал я, отключая связь.

Конечно, компьютер нашел очень мало информации, но одна новость просто поражала воображение — в отличие от богинь и мифических персонажей Шарин д'Амато, вероятно, жила на самом деле и даже позировала для портрета, который находился в одном из музеев на Пелоране VII. Я нашел в библиотеке кабину видеофона и набрал номер Аберкромби.

— Интересно, — сказал он, выслушав новость. — В каком она музее?

— Это я сегодня выясню. Но главное, она существовала на самом деле!

Аберкромби покачал головой.

— Сомневаюсь.

— Но компьютер сказал...

— Компьютер врет! — перебил он. — Если она родилась в третьем тысячелетии галактической эры, то как, черт побери, ее могли изображать раньше — на всех этих картинах и голограммах?

Об этом я не подумал и не нашелся, что ответить.

— Пошевели мозгами, Леонардо! Если Шарин д'Амато и существовала, то лицо на портрете — просто случайное совпадение.

— Я могу разузнать о ней поподробней, — предложил я.

— Как? — презрительно усмехнулся Аберкромби. — Лучший шанс разузнать о ней — это Пелоран VII, а тамошний компьютер уже выложил все, что знает.

Возникла пауза.

— Послушай! — продолжал он раздраженно. — Я ведь не пишу диссертацию об этой женщине. Я нанял тебя, чтобы ты искал ее портреты, а не рассказывал мне байки о том, что она якобы спала с каким-то там пилотом полторы тысячи лет назад! Так что просто разыщи картину и выясни, сколько они за нее хотят!

— Хорошо, — послушно сказал я.

Аберкромби пристально посмотрел на меня:

— А кстати, я ни разу не слышал об этом Джебедайе Перкинсе. Как ты узнал, что он писал ее?

— Мне рассказал Ройбен Венциа.

— Венциа! — так и вскинулся он. — Так ты уже все выяснил про него?

— И не начинал, — потупился я. — Просто он обратился ко мне недели две назад и предложил кое-какую информацию об этой женщине... И пока все, что он рассказал, подтвердилось.

Он подозрительно прищурился:

— И что он получил от тебя в обмен?

— Абсолютно ничего, мистер Аберкромби, — честно ответил я.

— Никто ничего не сообщает даром, — презрительно бросил он. — Что ты ему обещал? Картины с моей моделью?

— Ничего подобного! — Я был шокирован. — Его интересовали некоторые сведения о предстоящих аукционах, но я отказался выдавать их и вообще как-либо помогать ему!

— Какие сведения? — настаивал Аберкромби.

— О портретах этой женщины.

— И несмотря на твой отказ, он рассказал то, что знал сам?

В голосе моего собеседника звучало явное недоверие.

— Совершенно верно. Его интересует только сама модель. Картины ему не нужны.

— Не нужны? — загремел Аберкромби. — Да он давал триста пятьдесят тысяч за Килкаллена, ты, лживый полосатый ублюдок!

— Он не собирался на самом деле покупать его, — объяснил я.

— Ты что, принимаешь меня за полного идиота? — холодно осведомился Аберкромби.

— Он сказал, что просто хотел...

Внезапно я понял, что говорю в пустой экран — мой собеседник прервал связь. Удостоверившись, что это не было случайным отключением, я вернулся к компьютеру, испытывая, как ни странно, некоторое облегчение. Мне, конечно, стало не по себе оттого, что Аберкромби рассердился, но продолжать исследования было куда приятней, чем ехать к нему домой и объясняться. Он, как ни странно, предпочитал принимать доклады своих служащих лично, а не по видеофону или через компьютер, хотя так значительно проще. Я этого совершенно не понимал, тем более что обычно мне приходилось подолгу ждать, а потом по его требованию излагать всю информацию в двух-трех фразах.

Вернувшись к работе, я три часа пытался с помощью компьютера найти что-нибудь еще, касающееся Шарин д'Амато, но особо не преуспел. Компьютер нашел лишь множество романтических легенд о ее призраке, который появлялся на кладбище, приветствуя тени погибших астронавтов и предлагая им выпивку и сексуальное утешение перед путешествием в загробную жизнь.

Но когда я уже собирался пойти принять порцию пищи, компьютер вдруг подал голос.

— Продолжая поиск интересующих вас сведений, я обнаружил книгу, в которой упоминается Брайан Макгиннис, — объявил он.

— Где она находится?

— В небольшой районной библиотеке на Агуэлле VIII.

— Агуэлла VIII — не человеческая колония, — удивился я. — Как туда могла попасть книга об африканском ботанике?

— Книга не о Макгиннисе, а о раннем периоде британской колонизации Уганды, — объяснил компьютер. — Ее подарил библиотеке, вместе с 308 другими книгами об Уганде, Джора Нагата, инженер-строитель угандийского происхожде-

ния, который эмигрировал на Агуэллу VIII в 2167 году галактической эры и участвовал в нескольких проектах в качестве консультанта правительства Агуэллы.

— Могу я увидеть эту книгу?

— Я записал интересующие вас главы и сейчас выведу их на экран.

Следом появился текст примерно из полутора тысяч слов, посвященный Макгиннису. Славу ему принесли в основном взаимоотношения с местной фауной, где он иногда демонстрировал больше храбрости, чем здравого смысла. Однажды с помощью одного лишь крика и белого носового платка, которым он размахивал, Макгиннису удалось заставить свернуть в сторону стадо бешено мчащихся буйволов, уже готовых растоптать туземную деревушку. Много раз он один и без оружия уходил в джунгли наблюдать за повадками хищников. В книге даже не упоминалось об открытии им двух видов орхидей, один из которых получил его имя.

— Это все? — спросил я, закончив чтение.

— Это весь текст.

— А там есть что-нибудь еще?

— Фотография Брайана Макгинниса.

— Покажите ее, пожалуйста.

На экране появилась старинная фотография в коричневых тонах, изображавшая молодого человека в шортах и рубашке с короткими рукавами. В руках он держал ружье и с чрезвычайно гордым видом опирался ногой на шею огромной пятнистой кошки, лежащей на земле. Согласно подписи под снимком, эта кошка считалась людоедом. На заднем плане расположились еще четверо. Трое темнокожих — по всей вероятности, помощники или коллеги. Четвертой была белая женщина. Я узнал ее еще до того, как компьютер по моей просьбе увеличил изображение, потому что она была одета в черное, несмотря на жару и обжигающее солнце, характерное, как я знал, для экваториального пояса Земли. Это, несомненно, была она! Грустные глаза, выдающиеся скулы, даже прическа — все было то же самое!

— Кто эта женщина? — спросил я.

— Не могу ответить. В книге о ней не упоминается, и ее имени нет под фотографией.

— Вы узнаете ее?

— Она изображена на портретах, которые вы ищете.

— Почему же вы не сообщили мне раньше об этом снимке?

— Вы сказали, что ищете произведения искусства. Хотя некоторые фотографии и рассматриваются как таковые, эта, по моему мнению, скорее относится к документам.

— Теперь меня интересуют также все фотографии этой женщины! Вы поняли?

— Да.

— В вашей памяти есть еще какие-нибудь ее фотографии?

Последовала пятнадцатисекундная пауза.

— Нет.

— Я хочу, чтобы вы снова связались со всеми библиотечными компьютерами, что и раньше, и проверили, нет ли в их памяти ее фотографий, а затем продолжили поиск по тем компьютерам, с которыми еще не связывались. — Я на секунду задумался. — Начните с библиотеки на Пелоране VII и выясните, нет ли там фотографий или голограмм Шарин д'Амато.

— Есть ли у вас еще поручения для меня? — осведомился компьютер.

— Нет. Если появятся новые данные, можете найти меня в гостинице или в резиденции Малькольма Аберкромби.

Я снова зашел в будку видеофона и набрал номер своего хозяина. Надо было рассказать ему о находке, а также получить новые инструкции. Ведь теперь у меня появились доказательства, что его таинственная женщина действительно жила в начале двадцатого века христианской эры, то есть через две тысячи лет после того, как ее образ появился в человеческом искусстве! Я знал, что до изобретения фотографии методов клонирования не существовало, но как еще можно было объяснить последние факты?

Номер Аберкромби не отвечал. Я подумал, что он спит или сидит за компьютером, и решил отправиться к нему домой, так как, узнав такую новость, он все равно тут же потребовал бы меня к себе. Из библиотеки уходить очень не

хотелось — я считал, что фотографии или голограммы Шарин д'Амато обязательно существуют где-нибудь в пределах Олигархии. Я не мог дождаться момента, когда увижу их, но поскольку компьютеру все равно нужно было еще наладить связь, решил, что чем раньше уйду, тем раньше смогу вернуться.

Дорога до поместья Аберкромби заняла у меня почти сорок минут — время было обеденное и улицы наполняла толпа. Я шел не торопясь, наслаждаясь теплой близостью тел и исходящим от них ощущением уверенности. Так я постепенно добрался до окраины города и ступил на автоматическую дорожку, ведущую к дому.

— Пожалуйста, назовите себя! — раздался механический голос системы безопасности.

— Я Леонардо.

— Вам назначено?

— У меня нет необходимости назначать встречу, — удивился я. — Я работаю у мистера Аберкромби.

— На данный момент в списке нет служащих по имени Леонардо.

— Но это просто смешно. Я был здесь всего два дня назад.

— Два дня назад вы были служащим мистера Аберкромби, — ответил голос. — Теперь вы им не являетесь.

— Это, должно быть, ошибка, — растерялся я. — Проверьте, пожалуйста, еще раз.

— Проверяю... Вы не являетесь служащим мистера Аберкромби.

— Дайте мне поговорить с ним!

— Мистер Аберкромби никогда не разговаривает с посторонними.

— Но я не посторонний! — возмущенно воскликнул я.

— Моя программа запрещает обращаться к хозяину от вашего имени.

— Тогда я подойду к дому и поговорю с ним сам!

Я сделал шаг вперед.

— Я не могу разрешить доступ посторонним лицам, — сказал голос. — Пожалуйста, вернитесь! Через пять секунд

на дорожку будет подано смертельное напряжение. Четыре... Три... Два...

Я быстро отскочил назад.

— Теперь дорожка небезопасна, — объявила система. — Пожалуйста, не пытайтесь приблизиться к дому по лужайке — против этого приняты меры.

— Все понял, ты, поганый инопланетный предатель? — прогрохотал вдруг многократно усиленный голос Аберкромби.

— Мистер Аберкромби, что это значит?

Я был совершенно растерян и напуган.

— Это значит, что когда я нанимаю кого-нибудь, даже таких, как ты, то требую верности!

— Я был всегда верен вам!

— Я платил тебе, чтобы ты разузнал об этом сукином сыне, а не сговаривался с ним! — прорычал он.

— Я не сговаривался! — попытался я объяснить. — Он сам разыскал меня, а я отверг его предложения!

— Тогда почему ты скрыл это?

— Я ничего не скрывал!

— Чушь! Ты встретил его две недели назад, и я до сих пор не знал бы об этом, если бы ты по глупости не проговорился!

— Просто я не подумал, что это важно. Он попросил помочь, а я отказался.

— Тебе следовало перейти к нему, пока была возможность. Теперь уже поздно!

— Я не понимаю вас, мистер Аберкромби.

— Никому еще не удавалось надуть Малькольма Аберкромби! Я платил тебе в десять раз больше, чем ты стоишь, чтобы ты помог мне найти единственную вещь во вселенной, которая мне нужна, но стоило мне отвернуться, как ты уже шепчешься по углам с этим сморчком Венциа! Вот что значит доверять инопланетянам! Все, черт побери, больше я никогда на это не пойду!

— Вы превратно истолковываете то, что я вам говорил, мистер Аберкромби!

— Я правильно истолковываю то, о чем у тебя не хватает смелости сказать!

— Если бы только я мог поговорить с вами лично! — умоляюще воскликнул я.

— Я на тебя и так уже насмотрелся! — презрительно бросил он. — Убирайся с моей земли!

— Но это же просто недоразумение! Умоляю, дайте мне возможность объясниться!

— Все, достаточно! Я уже уведомил галереи Клейборна и Дом Крстхионн, что прервал твой контракт по причине предательства. А теперь, если не хочешь попасть в полицию за вторжение в частные владения, ползи назад в ту дыру, откуда выполз!

— Вы сообщили Дому? — переспросил я, осознав наконец весь ужасный смысл его слов.

— Ты все слышал.

— Дому? — повторил я.

Все мое тело онемело от ужаса, и я с трудом удерживал равновесие.

Аберкромби молчал.

— Но почему? — Я все еще не мог поверить тому, что услышал. — Я верно служил вам. Я нашел портреты. Я не предавал вас. Вы получили все, что хотели. Почему же вы так поступили?

— Потому что я не получил того, за что платил.

— Вы получили! Я летал на Новую Родезию и на...

— Я платил за твою верность!

— Вы имели ее! Просто вы слишком долго жили в одиночестве и видите врагов там, где их нет!

— Не тебе об этом судить! Вот когда я покончу с этим поганым коротышкой Венциа, — злобно прошипел он, — ты узнаешь, что такое иметь настоящих врагов!

— Но...

— Вон! Если через тридцать секунд ты не уберешься с моей земли, я вызову полицию!

Униженный и несчастный, я вернулся в свой нищий номер, чувствуя себя более одиноким, чем когда-либо в жизни. Раз двадцать я принимался за письмо, чтобы объяснить Матери по Окраске ситуацию и бредовые фантазии Аберкромби, но каждый раз останавливался, не написав и

двух-трех строчек. Невозможно было ни объяснить, ни оправдать факт моего увольнения. Личное бесчестье само по себе непереносимо, но я опозорил Дом, а может быть, и всю расу бьорннов! Единственным выходом было покончить с собой, но самоубийство в такой момент принесло бы лишь еще большее бесчестье Дому Крстхионн. Ведь официально я еще работал по программе обмена в галереях Клейборна и должен был выполнять свои обязанности...

В такой момент я, безусловно, больше всего нуждался в этических наставлениях со стороны Матери по Окраске, но не решался просить о них — ведь прежде всего я опозорил именно ее!

В конце концов я решил, что, как только Тай Чонг утром откроет музей, явлюсь к ней и подам в отставку, а потом вернусь в свою гостиницу и наконец обрету желанное забвение.

ЧАСТЬ 2
ТОТ, КТО ВОРОВАЛ

7

На следующий день я отправился в галереи Клейборна и записался на прием к Тай Чонг. В ожидании я нетерпеливо прохаживался по залам открытой экспозиции, рассеянно глядя на картины и не замечая их. Прошло несколько минут, но Тай Чонг все еще не приглашала меня в кабинет. Я вернулся в служебное помещение, сел за свой рабочий стол и стал бегло просматривать данные, которые накопились в моих компьютерных файлах.

Ко мне подошел Рейберн.

— Говорят, Аберкромби все-таки выгнал вас, — сказал он с насмешливой улыбкой.

— Да, друг Гектор.

— Ну что ж, вы продержались даже дольше, чем мы думали, — продолжал он. — Добро пожаловать домой!

— Я пришел, чтобы только увидеться с Тай Чонг.

— Да? Вы возвращаетесь на Бьорнн?

— Моя планета — Бенитарус II. Бьорнны — это мой народ.

— Мне без разницы, — сказал он, пожав плечами. — Так вы туда направляетесь?

— Нет, друг Гектор.

Я говорил правду. Обесчещенных бьорннов запрещено хоронить в пределах системы Бенитаруса.

Рейберн, похоже, потерял интерес к моим планам.

— Ну и что этот Аберкромби? — с улыбкой спросил он. — В самом деле такой богатый псих, как о нем говорят?

— Он очень богат, друг Гектор, — ответил я, бросая взгляд на закрытую дверь кабинета Тай Чонг. — Но я не имею подготовки, чтобы анализировать его психическое состояние.

— Вам удалось найти для него портреты этой женщины?

— Несколько удалось.

Гектор пристально посмотрел на меня:

— Что с вами сегодня, Леонардо? Обычно вы так разговорчивы. Сыплете вопросами так, что за вами не угнаться. Как будто потеряли лучшего друга, ей-богу!

— Я обесчещен.

— Как это?

— Малькольм Аберкромби уволил меня за предательство его интересов, — сказал я, и моя окраска приняла оттенок Унижения.

— И всего-то? — хмыкнул Рейберн. — Меня увольняли три раза и еще, наверно, уволят раз пять. Это же профессиональный риск! Когда это случается, надо просто пойти выпить, найти девчонку и забыть обо всем...

Он запнулся.

— Да какого черта! Вам же даже не надо искать другую работу! Вы просто остаетесь в галерее!

— Все не так просто, друг Гектор.

— Это именно просто, Леонардо! У вас, бьорнов, неправильный взгляд на вещи.

— Но это наш взгляд, — ответил я, — и с ним я должен жить.

Тут компьютер известил меня, что Тай Чонг освободилась.

— Слушайте, — оживился Рейберн, — когда покончите с делами, подходите ко мне! Пропустим по стаканчику. Я знаю одно местечко в трех кварталах отсюда — туда пускают всех. — Он широко улыбнулся. — Я угощаю.

— Благодарю вас за любезное приглашение и участие, друг Гектор, — ответил я, поднимаясь, — но мне придется отказаться.

Он пожал плечами.

Ну, как хотите. Если передумаете, дайте мне знать.

Я обещал, что непременно так и сделаю, и направился к кабинету Тай Чонг. Подождал, пока сенсорное устройство опознает меня, и, когда дверь скользнула в сторону, вошел.

— Леонардо! — Тай Чонг подошла ко мне и пожала руку. — Не принимайте все это так близко к сердцу!

— Я сам виноват, досточтимая леди! Я опозорил галереи Клейборна и Дом Крстхионн!

— Чепуха! — отмахнулась Тай Чонг от моих признаний. — Этот фанатик за четверть века не сумел найти и тридцати картин, а вы нашли ему две всего за месяц! И у него еще хватает наглости вас увольнять!

С минуту я пытался осознать то, что она сказала. Наконец ко мне вернулся дар речи.

— Я правильно понял — вы не сердитесь на меня, досточтимая леди?

— Ну конечно же, нет!

— Но меня уволили.

— Без всяких оснований!

— За то, что я разговаривал с Ройбеном Венциа.

— Свобода слова и свобода собраний относятся к основополагающим правам личности, которые, по-видимому, остались вне поля зрения Малькольма Аберкромби, — презрительно заключила Тай Чонг и указала на видеофон. — Когда вы вошли, я как раз напоминала ему о них.

— Вы не должны ссориться из-за меня, досточтимая леди!

Моя окраска приобрела оттенок Страдания.

— Я делаю это в интересах Клейборна, — сказала она твердо. — Никому не позволено оскорблять моих служащих!

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить.

— О моем разговоре с Аберкромби?

— Нет, о моей службе у вас.

— Ну конечно же, вы остаетесь моим служащим.

Тай Чонг пыталась меня успокоить.

— Я пришел, чтобы попросить об отставке.

Она не ожидала.

— Об отставке? Почему, Леонардо?

— Я опозорил свой Дом.

— Да ничего подобного!

— Мы принадлежим к разным культурам. Нет смысла об этом спорить, досточтимая леди.

— Вот и не спорьте!

— Не буду. Но я настаиваю, чтобы вы приняли мою отставку.

— Вы что, нашли другую работу? — резко спросила Тай Чонг.

— Нет, досточтимая леди.

Она несколько успокоилась.

— Что же вы будете делать, если я приму вашу отставку? Вернетесь в свой Дом?

— Я совершу ритуал самоубийства.

— Вы совершите *что?* — с ужасом воскликнула она.

— Я отдам свою жизнь, чтобы искупить бесчестье, которое я навлек на Дом Крстхионн.

— Только из-за того, что вас уволили? — изумилась она.

— Да.

— Вы с ума сошли!

— С точки зрения человека, может быть, — спокойно ответил я. — Но как бьорнн, я поступаю правильно и в соответствии с обычаем.

Она затрясла головой:

— Я не позволю вам убить себя, Леонардо!

— Вы бессильны что-либо изменить, досточтимая леди.

— Хорошо, давайте присядем и обсудим все спокойно и рационально! — Тай Чонг была в крайнем смятении.

— Не хочу вас обидеть, досточтимая леди, но я предпочел бы, чтобы вы поскорее приняли мою отставку, так как я еще должен написать письмо Матери по Окраске и привести в порядок дела, прежде чем совершить ритуал.

С минуту Тай Чонг молча смотрела на меня. Внезапно ее глаза заблестели. Она откашлялась и начала:

— Вы могли покончить с собой вчера вечером. — Она говорила осторожно, прислушиваясь к собственным словам, как будто каждая фраза давала ей ключ к следующей. — Вы могли сделать это утром. И все-таки вы сначала пришли ко мне, чтобы подать в отставку...

Она остановилась и посмотрела мне прямо в глаза.

— А что, если я откажусь принять вашу отставку, Леонардо?

— Мне не приходило в голову, что вы можете отказаться удовлетворить мою просьбу, досточтимая леди.

Тай Чонг продолжала смотреть мне в глаза.

— Ваш Дом подписал с Клейборном соглашение об обмене. Ваш Дом, — медленно повторила она, выделив последнее слово, — а не вы. А если я буду настаивать, чтобы условия соглашения соблюдались до конца?

Я вздохнул:

— Если вы не примете мою отставку, то мне придется выполнить обязательства своего Дома по отношению к вам.

— И вы не покончите с собой?

— Я отложу ритуал до тех пор, пока все мои обязанности не будут выполнены.

— В таком случае в отставке вам отказано! — решительно сказала Тай Чонг.

— Вы очень умная женщина, — печально заметил я.

— А вы — очень живой служащий галерей Клейборна, — ответила она с улыбкой облегчения. — По крайней мере в течение ближайших десяти месяцев.

— Девять месяцев и двадцать три дня, — поправил я.

— Давайте поговорим об этом позже, когда оба будем в лучшем настроении, — сказала Тай Чонг. Она резко выдохнула, как будто ставя точку в обсуждении этой темы. — А теперь вы возвращаетесь на службу к Малькольму Аберкромби.

— Он никогда не примет меня назад!

— Уже принял, — победно усмехнулась Тай Чонг.

— Но почему?

Она показала небольшую голограмму картины.

— Узнаете?

Я взглянул — это был еще один портрет таинственной незнакомки.

— Узнаю. Хотя саму картину раньше не видел.

— Как и никто на Дальнем Лондоне. — Она немного помолчала. — Когда Аберкромби вчера связался со мной и сообщил, что уволил вас, я, конечно же, спросила его о причине. И как только узнала, что Венциа к вам обращался, вот что пришло мне в голову: он не стал бы этого делать,

если бы не думал, что у вас есть нечто, что ему нужно, или что вы можете это достать. Тогда я перелопатила всю электронную почту, которую мы получаем по поводу будущих аукционов и частных торгов — и вот что нашла. — Она показала на голограмму. — Он это хочет получить?

— Только информацию, досточтимая леди. Не саму картину. Он собирает сведения об этой женщине так же упорно, как Аберкромби коллекционирует ее портреты.

— Зачем, интересно?

— Не знаю, досточтимая леди.

Тай Чонг задумалась, потом пожала плечами.

— Ну ладно. Этот портрет продает Валентайн Хит — коллекционер, с которым мы уже не раз имели дело. Он предпочитает продавать непосредственно нам, чтобы не возиться самому и не рисковать с публичными торгами.

Она сделала паузу.

— Когда вы пришли, я как раз говорила с Аберкромби. Я рассказала о портрете и обещала достать его при условии, что он снова примет вас на работу и письменно извинится перед вами, Клейборном и Домом Крстхионн.

— Он очень гордый человек и никогда не пойдет на такие уступки.

— Прежде всего он одержимый человек.

— Неужели согласился?

— Конечно, — улыбнулась Тай Чонг. — Вы снова у него работаете.

— Но я не хочу возвращаться к нему! — невольно выпалил я, поразившись собственной дерзости.

— Но разве это не лучше, чем самоубийство?

— Самоубийство почетно, — возразил я. — Но ничего почетного нет в том, чтобы работать у человека, который меня презирает и считает лжецом!

— Так докажите ему, что он не прав!

— Но...

— Послушайте, Леонардо, — перебила Тай Чонг. — Гектор привык дразнить меня за то, что я вечно агитирую за права наших братьев-инопланетян, и в чем-то он прав — я много болтаю и участвую в демонстрациях, но ни разу не

добилась ничего конкретного. А сейчас у меня есть возможность наконец сделать что-то реальное и в то же время преподать очень неприятному человеку очень неприятный урок! — Она улыбнулась. — Тем более что вы служащий Клейборна.

— Но, может быть, у мистера Аберкромби поработает кто-нибудь другой? — взмолился я. — Дело не только в том, что мы с ним не любим друг друга. Цель моего пребывания здесь — изучить ваши методы работы и поближе познакомиться с разными художественными школами, а у него я не получаю ни того ни другого.

Тай Чонг неумолимо покачала головой.

— Вас он уволил — вас и должен принять назад. Кроме того — как я могу агитировать за всеобщее равенство и упустить шанс утвердить его на практике!

Она скрестила руки на груди.

— Глядите веселее, Леонардо! Мне даже удалось заставить Аберкромби выплатить компенсацию, и значительную, вашему Дому!

— В самом деле?

— Именно так. Никто не смеет трогать моих инопланетян!

— Я глубоко благодарен вам, досточтимая леди! — с чувством произнес я.

— Вы докажете это, если не станете убивать себя, — ответила Тай Чонг.

— Я обещал уже, что не стану совершать последний ритуал, пока нахожусь у вас на службе.

— Так вы все-таки планируете сделать это потом? — удивилась она. — Несмотря на то что он берет вас назад?

— Не знаю. Я буду ждать моральных наставлений от Матери по Окраске.

— Ну конечно же, она запретит вам самоубийство! Ведь ваш Дом теперь будет получать даже больше денег, чем раньше.

— Деньги в обмен на нечистую совесть?

— Какая чушь! Это деньги надутого расиста, который допустил грубый промах и теперь расплачивается за это.

— Я учту вашу точку зрения, — уклончиво ответил я.

— Мы еще вернемся к этому вопросу, — обещала Тай Чонг.

Последовала неловкая пауза.

— Мне кажется, на сегодня мы обсудили все, Леонардо.

— Теперь я должен явиться к Аберкромби?

Она покачала головой:

— Нет. Я уже договорилась о вашей поездке на Карл Великий.

— На Карл Великий, досточтимая леди?

— Я понимаю, что вы чувствуете по отношению к Аберкромби. И кроме того, должен же кто-нибудь съездить к Валентайну Хиту посмотреть картину.

Она немного замялась:

— Мне не удалось заказать для вас каюту первого класса, Леонардо. Они наотрез отказались дать вам ее.

— Я не обижаюсь, досточтимая леди.

— Вы, но не я! И в качестве компенсации я зарезервировала для вас директорский люкс в лучшем отеле на Карле Великом.

— Карл Великий находится совсем близко к центру Олигархии, — заметил я.

— Да, верно. — Тай Чонг вопросительно посмотрела на меня.

— Я специалист по скоплению Альбиона — это на краю Внутренней Границы. Мне кажется, вам нужен кто-нибудь другой, чтобы установить подлинность картины.

— Если верить Валентайну, картине этой всего два года, — успокоила меня Тай Чонг. — Пусть он представит вас художнику — вот и вся экспертиза, насколько я понимаю.

— Но я не буду знать, как оценить ее, досточтимая леди!

— Не важно. Сколько бы мы ни заплатили Валентайну Хиту, Аберкромби мы продадим ее с прибылью.

— Тогда почему, если картине всего два года и вас не интересует цена, вы не пошлете кого угодно, чтобы оценить ее? — спросил я озадаченно.

— По двум причинам. Во-первых, я намереваюсь заставить Аберкромби заплатить за все ваши путевые издержки и расходы на Карле Великом. Не стесняйтесь — считайте это оплачиваемым отпуском!

— А вторая причина?

— Я мало что знаю об этой женщине с портретов. Судя по коллекции Аберкромби, она жила и умерла очень давно. А это значит, что автор хитовской картины должен был пользоваться какими-то источниками. Попробуйте их найти. Если это произведения искусства, то нам, возможно, тоже удастся купить их для Аберкромби... И еще одно, Леонардо.

— Да, досточтимая леди?

— Если с вами снова свяжется Ройбен Венциа, скажите ему, что обдумали его предложение и готовы сотрудничать.

— Но это было бы неэтично!

— Мы ведь фактически уже купили картину у Хита, и Венциа никак не сможет заполучить ее. Но у него есть сведения, которые могут оказаться полезными, так что нет смысла прерывать с ним контакты.

— А как тогда быть с Малькольмом Аберкромби? Ведь он выгнал меня вчера как раз за то, что вы сейчас приказываете мне делать!

Я вдруг остро ощутил всю парадоксальность ситуации.

— Аберкромби предоставьте мне, — проговорила Тай Чонг с мрачной решимостью, встала и проводила меня к двери. — Все будет в порядке.

Она вложила мне в руку несколько документов.

— Вот это, — указала она на один из них, — служебный пропуск для входа в любые общественные учреждения на Карле Великом. Впрочем, там такое столпотворение, что у вас его вряд ли кто-нибудь спросит. А вот ваш паспорт класса «Б», позволяющий в течение тридцати дней путешествовать в радиусе пятисот световых лет от планеты. Это на случай, если художник живет где-нибудь по соседству. И поскольку у нас нет там представительства, вот кодовый номер кредитного счета, который я открыла в местном отделении нашего банка. Доступ установлен по голосу — вашу сетчатку датчики воспринимают плохо. Можете снять со счета до двадцати тысяч кредитов. Это на крайний случай — вдруг Аберкромби передумает выполнять свои обещания. У вас ведь есть номер и коды его счета?

— Да, досточтимая леди.

— А это — голограмма Валентайна Хита, чтобы вы могли узнать его в космопорте.

— Я думаю, досточтимая леди, ему будет гораздо легче узнать бьорнна, выходящего из человеческого корабля.

— Пожалуй, — согласилась она. — Но на случай, если он опоздает или будет занят, на обратной стороне есть адрес — вы сможете сами добраться до его дома.

Она подала мне голограмму.

— Вот репродукция картины.

Я взглянул повнимательней.

— Да, это та самая женщина.

— Я знаю, — сказала Тай Чонг. — Это лицо запоминаешь с одного раза.

Я еще раз посмотрел на голограмму и заметил внизу странную надпись. Она была почти четкой, но как я ни старался, понять ничего не мог. В конце концов я передал голограмму Тай Чонг.

— Я никак не могу прочитать надпись внизу, досточтимая леди.

— Это один из новых шрифтов — он используется в некоторых каталогах. Называется, по-моему, «Антарес Элегант». Выглядит красиво, но вам понять, конечно, трудновато. — Она прищурилась. — Здесь указано имя художника — Серджо Маллачи. Слыхали о таком?

— Нет, никогда. А название картины здесь есть?

— Да, — ответила Тай Чонг. Она пожала плечами. — Странное и интригующее.

— И как?

— «Черная Леди».

8

Увидев космопорт на Карле Великом, я понял, насколько маленький на самом деле Дальний Лондон. Начну с того, что мы не сели на саму планету, а причалили к огромному орбитальному терминалу. Там автоматическая диспетчерская служба сортировала пассажиров, направляя их на пересадку,

таможенный досмотр, в орбитальные гостиницы или к челночным рейсам на поверхность планеты.

Не обнаружив Валентайна Хита в толпе встречающих, я отправился на таможенный досмотр, подождал, пока мой багаж просветят сканером, предъявил паспорт и встал на самую медленную движущуюся дорожку, ведущую к доку отправки челноков.

До следующего рейса оставался почти час, и поскольку пища на корабле, в котором я прибыл, была рассчитана на человеческие вкусы, я пошел искать ресторан для неземных рас. К своему удивлению, я не смог его найти. Повсюду за столиками были представлены все расы, включая людей, и никому, похоже, это не казалось необычным.

Я вошел в один из ресторанов, все еще опасаясь услышать, что инопланетянам или уж, во всяком случае, бьорнам сюда нельзя, но тут же был препровожден к небольшому столику у боковой стены. Позади меня сидели двое людей, которые обсуждали за чашкой кофе какие-то спортивные новости, а слева я увидел двух терони и лодинита. Терони наслаждались своими обычными блюдами из жирного студенистого мяса, а лодинит меланхолически пережевывал какую-то овощную массу. Появилось меню — оно высветилось на земном языке на маленьком компьютерном экране над столиком, и я, хотя вполне мог его прочесть, потребовал перевода на бьорнинский, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Тут же мне пришло в голову, насколько неприличным было такое поведение со стороны гостя, но не успел я отменить свое требование, как перевод появился.

Не желая создавать хозяевам лишних проблем, я заказал напиток — пюре из местных тропических фруктов. На экране тут же появились две колонки текста. Первая являла собой список рас, которым этот напиток мог повредить (а для трех из них — домариан, сеттов и эмран — был даже смертельно опасен), а вторая, несколько короче, указывала те расы, для которых он был хотя и безвреден, но мог оказаться опьяняющим в силу особенностей их обмена веществ. Бьорнов не было ни в одном из списков, я подтвердил заказ и почти сразу же получил его. Следующие четверть часа я не спеша

потягивал напиток, наслаждаясь ощущением тепла и уверенности в толпе других посетителей.

Наконец пришло время уходить. Я ввел в компьютер номер счета Аберкромби, подождал, пока он подтвердит оплату, и вернулся в док отправки челноков. Там я понял, что география Карла Великого весьма запутана. В большинстве человеческих миров, где мне приходилось бывать, один, максимум два больших города. Люди осваивали новые планеты так быстро, что едва успевали заселять большинство из них. Процветающие колонии обычно начинали как маленькие поселения, постепенно разрастаясь за счет иммигрантов. Остальные так и оставались просто укрепленными базами.

Хотя я немало слышал о Делуросе VIII с его семнадцатью миллиардами населения, а также других крупных мирах вроде Земли, Спики VI, Терразаны или Сириуса V, но никогда не видел своими глазами планеты, где люди освоили бы больше, чем крошечный процент поверхности. И теперь масштабы Карла Великого просто ошеломили меня. В доке отправки вся полированная поверхность пола была испещрена разноцветными полосами, ведущими к разным стартовым площадкам, и каждый цвет соответствовал определенному месту назначения: красный — Централии, фиолетовый — Блэкуотеру, золотой — Нью-Йоханнесбургу, оранжевый — Восточной Границе и так далее.

Я знал, что Валентайн Хит живет в городе Океания, и легко нашел полосу нужного цвета и нужный мне корабль. Это был стандартный пассажирский лайнер Олигархии. В салоне первого класса размещалось десятка три удобных кресел, приспособленных для человеческого тела. Второй и третий классы делились на помещения с кислородной и хлорной атмосферой и имели множество типов сидений, где мог разместиться кто угодно — от шеститонного касторианина до миниатюрных третагансий. Начав пробираться в отделение второго класса, я вдруг заметил канфорита, который удобно устроился в первом классе в самых передних рядах. Троица голубоватых существ, вошедших передо мной, направилась туда же и стала невозмутимо усаживаться. Я повернулся к

женщине в форме, которая направляла поток пассажиров внутри корабля.

— Простите, досточтимая леди...

— Да?

Я показал на пустое кресло прямо передо мной:

— Это разрешено?

— Что разрешено?

— Мне можно здесь сесть?

— Конечно, — ответила она. — Но когда мы включим двигатели, вставать уже будет нельзя.

— Я имею в виду салон первого класса, досточтимая леди.

— На челночных рейсах нет классов.

— Но тут все устроено так, что...

— Этот челнок построили для системы Спайнота, — объяснила женщина. — Мы купили его недавно и еще не успели переоборудовать. Выбирайте любое кресло, какое хотите.

Я поблагодарил ее и пошел по проходу, чтобы заглянуть в отделение второго класса. Там было довольно тесно, и в другое время я тут же вошел бы, но решил все-таки сесть в первом классе, хотя он не был заполнен и наполовину — уж очень мне хотелось испытать, что чувствуют обычно пассажиры-люди. Решившись, я сел в одно из кресел и пристегнулся ремнями, распределив их равномерно по всему телу. Интересно, что сказали бы Аберкромби и моя Мать по Окраске, увидев меня сейчас?

Короткий перелет на поверхность планеты прошел без приключений, и спустя несколько минут после приземления я уже стоял у выхода в зал ожидания, высматривая в толпе Валентайна Хита. Не найдя его, я подошел к компьютерному терминалу, чтобы проверить сообщения, но он ничего мне не оставлял. Я решил, что лучше всего будет зарегистрироваться в отеле и уже оттуда попытаться установить связь с Хитом. Забрав свои вещи в багажном отделении и зарегистрировав образец голоса в департаменте полиции Океании, я вышел на улицу, под ослепительное солнце Карла Великого. Передо мной, выстроившись в длинный ряд, стояли такси. Одно из них подкатило ко мне, распахнув заднюю дверцу.

— Добро пожаловать в Океанию! — с угодливой улыбкой приветствовал меня водитель, плотный лысеющий человек. — Куда направляемся?

— Мне надо попасть в отель «Эксельсиор», уважаемый, — ответил я на диалекте Почетных Гостей.

— У вас заказан номер?

— Да, конечно, — сказал я, взял вещи и сел в машину. — А почему вы спрашиваете?

Он пожал плечами и тронулся с места.

— Просто там всегда набито до отказа. Думал уберечь вас от лишней езды, если номер не заказан заранее.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Это моя работа. Вы в первый раз на Карле Великом?

— Да.

— Надеюсь, вам понравится.

— Я в этом совершенно уверен, — сказал я, глядя через стекло на обширные пространства бурой высохшей травы. — Могу я задать вам вопрос, мой любезный друг?

— Валяйте.

— Ваш прекрасный город называется Океания. А где же океан?

— Не то время года, — рассмеялся он.

— Не понимаю.

— Мы всего в паре сотен миль к югу от экватора и вместо зимы и лета у нас дождливый и сухой сезоны. Видите эту равнину? — махнул он рукой.

— Да.

— Так вот, когда начинаются дожди, она превращается в озеро почти две сотни миль в ширину и глубиной примерно восемнадцать дюймов. Первый человек, который осел здесь, прибыл аккурат после дождей — ну и подумал, что это океан. Так и назвал это место. А когда он понял, что дал маху, название успели утвердить в Корпусе Пионеров и зарегистрировать в картографическом отделе на Калибане, так что поменять его было уже чертовски трудно. Поэтому и космопорт так далеко от города, — добавил он после паузы. — Был бы поближе, его бы на полгода заливало водой.

— Как интересно!

— Скорей неудобно, чем интересно, — опять усмехнулся водитель. — Все еще попадаются туристы, которые специально приезжают из-за названия — поглядеть на океан.

Очень скоро мы достигли пригородов Океании. Это был огромный город со сверкающими сталью зданиями и многогранными стеклянными башнями. Удобно распланированные торговые и жилые кварталы пересекались широкими улицами. По мере приближения к центру группы высоких зданий стояли все гуще, достигая верхушками низких рваных облаков. Наконец такси остановилось.

— Приехали! — объявил шофер.

Я уплатил по счету, вышел из машины и подошел к одному из шести служителей в ливреях. Тот принял багаж и проводил меня в сравнительно небольшой регистрационный зал, окруженный множеством элитных магазинов и бутиков. Я невольно обратил внимание, что кроме меня вокруг не было ни одного представителя неземной расы, кроме трехногого существа в золотой с пурпуром униформе отеля со знаками отличия технического персонала.

Никто, впрочем, не обратил на меня особого внимания, и вскоре я уже поднимался в скоростном лифте на шестьдесят четвертый этаж. Там по короткому ярко освещенному коридору я прошел к двери своего номера. Назвав свое имя, подождал, пока система отреагирует, и вошел в распахнувшуюся дверь.

Передо мной была необъятных размеров гостиная с четырьмя стульями, широким диваном, обтянутым белой туманской кожей, баром из твердого дорадузийского дерева, полным разных напитков, и огромным камином из натурального камня. Широкое окно открывало панораму города.

Рядом с баром, со стаканом в руке, стоял высокий человек с волосами цвета выжженных солнцем равнин Океании и раскосыми серо-зелеными глазами, одетый в элегантный дорогой костюм. Я сразу узнал его — это был Валентайн Хит.

— Входите и располагайтесь, — добродушно сказал он. — Извините, что не приехал в космопорт, но я все равно не узнал бы вас. Мне сказали, что вы Бьорнн.

— Да, это так и есть, — ответил я.

— Мне приходилось видеть бьорннов, — удивился он, — но они выглядели совершенно иначе.

— Скорее всего, они принадлежали к другому Дому, — объяснил я.

— Они были зеленые с черным и с головы до ног покрыты узором из концентрических кругов.

— Это Дом Илстхни. Они ювелиры.

— Точно, — улыбнулся он. — Так или иначе, я рад познакомиться с вами, Леонардо. Я — Валентайн Хит.

— Позвольте задать вам вопрос, мистер Хит?

Я было хотел уже обратиться к нему «друг Валентайн», но решил повременить с диалектом Симпатии, пока не пойму, как и почему он оказался в моем номере.

— Конечно. И зовите меня Валентайн.

— Почему вы здесь, мистер Хит?

— Валентайн, — поправил он. — Я просто подумал, что вам будет трудно меня найти. Как я понимаю, вы впервые на Карле Великом, а в Океании довольно запутанная сеть улиц и совершенно бестолковая система нумерации.

— Я, наверно, неясно выразился, мистер Хит. Почему вы в моем номере?

— Надеюсь, вы не сочтете меня невежей — просто в отеле четыре входа. Я боялся, что не угадаю правильный и мы с вами разминемся.

— Замок реагирует только на мой голос. Как же вы вошли?

— Никогда не доверяйте замкам, Леонардо, — улыбнулся он. — Любая горничная или коридорный могут их открыть. На вашем месте я бы держал ценности в сейфе отеля. Выпьете что-нибудь?

— Нет, спасибо.

— Тогда, может быть, хотите поесть? Здесь большой выбор и доставка в течение десяти минут.

— Спасибо, я не голоден.

— Да ладно, расслабьтесь, и мы приятно проведем время.

— Я не устал, — сказал я. — Может быть, я сразу посмотрю картину?

— Позже. Сначала давайте узнаем друг друга получше.

Внезапно я почувствовал себя крайне неприятно в обществе этого человека. Он вломился в мой номер и явно не желает показывать мне картину, из-за которой я ехал в такую даль.

— Может быть, мы лучше познакомимся, гуляя по городу? — предложил я. — Он произвел на меня большое впечатление.

— Настоящая жизнь здесь начинается, когда стемнеет, — ответил Хит. — Если хотите полюбоваться Океанией, подождите заката.

Я боялся его насторожить, но мне непременно надо было как-то выбраться из номера и окружить себя свидетелями — мало ли что он собирался со мной сделать!

— Когда я летел с Дальнего Лондона, друг Валентайн, — осторожно сказал я, подчеркивая форму обращения, — я прочитал, что в Океании замечательный художественный музей. Если он открыт, мы можем пойти туда.

Хит покачал головой.

— Мне очень жаль разочаровывать вас, Леонардо, но он закрыт на ремонт.

— Как это может быть? В статье говорилось, что его всего два года как построили.

— Кажется, его ограбили на прошлой неделе, и теперь там устанавливают более надежную систему безопасности. — Хит отошел и сел на стул. — А почему бы нам не провести вечер здесь?

Я внимательно посмотрел на него, пытаясь заметить, не оттопыривается ли где-нибудь его одежда, что выдавало бы наличие оружия. Ничего такого я не заметил, но это было и не важно — в любом случае он был гораздо крупнее и сильнее меня. Я постарался собрать всю свою храбрость и сказал:

— Друг Валентайн, мой багаж еще не прибыл. Думаю, мне следует спуститься в холл и убедиться, что его не потеряли.

— Носильщик вот-вот принесет его — успокоил меня Хит. — Он, скорее всего, везет весь багаж в тележке и выгружает у каждого номера по очереди.

— Дело в том, — сказал я, — что у меня есть некоторые личные вещи, которые мне очень дороги.

Он показал на переговорное устройство:

— Если вы так беспокоитесь, позвоните вниз портье и убедитесь, что с вашим багажом все в порядке.

— Я чувствовал бы себя более уверенно, если бы убедился в этом лично, — сказал я искренне, делая маленький шажок к двери.

Хит пожал плечами:

— Ну, если это вас уж настолько тревожит, идите сами.

— И вы не остановите меня?

Его позабавили мои слова.

— С какой стати мне вас останавливать?

— Я думал... то есть мне показалось...

В смущении я не мог найти подходящих слов.

— Что с вами? — спросил Хит. — Вы вдруг изменили цвет.

— Это оттенок Унижения, — объяснил я. — Мне показалось, что вы по какой-то причине хотите задержать меня здесь.

Хит усмехнулся:

— Вы совершенно свободны и можете идти куда хотите. Боюсь, правда, — добавил он после паузы, — что мне придется пользоваться вашим гостеприимством до самого вечера.

— Не понимаю.

— Все очень просто, — сказал он. — Меня ищет полиция.

— Вы беглый преступник?

— Нет, всего лишь подозреваемый.

— Тогда почему вы скрываетесь от полиции? Самое правильное в такой ситуации — это явиться к ним и правдиво ответить на все вопросы.

— Это самое правильное, когда вы невиновны, — ухмыльнулся Хит. — Дело в том, что я совершил как раз то, в чем они меня подозревают... Мне очень жаль причинять вам такие неудобства, но это всего на несколько часов. Как только стемнеет, я улизну от них без проблем.

— Вы убили кого-то? — спросил я, невольно отступая на шаг.

— Ну что вы! Я джентльмен удачи, а не убийца.

Внезапно у меня мелькнула мысль.

— Картина... краденая?

— Я бы никогда не стал красть нечто столь ординарное, — ответил он. — Эти мазки кистью так банальны...

— Но вы, вообще, крадете картины?

Он отпил из стакана и усмехнулся.

— Вы говорите так, будто я музейный вор, Леонардо.

— А что, нет?

— Нет.

— Мне на минуту показалось, что художественный музей могли закрыть из-за вас.

Я немного успокоился, но все еще был настороже.

— Так и есть, — спокойно ответил он.

— Но вы же только что сказали, что вы не музейный вор!

— Музейный вор — слишком узкое определение. Я еще ворую драгоценности и многие другие ценные вещи. — Хит на минуту задумался. — Я предпочитаю думать о себе как о преступнике высшей квалификации. Это звучит куда более профессионально.

— А почему, интересно, вы мне обо всем этом рассказываете?

— Потому что я пользуюсь вашим гостеприимством. И потом, на Карле Великом инопланетянин не может свидетельствовать в суде против человека.

— Но я могу рассказать все, что знаю, полиции.

Хит пожал плечами:

— Они уже и так все знают. Совсем другое дело — как это доказать.

Он улыбнулся:

— Кроме того, мы ведь должны стать друзьями, а такой поступок с вашей стороны был бы совершенно не дружеским.

— Я не могу дружить с вором! — твердо заявил я.

— Сможете. Я ведь всем нравлюсь. Вообще-то это мой профессиональный козырь. Без обаяния в моем деле — никуда.

— Но зачем вы этим занимаетесь?

— Во всем виноваты родители. Лично я считаю себя скорее жертвой, чем преступником...

— При чем тут ваши родители?

— Они тратили слишком много денег.

Хит сделал последний глоток и доверительно наклонился ко мне.

— Вы знаете, Хиты ведь были очень богатым семейством, причем в течение стольких поколений, что трудно себе представить. Конечно, ни один Хит никогда бы не унизился до того, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Меня самого учили лишь проматывать фамильное состояние — и представьте мое разочарование, когда я обнаружил, что папенькина любовь к женщинам и маменькина страсть к азартным играм практически ничего мне не оставили!

Он помолчал.

— Я не годился даже для самой примитивной работы, но зато обладал изысканным и превосходно развитым вкусом, и поскольку к тому же привык жить с определенными удобствами, то, вполне естественно, выбрал единственную профессию, которая подходит мне по темпераменту.

— И чем же вам подходит по темпераменту воровство?

— Как все избалованные дети, я привык заботиться только о себе. Если бы я уважал права других людей, то каждый раз, занимаясь своим делом, испытывал бы внутренний моральный конфликт. К счастью, я полностью свободен от угрызений совести. И потом, если бы не такие люди как я, в страховом бизнесе очень скоро наступил бы серьезный спад, так что я в некотором роде даже полезен для экономики.

— Мне приходилось слышать, что в некоторых инопланетных цивилизациях существует воровство, — заметил я. — Но я никогда не думал, что вор может так гордиться своей работой.

— А почему бы и нет? Это ведь одна из форм искусства, и я, безусловно, куда талантливее как вор, чем тот же Серджо Маллачи как художник!

— Пожалуй, я должен предупредить вас, что не имею при себе денег, — сухо сказал я.

— Я никогда не имею дела с наличностью, — скривил он губы. — Слишком легко проверить номера купюр.

— Краденый портрет опознать еще легче, — заметил я.

— Ха! — усмехнулся Хит. — Деньги люди обычно тратят, а произведения искусства — держат под замком. Вся штука в

том, чтобы красть вещи настолько известные, что их новые хозяева ни за что не решатся выставлять их открыто. Вот почему я имею дело с коллекционерами и никогда — с публичными аукционами.

Он задумался:

— Хотя, впрочем, я взял за правило доставать для клиентов все, что они хотят. Так что иногда приобретаю вещи честно и часто действую как посредник, а иногда даже консультирую тех, у кого деньги в избытке, а вкуса не хватает. Таким я обычно советую покупать картины вроде вот этой, — показал он на более чем посредственную абстракцию, висевшую над диваном.

— Но если вы приобрели портрет Маллачи честно, то уж его-то хоть могли продать с аукциона? — заметил я.

— Тогда многие задались бы вопросом, почему я продаю с аукциона не все. Последовательность может приводить в недоумение ординарные умы, но непоследовательность обычно привлекает внимание полицейских компьютеров.

— Не знаю, должен ли я вообще разговаривать с вами.

Я поежился, чувствуя, что невольно поддаюсь обаянию и манерам этого странного человека, и что мой страх и настороженность почти исчезли.

— Вы просто олицетворение аморальности, беспорядка и бесчестья!

— Вы меня переоцениваете, Леонардо, — добродушно ответил Хит. — Я просто джентльмен удачи в поисках оной и ничего больше. Меня можно даже пожалеть — я работаю усердней, чем любой из Хитов за последние пятьсот лет, — и все ради того, чтобы пополнить истощившееся семейное состояние.

Он замолчал и как будто в первый раз окинул взглядом окружающую обстановку.

— О Боже, какой ужасный вкус у этого дизайнера! Просто голые стены были бы лучше, чем это отвратительное металлическое покрытие. — Он покачал головой. — Держу пари, что в спальне он повесил спортивные фотографии...

— Что вы украли из музея? — прервал я его.

— Всего одну работу, — пожал он плечами. — Даже трудно поверить, что полиция так взбесилась из-за одного-единственного экспоната, не правда ли?

— Смотря что это было, — заметил я.

— Скульптура Мориты.

— Мориты! — воскликнул я в изумлении.

Хит кивнул. Он был весьма доволен собой.

— Одна из самых новаторских его работ.

— Но полиция обыщет ваш дом и наверняка найдет ее!

— Смотря какой дом, — беспечно ответил он. — У меня их одиннадцать и все на разное имя, причем на Карле Великом — только три. Вы не будете возражать, если я налью себе еще? — Он поднялся и подошел к бару. — Может быть, вы все-таки присоединитесь?

— Нет.

— Как хотите. — Он опять улыбнулся. — О, как же это я не сообразил! Где мои манеры! Вы, наверно, предпочли бы какой-нибудь бьорнинский напиток. Здесь можно заказывать на любой вкус.

— Спасибо, но я не испытываю жажды.

В этот момент в дверь постучали.

— Входите! — громко сказал Хит.

Повинуясь его голосу, дверь скользнула в сторону. Это был носильщик с моими вещами.

— Поставьте все в спальню, — распорядился Хит.

Проводив носильщика до двери, он наградил его чаевыми.

— Спасибо, мистер Леонардо! — поблагодарил тот. — Надеюсь, вы хорошо проведете время в Океании.

— Не сомневаюсь, — ответил Хит и приказал двери закрыться.

Мне стало слегка не по себе.

— Но Леонардо — это я!

— Верно, — усмехнулся он. — Но алиби скорее понадобится мне, чем вам.

— Для чего?

— Кто знает... Еще не вечер.

— Вы просто страшный человек!

— Но обаятельный, — улыбнулся он. — Папочка Хит всегда говорил: если не можешь создать капитал, то создай хотя бы его видимость. А для этого прежде всего требуется обаяние.

— У Малькольма Аберкромби есть состояние, и тем не менее это, пожалуй, наименее обаятельный человек из всех, кого я знаю, — заметил я.

— Аберкромби? Это тот, кому нужен портрет Черной Леди, да?

— Совершенно верно.

— Зачем он ему? Картина просто никуда не годится. Мне даже стыдно предлагать ее Тай Чонг, но у моих кредиторов дорогие привычки, так что я непременно должен что-то заработать на этой неделе.

— Он собирает коллекцию ее портретов.

— Я не знал, что она позировала кому-то еще.

— Она не позировала и для этого портрета, — объяснил я. — Она умерла больше шести тысяч лет назад.

— Чушь! — фыркнул он. — Она была любовницей Маллачи. По-моему, она до сих пор с ним.

— Вы, должно быть, ошиблись. Я видел ее фотографию, сделанную в те времена, когда человек еще не покидал Землю.

Он покачал головой:

— Просто кто-то похожий на нее.

— Я не мог ошибиться. Я видел своими глазами.

— Но и Маллачи не мог ошибиться, — возразил Хит. — В конце концов, он писал ее.

— Хорошо бы поговорить с этим Маллачи, — задумчиво сказал я.

— Почему бы и нет? Хотя, конечно, мне его придется сначала найти. На Карле Великом его нет.

— Я был бы вам очень благодарен.

— Я подумаю, что тут можно сделать, — пообещал Хит. — Кстати, сколько еще портретов Черной Леди есть у Аберкромби?

— Двадцать семь.

Глаза Хита хищно заблестели.

— И среди них есть работы известных авторов?

— Зачем это вам? — подозрительно спросил я.

Он обезоруживающе улыбнулся:

— Просто поддерживаю разговор. Не сидеть же здесь молча до самого вечера.

— Вы всем известный грабитель музеев. Не знаю, имею ли я право вам отвечать.

— Вы оскорбляете мои чувства, Леонардо!

— Извините, если так.

— Я вообще-то очень чувствительный человек.

— Не сомневаюсь.

— И тем не менее вы ничего мне не скажете о коллекции Аберкромби?

— Прежде чем отвечать, я попрошу моральных наставлений у Дома Крстхионн.

— Крстхионн, — повторил он. — Раньше вы упоминали другое название.

— Это мой Дом. А раньше я говорил о Доме Илстхни.

— Ах да! Они ювелиры, а вы — художественные эксперты. Объясните мне кое-что, Леонардо.

— Если смогу.

— Почему вы так отличаетесь от ювелиров? Ведь вы все принадлежите к одной и той же расе.

— Физически мы так же близки друг к другу, как и люди, — ответил я.

— Структурно — может быть, но вы оранжевый с фиолетовым и покрыты широкими полосами. А те бьорнны были с кругами и зеленые с черным.

— Люди тоже бывают разного цвета, но все они — люди. Наша Окраска определяет, в какой из Домов — их тридцать один — мы должны вступить, но тем не менее все мы — бьорнны.

— Вы хотите сказать, что выбираете профессию, руководствуясь врожденными признаками?

— А разве вы, по вашему собственному признанию, не обязаны своей аморальной профессией особенностям происхождения?

— Один — ноль в вашу пользу! — усмехнулся Хит. Он задумался: — И все-таки, если бы мои родители не промотали мое наследство, то для меня было бы открыто множество дорог. У вас, похоже, все иначе...

— Вы говорите так, как будто у нас нет свободы выбора. Вы не правы, уверяю вас. В каждой профессии есть самые разные обязанности и соответствующие дисциплины.

— Но все-таки вы должны выбрать именно эту профессию! — настаивал Хит.

— Мы становимся частью Дома — в этом вся разница, — объяснил я.

— Не вижу никакой разницы.

— В отличие от вас, мы происходим от стадных животных и поэтому обладаем врожденным инстинктом принадлежать чему-то, быть частью Семьи. Самое большое несчастье для бьорнна — родиться с окраской, отличной от Окрасок Домов.

— А это часто бывает?

— Примерно один раз из двух тысяч. Такого ребенка все избегают, и он почти сразу умирает.

— По-моему, это довольно жестоко.

— Ничего подобного. Раса стремится к генетической чистоте, а допустить особь без Окраски в общество — значит навлечь большую беду.

— И сколько уже поколений вы занимаетесь инбридингом?

— Вы опять не поняли. Спаривание часто происходит между членами различных Домов — специально, чтобы избежать нежелательных последствий инбридинга. Я сам — продукт такого брака. Моя мать была из Дома Крилкен, а отец, чью Окраску я ношу, — из Дома Крстхионн.

— Так вас воспитывал он?

— Меня воспитала Мать по Окраске.

— Я что-то совсем запутался, — признался Хит. — Вы же сказали, что у вашей матери была другая Окраска.

— Совершенно верно. Я был передан Матери-правительнице Дома Крстхионн — то есть моей Матери по Окраске, чтобы она воспитала меня в соответствии с этическими принципами нашего Дома.

— А ваш отец?

— Что отец?

— Разве он не принимал в этом участия?

— Я никогда его не видел. Он покинул Бенитарус II еще до моего рождения.

— Почему? Он что, нарушил какой-нибудь закон или им просто не понравился его выбор жены?

— Ничего подобного. Бьорннское общество — это матриархат. Мужские особи не имеют значения и легко заменимы, женские, напротив, — источник силы и стабильности Дома. Поэтому все мужские особи по достижении зрелости покидают Дом, а обычно и планету, чтобы не вносить разлад в устоявшийся порядок.

— Судя по вашему рассказу, они очень тоскуют по прежней жизни.

— Невыносимо тоскуют.

— А они когда-нибудь возвращаются?

— Только для спаривания или для того, чтобы получить дальнейшие моральные наставления от своего Дома.

Я многозначительно посмотрел на Хита:

— Путешествуя по галактике, невольно испытываешь множество вредных влияний, и поэтому необходимо время от времени возвращаться домой, чтобы снова погрузиться в моральную среду бьорннского общества.

Хит усмехнулся:

— Похоже, меня только что оскорбили.

— Извините, если так.

— Пожалуйста. А теперь, может быть, вернемся к Аберкромби и его коллекции?

— Мои моральные принципы запрещают это.

— Боже мой, как же достает эта мораль! — скривился он. — Особенно, наверное, бьорннов.

— Я прибыл из чрезвычайно гармоничного и добропорядочного общества, — гордо ответил я. — Без сомнения, я просто не смог правильно описать его вам.

— Не знаю. У меня сложилось четкое впечатление, что ваше общество во многом подавляет инициативу личности.

— Личность — ничто. Дом — это все.

— Вы что, и в самом деле верите во всю эту чепуху? — удивился Хит.

— Безусловно.

— Ну что ж, проведете пару недель со мной — станете смотреть на вещи более реально.

— Мы не пробудем вместе так долго.

— Еще как пробудем! — улыбнулся он. — Вы ведь должны осмотреть картину и, кроме того, собираетесь встретиться с Маллачи. Вот вам уже четыре-пять дней.

— Вы сказали, две недели.

— Сказал.

— И на что потребуется остальное время? — поинтересовался я.

— О, я уверен, мы сможем что-нибудь придумать, — деловито ответил Хит. Я понял, что к Малькольму Аберкромби и его коллекции нам еще предстоит вернуться.

9

За окном уже стемнело, но я все еще не пришел к определенному мнению относительно Валентайна Хита. Он приятен в общении, его интересно слушать, но, судя по его словам, а у меня не было причин ему не верить, это совершенно аморальный тип — преступник, который прятал краденые произведения искусства и, несомненно, собирался продать их ничего не подозревающей Тай Чонг! Поэтому еще до того, как мы спустились на нижний этаж отеля «Эксельсиор», я твердо решил сопровождать его лишь до тех пор, пока не получу картину Маллачи, а затем как можно скорее вернуться на Дальний Лондон.

— Мы возьмем такси или вы предпочитаете какой-нибудь общественный транспорт? — спросил я, когда мы вышли из отеля.

— Общественный транспорт? — Хит скорчил презрительную гримасу. — Стоять в обнимку с пролетариями, которые дышат вам в лицо табачным дымом и чесноком? Как можно, Леонардо!

— Тогда я возьму такси, — сказал я, выходя на обочину.

— Позвольте мне.

Он махнул рукой, и роскошный серебристый лимузин, стоявший неподалеку, тут же подъехал и остановился перед нами.

— Это моя гордость, — похвастался он, открывая мне дверцу. — Здесь даже прикуриватель для сигар атомный. Как вам?

— Большая машина, — сказал я, усаживаясь на необъятное заднее сиденье.

— Если хотите выпить, есть встроенный бар.

Хит сел рядом со мной, нажал кнопку, и между нами возник небольшой шкафчик, заставленный бутылками.

— Нет, спасибо.

— Еще есть видео с октафонической звуковой системой.

— Как интересно!

Он нажал еще одну кнопку, и я невольно вскрикнул — сиденье подо мной начало вибрировать.

— Это помогает, когда намаешься, удирая от полиции, — объяснил Хит.

Он постучал в матовую стеклянную панель, отделявшую нас от водителя-моллутеи, и тот опустил ее.

— Да, мистер Хит?

Водитель говорил через устройство, которое переводило его речь на чистый земной язык.

— В подземный пентхаус, Джеймс.

— Хорошо, мистер Хит, — ответил моллутеи, вновь поднимая панель.

— Что такое подземный пентхаус? — поинтересовался я.

— Такая квартира под землей, — усмехнулся Хит.

— Я слышал, вы назвали шофера Джеймсом. Не знал, что у моллутеи есть человеческие имена.

— Нет, конечно. Но его настоящее имя я произнести не могу, поэтому зову Джеймсом. Предыдущий, насколько я помню, был у меня Оскаром.

— Это замечательно, что вы нанимаете на работу инопланетян.

— Кажется, я упоминал, что на Карле Великом им не разрешается свидетельствовать в суде, — ответил Хит.

Он помолчал.

— Кроме того, им можно платить меньше, чем людям, а я вынужден постоянно экономить. Правда, это не всегда получается. Я приучен пользоваться только лучшим, но никто не подумал научить меня, как на это заработать. Моя профессиональная жизнь — это непрерывное чередование проб и ошибок.

— Не похоже, чтобы вы делали много ошибок, — заметил я. — Живете вы неплохо.

— Да нет, ошибок я наделал достаточно, — улыбнулся он. — Как, впрочем, и полиция, к счастью. Удивительно, как долго до них доходит, что человек моего положения может быть вором. Биржевые аферы, махинации с правительственными заказами, политическое мошенничество — этого вполне можно ожидать от состоятельного человека с хорошим воспитанием. Но тать в нощи? Это им никогда не приходит в голову.

— Как же тогда получилось, что вам пришлось прятаться в моем номере?

— *Почти* никогда, — поправился он. — Ну и конечно, когда они наконец меня поймают, Морита уже давно будет у человека, у которого еще меньше желания, чем у меня, афишировать свое приобретение. Тогда меня выпустят чистым как стеклышко и притом с обильными извинениями, а в следующий раз трижды подумают, прежде чем заподозрить в очередной краже.

— Весьма удобно для вас, — неодобрительно сказал я.

— И подумайте, насколько нелогично! Какая глупость — арестовывать какого-нибудь нищего типа из низов общества за кражу драгоценностей или редкой картины! Да где ему — он же едва способен заплатить за чистую рубашку! В то время как мне требуется больше полумиллиона кредитов только на основные расходы, и это при полном отсутствии легальных средств к существованию. Если взглянуть на это с точки зрения логики, полиции стоило бы засадить в тюрьму всех богатых бездельников и держать их там, пока виновный не признается.

— Очень интересная точка зрения, — признал я.

— И к тому же подкрепленная фактами, — продолжал Хит. — Я никогда не боюсь быть ограбленным, когда нахожусь

среди немытых пролетариев, но, общаясь с себе подобными, всегда вооружаюсь до зубов. — Он подался вперед. — Запомните, Леонардо, если кто-то вам скажет, что ему не нужны деньги, держите крепче свой бумажник и бегите!

— А если он признается, что вор?

— Мы все воры, — усмехнулся Хит. — Только я — честный вор.

— Здесь явное противоречие.

— А как же! Кто сказал, что человек не противоречив? — Он осмотрелся вокруг. — Ага! Вот мы и на месте.

Я хотел открыть дверцу, но Хит мягко удержал мою руку.

— Погодите. — Он нажал на кнопку переговорного устройства. — Два раза вокруг квартала, Джеймс. — И повернувшись ко мне, добавил: — Если вы не против, мы сначала убедимся, что за нами нет слежки и дом не находится под наблюдением.

— А если это не так?

— Тогда я переоденусь соседом и унесу картину прямо у них из-под носа.

— А что, если появится настоящий сосед?

— Вы его видите перед собой, — улыбнулся он.

— Не понимаю.

— У меня в этом доме две квартиры. Та, что в цокольном этаже, — на мое настоящее имя, а ту, что на шестом, снимает пожилой господин с седой бородой, который сильно хромает на одну ногу. Он редко выходит из дому — лишь затем, чтобы соседи могли его запомнить.

— То есть, если я правильно понял, в Океании вы живете под двумя разными именами?

— На самом деле, под тремя, — признался Хит. — Это неудобно, но вдруг они могут понадобиться.

Он опять обратился к водителю:

— Достаточно, Джеймс. Когда мы выйдем, встаньте в квартале отсюда и будьте наготове.

Машина остановилась, и мы вышли, вдохнув теплый и сухой ночной воздух.

— Сюда, — сказал Хит, подводя меня к парадной двери большого многоквартирного здания из стекла и стали.

Мы вошли в небольшой вестибюль и подождали, пока система безопасности опознает Хита.

— Добрый вечер, мистер Хит, — сказал металлический голос.

— Добрый вечер, — ответил Хит.

— Вы не один, — продолжал голос. — Пожалуйста, назовите вашего спутника.

— Это Леонардо из расы бьорнов, мой деловой партнер с Дальнего Лондона. Он погостит у меня несколько дней.

— Зарегистрировано, — произнес голос.

В тот же момент часть стены открылась, и Хит прошел внутрь, жестом пригласив меня следовать за ним. По ярко освещенному коридору мы прошли к лифту и через мгновение уже были в цокольном этаже.

— Вот мы и дома, — сказал Хит, подойдя к двери.

Как только его голос и линии сетчатки были идентифицированы, дверь бесшумно скользнула в сторону и мы вошли в темную квартиру.

— Свет! — скомандовал он.

В то же мгновение все вокруг засияло красками, и я оказался в элегантно обставленной комнате, в которой имелось все, чтобы приятно провести время, — от широкоэкранного голографического видео до полного набора игр с участием компьютера. Включилась декафоническая звуковая система, и зазвучал струнный квартет. Одновременно стены и потолок расцветились гипнотически переливающимися пастельными узорами. В стеклянной витрине вдоль одной из стен располагалось десятка два скульптур и артефактов со всей галактики — маленьких, изящных и поражающих техникой исполнения. Хромовая столешница плавала в воздухе в двух футах над полом перед покрытым мехом диваном. На ней лежали три книги с Земли в кожаных переплетах.

— Выпьете что-нибудь? — спросил Хит.

— Нет, спасибо.

— Никогда не встречал такого сухого создания, как вы, — заметил Хит. — Может, вы проголодались? У меня прекрасно оборудованная кухня, хотя, должен признаться, я сам в жизни ничего не готовил. Вам придется орудовать самому.

— Возможно, попозже. А теперь я хотел бы посмотреть картину Маллачи.

— Пожалуйста, — сказал он и вышел в соседнюю комнату.

Через мгновение Хит вернулся с широким холстом, который расположил на диване. Это был портрет с голограммы Тай Чонг.

— Ужасно, не правда ли?

— Да, опыта у него маловато, — признал я.

— У меня не хватило бы наглости предложить его Тай Чонг, — продолжал Хит, — но женщина так красива, что почти не замечаешь ошибок художника. — Он не отрывал глаз от портрета. — В самом деле хороша, а?

— Да, — согласился я. — Вы не знаете, у Маллачи есть другие ее портреты?

— Сомневаюсь, — ответил Хит. — Насколько мне известно, это вообще его первая работа.

— Вы можете что-нибудь о нем рассказать?

— Не так уж много. Большую часть времени он проводит на Внутренней Границе, хотя официально живет на Квантосе IX. О своей работе никогда не рассказывает, но судя по слухам и косвенным данным, он охотник на преступников, и довольно удачливый.

— Но если он богат и рисует не на продажу, то почему поручил вам продать портрет?

— Насколько я понимаю, несколько месяцев назад она его бросила.

— И он так переживает, что не хочет никаких напоминаний о ней?

— Или так взбешен.

Я повнимательней вгляделся в лицо на портрете:

— Он говорил, почему она ушла или где она сейчас?

Хит покачал головой:

— Я ведь почти его не знаю, Леонардо. — Он снова с сомнением посмотрел на картину. — Вы в самом деле думаете, что Аберкромби захочет ее купить?

— Захочет.

— У этого человека совершенно нет вкуса.

— Он собирает ее портреты, — объяснил я.

— Понятно — ему нужна полная коллекция.

— Он мечтает об этом.

— А что, это трудно? — удивился Хит. — В конце концов, ей наверняка нет еще и тридцати пяти лет. Сколько человек могли ее рисовать?

— Больше, чем вы можете себе представить. Ее скульптурные и живописные портреты появляются уже в течение восьми тысяч лет.

— Должно быть, у нее стандартное лицо.

— А вы раньше видели подобное?

Хит вгляделся в портрет.

— Нет, никогда, — покачал он головой.

— А Маллачи когда-нибудь говорил о ней?

— Вы что, думаете, мы с ним старые друзья? Я и видел-то его всего два раза. Он говорил только, что встретил ее где-то на Границе.

— Они долго были вместе?

— Кто знает, — пожал плечами Хит.

— Мне бы все-таки хотелось поговорить с Маллачи.

— Зачем?

— Чтобы узнать, существует ли она на самом деле.

— Я же сказал — она была его любовницей!

— Но вы никогда не видели ее.

— Это верно.

— А кто-нибудь из ваших знакомых видел?

— Нет.

— Тогда, может быть, Маллачи все придумал?

— Какой ему смысл врать? — удивился Хит.

— Я заметил, что люди часто лгут без причины.

— Это правда, — улыбнулся он. — Но вам-то какая разница, существует она или нет?

— Эту женщину изображали на протяжении всей человеческой истории, и часто как мифический персонаж. Если ее не существует в действительности — допустим, Маллачи просто имел в виду, что в силу своей профессии он близок с некой богиней войны или смерти, тогда он должен был иметь какой-то источник вдохновения для своей работы. И если я смогу найти его, попытаюсь купить для Малькольма Аберкромби.

— И что, он купит его не глядя?

— Да.

— Неужели он настолько на ней помешан?

— Именно так.

На лице Хита появилось хищное выражение.

— Я чувствую, что на этом можно сделать хорошие деньги.

— Вы их уже делаете, — заметил я.

Он одарил меня еще одной обезоруживающей улыбкой.

— Да, конечно.

— А где сейчас Серджо Маллачи?

— Надеюсь, что на Квантосе IX, — ответил Хит. — Подождите, я сейчас свяжусь по видеофону с нашим общим приятелем и выясню.

Он вышел из комнаты, а я принялся листать переплетенные в кожу книги, что лежали на плавающем в воздухе столе. Две из них оказались различными изданиями Библии, а третья — переводами Танбликста, великого поэта с Канфора. Я как раз просматривал ее, когда Хит вернулся в комнату.

— Нам не везет, — объявил он. — Маллачи на одной из планет Внутренней Границы под названием Ахерон.

— Не знаю такой.

— Я тоже. Но думаю, не ошибусь, если скажу, что это одно из самых паршивых местечек в тех краях.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Ахерон — один из синонимов ада.

— Вы сможете определить его координаты?

— Не уверен, что дело того стоит, — сказал Хит.

— Как?

— Маллачи должен был вернуться на Карл Великий еще две недели назад и не вернулся... При его профессии это может означать смерть.

— Понятно.

— Ваши цвета потемнели, — заметил Хит.

— Это от разочарования.

— Не отчаивайтесь пока, — сказал он. — Я буду узнавать каждый день. Есть шанс, что он все-таки появится, прежде чем вы вернетесь на Дальний Лондон.

Он бросил взгляд на книгу в моих руках.

— Любите поэзию?

— Меня интересуют книги, — ответил я.

— Очаровательные вещицы, — согласился он. — Хотя и страшный анахронизм. Всю библиотеку Океании можно уместить в модуль памяти размером в половину этой книги.

— Наверняка.

— И все-таки приятно их иметь — если, конечно, можешь себе это позволить.

— Как странно — у вас тут издания Библии, — заметил я.

— Как? Почему?

— Не хочу вас обидеть, — сказал я, облекая мое замечание в форму диалекта Дипломатов, — но вы едва ли похожи на исследователя моральных принципов своей расы.

Хит весело рассмеялся:

— Я не читаю их. Только собираю.

— Можно догадаться, — сухо сказал я.

— Здорово это у вас получается, Леонардо, — с восхищением произнес он.

— Что получается?

— Так спокойно, вкрадчиво — и ужалить в самую печенку.

— Уверяю вас, что...

— Избавьте меня от ваших уверений! — перебил он. — Я скажу вам, когда обижусь.

Я промолчал, не зная, что сказать. Последовала пауза.

— Расскажите мне об этой Черной Леди, — произнес наконец Хит. — У нее есть имя?

— Не имею понятия. Скорее вы могли бы знать это.

Он покачал головой:

— Маллачи упоминал о ней всего один раз и сказал только, что она его любовница.

Хит стал расхаживать по комнате.

— Не понимаю, как она могла попасть на все эти картины.

— Не знаю, — ответил я. — Сначала я предположил, что мы имеем дело с неким мифическим персонажем, связанным с войной, но эта гипотеза, как оказалось, противоречит фактам.

Хит скорчил гримасу:

— Мы говорим так, будто эта женщина никогда не существовала, хотя я знаю точно, что еще меньше года назад она была жива и здорова.

— Это не так, — возразил я. — Вы никогда ее не видели. То, что она была любовницей Маллачи, известно только с его слов.

— Зачем бы он стал мне врать? — возмутился Хит. — Ведь она мне не нужна.

— Но если Маллачи говорил правду, то, как ее лицо могло появиться на трех десятках картин возрастом почти восемь тысяч лет?

— Откуда мне знать! — раздраженно ответил он. — Может быть, просто совпадение?

— И вы верите в такие совпадения?

— Нет, — признался он. — Но я верю, что должно быть какое-то логическое объяснение — просто пока мы не нашли его. Может быть...

Его речь прервал пронзительный звуковой сигнал.

— Что это? — Я испуганно вздрогнул.

Хит весь напрягся.

— Джеймс. Сообщает, что у нас гости.

— Полиция?

Он кивнул:

— Боюсь, нам придется уходить довольно поспешно.

— Но зачем? — удивился я. — Вы ведь, по вашим словам, получили картину Маллачи законно. Так что вам скрывать?

Хит рассмеялся:

— Только в этой комнате я вижу три книги и больше дюжины инопланетных скульптур, которые стоит прятать. А вы еще не видели, что у меня в спальне!

Он с грустью окинул взглядом свою коллекцию.

— Пожалуй, уже нет времени забрать их с собой. Жалко... Ну все. Пойдемте!

— А почему вы просто не переоденетесь и не станете тем, другим человеком? — спросил я.

— Потому что весь мой грим и прочее остались в квартире на шестом этаже. Поторопитесь, Леонардо, скорее!

— У меня нет причин бояться полиции.

— Разве вы не хотите встретиться с Маллачи?

— Вы сказали, что он, может быть, уже мертв...

— Но может быть, и жив.

— Тогда я и сам смогу найти его, когда мне будет удобно. Полицейские мне друзья, а не враги.

— Не скажите, — протянул Хит. — Инопланетянин один в квартире, набитой краденными вещами, — это будет трудновато объяснить. — Он ухмыльнулся. — Они даже могут подумать, что вы и есть вор.

Он, должно быть, заметил, в какой ужас меня привели его слова, и продолжал еще более настойчиво:

— Во всяком случае, у них не будет сомнений, что вы во всем этом как-то замешаны, а к тому же и система безопасности подтвердит, что я назвал вас деловым партнером и вы не возражали.

— Ни один бьорнн никогда не был арестован! Я опозорю Дом Крстхионн!

— Тогда перестаньте заламывать руки и вперед!

— Они все равно узнают, что я здесь был — даже если нам удастся уйти!

— Ну и что? Тай Чонг послала вас осмотреть картину. Она им все так и объяснит.

— Картина! — воскликнул я. — Мы не можем уйти без нее! Ведь я из-за нее сюда приехал.

— Хорошо, — спокойно сказал Хит. — Берите ее. У нас есть еще в запасе минута или две, пока полиция справится с системой безопасности и найдет нужный лифт.

Я кинулся к портрету и потащил его к двери.

— А теперь — за мной, — скомандовал Хит.

Он вышел в коридор и быстро зашагал к служебному лифту. Мне ничего не оставалось, как бежать за ним, неловко волоча ноги. Через двадцать секунд мы уже поднимались, и первый этаж остался позади.

— Куда теперь? — спросил я.

— В мою вторую квартиру. Пронести картину мимо полицейских будет трудновато — так что лучше пока оставим ее там.

— А что потом?

— Спокойнее, Леонардо, вы слишком волнуетесь.

Мы вышли на шестом этаже, прошли по коридору и остановились у двери. Хит на мгновение остановился перед ней, внимательно осматривая, потом быстро пошел по направлению к лестнице.

— Что случилось? — шепотом спросил я.

— В квартире полиция.

— Откуда вы знаете?

— Выходя, я всегда приклеиваю кусочек темной ленты там, где дверь входит в стену. Если дверь открыть, лента отстает.

— Может, ее открывал кто-то из персонала отеля?

— Вы согласны рисковать?

— Нет, — поспешил ответить я.

— Я тоже.

— Что же теперь, друг Валентайн?

От страха я непроизвольно перешел на диалект Симпатии.

— Ну, что ж, — задумчиво сказал Хит. — Я всегда восхищался киногероями, которые прыгают как кошки по городским крышам, но сильно сомневаюсь, что у меня это получится, так что, думаю, нам придется положиться на интеллект, а не на ловкость.

Он подумал:

— Выход на крышу — это слишком очевидно, да и у черного хода они наверняка стоят.

— Пожалуйста, быстрее! — в отчаянии воскликнул я.

— Прямой опасности пока нет, — ответил он. — Они просто решат, что меня нет в городе, и будут следить за входом.

— А система безопасности? Она же сообщит им, что вы здесь!

— И в самом деле! А я совсем забыл. — Он удивленно повернулся ко мне. — Слушайте, Леонардо, у вас отличные задатки для нашего дела!

— Ну пожалуйста! — взмолился я.

— Так. Вверх нельзя и вниз тоже нельзя. Думаю, лучше всего — идти напролом. За мной!

Мы спустились на один пролет и оказались на пятом этаже.

— А теперь что? — спросил я, нервно озираясь.

— А теперь мы как ни в чем не бывало выйдем через парадную дверь.

— Вы шутите!

— Ничего подобного.

— Они знают, что я бьорнн! — воскликнул я. — Меня легко опознать.

Хит улыбнулся:

— Но они не знают, как бьорнны выглядят. А если и видели когда-нибудь, то скорее всего зеленых с черным и разрисованных кругами. Уверяю вас, для них вы просто очередной инопланетянин.

Дверь лифта открылась. Хит заглянул в пустую кабину, однако входить не стал.

— Я знал, что вы шутите, — сказал я с немалым облегчением.

— Нет-нет, — ответил он. — Я просто жду полную кабину.

— Зачем?

— Тогда мы будем в толпе, которая спускается с верхних этажей, а полиция ищет двоих, поднимающихся снизу.

— И вы думаете так просто одурачить их? — спросил я недоверчиво.

— Попробуем...

В этот момент подошел лифт, наполненный людьми, и мне ничего не оставалось, как войти вслед за Хитом в кабину.

По мере того как рос мой страх, оттенки окраски становились все ярче и ярче, и к моменту выхода я с ужасом почувствовал себя предметом всеобщего интереса. Тем более что под мышкой у меня была картина Маллачи. Хит еще в лифте завязал разговор с каким-то пожилым господином и продолжал беседовать с ним, пока мы не поравнялись с троицей полицейских у парадного входа. Проходя мимо полицейских, он дружелюбно кивнул одному из них, и, к моему крайнему изумлению, тот кивнул в ответ и больше не обращал на нас никакого внимания.

Когда толпа, выйдя из здания, разделилась, мы присоединились к четверым, которые повернули налево — в противоположную сторону от автомобиля с водителем-моллутеи —

и стояли на движущейся дорожке, пока не скрылись окончательно из глаз полиции. Тогда Хит достал из кармана переговорное устройство, и минуту спустя его машина остановилась перед нами.

— Отлично сработано, Джеймс, — сказал Хит, когда мы забрались внутрь. — Теперь давай-ка гони в космопорт.

— И что дальше? — спросил я с колотящимся сердцем.

— Через несколько часов полицейские поймут, как легко мы их одурачили, и тогда довольно сильно рассердятся. Полагаю, что в этот несчастливый момент нам следует быть как можно дальше — так почему бы заодно не попытаться найти Серджо Маллачи?

Он откинулся назад и рассмеялся:

— Итак, следующая остановка — Ад.

10

Все мое тело онемело, суставы, казалось, застыли от холода, и чтобы шевельнуть пальцем, требовалось громадное усилие воли. По мере того как способность к ощущениям постепенно возвращалась, я почувствовал голод — всепоглощающий, жадный, ненасытный. И наконец в лицо мне ударил свет, настолько яркий, что глаза заслезились даже под закрытыми веками. Я хотел вытереть слезы рукой, но не смог согнуть ее. Внезапно в мое сознание проник голос, доносившийся как будто издалека.

— С возвращением! Как спалось?

Я попытался спросить, где нахожусь, но издал лишь невразумительный звук — мои губы не хотели слушаться.

— Не пытайтесь пока говорить или двигаться, — произнес голос, и на этот раз я понял, что он принадлежит Валентайну Хиту. — Вы только еще просыпаетесь. Две-три минуты — и все будет в порядке.

Сделав усилие, я открыл глаза и попытался посмотреть на него, но мои зрачки расширились до предела, так что сфокусировать взгляд было невозможно.

— Где я? — удалось мне наконец с трудом выговорить.

— На моем корабле, — ответил Хит.

— Где... корабль?

— Примерно в трех неделях полета от Карла Великого или четырех часах от Ахерона. Смотря откуда считать.

Очередная попытка дотянуться до лица оказалась успешной. Я вытер слезы и осторожно ощупал голову.

— Что со мной случилось?

— Немного вздремнули.

— Долго?

— Почти три недели.

— Не понимаю.

— Мне пришлось погрузить вас в анабиоз уже через пару часов после старта с Карла Великого, — объяснил Хит. — Вы превратились в настоящий комок нервов — все время вопили про позор и бесчестье, а потом стали требовать, чтобы я развернул корабль и доставил вас на Бенитарус II. Вот я и решил, что вам лучше поспать, пока мы не доберемся до Ахерона.

Память разом вернулась ко мне — полиция, чудесное спасение из квартиры Хита и, наконец, осознание того, что теперь я беглец, скрывающийся от правосудия. Тем не менее я ощущал странное спокойствие — без сомнения, причиной тому была физическая слабость. Я попытался сесть и невольно вскрикнул — голову и спину пронизала острая боль.

— Не двигайтесь пока, — удержал меня Хит. — Дайте телу еще пару минут, чтобы прийти в норму. И насколько я могу судить по себе, вы должны испытывать страшный голод. Правда, в анабиозе обмен веществ почти останавливается, но все-таки за неделю-другую можно зверски проголодаться. Заказать вам что-нибудь на кухне?

— Да, пожалуйста.

— Здесь только соя, но ей можно придать любой вкус. — Он задумался. — Вы говорили, бьорнны происходят скорее от жертв, чем от хищников, так что о бифштексе, я полагаю, не может быть и речи?

— Растения — это все, что нужно, — ответил я.

— Хорошо, значит, салат. Чем-нибудь заправить?

— Не надо.

Туман в моих глазах несколько рассеялся, и я смог увидеть, как Хит согласно закивал.

— Ладно, пусть будут просто растения.

Он начал вводить в компьютер команды для корабельной кухни.

Я уже настолько оправился, что смог сесть и осторожно перенести ноги через край пластикового контейнера, в котором находился. Голова еще немного кружилась.

— Удобная штука этот анабиоз, — заметил Хит. — Не могу понять, почему пассажирские компании не практикуют его на своих рейсах. А то ведь с ума можно сойти от скуки. — Он улыбнулся. — Себе я поставил будильник на шесть часов раньше, чем вам, — на случай, если вы будете все еще не в духе, когда проснетесь.

Это было настолько по-человечески, что я даже не обиделся.

— Мы все еще скрываемся?

— Понятия не имею, — ответил Хит. — Не спрашивать же полицию, ищет она нас или нет!

Экран компьютера мигнул ярким светом.

— Ага! Это, наверно, ваш салат. Дойдете сами до кухни?

— Постараюсь, — ответил я, осторожно вставая на ноги.

Чувствовал я себя на удивление хорошо — сил как будто даже прибавилось.

— Я же говорил, всего пара минут! — обрадовался Хит. — И заметьте — за последние три недели вы постарели всего на день.

Бьорнну пристало заботиться о качестве своей жизни, а не о продолжительности, поэтому я ничего не ответил и просто последовал за Хитом на корабельную кухню, где меня уже ждала порция овощной массы. Голод так мучил меня, что я тут же, не присев, начал хватать руками большие куски и отправлять их в рот.

— Ну как, теперь получше? — спросил Хит, когда я закончил есть.

— Да.

— Вот и славно.

— Я должен поговорить с вами.

— Сколько угодно, — ответил он добродушно.

— Я должен немедленно вернуться на Бенитарус II.

— Ну вот! Неужели опять все сначала?

— Общение с человеческими существами запятнало мою репутацию, — упрямо ответил я. — Хозяин обвинил меня в бесчестном поступке, теперь за мной вдобавок гонится полиция, а я даже не могу понять, как это все получилось! Мне ясно только одно — находясь вне родной планеты, я с каждой минутой рискую еще больше опозорить себя и навлечь бесчестье на свой Дом.

— Леонардо, мы всего в четырех часах пути от Ахерона. А до Бенитаруса лететь недель шесть!

— Общение с вами наносит мне моральный вред. Я должен немедленно вернуться домой, чтобы погрузиться в привычную атмосферу бьорнинского общества!

Хит покачал головой:

— Об этом не может быть и речи. И не только потому, что Бенитарус на другом конце галактики. Дело в том, что полиция будет в первую очередь искать вас именно там.

— Что?! — Меня охватила паника.

— Да-да.

— Но этого нельзя допустить! Неужели моей Матери по Окраске придется разговаривать с полицией! — Внезапно у меня мелькнула ужасная мысль. — Боже! Они могут быть уже там!

— Если так, то теперь уже поздно об этом беспокоиться.

— Вы не понимаете! — воскликнул я в отчаянии. — Это же самый страшный позор!

— Послушайте, — сказал Хит. — Как только мы покончим с делами здесь, я доставлю вас на Дальний Лондон. Там вы вручите картину Аберкромби, а я поговорю с Тай Чонг и объясню ей ситуацию, чтобы она уладила все проблемы с полицией. И тогда вы сможете спокойно отправляться куда угодно.

— Но тогда будет уже поздно!

Он пожал плечами:

— Ну ладно, я свяжусь с ней сейчас, пока мы не сели на Ахерон. Это вас успокоит?

От волнения я не мог выговорить ни слова и только кивнул.

За несколько минут Хит составил и отослал по подпространственной связи сообщение для Тай Чонг, где он излагал все, что произошло, полностью снимая с меня ответственность за все нарушения закона, и просил ее переслать это письмо моей Матери по Окраске.

— Довольны? — спросил он, закончив.

— Почему вы это делаете для меня?

— Потому что я исключительно порядочный и внимательный человек, — улыбнулся он.

— Лишь очень немногие люди совершают добрые поступки, если это не приносит им прибыли, — заметил я. — За время нашего общения мне не показалось, что вы — один из них.

Хит усмехнулся:

— Да вы циник, Леонардо. Вообще-то, — добавил он, — мне еще очень любопытно, что это за Черная Леди. Все, что с ней связано, интригует.

— Настолько, что вы готовы везти меня сюда, а потом на Дальний Лондон? И все за свой счет, без всякой компенсации? — усомнился я.

— Ну, допустим, мой интерес к ней не вполне бескорыстен... Ладно, хватит об этом.

Корабль внезапно тряхнуло, и я чуть не упал.

— Это торможение. Переходим на субсветовую скорость, — объяснил Хит. — Уже должно быть что-то видно.

Он включил обзорный экран.

— Вот он. Даже на вид горячий. Попробуем почитать, на что он похож.

Компьютер выдал основные данные об Ахероне — красноватой планете примерно пяти тысяч миль в поперечнике с двумя небольшими океанами и почти без облачного слоя в атмосфере. Поверхность была испещрена метеоритными кратерами, а полюса имели тот же цвет, что и экваториальная область. Единственная луна, не более двадцати пяти миль в диамстре, оборачивалась вокруг планеты так быстро, как будто стремилась покинуть этот негостеприимный мир.

— Как может здесь кто-то жить? — спросил я, глядя на экран.

— Раньше здесь добывали минералы, — ответил Хит.

— А теперь запасы истощились?

— Нет. Просто нашлись планеты побогаче, а эту бросили.

— И кто здесь живет теперь?

Хит бросил взгляд на экран.

— Почти никто. Население меньше трех сотен. Теперь это просто аванпост, перевалочный пункт для торговцев и шахтеров.

— А дождь здесь когда-нибудь бывает?

— Нечасто, — ответил он и опять обратился к компьютеру. — Посмотрим. Средняя температура на экваторе — тридцать четыре градуса Цельсия, а на северном полюсе — двадцать девять. — Он поморщился. — Сила тяжести немного поменьше, чем мы привыкли. Не настолько, правда, чтобы кувыркаться при ходьбе, но достаточно, чтобы расходовать существенно меньше энергии. Это поможет нам переносить жару. Разумных рас нет. Местной фауны — тоже. Только флора, но редкая и примитивная.

Он посмотрел на меня:

— Удивляюсь, что нашлось хотя бы три человека, чтобы поселиться здесь, не говоря уже о трех сотнях.

— А атмосфера?

— Довольно разреженная, но дышать можно. Хотя гляньте-ка на эти примесные элементы — у меня жуткое предчувствие, что здесь воняет как на гнилой помойке.

Следующие несколько часов, пока мы окончательно приходили в себя после анабиоза, красный шар постепенно становился все больше, пока не закрыл собой весь экран.

— Мы уже совсем близко, — заметил я. — Не пора ли вам запросить разрешение на посадку?

— У них, похоже, нет даже космопорта, — ответил Хит. — Датчики обнаружили только небольшой город, а рядом с ним, к северу — два десятка кораблей. Думаю, туда нам и следует садиться.

— Надеюсь, они не воспримут это как акт агрессии?

— Да кто на них позарится? — рассмеялся он.

Через несколько минут мы вошли в атмосферу и вскоре приземлились на краю поселка довольно жалкого вида, состоящего из единственной улицы. Дома и магазины с купо-

лообразными крышами и толстыми слоями высохшей глины поверх для дополнительной защиты от палящего солнца наполовину вросли в землю. Входы также были ниже уровня земли и имели наклонные скаты вместо ступенек. Когда-то главная улица пересекалась еще двумя, на что указывали остатки разрушенных зданий, похожие на скелеты.

Мы вышли из корабля и увидели, что к нам направляется человек небольшого роста, черноволосый и черноглазый, одетый в старомодный, покрытый пылью костюм.

— Добро пожаловать на Ахерон, — сказал он, протягивая руку Хиту и не обращая внимания на меня. — Я Джастин Перес, здешний мэр.

— Валентайн Хит, — представился мой спутник, пожимая протянутую руку. — А это Леонардо, мой деловой партнер.

Хит взглянул на столб пыли, крутящийся посреди пустынной улицы.

— Интересно, зачем на Ахероне нужен мэр?

— А он и не нужен, — признался Перес. — Но зато нужны поставки продовольствия, а эти идиоты бюрократы на Делуросе VIII ни за что не захотят их оплачивать, если у нас не будет законного правительства. Означенное и стоит перед вами, — улыбнулся он. Улыбка, однако, тут же исчезла. — И как законному правительству, мне необходимо знать цель вашего прибытия на Ахерон.

Он пристально посмотрел сначала на Хита, потом на меня.

— Вы чертовски не похожи на охотников.

— А мы и не охотники, — ответил Хит.

— Ну что ж, это весьма приятное исключение. Кто же вы?

— Я ищу друга, — ответил Хит. — Возможно, вы знаете его.

— Если он на Ахероне, то, конечно, знаю. Как его имя?

— Серджо Маллачи, — ответил я.

— Ты знаешь земной язык? — Перес удивленно вытаращился на меня. — А по твоему виду, паренек, этого не скажешь.

— А Маллачи... — начал Хит.

— Вы опоздали.

— А где он, вы знаете?

— Конечно.

— Вы не против того, чтобы поделиться с нами этой информацией?

— Не думаю, что это вам поможет, — ответил Перес. — Он на кладбище. На южном конце города. — Он прищурился. — А вы в самом деле не охотники?

— Я агент по продаже картин, — сказал Хит. — Я продал портрет, который написал Маллачи, и хотел вручить ему деньги.

— А что это за инопланетянин?

Перес не глядя ткнул пальцем в мою сторону.

— Я уже говорил — это мой деловой партнер.

Перес пожал плечами.

— Ну что ж, в конце концов, это Граница, — сказал он неодобрительно. — Не мне советовать, с кем вам вести дела... Так вы хотели заплатить ему за картину?

— Совершенно верно.

— А вы уверены, что это тот самый Серджо Маллачи?

— Абсолютно.

— Охотник на преступников?

— Да, он самый.

— Ну что ж, тогда, я думаю, вам придется разыскать его семью и отдать деньги им. — Перес немного помолчал. — Так он что, и в самом деле писал картины?

— Только одну, — ответил Хит.

Перес недоверчиво покачал головой:

— Надо же. Каждый день узнаешь что-то новое. Держу пари, что это был портрет его женщины.

— Брюнетка? Бледная кожа, черные глаза? — Хит весь напрягся.

— Точно, она. — Перес сделал паузу. — Ну что ж, весьма сожалею, что вам пришлось так далеко добираться и все впустую.

— Это наша работа, — небрежно махнул рукой Хит. — Но раз уж мы здесь, я хотел бы по крайней мере выпить, прежде чем пускаться в обратный путь. Я и мой партнер будем рады, если вы присоединитесь к нам в качестве гостя.

— Он что, тоже пьет? — спросил Перес. Помедлил, обдумывая предложение. — Почему бы и нет? — сказал он наконец. — Во всяком случае, это безопасней, чем стоять здесь.

— А здесь небезопасно? Почему? — спросил я с тревогой.

— Все может случиться, — ответил Перес и направился в сторону поселка, до которого было метров четыреста.

Несмотря на небольшую силу тяжести, жара скоро утомила меня, и поспевать за людьми становилось все труднее. Внезапно я уловил легкое движение на крыше одного из домов. Поморгав немного, чтобы убедиться, что это не тепловой мираж, я снова вгляделся — и явственно различил человека в сером, который прятался на крыше в тени соседнего, более высокого здания. И дальше, идя по улице, я продолжал ощущать смутные силуэты людей, затаившихся в темных дверных проемах. Весь сжавшись и сгорбившись, чтобы меньше выделяться на фоне пустынного пейзажа, я инстинктивно поспешил вперед, поближе к своим спутникам.

— Что с вами, Леонардо? — удивился Хит, обратив внимание на мой необычный вид. — Поранились?

— Нет.

— Тогда что случилось?

— Ничего, — ответил я, не желая говорить о своих наблюдениях в присутствии Переса.

Хит посмотрел на меня еще раз, пожал плечами и продолжил путь. Спустя минуту мы подошли к таверне и с облегчением вошли в прохладное помещение. Народу было немного. Две компании расположились вокруг больших столов, лениво болтая за выпивкой. По углам за отдельными столиками сидели еще трое с суровыми неулыбчивыми лицами, одетые в неприметную серо-коричневую одежду. Один из них вертел в руках стакан виски, другой раскладывал пасьянс, а третий, немного постарше, просто сидел, облокотившись на стол, с закрытыми глазами и надвинутой на лоб шляпой. В этой троице было что-то ужасное и одновременно завораживающее — я невольно придвинулся поближе к Хиту, украдкой поглядывая на каждого по очереди.

— Ну, мистер Перес, — сказал Хит, подходя к свободному столику, — что пьют на Ахероне?

— Я буду пить бренди, — ответил Перес. Все втроем мы уселись за столик. — Но гости обычно предпочитают пиво, по крайней мере пока не привыкнут к здешнему климату.

Он посмотрел на меня в упор:

— Интересно, какую дрянь пьешь ты?

— Думаю, Леонардо не помешал бы раствор глюкозы, — заметил Хит, поворачиваясь ко мне. — Я ни разу не видел вас таким бледным. Видимо, вы страдаете от обезвоживания.

Разумеется, мой бледный оттенок был вызван страхом, но я не посмел этого сказать.

— Это просто от жары — мне надо немного прийти в себя, — ответил я. — Если можно, дайте мне, пожалуйста, стакан воды.

— Пусть будет вода, — кивнул Хит, посмотрел на экран настольного компьютера и нахмурился. — Здесь есть кнопки для бренди и пива, но никакой воды нет.

— Бросьте, он все равно не работает, — сказал Перес. — Как почти все на Ахероне. Я сам принесу.

Он подошел к бару и вскоре вернулся с напитками на подносе, который поставил рядом с Хитом — там, куда я не мог дотянуться. Хит, которого больше забавляло, чем возмущало, такое отношение к неземным расам, пододвинул мне стакан с водой.

— Итак, мистер Перес, — начал Хит, залпом выпив полкружки пива, — как же все-таки погиб Серджо Маллачи?

— Его убили прямо здесь, в таверне.

— Кто, какой-нибудь убийца, за которым он охотился?

— Можно сказать и так, — ответил Перес.

— Ответ довольно двусмысленный, — заметил Хит.

— Это был убийца, точно, но Маллачи не потому на него охотился. — Перес сделал глоток бренди. — Все вышло из-за этой женщины. Несколько месяцев назад она бросила Маллачи и начала крутить с этим юнцом. Маллачи явился сюда, чтобы убить его. Вызвал его прямо здесь, посреди зала, а Малыш взял да и убил его самого.

— Да-а, — протянул Хит, — охотнику на преступников мало кто возьмется страховать жизнь.

— Это точно, — кивнул Перес.

— Так говорите, это был юнец?

— Точно. Его тут зовут просто Малыш. — Перес усмехнулся. — Здесь, на Границе, мало кто зовется настоящим именем, особенно если не в ладах с законом.

— А что женщина? — продолжал Хит. — Что случилось с ней?

— Она здесь, — спокойно ответил Перес.

— Здесь? — Хит вздрогнул. — В этом здании?

— Нет, — покачал головой Перес. — Здесь, на Ахероне. Сидит в тюрьме — там, дальше по улице.

— А что она сделала?

— Да ничего такого.

— Тогда почему...

— Малыш все еще на планете, — объяснил Перес. — Где-то там, в пустыне.

— Вы уверены?

— А как же. Его корабль здесь — стало быть, и он тоже.

Хит кивнул в сторону угрюмой троицы.

— Тогда что эти охотники здесь делают? Почему не идут ловить его?

— Малыш уже лет пять как осел на Ахероне и знает все шахты и тоннели как свои пять пальцев. Надо быть психом, чтобы пытаться выцарапать его оттуда, тем более что есть лучшие способы.

— Использовать женщину как приманку?

— Точно.

— Откуда вы знаете, что он не сбежит без нее?

— Возле его корабля еще два охотника.

— Если у него там все есть, он может отсиживаться несколько лет, — хмыкнул Хит.

Перес мрачно ухмыльнулся:

— Он выйдет сегодня или завтра.

— Почему вы думаете?

— Мы передали сообщение на всех волнах, что завтра вечером ее казнят.

— С какой стати он вам поверит?

— Мне — нет, — сказал Перес. — Но передавал не я. Она. — Он помолчал. — На самом деле, это все ее идея.

— Так она сама хочет, чтобы Малыш попался?

— Похоже, что так, — сказал Перес, не скрывая собственного удивления. — Будь я проклят, если что-нибудь понимаю.

— Разве что красотка надеется, что он как-то выкрутится, — сказал Хит.

— Куда там, — хмыкнул Перес. — Вокруг города не меньше дюжины охотников. Слетелись на Ахерон как саранча, едва прослышали о Маллачи.

Он вздохнул:

— А ведь здесь еще можно добывать руду. Но теперь, после двух убийств — того, первого, и того, что будет, — не знаю, кого можно будет сюда заманить. Какие уж тут инвесторы...

— Попробуйте привлечь этим туристов. Поставьте памятники на месте убийства Маллачи и этого, второго, — предложил Хит. — А если Малыш захватит с собой еще пару охотников, будет место и для других памятников, — подумав, добавил он.

— А вот вы, к примеру, потащились бы сюда из-за шайки убийц? — скривился Перес.

— Я — нет, — признался Хит, — но...

— Что «но»?

— Я не переношу все формы преступности и насилия. А тот, кто менее чувствителен, вполне мог бы заинтересоваться.

— Может быть, — скептически буркнул Перес.

Они помолчали, отпив каждый своего напитка.

— А что будет с женщиной, когда мальчишку убьют? — спросил Хит.

— Отпустим.

— Можно мне поговорить с ней, пока мы здесь?

— О чем? — подозрительно прищурился Перес.

— Она ведь жила с Маллачи, — объяснил Хит. — Стало быть, может знать, остались ли у него наследники и где их найти. И потом, — добавил он доверительно, — любопытно посмотреть на женщину, которая сама толкает на смерть своего любовника.

— Откуда мне знать — может, это Малыш послал вас, чтобы помочь ей сбежать.

— Проверьте мой бортовой журнал, — предложил Хит. — Мы три недели провели в открытом космосе, а Маллачи, как вы сказали, был убит две недели назад.

— Не знаю... — многозначительно протянул Перес.

— Я был бы очень благодарен, — сказал Хит.

— Как благодарен?

Хит вытащил бумажник и отсчитал три сотни кредитов.

— А инопланетянин тоже пойдет?

— Да.

Хит добавил к стопке банкнот еще две бумажки по пятьдесят.

С минуту Перес смотрел на деньги, потом взял их и сунул в карман.

— Пошли, — сказал он, встав из-за стола.

Я поспешил за ними к двери. Мы поднялись наверх и вышли на жаркую пыльную улицу.

— Сюда, — сказал Перес, сворачивая налево.

Мы прошли футов пятьдесят и остановились.

— Это здесь. — Перес показал на низкое грязно-белое сооружение. — Раньше тут была контора, но уже лет двадцать никакого бизнеса у нас нет, так что, когда нам понадобилась тюрьма, мы заняли это место и укрепили окна и двери электронным силовым полем.

Я повернулся, чтобы посмотреть, и вдруг увидел ее. Черты лица были так изысканно пропорциональны, что женщина казалась прекрасной даже существу другой расы. Она была одета во все черное, темные глаза смотрели задумчиво и печально, а волосы были уложены точно так же, как на всех портретах и голограммах. Неподвижно стоя у окна, она смотрела мимо нас в дальний конец улицы.

— Я знал, что она существует! — воскликнул Хит.

— А кто говорил, что нет? — удивился Перес.

— Так, один торговец живописью, который ничего не понимает, — улыбнулся Хит.

— Кстати, — сказал Перес, прикуривая короткую сигару. — Хочу предупредить, что она не очень-то разговорчи-

ва. Так что ваша беседа наверняка будет довольно односторонней.

— Ничего страшного, — сказал Хит, не отрывая глаз от женщины.

— Ну ладно, — сказал Перес, — давайте приступим.

Внезапно дверь в нескольких футах впереди нас распахнулась, и оттуда выглянул высокий темнокожий человек.

— Вы бы лучше убрались с улицы, — тихо сказал он, пристально вглядываясь во что-то у нас за спиной.

— В чем дело? — спросил Хит.

— Делай, как он сказал, быстро! — прошипел Перес и потянул его за рукав внутрь пустого здания.

Я в страхе кинулся за ними.

— Да что случилось, черт побери? — возмутился Хит. — Что происходит?

Перес подвел нас к окну и показал на тонкую неподвижную фигуру в дальнем конце улицы.

— Он пришел за ней.

11

Малыш стоял, оценивая ситуацию. Время от времени его взгляд задерживался на одной из крыш или открытом окне, и я понимал, что он засек еще одного охотника, притаившегося в засаде.

На нем был выцветший костюм неопределенного бурого цвета. В кобуре на боку висел лазерный пистолет, уже отключенный от батареи и готовый к бою. Звуковой пистолет торчал из-за пояса, на плече висело ружье, а в отвороте левого сапога виднелась рукоятка еще одного пистолета. Шляпу Малыш не надел, и горячий ветер трепал во все стороны его золотые волосы, так что голова казалась окруженной нимбом, как у святых на религиозных картинах людей.

Очевидно, человек, который советовал нам уйти с улицы, был слишком далеко, потому что Малыш не обратил на него внимания и вглядывался лишь в ближайшие дома. Под

мышками у него виднелись пятна пота, рубашка липла к спине, но он, казалось, не торопился с решением — входить ему в город или возвращаться в пустыню.

— Это самоубийство! — сказал Хит, глядя в окно. — Неужели он не понимает, что это ловушка?

— Понимает, — ответил Перес.

— Он что, думает, что успеет достать их всех?

Перес пожал плечами.

Я посмотрел в сторону тюрьмы. Черная Леди стояла у окна, взгляд прикован к Малышу, лицо непроницаемо. Что же он такого сделал, что она предавала его?

— Есть, началось! — возбужденно прошептал Перес.

Я обернулся. Малыш уже держал в руке лазерный пистолет и медленно двигался по улице к тюрьме.

Наверху что-то шевельнулось. Вспышка лазера — и через секунду первый охотник скатился с крыши и упал на землю.

Человек, который разговаривал с нами, выстрелил из огнестрельного оружия. Очевидно, он промахнулся, потому что Малыш резко повернулся и выстрелил сам, прежде чем тот успел нырнуть в укрытие. Через мгновение труп охотника уже лежал с обугленным лицом прямо у нашей двери. Замерев от ужаса, я не мог оторвать от него взгляд. Что же это за раса, если она считает такой конец героическим или романтическим!

Раздался еще один выстрел — Малыш метнулся, разворачиваясь, его пистолет отлетел футов на сорок. Я понял, что он ранен в руку. Он тут же выхватил из-за голенища пулевой пистолет и выстрелил в ответ, а затем повернулся вправо к магазину, где появилась еще одна зловещая фигура. Я не знаю, из чего в него выстрелили, но он сразу упал и дважды перевернулся — из зияющей дыры на месте левого уха текла кровь, лицо исказилось яростью. Поднявшись на колени, он выстрелил в сторону магазина.

Я увидел еще две лазерные вспышки — на крыше и в таверне. Несколько пуль взрыли землю вокруг Малыша. Он опрокинулся на спину, как будто сбитый с ног чем-то тяжелым. Его тело быстро покрывалось дымящимися ожогами,

глаза заливала кровь. Слабеющей рукой он достал звуковой пистолет и прицелился в очередного охотника.

Я хотел закрыть глаза, но не смог и смотрел, как завороженный. Малыш стрелял и стрелял, стараясь убить перед смертью как можно больше противников. Это настолько противоречило всем моим представлениям, что, наблюдая это жуткое действо, я никак не мог понять, почему он продолжает сражаться, получив уже не меньше десятка смертельных ран, почему не может спокойно принять неизбежное.

Воздух продолжали сотрясать выстрелы пулевых пистолетов, лазерные лучи с шипением вспыхивали один за другим, и тело Малыша при каждом попадании дергалось, выплескивая кровь и ошметки мяса. Один глаз у него был выбит и висел на тонком лоскутке плоти, но он все еще инстинктивно царапал двумя оставшимися пальцами карман, пытаясь добраться до последнего припасенного оружия. Наконец я очнулся и смог отвернуться от этой бойни.

И тут — может быть, случайно, а может быть, и нет — мой взгляд опять упал на Черную Леди. Она протягивала руки к Малышу, как будто призывая его встать и идти к ней, ее лицо, прежде столь бледное и бесстрастное, теперь, казалось, вспыхнуло от волнения. Должно быть, она действительно думала, что он способен пробиться через всех этих охотников и спасти ее. Но мгновение спустя она уже смотрела с прежним неотступно-печальным выражением. Я понял, что Малыш наконец принял смерть.

И тогда вдруг она повернула голову и посмотрела прямо на меня с загадочным выражением на лице. Это было так неожиданно, и я так смутился, что тут же опустил глаза.

— Ну, вот и все. — Перес с облегчением вздохнул.

— Полное опустошение. — Хит выглянул в окно. — Скольких он прикончил? Четверых?

— Кажется, троих, — сказал Перес. — Нам придется проверить — может, кто-то еще шевелится.

— Какой ужас! — прошептал я.

Перес повернулся ко мне:

— А я думал, тебе нравится вид человеческой крови.

— Никому не может понравиться такая бойня! Лишать жизни другое существо аморально, этому не может быть оправдания!

Перес рассмеялся.

— Тебе это кажется аморальным? Еще поглядишь, как они будут спорить, кто сделал последний выстрел! Прежде чем все утрясется, у нас будет еще пара-тройка трупов.

— А что теперь будет с женщиной? — спросил Хит.

— Отпустим, я думаю, — пожал плечами Перес.

Он ухмыльнулся:

— Ей придется поискать бюро путешествий — я собираюсь конфисковать корабль Малыша в качестве компенсации за ущерб.

— Нельзя же лишать ее возможности покинуть планету! Это просто бессовестно! — воскликнул я, сам удивившись своей смелости.

Перес покосился на меня, как на насекомое, которое он бы с большим удовольствием прихлопнул.

— А я, черт побери, и не собираюсь кормить ее здесь бесплатно! — сказал он наконец.

— Куда же она денется? — спросил я.

— А я почем знаю? Может, сойдется с кем-то из охотников.

— Но они же все убийцы! — настаивал я.

Это, конечно, было нарушением приличий, но я ничего не мог с собой поделать.

— А тебе какое дело? — загремел Перес. — Ты что, думаешь, она предпочтет полосатого уродца вроде тебя?

— Не стоит ссориться, — добродушно вмешался Хит. — Мой партнер кое в чем прав, мистер Перес. Уж лучше позвольте ей отправиться с нами, чем в компании хладнокровных убийц.

Перес устремил на него долгий подозрительный взгляд.

— Зачем она вам?

— Мне? — удивился Хит. — Мне она не нужна. Это просто акт человеколюбия. Она застряла здесь без корабля, вы ее выставляете в течение суток, а единственные люди, которые могут согласиться взять ее с собой — безжалостные убийцы. У нас на корабле есть место, и если она захочет лететь с нами, я могу

высадить ее на любой планете отсюда до Карла Великого. Вряд ли кто-то из охотников собирается покидать Внутреннюю Границу, так что со мной она попадет поближе к тому месту, куда ей надо.

— Откуда вы знаете, куда ей надо? — спросил Перес. — Сюда-то она за каким чертом приехала? Может, ей Граница нравится!

— Она всегда может отказаться, — ответил Хит. — По крайней мере я считаю, что должен был это предложить.

Перес помолчал немного.

— А все-таки, что вам на самом деле от этой бабы надо?

— Я вам уже сказал.

— Но вы хотели с ней встретиться еще до того, как пришел Малыш.

— После того как его убили, она не стала интересовать меня меньше, — ответил Хит. — И кроме того, мне по-прежнему надо найти, кому отдать деньги Маллачи.

— А может быть, вы просто собираетесь устроить развлекательный круиз с извращениями? — подозрительно спросил Перес.

— Не понимаю, какая вам разница! — парировал Хит. — Тем более что это не так. Ни один воспитанный человек не станет пользоваться затруднительным положением женщины. Я джентльмен, а она — леди, попавшая в беду. Все очень просто.

— Просто никогда ничего не бывает, — многозначительно заметил Перес. — Если после вашего отъезда ее никто больше не увидит, этот груз будет лежать у меня на сердце до самой могилы.

Тут даже я понял, к чему он клонит.

— Полагаю, это будет очень тяжелый груз, — сочувственно сказал Хит.

— Чертовски тяжелый, — подтвердил Перес.

— Что могло бы облегчить его, как вы думаете?

Перес улыбнулся:

— Еще тысячи хватило бы.

— Семь сотен, — быстро сказал Хит.

— Восемь.

— Идет! — согласился Хит.

— Отлично, — сказал Перес, сразу по-деловому оживившись. — Как мы все это устроим?

— Кое-кто из охотников может обидеться, если увидит, как мы с Леонардо ведем ее к кораблю. Наверное, будет лучше, если ее приведете туда вы.

— А что, у кого-то из них есть причины думать, что она предпочла бы лететь с ним?

— Честно говоря, не имею понятия, — ответил Хит. — Но было бы неразумно вводить их, так сказать, в искушение. Вам, как мэру, будет гораздо проще посадить ее на корабль.

— А если она не захочет лететь?

— Вы выкидываете ее с планеты, у нее нет здесь ни друзей, ни денег. С какой стати ей отказываться?

— Она странная женщина. Ее не поймешь.

— Скажите ей просто: или она летит с нами, или остается в тюрьме.

— Но она не нужна мне здесь, в тюрьме, — возразил Перес. — От нее одни неприятности, будь я проклят! Все, кто с ней связывается, плохо кончают.

— Ну вот и убедите ее покинуть Ахерон с нами.

— Ладно, — сказал Перес, но было видно, что он не уверен в успехе.

— Послушайте, — сказал Хит, — может, лучше я с ней поговорю?

Перес покачал головой.

— Стоит ей взглянуть на инопланетянина — и тогда ее к вам калачом не заманишь. Лучше я сам.

— Замечательно.

Хит посмотрел через окно на улицу, где четверо охотников спорили между собой, отчаянно жестикулируя.

— Как только они уладят свои финансовые разногласия, мы отправимся прямо на корабль.

— Я приду туда через полчаса, — сказал Перес, открывая дверь и поднимаясь на улицу.

— Ну, Леонардо, — радостно улыбнулся Хит, потирая руки, — теперь она наша!

— Этого требовала элементарная порядочность, — поддержал его я. — Как можно было вынуждать ее лететь в обществе убийц!

Хит усмехнулся.

— От вашего внимания, возможно, ускользнуло, что она прибыла сюда в компании наемного убийцы-охотника, а потом связалась с отпетым бандитом.

— Все равно, это страшные люди, — сказал я, содрогнувшись. — И как только они могут так просто убивать!

— Вы удивитесь, на что способен человек, если речь идет о деньгах. И прежде чем осуждать их, подумайте, что эти охотники за преступниками здесь, на Границе, — единственная замена полиции.

— Но ведь это зверское, предумышленное убийство!

— Малыш знал, что они здесь. Он мог и не приходить.

— Но зачем же тогда?

— Простите?

— Малыш, — пояснил я. — Зачем он вернулся, если знал, что охотники его ждут? Я не понимаю смысла его действий.

— Вы же слышали, что сказал Перес. Он пришел за женщиной.

— Но он должен был знать, что не успеет дойти до нее живым, — настаивал я. — Зачем же он сам пожертвовал своей жизнью?

— Может, надеялся на удачу? — неуверенно предположил Хит.

— Это не соответствует фактам. Я знаю точно — он видел по крайней мере четверых охотников и наверняка понимал, что где-то прячутся еще другие.

Хит пожал плечами:

— Право, не знаю, Леонардо. Под давлением обстоятельств люди иногда делают странные вещи.

— Но на него ничто не давило! Он был в безопасности там, в пустыне. Эти шахты он знал так хорошо, что туда никто не смел соваться.

— Он знал, что завтра вечером женщину казнят.

— Если он даже и поверил ее призыву о помощи, то должен был понимать, что все равно не спасет ее. А если не поверил, то не было и причин возвращаться.

— Верно, — задумался Хит.

— Тогда как это объяснить?

— Не знаю, — сказал он, выглядывая, не разошлись ли охотники. — Может быть, нам расскажет Черная Леди?

12

— Что-нибудь выпьете? — предложил Хит.

Корабль уже покинул атмосферу Ахерона и теперь шел на автопилоте. Мы сидели на корабельной кухне — единственном месте на крошечном судне, где могли поместиться все втроем.

— Пожалуйста, что-нибудь горячее, — сказала Черная Леди.

Это были первые ее слова с тех пор, как Перес доставил пленницу к нам, и я восхитился мелодичностью ее голоса. Она казалась абсолютно спокойной и вела себя просто и естественно.

Хит подал ей чашку кофе.

— Спасибо.

Она взяла чашку обеими руками, но не торопилась пить.

— Могу я быть еще чем-нибудь полезен?

Гостья отрицательно качнула головой.

Хит явно затруднялся завязать с ней разговор. Она не то чтобы вела себя отчужденно, скорее, мало обращала внимание на окружающую реальность, будучи погружена в свое абсолютное спокойствие.

— Вам пришлось пройти через ужасные испытания там, на Ахероне... — неловко начал он.

Она молчала, продолжая греть руки чашкой кофе.

— Мы сделаем все, чтобы вам было удобно, — продолжал Хит. — Можем мы что-то сделать для вас — хоть что-нибудь?

Леди посмотрела на него долгим взглядом, и хотя лицо ее оставалось невозмутимым, я ясно почувствовал, что ее забавляет его смущение.

— У вас есть вопросы, — сказала она наконец. — Можете их задать.

— Как ваше имя?

— Можете звать меня Нехбет.

Хит скорчил гримасу.

— Боюсь, мне не произнести его правильно.

— У меня есть и другие имена — их произнести легче.

— Шарин д'Амато, случайно, не одно из них, досточтимая леди? — вмешался я.

Я думал, что мой вопрос удивит ее, но она лишь повернулась и с любопытством посмотрела на меня.

— А Эреш-Кигал? — продолжал я.

— Вы очень необычный инопланетянин, — сказала она, чуть оживившись.

— А я — совершенно сбитый с толку человек, — признался Хит. — Кто такие Шарин д'Амато и эта Эраш — как-там-ее?

— Просто имена, — ответила она.

— Ваши?

Она кивнула.

— А как ваше настоящее имя? — спросил Хит.

— Спросите вашего друга. Он знает.

— Леонардо? — Хит обернулся ко мне. — Ну ладно, кто же она?

— Она — Черная Леди, — ответил я.

Она подтвердила мои слова улыбкой.

— Можно задать вам вопрос, досточтимая леди?

— Да.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Брайан Макгиннис?

Она на мгновение закрыла глаза и затем устремила неподвижный взгляд в стену, как будто видела по ту сторону далекое туманное прошлое.

— Да кто такой, черт возьми, этот Брайан Макгиннис? — Хит ничего не понимал.

— Это человек, который умер почти шесть тысяч лет назад, — ответил я.

— Брайан Макгиннис, — наконец произнесла она. — Как давно я не слышала это имя.

— Вы знали его? — спросил я.

— Как могла она знать его, если он умер шесть тысяч лет назад? — рассердился Хит.

— Ваш друг прав, инопланетянин, — улыбнулась Черная Леди. — Как могла я знать человека, который умер так много лет назад?

— Я не хочу показаться невежливым, досточтимая леди, но вы не ответили на мой вопрос.

— У меня впечатление, что вы сами знаете ответ. — Ее темные глаза взглянули на меня в упор. — Я права?

— Думаю, что да, досточтимая леди, — ответил я, удивленный тем, что так свободно говорю с ней. — Могу я также спросить, знали ли вы Кристофера Килкаллена?

— Вы хорошо потрудились, инопланетянин, — сказала она без намека на осуждение. — Это достойно похвалы.

— Вы не ответили.

— В этом нет необходимости.

— И все-таки я хотел бы услышать ответ из ваших уст, досточтимая леди, — настаивал я.

Она опять улыбнулась:

— Не сомневаюсь... Но в этой жизни вам не суждено получить все, чего вы хотите.

Последовала минутная пауза.

— Вы сами разрешили нам задавать вопросы, — наконец подал голос Хит.

— Вам, — уточнила она.

— Отлично. Раз уж мы заговорили о мужчинах, которых вы знали, то как насчет Малькольма Аберкромби?

— Кто такой Малькольм Аберкромби?

— Он собирает ваши портреты. Он уже потратил на них целое состояние.

— Что мне до того? — невозмутимо ответила она.

— Вы хотели бы встретиться с ним?

— Я никогда не встречусь с ним, — ответила Черная Леди.

Это была простая констатация факта, без всякого намека на вызов.

— А он хотел бы встретиться с вами.

— Мне придется разочаровать его.

— Я бы даже рискнул утверждать, — вкрадчиво продолжал Хит, — что за знакомство с вами он готов выложить весьма крупную сумму.

— Я не нуждаюсь в его деньгах и не желаю его общества, — сказала она.

— Тогда, может быть, вы сделали бы это ради меня?

— Я ничем вам не обязана.

— Я понимаю, что упоминать об этом не слишком благородно, но мы все-таки спасли вас.

— Вы правы, — сказала Черная Леди.

— Тогда я уверен, что мы сможем достичь взаимопонимания, — улыбнулся Хит.

— Вы правы в том, что это не слишком благородно, — уточнила она. — И я вас прекрасно понимаю, Валентайн Хит.

Она сделала глоток кофе, потом грациозно поднялась.

— А теперь, если вы не возражаете, я бы хотела отдохнуть.

— Можно задать последний вопрос, досточтимая леди? — спросил я.

Она обернулась:

— Только один.

— Вы человек?

— Ну конечно, человек! — вмешался Хит. — Достаточно взглянуть, Леонардо!

Она смотрела прямо на меня, но не отвечала.

— Пожалуйста, досточтимая леди! Я и вправду не знаю ответа на этот вопрос!

— Ответ — нет, — наконец сказала Черная Леди.

— Вы инопланетянка? — ошарашенно выговорил Хит.

— Нет.

— Но вы должны быть или тем, или другим! — раздраженно бросил Хит.

— Как вам угодно, — спокойно ответила она. — А теперь, пожалуйста, проводите меня.

— Конечно. — Хит встал и подошел к двери. — Можете занять мою каюту.

— Спасибо. Это очень щедро с вашей стороны.

— Мы же друзья! — расплылся он в улыбке.

— Вы мне не друг, Валентайн Хит, — бесстрастно ответила Черная Леди, входя в каюту.

Дверь за ней закрылась.

— Как она узнала мое имя? — изумленно спросил Хит, возвращаясь к столу. — Я его не упоминал.

— Может, это Перес ей сказал? — неуверенно предположил я.

Хит энергично кивнул:

— Так и есть. — Он достал из шкафчика бутылку, смешал себе коктейль и сел. — Ну что, Леонардо, что вы думаете о нашей гостье?

— Это Черная Леди.

— Я знаю, что она Черная Леди. Вы говорили мне, что она Черная Леди. Она сказала мне, что она Черная Леди. — Он опять начал возбуждаться. — Так может, все-таки пора объяснить, кто же такая эта Черная Леди?

— Я не знаю.

— А что вы говорили про этого Брайана как-там-его?

— Это был человек, который жил почти за тысячу лет до того, как ваша раса освоила межзвездные полеты.

— И что?

— Он написал ее портрет.

— Очевидно, это был кто-то похожий на нее.

— Я видел фотографию, где они вместе.

— Вы уверены?

— Уверен.

— А Килкаллен? Это был тоже художник?

— Да.

— И он, видимо, тоже давно умер?

— Да, хотя не так давно, как Макгиннис.

Хит нахмурился.

— Интересно, — задумчиво протянул он.

— Я бы сказал — это пугает, — ответил я. — Но ее я не боюсь.

— А что же в ней страшного?

— Она не человек и не инопланетянка.

— Прежде всего, она лгунья, — фыркнул Хит, потягивая коктейль. — Она такой же человек, как и я.

— Тогда как она узнала о Брайане Макгиннисе?

— Наверно, так же как и вы.

— Я видел ее изображения, которые сделаны больше чем за две тысячи лет до Макгинниса.

— Вы что, думаете, что она единственная брюнетка за всю историю человечества? — бросил Хит.

— Нет. Но она единственная, которая живет так долго.

— Вы знаете среднюю продолжительность человеческой жизни? — резко спросил он.

— Да, — ответил я. — Но она не человек.

— Она выглядит как человек, живет с людьми, люди изображают ее на картинах и в скульптурах, она носит человеческие имена — что же в ней инопланетного?

— Она сказала, что не инопланетянка.

Хит презрительно фыркнул:

— Ну хорошо, исключим и то и другое — что же тогда остается?

— А не может она быть психическим феноменом или духом?

Он показал на полупустую чашку кофе.

— Феномены не пьют.

— Этого я не знал, — признался я. — Вероятно, вы встречали духов раньше.

— Черт побери! — воскликнул он, опрокинув в рот остатки коктейля. — Может, вам, бьорнам, это и трудно понять, но женщины не всегда говорят правду!

Он поставил стакан на стол и подошел к корабельному компьютеру.

— Мы решим этот вопрос раз и навсегда! Включись!

— Включаюсь, — ответил компьютер. — Готов.

— Сколько разумных существ находятся на корабле в данный момент?

— Три, — ответил компьютер.

— Кто?

— Вы, бьорнн по имени Леонардо и женщина человеческой расы, имя которой может быть Нехбет, Шарин д'Амато, Эреш-Кигал или Черная Леди.

— Физические данные женщины?

— Рост: пять футов шесть дюймов; вес: сто двадцать восемь фунтов; волосы: черные; глаза: черные; возраст: от двадцати восьми до тридцати шести лет, определен на основании строения кожи и скелета с возможной ошибкой...

— Выключись, — скомандовал Хит.

Он повернулся ко мне:

— Это похоже на призрак?

— Нет, — сказал я.

— Вы удовлетворены?

— Нет.

— Нет? — переспросил он. — Почему?

— Ваш компьютер — это машина и посему может анализировать только те данные, на которые запрограммирован. Он не способен учесть факты о прошлом Черной Леди, которые я собрал.

Хит долго молча смотрел на меня.

— А вы становитесь спорщиком, — заметил он. — Надеюсь, не я причина этой агрессивности?

— Извините, если я обидел вас.

— Я не обижен, только удивлен. — Он вздохнул. — Ну ладно, Леонардо, кто же она все-таки, как вы думаете?

— Не знаю.

— И вы не можете объяснить, почему она претендует на знакомство со всеми этими давно умершими художниками?

— Нет. И заметьте, большинство из тех, кто писал ее, художниками не были.

— Вот как? — удивился он. — Кто же они были?

— Мне не удалось найти между ними ничего общего, — признался я.

Хит задумался на минуту, потом пожал плечами и смешал себе еще коктейль.

— Ладно, не будем ломать над этим голову, а то недолго и спятить. Пусть Аберкромби разбирается.

— Почему вы думаете, что ему повезет найти ответ? Он знает о ней еще меньше, чем вы.

— Мы доставим ее ему.

— Не понимаю.

Хит улыбнулся.

— Пожалуй, «доставим» — не то слово. Мы вступим с ним в переговоры насчет возможности насладиться ее обществом.

— Вы не можете продать одно разумное существо другому!

— Никто никого не продает, Леонардо, — успокоил он меня. — Мы лишь оказываем услугу двум людям, которые, может быть, легко найдут общий язык.

— Она не вещь, которую можно арендовать! — в ужасе воскликнул я.

— Разве тут кто-нибудь говорил о проституции? — невинно заметил Хит. — Судя по вашим словам, Аберкромби в его возрасте и с его опухолью вряд ли на что-то способен.

Он доверительно наклонился ко мне:

— Но он потратил десятки миллионов кредитов на ее портреты! Этот человек одержим — его мания отняла у него треть жизни. И несомненно, шанс увидеть ее во плоти, убедиться, что она существует, поговорить с ней и, может быть, даже самому заказать ее портрет... — это для него многого стоит!

— Черная Леди сказала, что никогда не встретится с Аберкромби.

— И я уверен, что она в это верит, — согласился Хит. — Но это еще не значит, что все так и будет... Черт! Она ведь также верит в то, что она не человек!

— Но это похищение! — возмутился я.

— Мы были бы виновны в похищении, если бы увезли вашу леди против ее воли. А она полетела с нами добровольно.

— Но она не знала, что вы собираетесь сделать.

— Вы, похоже, думаете, что она вроде королевской особы, перед которой нужно трепетать и отвешивать поклоны. Разрешите вам напомнить, что она жила с убийцами и подставила своего любовника, чтобы с ним зверски расправились охотники, что ее вышвырнули с Ахерона и что у нее нет

ни гроша. Ей следует быть благодарной, что мы вообще согласились взять ее с собой!

Хит помолчал.

— Послушайте, — продолжал он уже более спокойно. — Если это успокоит вашу совесть, я дам ей десять процентов всей суммы, которую получу от Аберкромби. И это, заметьте, будет столько денег, сколько она не держала в руках за всю свою жизнь!

— Она не возьмет их.

— Еще как возьмет.

— Не возьмет, — повторил я. — Она сама сказала.

— Возьмет, когда до нее дойдет, что иначе она попадет к Аберкромби без всяких денег!

— Я не могу этого позволить!

— Леонардо, — сказал Хит, — я буду с вами откровенен. Мое финансовое положение несколько пошатнулось. — Он говорил решительно. — Я скрываюсь от правосудия и не могу в ближайшем будущем вернуться на Карл Великий. Я уверен, что полиция заморозила все мои тамошние активы и отслеживает все кредитные счета, так что я не могу рисковать. Мне необходимо срочное финансовое вливание, и эта схема — лучшая возможность осуществить его.

— Вы получите деньги, когда Тай Чонг заплатит вам за картину Маллачи.

Он покачал головой:

— Этого едва хватит, чтобы заправить корабль... Я ведь не человек толпы — я не создан, чтобы жить как все, Леонардо. Может быть, это и нехорошо, но факт остается фактом — мне нужны деньги, чтобы поддержать качество моей жизни.

— А как насчет качества ее жизни?

— Мы нашли ее в тюремной камере, — сказал он. — И вы говорите о качестве?

— Не знаю, по какой причине, но она была там добровольно, — заметил я. — А то, что вы задумали, — против ее воли.

— Вы начинаете меня утомлять, Леонардо. Вы мне нравились куда больше, когда были деликатным.

— Я не могу остаться в стороне и позволить вам так обращаться с леди!

Хит поднял брови:

— А если бы она была мужчиной?

— Это все равно аморально.

— Но вы были бы не настолько расстроены?

— Это отвратительное преступление, кто бы ни была жертва! — решительно произнес я.

— Но если женщина, то еще хуже?

— Женщины священны.

— Странный у вас мир, — покачал он головой.

— Это мой мир, — ответил я. — Я верю в него и дорожу им.

— Ну что ж, в следующий раз я постараюсь похитить мужчину, — сказал Хит. — А пока вопрос закрыт.

— Вопрос не закрыт, — заявил я. — Я должен убедить вас, что вы задумали ужасное преступление.

— Вопрос закрыт! — сказал он твердо. — Или мне опять отправить вас в анабиоз?

Я понял, что не смогу помочь Черной Леди, если буду продолжать спорить, поэтому покорно замолчал. Через несколько часов, когда Хит уснул, я тихо проник в каюту, чтобы рассказать Черной Леди о намерениях Хита.

Каюта была пуста.

Я тщательно осмотрел все отсеки маленького корабля, но не нашел никаких следов нашей гостьи. Наконец я решился разбудить Хита.

— Что за чушь! — загремел он, слезая с койки. — С космического корабля нельзя просто исчезнуть! Где она?

— Ушла...

— Куда ушла?

— Не знаю.

— Сейчас посмотрим, — пробормотал Хит и кинулся в ее каюту.

Перерыв там все вверх дном и заглянув даже под койку и в шкафчик, он обследовал рубку, складское помещение, санузел и вернулся на кухню.

— Что за черт! — Он подошел к компьютеру. — Включись!

— Включаюсь... Готов.

— Сколько разумных существ на борту?

— Два.

— Открывались ли люки после старта с Ахерона?

— Нет.

— Могли ли мы катапультировать Черную Леди, не зная об этом?

— Нет.

— Она пыталась покинуть корабль?

— Нет.

— Тогда что же с ней случилось?

— Не знаю, — ответил компьютер.

ЧАСТЬ 3
ТОТ, КТО ИСКАЛ

13

Хит вошел в комнату через дверь веранды, откуда открывался величественный вид на горы, покрытые снегом. Он энергично потер руки и подошел к бару.

— Отличный денек! — бодро воскликнул он. — Мороз пощипывает, но какой вид!

— Если вам холодно, то почему вы выходите на улицу? — спросил я без особого интереса.

— А вы знаете, во что мне обошлось это местечко? — рассмеялся он. — Продавец только и говорил про климат и пейзажи. Ну ладно, климат еще время от времени подводит, но вид и в самом деле великолепен.

— Сколько еще нам здесь придется пробыть?

— Леонардо, многие отдали бы все на свете, чтобы иметь домик в горах на Грауштарке. Так что постарайтесь расслабиться и наслаждайтесь.

— Какие новости от адвокатов?

— Придется дать заработать еще паре правительственных чиновников. Все идет замечательно. Еще день-другой, максимум третий — и можно возвращаться на Карл Великий.

— Я не хочу возвращаться на Карл Великий.

— Тогда можете остаться здесь.

— Мы уже два дня как покинули Ахерон. Я должен вернуться к работе.

— Но мы свернули на Грауштарк, потому что Тай Чонг предложила вам несколько дней отдохнуть.

— А я думал, потому, что вы скрываетесь от властей...

— Это вторая причина, — усмехнулся он. — Но все-таки, раз уж вы здесь, постарайтесь хотя бы почувствовать, что это за место.

— Может, хватит об этом? — устало проговорил я.

— Да-да, конечно, — согласился он. — Просто вы такой мрачный с тех пор как получили известия о своей матери...

— От Матери по Окраске, — поправил я его.

— Ну, или так, — хмыкнул он. — А может, пройдемся вместе, пока снова не пошел снег? Снаружи просто дивно!

— Я хуже вас переношу колебания температуры.

— Ну так оденьтесь потеплее.

— Тропинки слишком узкие и извилистые — я упаду.

— Ну ладно, — сказал он, пристально глядя на меня. — Тогда другое предложение.

— Какое?

— Просто сидите здесь и жалейте себя.

— Вы не понимаете масштаба того, что случилось.

— Ну да, ваша мать злится на вас, — ответил он. — Ну так и что? Отойдет. С полицией Тай Чонг разобралась, вором и похитителем женщин вас никто больше не считает, вы по-прежнему работаете в Клейборне и вдобавок сидите в коттедже на самом дорогом курорте самой шикарной планеты во всем скоплении Куинелла.

— Мне надо работать.

— На кого? На богача-коллекционера, который вас терпеть не может? — улыбнулся Хит.

— Тут ничего не поделаешь.

— Ерунда!

— А что?

— Пошлите его подальше! Будьте мужчиной!

— Я не человек, — возразил я.

— И тем не менее вы ничем не хуже Аберкромби. И вы должны продемонстрировать это ему.

— Он мой хозяин.

— И самый бестолковый коллекционер, о каком я когда-либо слышал. Собрал за четверть века всего тридцать портретов Черной Леди, а вы нашли ему три за первый же месяц работы.

— О двух я знал заранее. Потому он меня и нанял.

— Но нашли же вы третью! — не унимался Хит. — И что еще важнее, нашли модель.

— На самом деле это вы нашли ее, — заметил я.

— Вы, я — какая разница. Главное — что ее не нашел Аберкромби. Он ни разу не попытался ее найти и даже не подумал об этом. Сидит себе один дома, среди баснословной коллекции, которую даже не может толком оценить, и заставляет других делать за себя всю работу.

Хит сделал паузу.

— Не понимаю я вас, хоть убейте: сидите у пылающего камина на вершине самой красивой горы в галактике — и рветесь на службу к этому...

— Друг Валентайн, — сказал я, обращаясь к нему на диалекте Симпатии, так как он и в самом деле был мне симпатичен, — почему бы вам прямо не сказать, чего вы хотите?

— Не понимаю вас, друг Леонардо, — ответил он, хотя хитрый прищур его глаз говорил мне, что это не так.

— Вы думаете, если вам удастся меня убедить, что Мальколь Аберкромби — худший экземпляр своего вида и что он получает от меня гораздо больше, чем платит, то я расскажу вам, что ценного есть у него в коллекции и подскажу, как это украсть?

Хит усмехнулся:

— Так, значит, у него в коллекции все-таки есть ценные вещи?

— Я никогда не говорил обратного.

— Помнится, вы говорили, что почти никто из написавших Черную Леди не был художником.

— Да, верно, — согласился я. — Но в его коллекции почти четыреста картин и голограмм — и в основном это не ее портреты.

— А есть у него что-нибудь Мориты?

— Я не буду обсуждать с вами его коллекцию, друг Валентайн.

— Я все равно украду оттуда что-нибудь — не важно, поможете вы мне или нет, друг Леонардо, — пообещал он. — Но вы можете значительно облегчить мне жизнь, дав нужную информацию.

— Это было бы неэтично.

— Верно, — признал он. — Но прибыльно. Я бы сделал вас партнером.

— Половина прибыли — это половина вины, — сказал я. — Не хочу ни того ни другого.

— Нет проблем, — весело ответил Хит. — Если вы предпочитаете пятую часть вины, то я урежу вашу долю до двадцати процентов.

— Нет.

— Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно.

— Точно?

— Да!

— Вернемся к этому позже, — сказал он.

— Мой ответ не изменится, — твердо ответил я.

— Вы никак не можете быть ему преданы.

— Он мой наниматель.

— Ваш наниматель — Клейборн.

— А Клейборн говорит, что я должен работать на Аберкромби! — ответил я. — Я должен выполнить все свои обязательства буква в букву.

— Чтобы убить себя, когда все закончите? — хитро спросил он.

— Как вы узнали? — вздрогнул я.

— Мне сказала Тай Чонг.

— Она не имела права.

— Мы старые друзья, — ответил он. — У нас мало секретов друг от друга.

— Она злоупотребила моим доверием.

— Потому что она не хочет, чтобы вы это совершили. — Он неловко замялся. — Как и я — особенно если это из-за происшедшего на Карле Великом или Ахероне.

— Я говорил с ней до того как отправился на Карл Великий... Хотя, — добавил я, — с тех пор ничто не поколебало мою решимость.

Хит весело рассмеялся:

— Вы настоящий мастер недомолвок, друг Леонардо!

— Вам вовсе не обязательно называть меня другом.

— Почему? Мы ведь друзья, не так ли?

— Лишь до тех пор, пока вы не ограбите Аберкромби.

Он пожал плечами.

— Ничто не вечно.

— Вы не правы, друг Валентайн...

— Как? И что же вечно?

— Черная Леди.

Он раздраженно фыркнул.

— Ничего себе, вечно! Ее не хватило даже до Дальнего Лондона!

— Она не умерла, — заметил я.

— У меня ужасное предчувствие, что вы правы, — признался он.

Мы помолчали.

— Интересно, к какой расе она на самом деле принадлежит? — задумчиво произнес он.

— К вашей.

Хит энергично затряс головой:

— Еще раз вам повторяю — она не может быть человеком! Эта раса умеет телепортироваться. Только так она удрала с корабля.

— А я вам повторяю, что единственные настоящие телепаты — это дорбаны, но они дышат хлором и слишком велики, чтобы поместиться в ваш корабль.

— Значит, существует еще одна такая раса, просто мы о ней не знаем!

— Как вам будет угодно, друг Валентайн...

— Но ведь вы нисколько в это не верите, так?

— Нет, — признался я. — А вы?

Хит тяжело вздохнул:

— Вообще-то я тоже. — Он задумался. — Кто бы она ни была, хотел бы я понять, что в ней есть такое, что люди ни

с того ни с сего принимаются писать ее портреты — даже те, кто ничего не смыслит в искусстве.

— Она прекрасна даже с точки зрения инопланетянина, — сказал я. — И в то же время в ней есть что-то эфемерное. Может быть, они хотели успеть запечатлеть ее образ, потому что чувствовали, что скоро она уйдет?

— Большинство из них, похоже, умерли довольно страшно. Может, они писали ее, потому что знали, что скоро уйдут сами?

— Не думаю, — ответил я. — Многие умерли от естественных причин. И потом — почему предчувствие собственной смерти должно побуждать человека писать портрет женщины?

Хит вздохнул:

— Пожалуй. Во всяком случае, я тоже ее видел, но не испытываю никакой потребности заняться живописью или скульптурой... — Он вдруг запнулся и испытующе посмотрел на меня. — Так-так...

— Это был лишь набросок тушью, — признался я.

— Когда же вы успели?

— Вчера вечером, когда вы пошли спать.

— Покажите.

— Я плохой художник, и получилось не похоже. Я его уничтожил.

Это была чистая правда, моя окраска приняла оттенок Абсолютной Честности.

— Красоту Моны Лизы мне тоже никак не удавалось передать.

— Мона Лиза, — повторил он. — Это отсюда ваше прозвище?

— Да.

— Удовлетворите мое любопытство, Леонардо, почему вам захотелось нарисовать Черную Леди?

— Она самый интересный человек, которого я знаю. И самый прекрасный.

— Если только она человек.

— Да, если она человек, — согласился я.

— А кто был для вас самым интересным и прекрасным человеком до этого?

— Тай Чонг, — не задумываясь ответил я.

— А вы когда-нибудь испытывали потребность нарисовать портрет Тай Чонг?

— Нет.

— Тогда я возвращаюсь к своему первоначальному вопросу: что такое есть в Черной Леди, что человек вдруг решает сесть и написать ее портрет?

— Не знаю. Возможно, я просто хотел сохранить в памяти ее лицо.

— Но вы и так можете в любой момент посмотреть на него. Любой компьютер выдаст вам ее изображение и распечатает.

— Так я увижу ее чужими глазами, — возразил я. — А мне хотелось передать то, что увидел я.

— Это слова художника, — кивнул Хит.

— Я не художник, хотя и желал бы им быть. Но мне не хватает таланта.

— Маллачи его тоже не хватало, но портрет он все-таки написал. — Хит нахмурился. — Хотел бы я знать почему.

Он встал:

— Ну, хватит ломать голову, а то так и свихнуться можно. Не знаю как вы, а я пойду пройдусь. — У двери он задержался. — Вы уверены, что не хотите присоединиться?

— Уверен. Тропинки очень скользкие, а координация у меня неважная.

— Ну и что? У меня тоже.

— Вы очень грациозно двигаетесь.

Хит презрительно фыркнул.

— Вот вы мечтали стать художником. Ну а я всегда хотел стать ночным взломщиком — одеваться в черное, взбираться по отвесным стенам домов и проникать в будуары, полные драгоценностей. — Он криво усмехнулся и пожал плечами. — И в первый же раз я сорвался с крыши, упал на балкон и сломал ногу в трех местах — конец грации и конец романтической карьере артиста-взломщика!

Хит открыл дверь, и в комнату ворвалась волна холодного воздуха.

— Если через час не вернусь, вызывайте спасателей — пусть ищут мое замерзшее тело. Похороны я предпочел бы скромные: четыре-пять сотен венков, видеотрансляция — короче, никаких излишеств. И не сообщайте семье — Хитам положено умирать в своей постели, а не падать в ущелья.

— Я исполню вашу волю, — обещал я.

Он скорчил гримасу:

— Я пошутил, Леонардо.

— О!

Его последние слова утонули в шуме ветра, и дверь закрылась. Я немного подождал, потом сел за письменный стол в гостиной и достал письменные принадлежности — надо было закончить письмо, начатое утром.

Досточтимая Мать по Окраске!

Вы были совершенно правы. Общение с людьми осквернило меня. Я этого не отрицаю... хотя убежден— если бы Вы только сжалились и согласились поговорить со мной, то я бы смог объяснить, как все произошло.

Тай Чонг заверила меня, что у человеческих властей претензий ко мне нет. Я не замышлял и никак не способствовал краже произведений искусства на Карле Великом и похищению Черной Леди, хотя и оказался невольным участником событий. Как только я разобрался в намерениях Валентайна Хита, то сделал все возможное, чтобы отговорить его. Этого требовал Закон Чести, а я живу по Закону Чести.

И все же Вы говорите, что я запятнал себя настолько, что искупление невозможно и возвратиться на Бенитарус II мне нельзя. Вы моя Мать по Окраске, и Ваш голос— голос Дома Крстхионн, поэтому мой долг— повиноваться Вам.

Тем не менее я хочу, чтобы Вы знали: несмотря на то, что мои действия уже опозорили Дом, в оставшиеся месяцы моего контракта с галереями Клейборна я постараюсь вести себя так, чтобы не навлечь еще большего бесчестья на расу бьорнов.

Однако не скрою— у меня есть ужасное предчувствие, что это может оказаться далеко не столь простой задачей, как я полагал по своей наивности, покидая в первый раз Дом. У меня

ощущение, что я уже целое столетие путешествую по просторам галактики, хотя на самом деле прошло не больше пяти стандартных галактических месяцев. И чем больше я общаюсь с Человеком, тем меньше его понимаю.

Вот, к примеру, Тай Чонг. Все это время она была как будто моей второй Матерью по Окраске — всегда внимательна, заботилась о моих нуждах и призывала меня во всем следовать зову совести. Однако теперь я пришел к выводу, что она прекрасно знает о нелегальном происхождении некоторых картин, которые покупает и перепродает, но не сообщает об этом властям и не отменяет сделок.

Гектор Рейберн всегда ведет себя очень мило и любезно, однако считает, что работодатель наверняка рано или поздно расторгнет его контракт, и его это нисколько не ужасает, а скорее забавляет.

Валентайн Хит, безусловно, самый обаятельный человек, какого мне приходилось встречать, но нет, кажется, такого преступления, которое он не согласился бы совершить.

Малькольм Аберкромби жертвует миллионы кредитов на благотворительность и в то же время, Вы не поверите, совершенно отвергает все обязательства перед Домом и Семьей.

Как понять этих странных существ, досточтимая Мать по Окраске? Как мне очистить себя, если я должен постоянно находиться среди них? Но в Ваших наставлениях мне отказано — и это в то время, когда я больше всего в них нуждаюсь.

Единственный путь, приемлемый для меня в этой ситуации, — это ритуал самоубийства, но Вы недвусмысленно запретили мне его, требуя, чтобы я выполнил условия контракта, заключенного между Домом Крстхионн и галереями Клейборна. Таким образом, отторгнутый и отрезанный от всего, что мне дорого, я должен один, на свой страх и риск, нащупывать правильный путь в мире, где царит эта непонятная раса.

Но самое странное — это Черная Леди. Вселенная и так, мне кажется, все менее поддается логическому объяснению, но этот ее элемент вообще лишен всякой логики! Я говорю о ней как о человеке, но на самом деле она не принадлежит ни к человеческой, ни к какой-либо другой расе. Она не реальна, но

и не эфемерна, не материальная сущность, но и не дух. Она присутствует в нашем времени, но присутствовала и восемь тысячелетий назад. И это не реинкарнация, ибо существа рождаются, живут и умирают — а не исчезают из замкнутого пространства в открытом космосе.

Я видел Черную Леди, встречался и говорил с ней, но вопросы продолжают накапливаться: как она выбирает, где и когда появляться? Кто она? Откуда она? Что заставило ее обречь своего возлюбленного на смерть? Что связывало ее со скромным натуралистом, жившим на далекой Земле шесть тысяч лет назад? Почему люди верят, что она является на кладбище астронавтов на Пелоране VII? Какое отношение она имела к цирковому артисту, который разбился, упав с трапеции триста лет назад?

И что мне сказать, когда Ройбен Венциа обнаружит, что я вернулся, и предложит обменяться информацией о Черной Леди? Если я скажу ему правду, то он решит, что я лгу, а если не скажу, то солгу и в самом деле. И в том и в другом случае бесчестье ляжет на Дом Крстхионн. А если я вообще откажусь говорить с ним, то все равно опозорю Дом, поскольку не исполню приказа Тай Чонг.

Я крайне нуждаюсь в моральном наставлении, но не имею права обращаться к Вам, поэтому вынужден ждать его от Тай Чонг, которая принимает краденые картины и не уважает чужие тайны. Мне запрещены все контакты с моей собственной расой, и она — единственная женщина, которую я знаю. Кроме Черной Леди, конечно, но я не знаю, где искать Черную Леди. Поэтому Тай Чонг придется и дальше выполнять роль моей Матери по Окраске — по крайней мере до тех пор, пока я не выполню свои обязательства перед галереями Клейборна и не совершу последний ритуал.

Мне очень горько, поверьте, что я причинил Вам боль. Я и в самом деле никогда не намеревался...

Волна холодного воздуха отвлекла меня от письма. Это вернулся Хит. Он потопал ногами, стряхивая снег, потом снял перчатки и стал старательно дышать на руки, согревая их.

— Валит вовсю, — объявил он, подходя ко мне. — Теперь, пожалуй, всем этим величием и великолепием лучше наслаждаться у окна со стаканом в руке.

Его взгляд упал на мое письмо.

— Можно?

— Пожалуйста.

Он взял листок и стал вглядываться в него.

— Что за черт! Я не могу прочесть ни слова.

— Это письмо к моей Матери по Окраске.

— Такой странной письменности я еще не видел. Больше похоже на набросок рисунка.

— Я написал ей на бьорннском языке, на диалекте Сожаления.

Хит отдал мне письмо.

— Я-то подумал, что вы снова рисовали Черную Леди.

— Я слишком плохой художник. Может, когда-нибудь в будущем я смогу создать изображение, достойное оригинала.

— Но для этого вам надо будет, наверно, еще раз взглянуть на нее, так ведь? — задумчиво спросил Хит.

— Может быть, — согласился я. — Хотя у нее очень запоминающееся лицо. Я закрываю глаза и вижу его перед собой.

— Я тоже, — признался Хит. — Но память обманчива. Думаю, прежде чем писать портрет, вам все-таки следовало бы увидеть ее снова.

— Друг Валентайн, — сказал я устало, — я все равно не стану помогать вам грабить Малькольма Аберкромби.

— Разве я это предлагал? — Он невинно округлил глаза.

— Много раз.

— Какой же вы недоверчивый тип, Леонардо!

В этот момент раздался пронзительный троекратный сигнал.

— Что это? — вздрогнул я.

Хит нахмурился:

— Охранная система. Кто-то подошел к парадной двери.

— Кто бы это мог быть?

— Понятия не имею. Я заказывал продукты, но не будут же они их доставлять в такую погоду!

— Мы здесь совсем одни. Что, если это грабители?

Хит усмехнулся:

— Тогда мы пригласим их в гости и обменяемся опытом.

— Может, вам стоит приготовить оружие?

— Мне казалось, что насилие вам ненавистно, — улыбнулся он.

По моей коже разлился бледный оттенок Унижения, хорошо, что Мать по Окраске не видит меня в этот момент. Увы, она приняла правильное решение — я осквернился настолько, что надежды на очищение уже не оставалось.

— Вы совершенно правы, друг Валентайн, — проговорил я, заикаясь от смущения. — Это было аморальное предложение, и я прошу вас простить меня.

— Я прощу вам ваше предложение, — ответил Хит, вынимая из кармана небольшой пистолет, — если вы простите меня за то, что я его принял.

— Вы не говорили мне, что носите оружие.

— А вы и не спрашивали, — улыбнулся он. — Я никогда им не пользуюсь, если это вас успокоит. Я даже не знаю, стреляет ли он.

В дверь дважды позвонили.

— Ну вот, по крайней мере он не пытается забраться в дом тайком, — заметил Хит. — Открыть!

Дверь ушла в стену, и на пороге, весь в снегу, появился Ройбен Венциа. Усы его превратились в ледяные сосульки.

— Наконец-то! — воскликнул он, глядя на меня. — Этого инопланетянина чертовски трудно найти!

14

— Кто вы такой, черт побери?

— Не волнуйтесь, мистер Хит, — сказал Венциа. — Я никому не сказал, где вы.

В лицо ему тут же уставилось дуло пистолета.

— Никто на Грауштарке не знает моего настоящего имени, — медленно проговорил Хит. — Ну-ка, выкладывайте — кто вы такой и как меня нашли?

— Я Ройбен Венциа. Где вас искать, мне сказала Тай Чонг, и я уже весь окоченел. Если вы не собираетесь меня застрелить, то впустите и не держите на холоде!

— Это тот самый, о котором вы мне рассказывали? — повернулся ко мне Хит.

— Да, друг Валентайн.

— Ну ладно, — он опустил пистолет. — Заходите.

Венциа ввалился в комнату, и дверь снова закрылась. Он кинул верхнюю одежду на стул и попытался согреть руки.

— У меня для вас пакет от Тай Чонг, — обратился он ко мне, — но он в санях. Я принесу его, когда погода наладится.

— На эту гору сани не заедут, — сказал Хит.

К нему вернулась прежняя подозрительность.

— Знаю, — махнул рукой Венциа. — Я оставил их внизу на дороге, в полутора милях отсюда.

— А зачем вам вообще сани? — спросил Хит. — До деревни всего две мили.

— Потому что никто не сказал мне, какие дороги в этой проклятой дыре! — бросил Венциа с раздражением. — У вас нет чего-нибудь горяченького?

— Только кофе.

— А не могли бы вы плеснуть туда рому?

— Мог бы. Если вы скажете, что вам здесь надо.

— Мне нужен Леонардо.

— Он тоже интересуется Черной Леди, — объяснил я Хиту.

— Итак, вы уже узнали ее имя, — отметил Венциа.

— Если это настоящее имя, — ответил Хит, опередив меня.

— По крайней мере одно из них. Так как насчет кофе?

Хит зашел на кухню, налил в чашку кофе и добавил туда чего-то из бутылки.

— Вас трудно назвать любезным гостем, мистер Венциа.

— Я превратился в ледышку и забрался за пять тысяч световых лет от дома, — заворчал тот. — Дайте мне согреться и отдышаться — и тогда я вновь обрету хорошие манеры.

— Разумно, — заметил Хит, передавая ему кофе. — А пока, может быть, скажете, как вы, собственно, оказались в пяти тысяч световых лет от дома?

— Вы не будете возражать, если я сяду? — спросил Венциа, подходя к широкому мягкому креслу.

— Нисколько, — ответил Хит. — Я буду крайне разочарован, если история ваших злоключений окажется столь краткой, что ее можно будет изложить стоя.

— Почему Тай Чонг не сказала мне заранее об этом проклятом холоде! — пробормотал Венциа, все еще дрожа.

Он сделал глоток кофе и стал греть руки о чашку.

— Ну как, вам уже лучше? — спросил Хит, помолчав немного.

Венциа кивнул:

— Через минуту приду в себя.

— И тогда наконец расскажете, что же вы тут делаете.

— Я здесь, чтобы встретиться с Леонардо. Мне надо поговорить с ним наедине.

— Никаких секретов от меня в моем собственном доме! — твердо сказал Хит. — Все, что вы хотите сказать, можно сказать нам обоим.

— А кто вы такой? — подозрительно спросил Венциа.

— Валентайн Хит. И вам это хорошо известно.

— Но кто такой Валентайн Хит? Я знаю только ваше имя и что вы скрываетесь на Грауштарке. Почему я должен говорить при вас?

— Потому что я обладаю многими талантами и широчайшим спектром интересов, Черная Леди — не последний из них.

— А зачем вам Черная Леди? — спросил Венциа, с любопытством разглядывая его.

— У меня к ней чисто финансовый интерес.

Венциа опешил.

— Финансовый? — повторил он. — Как это, черт подери?

Хит улыбнулся:

— Вы спросили — я ответил. Теперь моя очередь спрашивать. Что вам нужно от Черной Леди?

— Это я буду обсуждать только с Леонардо.

— Мне придется еще раз напомнить, что вы гость в моем доме, — сказал Хит, — и притом незваный гость. Если будете злоупотреблять моим гостеприимством, то можете снова оказаться на морозе.

Венциа, казалось, взвешивал возможные альтернативы. Наконец он решительно кивнул.

— Мудрое решение, — заметил Хит. — Пожалуй, я налью себе выпить — и начнем.

— Я бы тоже выпил, — сказал Венциа.

— У вас еще есть кофе.

— Я успею.

Он сделал большой глоток и поставил почти пустую чашку на стол.

— Ладно, — пожал плечами Хит, достал два стакана и принялся готовить какую-то голубоватую смесь. — Вы так и не ответили на мой вопрос, мистер Венциа. Почему вас интересует Черная Леди?

— Попросту говоря, я хочу с ней встретиться.

— Я бы предпочел, чтобы вы выразились сложнее.

— Мне надо поговорить с ней. — Венциа не обратил внимания на иронию Хита. — У нее есть кое-какая информация, которая мне необходима.

— Какая информация?

— Вы спросили — я ответил, — повторил он слова хозяина. — Теперь ваша очередь.

Хит закончил смешивать напитки, передал один из них Венциа и снова сел.

— Так мы до самого утра ни до чего не договоримся, — сказал он. — Ладно. Я буду с вами совершенно откровенен, но и от вас жду того же.

— Согласен, — ответил Венциа.

Хит отпил из стакана, подался вперед и начал:

— В силу совершенно не зависящих от меня обстоятельств, я профессиональный джентльмен удачи.

— Будь я проклят, это что такое?

— Это значит, что я использую любые возможности, которые мне подворачиваются. Леонардо считает меня вором, но это весьма ограниченное определение.

— Вы хотите сказать, что вы не вор? — Венциа был явно сбит с толку.

— Нет, я, конечно, вор, но не только. Кстати, один из лучших, уверяю вас. Сейчас мы с Леонардо как раз обсуж-

даем, каким способом будет удобнее избавить Малькольма Аберкромби от хлопот, связанных с его коллекцией.

— Неправда! — вмешался я.

— В самом деле? — удивился Венциа, не обращая на меня внимания.

Хит кивнул:

— Я знаю, конечно, что у Аберкромби нет по-настоящему ценных вещей, но тем не менее...

— Ну, я бы не сказал, — перебил его Венциа. — У него есть один Скарлос, один Перкинс, три или четыре Нгони, один Сантини...

— Да что вы говорите? — невинно улыбнулся Хит. — Меня, должно быть, неправильно информировали.

— Ближе к делу, — остановил его Венциа.

— А дело, мистер Венциа, в том, что мне известно о фанатичном увлечении мистера Аберкромби. И я намерен доставить ему Черную Леди — после того как мы уладим некоторые финансовые вопросы.

— Всего-навсего, — сказал Венциа. — Удачи вам!

— Вы думаете, что Аберкромби не станет платить?

— Заставить его заплатить легко. Найти ее — вот главная проблема.

— Один раз мы ее уже нашли. Найдем и еще раз — я уверен.

Венциа подпрыгнул в кресле.

— Что? Вы в самом деле ее видели? Во плоти?

Хит кивнул:

— Она была на борту моего корабля.

— А где она сейчас? — задыхаясь от волнения, спросил Венциа.

— Не имею понятия.

— Где она сошла?

— Вам придется поднапрячься, чтобы поверить нам, — сказал Хит. — Она просто исчезла с корабля, пока мы летели с Ахерона на Дальний Лондон.

Венциа расстроенно откинулся на спинку кресла.

— Значит, я опять упустил ее.

— Вы верите мне? — удивился Хит.

— Почему нет? — мрачно ответил Венциа. — А что, это неправда?

— Правда. Но если бы при всем этом не присутствовал Леонардо, я бы сам себе не поверил.

Венциа долго молчал. Потом одним глотком допил содержимое стакана.

— Вот черт! — пробормотал он.

— Вы совсем не удивлены, что она смогла телепортироваться с корабля, — заметил Хит с живым интересом. — Почему?

— Когда речь идет о ней, меня ничто не удивляет.

— Итак, я все рассказал вам, мистер Венциа, — проговорил Хит. — Теперь ваша очередь.

Венциа испытующе смотрел на нас, потом вздохнул и кивнул головой.

— Хорошо. В конце концов, наши интересы не совпадают...

— Как же, — удивился Хит. — Она нужна мне, нужна и вам — я бы сказал, интерес один.

— Все, чего хочу я, — это поговорить с ней, — не согласился Венциа. — А вы хотите похитить ее и продать Аберкромби.

— Нет-нет, моя цель — лишь познакомить их, — возразил Хит. — Я не занимаюсь торговлей живым товаром.

— Можете называть это как хотите, суть от этого не меняется. — Венциа в первый раз позволил себе намек на улыбку. — Если бы я был азартным человеком, мистер Хит, я бы поставил все состояние на то, что вам никогда не удастся свести их вместе, если она сама этого не захочет. Вы просто до сих пор еще не поняли, с чем имеете дело!

— И с чем же я имею дело?

— Скажи я вам прямо — вы ни за что не поверите!

— Вполне возможно, но почему бы вам не попробовать?

Венциа покачал головой.

— Нет. Чтобы вы поняли, мне придется начать с самого начала.

Он сделал глубокий вдох:

— Шесть лет назад у меня были кое-какие дела на Пирексе III. Кто-нибудь из вас о нем слышал?

— Нет, никогда, — сказал Хит.

— Да, — отозвался я. — Там было крупное восстание против власти Олигархии.

— Точно, — подтвердил Венциа. — Но это были не местные — я не думаю, что каарны даже сегодня знают, что такое Олигархия, да и чихать они хотели на нее, даже если бы и знали. Все, что им нужно от жизни, — это валяться на солнышке и сочинять свои дурацкие одиннадцатисложные стишки. Но земные колонисты — совсем другое дело. Они считали, что центральное правительство берет с них слишком большой налог, и в конце концов потребовали независимости.

— И какое отношение все это имеет к Черной Леди? — нетерпеливо спросил Хит.

— Сейчас скажу. К началу восстания я как раз был на Пирексе III. У них, разумеется, не было никаких шансов — через три дня прибыл Флот и оставил от них мокрое место. Но сначала это выглядело довольно серьезно. Как и большинство приезжих, я попросил убежища в одном из посольств и решил переждать.

Лицо Венциа задергалось от страшных воспоминаний.

— Я был в посольстве Сириуса V, когда в него попала бомба. Все вокруг уже шаталось и вот-вот обрушится, но я подумал, что успею помочь спасателям вынести еще несколько раненых через окно. Нам удалось вытащить первого, но только мы взялись за второго, как здание рухнуло и я оказался погребен под тоннами обломков.

Он помолчал несколько секунд, пытаясь унять волнение.

— Не знаю, сколько я пробыл без сознания. Помню, очнулся и хотел прокопать себе выход, но обе руки оказались сломанными. Я едва мог дышать и захлебывался собственной кровью. Спасатели звали меня, разбирая завалы, но я не мог ответить. Наконец я понял, что делаю последний вдох и через мгновение меня не станет.

Он снова остановился, глядя прямо перед собой, вспоминая тот далекий день.

— И тогда я увидел ее.

— Ее? — переспросил Хит. — Вы хотите сказать, Черную Леди?

Венциа кивнул.

— Она стояла передо мной, протянув руки вперед, и манила к себе. Я попытался встать, но, конечно, безуспешно.

— И что потом? — спросил Хит.

— Очнулся я уже в больнице, — продолжал Венциа. Лицо его было искажено. — Думаю, они нашли меня через пару минут. Я не дышал, но пульс еще был, так что врачам удалось меня откачать. Сам я ничего этого не помню — только Черную Леди, как она тянула ко мне руки и звала, звала...

— Галлюцинация, — сказал Хит.

— Сначала и я так думал.

— И что вас заставило думать иначе? — спросил я.

— Через год я увидел ее.

— Где? — спросил Хит.

— На Деклане IV — моей родной планете. Я еще долечивался, и мне настолько надоело читать книги и смотреть видео, что, когда к нам на неделю приехал цирк, решил, что достаточно окреп, и пошел туда развеять скуку.

Он на секунду закрыл глаза, предаваясь воспоминаниям.

— Там у них был укротитель зверей, совершенно гениальный. Этот парень работал даже с кошками-демонами с Киларстры, а их никому и никогда не удавалось приручить. И еще у него в номере работал голубой дракон.

— Голубой дракон? — удивился Хит. — Я никогда о них не слышал.

— Это такая рептилия размером с дом, откуда-то с Периферии. Так он забирался этому дракону прямо в пасть! То есть буквально — эта проклятая зверюга могла проглотить его целиком! Я в жизни не видел ничего подобного.

Рассказчик опять на мгновение прикрыл глаза.

— После представления я задержался, чтобы выразить ему свое восхищение. Разумеется, я был не один такой, потому что полиции пришлось очистить коридор, чтобы дрессировщик мог пройти к своей машине. Так вот — когда он наконец вышел, под руку с ним шла она.

— Черная Леди?

Венциа кивнул:

— Я просто чуть не упал. Представляете — моя галлюцинация была передо мной во плоти! Это была она, та самая, до последней черточки!

— Вам удалось поговорить с ней? — спросил я.

— Полиция не пустила меня. — Он вдруг поднял глаза. — Я еще выпью, если вы не возражаете.

— Прямо сейчас? — раздраженно спросил Хит.

Ему явно хотелось слушать дальше.

— Да, если можно.

Хит с неудовольствием быстро смешал у бара коктейль и вернулся. На все ушло секунд сорок.

— О'кей, продолжим, — сказал он. — И когда же вам удалось наконец с ней поговорить?

— Никогда.

— И это все? — недоверчиво спросил Хит. — Вся история?

— Это только начало, — ответил Венциа. — Тогда я еще не знал, кто она такая.

— А теперь знаете?

— Да, — сказал Венциа. — На следующий день я снова пошел в цирк в надежде встретить эту женщину. И дело не в романтике или какой-то одержимости. Просто я хотел рассказать ей про тот случай. — Он растерянно пожал плечами. — Даже не знаю зачем.

— Итак, на следующий день вы пошли в цирк...

— Да, — кивнул Венциа. — На следующий день я снова пришел, — повторил он, заволновавшись. — Укротитель опять забрался в пасть к голубому дракону, и тот закрыл ее, как в прошлый раз, но тут раздался хруст... Когда пасть снова открылась, там было пусто.

Венциа замолчал и залпом осушил свой стакан.

— Какой ужас! — с трудом выговорил я.

— Еще бы. Я остался выразить свои соболезнования женщине, но не смог найти ее. Я продолжил поиски на следующий день, всех расспрашивал, но никто не видел ее после представления.

Венциа сделал паузу.

— Больше она так и не появилась, и цирк уехал с Деклана IV без нее. Тогда я еще думал, что человек не может так просто взять и раствориться в воздухе, и поскольку Деклана она определенно не покидала, заплатил детективному агентству, чтобы они нашли ее. Но безрезультатно.

— Ну, положим, я-то могу поверить, что она исчезла с моего корабля, но вы? — удивился Хит. — Из того, что случилось нельзя делать выводы об исчезновении. Разумней предположить, что она просто покинула планету еще до того, как вы наняли детективов. Жизнь на Деклане кипит — корабли, должно быть, отправляются каждые несколько минут.

— Именно так я и подумал, — ответил Венциа. — Я решил, что это случайное совпадение, и что ее исчезновение несколько странно — вот и все.

Он тяжело вздохнул:

— Но потом я увидел на распродаже имущества ее портрет работы Джастина Крейга, — добавил он, повернувшись ко мне. — Его купил Малькольм Аберкромби.

— Должно быть, это вас удивило, — заметил я.

— Почему? — быстро спросил Хит.

— Потому что Джастин Крейг погиб в битве при Дженовейте IV почти тринадцать столетий назад.

— Я нашел три его биографии, — продолжал Венциа. — В двух из них о женщинах не было ничего, но третья упоминала некую женщину с черными волосами, которая, по-видимому, была постоянной его спутницей в последние две недели жизни и таинственно исчезла, как только его убили... Так же, как и в случае с укротителем, — добавил он многозначительно.

— Но он-то ее не рисовал, — заметил Хит.

— С какой стати? — удивился Венциа. — Он ни черта не понимал в живописи.

— Извините меня, друг Ройбен, — вмешался я. — Вы хотите сказать, что не каждый, кто видел Черную Леди, писал ее портрет?

— Ну конечно же, нет, черт побери! А что, каждый, кто видел ее на Ахероне, тут же бежал покупать мольберт и кисть?

— Нет, — ответил я, ругая себя за то, что проглядел столь очевидный факт.

— Ну вот, последующие два года я разыскивал ее изображения и исследовал ее историю, насколько это было в моих силах. Она исключительно красива, и многие из знавших ее пытались запечатлеть этот образ на холсте или в голограмме, хотя еще больше было тех, кто этого не делал.

— А как вы узнали, что ее зовут Черная Леди? — спросил я. — Это имя есть только на картине Серджо Маллачи, а вы ее никогда не видели.

Венциа улыбнулся:

— У нее много имен — некоторые я уже назвал вам на Дальнем Лондоне. Просто Черная Леди встречается чаще всех.

— Но где? — настаивал я. — Я не знаю других картин с названием «Черная Леди».

— В 1827 году христианской эры Иона Макферсон вырезал похожую на нее фигуру на носу своей китобойной шхуны, которую назвал «Черная Леди». В 203 году галактической эры Ханс Винабл упомянул о Черной Леди в бортовом журнале. Журнал находился в черном ящике, который отстрелился от корабля перед тем, как тот пропал в черной дыре. В 2822 году галактической эры она фотографировалась вместе с Джимми Максвейном, профессиональным боксером, который сказал фотографу, что женщина известна как Черная Леди. Продолжать?

— Да-да, пожалуйста! — Хит подался вперед.

— Хорошо, — сказал Венциа. — В 3701 году галактической эры ее снова запечатлели на голографической фотографии. Черная Леди изображена в компании убийцы по кличке Лопата в момент, когда они попали в полицейскую засаду. Она уцелела при перестрелке, но исчезла, прежде чем ее успели допросить. Лопата, испуская последний вздох, просил разрешения увидеть Черную Леди в последний раз. Всего год спустя она была уже с охотником на преступников, известным как Миротворец Макдугал. Его голограмм не осталось, но сохранились две с ее изображением, и на обеих она названа Черной Леди.

Венциа перевел дух и продолжал:

— Затем о ней упоминали в 4402 году галактической эры, но ни голограмм, ни фотографий, ни рисунков не осталось, хотя описание соответствует.

Он выразительно посмотрел на нас:

— Во всех случаях без исключения она появлялась максимум за месяц до смерти партнера и исчезала меньше чем через день после нее.

— Судя по всему, это одна и та же женщина, — согласился Хит.

— Нет никаких сомнений. Она попадалась мне под двумя десятками разных имен, но ее появление всегда предшествовало смерти.

— Вы, однако, не умерли, — отметил я.

— Верно, — признал Венциа. — Я не умер.

— Полагаю, у вас есть какое-нибудь объяснение? — спросил Хит.

— Думаю, что да, — ответил Венциа. Он немного подумал: — То, что я видел, это не сама Черная Леди. Вы ведь понимаете — я был погребен под грудами обломков. Она не могла появиться под всеми этими камнями.

— Итак, мы возвращаемся к версии о галлюцинации?

Венциа энергично затряс головой.

— Нет!

— Тогда что же вы видели?

— Я бы назвал это видением.

— Называйте как хотите, а у меня свое мнение. — Хит скептически поджал губы.

— Это было видение, — настаивал Венциа. — Когда я это понял, то пошел в центральную больницу с голограммой, которую скопировал из полицейских файлов по делу Лопаты. Добился разрешения посетить палату безнадежно больных и стал показывать голограмму каждому пациенту по очереди, в надежде, что кто-нибудь ее опознает.

— И что? — спросил Хит.

— Более трехсот никогда ее не видели. Один человек смутно помнил, что видел ее во сне и она звала его. Он умер через неделю.

— А остальные? — спросил я.

— Большинство тоже умерло, — ответил Венциа. — И пятеро из них — на следующий день. — Он сделал паузу. — Я попросил медсестру сообщить мне подробности о человеке, которому показалось, что он видел Черную Леди во сне. Медсестра рассказала, что он пошел гулять с дочкой и они остановились посмотреть на стройку. Девочка случайно оказалась на пути у робота-бульдозера, отцу удалось оттолкнуть ее в сторону, но сам он сильно покалечился. Девяносто секунд он был в состоянии клинической смерти, потом его оживили, и в больнице он прожил еще неделю, прежде чем скончаться.

— А был там кто-нибудь еще, кто умер, но его вернули к жизни?

— Трое. Два утопленника и женщина, которую ударило током. А что касается вашего следующего вопроса, то я не знаю, находился ли я в состоянии клинической смерти, когда меня откопали.

— Тогда почему только он единственный видел Черную Леди? — растерянно спросил Хит. — И что у него общего с вами? Вас завалило, а его переехал бульдозер. Вы попали под бомбежку, а он повел дочь на прогулку. Он умер, а вы нет. Какая же тут связь?

Пока я слушал Хита и размышлял над этой загадкой, Венциа внимательно и с любопытством смотрел на меня.

— Мне кажется, что Леонардо уже догадался, — сказал он.

— Я вижу связь. Это не одно и то же.

— А я ничего не вижу, — пожаловался Хит.

— Я ее вижу, — повторил я задумчиво, — но это не может быть ответом.

— Почему? — Венциа прищурился.

— Потому что Черная Леди не может быть Смертью, — ответил я. — Иначе по крайней мере трое больных увидели бы ее.

— Согласен, — сказал Венциа.

— Тогда кто она?

— Может, кто-нибудь скажет мне, о чем идет речь? — не выдержал Хит.

— Друг Валентайн, — обернулся я к Хиту, — связь не в характере несчастий, а в том, чем они были вызваны.

Хит попытался рассуждать:

— Венциа пытался спасти раненого. Отец пытался спасти дочь. — Он щелкнул пальцами. — Она является только героям?

Подумав, решительно качнул головой:

— Это не может быть причиной! Возьмите хотя бы Маллачи — его застрелили в баре из-за женщины. Что здесь героического?

— Дело не в том, что друг Ройбен и отец девочки — герои, друг Валентайн, — объяснил я, — а в том, что они пошли на риск.

— Не понимаю, какая разница, — нахмурился Хит.

— В этих двух случаях — никакой, — согласился я. — Но вообще разница есть.

— Так, может быть, вы соизволите объяснить какая?

— Вспомните укротителя зверей. Он не герой, но тем не менее шел на риск на каждом представлении.

— Так что, она является людям, которые рискуют?

— Точнее говоря, — вмешался Венциа, — она приходит к людям, которые рискуют жизнью.

— А почему с одними она живет, а другим является лишь на долю секунды? — спросил Хит.

И тут внезапно я нашел ответ на загадку Черной Леди.

— Некоторые, как друг Ройбен, рискуют жизнью один раз, совершенно спонтанно, — объяснил я. — Другие же, как Маллачи, Малыш или укротитель, делают это всю жизнь, изо дня в день.

— Ну вот, теперь вы поняли, — улыбнулся Венциа.

— Эта деталь все время от меня ускользала, — признался я. — Вначале я предполагал, что каждый художник участвовал в каких-либо военных действиях, но теперь мне ясно — это слишком узкий критерий. Отчаянный циркач, Брайан Макгиннис в джунглях Земли, человек, который исследовал черные дыры, — ведь каждый из них играл со смертью так же упорно, как и солдаты.

— Но она не Смерть, — сказал Хит озадаченно. — Иначе, как вы правильно сказали, каждый, кто вот-вот умрет, видел бы ее.

— Да, это так, — согласился Венциа.

— Тогда кто же она, черт побери?

— Черная Леди.

— Но что такое Черная Леди?

Венциа тяжело вздохнул:

— Я не знаю.

— Беседа, похоже, пошла по кругу, — констатировал Хит.

— Я не знаю, кто она, — повторил Венциа. — Знаю только, что она является людям на протяжении восьми тысяч лет. Причем только мужчинам, и никогда — женщинам. Я знаю, что она обретает плоть, когда человек постоянно играет со смертью, но никогда не остается после того, как он умирает. Я знаю, что иногда она исчезает на целые столетия. И я знаю, что она является как видение к тем, кто ищет ее, только раз в жизни.

— Ее или смерть? — резко спросил Хит.

— Не уверен, что это не одно и то же.

— Вы же сказали, что она не Смерть!

— Полагаю, что нет, но не сомневаюсь, что она как-то связана со смертью. Не думаю, что Черная Леди в самом деле кого-то убивает, но она определенно побуждает людей идти на риск, который и приводит их к смерти.

— Побуждает? — с сомнением повторил Хит. — Разве она побуждала вас?

— Я оговорился. Ну, скажем, ее неодолимо влечет к таким.

— И она является каждому, кто рискует жизнью? — спросил Хит.

— Не знаю, — ответил Венциа. — Ведь многие из них не выживают, чтобы рассказать.

— А как насчет инопланетян? Им она тоже является?

— Насколько я знаю, ни один инопланетянин не упоминал о ней и не писал ее портрет.

— Почему же она не исчезла сразу после убийства Малыша?

Венциа некоторое время обдумывал ответ.

— Она никогда не исчезала в чьем-либо присутствии, — заметил он. — Как правило, она считается просто пропавшей без вести.

Он помолчал.

— Тай Чонг рассказала мне, что случилось на Ахероне. Судя по ее описанию, в той ситуации Черная Леди никак не смогла бы исчезнуть из тюрьмы и вообще с поверхности планеты, не раскрыв тамошним людям своих способностей.

Хит покачал головой:

— Красивая теория, но концы не сходятся.

— Как? Почему?

— Если она не хочет, чтобы о ней все знали, то почему исчезла с моего корабля?

Венциа улыбнулся:

— Потому что никаких секретов она при этом не раскрыла. Леонардо знал, кто она такая.

— Леонардо понял, кто она такая, пять минут назад! — вспылил Хит.

— Но я знал, что ее зовут Черная Леди, друг Валентайн. И я спрашивал ее о Брайане Макгиннисе и Кристофере Килкаллене.

— Да, действительно, — согласился Хит.

Несколько минут мы сидели молча. Наконец Хит подал голос.

— Боже мой, — усмехнулся он. — Сидим тут целый час и говорим о Черной Леди, как будто она бог знает что! Просто красивая женщина или очаровательная инопланетянка, овладевшая искусством телепортации. Проснемся завтра — и не вспомним об этом.

— Все это реально, — сказал Венциа. — И в глубине души вы знаете, что никакая она не инопланетянка.

— А кто она, как вы думаете?

— Не знаю.

— А вы, Леонардо?

— Мне бы очень хотелось сказать, что она — Мать Всего Сущего, — признался я, — но это было бы богохульством.

— Кто такая Мать Всего Сущего? — спросил Венциа.

— Это та, кому мы поклоняемся, как вы своему Богу. Но, не в обиду вам будь сказано, я не могу поверить, что Мать Всего Сущего принадлежит к чужой расе.

— Может быть, бьорннам она является в другом обличье? — предположил Хит.

— Ни один бьорнн не совершает поступков, которые привлекли бы внимание Черной Леди. Моя раса слишком дорожит жизнью.

— Наша в основном тоже, — сказал Венциа. — Но тем не менее вот она, здесь.

— У вас в почете храбрость, — возразил я. — У нас — нет. В бьорннском языке даже нет слова «герой». Этого понятия у моего народа просто не существует.

— Но даже стадные животные способны на героизм, — заметил Хит. — Бык-вожак смело встречает хищника, чтобы дать время остальным уйти от опасности.

— Бык не рассуждает, а подчиняется слепому инстинкту. Это не героизм, друг Валентайн. Если дать ему возможность сознательного выбора, то он никогда не вступит в борьбу с хищником, а Черная Леди, по-видимому, является только тем людям, которые призывают ее сознательно.

— Минуточку! — воскликнул Хит. — Но ведь у вас приняты ритуальные самоубийства. Разве не такое поведение привлекает ее?

— Отдать свою жизнь, чтобы избежать продолжения позора — что же в этом героического, друг Валентайн?

— Мы отклонились от темы, — вмешался Венциа. — Черная Леди является только людям. Мы это знаем — и с нас достаточно.

— Ладно, — сказал Хит. — Мы знаем, что она является людям. И что дальше?

— А теперь мы найдем ее, — сказал Венциа со спокойной решимостью.

Хит усмехнулся:

— Это большая галактика, мистер Венциа, — ее здесь может не быть.

— Тогда мы вычислим, где она появится в следующий раз, и подождем там.

— Зачем, друг Ройбен?

— Бедный Леонардо! — В голосе Венциа прозвучало неподдельное сочувствие. — Вы правильно сложили все детали, но так и не решили головоломку.

— Простите? — не понял я.

— Мы сядем и поговорим с ней, — объяснил Венциа.

— Я что-то не понял, — вмешался Хит. — Вы потратили шесть лет и бог знает сколько денег, чтобы ее найти, и собираетесь просто сесть и поговорить?

— А что бы вы стали делать, мистер Хит? — с вызовом спросил Венциа.

— Вы знаете, что я собираюсь делать.

— Я заплачу вам больше, чем Аберкромби.

— Сомневаюсь, — сказал Хит. — Вы знаете, какое у него состояние?

— Все, что мне нужно, это пять минут ее времени, — сказал Венциа. — После этого можете продавать ее Аберкромби и вообще делать с ней все, что вам угодно.

— Если Черная Леди позволит, — вставил я.

— Миллион кредитов, мистер Хит. — Венциа смотрел на него в упор.

— Миллион кредитов за пять минут?

— Совершенно верно.

— Масса народу провели с ней куда больше пяти минут. Держу пари, что женщина не сказала им того, что вы хотите услышать.

— Они не знали, кто она, — ответил Венциа. — А я знаю. Просто они ни разу не задали ей правильного вопроса... Вот в чем мое преимущество.

— Ну, допустим, она вам ответит, — продолжал спорить Хит. — Но как вы узнаете, что она говорит правду?

— Я узнаю, — уверенно сказал Венциа.

— Извините, — вмешался я, — но я не могу понять, о чем вы говорите.

Хит улыбнулся.

— Он хочет спросить у нее о чем-то очень важном, Леонардо.

— О чем?

— Что там, по ту сторону? — тихо и напряженно сказал Венциа. — Только она может это знать.

— Это пахнет святотатством, — испуганно заметил я. — Пристало ли нам знать об этом?

— Но глупо не узнать, если есть возможность. Существует ли истинная религия? Какому богу следует поклоняться? От каких черт и привычек освободиться? Что делать, чтобы наверняка попасть в рай? А если за этой жизнью ничего нет, то по крайней мере я буду свободен в своих поступках!

— Вы и так свободны, — сказал Хит.

— Это только потому, что я ничего не знаю о последствиях своих поступков. А так я буду знать.

— Небесный страховой полис? — улыбнулся Хит.

— Если хотите.

— Вы многого хотите за ваши деньги, мистер Венциа, — заметил Хит.

— И я это получу, — решительно заявил Венциа.

15

Венциа остался ночевать в коттедже, а наутро мы все втроем отправились с Граштарка на Дальний Лондон.

Дело было не только в моей работе. В очередной раз потеряв Черную Леди, Венциа был убежден, что рано или поздно на каком-нибудь аукционе всплывет еще один ее портрет. Он решил вернуться с нами на Дальний Лондон, чтобы иметь возможность постоянного контакта со мной. А пока он займется поиском по видео подходящих героев и сорвиголов и отбором печатных и электронных материалов с помощью компьютера.

Хит расходился с нами во мнении относительно Черной Леди, однако нисколько не возражал против того, чтобы сопровождать нас, поскольку именно на Дальнем Лондоне находился Малькольм Аберкромби.

Венциа покинул коттедж на час раньше нас — ему еще надо было забрать свои сани и вернуть их в пункт проката. Мы договорились встретиться на корабле Хита, так как Венциа прибыл на Граштарк на рейсовом корабле, не имея своего собственного.

— Будет тесновато, — заметил Венциа, втащив свой багаж через входной люк.

— Корабль не рассчитан на троих, — согласился Хит.

— Это видно. — Венциа огляделся. — А это вам, держите, — сказал он, протягивая квадратный ящик примерно дюймов двенадцать на восемь.

— Что это? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Не имею ни малейшего понятия. Тай Чонг сказала — передать вам.

— Подарок от Тай Чонг? — обрадовался я, принимая ящик.

— Мне кажется, это прибыло с Бьорнна и она хранила его для вас.

— С Бенитаруса II, — вежливо поправил я его. — Бьорны — это раса, а планета — Бенитарус.

— Как вам угодно, — сказал Венциа без всякого интереса. Он повернулся к Хиту: — Я голоден. Есть у вас что-нибудь?

Хит кивнул:

— Идите на кухню и скажите, что вам нужно. Она реагирует на голос.

— А где меню?

— Она может сделать все, если только вы не возражаете против продуктов из сои.

— Спасибо. — Венциа направился на кухню.

Хит повернулся ко мне:

— Ну?

— Что ну, друг Валентайн?

— Что в ящике?

— Я не знаю.

— А вы не собираетесь его открывать?

— Я хотел сделать это один, в своей каюте.

— В вашей каюте вы будете не один, — сказал Хит, улыбаясь. — Вы там вдвоем с Венциа.

— Тогда я открою его прямо сейчас.

— Отличная идея.

Я нашел ровную поверхность, поставил ящик и замер, глядя на него.

— В чем дело? — спросил Хит.

— Я боюсь.

— Вы думаете, кто-то мог прислать вам бомбу? — улыбнулся Хит. — Не волнуйтесь, Леонардо, — датчики сразу обнаружили бы любой опасный предмет.

— Это не бомба, — сказал я.

— Тогда что?

Я вздохнул:

— Я знаю, что это может быть, но твердо не уверен.

— Вы говорите странные вещи, Леонардо, — сказал Хит. — Может быть, мне открыть его для вас?

— Нет. Лучше я сам.

— Что за проблемы? — спросил Венциа, выходя из кухни с тарелкой.

Хит пожал плечами.

— Спросите его, — кивнул он в мою сторону.

— Я не хотел никого беспокоить, — виновато сказал я.

— Отлично, — сказал Венциа. — Тогда открывайте проклятую штуковину и уносим ноги с этой замороженной планеты.

Я повернулся к Хиту.

— Может быть, вы предпочитаете сначала взлететь? Посылка может и подождать.

— А я уже не могу. Вы развели вокруг нее такую таинственность, что я не двинусь с места, пока не увижу, что внутри.

Я вздохнул и принялся разворачивать обертку. Мне пришлось взять какой-то режущий инструмент из кухни, но наконец все было готово и оставалось только снять крышку.

— Вперед! — подбодрил меня Хит.

— Сейчас.

Я немного помедлил, набрал побольше воздуху, открыл крышку — и перевел дух.

— Что с вами? — озабоченно спросил Хит.

— Все в порядке, друг Валентайн, — радостно ответил я. — Теперь все в порядке.

Он заглянул в коробку.

— В чем дело? — спросил он. — Здесь одна грязь.

— Это от моей Матери по Окраске, — объяснил я.

— Но с какой стати она присылает вам грязь?

— Это почва со священной земли Дома Крстхионн.

Венциа ушел с тарелкой в нашу общую каюту, потеряв, видимо, всякий интерес к посылке.

— Как я понимаю, это очень хорошо — получить такую посылку? — спросил Хит.

— Да! — возбужденно ответил я. — Я боялся, что в посылке может быть что-нибудь еще.

— Например?

— Что угодно.

Я попробовал объяснить:

— Каждый бьорнн отмечает два священных дня, друг Валентайн, — день основания Дома и день, когда Дом признал его собственную окраску. Первый день отмечался как раз, когда мы летели с Ахерона, а второй наступит, по моим подсчетам, через тридцать два дня. Теперь вы понимаете?

— Не совсем, — ответил Хит. — Когда мы отмечаем праздники, мы обмениваемся подарками, а не землей.

— Это не просто земля, — объяснил я. — Это священная почва с места рождения Первой Матери Дома Крстхионн, чье потомство впервые унаследовало ее Окраску.

— Вроде святой воды у католиков?

— Святая вода — просто символ, а это настоящая земля.

— И что вы собираетесь с ней делать?

— Сначала я опять попрошу у вас режущий инструмент.

— Зачем?

— Я должен отворить себе кровь, чтобы смешаться со священной почвой в знак моей верности Дому Крстхионн.

— Вы уверены, что не планируете самоубийство? — спросил он подозрительно.

— Нет, друг Валентайн, — ответил я. — Это религиозный ритуал.

— А разве это ваше самоубийство — не религиозный ритуал?

— Этот — гораздо более важный.

— Ну ладно, а что потом?

— Затем я должен покрыть тело этой землей.

— И конечно, в этом есть тоже какой-то смысл?

— Это символизирует мое единство с Первой Матерью. Еще я должен произнести три молитвы: одну к Ней, другую — к Дому, а третью — к Матери Всего Сущего.

— И это все?

— Затем я счищу с себя всю землю и мы ее атомизируем.

— Мне кажется, это несколько неэкономно — ведь она такая священная, — съязвил Хит.

— Но я оскверню ее своим прикосновением, и она больше не будет святой. Счищая и уничтожая ее, я удаляю с себя скверну на весь следующий год.

— А что вы делали, пока не появились атомизаторы? — поинтересовался Хит.

— Тогда и космических полетов не было, мы просто возвращали землю на прежнее место. Даже в наши дни на Бенитарусе II обычно совершают ритуал на месте рождения Первой Матери.

— А женщины вашей расы тоже совершают такой ритуал? — с любопытством спросил Хит.

— Нет, — ответил я. — Этот ритуал не нужен тому, кто и так чист и священен.

— Да, похоже, они вас там и в хвост и в гриву гоняют.

— Не понимаю.

— Не важно. — Он помолчал немного. — А почему вы так беспокоились, Леонардо? Что случилось бы, если бы в ящике оказалась, скажем, пара перчаток или пирог?

— Это значило бы, что я навсегда отлучен от священных ритуалов своей расы.

— Помнится, ваша Мать по Окраске уже прогнала вас.

— Я отлучен физически. Если бы она не прислала мне священную почву, то я был бы отлучен и духовно. Тогда моя душа вечно блуждала бы, одинокая и потерянная.

— Ну ладно, теперь я хотя бы понимаю, почему вы вопили от радости. А как называется эта церемония с землей?

— Праздник Первой Матери.

— А на день рождения вам пришлют еще один ящик земли?

— Не день рождения, а День Признания. Это счастливый момент.

— Чем же он отличается от Праздника Первой Матери?

— Если я дома, то в мою честь устраивают грандиозный пир.

— И все? — удивился Хит.

— Еще проводится сложная церемония с клятвами Дому и Семье. Так подтверждается моя верность Дому.

— И все это она тоже пришлет вам в посылке? — рассмеялся он.

— Если мужчина-бьорнн уже покинул Бенитарус II, единственным символом подтверждения верности остается пир. Мать по Окраске пришлет мне растения с ее собственных полей. Я съем их и таким образом упрочу связь между нами.

— Да, это несколько скромнее, чем праздник у вас дома.

— Конечно, — согласился я. — Но удобства индивидуума не имеют значения. Дом — это все.

— Что ж, если вы так считаете...

— А теперь можно я возьму ненадолго режущий инструмент?

Он кивнул, сходил на кухню, и принес то, что я просил.

Я вытянул руку над почвой Первой Матери и приготовился надрезать кожу.

— Может быть, вам неприятен вид крови, друг Валентайн?

— Только если она моя собственная, — улыбнулся он.

Я сделал надрез, и кровь закапала на священную почву.

— Фиолетовая? — изумился Хит.

— Кровь не у всех красная.

— Может, вас перевязать?

— Она сейчас остановится, — успокоил я его. — Вот и все.

— Следующую часть церемонии вы, наверно, предпочитаете провести в сухом душе? — предложил Хит.

— Да, если вы не возражаете.

— Вообще-то, я на этом настаиваю. Не терплю грязи.

Я поблагодарил его, подождал, пока корабль стартует с Грауштарка и возьмет курс на Дальний Лондон, а затем спокойно завершил церемонию Праздника Первой Матери в сухом душе.

Я надеялся, что во время полета Венциа продолжит свой рассказ о Черной Леди, но оказывается, он уже рассказал все, что знал. Это обстоятельство, однако, не мешало ему беспрестанно говорить о ней. Он был просто одержим мечтой встретиться с ней и получить ответ на свои вопросы.

Хит же относился к его затее весьма скептически. Он участвовал во всех беседах, делал разумные замечания, как будто разделял точку зрения Венциа. Но как только разговор

прекращался, Хит вновь как-то незаметно начинал воспринимать ее как инопланетянку или в лучшем случае земную женщину с телепатическими способностями.

Я же испытывал неизъяснимое облегчение оттого, что Мать по Окраске не обрекла мою душу на вечные странствия. Теперь даже статус изгнанника, не имеющего возможности вернуться на родную планету, был уже не столь невыносимым. Чтобы отвлечься от своих неприятностей, я постарался сосредоточиться на поисках Черной Леди и отодвинуть все мысли о Доме и Семье.

Когда мои спутники спали, я снова и снова предпринимал попытки запечатлеть ее образ, но мои скромные художественные способности не позволяли этого сделать. Однажды я даже попытался изобразить ее как бьорннскую женщину, с бледной кожей без окраски, в черном одеянии, с совершенным лицом и печальными глазами — само Божество, запечатленное тушью на бумаге... Но результат меня разочаровал — она получилась совершенно не похожей на Мать Всего Сущего, а просто женщиной без окраски с правильными чертами лица. И что-то заставило меня почувствовать, что Черная Леди, кто бы она ни была и что бы ни искала, приходит только к людям, никак не к бьорннам.

Я написал еще одно письмо Матери по Окраске, поблагодарив ее за подарок и рассказав о том новом, что узнал, хотя и понимал, что она мне не ответит. Еще я написал своей Паре по Окраске, официально дал ей развод (хотя он уже и произошел автоматически, одновременно с моим изгнанием) и пожелал удачи с другим бьорнном, которого для нее изберут.

Как бы ни были горьки мои собственные переживания, они не шли ни в какое сравнение с участью моей Пары по Окраске, которая, будучи ни в чем не повинна, должна так поздно и так круто менять свою жизнь. Могли пройти годы, прежде чем Дом найдет и утвердит для нее совершенную дополняющую Окраску, а до тех пор она вынуждена будет оставаться неоплодотворенной. Или, что еще хуже, Дом в своей бесконечной мудрости может решить, что она впустую растрачивает юность и молодость, и дать ей пару с частично

дополняющей Окраской. А в этом случае рано или поздно она может родить ребенка с Окраской, которую Дом не примет, и тогда будет вынуждена страдать уже из-за двух изгнанников.

Чтобы отогнать черные мысли и совладать со своими чувствами, я в который уже раз попытался сосредоточиться на Черной Леди. Хит спал, Венциа читал книгу из электронной библиотеки. Он заметил мое волнение и бледность окраски.

— Что с вами, Леонардо?

— Все в порядке, друг Ройбен.

— Вы уверены? У вас расстроенный вид.

— Мне уже лучше.

— Ну ладно. — Он пожал плечами. — Вы не возражаете, если я спрошу у вас кое-что о вашем друге мистере Хите?

— Нет, друг Ройбен.

— Он в самом деле собирается обокрасть Аберкромби?

— Я совершенно уверен в этом, друг Ройбен.

— Это печально.

— Я с вами согласен. Воровство противоречит моральным и гражданским законам.

Венциа улыбнулся:

— Я имел в виду, что мы надеемся использовать его для поисков Черной Леди, а если он попытается обокрасть Аберкромби, то скорее всего угодит в тюрьму. Насколько я знаю, у Аберкромби в этом его поместье стоит охранная система элитного класса.

— Думаю, что друг Валентайн еще удивит и вас, и мистера Аберкромби.

— Возможно. — Венциа решил не продолжать тему. — Интересно, почему он так скептически настроен?

— Вероятно, потому, что не видел ее в тех обстоятельствах, в каких видели вы.

— Но и вы не видели, — заметил он, — однако у вас нет таких проблем.

— Это верно, — согласился я.

— Перед ним те же факты, — удивленно продолжал Венциа. — Почему он не может прийти к тем же выводам?

— Возможно, потому, что он привык всегда полагаться на собственные силы и не нуждается в вере.

— А вы нуждаетесь?

— Меня приучили верить и полагаться на тех, кто стоит выше меня.

— Интересно...

— Что, друг Ройбен?

— Почти каждый, с кем она была, тоже надеялся только на себя. Интересно, во что верили они?

— Может, нам удастся спросить об этом следующего?

— Если мы доберемся до него вовремя, — с сомнением заметил Венциа.

— Вы говорите о Черной Леди как об убийце, — обратил внимание я. — Но ведь мы знаем, что это не так.

— Мне все равно, кто она. Мне интересно лишь, что она знает.

Я снова мысленно увидел ее лицо.

— Пожалуй, мне интересней, что ей нужно, — ответил я.

— Чего она хочет? Да смерть ей нужна, черт ее побери!

— Не думаю, друг Ройбен.

— Почему?

— Если бы она добивалась смерти всех этих героев, то наверняка бы уже удовлетворилась.

— Есть такие, которым всегда мало, — возразил он.

— Я все время вспоминаю ее глаза, печальное выражение лица, ощущение тоски, которое от нее исходит, — ответил я. — Меня не покидает чувство, что она что-то упорно ищет и никак не может найти.

— Ищет? Что же?

— Не знаю, — задумчиво ответил я.

Еще несколько минут мы болтали о том о сем. Потом Венциа ушел в каюту спать, а я остался один и продолжал думать о Черной Леди. Мне очень хотелось верить, что когда-нибудь она найдет то, что ищет, и эта многовековая печаль наконец исчезнет с ее лица.

16

Наконец мы добрались до Дальнего Лондона. В галереях Клейборна меня ждала печальная новость. Как сообщил Гектор Рейберн, в прошлое воскресенье Тай Чонг участвовала в мирной демонстрации за права инопланетян на соседней планете Кенникот VI. Ее арестовали вместе со всеми, и поскольку она отказалась заплатить залог, то должна была отсидеть в тюрьме еще два дня.

— Я предлагал устроить так, чтобы залог уплатил Клейборн, — сказал Рейберн в заключение, — но она отказалась наотрез. Так что теперь сидит там и агитирует всех, кто ее слушает. Мне сказали, что она даже устроила пресс-конференцию в своей камере!

— Мне очень грустно слышать это, друг Гектор, — сочувственно произнес я. — Заключение в Кенникотской тюрьме, должно быть, очень неприятно.

— Да что вы! — рассмеялся он. — Это же ее звездный час! Между прочим, я, кажется, приглашал вас пообедать?

— Еще только десять часов утра, — заметил я.

— Пусть это будет ранний обед. Никогда не слышали о таком?

— Благодарю вас за любезное предложение, друг Гектор, но я и вправду не голоден.

Он пожал плечами:

— Ну что ж, предложение остается в силе. Только предупредите меня накануне.

— Непременно, — обещал я.

— Ресторан, о котором я говорил в прошлый раз, закрылся, но я слышал, есть и другой, где обслуживают инопланетян. Может, мне стоит сходить туда сегодня и посмотреть, на что он похож?

— Это очень предусмотрительно с вашей стороны, друг Гектор.

— Кстати, — добавил он доверительно, — что за человек этот Валентайн Хит?

— Он очень обаятелен, — ответил я. — А что?

— Он не один год уже сбывает через нас краденые картины. Просто любопытно, что это за личность.

— Почему же вы принимаете эти картины, если знаете, что они краденые?

— Да Господь с вами, все, что стоит денег, уже бывало украдено, и не раз. А хитовские картины по крайней мере трудно проследить.

— А как давно вам стало известно, что Хит торгует краденными произведениями искусства?

— Я догадался — ведь он никогда не выставляет их на публичные торги.

— А Тай Чонг знает об этом? — спросил я, очень надеясь услышать отрицательный ответ.

— Официально об этом не знает никто, — многозначительно подчеркнул Рейберн, — и разумеется, мы будем категорически отрицать это перед властями.

Он понизил голос:

— Я говорю об этом с вами только потому, что вы мой коллега и к тому же в приятельских отношениях с Валентайном Хитом.

— Но это еще не значит, что я вор! — возмутился я.

— Нет, конечно, — успокаивающе сказал Рейберн. — Но, с другой стороны, также не значит, что вы невинны как младенец...

— Я ни разу ничего не украл, друг Гектор!

Он улыбнулся:

— Я не занимаюсь моральными оценками, Леонардо.

— Занимаетесь, — возразил я. — Вы говорите, что я запятнал себя общением с Валентайном Хитом!

— Вообще-то полиция и в самом деле наводила о вас справки у Тай Чонг, когда вы улетели с Карла Великого.

— Это было недоразумение. Я не замешан ни в чем противозаконном.

— О'кей, — улыбнулся он. — Я вам верю.

— Мне кажется, что нет.

— Послушайте, я, похоже, вас расстроил, но, право же, я не хотел. Мы обсуждали Хита.

— Мы обсуждали, знала ли Тай Чонг, что картины, которые продает Хит, краденые, — уточнил я.

— Вы бы хотели, чтобы она не знала? А может, ей и в пикетах не стоять, защищая права вашего народа?

— Она что, защищала права бьорннов? — Я был уже рад сменить тему.

— Бьорннов, канфоритов, раболиан — какая разница! Вы же все боретесь за равноправие, так ведь?

— Бьорнны никогда не борются.

— Вы понимаете, что я имел в виду, — неловко сказал он.

— Да, друг Гектор, я понял.

— Ну ладно, мне пора. Увидимся вечером.

— Вы, видимо, планируете очень большой обед, — заметил я.

Гектор усмехнулся:

— А как же. И будет, чем запить. — Он задержался у двери. — Вы уверены, что не хотите пойти со мной? Когда Тай Чонг вернется, пятичасовые перерывы на обед быстро выйдут из моды.

— Нет, спасибо, друг Гектор.

Он помахал мне рукой и вышел на улицу.

Поскольку мне не было дано никаких поручений, я принялся методично просматривать каталоги аукционов за последние две недели в надежде найти какие-нибудь изображения Черной Леди. К концу дня я покончил уже и с каталогами частных продаж, но так ничего и не нашел. Я собирался уходить, когда по видеофону меня вызвал Аберкромби.

— Я слышал, ты уже вернулся, — сказал он, когда связь установилась, и мы увидели друг друга.

— Я прибыл сегодня утром.

— Картина Маллачи с тобой?

— Да.

— Тогда какого черта ты ждешь? Вези сюда.

— У меня сложилось впечатление, что вы с Тай Чонг еще не договорились о цене.

— Ну и что? Она попытается нагреть меня, я ее осажу, будем несколько часов торговаться — но мы все прекрасно знаем, что я все равно картину куплю.

— По этому вопросу я должен просить указаний Тай Чонг.

— Если ты еще не знаешь, твоя начальница сейчас отдыхает в Кенникотской тюрьме.

— Я знаю об этом.

— Тогда ты должен знать и о том, что она не выйдет оттуда еще дня два! — зарычал он. — Я не привык столько ждать! Я хочу картину немедленно!

— Я не уполномочен отдавать ее вам, — сказал я извиняющимся тоном. — В отсутствие Тай Чонг это должен решить Гектор Рейберн.

— Где он?

— Я не знаю.

— Завтра он будет на работе?

— Да, будет.

— Получишь у него разрешение, как только он войдет! А потом — прямо ко мне с картиной. Ясно?

— Да, мистер Аберкромби. Я все понял.

— Завтра утром! — повторил он зловещим тоном и прервал связь.

Я отправился в свою гостиницу ночевать, а на следующее утро получил согласие Рейберна и отвез картину Аберкромби, как он приказал.

За следующие два дня ничего нового не произошло — я продолжал свои безуспешные поиски изображений Черной Леди.

В то утро, когда должна была вернуться Тай Чонг, Хит явился ко мне в музей.

— Здравствуйте, друг Валентайн! — приветствовал я его, отрываясь от компьютера. — Надеюсь, у вас все в порядке.

Он кивнул:

— А у вас?

— Отлично, — сказал я, удивляясь его приходу.

— Вы видели Венциа после приезда?

— Я беседую с ним каждый вечер, друг Валентайн.

— Интересный человек.

— О да, — согласился я. — Я могу быть вам чем-нибудь полезен, друг Валентайн?

— Вообще-то да. Вчера я получил известия от моих адвокатов. Большая часть обвинений против меня снята, но мои счета по-прежнему заморожены. — Он замялся. — Не только те, что на Карле Великом. Вы представляете, они даже нашли мой счет на Спике II!

— Мне очень жаль, но я не могу дать вам взаймы, друг Валентайн. Все мое жалованье перечисляется Дому Крстхионн. Даже счета за гостиницу и еду оплачивает Клейборн, а потом вычитает эти суммы, прежде чем отправить деньги моей Матери по Окраске.

— Я не собираюсь брать взаймы, — раздраженно ответил Хит. — Мне нужны деньги, а не одолжения!

— Не понимаю, — сказал я, хотя, конечно, понимал.

— Я что, должен произнести вам по буквам? Мне надо, чтобы вы помогли мне отключить систему охраны Аберкромби.

— Я не могу вам помочь, друг Валентайн. Может быть, Ройбен Венциа устроит вас на работу?

— Хиты не работают, — бросил он презрительно. — Они тратят!

— Мне очень жаль, друг Валентайн, — твердо ответил я, — но я не могу быть соучастником кражи.

— Я думал, мы друзья...

— Друзей не подстрекают нарушать закон. Я не допущу, чтобы общение с вами подорвало мои моральные принципы. Вы мне нравитесь, но это еще не значит, что я помогу вам совершить преступление против человека, который мне неприятен!

— Избавьте меня от ваших лекций! — с отвращением ответил Хит.

— Тогда разрешите мне сделать одно практическое замечание, друг Хит. Даже если вам удастся обокрасть Малькольма Аберкромби, вы все равно не получите денег. У вас будут лишь его картины.

— Которые я превращу в деньги.

— Каким образом? Они застрахованы.

— Тай Чонг в прошлом уже приходилось решать для меня подобные деликатные проблемы.

— Но не в отношении картин, украденных у ее собственных клиентов.

— Да что вы говорите! — ухмыльнулся он. — Если я вам расскажу, вы удивитесь.

— Может быть, — грустно сказал я. — Но все равно я не помогу вам.

Он выругался.

— Ладно, Леонардо. Придется делать все самому.

— Вас схватят и заключат в тюрьму.

— Не обязательно. Мне приходилось взламывать системы и покруче.

— Если бы вы надеялись украсть картины без моей помощи, то не обращались бы ко мне.

— Ваша помощь могла бы все упростить. Но это не значит, что я не справлюсь один.

Он помолчал.

— Сам по себе дом особой проблемы не представляет — думаю, мне знакомо все, что там установлено. А вот пробраться через территорию — другое дело, там я буду весь на виду. Придется несколько дней помозговать, как подойти незаметно и как потом отходить, но все это можно решить. — Он хитро прищурился. — Но один вопрос остается.

— Какой, друг Валентайн?

— Если дело выгорит, вы не сообщите обо мне в полицию?

— Я предпочитаю, чтобы вы отказались от своих планов.

— Я знаю, что вы предпочитаете, Леонардо. Но все-таки, пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

— Честно говоря, не знаю.

Неожиданно Хит улыбнулся:

— Не переживайте раньше времени. Если его охранная система так хороша, как вы думаете, то вам, может быть, и не придется делать этот тяжкий выбор. — Он похлопал меня по плечу. — Я свяжусь с вами.

Прежде чем я нашелся, что ответить, он повернулся и вышел. Я все еще сидел и размышлял над его вопросом, когда в комнату вошла Тай Чонг.

— С возвращением, Леонардо!

— И вас также, досточтимая леди, — сказал я, поднимаясь. — Как вы поживаете?

— Нормально, учитывая обстоятельства. Кухня и интерьеры в Кенникотской тюрьме оставляют желать лучшего... Ну как, произвела я сенсацию на Дальнем Лондоне?

— Гектор Рейберн говорит, что да. Я сам всего три дня как вернулся.

— Я так и думала! — торжествующе улыбнулась она. — Они транслировали мое выступление?

— Я не знаю.

— Ну ладно, не важно. Во всяком случае, мы привлекли внимание общественности к положению инопланетян на Кенникоте.

— И как реформы — они проведены, досточтимая леди?

— Честно говоря, я не знаю, Леонардо. — Тай Чонг была явно удивлена. — Но думаю, что это вопрос времени.

Она опять улыбнулась:

— Довольно обо мне. Ну что, нашел вас Ройбен Венциа?

— Да, нашел.

— И отдал вам посылку от вашей Матери по Окраске?

— Да.

— Хорошо. Может, мне и не следовало говорить ему, где вас искать, но я подумала, что посылка может быть важной.

— Так и есть, досточтимая леди. Спасибо вам за вашу заботу.

Я смутился:

— Мне хотелось бы объяснить вам, что в действительности произошло на Карле Великом.

— В этом нет необходимости. Ваше сообщение было очень подробным, и проблема разрешилась к удовлетворению всех сторон.

— Кроме Валентайна Хита, досточтимая леди.

— Он на Дальнем Лондоне?

— Да, досточтимая леди. Его счета все еще заморожены.

— Это очень плохо.

— Я боюсь, что он замышляет противозаконные действия, чтобы пополнить свои средства.

— Вот как? — Тай Чонг подняла брови. — А вы знаете, какие конкретно противозаконные действия он имеет в виду?

— Кражу.

— Денег?

— Произведений искусства, досточтимая леди.

— На Дальнем Лондоне? — нахмурилась Тай Чонг.

— Да, досточтимая леди.

— Как глупо, — тихо проговорила она.

— Согласен с вами, — сказал я. — Вы сможете убедить его не делать этого?

— Вероятно. Вы знаете, где он?

— Нет, досточтимая леди, но я видел его утром, и он обещал связаться со мной в ближайшем будущем.

— Как только он объявится, скажите ему, что я хочу встретиться.

— Вы отговорите его?

— Сделаю все, что смогу, — обещала она.

— Спасибо, досточтимая леди. Я его очень полюбил и не хочу, чтобы его арестовали.

— И я тоже, — сказала она искренне. И посмотрев мне в глаза, спросила: — Ему приходилось видеть коллекцию Аберкромби?

— Откуда вы знаете, что он собирается обокрасть Малькольма Аберкромби? — вздрогнул я.

— Я знаю вкусы Валентайна, — улыбнулась Тай Чонг.

— В искусстве?

— Во всем остальном. И коллекция Аберкромби — единственная на планете, которая стоит достаточно, чтобы эти вкусы удовлетворить.

Она подошла к двери своего кабинета и опять повернулась ко мне.

— Обязательно скажите ему, чтобы он сначала связался со мной!

— Сначала? — Я был озадачен.

— Прежде чем он сделает что-то, о чем потом пожалеет.

— Скажу, досточтимая леди, — пообещал я.

— Отлично. А теперь извините, не хочу показаться невежливой, у меня накопилось столько дел, вы сами понимаете...

— Понимаю. Я очень рад, что вы вернулись, досточтимая леди.

— Спасибо, Леонардо, — кивнула Тай Чонг и закрыла за собой дверь.

Этот день также прошел в безуспешных поисках картин и голограмм с изображением Черной Леди. По пути домой я завернул в свой ресторан и обнаружил, что меня ждет Ройбен Венциа.

— Ну как, есть что-нибудь? — сразу спросил он.

— Нет. А у вас, друг Ройбен?

Он отрицательно качнул головой.

— Я просмотрел, наверно, тысячи две новостных лент. Никаких следов. Завтра займусь журналами. — Он простонал. — Страшно даже думать, сколько их придется перелопатить.

— А я проверил все брошюры и каталоги, что мы получили за последние две недели, — ответил я. — Пока на продажу не выставлено ни одного портрета Черной Леди.

— А почему только за две недели?

— Потому что меньше чем три недели назад она была на Ахероне. Правда, всегда есть вероятность, что всплывет какой-нибудь старый ее портрет, но судя по вашим исследованиям, его автор наверняка уже мертв. Мы должны найти человека, которого она встретила после того, как исчезла с корабля Валентайна.

— Если только она никуда не пропала, — мрачно заключил Венциа. — Были случаи, когда Черная Леди исчезала на годы и даже столетия.

— А может, она не исчезала — просто вы не смогли определить ее местонахождение в эти периоды?

— Может быть, — пробормотал он и зевнул. — Боже, как я устал! Пожалуй, стоит сделать перерыв в работе и ночку поспать, а то я просиживаю по двадцать часов в сутки над этими проклятыми новостями. — Он тяжело вздохнул. — И если она снова появилась, то будь я проклят, если знаю где.

— Желаю вам хорошо отдохнуть, друг Ройбен.

— Спасибо. Может быть, нам обоим стоит покончить с делами на сегодня. Вы, должно быть, тоже не высыпаетесь?

— Я хочу сходить в библиотеку. У меня еще есть работа.

— Для Клейборна?

— Нет, для нас. Вы мне подсказали очень интересную идею.

— Я подсказал? — удивился Венциа.

— Да. Я поужинаю здесь, а потом попытаю счастья.

— Вы дадите мне знать, если всплывет что-нибудь интересное?

— Конечно, друг Ройбен.

Мы расстались, я слегка перекусил и отправился в библиотеку, приводя в порядок мысли для беседы с компьютером.

17

Я сидел в своей кабинке и ждал, пока включится компьютер.

— Добрый вечер, — сказал он наконец. — Чем могу быть полезен?

— Я Леонардо с Бенитаруса II, мы уже разговаривали раньше.

— К сожалению, должен сообщить вам, что не нашел новых изображений интересующего вас объекта.

— Я знаю. Сегодня мне нужна другая информация.

По экрану побежал нескончаемый поток названий и цифр.

— По распоряжению Ройбена Венциа, я информирую вас, что он просмотрел указанные ленты новостей и журналы, но безрезультатно.

— Меня не интересуют ленты и другие электронные материалы.

Экран снова стал девственно чистым.

— Жду ваших команд.

— Назовите величайшего героя из живущих ныне людей.

— Я неспособен выносить субъективное суждение, необходимое для ответа на ваш вопрос, — ответил компьютер.

— Тогда скажите, кто из ныне живущих военнослужащих человеческой расы получил больше всего наград за храбрость?

— Адмирал Еванжелина Во.

— Женщина? — удивился я.

— Да.

— Кто из ныне живущих мужчин имеет больше всего наград?

— Суги Ямисата.

— В каком он звании?

— Он не имеет звания.

— Он в отставке?

— В настоящее время он находится в военной тюрьме за убийство сослуживца, совершенное под действием нелегальных стимуляторов.

— Он в тюрьме больше трех недель?

— Он отбывает пятый год тринадцатилетнего срока заключения.

Ясно было, что Ямисата не мог быть следующим избранником Черной Леди.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы составить список всех мужчин человеческой расы, чья работа предполагает ситуации, опасные для жизни?

— Это невозможно, — ответил компьютер.

— Почему?

— В настоящее время больше двадцати миллиардов мужчин попадают по роду своих занятий в ситуации, опасные для жизни. К тому моменту, как я закончу список, он будет недействителен.

— Двадцать миллиардов? — удивился я. — Сколько из них военных?

— Тринадцать миллиардов.

— А другие профессии?

— Органы защиты правопорядка — четыре миллиарда, пожарные — один миллиард, служба захоронения токсических отходов...

— Стоп! — прервал я перечисление.

Компьютер мгновенно замолчал.

— Как могу я установить личность ныне живущего мужчины человеческой расы, который играет со смертью более настойчиво, чем все остальные?

— Игра со смертью — неточный термин, требует субъективных суждений, на которые я не запрограммирован.

— Тогда мне нужна ваша помощь в формулировке вопроса. Портреты, которые вы искали для меня, изображают Черную Леди. На протяжении тысячелетий она появлялась в обществе разных мужчин, но неизменно выбирала тех, кто находит удовольствие в опасных для жизни ситуациях. Последними, кого она посетила, были охотник на преступников и убийца. Есть ли способ определить, где она появится в следующий раз?

— В вашей формулировке содержится несколько внутренних противоречий, — ответил компьютер.

— Пожалуйста, поподробнее.

— Леди — это термин, применяемый к женщинам человеческой расы. Максимальный зарегистрированный возраст женщины составляет 156 лет. Вы утверждаете, что Черная Леди жила в течение тысячелетий. В таком случае она или не человек и, следовательно, не леди, или вы ошиблись, указывая ее возраст.

— Я не думаю, что она обычный человек.

— Ни одна разумная форма жизни на углеродной основе, дышащая кислородом, не имеет продолжительности жизни, измеряемой несколькими тысячелетиями.

— Примите как данное, что она существует и что она не инопланетная форма жизни.

— Это противоречит моей программе.

— Тогда считайте ее гипотетической. Если бы эта женщина существовала, то был бы способ определить, где она появится?

— Даже если допустить в порядке абстрактного упражнения ее существование, в ваших первоначальных посылах остаются внутренние противоречия, — ответил компьютер. — Не существует фактов, доказывающих, что охотники на преступников и убийцы находят удовольствие в опасных для жизни ситуациях.

— Ясно.

— А поскольку эти термины относятся к целым классам, в отличие от Черной Леди, которая является конкретным индивидуумом, я не могу принять гипотезу, что все охотники на преступников и убийцы находят удовольствие в опасных для жизни ситуациях, ибо имею данные, противоречащие этому утверждению.

— Понимаю, — сказал я. — Если принять существование Черной Леди в порядке гипотезы, то какой способ вы рекомендуете для предсказания ее появлений?

— У меня недостаточно информации о Черной Леди, — ответил компьютер.

— Я могу дополнить ее.

— Я слушаю.

— Черную Леди обычно привлекают мужчины — самцы человеческой расы, — которые сознательно и добровольно ставят себя в опасные для жизни ситуации.

Я сделал паузу, ожидая, что компьютер опять объявит мое утверждение несостоятельным, но он молчал.

— Полагаю, — продолжал я, — что как ограничивающий фактор это исключит тех военнослужащих и полицейских, как наемных, так и добровольцев, которые идут в бой по приказу, в противоположность тем, кто выходит за рамки приказа, совершая акты индивидуального героизма.

— Противоречие! — объявил компьютер. — Акты индивидуального героизма часто совершаются в соответствии с прямыми приказами — как в случае солдата, которому приказывают удерживать позицию перед лицом превосходящих сил противника, но не сообщают, как это сделать.

— Спасибо, — ответил я. — Пожалуйста, исключите это утверждение.

— Принято.

— Возможно, ее привлекают военные, — продолжал я, стараясь формулировать свои мысли более тщательно, — но поскольку война — это ряд коротких сражений, перемежающихся спокойными периодами неопределенной длины, то предсказать ее появление во время боя невозможно просто потому, что нельзя предсказать время и место самого боя. Я

также полагаю, что аналогичное утверждение справедливо в отношении полицейских и других служащих органов правопорядка.

— Согласен.

— Поэтому, хотя она и в самом деле может появиться в обществе военного, полицейского или охотника на преступников, мы, если хотим предсказать, где она в конце концов появится, должны вести наш поиск среди других категорий.

Я опять остановился в ожидании, что компьютер скажет мне, в чем я не прав, но он молчал.

— Поэтому я предлагаю искать мужчину, который не служит в армии или органах правопорядка, но тем не менее регулярно попадает, по роду своих занятий, в ситуации, угрожающие его жизни.

— Противоречие. Это исключает тех мужчин, которые ставят себя в опасные ситуации по причинам, не связанным с их работой.

— Очень интересная мысль, — заметил я. — И в самом деле, человек, который играет со смертью, не имея в виду финансовой выгоды, вполне может оказаться более привлекательным для Черной Леди, чем, скажем, какой-нибудь отчаянный циркач. Вы согласны?

— У меня нет определенного мнения, так как Черная Леди — это ваш гипотетический объект.

— Тогда, в качестве абстрактного упражнения, примите как факт, что она найдет такого человека более привлекательным. Далее. Посмотрим, какие категории эта группа может включать: скалолазы, спортсмены-любители в области военных искусств... — Я остановился и безнадежно вздохнул — подобных увлечений и хобби были десятки. — В общем, список бесконечен.

— Оба примера, которые вы привели, относятся к занятиям, — заметил компьютер. — Согласно вашему определению, в список следует включить также психически и эмоционально неустойчивые личности, склонные к самоубийству.

— Нет, — сказал я. — Такие люди не ставят себя добровольно в опасные ситуации. Их заставляет это делать нездоровая психика.

— Разве не все люди, которые ставят себя добровольно в опасные для жизни ситуации, руководствуются психикой? — спросил компьютер.

— Возможно, — признал я. — Тем не менее мы должны где-то подвести черту. Я хочу рассматривать лишь тех, кто психически здоров.

— Принято, — сказал компьютер. — Какие у вас обоснования для такого критерия?

— Я не могу поверить, что Черная Леди, которая сама психически нормальна, свяжется с сумасшедшим.

Компьютер не стал со мной спорить, и я понял, чувствуя приятное возбуждение, что сделал пусть крошечный, но шажок вперед.

— Итак, мы ограничили наш список теми психически здоровыми мужчинами, которые добровольно рискуют жизнью, не рассчитывая на вознаграждение, — объявил я. — Таких людей должны быть сотни миллионов, но существует риск разной степени. Например, отец, который входит в комнату к ребенку, больному заразной болезнью, тоже добровольно рискует жизнью, не думая о вознаграждении, но его нельзя сравнить с человеком, который с примитивным оружием охотится на опасную дичь из любви к спорту и приключениям. Вы способны проводить различия такого рода?

— Для этого мне необходимо больше данных, чем могут предоставить доступные мне источники.

— Включая Центральное Статистическое Бюро на Делусе VIII?

— Да.

— Ну ладно, — сказал я. — Вы помните, как я однажды спрашивал, что общего имеют между собой художники, которые рисовали Черную Леди?

— Они не имели ничего общего, — ответил компьютер.

— Но существует же какой-то общий профиль личности, не так ли?

— Да, — ответил компьютер. — Это очень расплывчатый профиль, но он существует.

— Тогда исключим из списка всех мужчин, которые не соответствуют параметрам этого профиля.

— Принято.

— Далее. Исключим всех наркоманов, которые также рискуют жизнью, но часто неспособны осознать риск или недооценивают его.

— Принято.

Оставались еще десятки миллионов кандидатур... Но начинал-то я с миллиардов! Так что это был еще один шаг вперед.

— Далее. Насколько я знаю, Черная Леди никогда не являлась ребенку, так что установим минимальный возраст, ну, скажем, в шестнадцать лет.

— Принято.

— Но человек должен быть еще активным.

— Этот пункт неясен, — сказал компьютер. — Он должен быть физически активным или активно искать смерть?

— Какая разница?

— Человек в инвалидном кресле может тем не менее рисковать своей жизнью, в то время как здоровый и сильный мужчина может, наоборот, отказаться от риска.

— Он должен все еще регулярно подвергать свою жизнь опасности.

— Принято.

— Ему не обязательно быть красивым или физически привлекательным, — добавил я, поскольку многие из тех, кто знал ее, не были привлекательными ни по одному из известных стандартов.

— Принято.

— Она не принимает физической формы, когда приходит к тем, кто рискует жизнью лишь раз или два, так что пусть человек, которого мы ищем, ставит себя в опасные ситуации в течение продолжительного периода времени.

— Продолжительный период — это слишком расплывчато.

Я попытался представить себе, как долго Малыш, самый юный из известных ее спутников, мог быть беглым убийцей вне закона.

— Пусть это будет как минимум пять лет, — сказал я, надеясь, что не преувеличил продолжительность его преступной карьеры.

— Принято.

Я попытался придумать еще какой-нибудь ограничивающий критерий, но безуспешно.

— Если суммировать все данные, которые я перечислил, сколько человек с нужными параметрами останется в списке?

— Я должен связаться со статистическим бюро на Делуросе VIII.

— Свяжитесь, пожалуйста.

— Доступ к компьютерам за пределами планеты является платным. С чьего счета будет произведена оплата?

Это был непростой вопрос. Я не мог заставить платить ни Клейборн, ни Малькольма Аберкромби, поскольку к ним все это не имело никакого отношения. В то же время, сам я не в состоянии оплатить счет, так как все мое жалованье переводится в Дом Крстхионн.

— Оплатите со счета Ройбена Венциа, — подумав, сказал я.

— Я не уполномочен это делать. Подождите, пожалуйста, пока я свяжусь с его персональным компьютером.

Прошла минута. Наконец компьютер ожил.

— Ройбен Венциа согласился оплатить все расходы. Я соединяюсь с Делуросом VIII. Анализ данных займет от тридцати до сорока минут. В это время я могу продолжить беседу с вами. Если вы пожелаете воспользоваться другими услугами библиотеки, я вызову вас, когда буду готов.

— Пожалуй, я выйду на несколько минут.

Экран компьютера погас, и я вышел из кабинки, ожидая обычного ощущения тепла и уверенности в толпе других разумных существ. Пройдя в середину зала, где сидело около двадцати представителей неземных рас, я и в самом деле сразу почувствовал себя комфортнее. Но это не шло ни в какое сравнение с тем приливом эмоций, когда мне удавалось еще немного сузить круг потенциальных поклонников Черной Леди.

В другой ситуации я был бы глубоко обеспокоен таким странным изменением в себе. Но сейчас все мои мысли были настолько сконцентрированы на поиске человека, который заставит Черную Леди перейти барьер между духом и плотью, что я не обратил на это внимания. В толпе своих собратьев я находился полчаса, и с каждой минутой мое не-

терпение росло. Я вернулся в кабинку и стал просто смотреть на экран. Прошло несколько томительных минут, и он вновь засветился.

— Вызываю Леонардо с Бенитаруса II, — раздался механический голос библиотечной системы внутренней трансляции.

— Я уже здесь, — поспешил объявить я. — Вы нашли для меня информацию?

— Согласно данным центрального статистического бюро на Делуросе VIII, которые могут быть неполными, вашим критериям удовлетворяют 7 213 482 человека, — объявил компьютер.

— Вы все еще на связи с Делуросом? — спросил я.

— Нет, но я временно записал необходимые данные. Когда вы завершите свой анализ, я их сотру.

— Учитывая данные, которыми вы располагаете, есть ли способ сократить список?

— Да, — ответил компьютер. — Если Черная Леди должна посетить мужчину, которого вы ищете, то я предлагаю исключить всех женатых мужчин.

— Но Кристофер Килкаллен был женат, — возразил я.

— Когда он писал портрет Черной Леди, то был разведен с четвертой женой.

— Я об этом забыл, — признался я. — Так сколько из них женаты?

— Женаты 4 302 198 человек.

— Исключите их.

— Сделано.

— Сколько осталось в списке?

— Осталось 2 911 284 человека.

— Мы не можем проверить почти три миллиона человек, — задумался я. — Надо еще сократить список.

— Жду...

— Давайте предположим, что если кто-то усердно призывал Черную Леди в течение более чем двадцати лет, то она уже являлась к нему.

— Из ваших данных такой вывод не следует.

— Я знаю, но необходимо уменьшить список. Сколько человек можно исключить по этому критерию?

— Можно исключить 1 033 102 человека.

— И сколько осталось?

— Осталось 1 878 182 человека.

— Исключите тех, кто добровольно подвергал свою жизнь опасности меньше двадцати раз.

— Исключено 682 646 человек.

— Теперь исключите тех, кто добровольно подвергал свою жизнь опасности меньше пятидесяти раз.

— Исключено 1 121 400 человек.

— Сколько остается?

— Осталось 74 136 человек.

— Теперь исключите тех, кто добровольно подвергал свою жизнь опасности меньше ста раз.

— Исключено 72 877 человек.

— Сколько осталось?

— Осталось 1259 человек.

— Теперь исключите тех кто добровольно подвергал свою жизнь опасности меньше двухсот раз.

— Исключено 1252 человека.

— Ну вот, у нас осталось всего семеро.

— Если только вы используете правильный критерий, — предупредил компьютер.

— Если это так, то можно им пользоваться до конца. Сколько из них добровольно подвергали свою жизнь опасности меньше двухсот пятидесяти раз?

— Исключены все семеро.

— Значит, нужен еще один критерий.

— Следующий логический шаг — определить, кто из них рисковал жизнью чаще, чем остальные шесть, — подсказал компьютер.

— Возможно, — сказал я. — Но между ними почти нет разницы. Каждый из них, похоже, живет в условиях постоянной смертельной опасности... Но все-таки — назовите того, кто возглавляет список.

— Это Готфрид Шенке с Тумиги III.

— Каким образом он постоянно рискует жизнью?

— Он собирает моллюсков со дна самого большого океана на Тумиге III.

— Почему это опасно?

— В водах океана обитают многочисленные виды хищных рыб и животных. За последние девять лет Шенке четыре раза лежал в больнице в результате их нападений.

— Но сотни миллионов человек по всей галактике купаются в водах, кишащих хищниками, — возразил я. — И наверняка десятки миллионов входили в воду больше двухсот пятидесяти раз!

— Это верно.

— Тогда почему только Шенке попал в список?

— Потому что вы потребовали, чтобы человек сознательно и добровольно рисковал жизнью. Но купающиеся в большинстве своем не знают или не думают, что подвергаются опасности, иначе не стали бы входить в воду.

— Понятно. — Неожиданно мне в голову пришел еще один критерий. — Теперь исключите из этого списка всех гомосексуалистов.

— Исключено три человека. Остаются четверо, включая Готфрида Шенке.

— Кто остальные трое?

— Уилфред Крамер с Холмарка, охотник на крупную дичь в джунглях Холмарка, Эльзаса IV и Каробуса XIII... Эрик Нквана с Нового Зимбабве, обладатель семнадцати рекордов по прыжкам с гор...

— Что за прыжки с гор?

— Это вид спорта — прыжки с вершины горы в реку с бурным течением, — объяснил компьютер.

Я содрогнулся от одной мысли об этом.

— И кто третий?

— Владимир Кобринский с Солтмарша. Он был профессиональным боксером, парашютистом, подопытным животным...

— Подопытным животным? — перебил я его. — Объясните, пожалуйста.

— Он добровольно согласился быть зараженным опасными болезнями для испытания лекарств.

— А это не противоречит нашему критерию бескорыстия?

— Не думаю, — ответил компьютер. — В то время он отбывал тюремный срок за убийство в драке, совершенное на Альтаире III. Он согласился на опыты в обмен на сокращение своего срока. Продолжать?

— Пожалуйста.

— Он также был охотником и исследователем. Теперь он художник.

— Что же такого рискованного в профессии художника? — удивился я.

— Он изобрел новую форму искусства, называемую плазменной живописью. Это в высшей степени опасно — картина формируется в космическом пространстве и расцвечивается с помощью мощных пучков жесткой радиации, а потом рассеивается меньше чем за минуту.

— Да уж, он зовет ее весьма энергично, — задумался я.

— Но он подвергался смертельной опасности на семнадцать раз меньше, чем Готфрид Шенке.

— Шенке, возможно, просто коллекционер-фанатик, — возразил я. — А этот, похоже, всю свою жизнь посвятил поискам Черной Леди.

— У вас есть еще вопросы?

— Вроде бы нет. Да и кто знает — может быть, все это лишь абстрактные упражнения?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Я знаю, — устало вздохнул я. — Думаю, вряд ли кто-то из нашей четверки написал в последние две недели портрет Черной Леди?

— Нет, никто, — ответил компьютер. — И только один из них проявлял однажды интерес к ее портрету.

— Подробнее! — резко скомандовал я.

— Два года назад Малькольм Аберкромби приобрел через своего агента портрет модели, которую вы называете Черной Леди. Аукцион проходил на Бете Сантори V.

— Дальше! — нетерпеливо подстегнул я его.

— Одним из участников торга был Владимир Кобринский. Я понимаю, что это не имеет отношения к сегодняшней гипотетической проблеме, но в таком случае вероят-

ность случайного появления его имени в обоих контекстах составляет всего 0,0000037 процента.

— Могу я получить распечатку всех открытых данных о нем, которыми вы располагаете?

— Печатаю...

Из машины появился лист бумаги.

— У вас в памяти есть его голограмма?

— Я еще не стер ее. Вывожу на экран...

Голографический экран засветился, и я в первый раз увидел перед собой суровое угловатое лицо Владимира Кобринского.

18

Черная Леди смотрела прямо на меня. Она протягивала ко мне руки и манила к себе. Я сделал робкий шаг. Еще один...

— Смелее, Леонардо! — ласково уговаривала она. — Пойдем, я покажу тебе то, о чем ты не мог и мечтать. Там, по ту сторону, ты узнаешь великие тайны жизни и смерти.

Я шагнул еще раз, уже не так робко...

— Идем! — шептала она. — Туда, туда — к вечным секретам иного мира!

Я рывком сел на своем ложе. Мои руки дрожали, цвета отчаянно переливались. Наконец я понял — это был всего лишь сон. От сердца немного отлегло. Сон? Я редко видел сны, а если видел, то проснувшись, всегда сразу забывал их. Но этот сон поражал четкостью деталей — я помнил все до последней мелочи. Чем больше я думал о нем, тем чаще задавался вопросом — сон это был или, может быть, видение, посланное Матерью Всего Сущего? Конечно, верхом самонадеянности было полагать, что она посетит меня — как и любого бьорнна — но ее образ из этого странного сна стоял у меня перед глазами как живой.

— Свет! — хрипло выговорил я.

В комнате вспыхнули лампы, и я стал ходить из угла в угол, размышляя о значении произошедшего. Накануне ве-

чером я пошел из библиотеки прямо в отель к Венциа и все ему рассказал. Он необыкновенно оживился и заявил, что немедленно вылетает на Солтмарш, родную планету Кобринского. Я мог отправиться вместе с ним, но не отважился покидать Дальний Лондон без разрешения Тай Чонг, а Венциа, светившийся от фанатического возбуждения, ни за что не хотел откладывать вылет до утра. Я вернулся в свою гостиницу, с грустью сознавая, что моя роль в этой многодневной эпопее подошла к концу.

Черная Леди не выходила у меня из головы весь вечер, и логично предположить, что это все-таки был сон — мое подсознание таким образом отреагировало на то, что я не полетел с Венциа. Это было вполне разумное объяснение — а вот правильное ли? Может быть, Черная Леди посещала не только людей? Может, она явилась и ко мне? А если так, то не была ли она и в самом деле Матерью Всего Сущего? Не было ли богохульством даже предполагать такую возможность? А может, наоборот, это великий грех — не последовать ее зову?

Меряя шагами комнату, я переворачивал в уме эту загадку и так и эдак, но чем дольше ломал голову, тем меньше мог понять. Наконец наступило утро, и я отправился на работу.

Внизу, в тесном и скудно обставленном холле, я неожиданно увидел Хита. Явное любопытство неземных обитателей гостиницы, равно как и враждебные взгляды людей, проходивших мимо по улице, нисколько его не смущали.

— Доброе утро, Леонардо! — приветствовал он меня. — Вы выглядите просто ужасно.

— Я плохо спал, друг Валентайн, — объяснил я.

— Сочувствую.

— Как вы меня нашли? Я не говорил вам, где живу.

— На Дальнем Лондоне не так уж трудно отыскать инопланетянина, — улыбнулся он. Улыбка, однако, тут же исчезла. — Вам надо немедленно отсюда съезжать. Ковер вытертый, обои отстают, прислуга смотрит исподлобья — просто ужас!

— Увы, это лучшее из мест, куда пускают инопланетян, — ответил я.

— Не может быть!

— Вы бы видели остальные... — Я слегка отвернулся от портье-канфорита, который уставился на нас с гримасой отвращения. — Ну, раз уж вы меня нашли, то чем могу быть полезен?

— Тем же, что вчера, — ответил Хит. Он замялся: — Мне выставили счет в отеле — на семнадцать тысяч кредитов. Требуют заплатить завтра утром.

— Вы же всего четыре дня на Дальнем Лондоне, — удивился я. — Как это вы умудрились потратить столько денег?

— Я же говорил — у меня дорогие привычки... Президентский люкс стоит две с половиной тысячи за ночь без питания. И я ведь прибыл даже без смены белья — так что пришлось заказать у портного новый гардероб.

— Это неразумно, друг Валентайн. Вам следовало выбрать более дешевый отель.

— Какая разница, — усмехнулся он. — Все равно, пока мои счета не разморозят, мне не по карману ни один.

— Но почему президентский люкс? Зачем вам такой размах?

— У каждого есть свои маленькие капризы, — вскинул он подбородок. — И потом, это не имеет отношения к делу. Мне кровь из носу необходимо достать деньги — иначе меня завтра утром арестуют!

— А нельзя просто покинуть планету?

— Мне не на что заправить корабль. Я даже не могу оплатить его стоянку. — Он помолчал. — Вчера вечером я пошел к Венциа, думал занять у него, но он съехал за час до моего прихода.

— Я знаю.

— Где он?

— Летит на Солтмарш.

— Солтмарш? Никогда не слышал.

— Это маленькая планета в скоплении Альбиона.

— И что ему там надо?

— Он хочет встретить Черную Леди.

— А откуда он знает, что она там?

— Я ему сказал.

— Ну ладно, а вы-то откуда знаете?

— Я вычислил — с помощью библиотечного компьютера.

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Пожалуй, да.

— Почему же вы не полетели с ним?

— Я должен выполнять свои обязанности.

— В Клейборне?

— Да. Вчера вечером, когда я говорил с другом Ройбеном, мне казалось, что это важнее. А теперь я не знаю.

— Что же изменилось?

— Вы будете смеяться, если я скажу.

— Не буду. Даже если будет смешно, — обещал он. — Что случилось, Леонардо?

— Черная Леди, кажется, явилась ко мне в видении.

— Кажется? — нахмурился он.

— Возможно, это лишь сон, — признался я. — Не могу сказать точно... Но если это было видение, тогда я должен снова увидеть ее.

— Это очень важно для вас, Леонардо?

— Если это было видение, то оно может оказаться самым главным событием в моей жизни, — ответил я, горько вздыхая. — Но проезд до Солтмарша мне не по карману, так что правды мне, увы, никогда не узнать.

— Это еще неизвестно.

— Что вы имеете в виду?

— Просветите меня по поводу системы охраны Аберкромби — и завтра утром у меня будут деньги на заправку корабля, а вдобавок еще и веская причина спешно покинуть Дальний Лондон. — Он сделал многозначительную паузу. — Не вижу причин, почему бы мне не поискать убежище на Солтмарше и не взять вас с собой...

— Я никогда не поддамся на шантаж, — твердо сказал я.

— Какой же это шантаж! Это честный обмен. Если вы не дадите мне то, в чем я нуждаюсь, то я при всем желании не смогу дать вам то, что нужно вам. Все очень просто.

— Я не могу сделать то, о чем вы просите, друг Валентайн.

— Надеюсь, что вы передумаете, Леонардо. Но если нет, то я все равно пойду на дело сегодня ночью. Я просто не

могу больше ждать... Если что-то решите, можете застать меня в отеле до полуночи.

— Я не передумаю.

Хит протянул мне руку.

— Тогда пожелайте мне удачи.

Я пожал ему руку, но ничего не сказал. Мгновение мы стояли молча, потом он повернулся и вышел. Я проводил его взглядом и пошел к себе. Образ Черной Леди все еще стоял у меня перед глазами.

В музее я сел за свой письменный стол и начал писать письмо.

Уважаемая Тай Чонг!

Передо мной стоит тяжелая проблема морального выбора. Как мне кажется, у меня было видение Черной Леди, и если это действительно так, то я должен найти ее и доподлинно узнать, кто она и чего от меня хочет, но для этого мне придется помочь своему другу совершить преступление и самому воспользоваться его плодами. Иначе я просто не в состоянии посетить ту планету, где она должна появиться в следующий раз, и такой поступок, если мои предположения относительно нее верны, будет представлять с моей стороны акт ереси в прямом смысле этого слова.

Существует, конечно, вероятность, что я ошибаюсь и она вовсе не вступала в контакт со мной и вообще не испытывает какого бы то ни было интереса к инопланетянам. Но я не смогу быть в этом уверен, пока не поговорю с ней, а встретить ее мне удастся, только если я помогу другу. Поэтому, если я ошибаюсь, и она вовсе не посещала меня, тогда может получиться, что я помог другу в его преступлении только ради финансовой выгоды, и мне придется разделить его вину.

Мне настоятельно требуются моральные и этические рекомендации, обратиться за которыми я могу только к Вам. Поэтому я покорнейше прошу Вас...

Я вздрогнул и выпрямился, ощутив на своем плече чью-то руку.

— Босс хочет вас видеть, — сказал Гектор Рейберн.

— Прямо сейчас?

— Так она сказала.

— Спасибо, друг Гектор.

Я распорядился, чтобы компьютер сохранил неоконченное письмо в памяти, и направился в кабинет Тай Чонг.

— Входите, Леонардо, — сказала она, приветливо улыбаясь.

— Да, досточтимая леди.

Мне сразу бросилось в глаза, что ряд голограмм на стене, где Тай Чонг получала награды и позировала вместе с известными художниками, пополнился еще одной: Тай Чонг с торжествующим видом идет в Кенникотскую тюрьму в сопровождении двух дюжих полицейских.

— Интересно, правда? — спросила Тай Чонг, заметив мой взгляд.

— Страшно, досточтимая леди. Эти полицейские выглядят очень сильными и грозными.

— Они такие и есть, — довольно сказала она. — Пожалуй, я горжусь этой голограммой больше, чем всеми остальными.

Я не знал, что ответить человеку, который находит удовольствие в аресте за нарушение закона, и промолчал.

Тай Чонг откашлялась и снова заговорила:

— Ну как, ничего не слышно от Валентайна Хита?

— Я говорил с ним сегодня утром, досточтимая леди.

— И что?

— Он по-прежнему полон решимости обокрасть Малькольма Аберкромби.

— Вы сказали, что я хочу видеть его?

Моя окраска потемнела от унижения.

— Я забыл, досточтимая леди.

— Ничего, — сказала она. — Но, пожалуйста, не забудьте сказать в следующий раз, когда увидите его.

— Я больше не увижу его, досточтимая леди.

— Да? Почему?

— Потому что он намерен обокрасть Малькольма Аберкромби сегодня ночью и его почти наверняка арестуют... Он оста-

новился в отеле «Дальний Тауэр», досточтимая леди. Может быть, вам удастся отговорить его.

— Может быть, — сказала она. — А почему вы так уверены, что его поймают? Он весьма ловок.

— Потому что он никогда не был в доме Малькольма Аберкромби и не знаком с его системой охраны. Он просил меня помочь, но я отказался.

— Понятно.

Я неловко замялся:

— У меня есть просьба, досточтимая леди.

— Что такое?

— Нет ли у Клейборна отделения на Солтмарше?

— Это что, в скоплении Альбиона?

— Да, досточтимая леди.

— Кажется, есть какой-то маленький филиал. А что?

— Я хочу, чтобы меня немедленно перевели на Солтмарш.

Она нахмурилась:

— Почему? Вам что, плохо здесь?

— Нет, досточтимая леди! — воскликнул я. — Совсем наоборот, я люблю свою работу и мне нравится обстановка. Но мне кажется, что Черная Леди скоро появится на Солтмарше, а мне непременно надо поговорить с ней.

— Зачем?

— Существует вероятность, только лишь вероятность, что она имест огромное религиозное значение для расы бьорнов. Я понимаю, что в моих устах это звучит смешно, но я обязательно должен снова увидеть ее, чтобы узнать, так ли это.

— Почему же вы не сказали мне об этом вчера?

— Я сам узнал только прошлой ночью. Я собирался взять отпуск и полететь на Солтмарш с Ройбеном Венциа, но он уже отправился один... Вы моя единственная надежда.

Тай Чонг задумчиво посмотрела на меня.

— А как же Хит? Ведь вы друзья, не так ли?

— У него нет денег, даже чтобы заправить корабль топливом. Поэтому-то он и стремится ограбить Малькольма Аберкромби.

— А он сам интересуется Черной Леди? — спросила она, машинально рисуя узоры на листке бумаги.

— Она ему нужна лишь как объект собственности, который можно продать Малькольму Аберкромби.

— Фу, как вульгарно! — Тай Чонг на минуту задумалась, потом вдруг встала. — Мне бы очень хотелось вам помочь, Леонардо, — сочувственно сказала она, — но дело в том, что я просто не имею права перевести вас в наш филиал на Солтмарше.

— Из-за истории на Карле Великом?

— Нет-нет. С вас полностью сняты все обвинения... Но ваш контракт заключен именно с нашим отделением, на Дальнем Лондоне. Филиал на Солтмарше не имеет права принять вас на работу.

— Но разве нельзя сделать исключение? Мне это жизненно необходимо.

Она покачала головой:

— Боюсь, что нет, Леонардо. Если бы вы имели средства, чтобы полететь туда, то я, конечно, дала бы вам краткий отпуск, но поскольку я за все отчитываюсь перед начальством, то никак не могу просто взять и перевести вас туда ради вашего личного удобства.

— Понимаю, досточтимая леди, — печально сказал я с окраской разочарования. — Простите, что побеспокоил вас.

— Никакого беспокойства, Леонардо, — мягко сказала Тай Чонг. — Мне жаль, что я не смогла помочь вам.

Я вышел из кабинета, сел за свой стол и надолго задумался, анализируя беседу с Тай Чонг. Еще недавно я бы воспринял ее слова буквально, но теперь, после продолжительного и тесного общения с людьми, я научился всегда искать истинный смысл всех утверждений и мотивов. И перебрав по косточкам наш разговор, я пришел к выводу, что Тай Чонг не только не хотела пресекать преступные замыслы Хита, но, напротив, желала их успешного осуществления. Вот почему она хотела поговорить с ним — чтобы сообщить, какие холсты она сможет легко пристроить без лишних вопросов. И она отказалась устроить мой перевод на Солтмарш, чтобы исключить для меня всякую возможность увидеть вновь Черную Леди. Если, конечно, я не помогу Хиту...

А может, это ошибка? Я знал, конечно, что Тай Чонг не стеснятся торговать произведениями искусства сомнитель-

ного происхождения, но неужели столь умная и тонко чувствующая женщина и в самом деле способна хладнокровно смотреть, как грабят ее клиента? И даже если так — неужели она дойдет до того, чтобы самой дергать за ниточки, обеспечивая успех ограбления?

Я не знал наверное, но опыт подсказывал, что из всех возможных мотивов, которыми руководствуется человек, самый эгоистичный всегда наиболее вероятен. Печально вздохнув, я приказал компьютеру стереть неоконченное письмо к Тай Чонг.

Поработав до обеда, я вышел на улицу, но вместо своего обычного ресторана направился в самую богатую часть города, где находился отель «Дальний Тауэр». Войдя в холл, я получил обычную долю враждебных взглядов. Однако никто меня не остановил, и я спокойно вошел в лифт. Я не знал номера президентского люкса, но рассудив, что он должен быть на самом верхнем этаже, приказал лифту везти меня туда. Наверху, пройдя по роскошно отделанному коридору, где стояли изысканные скульптуры со всей галактики, я увидел перед собой широкую дверь из твердого дорадузийского дерева, украшенную ручной резьбой.

— Кто там? — прозвучал голос Хита вслед за сигналом охранной системы.

— Это Леонардо.

Дверь бесшумно скользнула в сторону, и я вошел в роскошно обставленную комнату. Хит поднялся с кресла, облегающего фигуру, и пошел навстречу мне по бархатному ковру.

— Вы выглядите еще хуже, чем утром, — заметил он. — Входите и садитесь.

— Спасибо.

Я направился к дивану, который плавал в воздухе на высоте нескольких дюймов.

— Что с вами? — обеспокоенно спросил он. — Вы все больше темнеете.

— Это оттенок Позора.

— Вот как?

Я кивнул:

— Я расскажу вам все, что вы хотите знать.

ЧАСТЬ 4
ТОТ, КТО НАШЕЛ

19

Мне страшно хотелось есть — такого голода я не чувствовал никогда в жизни. Сознание постепенно возвращалось, и я понял, что выхожу из анабиоза. Я приоткрыл глаза и поморщился, когда больно ударил свет. Движения тоже причиняли боль, и я лежал неподвижно, пока не досчитал до трехсот. Потом, по-прежнему скованно, но уже без мучительных ощущений, я сел, с трудом перекинул ноги через край пластикового кокона и осторожно поднялся.

Хит сидел на краю другого контейнера, растерянно озираясь по сторонам. Его обычно аккуратно причесанные волосы были взлохмачены. Он попробовал согнуть руку, потом медленно спустил ноги на пол. Только тут он заметил меня.

— Доброе утро, Леонардо! Как вы себя чувствуете?

— Хочу есть.

— И немудрено, — усмехнулся он, — вы тридцать дней не ели.

— А как вы, друг Валентайн?

— Просто умираю от голода!

Хит направился на кухню, постанывая, когда онемевшие мышцы не слушались, и я, также пересиливая боль, поплелся следом.

— М-м-м, ноги совсем не идут! — пожаловался он.

Мы заказали все, что могли и следующие несколько минут молча жадно насыщались, устроившись за крошечным столиком. Наконец Хит откинулся на спинку стула и довольно вздохнул.

— О Боже, как хорошо! — проникновенно сказал он. — Я так наелся, что готов снова вздремнуть в анабиозе, пока все не переварю.

— В этом нет необходимости, друг Валентайн. Человеческий организм переваривает пищу в...

— Я пошутил, Леонардо, — перебил он.

— О! — сказал я, — очень смешно! — Мне не хотелось обижать его.

— Спасибо! — ответил он, осклабившись.

— Пожалуйста, друг Валентайн.

— Знаете, — сказал Хит, — раньше я удивлялся, почему никому не приходит в голову положить в банк сотню кредитов под восемь или девять процентов — или даже два процента, если уж на то пошло, — залечь в анабиоз на пару сотен лет и проснуться самым богатым человеком на свете. — Он усмехнулся. — А потом сам попробовал заснуть на пару месяцев и понял, что так меньше чем через год можно умереть с голоду. Одно дело полностью выключить все процессы организма, и совсем другое — просто заставить их идти черепашьим шагом.

— А кроме того, — добавил я, — Олигархия постановила, что проценты на вклады не начисляются, пока их владельцы находятся в анабиозе. Вот почему процесс замораживания остается государственной монополией и продолжительность сна обязательно регистрируется главным компьютером Казначейства на Делуросе.

— Да, но это правило сравнительно новое, — возразил Хит. — Его не было и в помине при Республике и Демократии, а анабиоз существует уже почти две с половиной тысячи лет. Нет, я думаю, что многие пробовали проделать такой фокус и умерли с голоду прямо во сне.

Некоторое время мы молчали.

— Где мы находимся, друг Валентайн?

Он пожал плечами:

— Пару дней назад должны были дойти до скопления Альбиона. Могу уточнить.

Он приказал компьютеру включиться.

— Доложите, где мы находимся.

— Мы в скоплении Альбиона, примерно через семьдесят девять минут пройдем Максимус на расстоянии трех световых лет.

— Точно по графику, — довольно улыбнулся Хит. — Должны быть дня на два раньше Венциа.

— Но он же вылетел почти за тридцать шесть часов до нас!

Хит самоуверенно усмехнулся:

— Кораблей вроде этого не так уж много.

Он заказал стакан вина и спросил компьютер, были ли какие-нибудь сообщения, пока мы спали.

— Да, — ответил компьютер. — У меня в памяти три сообщения.

— Давайте их в порядке поступления, — распорядился Хит.

— Первое — от Луиса Ниттермайера.

— Это мой адвокат, — пояснил он.

— Валентайн? Валентайн? — зачастил пронзительный мужской голос. — Черт! Почему когда ты нужен, ты всегда в анабиозе?

Последовала краткая пауза.

— Ладно, слушай новости. Все обвинения против тебя сняты, можешь свободно возвращаться на Карл Великий. Они конфисковали примерно половину твоей коллекции — все, что не было зарегистрировано в страховой компании, но мы хлопочем, чтобы все вернули назад. Думаю, что полумиллиона кредитов хватит — мне надо встретиться еще с одним типом из полицейского управления, но я знаю из вполне надежного источника, что к нему можно найти подход. Так, что еще... Ах, да! Ты потерял квартиру в западной части города — одну из тех, что снимал под псевдонимом. Как я понял, ты забыл заплатить за последние четыре месяца. Мне удалось подключить суд, так что квартиру пока никто не сможет занять. Если хочешь вернуть ее, пошли мне сорок тысяч на погашение задолженности и еще тысяч десять, чтобы заплатить вперед. И не забудь заплатить своему усердному адвокату. Конец связи.

Хит красноречиво пожал плечами.

— Ладно. Да и квартира была так себе... Компьютер — следующее сообщение!

— Валентайн! — На этот раз голос Луиса Ниттермайера был искажен от возбуждения. — Что ты, черт побери, натворил на Дальнем Лондоне? Мне сегодня три раза пришлось говорить с полицией! Какой-то Аберкромби лезет на стену, требуя твоей крови, и, судя по всему, он не тот человек, от которого можно откупиться. Разумеется, я уверен, что ты невинен как младенец... но только если вдруг нет, то лучше держись подальше от Дальнего Лондона — не ближе пятисот световых лет. По крайней мере пока не найдешь себе там хорошего адвоката — именно хорошего, я подчеркиваю. У меня нет там лицензии, но даже если бы они разрешили, я все равно не знаю, за какие ниточки дергать... И еще, по секрету, между старыми друзьями, — неужели ты не устал от всего этого? У тебя что, даже зубочистки должны быть из золота девяносто девятой пробы? Попомни мои слова — однажды ты откусишь больше, чем сможешь проглотить, и тогда тебя приложат так, что больше не встанешь. И похоже, гром уже грянул, Аберкромби — это серьезно! — Он устало вздохнул. — Ладно, удачи тебе, и не забудь заплатить своему преданному адвокату. Все.

— Как он мог узнать, что это я? — нахмурился Хит. — Ведь он меня в жизни не встречал!

— Он знает, что вы продали картину Маллачи и прилетели со мной на Дальний Лондон.

— Ну и что? — отмахнулся он. — Толпы народу прилетают каждый день на Дальний Лондон. Почему именно я? Он знает только, что я законным образом продал ему то, что он хотел. — Хит, казалось, потерял интерес к этой теме. — Компьютер, последнее сообщение!

— Это Тай Чонг, — раздался знакомый голос. — У нас здесь, похоже, большие проблемы.

Она замолчала на секунду и снова заговорила — осторожным, нейтральным тоном:

— Стало известно, что три дня назад кто-то украл четыре ценных картины из дома Малькольма Аберкромби. Я поня-

тия не имею, кто совершил это гнусное преступление, но мистер Аберкромби почему-то считает, разумеется ошибочно, что виноваты вы, Валентайн, и добился, чтобы полиция выдала ордер на ваш арест. Я не знаю, где вы, и решила уведомить вас о случившемся — надеюсь, это послание дойдет. Я призываю вас добровольно явиться к властям, чтобы защитить свое доброе имя.

Услышав эти слова, Хит ухмыльнулся. Тай Чонг продолжала:

— Леонардо, если вы с ним, то я с сожалением вынуждена известить вас о том, что мистер Аберкромби обвинил вас в соучастии в краже и вы теперь находитесь в розыске.

Она сделала паузу, и Хит с улыбкой повернулся ко мне:

— Заметьте: вам она не предлагает сдаться властям.

— Почему? — искренне удивился я.

— Потому что боится, что вы это и вправду сделаете.

— Я уверена, Леонардо, — продолжал голос Тай Чонг, — что мне удастся все уладить и добиться, чтобы обвинение было снято. Но пока этого не произошло, я вынуждена, как это ни прискорбно, приостановить ваш контракт и прекратить выплату жалованья. Мои руки, к сожалению, связаны, ибо политика компании — отмежевываться от всех, кто совершил уголовное преступление, и хотя вы, безусловно, не виноваты и не будете признаны таковым, но факт остается фактом — это уже второе обвинение за последние два месяца.

От потрясения я не мог вымолвить ни слова. Голос продолжал:

— Когда ваше очередное недельное жалованье не поступило на счет Дома Крстхионн, ваша Мать по Окраске обратилась ко мне, и я была вынуждена объяснить ей ситуацию. К сожалению, ей известно, что вас ищет полиция в связи с кражей. Я не успокоюсь, пока не смогу убедить ее, что вы ни в малейшей степени не замешаны в этом злополучном инциденте. Я очень переживаю из-за всей этой истории, Леонардо, и обещаю вам приложить все силы, чтобы вы не пострадали незаслуженно. Вы всегда были преданы мне, и я не оставлю вас. Даже если теперешнее положение дел, что очень вероятно, затянется на неопределенное время, у меня

всегда есть возможность использовать вас как внештатного консультанта.

— Мать по Окраске знает? — в ужасе пролепетал я.

— У меня нет никаких сведений о том, где вы находитесь, и о месте вашего назначения, но если это сообщение дойдет до вас, Валентайн, я полагаю, что вы последуете моему совету и сдадитесь ближайшим властям, а также убедите Леонардо действовать в собственных интересах. Удачи вам и семь футов под килем!

— Классная дамочка! — восхищенно воскликнул Хит. — Держу пари — когда она посылала сообщение, вокруг стояло шестеро полицейских!

— Но мне казалось, она хотела, чтобы я это сделал!

Я был в полном отчаянии.

— Конечно, — сказал Хит. — Просто она никак не думала, что Аберкромби заподозрит бьорнна в соучастии с кем бы то ни было. — Он покачал головой. — Либо он умнее, чем я думал, либо уж совсем параноик!

— Что же теперь со мной будет?

— Вы, наверно, плохо слушали, — улыбнулся Хит.

— Не понимаю вас.

— Она обещала позаботиться о вас. Тай Чонг держит слово.

— Как? — не понимал я.

— Так же, как она заботится обо мне, — усмехнулся он. — «Внештатный консультант» — это не что иное, как поставщик краденого. Гарантирую, что вы будете зарабатывать больше, чем любой служащий или даже торговец на Бьорнне.

— На Бенитарусе II, — поправил я машинально.

— Где бы то ни было.

— Но я никогда не стану вором!

— А кем еще вы можете стать? — серьезно ответил Хит. — Ваша Мать по Окраске не хочет с вами разговаривать, а Клейборн больше не платит...

— Я могу совершить ритуальное самоубийство.

Он покачал головой:

— Клейборн не увольнял вас. И если Тай Чонг удастся убедить полицию снять обвинение, вам еще придется отработать остаток контракта.

— Я ничего не должен женщине, которая заставила меня помочь вам совершить преступление, а теперь хочет, чтобы я стал вором!

— У вас довольно интересные понятия о чести, Леонардо...

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ваша честь, похоже, требует выполнять обязательства только перед теми, кто соответствует вашим собственным высоким моральным стандартам. Фактически вы позволяете ее морали определять вашу... Лично я так живу уже много лет — но я ведь и не претендую на то, чтобы называться человеком чести!

— Как же я выполню свой контракт, если Тай Чонг явно предпочитает, чтобы я крал картины? — Я беспомощно развел руками.

— Не знаю, — сказал Хит. — Вам придется придумать самому.

— Но я не могу! Мне надо получить моральное наставление.

— От меня? -- рассмеялся Хит.

— Нет, не от вас!

— Ваша Мать по Окраске не хочет вам помогать, а от советов Тай Чонг вы отказываетесь сами. Так кого же вы будете спрашивать?

— Я не знаю. Найду кого-нибудь.

— А пока вы сам по себе, и мы должны зарабатывать на жизнь.

— Воровать картины я не буду, — решительно заявил я.

— А разве я это предлагал? — невинно спросил Хит.

— Да.

— Ну хорошо, забудьте об этом — по крайней мере пока. Я придумал способ полегче. — Оживившись, он подался вперед. — Мы будем на Солтмарше раньше Венциа, то есть найдем Черную Леди раньше его. Сдается мне, он выложит неплохую сумму за пять минут ее времени.

— Если вы сможете найти ее на Солтмарше, то и он тоже.

Хит улыбнулся, крайне довольный собой.

— Мы встретим его в космопорте и скажем, что похитили ее!

— С какой стати он вам поверит?

— Но в этом есть смысл. И почему это я обязательно должен врать?

— Потому что вы Валентайн Хит.

— Но он не так хорошо знает Валентайна Хита, как вы.

— Зато он знает, что Черная Леди просто исчезнет, если вы попробуете принудить ее к чему-либо.

— Судя по вашим рассказам, она никогда не исчезала в присутствии тех, кто не знал о ее истинной природе. Так что достаточно держать ее в толпе.

— Держать в толпе?

— Именно так. И чем больше людей там будет, тем труднее ей будет проделать свой фокус с исчезновением.

— Мне показалось, вы хотели солгать другу Ройбену о похищении...

— Если придется, — развел руками Хит. — Конечно, всегда разумней на самом деле поставлять товар, но если у нас его не будет, то что поделаешь, придется переходить на альтернативный план.

— И все, что вы собираетесь делать — это задержать ее до прибытия Венциа?

— Совершенно верно, — ответил он.

— Разве вы не хотите ничего спросить у нее?

— Например?

— Задать тот же вопрос, что и Венциа.

Хит покачал головой:

— Ни в коем случае. Какой интерес в жизни без тайн?

— Но разве вы не хотите узнать, есть ли жизнь после смерти?

— Я и так об этом узнаю достаточно скоро.

— Но...

— Послушайте, — сказал он, — я не из тех, кто заглядывает на последнюю страницу детективного романа — это нечестно.

— С каких это пор вы беспокоитесь о честности?

— Один — ноль в вашу пользу.

Мы немного помолчали.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал я наконец.

— Послушайте, Леонардо, — вздохнул Хит, — хотите знать, по какой причине я предпочитаю думать, что мы уми-

раем навсегда? Дело в том, что если есть какие-то условия, все равно какие, открывающие путь на небеса, то я наверняка обречен на адские муки. Черная Леди может сказать мне одно из двух: или жизнь после смерти есть, или ее нет. Если ее нет, то для меня ничего не меняется, а если есть, то мне лучше об этом не знать. Ну как, я ответил на ваш вопрос?

— Да, друг Валентайн.

— А вы хотели бы спросить ее о чем-нибудь?

— Может быть.

— Что именно?

— Еще не знаю.

— Тогда думайте скорее — мы будем на Солтмарше часов через пять.

Хит почесал затылок.

— Вы знаете, а ведь Солтмарш всего в четырех днях пути от Бенитаруса II. Когда мы покончим с делами, я мог бы подбросить вас туда, чтобы вы сами утрясли все проблемы с вашей Матерью, а?

— Спасибо вам за заботу, друг Валентайн, но мне запрещено ступать на Бенитарус II.

— Может быть, она смягчится, если узнает, что вы находитесь практически рядом?

— Нет, не смягчится.

— Кто знает? — заметил он.

— Я знаю. Мой День Признания Окраски прошел, когда мы были в анабиозе, но она не оставила никакого сообщения и не прислала пищи в подарок.

Хит рассмеялся:

— Мы же скрываемся, Леонардо! Никто кроме Тай Чонг не знает, где мы. Вот уже тридцать дней мы даже по радио ничего не передавали. Как ваша Мать по Окраске может узнать, куда посылать сообщение?

— Вы правы.

— И насчет подарка: мы уже месяц летим со сверхсветовой скоростью. Даже если знать, где мы, то как доставить нам посылку?

— Спасибо за эти замечания, друг Валентайн! — от души сказал я. — Они меня очень утешили.

— Так что, полетите к ней, когда мы здесь закончим?

— Мне никогда нельзя с ней встречаться, — терпеливо объяснил я. — Более того, через несколько дней я, вероятно, совершу ритуал самоубийства.

— Опять?! — возмутился он. — Вы что, ни о чем больше не можете говорить?

— Могу, но это самое важное. Может быть, мне придется из моральных соображений...

— Избавьте меня от ваших соображений! Дайте мне слово, что не покончите с собой и не будете говорить о самоубийстве, пока Тай Чонг не удастся уговорить полицию снять с нас обвинение!

— Даю слово, что не буду говорить о самоубийстве, пока Тай Чонг не удастся снять обвинение, — осторожно сказал я.

Хит в отчаянии воздел руки.

— С вами очень трудно разговаривать, вы знаете об этом?

— Да, вы уже говорили.

— И я это повторяю!

— Извините, если я обидел вас, друг Валентайн!

— И перестаньте, черт побери, без конца извиняться! — раздраженно воскликнул он. — Если вы хотите стать удачливым преступником, то это первое, что вы должны изменить!

— Я не хочу становиться удачливым преступником.

— Тогда будете чертовски голодным преступником!

Хит сердито удалился в каюту, а я остался на кухне, рассеянно пережевывая соевые продукты и гадая, какой совет могла бы дать мне Мать по Окраске, чтобы помочь подготовиться к преступной жизни.

20

Хит вывел корабль на орбиту Солтмарша и связался с единственным космопортом планеты.

— Говорит «Пабло Пикассо», порт приписки Карл Великий, тридцать один день в пути от Дальнего Лондона,

командир Валентайн Хит, человек. Прошу посадочные координаты.

— Пожалуйста, сообщите цель вашего прибытия на Солтмарш, — ответил женский голос.

— Коммерция.

— Тип коммерции?

— Покупка и продажа произведений искусства.

— Экономика Солтмарша использует шиллинги Новой Кампалы. Требуется ли вам местная валюта?

— А кредиты у вас принимают?

— Мы входим в Олигархию, — уклончиво ответил голос.

— Тогда мне нет необходимости менять деньги, — сказал Хит.

— Атмосфера планеты содержит 16,23 процента кислорода и 79 процентов азота, гравитация — 0,932 от стандартного уровня Делуроса VIII. Представляют ли эти условия опасность для вашего здоровья?

— Для меня — нет, — ответил Хит. — Есть ли у вас какие-нибудь примеси, вредные для бьорнна?

Последовала краткая пауза.

— Имеются ли у вас на борту представители инопланетных рас?

— Да.

— Пожалуйста, поставьте их в известность, что с корабля им сходить запрещается.

— Но в этом нет никакого смысла! Мой деловой партнер — представитель расы бьорннов с Бенитаруса II. Посмотрите списки, и вы убедитесь, что Бенитарус II имеет статус наибольшего благоприятствования в торговле с планетами Олигархии, и всегда поддерживал добрые отношения с человеческой расой.

— Никакие инопланетяне ни при каких обстоятельствах не допускаются на Солтмарш. Исключений не может быть.

— Могу я поговорить с вашим начальником? — потребовал Хит.

Он связывался с непосредственным начальником женщины-оператора, с иммиграционным бюро и с даже с крошечным местным управлением по делам инопланетян, но

после получаса переговоров стало ясно, что правительство Солтмарша не желает делать исключений в своей расовой политике.

Наконец Хит повернулся ко мне.

— Ну что ж, Леонардо. Выше только губернатор, и мы оба знаем, что он ответит, даже если мне разрешат с ним говорить.

— Вы правы, друг Валентайн.

— Так что, я ищу Кобринского один или мы улетаем? Решайте!

— Я должен найти Черную Леди, — ответил я. — Придется вам идти одному.

— Хорошо. А что, если я найду Кобринского, а ее нет?

— Тогда придется ждать.

— Сколько? День, неделю, год? Когда можно будет сделать вывод, что вы ошиблись с ее следующим возлюбленным?

— Рано или поздно Черная Леди придет к нему, и я снова увижу ее, — уверенно сказал я.

— Если только то, что вы приняли за видение, не было на самом деле ничего не значащим сном.

— Если вы так считаете, то зачем привезли меня сюда? — спросил я.

— Потому что отсюда до Дальнего Лондона половина галактики. И если вы угадали правильно насчет этого места, то я смогу составить себе хорошенькое состояние, просто не дав этому «видению» исчезнуть.

— Но имейте в виду, — продолжал он, — регистрационный номер моего корабля уже в компьютере Солтмарша, а за нами охотится полиция. Каждый лишний час здесь — дополнительный риск, что нас найдут.

— Понимаю, но я непременно должен выяснить, не ошибся ли на ее счет.

— Хорошо, — сказал Хит. — Я просто хочу, чтобы вы понимали в полной мере риск, на который мы идем. — Он вздохнул. — Первый шаг — найти Кобринского. Если она с ним, я вернусь сюда и мы обдумаем, что делать дальше, если же нет, то мне, может быть, удастся уговорить его пойти со мной и вы сами объясните ему ситуацию. Это

будет куда проще, чем пытаться тайком высадить вас на планету.

— Вам не удастся уговорить его сделать что-либо, чего он не хочет.

— Я могу быть довольно настойчивым, — сказал Хит.

— Если бы его можно было уговорить, то Черная Леди им бы не заинтересовалась.

— Это мы еще посмотрим, — протянул Хит.

Он снова включил радио и настроился на космопорт.

— Говорит Валентайн Хит. Условия посадки понял и буду им следовать.

— Отлично, «Пабло Пикассо». Посадку разрешаю. Ваш компьютер только что получил координаты.

— Спасибо, — ответил Хит.

Через двадцать минут мы приземлились, Валентайн вышел из корабля, а двое вооруженных часовых заняли посты возле люка, видимо, чтобы не дать мне осквернить землю Солтмарша.

Я провожал взглядом Хита, пока он не скрылся из виду, потом включил компьютер и начал писать.

Черной Леди.

Я не знаю, как обращаться к Вам и даже как передать письмо в Ваши руки, но моя Мать по Окраске отказалась от меня, а Тай Чонг толкнула на преступление. Из всех женщин, которые могли бы дать мне моральные наставления, остались только Вы. Однако если Вы и в самом деле Мать Всего Сущего, то не только знаете об обстоятельствах моего позора и бесчестья, но сами внесли их в Книгу Судеб по причинам, которые мне не дано постичь.

Я не знаю, почему Вы посетили меня и чего от меня хотите. Меня учили почитать Дом и Семью, но Дом изгнал меня, а Семья запретила произносить мое имя. Меня учили чтить закон, но теперь я вор и единственная моя надежда на выживание — стать умелым вором. Жрицы и Священные Книги учили меня, что Мать Всего Сущего создала бьорнов по своему образу и подобию, но Вы предпочли принять образ женщины иной

расы. Меня учили дорожить жизнью, но Вы, хотя и дали мне когда-то жизнь, любите только смерть.

Я не могу судить Вас, но я обязан научиться Вас понимать. Неужели все, ради чего я жил, — неправильно? Неужели Вы хотите, чтобы я умер в ореоле славы, как мечтают люди? Если Дом ошибается, если Семья заблуждается в своих верованиях, почему Вы не поправляете их? Почему Вы являете свой образ только людям?

А может быть, это я ошибаюсь в своих суждениях о Вашей истинной природе? Может быть, мое видение лишь сон?

Я непременно должен узнать ответ, ибо если это был только сон, то я в самом деле тот негодяй, которым считает меня Мать по Окраске. Я помог Валентайну Хиту украсть произведения искусства у Малькольма Аберкромби, и если я сделал это не по Вашей воле, то моя душа обречена вечно скитаться, одинокая и всеми проклятая, в необъятной пустоте вечности.

Вот почему я должен знать, кто Вы такая и что хотите от меня. Сам я поставил себя вне общества всех порядочных существ или же это часть Вашего плана? Я не чувствую себя плохим, но совершал плохие поступки.

Корень всего — в зле, которое я совершил. Малькольм Аберкромби разорвал контракт со мной, прежде чем я узнал о Вашем существовании, однако я был благодарен, когда Тай Чонг заставила его снова нанять меня. Я знал, что Валентайн Хит — вор, прежде чем узнал о Вас, но не донес на него властям. Я знал, что Малыша заманивают в ловушку, до того как осознал вашу истинную природу, но ничего не сделал, чтобы предупредить его. Я видел, как Валентайн Хит подкупил мэра Ахерона, но не осудил открыто его действий.

Я размышляю о событиях последних месяцев и прихожу к неизбежному выводу: я совершил эти дурные поступки не ради Вас.

Значит, я неизбежно совершил их ради себя.

И все-таки я не чувствую в себе зла. Неужели я настолько аморален и испорчен, что больше не могу видеть разницы между добром и злом?

Или Вы не случайно отказались от облика бьорннов и предстали в виде земной женщины? Может быть, правы люди, а мы— нет, и Валентайн Хит ближе к Вашему идеалу добродетели, чем моя Мать по Окраске?

Я не могу ни с кем больше поговорить об этом и не могу продолжать жить в неопределенности. Моя профессия— бывшая профессия— приучила меня оперировать цветами и линиями, но воспитание говорит мне, что жизнь— это не искусство, она должна быть либо белой, либо черной. И даже сейчас, когда прошло столько времени и меня ищет полиция, когда я собираюсь нарушить закон еще одного мира и тайно увидеться с Вами, если Вы и вправду здесь, я по-прежнему не знаю, выполняю ли Вашу волю или просто умножаю свои злодеяния.

Я должен знать, кто Вы: просто Смерть во плоти, которая рыщет в поисках любовников, или в самом деле Мать Всего Сущего?

Я должен знать, кто Вы, или я так никогда и не узнаю, кто я сам.

Дайте мне знак, о Величайшая из Женщин! Умоляю Вас, знак!

Ваш преданный...

Здесь я остановился и задумался. Ее преданный... кто? Сын? Почитатель? Слуга? Или, может быть, злодей?

Я вздохнул и в изумлении посмотрел на экран, пораженный собственной дерзостью. Некоторые существа возносят молитвы к Матери Всего Сущего, другие вообще не думают о ней — но никто еще не посылал ей список требований!

Приказав компьютеру стереть письмо и удалить его из памяти, я стал угрюмо смотреть в обзорный экран, рассеянно наблюдая за часовыми. Они неподвижно стояли под горячим солнцем Солтмарша — с отличной выправкой, в безукоризненной форме, с оружием наизготовку. Они смотрели прямо перед собой, готовые защищать неприкосновенность своей планеты от любых инопланетных злоумышленников. Интересно, а что бы они сами делали на моем месте? Скорее всего храбро вышли бы через люк и встретили опасность ли-

цом к лицу. Для людей это характерно — сначала действовать, а потом уже оправдывать свои поступки. Меня всегда учили, что это нерационально и безответственно, и, однако, вот они — укрепились на полумиллионе планет, а бьорнны так и живут на одном островном континенте.

К лучшему это или к худшему, но пока мы проживали свои жизни в этической чистоте, люди миллиардным роем разлетелись по всей галактике — исследуя, побеждая, грабя, управляя, никогда не прося о пощаде и никогда не давая ее, никогда не извиняясь и никогда не оглядываясь назад. Во времена Республики они зашли слишком далеко и восстановили против себя много соседних рас, так что пришлось откатиться назад и перегруппироваться — но тем не менее Республика длилась два тысячелетия. Они начали эру Демократии, будучи одной расой их многих, но очень скоро снова добились первенства — и Демократия просуществовала еще почти три тысячи лет.

Теперь наступила Олигархия, совет семи, который управлял, насколько мог, огромной растекшейся во все стороны галактикой, и за четыреста лет ее существования ни один инопланетянин не сидел в кресле Олигарха.

Смогла бы Мать бьорннов занять такое кресло — или оно не выдержало бы веса ее этического багажа? Может быть, Мать Всего Сущего рассмотрела поближе результаты своих трудов и решила, что нам не хватает прагматизма? Привлекает ли Черную Леди лучшее в человеке или она приходит забрать в могилу все худшее в нем?

Кстати, интересная мысль! Существует ли где-нибудь точка соприкосновения между двумя нашими расами, некое равновесие между Инь и Ян? Может быть, Черная Леди старается приблизить человечество к этой точке, уничтожая тех, кто в наибольшей степени воплощает крайности человеческой натуры? И если так, то я тоже часть этого плана — прототип новой бьорннской расы, вор и беглец, осмеливающийся обращаться непосредственно к своему божеству.

А может, я просто научился мудрствовать, перекладывая свои грехи и недостатки на таинственную женщину, которая не знала и не хочет знать ни о бьорннах, ни о Владимире Кобринском

и которая может оказаться в эту минуту в десятках тысяч световых лет отсюда, если она вообще когда-нибудь еще воплотится.

Я просидел у обзорного экрана почти два часа, погруженный в свои печальные мысли. Наконец люк открылся и вошел Хит, сжимая под мышкой большой пакет.

— Вы нашли ее? — кинулся я к нему.

Он покачал головой:

— Я даже не нашел его — но по крайней мере знаю, где он.

— Где же?

— На маленькой необитаемой планете под названием Солитер. Это единственный спутник Беты Сибарис. По-видимому, — продолжал Хит, — эта плазменная живопись еще более опасна, чем мы думали. Как я понял, она может уничтожить население целой планеты, если не принять мер предосторожности, а правительство Солтмарша не понимает, почему оно должно ложиться костьми, чтобы защитить своих граждан от новой затеи Кобринского. Вот они и предложили другу Владимиру убираться подальше и создавать свои шедевры на Солитере, где он не может убить никого, кроме себя.

— А это очень далеко? — спросил я.

— Меньше двух часов полета.

Хит положил пакет на стол.

— Кстати, тут для вас маленький подарок. — Он многозначительно улыбнулся. — Это от вашей Матери по Окраске.

— Не может быть, — мрачно сказал я. — Она не знает, что я здесь.

— Должно быть, ей сказала Тай Чонг, потому что посылка пришла в местное отделение Клейборна, а они передали его на таможню в надежде, что мы рано или поздно появимся. Надеюсь, она никому больше не разболтала... Да не смотрите вы так подозрительно, Леонардо! Отсюда до Бенитаруса всего неделя полета. Посылка вполне могла успеть дойти раньше нас.

— Это верно, — признал я, позволяя надежде снова расцвести в душе. — Времени было достаточно.

— Вот видите? — обрадованно воскликнул Хит. — Я же вам говорил, что она не забудет про ваш День Признания!

— Честно говоря, я боялся, что она никогда больше ничего мне не пришлет, друг Валентайн, — признался я, начиная распаковывать посылку. — Особенно после того, как она узнала, что меня ищет полиция Дальнего Лондона. — Мои пальцы путались в лентах и наклейках. — Если мне отказано лишь в праздновании Дня Первой Матери, то еще есть вероятность, что когда-нибудь я получу разрешение вернуться в Семью.

— Вы выглядите очень взволнованным, — заметил Хит. — Просто светитесь.

— Я и в самом деле волнуюсь, друг Валентайн. — Мне наконец удалось продраться через упаковку и открыть ящик. — Это больше, чем я смел надеяться, и...

Внезапно я осекся и остолбенело смотрел внутрь.

— Что там? — испуганно воскликнул Хит. — В чем дело?

— Я просил Черную Леди о знаке, — глухо сказал я. — Вот он.

Моя рука держала за хвост небольшого мертвого грызуна.

— Я изгнан навечно, — продолжал я. — Все бьорнны должны будут теперь сторониться меня, где бы и когда бы мы ни встретились, а мое имя будет стерто из Книги Семьи.

— Может быть, вы преувеличиваете? Если она и в самом деле решила порвать с вами, то зачем ей вообще беспокоиться и что-то посылать?

— Это было бы даже лучше, — сказал я.

— Не понимаю.

— Главное в Дне Признания — это пир.

Я еле говорил. Мои цвета бешено пульсировали, хотя я пытался совладать с чувствами.

— Вот поэтому я и думаю, что вы ошибаетесь, — перебил Хит. — Это не могло быть прислано на День Признания. Бьорнны ведь вегетарианцы.

— Этим способом Мать по Окраске дает мне понять, что я не только опозорен, но и вообще уже больше не бьорнн.

— А кто же вы, по ее мнению? — спросил Хит, разглядывая грызуна.

— Пожиратель плоти.

— Пожиратель плоти? — удивился он.

— Человек.

21

Владимир Кобринский никак не отвечал расхожим представлениям об отчаянном смельчаке. Его загорелое лицо пересекали глубокие морщины, часть левого уха отсутствовала, на голове редкие с залысинами волосы, нос явно крупноват, а зубы — кривые и потемневшие. Крупный и мускулистый от природы, он все-таки имел фунтов двадцать пять лишнего веса, и живот его нависал над поясом. Руки были разного цвета: правая — коричневая, обожженная солнцами многих миров, а левая совсем бледная, из чего я заключил, что это протез. При ходьбе он не то чтобы хромал, но ступал несколько неловко, как будто его постоянно беспокоила старая рана.

Нам потребовалось пятьдесят три часа, чтобы достичь Солитера, и еще полчаса, чтобы отыскать Кобринского — планета была вся испещрена горами и кратерами. Его временное жилище приютилось у подножия потухшего вулкана. Хит связался с ним по радио, известив о нашем прибытии, и осторожно посадил корабль рядом с его собственным.

Когда мы вышли, Кобринский уже стоял у трапа, разглядывая нас с нескрываемым любопытством.

— Это вы Хит? — обратился он к Валентайну.

— Совершенно верно.

— Добро пожаловать на Солитер. Я всегда рад компании.

Он повернулся ко мне:

— А вы, должно быть, Леонардо? Забавное имя для инопланетянина.

— Извините, если это вас оскорбляет.

— Меня не так просто оскорбить, — добродушно ответил он и внимательно оглядел нас. — О'кей, — сказал он наконец. — Вы не с Солтмарша, и я уверен, что раньше вас не встречал, так что рассказывайте — что вам здесь нужно и почему это я вдруг стал так популярен?

Он улыбнулся:

— Я же не настолько самонадеян, чтобы подумать, что вы прилетели посмотреть на мои плазменные картины.

— Вы говорите так, словно мы не единственные ваши гости, — вкрадчиво заметил Хит.

— Я получил радиосообщение от какого-то Венциа, — объяснил Кобринский. — Он должен быть здесь через пару часов. Что такое — я всем вдруг понадобился! Ничего не понимаю.

— Венциа? — озадаченно переспросил Хит. — Как это ему удалось так быстро догнать нас?

— У вас что, парни, гонки — кто скорее до меня долетит? — удивился, в свою очередь, Кобринский.

— В некотором роде, — усмехнулся Хит.

— А смысл?

— Мы полагаем, что вы — очень значительная фигура, мистер Кобринский, — объяснил Хит, — и хотели бы задать вам несколько вопросов.

— И чем же я такой значительный?

— Об этом, в частности, мы и хотели с вами поговорить.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Кобринский. — В конце концов, скрывать мне нечего... Только здесь слишком жарко — пойдемте внутрь. И вы тоже, — добавил он, повернувшись ко мне.

Мы последовали за ним в его жилище — довольно большое строение, битком набитое сверхмощными компьютерами и разными другими приборами и машинами, назначения которых я определить не смог. Стены украшали звериные головы, одна страшнее другой.

— Впечатляет, — с уважением заметил Хит.

— Оборудование или звери?

— И то, и другое. — Хит указал на один из трофеев — ужасную оскаленную голову какой-то рептилии с шестидюймовыми клыками. — Это ведь громоящер, не так ли? Я, кажется, видел такого однажды на Лодине XI, в зоопарке.

Кобринский кивнул:

— Да, громоящер, но вы, должно быть, видели его в музее. Живьем его никому еще не удавалось поймать.

— А где они водятся? — спросил я.

— На Гамме Щита IV.

— На вид очень свирепы.

— Еще бы! — Он ласково потрепал ящера по загривку. — Этот — особенно. Когда я его наконец убил, он уже почти отъел мою левую ногу.

— А руку вы тоже тогда потеряли? — поинтересовался я.

Кобринский покачал головой:

— Это было давно, лет пятнадцать назад — неудачный прыжок с парашютом.

Он согнул свою искусственную левую руку.

— Ничего страшного. Эта работает даже лучше, чем настоящая... Может быть, кто-нибудь хочет выпить?

— Да, пожалуйста, — сказал Хит.

Кобринский дотянулся до шкафчика, достал бутылку альтаирского рома и бросил ее Хиту.

— А вы? — обернулся он ко мне.

— Я не употребляю стимуляторов. Благодарю вас за предложение.

— Устраивайтесь, будьте как дома. — Он сел на угол незастеленной кровати и указал нам на пару металлических табуреток. — Ладно, давайте задавайте вопросы. Признаться, они мне так же интересны, как вам — мои ответы.

— Вы здесь один? — начал Хит.

— Это вопрос или прелюдия к ограблению? — Тон Кобринского не сулил ничего хорошего любому потенциальному налетчику.

— Это вопрос чрезвычайной важности, — ответил я.

— Я один.

— С вами нет женщины? — настаивал Хит.

Кобринский широко повел своей настоящей рукой, охватив жестом почти всю крошечную планетку.

— Вы ее где-нибудь видите? Далась вам всем эта женщина! Венциа мне задал тот же дурацкий вопрос.

— Мы ищем одну женщину, — объяснил я. — У меня есть основания полагать, что она очень скоро здесь появится.

— На Солитере? — изумился он. — Что может заманить женщину на такую жаркую, уродливую и безжизненную планету?

— Вы, мистер Кобринский, — ответил я.

— Я? — вытаращил он глаза.

— Именно так.

— Вы, наверно, не успели как следует разглядеть меня там, на свету. У меня не совсем тот тип лица, чтобы женщина искала мою особу по всей галактике.

— Эта женщина уже ищет, — сказал я.

— Продолжайте! — Кобринский оживился.

Я повернулся к Хиту.

— Вы позволите мне задавать вопросы, друг Валентайн?

— Вы их уже минуты две как задаете, — улыбнулся Хит.

— Я прошу прощения за свои дурные манеры.

— Не стоит, — сказал Хит. — В конце концов, вы эксперт.

— Спасибо. — Я снова повернулся к нашему собеседнику. — Мистер Кобринский, два года назад вы участвовали в публичных торгах на Бета Сантори V и пытались купить картину.

— Откуда вы знаете?

— Это общедоступная информация. Вы помните ту картину?

— Конечно. Это единственное произведение искусства, которое я когда-либо хотел купить. Один богатый ублюдок с Ближнего Лондона — или Старого Лондона? — в конце концов перебил цену.

— С Дальнего Лондона, — поправил я.

— Так вы его знаете? Он так и не появился сам — все за него делал агент.

— Его зовут Малькольм Аберкромби. До недавнего времени я был его служащим.

— Должно быть, денег у него навалом.

— Он очень богат, — согласился я. — Могу я спросить, что вас заинтересовало в той картине? Мне приходилось ее видеть, и, положа руку на сердце, портрет вовсе не так уж хорош...

— Вы меня расспрашиваете о картинах или о женщине, которую ищете?

— И о том и о другом. Не могли бы вы все-таки ответить на мой вопрос? Он очень важен, уверяю вас!

Кобринский пожал плечами:

— Мне было плевать, насколько хороша картина. Я же сказал, что не собираю произведений искусства.

— Но эту картину вы все-таки пытались приобрести, — продолжал я. — Почему?

— Из-за того, что на ней нарисовано.

— То есть женщины?

— Вот-вот, — кивнул он.

— А вы когда-нибудь ее видели?

— Почти каждую ночь вот уже скоро двадцать лет, — ответил Кобринский.

— Этого не может быть! — воскликнул Хит.

— Поосторожней насчет лжи, мистер Хит, — мрачно предупредил Кобринский.

— Вам приходилось бывать на Ахероне? — спросил Хит.

— Никогда о нем не слышал.

— Я доподлинно знаю, что она там провела как минимум месяц. Как она могла в то же самое время быть с вами?

— Я не говорил, что встречался с ней, — ответил Кобринский. — Я сказал только, что видел ее. Вот здесь. — Он показал на свою голову.

— Не понимаю вас.

— Она все время появляется в моих снах, — объяснил Кобринский. — Я думал, что это плод моего воображения. А потом увидел картину... Наверное, я видел ее портрет когда-то раньше, и память об этом лице сохранилась в подсознании.

— А другого объяснения у вас нет? — спросил я.

— Да будь я проклят — не мог же я и в самом деле встречать ее! Картина написана шесть веков назад!

— А почему вы попытались ее купить?

Кобринский вдруг подозрительно прищурился.

— Послушайте, — резко сказал он, — если ее украли и ваш босс собирается обвинить в этом меня, только потому, что я хотел ее купить...

— Ее не украли, уверяю вас, — перебил я. — И Малькольм Аберкромби больше не мой босс.

— Тогда какое вам дело до того, зачем я пытался ее купить?

— Мне это очень важно знать, поверьте!

— Мне даже неловко говорить... — Он пожал плечами. — Ладно, черт побери! Вы летели в такую даль, так почему бы не сказать... Я хотел ее купить, потому что надеялся таким образом избавиться от своих бредовых фантазий.

— Я не совсем понял...

— Я вам, наверно, покажусь психом, — продолжал он, — но я почему-то начал верить, что она реальна, что когда-нибудь я встречу ее...

Он смущенно поерзал.

— Пожалуй, я даже чуточку влюбился в нее.

— Мне это вовсе не кажется ненормальным, — сказал я. — Продолжайте, пожалуйста!

— А вот мне, когда я об этом рассказываю, кажется... — Он почесал в затылке. — Знаете, каждый раз, когда я выходил на ринг или встречал нападающего зверя, мне казалось, что я что-то ей доказываю, что если я выиграю достаточно боев и добуду достаточно зверей, то она каким-то образом узнает обо мне и о том, что я сделал.

Он скривился:

— Ну и картина — сидит окончательно спятивший романтик и рассказывает двум незнакомцам, как влюбился в призрак. Может, лучше вернемся к вашей женщине из плоти и крови?

— Призрак мне интереснее, — ответил я. — Не могли бы мы поговорить о нем еще немного?

— Почему нет? — вздохнул он. — Что бы я ни сказал, глупее, чем сейчас, я себя чувствовать уже не буду.

— Вы все еще видите ее во сне?

— Каждую ночь.

— Она когда-нибудь улыбалась?

Он долго смотрел на меня, явно удивившись этому вопросу.

— Нет, никогда. У нее всегда такое печальное выражение лица, словно...

— Словно что?

— Словно она ищет что-то. Что-то для нее важное.

— Она когда-нибудь являлась вам наяву?

— Я же сказал, — рассердился Кобринский, — это просто образ какой-то женщины, которая жила сотни лет назад. Нет, даже не так — это мое воспоминание о том, как ее изобразил художник.

Он с любопытством посмотрел на меня.

— А почему она вас так интересует?

— Она жива, — ответил я.

— Не может быть!

— Она жива, — повторил я. — И я думаю, что она скоро появится на Солитере.

— Это не может быть та самая женщина! — твердо сказал Кобринский.

— Это она.

Он вдруг рассмеялся:

— Вы еще больший псих, чем я.

— Я не псих, — возразил я. — Она скоро появится здесь, и мне надо обязательно поговорить с ней!

— Вы что, на самом деле видели ее?

— Мы оба видели, — вставил Хит.

— Это был кто-то похожий на нее! Ей должно быть больше шестисот лет.

— Точнее, больше восьми тысяч лет, — поправил я.

— Тогда это не может быть та самая женщина, — повторил Кобринский.

— Это не совсем обычная женщина, — криво усмехнулся Хит.

— Инопланетянки такими не бывают.

— Она и не инопланетянка.

— Так что, она не женщина и не инопланетянка? Кто же она тогда?

— Я не знаю, — ответил Хит.

Кобринский повернулся ко мне:

— А вы что о ней думаете?

— Это призрак.

— Призрак?

— Она являлась многим людям на протяжении тысячелетий, — объяснил я. — Ее влечет к тем, кто в ней нужда-

ется. Компьютер в библиотеке на Дальнем Лондоне подтвердил, что вы будете следующим, кого она посетит.

— В вашем библиотечном компьютере, видимо, не хватает пары чипов, — сказал Кобринский. — Я никогда не встречал ее. С чего это вдруг она решит, что я в ней нуждаюсь?

— Вы постоянно попадаете в ситуации, опасные для жизни.

— Тогда вы пришли не по адресу. По всей галактике идет война — солдаты рискуют жизнью десять раз на дню.

— Ее тянет к тем, кто рискует жизнью добровольно и не думает о вознаграждении, — объяснил я. — Солдаты не идут на риск без приказа.

— Откуда она знает, рискую я жизнью или нет?

— Вам же казалось, что она каким-то образом узнает, что вы делаете. И не зря казалось.

— Но она никогда меня не видела... — смутился он.

— Это не женщина, — сказал я.

— Но почему вы так интересуетесь ею? — вдруг спросил Кобринский.

— Я должен спросить ее кое о чем.

— Если в вашей сказочке есть хоть доля правды, тогда рискните жизнью — и она к вам придет.

— За восемь тысяч лет ее никогда не видели в обществе инопланетянина.

— Тогда у меня все тот же вопрос — почему вы так заинтересованы в ней?

— Это очень трудно объяснить.

— Отлично! Почему только мне должно быть неловко?

— Она явилась мне в видении, — объяснил я. — Мне надо узнать почему.

— Видение? Вы хотите сказать, вроде религиозного?

— Возможно.

— Возможно? Что это значит?

— Это мог быть и сон. Но если это было видение, то я должен узнать, почему из всех инопланетян она выбрала меня и чего она от меня хочет.

— А если сон?

— Тогда я буду знать, что не нужен ей, и буду волен совершить религиозный ритуал, который так долго откладывал.

— Какой ритуал? — подозрительно спросил Кобринский.

— Самоубийство.

Кобринский удивленно захлопал глазами:

— Похоже, я прав — вы, парни, оба спятили.

— Мне очень жаль, что вы так думаете, — ответил я.

— Послушайте, — сказал Хит, подавшись вперед. — Я не знаю, кто она — женщина, инопланетянка, телепатка или Мать Всего Сущего, как считает Леонардо. Все, что я знаю, — это то, что меньше месяца назад она была у меня на корабле и что существует больше четырех десятков ее портретов, голограмм и скульптур возрастом вплоть до восьми тысяч лет. Все это по крайней мере факты.

— Так вы что, на самом деле встречались с ней? — вытаращил глаза Кобринский.

— Мы оба, — подтвердил Хит.

— Так почему же вы еще тогда не спросили у нее все, что хотели?

— У меня нет к ней вопросов, — сказал Хит. — А Леонардо тогда не подозревал, что она то, за что он теперь ее принимает.

— О'кей, — сказал Кобринский. — Я понял, что ему от нее надо. А вам?

Лицо Хита внезапно стало непроницаемым.

— Я просто помогаю Леонардо найти ее.

Кобринский перевел взгляд с Хита на меня и обратно.

— Вы лжете, — сказал он наконец. Затем повернулся ко мне: — Вы говорите правду. Но вы — псих.

Он помолчал.

— А этот Венциа? Ему что надо от нее?

— Он хочет узнать, что будет после жизни, — ответил я.

— И он думает, что она сможет ответить?

— Да.

Кобринский нахмурился:

— Они что — выпустили всех психов в Олигархии и дали им мой адрес?

— Вам не обязательно верить нам.

— Отлично — потому что я не верю.

— Все, что мы просим, — продолжал я, — это разрешить нам остаться на Солитере и подождать, пока она появится.

— Она не появится, — сказал Кобринский.

— Надеюсь, что вы правы.

— Я думал, вы хотите поговорить с ней...

— Не хочу, а должен. Это же божество — как можно хотеть встретить его!

— Так-так! Стало быть, она уже божество, а не просто одинокая женщина, которой нравятся рисковые мужики?

— Я не знаю... Это как раз то, что я должен узнать. Так вы разрешаете нам остаться на Солитере?

— Мне-то что? Хотите — оставайтесь, хотите — улетайте, — махнул рукой Кобринский.

— Спасибо.

— Не за что. Я никогда не спорю с психами... И когда, вы думаете, она появится?

— Не знаю.

— Ну-ну. Только если сегодня вечером, то лучше бы ей и вправду быть божеством.

— Почему? — спросил Хит.

— Да я тут балуюсь с новым видом плазменной живописи. Хочу попробовать его сегодня — так что вся эта проклятая планета будет радиоактивной лет этак семьдесят-восемьдесят.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— А вы не знаете, что такое плазменная живопись?

— Я видел краткое описание в библиотечном компьютере на Дальнем Лондоне.

— Это интересный процесс, но мне он всегда казался несколько ограниченным. Но теперь я разжился необитаемой планеткой, так что могу попробовать кое-что новое. Хочу использовать управляемые взрывы на основе нестабильных атомов — для художественного эффекта, знаете ли.

— Вы уже это пробовали? — спросил Хит.

Кобринский усмехнулся:

— Если бы пробовал, то вы получили бы смертельную дозу радиации, выйдя из корабля... Но я прогнал весь процесс через компьютер, и, похоже, все получится.

— А для нас это безопасно — оставаться на планете, когда вы будете заниматься этой вашей живописью? — спросил Хит.

Кобринский кивнул:

— Здесь, внутри, мы защищены от радиации. Но если у вас на корабле есть защитные костюмы, то было бы неплохо принести их сюда. Для вас, правда, я мог бы попробовать что-нибудь откопать, но вот для него, — он показал пальцем на меня, — не знаю.

— Пожалуй, достану их прямо сейчас, — сказал Хит и вышел.

Несколько минут мы с Кобринским сидели молча. Затем он глубоко вздохнул.

— Честно говоря, — сказал он, — хотелось бы мне, чтобы вы не были психом.

— Да?

— Я всю жизнь один.

— Я считал, что люди легко переносят одиночество, — заметил я.

— Не верьте этому, Леонардо.

— Тогда, я могу задать личный вопрос?

— А что, по-вашему, вы все время задаете?

— Извините, если я обидел вас.

— Я не обижен, а просто смущен, — признался Кобринский. — И смутили меня мои собственные ответы, так что виноват только я сам. Валяйте задавайте ваш вопрос!

— Если вы не любите одиночества, то почему все время выбирали одинокие занятия?

Он задумался.

— Будь я проклят, если знаю...

Минуту спустя вернулся Хит с нашими защитными костюмами.

— Там снаружи страшно жарко. Наверное, градусов пятьдесят.

— Но все-таки это сухая жара, — сказал Кобринский. — Влажности почти нет.

— Влажный ты или сухой — жареное мясо есть жареное мясо, — покачал головой Хит.

Кобринский криво усмехнулся:

— Это что! Побывали бы вы вместе со мной на Ансарде V, когда я там охотился на рогатых демонов. Тогда бы оценили здешний климат!

— Лучше поверю вам на слово.

Хит достал платок и стал вытирать обильный пот.

— А что вы собираетесь изображать сегодня? — спросил я Кобринского.

— Я еще не решил... У меня написаны программы для полудюжины сюжетов.

— Программы? — удивился я.

Он улыбнулся:

— Вы, наверно, никогда не видели плазменную живопись?

— Нет.

— Картина пишется на небе, примерно в двух милях от земли. А если на планете нет облаков, как здесь, на Солитере, то можно работать на высоте до пяти миль и использовать все небо от горизонта до горизонта. Понятно, что на небесном холсте таких размеров не получится выписывать детали одну за другой. Поэтому предварительный эскиз создается на компьютере — вот на этом, — а потом, если он вас устраивает, другой компьютер, тот, что рядом, анализирует рисунок и определяет, как лучше всего облучить атмосферу, чтобы создать нужный эффект. И затем остальные машины все это реализуют.

— И какие цвета вы можете воспроизводить? — спросил Хит.

— Любые — от ультрафиолетового до инфракрасного. Конечно, они прозрачные, иначе от планеты останутся одни головешки. И потом, мне нравится, когда сквозь мое творение просвечивают звезды.

— Долго это длится?

— Картина обретает форму примерно за минуту и потом где-то девяносто секунд рассеивается. Цельный вид она сохраняет секунд тридцать.

— Простите меня, но не многовато ли у вас уходит труда и денег на эффект, который длится меньше минуты?

— Не больше, чем у вас на поиски призрака, — ответил Кобринский. — В эти полминуты я сознаю, что создал нечто величественное, чего еще никому не удавалось.

— А не могли бы мы взглянуть на эскизы, которые вы подготовили к сегодняшнему вечеру? — попросил я.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Кобринский.

Он включил первый компьютер и приказал ему спроецировать голограмму первого сюжета. Это был странный, даже жутковатый неземной пейзаж с кроваво-красной рекой, омывавшей пустынный берег. Деревья без листвы, похожие на скелеты, склонялись к воде под неестественными углами.

— Ларабн IV, — сказал Кобринский.

— Не слыхал, — покачал головой Хит.

— Это за скоплением Куинелла. Я не встречал более странной планеты. Только два цвета — темно-красный и фиолетовый. Скалы, вода, растительность — все либо одного цвета, либо другого.

— А животные там есть? — спросил я.

— В отчете Корпуса Пионеров написано, что есть, но я ни одного не видел. Следующую!

Перед нами возникли, в быстрой последовательности, Дорадузийская горная гряда, абстрактное изображение лазерного ружья, натюрморт с фруктами с Байндера X и натуралистическая фантазия с головой громоящера.

— Остался еще один эскиз, но мне его даже стыдно вам показывать, — признался Кобринский.

— Почему?

— Вы скажете, что это плагиат. Он слишком похож на ту картину, что вы видели.

— Черная Леди? — спросил я.

— Вы так ее называете?

— Она так сама себя называет. Покажите, пожалуйста!

— Следующую! — приказал Кобринский.

И передо мной появилось лицо Черной Леди. Она была совсем рядом, ее печальные глаза смотрели на меня в упор.

— Да, это она, — сказал Хит, — все точно.

— И в самом деле, сходство необыкновенное, — согласился я. — Вы долго над ней работали?

— Три года, — смущенно сказал Кобринский.

Он словно стыдился, что не смог создать портрет за один вечер.

— И в каких точках вы хотите использовать взрывы? — спросил я.

— Думаю, в глазах. Это прибавит им жизни.

Я одобрительно кивнул:

— Вероятно, даже поможет избавиться от грусти.

— Может, еще в мочках ушей? — предложил Хит. — Только я никак не вспомню — носила она серьги или нет?

— Она вообще не носила никаких украшений, друг Валентайн, — ответил я.

— Компьютер, выключись! — скомандовал Кобринский.

Изображение исчезло — и в тот же момент дверь открылась, и вошел Ройбен Венциа.

— Кто вы такой? — спросил Кобринский.

— Это Ройбен Венциа, — сказал я.

— Так-так, — расхохотался Хит, — вся шайка в сборе.

22

— Ее еще нет, друг Ройбен, — поспешил я опередить вопрос, глядя, как Венциа вытирает пот со лба.

— Но все равно спасибо, что подождали нас, — саркастически добавил Хит.

— Я просто не мог рисковать, — объяснил Венциа. — Слишком важно было успеть раньше нее. И потом, я вам ничего не обещал, в том числе и везти вас сюда или куда бы то ни было. В конце концов, вы просто хотите продать ее Аберкромби.

— Минуточку! — вмешался Кобринский. Он грозно посмотрел на Хита. — Вы так и не сказали, зачем она нужна вам! Теперь извольте объяснить!

— Зачем? — пожал плечами Хит. — Вы ведь все равно в нее не верите.

— Если она существует, вы никому ее не продадите!

— Она и сама не даст себя в обиду, — заметил Венциа. — Разве Хит не рассказывал вам, что случилось, когда он в последний раз ее продавал?

— Ну-ка! — Кобринский требовательно кивнул Хиту.

— Она исчезла...

— Как это исчезла?

— Я имею в виду, — объяснил Хит, — что она исчезла из запечатанного корабля в открытом космосе.

Кобринский в гневе тряхнул головой:

— Да вы тут все спятили!

— Это он рассказывает, а не я, — быстро вставил Венциа.

— Но вы верите в это!

— Да, верю.

— Кстати, — обратился Хит к Венциа, — как, черт побери, вам удалось добраться сюда так быстро? Я готов был поклясться, что долечу до Солтмарша на три дня раньше вас!

— Я две недели был в анабиозе, а когда проснулся, радировал вперед, узнал, что Кобринский на Солитере, и изменил курс.

— Как это я сам об этом не подумал! — щелкнул пальцами Хит.

— Тоже мне, вор-профессионал! — презрительно фыркнул Венциа.

— Ладно, не в этом дело, — пожал тот плечами. — Мы обогнали ее и это главное... Кстати, вы не один приготовили ей вопрос.

— О чем это вы?

— Друг Леонардо удостоился ночного визита самой Черной Леди!

— Она в самом деле явилась вам? — повернулся ко мне Венциа.

— Я не уверен, друг Ройбен. Об этом я и должен спросить ее.

Венциа, видимо, хотел что-то сказать, но вместо этого поджал губы и коротко вздохнул.

— Ну что ж, подождем.

— Подождем, — эхом отозвался я.

— Извините, что вмешиваюсь, — иронически заметил Кобринский, — но у меня нет четырех спальных мест. То есть, на самом деле, нет даже и двух... Я не возражаю, что-

бы трое психов развлекали меня в течение дня, но когда соберетесь спать, извольте устраиваться у себя на кораблях.

— Вы хотите, чтобы мы ушли сейчас? — спросил я.

— Решайте сами, но имейте в виду — через обзорный экран вы полного впечатления от плазменной живописи не получите.

— Когда вы начнете?

— Стемнеет минут через двадцать. Так что, думаю, начну примерно через час.

— Тогда, если вы не возражаете, — сказал Хит, — мы с Леонардо останемся до конца и посмотрим.

— Я тоже останусь, — присоединился Венциа.

— Отлично, — сказал Кобринский. — Но предупреждаю — еды я взял только на себя. Если вы, ребята, хотите есть, то сейчас самое время сбегать на корабль перекусить.

— У вас что, еды только на один раз? — недоверчиво прищурился Венциа.

— Завтра я улетаю, — кивнул Кобринский.

— И куда теперь?

— Не знаю, — ответил он. — Если мне не понравится сегодняшняя картина, то найду, может быть, еще одну пустую планету и попробую снова.

— А если понравится?

Кобринский пожал плечами:

— Если с первого раза получится, какой смысл повторяться? На Периферии формируют новую убейбольную лигу. Может, рискну попробовать...

— Убейбол? — с любопытством переспросил Хит.

Кобринский кивнул:

— Это смесь старинного регби и того, что когда-то называлось «мотобой».

— Мотобой? Разве его не запретили еще пару столетий назад?

— Только в Олигархии, — ответил Кобринский. — На Внешней Границе играют вовсю.

— В нем гибнет много людей, — покачал головой Хит. — А какой процент смертности в этом вашем убейболе?

— Двадцать восемь процентов в серии из десяти игр, — улыбнулся Кобринский. — Здорово, правда?

— Какой ужас! — содрогнулся я.

Кобринский повернулся ко мне.

— Знаете, что такое настоящий ужас? Лежать в одиночестве на больничной койке и ждать смерти! — Он посмотрел в окно. — Слушайте, парни, если хотите успеть поесть, то шевелитесь.

— Сколько времени вам требуется, чтобы нарисовать эту плазменную картину? — спросил Хит.

— Примерно полчаса.

— Тогда я лучше поем потом. Спешка — главный враг хорошего обеда.

— Как хотите, — равнодушно ответил Кобринский.

— Я тоже останусь, — решил я. — Посмотрю, как создается плазменная картина.

— А вы? — спросил Кобринский у Венциа.

— Там, снаружи, дьявольская жара, — буркнул Венциа. — А до моего корабля пара миль. Лучше подожду, пока похолодает.

— Что же вы решили нарисовать? — поинтересовался я.

— Я думаю, что раз уж вы все трое здесь, то почему бы не попробовать Черную Леди, — ответил Кобринский и уточнил: — На самом деле, я хотел подождать с ней еще несколько месяцев, пока не отработаю все детали...

— На голограмме она выглядела идеально, — возразил Хит.

Кобринский покачал головой:

— Рот пока еще не совсем готов.

— А мне нравится, — сказал Хит.

— Нет! — решительно тряхнул головой Кобринский. — Мне всегда кажется, что она вот-вот что-то скажет, пройдет доля секунды — и губы зашевелятся. Голограмма не передает этого ощущения. — Он пожал плечами. — Ладно, черт побери! Кто знает — может, мне придется пятьдесят лет над этим биться и все без толку! Попробую сделать что есть.

После коротких сумерек небо с поразительной скоростью начало темнеть. Кобринский подождал еще несколько минут, пока последние отблески солнца не исчезнут с даль-

них склонов гор, и начал отдавать команды своим машинам. Одна за другой они включались и гудели все громче и громче, испуская зловещее сияние и пульсируя от бурлящей в них энергии.

— Это они все будут делать? — с опаской спросил Хит.

Кобринский кивнул:

— Они работают как канал связи между реактором и холстом.

— Холстом?

— Небом, мистер Хит, — гордо улыбнулся Кобринский. — Небом.

Еще двадцать минут он давал команды, что-то подгоняя, отлаживая программу, жонглируя векторами и углами. Наконец он повернулся к нам.

— Все почти готово.

— Куда смотреть? — спросил Хит.

— Все окна защищены. Можете смотреть через любое. — Он немного подумал. — Пока вы внутри, опасности нет, но, пожалуй, вам имеет смысл забраться в защитные костюмы — просто на всякий случай.

— Что за защитные костюмы? — встревожился Венциа.

— Ах да, конечно, вы ведь пришли позже. Дело в том, что, когда начнутся взрывы, вся планета получит смертельную дозу радиации... Но здесь вы в безопасности.

— Как же я вернусь на корабль?

— У меня тут где-то лежит запасной костюм. Когда соберетесь уходить, мы его откопаем.

— Может, мне сейчас сходить на корабль и принести свой?

— Как хотите, — пожал плечами Кобринский. — А вы найдете корабль в темноте? Здесь никаких лун нет.

Венциа минуту колебался:

— Не знаю... Пожалуй, я все-таки останусь, а буду уходить, одолжу костюм у вас.

— Отлично.

Мы с Хитом натянули наши экранированные доспехи, и я заметил, что Кобринский забыл надеть перчатки, и указал ему на это упущение.

— В перчатках неудобно работать, — ответил он. — Мне иногда приходится что-то подправлять вручную в последнюю секунду.

Он опять повернулся к компьютерам и продолжил свои команды, которые целиком состояли из непонятных математических формул.

— Уже скоро, — объявил он, не отводя взгляда от мониторов.

Мы втроем подошли к одному из окон и стали смотреть в спокойное ночное небо.

— Еще чуть-чуть, — пробормотал он, произнося последнее уравнение. — Теперь, по моей команде — пуск!

Я прижался к окну, вглядываясь в темноту. Сначала ничего не было видно. Затем медленно, постепенно воздух начал ощутимо густеть, движение молекул становилось видимым, я начал различать, как формируются первые вихревые структуры.

Вдруг сверкнула молния, но в отличие от обычных молний не исчезла, а осталась в небе, повиснув огненной кривой линией. Другая молния — и на картине появилась еще одна линия. Вихри электрической энергии, создающие текстуру, мазки цвета из сияющих ионизованных молекул, еще и еще линии из молний — и перед моим изумленным взором начала обретать форму сама Черная Леди!

Через мгновение она уже занимала все небо. Печальные глаза ее сияли светом далеких туманностей, зубы отражали мерцание белых звезд, а волосы были клубящейся массой темных облаков, усеянных здесь и там искорками звездной пыли. В довершение всего вспыхнули взрывы, подчеркивая и оживляя ее красоту потоками энергии невероятной мощности.

— Невероятно! — воскликнул я.

— Никогда не видел ничего подобного! — потрясенно охнул Хит.

— Рот все-таки не вышел, — сказал Кобринский. Он опять вернулся к машинам. — Мне бы только поймать выражение губ в момент, когда она вот-вот заговорит...

Он начал что-то делать вручную.

— Сколько это продлится? — спросил Венциа.

— Картина начнет распадаться секунд через десять, — ответил Кобринский, нажимая на клавиши и рисуя на экране векторы. — Черт! Ничего не выходит, а цвет уже пропадает. Не успеваю!

— Она пока не распадается, — заметил Хит.

— Сейчас начнет.

Мы не отводили взгляда от картины.

— Я бы сказал, что она, наоборот, становится ярче, — сказал Хит.

Кобринский вернулся к окну и озадаченно уставился на свое творение.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Она должна была уже почти исчезнуть.

— А она здесь.

— Тогда у меня по крайней мере есть шанс исправить губы!

Кобринский бросился к машинам и стал лихорадочно нажимать клавиши.

— Вот оно! — торжествующе выкрикнул он, подбегая к окну.

И в самом деле — теперь это было совершенное изображение Черной Леди, выписанное во всех сияющих деталях на необъятном полотне космоса. Она казалась такой реальной, что я невольно стал прислушиваться к словам, которые вот-вот должны были сорваться с ее губ.

И тогда ее губы шевельнулись. Это было так естественно, что я не сразу понял, что происходит.

— *Владимир!* — донесся с неба шепот, от которого содрогнулись окружающие нас горы. — *Иди ко мне!*

— Вы слышали? — выкрикнул Кобринский. Глаза его бешено сверкали от возбуждения.

— *Иди, Владимир!* — ласково звала она.

Стены вокруг нас дрожали, а гудение машин перешло в протестующий визг.

— Значит, это все-таки был сон! — чуть не плача, пролепетал я.

Увы, она звала только Кобринского.

Кобринский как зачарованный сделал шаг к двери. Венциа схватил его за руку.

— Нет! — взревел он. — Сначала я! Сначала мой вопрос!

Кобринский слегка двинул плечом, и Венциа отлетел в угол комнаты.

— Вы понимаете, куда идете? — спросил Хит.

— К ней, — спокойно ответил Кобринский.

— Вы откроете эту дверь, и Венциа умрет — а за ним и вы, если не наденете перчатки!

— Она не причинит мне вреда.

— Да ее там нет! Там радиоактивный ад!

— *Владимир!* — прошептала Черная Леди.

— Она зовет меня.

— Леонардо! Да скажите хоть вы ему!

— Она не Мать Всего Сущего, — глухо произнес я. Меня слегка качало. — Она всего лишь Черная Леди.

— О чем вы толкуете? — рассердился Хит.

Я повернулся к нему.

— Тогда чего она хочет от меня? Я не понимаю...

— *Иди ко мне, Владимир!*

Кобринский открыл дверь.

— Нет! — заорал Хит, отчаянно рванувшись к нему в последней попытке задержать.

Но он опоздал — через мгновение дверь снова захлопнулась от бешеного порыва ветра.

Мы оба бросились к окну. К нам присоединился Венциа — лоб у него был рассечен, лицо залито кровью.

Кобринский остановился метрах в пятидесяти от дома, воздев руки к небу в умоляющей позе, и неотступно печальное выражение на лице Черной Леди вдруг сменилось улыбкой. Потом исчезло все. Я посмотрел туда, где стоял Кобринский, но не увидел его.

— Где он? — озадаченно спросил я.

— Исчез, — сказал Хит, нахмурившись. — Во всяком случае, я так думаю.

— НЕТ! — завопил Венциа. Он кинулся к двери и открыл ее. — Подождите! Я должен поговорить с вами!

— Постойте, друг Ройбен! — закричал я. — Вы уже получили дозу радиации, когда Кобринский открыл дверь, у вас нет защиты, вы умрете!

— Не трогайте меня! — в безумии зарычал Венциа.

Он вырвался у меня из рук и бросился туда, где только что стоял Кобринский.

— Пожалуйста! — заорал он, разрывая легкие, — Я должен знать!

— Мы должны его вернуть! — воскликнул я.

— Пускай кричит, — устало ответил Хит. — Он уже мертв.

— Но...

Небо озарилось заключительной слепящей вспышкой и вновь потемнело. Никаких следов картины уже не было видно.

— Включите радиометр над лицевым щитком, Леонардо, — сказал Хит. — Если последний взрыв и не убил его, он все равно сгорит дотла через десять секунд. Его мозг уже изжарился.

— Я должен был его остановить! — крикнул я, выбегая наружу. — Я должен помочь ему!

— Ему уже нельзя помочь, — ответил Хит, однако вышел вслед за мной.

Когда мы добежали, Венциа уже упал. Его лицо было покрыто черными пузырями ожогов, волосы обгорели и дымились, но он еще дышал. В конце концов, нам удалось втащить его в дом и уложить на койку Кобринского.

— С тем же успехом можно было оставить его снаружи, — сказал Хит. — Нельзя открыть дверь в ядерную печь и не поплатиться за это.

Я посмотрел на радиометр и понял, что он прав.

Обожженные губы Венциа шевельнулись.

— По-моему, он просит пить, — сказал Хит.

— Вода тоже заражена.

— Дайте, ему уже все равно.

Я налил воды в металлический стаканчик и поднес к губам Венциа.

— Спасибо, — едва прохрипел он и уронил голову на подушку. — Где она?

— Ушла. — Только сейчас до меня стало доходить все значение того, что произошло. — Она не Мать Всего Сущего. Она приходила к Кобринскому, не ко мне.

— Теперь я никогда не узнаю, что... там, — прошептал Венциа.

— Это вы узнаете очень скоро, друг Ройбен, — мягко сказал я.

Неожиданно он подался вперед, его глаза слепо уставились в пространство.

— Что с вами, друг Ройбен?

— Я вижу... ее, — прохрипел он.

— Она зовет вас?

Он сглотнул:

— Нет. Она с ним.

— С Кобринским?

— Да.

— Что она делает?

— Она... улыбается. — Венциа откинулся на подушку. — Она, наконец... улыбается, — прошептал он и умер.

Несколько минут я сидел у тела Венциа не двигаясь. Хит положил мне руку на плечо.

— Думаю, нам пора, Леонардо.

— Да, — ответил я. — Пора.

— Нам придется оставить тело здесь. Не стоит рисковать.

— Да, конечно.

Я встал и пошел за ним к двери.

— Вы знаете, — задумчиво сказал он, когда мы брели к кораблю, — я все еще не могу до конца поверить в то, что видел.

— А я верю.

— Интересно, где она появится в следующий раз?

— Она не появится никогда, — ответил я.

ЭПИЛОГ

Такова история Черной Леди.

Это также и история Леонардо, одинокого и всеми брошенного галактического бродяги, чье имя запрещено произносить в его Доме и Семье, и чьим прегрешениям нет числа.

С тех пор как я покинул Солитер в компании Валентайна Хита, я неоднократно подумывал о ритуале самоубийства, но всякий раз чувствовал себя морально обязанным завершить контракт с Клейборном. Когда же наконец меня официально освободили от обязанностей, я осознал, что уже перестал быть бьорнном и поэтому могу более не соблюдать бьорннских обычаев.

Мы с Хитом три года кочевали по разным планетам, всегда на один шаг опережая полицию, а я тем временем усердно учился единственному ремеслу, которое мне оставалось. Именно тогда — скорее чтобы развеять скуку, которой было в избытке на борту его тесного кораблика, чем по какой-либо другой причине — я сделал серию набросков Черной Леди, стараясь запечатлеть ее ускользающую красоту, хотя, впрочем, без особого успеха.

И вот настал день, когда Хита взяли, и я понял, что остался совсем один. Именно тогда я наконец осознал, в чем мое истинное предназначение, почему обстоятельства забросили меня на Солитер в тот роковой день, почему она явилась мне в видении и чего хотела.

Портретов ее написано без числа — но со всех она смотрит с неотступной печалью. И теперь, когда Кобринский и Венциа мертвы, а Хит в тюрьме, только я могу написать ее такой, какая она была в тот последний миг и какой останется до конца времен.

Это потребует многих попыток и многих лет, потому что я столь же неуклюж в живописи, как и во всем остальном. Но я верю: настанет день, когда я закончу этот портрет — последний портрет Черной Леди.

И тогда придет конец обеим нашим одиссеям — и моей, и ее.

АВАНПОСТ

Кэрол, как всегда

ЧАСТЬ 1

ЛЕГЕНДЫ

Факты — враг правды. Это все знают. Ниже — истинная история «Аванпоста».

Едва он вошел в «Аванпост», я понял — передо мной Герой. Так уж он выглядел. Ростом ближе к семи футам, чем к шести, немигающие бесцветные глаза, золотые волосы, падающие на плечи, тело, от которого отскакивали не только ножи, но и пули.

Могучие мускулы гигантских рук просто не вмещались в рукава рубашки, вот ему и пришлось их отрезать. Кожаной жилетке составляли компанию кожаные брюки, металлический ремень с пряжкой из черепа инопланетянина и покрытые мехом сапоги. А также ожерелья и браслеты: их перезвон слышался за добрую сотню ярдов.

Шрам, начинавшийся от уха, заканчивался по центру подбородка. Правую руку украшала вытатуированная потрясающая красавица, таких мне видеть еще не доводилось, которая постоянно перебегала с руки на грудь, скрываясь под рубашкой. Левую — его изображение, и я полагал, что каждые несколько секунд они сливались на его груди в порнографическом объятии.

На среднем пальце правой руки сиял бриллиант в шесть, а то и в семь каратов, на четвертом пальце — неизмеримо больший. На ремне висели лучевики*, с инкрустированными перламутром рукоятками, а сканер, установленный под

* Лучевик — жаргонное название лазерного пистолета.

стойкой, подсказал мне, что под жилеткой и в других местах скрыты еще один лучевик, два глушака* и пара ножей.

Он проигнорировал мужчин и женщин, сидящих за столами, прямиком направился к стойке.

— Много слышал об «Аванпосте». — Голос его напоминал гром. — Найти его непросто.

— Тебе удалось, — отметил я.

— Я обычно нахожу то, что ищу, — ответил он. — Смешай мне «Бородавку ведьмы».

Я отдал Регги, так звался мой робот-бармен (мне хотелось хоть немного очеловечить его), соответствующую команду.

— Первая порция за счет заведения.

— Это правильно, — одобрил он, взял стакан и осушил его одним глотком, не обращая внимания на языки пламени и пар над поверхностью коктейля. — Бейкер, — представился он, ставя на стойку пустой стакан. Выдержал театральную паузу, прежде чем добавить: — Катастрофа Бейкер.

— Я о тебе слышал. — Само собой, я слышал практически обо всех, кому удавалось найти «Аванпост».

— Полагаю, слышали обо мне многие.

— Только не здесь, — возразил я.

— Позволю себе не согласиться с тобой. Боюсь, скоро сюда может пожаловать нежелательная компания.

— Неужто?

Он кивнул золотоволосой головой.

— Война приближается.

Новости добираются до нас долго. В конце концов, находимся мы далеко от тех мест, где что-то происходит.

— С кем мы собираемся воевать на этот раз?

Он пожал плечами.

— У меня такое ощущение, что воевать придется скорее не с кем, а с чем.

— Значит, у них не возникнет желания заглянуть в «Аванпост», чтобы пропустить стаканчик, не так ли? — уточнил я. Войны начинаются и заканчиваются. «Аванпост» остается.

Прежде чем продолжить, я, пожалуй, расскажу вам о моем заведении, может, начну с того, где оно находится.

---

* Глушак — жаргонное название акустического пистолета.

Это просто. Располагаемся мы на Генрихе II, одном из восьми Генрихов. Это название дал нам Вилли Бард, который полжизни положил на то, чтобы найти такую вот звездную систему и обнаружил ее лишь в глубинах Внутреннего Пограничья, там, куда практически никто не забирался. Звезд в системе две, Плантагенет и Тюдор. Планет, как я уже упомянул, восемь, все Генрихи. У Генриха I две луны, Эдит Шотландская и Аделаида Лувайн. У следующих шести Генрихов по одной луне: Элеонор Аквитанская, Элеонор Прованская, Мэри де Бохуп, Кэтрин де Валуа, Маргарет Анжуйская и Элизабет Йоркская. С Генрихом VIII вышла заминка, потому что лун у планеты не было. Зато имелись шесть колец, которые Вилли Бард назвал Свадебными и дал им имена Кэтрин Арагонской, Анны Болейн, Джейн Сеймур, Анны Клевской, Кэтрин Говард и Кэтрин Парр. На нескольких Генрихах была пригодная для жизни атмосфера.

Вилли — единственный, кто знает историю Земли, и все его названия идут оттуда. К примеру, гигантский вулкан, заваливающий пеплом другое полушарие, он назвал Бекеттом. Конечно, никто понятия не имеет, с чего он дал вулкану такое название, но и возражений ни у кого не нашлось. На нашей планете обитает два вида разумных существ, которые с его легкой руки стали норманнами и саксами, правда, кто есть кто, понять невозможно. Один вид разумных существ синий и уродливый, второй — зеленый и еще уродливее.

Однако приоритет первооткрывателя Генрихов принадлежит не Вилли. Мне. Я покинул цивилизованный мир, поскольку у меня возникли серьезные трения с властями, и мчался, не останавливаясь, пока не добрался до Генрихов, которые находились на конце Вселенной, а может, в ее начале. Дальше лететь было некуда, вот я и решил приземлиться. Понимал, что рано или поздно здесь кто-нибудь да объявится, а потому потребуется место встреч, вы понимаете, бар, комнаты, где можно поспать, может, даже маленький ресторан, чтобы отведать человеческой пищи, вот и построил «Аванпост». Постарался создать уютную обстановку: на стенах голографии великих спортсменов последних тысячелетий, над стойкой — гигантский голографический портрет обнаженной Салли Шестиглазой (она позировала прямо здесь,

через несколько недель после открытия «Аванпоста»). К этому добавились головы инопланетных чудовищ, подвешенные над столиками, удобные кресла, отдельный зал для любителей азартных игр. А уж за стойкой, не мешая друг другу, могли усесться человек тридцать. Потом я пришел к выводу, что нам нужно и почтовое отделение, поскольку от Монархии (знаю, знаю, они называют ее Содружеством, но здесь-то мы соображаем что к чему) нас отделяет полгалактики. Почтовый звездолет бывает у нас два раза в год, но все лучше, чем ничего. С течением лет я добавил картографический магазин для тех путешественников, которые не доверяют своим навигационным компьютерам. Потом открыл оружейный магазин. И напрасно: мужчины и женщины, которым удается добраться до «Аванпоста», обычно прекрасно вооружены.

Народу у нас много не бывает, потому что находится «Аванпост» у черта на куличках, и только самые смелые из смелых решаются заглянуть в непосредственные окрестности ядра галактики и расположенной там огромной черной дыры, которая заглатывает звезды и планеты, как таблетки. Мужчина (и женщина, и инопланетянин) должен обладать незаурядным характером и силой воли, чтобы повернуться спиной к привычному ему миру и направиться сюда. Последним я открыл ломбард, потому что даже у героев иногда заканчиваются деньги.

Что еще я могу вам сказать? Наверное, имя и фамилию. Томас Алозий Хоук, но думаю, не прошло и десяти минут после открытия «Аванпоста», как мой первый клиент окрестил меня Томагавком, и с тех пор иначе меня никто не называет.

Мне нравится моя работа. Только самые незаурядные личности решаются отправиться на поиски «Аванпоста», а если они его находят, у них за плечами целая жизнь, полная удивительных приключений, которыми не грех похвалиться. Регги и я всегда готовы утолить их жажду, а Вилли Бард записывает все их истории, иногда чуть приукрашивает и включает в свой эпический труд. Он говорит, что написал уже почти четыре тысячи страниц и обещает опубликовать свою книгу под названием «Аванпост».

Короче, Бейкер заказал вторую порцию «Бородавки ведьмы», и тут Макс Три Ствола внезапно оторвался от своего стакана.

— Катастрофа Бейкер, — сказал он в необъятную спину последнего. — Я о тебе слышал.

Бейкер повернулся к Максу, который держал стакан в одной руке, бутылку — в другой, а третьей ковырялся в ухе.

— Ты — мутант, не так ли? — осведомился Бейкер.

Макс заулыбался.

— С чего ты так решил?

— Догадался.

— Я — Макс Три Ствола. Всегда рад встретить другую живую легенду.

— И где ты обо мне слышал?

— Да практически везде, где пришлось побывать.

— Да? — Бейкер вдруг оживился. — И откуда ты сюда прилетел?

— В последний раз? — уточнил Макс. — С Порт-Рейвена, что в звездном скоплении Квинтал.

— Я провел там несколько дней, — признал Бейкер.

— Знаю. Им пришлось строить новое кладбище.

— Что делать? — Бейкер пожал плечами. — О хороших манерах там не слышали.

— Это точно. Меня дважды ограбили и один раз подстрелили, пока я добирался из космопорта в отель.

— Да, вроде бы я припоминаю, что они не жалуют чужаков, а тебя, только не обижайся, за своего не примешь.

— Мне это не мешает. — Макс улыбнулся. — Иной раз меня посылают куда подальше, забывая при этом сосчитать мои руки.

Бейкер расхохотался.

— Позволь угостить тебя. — Он оглядел сидящих за стойкой, за столиками. — Черт, позвольте вас всех угостить.

И внезапно бар ожил. Большой Рыжий, Никодемий Мейфлауэр и Ставлю-Планету О'Грейди чуть опередили Золушку и Маленького Майка Пикассо, да и остальные не задержались.

— Ты очень щедр, дружище, — выразил общую мысль О'Грейди.

— Я чувствую себя как дома, — громогласно заявил Бейкер. — Двух или трех из вас я видел на постерах с надписью

«Разыскивается», а о многих слышал или читал. — Он осушил второй стакан. — Черт, от некоторых мне пришлось уносить ноги, чтобы не расстаться с жизнью. Отсюда и теплые чувства, которые я испытываю, попав сюда. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Разумеется, понимаем, — кивнул О'Грейди. — Мы здесь по той же причине. Это место просто притягивает таких, как мы.

— Мы — особый вид, который не ограничивается людьми. — Бейкер оглядел собравшуюся толпу.

— Ты что-то имеешь против? — прошипела с дальнего края стойки Сахара дель Рио.

— Черт, да нет же. В галактике у меня пять или шесть жен, и не все они — люди. — Он помолчал. — Не могу сказать, что одни относились ко мне лучше других.

— Может, нам следует представиться нашему последнему благодетелю, — предложил О'Грейди.

— Тебя я знаю. Ты — Ставлю-Планету О'Грейди.

— Моя репутация обгоняет меня. — По лицу О'Грейди чувствовалось, что он очень доволен собой. — Жаль только, что мои планеты убегают от меня еще быстрее.

— Я видел, как ты проиграл Бета Кампанис III.

— Правда? Что-то я тебя тогда не заметил.

— В тот момент я не хотел привлекать к себе лишнего внимания.

— Так это тебя они тогда разыскивали! — воскликнул О'Грейди. — Что ты такого натворил, если они послали два батальона, чтобы схватить тебя?

— Три, — поправил его Бейкер. — Третий находился в резерве, на случай, если я рассержусь. Однако я чуть не подошел к столу, когда ты поставил на кон планету. Хотя шансов против того канфорита у тебя не было.

— Я чувствовал, что удача на моей стороне.

— Должно быть. Потому что вероятность твоего выигрыша равнялась одной трехмиллионной.

— В игре я руководствуюсь чувствами, а не вероятностями. Так я выиграл всю звездную систему Биндера. —

О'Грейди улыбнулся. — Конечно, несколько месяцев спустя проиграл, но что с того... как нажито, так и прожито.

— И что принадлежит тебе на сегодняшний день?

— Рубашка, сапоги, колода карт в кармане...

— И долг в четыреста восемьдесят три кредитки, — добавил я.

— Ты говоришь с человеком, который когда-то владел миллиардами, — воскликнул он. — Черт, может, и триллионами.

— Ахилл в свое время отлично дрался, но в последнее время я не помню, чтобы он кого-то побил.

— Ты мне угрожаешь?

— Разумеется, нет, — ответил я. — Просто напоминаю.

— Тогда с этим все ясно. — О'Грейди протянул стакан. — Наполни его. И поднимай шум, когда мой долг достигнет пяти сотен.

— Я шумлю с того самого момента, как он перевалил за двести пятьдесят.

Он отошел к Регги, а его место рядом с Бейкером заняла Сахара, ее чешуя переливалась всеми оттенками зеленого.

— Так ты — Катастрофа Бейкер, — прошипела она, оглядывая Бейкера с головы до ног.

— Совершенно верно. Кажется, твоего имени я не знаю.

— Сахара дель Рио.

— Больно уж земное имя для лодинитки... или ты — атрианка?

— Нет. — Рептилия улыбнулась. — Я — боровийка.

— На Боровии есть пустыня Сахара? — удивился Бейкер.

— Я выросла на Земле, — ответила она. — Жила в пустыне, потом там, где раньше стоял город Рио. — Она прошлась взглядом по людям. — Никто из здесь присутствующих таким похвалиться не может. Люди давно уже ни ногой на свою родную планету.

— Ты не права, — возразил Билли Карма. — Я летал туда, чтобы подняться на Голгофу. — Он повернулся к Бейкеру, протянул руку. — Преподобный Билли Карма, сэр.

— А тебе можно пить? — осведомился Бейкер.

— А где в Книге Добра написано, что слуга Божий не может опрокинуть стаканчик-другой, если у него возникло такое желание? — пожелал знать Карма.

— Признаюсь, я ее не читал.

— А следовало. Между прочим, у меня на корабле восемь тысяч экземпляров Библии издательства «Красная буква Билли Карма». С радостью продам тебе один. Лучшей Библии не найти во всей Вселенной. Я выбросил самое скучное, добавил свои проповеди и наблюдения. Переплет — из молекулярно напряженного материала. Не горит в огне. Атомный взрыв, и тот не страшен моей Библии. Можешь не сомневаться, я проверял.

— А с чего тебе вдруг захотелось уничтожать собственную Библию? — спросил Бейкер.

Преподобный Билли Карма пожал плечами.

— Каждые несколько месяцев я сбиваюсь с пути истинного и обычно прихожу в себя с жутким похмельем в каком-нибудь борделе. Потом вновь возвращаюсь на этот путь. И то, и другое идет мне только на пользу. А сойдя с пути истинного, я первым делом пытаюсь сжечь Книгу Добра, чтобы каждое утро она не напоминала мне о пьянстве, прелюбодеянии и прочих приятных занятиях, в которых я провел ночь.

— Приятных?

— Естественно, иначе какой смысл тратить на них время. Такие люди, как ты, предаетесь им постоянно, не так ли?

— Но не каждую же минуту, остающуюся от сна, — уточнил Бейкер. — С другой стороны, я не священник.

— Знаешь, сходя с пути истинного, я тоже перестаю быть священником. — Карма нахмурился. — В прошлый раз на Рузвельте III я перебил всю бáнду Джирами после того, как они вернулись туда, ограбив армейский транспортный корабль. По крайней мере так мне сказали, когда вытащили из дымящихся развалин и повесили на грудь вот эту медаль. — Он вытащил из-под рубашки золотую медаль на серебряной цепочке и печально покачал головой. — Жалость-то какая, потерять тридцать восемь прихожан. Будь я трезвый, обязательно обратил бы их в свою веру.

Бейкер уже перезнакомился с половиной завсегдатаев бара, когда указал на мужчину, в одиночестве сидящего в углу.

— Что это с ним? — спросил он. — С момента моего появления он не шевельнулся.

— Так это Эйнштейн, — ответил я.

— Кто-то должен научить его правилам поведения в обществе.

— Если уж кто может чему-то научить, так это он, — вставил Макс Три Ствола. — С виду, конечно, не скажешь, но он учит лучшие умы Монархии. Во всяком случае, учил.

— Этот замухрышка? — пренебрежительно фыркнул Бейкер. — Да он же в коматозном состоянии.

— Никак нет, — заверил его Макс.

— Да, — стоял на своем Бейкер, повернулся к Эйнштейну, крикнул: — Эй, ты!

— Он тебя не услышит. Потому что глухой.

— Да?

— А также слепой и немой. С рождения.

— А что же в нем такого особенного? — спросил Бейкер.

— То, чего ты не можешь увидеть, — ответил Макс. — Его мозг.

— Объясни.

— Поскольку он научился общению с людьми лишь когда ему перевалило за двадцать, у него не такой образ мышления, как у остальных. Он, возможно, самый умный человек в галактике... уникальный мыслитель. Он создает в голове новые науки, потому что не отягощен знанием старых. Занимается этим почти тридцать лет. Когда государство решило, что его надо охранять от эксплуатации, он пришел к выводу, что ему нужна защита от охранников, и оказался здесь.

— Он действительно так хорош?

— Только благодаря ему через несколько лет мы достигнем туманности Андромеды. Только он сумел придумать защиту от молекулярного взрыва. А если тебе в руки попадет маленький приборчик, который позволяет видеть сквозь каменные стены, так это тоже его изобретение. Военные хотели засекретить его, но Эйнштейн, пусть он никогда не видел

обнаженной женщины, решил, что нельзя оставлять без таких игрушек одиноких, сексуально озабоченных и абсолютно беспринципных мужчин... вроде меня.

Катастрофа Бейкер долго смотрел на Эйнштейна.

— Будь я проклят! Чтобы слепой недомерок столько напридумывал!

— У каждого из нас есть свои таланты, — заметил Аргиль, который ранее держался в отдалении.

— Твой проявляется более явственно. — Бейкер повернулся к инопланетянину, который постоянно менял цвет.

— Это не талант, — ответил Аргиль, из ярко-красного став ослепительно желтым, а потом светло-синим. — Защитный механизм.

— Похоже, он скорее привлекает хищников, чем убеждает их, что ты дерево или скала.

— Все зависит от вида хищника. На моей планете они — пожиратели падали. Умерев, я перестаю менять цвета. Поэтому, пока я переливаюсь ими, хищники знают, что я — живой, а не гниющий труп. Они едят исключительно мясо с душком.

— А в чем твой талант?

— Я очень ловко манипулирую цифрами. Раньше работал в одном из крупнейших банков звездного скопления Альбион.

— И?

— Теперь, как видишь, не работаю.

— Любопытная клиентура в этом заведении, — изрек Бейкер.

— У всех бывают проблемы. — Могильщик Гейнс, как всегда, был весь в черном. — Помнишь меня?

— Как я могу тебя забыть? — воскликнул Катастрофа Бейкер. — Ты же чуть не убил меня на Серебристой Синеве во Внешнем Пограничье.

— Такая работа. Я же был охотником за головами.

— Эти чертовы собаки все еще с тобой?

— Они — не собаки, — ответил Могильщик. — Ночные летуны. С Бодина V.

— Кем бы они ни были, они дьявольски быстры и в три раза злее. — Тут Бейкер напрягся и положил руку на перла-

мутровую рукоятку лучевика. — Ты по-прежнему охотишься за нарушителями закона?

Могильщик покачал головой.

— Мои ночные летуны сдохли, а мне не хотелось тратить десять лет на дрессировку новой своры.

— А кто сказал, что они тебе нужны?

— Какой бы высокой ни была награда, без них нет смысла выходить против таких, как ты или Ураган Смит. На моем счету сорок голов. Неплохой результат для двенадцатилетней карьеры.

— Да, я вижу, что ты цел и невредим, — кивнул Бейкер. — Могло быть и хуже, пусть тебе и помогали эти чертовы псы.

— Цел и невредим? — Могильщик рассмеялся. Поднял правую руку. — Она с Делуроса VIII. Левая нога с Поллукса IV. Правый глаз и девятнадцать зубов с Гринвельдта. Уж не помню, откуда правая ступня. И у меня чужие почка и селезенка, спасибо Дженни Мечу. Я решил отойти от дел до того, как во мне не останется ничего своего.

— Похоже, ты можешь рассказать много интересного, — хмыкнул Бейкер. — Похоже, у каждого есть немало любопытных историй.

— Есть, — признал Могильщик, — но мы их все слышали. А вот такая знаменитость, как Катастрофа Бейкер, тоже может кое-что рассказать.

— Могу, — согласился Бейкер. Он повернулся ко мне. — Но сначала я хочу заказать по бутылке для каждого, кто сейчас в зале. Дай им, что они пожелают. Когда человеку улыбается удача, ему хочется поделиться ею с другими.

— Тебе это обойдется в кругленькую сумму, приятель, — сказал я.

— Денег у меня нет, — ответил он, но, прежде чем я успел достать из-под стойки глушак, сунул руку в карман и вытащил огромный рубин. Таких видеть мне еще не доводилось. — Думаю, это достойная замена.

Я не могу пожаловаться на недостаток роста, ширины плеч или размера кулаков, но, положив рубин на ладонь, я не смог обхватить его пальцами.

— Где ты это взял? — спросил Макс Три Ствола.

— Это, по моему разумению, очень любопытная история, а по собственному опыту я знаю, что рассказывать истории — нелегкий труд, в горле пересыхает, так что сначала надо хорошо смазать голосовые смазки. Томагавк, пусть Регги отыщет мне бутылку сигнианского коньяка. И если ему меньше лет, чем мне, пусть поставит на место и возьмет другую.

Вилли Бард достал блокнот, он не признает ни диктофонов, ни компьютеров, Регги поставил на полку бутылку коньяка двухсотлетней выдержки (конечно, это был коньяк тринадцатилетней выдержки, который налили в бутылку, изготовленную 212 лет тому назад, но кто мог это определить), Бейкер вытащил пробку, отхлебнул из горла, одобрительно кивнул и начал рассказ.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР И КОРОЛЕВА ДРАКОНОВ

Два года тому назад (начал Бейкер) я находился в Спиральном Рукаве, старательствовал в астероидном поясе Парнаса.

Не то чтобы сам что-то рыл и взрывал, черт, я же не отличу самородный плутоний от свежего мяса, но болтался в маленьком Трейдтауне, который построили на Парнасе II. С таверной, похожей на этот бар, только размером поменьше и без произведения искусства над стойкой, и номерами. У меня, правда, тогда с деньгами было туго, так что ночевал я на корабле. Как и в любом Трейдтауне, там была скупка. Я сделал логичный вывод: если старатель идет прямиком в скупку, минуя таверну, значит, он нашел что-то очень ценное, и намеревался позаимствовать его добычу до того, как она попадет к скупщику.

Вот так у меня оказалось тридцать фунтов расщепляющегося материала. Об атомных делах я, само собой, не имел ни малейшего понятия, но знал, что хранить плутоний положе-

но в свинцовых контейнерах, а не в карманах, и держаться от него подальше. С учетом того, что в Монархии плутоний был в цене, я прикинул, что канфориты, сетты и домарийцы заплатят за него еще больше. В Спиральном Рукаве меня достаточно хорошо знали, причиной тому стали досадные недоразумения, ни в одном из которых моей вины не было, поэтому все старатели сразу откликались на мои просьбы, отдавали то, что несли в скупку, и вдруг вспоминали, что у них срочные дела в другом месте. Все, кроме одного, но в таких вопросах неправильное решение чревато самыми неприятными последствиями.

Загрузив добычу в трюм корабля, я полетел во Внешнее Пограничье, где собирался устроить небольшой неформальный аукцион. Мне пришлось остановиться на космической станции, вращающейся вокруг Беллабонды IX, чтобы дозаправиться, и когда я сидел в тамошнем баре, дегустируя с десяток бренди, мне в спину уперся глушак. Я уже хотел повернуться, чтобы сказать пару теплых слов грубияну, который держался за рукоятку глушака, когда обнаружил в дюйме от своего носа ствол лучевика. Бросил взгляд направо, налево, и не увидел ничего такого, что могло порадовать глаз.

Тип, что стоял передо мной, практически не уступал мне в росте, а это большая редкость, во всяком случае, в этой Вселенной, но за другие я говорить не могу. Он косил, во рту сверкала пара золотых зубов, в последний раз брился он достаточно давно, а мылся еще раньше.

— Катастрофа Бейкер, ты взял то, что тебе не принадлежит, — прорычал он.

— Я брал многое из того, что мне не принадлежало, — ответил я. — На то и живу.

— Да, но то, что ты взял на этот раз, принадлежит Королеве Драконов, и она послала меня сообщить тебе, что сердится на тебя.

— Хорошо, ты сообщил, — кивнул я. — А теперь отвали и не мешай мне дегустировать бренди.

Мужчина с золотыми зубами нахмурился.

— Вроде как ты меня не понимаешь. Ты украл у нее тридцать фунтов чистого плутония и она хочет получить их назад.

— Должно быть, произошла какая-то ошибка, — ответил я. — Я украл мой плутоний у пяти старателей в Спиральном Рукаве.

— Возможно, плутоний нашли они, но она — их хозяйка.

Я размышлял над его словами с минуту.

— Как мне представляется, нехорошо владеть и людьми, и расщепляющимися материалами. Передай ей, что людей она может оставить себе, кроме одного, отправленного мною к праотцам, а плутоний я увезу с собой.

Золотой Зуб тяжело вздохнул, пожал плечами.

— Я знал, что так и будет. Говорил и говорил ей, что такой человек, как ты, никогда не отдаст нужное ей только потому, что мы пригрозим вырвать тебе глаза, отрезать уши и переломать руки и ноги. Я убеждал ее, что даже после того, как мы поджарим тебя на медленном огне, загоним иголки под все ногти и начнем по одному вытаскивать позвонки, ты все равно не скажешь нам то, что мы хотим знать.

— Поскольку в этом у нас разногласий нет, что ты намерен предпринять? — полюбопытствовал я.

— Ума не приложу, — признал он. — Пожалуй, отвезем тебя к ней, чтобы решение принимала она.

— А может, немного попытаем его? — предложил тот, что упирал мне в спину глушак. — Позабавимся?

Золотой Зуб вновь вздохнул.

— Нет, — ответил после серьезных раздумий. — Ты помнишь, что случилось с последними четырьмя или пятью пленниками, с которыми я позволил тебе позабавиться.

— Я просто увлекся, — гнул свое парень с глушаком. — Этого больше не повторится.

— В прошлый раз ты говорил то же самое.

— А может, я только кастрирую его? — не унимался этот говнюк. — Говорить он сможет, а если она решит сама пытать его, он будет цел на девяносто пять процентов.

— Ничего глупее этого предложения слышать мне не приходилось. — Золотой Зуб повернулся ко мне. — Ты должен его простить. Он еще очень молодой. Просто не понимает, что у этих Королев Драконов всегда свербит между ног.

По правде говоря, мне еще не приходилось встречаться с Королевой Драконов. Но Королев Пиратов я навидался. Их отличала сладострастность, безмерная жадность и роскошная грудь. Вот я и решил, если Королева Драконов каким-то боком в родстве с Королевами Пиратов, то я попал с раскаленной сковородки на пуховую перину.

— Надеть на него наручники? — спросил кто-то из подручных Золотого Зуба.

Тот посмотрел на меня.

— Если мы не закуем тебя в металл, ты обещаешь, что не попытаешься сбежать?

— Слово джентльмена, — ответил я.

— Тащите наручники! — проорал он.

Они притащили, надели их на меня, и пару дней спустя, когда мы приземлились на Терлигуа, я в таком виде предстал перед Королевой Драконов.

В зале для приемов без труда разместились бы с полдюжины спортивных арен. Двери были самой разной формы, словно в большинстве своем предназначались не для людей, на потолке сиял витраж площадью в пятьдесят квадратных ярдов, определенно созданный не человеком.

Конечно, я для вас — незнакомец, поэтому вы не знаете, что я не склонен к преувеличениям, но поверьте мне на слово: более красивой женщины, чем Королева Драконов, я не видел, хотя был и остаюсь большим ценителем женского пола, независимо от того, к какому разумному виду они принадлежат.

Волосы сияли золотом. Глаза голубизной соперничали с самой чистой лагуной. Алые губы так и притягивали к себе. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять: если передо мной типичная Королева Драконов, то Королевы Пиратов в сравнении с ними жалкие замухрышки.

Платье из металлика обтягивало ее, как вторая кожа. Грудь ставила под сомнение законы гравитации. Плюс тончайшая талия, стройнейшие ноги. И я старался не обращать внимание на оружие, которым она была увешана, как рождественская ель — игрушками.

— У тебя свело шею? — спросила она через пару минут. Мне представлялось, что у такой красавицы должен быть более нежный голосок.

Если у меня и возникли проблемы, то не с шеей. Просто я не мог оторвать глаз от ее прелестей.

— Тогда смотри мне в глаза, — потребовала она.

Я посмотрел и увидел то, что поначалу упустил: золотую тиару на волосах, украшенную огромным рубином.

— Мисс Королева Драконов, мэм, — начал я, — надеюсь, вы не рассердитесь на меня, если я скажу, что вы, безусловно, самая прекрасная женщина из всех, кого мне довелось повстречать в моих странствиях по бескрайним просторам галактики.

— Можешь звать меня Зенобия. — Теперь она скорее мурлыкала, чем рычала.

Меня это не удивило. На своем жизненном пути я встретил одиннадцать Королев Пиратов, восемь из которых звали Зенобия, и пришел к следующему выводу: если ты — молодая, фантастически сложенная женщина с неуемной страстью и всесокрушающим желанием покорить галактику, лучшего имени, чем Зенобия, тебе просто не сыскать.

Она разглядывала меня из-под полуопущенных век.

— Ты заинтересовал меня, Катастрофа Бейкер. — И тут же тон ее резко переменился. — Но сначала о деле. Ты украл тридцать фунтов моего плутония. Верни их.

— Зачем такому очаровательному созданию потребовалось столько плутония? Его хватит для того, чтобы разнести в клочья с полдюжины звездных систем.

Она улыбнулась.

— Я собираюсь разнести в клочья полдюжины звездных систем.

— Просто так?

Вопрос я задал по одной простой причине. Никто не знает, что может заставить Королеву Пиратов выйти из себя. Я полагал, что то же самое можно сказать и о Королеве Драконов.

— Мне противостоят шесть военных диктаторов. Покорение галактики я хочу начать с захвата их империй.

— Что же ты сразу мне этого не сказала? — спросил я. — Страсть как люблю захватывать империи. Думаю, мы можем стать партнерами.

— Ты не в том положении, чтобы предлагать мне партнерство! — отрезала она.

Я поднял руки.

— Ты про это? — Взглядом я указал на наручники. — Я позволил надеть их на меня только для того, чтобы встретиться с тобой. Нет таких цепей, которые могут удержать Катастрофу Бейкера.

Произнося эти слова, я напряг мышцы и разорвал наручники. Четверо или пятеро ее телохранителей... я не упомянул, что ее окружала маленькая армия телохранителей?.. прыгнули на меня, но я согнулся, разогнулся и они полетели в разные стороны.

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза, и я видел, что она никак не может решить, что же ей крикнуть: «Оторвите ему голову» или «Сорвите с него одежду».

— Возможно, от тебя будет больше пользы, чем показалось мне с первого взгляда, — наконец произнесла она.

— Так мы партнеры?

— Почему нет? — И она скорее повела, чем пожала плечами.

— А если мы партнеры, — продолжил я, — то меня очень интересует, почему ты Королева Драконов, а не Королева Пиратов.

— Ты это узнаешь, Катастрофа Бейкер. — Она подошла ко мне, взяла за руку. — Пойдем со мной.

Она подвела меня к маленькой двери, которую я не заметил, потому что ее загораживали телохранители. Они отступили в сторону, она приказала двери открыться, дверь открылась и внезапно мы очутились в спальне, размерами чуть поменьше флагманского звездолета, а числом окон не уступающей губернаторскому дворцу (старому — не новому, построенному на манер крепости). Посередине стояла кровать, на которой без труда разместились бы десять Королев Драконов, оставив достаточно места и своим кавалерам.

— Что скажешь? — спросила она.

— Впечатляет, — признался я. — Но не объясняет, почему ты Королева Драконов.

— Это результат инбридинга, радиации и генных мутаций. — Она положила руку мне на шею, наклонила мою голову к себе.

— Судя по тому, что я вижу, все твои гены сидят там, где и должны сидеть для достижения оптимального эффекта.

— Я — генетический уникум, — прошептала она и внезапно ее дыхание стало очень теплым. — Возбуждаясь, я загораюсь! В этом смысле я настоящий дракон.

Она улыбнулась, сверкнула глазами и два язычка пламени со струйками дыма сорвались с губ.

Она посмотрела вниз, я последовал ее примеру и увидел, что пониже талии есть еще один источник дыма и, по всей вероятности, огня.

— Видишь? — спросила она. — Я так устроена, что не могу скрыть своего желания стать твоей, Катастрофа Бейкер.

Все точно, не могла.

— Один момент, — прервал его Макс Три Ствола. — Ты хочешь сказать нам, что из того самого места у нее шел дым?

— Совершенно верно.

— Я не верю.

— Я там был, — вызывающе отчеканил Бейкер. — А ты?

— Нет, конечно, но, если ты собираешься рассказать нам, что ублажил ее, не превратив важную часть мужского организма в шкварку, боюсь, я не смогу поверить этой части твоей истории.

Бейкер смотрел на него до тех пор, пока Макс не сжался в комок, потом обвел взглядом слушателей. Его рука поглаживала перламутровую рукоятку лучевика.

— У кого еще моя история вызывает недоверие?

Никто не ответил и наконец гигант расслабился и заговорил вновь.

Дело в том (продолжил Бейкер), что мне не удалось выяснить, как горяча она внутри, потому что в этот самый момент за стенами спальни раздался мощный взрыв, послыша-

лись крики, гудение лучевиков, визг глушаков и грохот автоматных очередей.

— Военные диктаторы! — воскликнула она. — Они узнали про плутоний и решили нанести упреждающий удар!

— Нет проблем, — заверил ее я. — Дай мне что-нибудь из оружия, которым ты увешана, и я с ними разберусь.

Она бросила мне пару пистолетов, я подошел к двери, открыл ее и объявил о моем присутствии, превратив в пыль восемь или девять человек в форме, отличной от той, что носили ее телохранители.

Оглядел зал, увидел шесть человек в роскошных мундирах, увешанных медалями, сразу понял, что это те самые военные диктаторы, схватил одного из их подручных, свернул ему голову и двинулся к ним, используя его как щит.

— Будь осторожен! — крикнула Королева Драконов.

— Черт, да их всего шесть, и они такие маленькие! — ответил я.

Двенадцать или пятнадцать солдат прыгнули на меня, но я отшвырнул их. Еще один схватил меня за ногу, так я дал ему такого пинка, что он летел через весь зал и остановила его только стена. Должно быть, поставил рекорд Вселенной, если бы такие рекорды фиксировались.

Когда расстояние до диктаторов сократилось до пятидесяти футов, я поднял тело над головой и швырнул в них. Четверо попадали. Двое схватились за оружие, но по скорости сравниться со мной не могли, а после того, как я переломал им руки, им не оставалось ничего другого, как, ползая по полу, целовать мне ноги и молить о пощаде.

Я вновь огляделся и увидел, что остальные нападавшие или мертвы, или не желают продолжать бой. Тут Королева Драконов подбежала ко мне, обняла и страстно поцеловала.

(Видите этот черный зуб? Ее работа. Полностью сожгла эмаль. Давно следовало бы заменить его на золотой, но он напоминает мне о ней.)

Она приказала телохранителям отвести военных диктаторов и оставшихся в живых солдат в подземные темницы, после чего повернулась ко мне.

— Катастрофа Бейкер, — томно промурлыкала она, — в награду за свой героизм ты можешь взять все, что видишь в этой комнате, но только одно.

— Что ж, мисс Королева Драконов, мэм, — ответил я, — никаких вариантов у меня нет, потому что я никогда не видел более прекрасной женщины.

— Такой мужчина, как ты, наверняка знавал многих красавиц.

— Да, но ни одна из них и в подметки тебе не годится.

— Спасибо за добрые слова, — она потупила глазки, — но во Вселенной наверняка есть три или четыре более красивые женщины.

— Ты действительно так думаешь? — на полном серьезе спросил я.

— Конечно. Женщин же многие триллионы.

— Что ж, тогда ты облегчаешь мне задачу.

— Как же, любовь моя?

— Очень просто. Если ты говоришь мне, что во Вселенной есть более красивые женщины, у меня нет оснований тебе не верить. Но, — добавил я, снимая рубин с ее тиары, — я точно знаю, что более совершенного рубина не найти, поэтому я возьму его с собой как сувенир о моем коротком, но счастливом визите на Терлигуа.

— Я тебе не верю! — Она сердито топнула ножкой.

— И в знак признательности оставлю плутоний.

— Ты — дурак, Катастрофа Бейкер! Подумай, какого ты лишаешь себя наслаждения.

— Я всегда буду помнить о тебе, мисс Королева Драконов, мэм.

И действительно, думаю о ней всякий раз, когда сижу у растопленного камина.

Закончив рассказ, Катастрофа Бейкер вновь показал всем рубин.

— Вот так у меня оказался самый совершенный рубин галактики.

История произвела на всех должное впечатление. На всех, кроме Карсона Адского Огня. Седовласый старик подошел к Бейкеру, протянул руку, попросил дать ему рубин.

— Только осторожнее, старик. — Бейкер передал ему драгоценный камень.

Карсон повертел его в руках, посмотрел на просвет, наконец вернул Бейкеру.

— Ты продешевил. Тебе следовало взять Королеву Драконов.

— О чем ты говоришь, старик? — взревел Бейкер.

— Это не рубин.

— Черта с два!

— Не рубин.

— С чего ты так решил?

— Потому что знаю. В свое время я их навидался. Это глаз-камень.

— Что?

— Глаз коразема. Мы охотились на них на Пепони.

— А кто это, кораземы? — спросил Бейкер.

— Крупные безобидные животные, — ответил Карсон Адский Огонь, устремив взгляд в прошлое. — Ростом за шестнадцать футов, покрытые жесткой бурой шерстью. С огромными головами и вытянутой нижней рукой, которая выполняла те же функции, что и человеческая рука. С круглыми глазами, большими, широкими носами. С виду неуклюжие, но двигаться могли довольно быстро. — Он замолк, чтобы отхлебнуть из бутылки. — Охотились на них из-за глаз. Вот этих красных кристаллов. Выглядели они, как рубины, за исключением вот этого. — Он указал на царапины. — Это следы от удаленного зрачка. Ювелиры всегда удаляли зрачки: люди не хотели знать, откуда берутся эти побрякушки.

— И ты действительно охотился на них ради глаз? — спросил я.

— Глаз-камней, — поправил меня Карсон. — Хорошая пара стоила порядка пяти тысяч кредиток. Сейчас за нее, конечно, дадут больше, — он улыбнулся Катастрофе Бейкеру, — но не так много, как за Королеву Драконов.

— Откуда ты так много знаешь о кораземах? — спросила Мать Земля.

— Дело в том, что я убил последнего из них, — ответил Карсон.

ПОСЛЕДНИЙ КОРАЗЕМ

Прежде всего вы должны понимать (начал Карсон), что кораземы были обречены с того самого момента, как людям приглянулись их глаза. Я видел, что их носили как украшения, выставляли в музеях, как произведения искусства, даже использовали как валюту. До сегодняшнего дня я не слышал, чтобы глаз-камень оценили выше настоящей, живой женщины, но я довольно-таки продолжительное время не имел связи с окружающим миром, так что могу говорить только о том, как было раньше.

Итак, Пепони, колонизированная планета, получше многих, с богатой фауной, привлекла внимание охотников и авантюристов. Некоторые из последних основали туристические компании, предлагавшие своим клиентам незабываемое сафари, но в большинстве своем они охотились на кораземов и продавали добытые глаз-камни.

Так вот, пока по планете бродили миллионы кораземов, а охотились на них лишь несколько человек, речь об исчезновении их как вида не шла. Но по прошествии столетия кораземов осталось не больше пятидесяти тысяч. Жили они в охраняемом заповеднике, территория эта называлась Анклав Букуа, но однажды у правительства закончились деньги и охрану сняли, а следовательно, подписали кораземам смертный приговор.

Одним из первых прибыл туда мой давнишний приятель Дикарь Грин. О том, как выслеживать зверя, он не имел ни малейшего понятия, но такие мелочи старину Грина не смущали. По пути в Анклав он купил кучу безделушек и бус у какого-то из местных племен, потом нашел один из редких армейских постов, оставленных на границе заповедника, и объяснил, что хочет продать эти безделушки племенам, обитавшим в Анклаве. Несколько особо красивых безделушек он отдал солдатам, раздавил с ними пару-тройку бутылок, сказал, что страх как боится кораземов, которыми Анклав так и кишит, и не прошло и десяти минут, как солдаты нанесли на карту территории, где бродят кораземы, чтобы он не наткнулся на них по пути из одной деревни в другую. В Анклав Грин

вошел с одной винтовкой и тремя носильщиками, а месяцем позже вышел из него с тремя тысячами глаз-камней.

Был еще и Боччи, который совсем уж собрался покинуть Пепони, но напоследок решил почистить Анклав. Нашел водопой в западной его части, отравил источник и без единого выстрела добыл семьсот глаз-камней.

Попрыгунчик Джимми Уэстерли взял с собой стремянку, отправился в район высокой травы, куда не заходили другие охотники, забрался на стремянку и отстрелял двадцать кораземов в первый же день. Когда стадо перешло в другое место, он последовал за ним, держась в высокой траве. Ставил стремянку на землю, когда кораземы останавливались, и отстреливал их, пока не собрал тысячу глаз-камней.

Другие охотники использовали свои методы. Настоящий Западный Томпсон привел целое племя местных охотников, которые копьями и стрелами с отравленными наконечниками уложили почти три тысячи кораземов.

Через пару месяцев Анклав уже напоминал зону боевых действий, запах разлагающихся тел кораземов распространялся на мили вокруг, но бойню это не остановило. Калахари Дженкинс объявил участок в сорок квадратных миль на северо-западе Анклава своими охотничьими угодьями, предупредив, что убьет каждого, кто посмеет зайти туда. Один из местных охотников, Кеннеди, туда и зашел, преследуя двух кораземов, и Дженкинс, верный своему слову, его убил. Да только он не знал, что у Кеннеди шесть сыновей, которые поклялись отомстить. Пару недель спустя отправили его на тот свет, правда, до этого он уложил четверых, а двое оставшихся объявили, что эти сорок квадратных миль отходят им. Через пять дней с юга пришел старый Хакира, убил обоих Кеннеди, забрал глаз-камни, добытые как Дженкинсом, так и братьями, и улетел к цивилизации.

Никто так и не узнал, что случилось с сестрами Мараши. Хорошие охотницы, однажды они бесследно исчезли. Не нашлись также и восемь тысяч глаз-камней, которые они вроде бы добыли.

Наконец правительство осознало, что надо предпринимать срочные меры или не останется ни одного кораземa, а после-

днее могло привести к трагичным для экономики последствиям: твердая валюта поступала исключительно от туристов, приезжавших на сафари. Короче, охоту на кораземов они запретили.

Хотели как лучше, а получилось, как всегда. Потому что к моменту введения запрета в живых остался только один коразем.

— Один момент, — подал голос Никодемий Мейфлауэр. — Я впервые слышу о кораземах.

— Это неудивительно, — ответил Карсон Адский Огонь. — Мало кто о них знает.

— Я никогда не видел их ни в музеях, ни в книгах, — продолжал Мейфлауэр.

— Ты называешь меня лжецом? — взвился Карсон.

— Еще не знаю. Когда убили последнего коразема?

— В 1813 году галактической эры.

— Теперь я называю тебя лжецом, — заявил Никодемий Мейфлауэр. — С того момента прошло больше четырех тысяч семисот лет.

— Я это знаю, — спокойно ответил Карсон. — Но я там был.

— Лучше бы ты не касался этого рубина, — вмешался Катастрофа Бейкер, поднимая камень. — В конце концов, наговорить можно всякого. Потому что теперь, прежде чем я тебе поверю, ты должен объяснить, как вышло, что тебе чуть ли не пять тысяч лет.

— Я объясню, — легко согласился Карсон. — Ты не из тех, кто принимает что-то на веру.

— Вот что я тебе скажу, — ответил Бейкер. — В полторы тысячи лет я готов поверить. Насчет остальных тебе придется представить доказательства.

Все рассмеялись, даже Карсон, а когда шум стих, он продолжил.

— Это случилось через несколько лет. Покинув Пепори и охотясь на Фалигоре, я узнал про войну в звездном скоплении Белладонна, которая могла принести неплохие дивиденды. Лететь туда предстояло три недели, поэтому я активиро-

вал камеру Глубокого Сна и наказал корабельному компьютеру разбудить меня за день пути от звездного скопления.

Карсон глубоко вздохнул, медленно выдохнул, почесал седую голову.

— До этого самого дня я не знаю, что пошло не так. Потому что, открыв глаза, я увидел врачей, которые сказали, что вытащили меня из какого-то древнего корабля, болтающегося в космосе. Я заснул в 1822 году галактической эры, а проснулся десять лет тому назад, в 6513-м. Я не могу этого доказать, но есть люди, которые могут, и сомневающиеся их, конечно, найдут, если постараются.

— Будь я проклят! — воскликнул Катастрофа Бейкер. — Среди нас нашелся Рип ван Винкль*.

— Нет, — поправил его Макс Три Ствола. — Среди нас Адский Огонь ван Винкль.

С той поры его никто не называл Карсон Адский Огонь.

Итак (продолжил Адский Огонь ван Винкль), после бойни в Анклаве Букуа я провел на Пепони еще несколько лет. Подрабатывал гидом, иной раз поставлял мясо диких животных в новые города, но за все это время ни разу не встретил ни одного коразема. Не попадались они и другим охотникам, так что мы решили, что последнего из них убили в Анклаве.

Но однажды, охотясь на дьявольских котов, чучела которых с удовольствием покупали туристы, я услышал вдали полный тоски и печали вопль, который показался мне знакомым. Так кричал детеныш-коразем, у которого убили мать. Только этот вопль был куда как громче.

Я пошел на крик и наткнулся на высоченного коразема, каких видеть мне не доводилось. Его плечи возвышались над землей на двадцать футов, а он в одиночестве стоял посреди леса и жалобно выл. Никаких ран на его теле я не заметил,

* Рип ван Винкль — герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга, житель голландской колонии в Америке, который выпил волшебное вино, поднесенное ему гномами, и проспал двадцать лет. Проснувшись, обнаружил, что жизнь кругом сильно изменилась, а сам он уже гражданин США. Имя героя стало нарицательным. — *Здесь и далее примеч. пер.*

поэтому решил какое-то время следовать за ним, чтобы понять, с чего он такой несчастный.

Опять же, признаюсь, я верил в давнюю легенду о кладбище кораземов и не стал бы возражать, чтобы гигант вывел меня к нему, чтобы я мог собрать глаз-камни, но мои надежды не оправдались. Он просто выл, переходя от одного места к другому, и лишь через пару дней до меня дошло, что он ищет себе подобного, ищет, должно быть, не один год, а вот теперь понял, что поиски ни к чему не приведут, что кроме него других кораземов на планете не осталось.

Да, он ходил там, где раньше бродили его братья и сестры, но, глядя на него, я видел, что он потерял надежду встретить кого-нибудь из своих, хотя раньше счет шел на миллионы.

Он заметил меня на пятый день. Я не сомневался, что на него охотились раньше, а потому он знал, на какое расстояние бьет оружие, которым пользовался человек. Однако он просто стоял и смотрел на меня, словно просил, чтобы я избавил его от невыносимых страданий. А я не мог этого сделать. Нет, нарушить закон я не боялся, просто не хотелось остаться в истории человеком, застрелившим последнего коразема, и какое-то время спустя он продолжил свои бесцельные поиски. Я больше не таился, он в каком-то смысле терпел мое присутствие. Не пытался напасть на меня, не пытался спрятаться от меня, вел себя так, словно я — дополнительная ноша, которую приходится нести на и без того нагруженных плечах.

Потом мы вышли на тропу, по которой восемь или девять часов тому назад прошли охотники. Я, конечно, хотел сойти с этой тропы, чтобы не напороться на них, но мой коразем придерживался прямо противоположного мнения. Уловив запах охотников, от отчаяния он направился следом. Я прекрасно понимал, что там никаких кораземов нет и в помине, а он не мог не знать, что эта тропа выведет его к охотникам и их винтовкам.

Пару часов спустя я нашел разряженную лазерную батарею с выгравированными на корпусе инициалами Дикаря Грина, а уж в том, что Грин, увидев коразема, тут же убьет

его, чтобы заполучить его глаз-камни, у меня не было ни малейших сомнений.

И я осознал, что не хочу, чтобы последний коразем умер по той же причине, что и ему подобные (включая тех, кого я убил самолично). Мы с Грином давно дружили, через многое прошли плечом к плечу, я прекрасно его знал и понимал, что мне не отговорить его от убийства коразема. Деньги, которые он мог получить за два глаз-камня, Грин наверняка поставил бы выше нашей дружбы.

Уж не знаю почему, но я не хотел, чтобы после смерти у последнего коразема вырезали глаза, просто не мог этого допустить.

Поэтому я позвал коразема, впервые произнес слово в его присутствии, он замер, повернулся ко мне. Я подошел, остановился в двадцати ярдах от него.

— Мне очень не хочется убивать тебя, — я нацелил на него лучевик, — но я вижу, что ты устал от жизни, и не хочу, чтобы тебя резали на куски. Ты станешь единственным животным, чьи глаза не станут ювелирным украшением, из чьих ног не сделают стулья для бара, а из хвоста — мухобойку. Этот мир и кораземы не сделали мне ничего плохого, вот я и отплачу добром за добро.

Он стоял, покачиваясь, не спуская с меня глаз и, когда я нажал на спусковой крючок, клянусь, я увидел в его взгляде благодарность и безмерное облегчение.

Он рухнул на землю, я подошел к нему и, убедившись, что он мертв, не хотел причинять ему дополнительную боль, выжег ему глаз-камни, чтобы никто не смог нажиться на них.

После этого Пепони мне разом разонравилась и через неделю я улетел на Фалигор.

Золушка смахнула первую слезу, которую мне довелось видеть на ее безупречной щечке.

— Я думаю, это замечательная история, — вырвалось у нее.

— У меня вопрос, — подал голос Макс.

— Выкладывай, — ответил Адский Огонь ван Винкль.

— Как бы ты поступил, если б знал, что на планете есть еще пять или шесть живых кораземов? Все равно убил бы его?

— Конечно, — ответил ван Винкль. — Только вырезал бы глаза и продал их.

Макс рассмеялся, а вот Сахара дель Рио возмущенно зашипела:

— Я думала, ты порядочный человек. Выходит, ошиблась.

— Я порядочный человек, — запротестовал ван Винкль. — Но не святой.

— Тебя никогда за него и не примут, — заверила его Сахара.

— И хорошо. А то не знал бы, что надевать первым, нимб или шляпу.

— Расскажи что-нибудь еще о кораземах, — попросила Золушка.

— Я рассказал все, что мог, — ответил ван Винкль.

— Я все-таки не могу представить себе, как они выглядели.

— Думаю, тут я смогу тебе помочь, — подал голос Маленький Майк Пикассо, рост которого составлял лишь четыре фута и девять дюймов.

— Правда?

Он пролистал один из своих альбомов, отбросил, взялся за другой.

— Вот, — открыл и протянул ей.

— Боже, ну и чудовище! — воскликнула Золушка. — Так ты говоришь, ростом они были за двадцать футов?

— Скорее, за пятнадцать, — ответил ван Винкль и протянул руку к альбому. — Позволь взглянуть? — Она передала ему альбом, он посмотрел на рисунок, повернулся к Маленькому Майку. — Это коразем! — В голосе слышалось безмерное удивление.

— Естественно.

— Но их уже пять тысяч лет как истребили. Каким образом тебе удалось узнать, как они выглядели?

— В молодости, когда я перебивался с хлеба на воду, я взял заказ на создание шести марок для почтового ведомства Пепони. На одной они хотели изобразить коразема. И прислали мне старые голографии и изображения.

— Ты все нарисовал правильно, за исключением глаз, — оценил работу Маленького Майка ван Винкль.

— Я и не знал, как выглядели его глаза, пока не услышал твою историю, — ответил Майк. — За пять тысяч лет голографии становятся на удивление блеклыми и нечеткими.

— Так ты художник.

— Самый лучший, — ответил Маленький Майк.

— Еще и скромный, — вставил Могильщик Гейнс.

— Ложная скромность мне претит. Ты слышал о «Моне Лизе»?

— Да. Висит где-то на Делуросе VIII.

— Чушь собачья. Оригинал украли лет тридцать тому назад. А в музее выставлена моя копия. И «Пикника на Пирхоте IV» Мориты.

— Тоже твоя работа?

— Само собой. — Маленький Майк самодовольно улыбнулся. — А когда они перевозили Сикстинскую капеллу на Альфу Прего III и потеряли полдюжины потолочных панелей, кого, по-твоему, они наняли, чтобы разрисовать белые пятна?

— Согласен, это впечатляет, — кивнул Могильщик.

— Понятное дело, — не стал спорить с ним Маленький Майк.

— Но как вышло, что я никогда не слышал о тебе, если ты такой мастер?

— Да нет, ты, конечно обо мне слышал. Маленький Майк — это для друзей. А мое полное имя — Микеланджело Гоген Рембрандт Ван Гог Рокуэлл Пикассо. — Он выдержал паузу. — Но лучшие свои работы я пишу инкогнито.

— А с чего это художнику не подписывать свои работы?

— На то есть причины.

— Может, раскроешь их нам? — настаивал Гейнс.

Маленький Майк отхлебнул из бутылки.

— Конечно, почему нет?

ВЕЛИЧАЙШАЯ КАРТИНА ВСЕХ ВРЕМЕН

Прежде всего вы должны понимать (начал Маленький Майк), что не каждое произведение искусства — оригинал. Я заработал больше денег, копируя старых мастеров для частных коллекционеров и музеев, которые не хотели призна-

ваться в том, что оригиналы украдены или истлели, чем продавая собственные картины, хотя и они уходили за приличные деньги.

Странно, конечно, но это так. Я заработал миллионы на моих копиях «Трех граций», «Настойчивости памяти», обложек трех номеров «Сэтедей ивнинг пост», а вот за свои работы, за одним исключением, о котором я собираюсь вам рассказать, я не получал больше пяти тысяч кредиток. И заплатил мне их Томагавк за портрет Шестиглазой Салли, который висит над стойкой его бара. Теперь-то я понимаю, что следовало просить по тысяче на глаз.

Это дилемма, с которой сталкивается каждый талант: мир, в моем случае галактика, еще не готов нас признать. Не созрел. Мы обгоняем свое время. Вспомните бедного Ван Гога. Человек умер, не продав ни одной своей картины. Или Марка Пинка.

— Какого Марка? — переспросил Макс Три Ствола.

— Пинка.

— Никогда о нем не слышал.

— Теперь понимаете, о чем я? — задал Маленький Майк риторический вопрос.

Однако (продолжал Маленький Майк), я никогда не верил в пользу голодания, поэтому брался за любую работу, которая позволяла оплатить счета и упрочить репутацию, пусть и не ту репутацию, которая должна быть у человека с таким несомненным талантом, как у меня. Я даже согласился нарисовать шесть марок для почты Пепони.

Но однажды получил самый интересный заказ. Губернатор Соломона, алмазодобывающей звездной системы, расположенной в центре Монархии, простите, Содружества, увидел мои работы и решил, что именно я должен стать автором нового комплекта банкнот для его планеты.

За государственный счет меня привезли на Соломон, создали все условия для жизни и работы и определили задачу: им требовались новые банкноты в одну, десять, пятьдесят, сто и пятьсот кредиток. Пять клише, выдержанные в едином

стиле, связанные одной идеей, за вознаграждение в полмиллиона кредиток.

Как вы можете себе представить, я ликовал. Наконец-то мне представилась возможность создать что-то оригинальное, не имеющее аналогов, а не копировать всякое старье, вроде Ренуара и Дега. За хорошей новостью последовала плохая: я не мог поставить на банкнотах свою подпись. Я, конечно, знал, что это обычная практика, но, с другой стороны, впервые с подобным заказом обратились к настоящему художнику. Спорил, как мог, но уломать его не сумел. Правда, мне удалось удвоить гонорар, прежде чем мы подошли к подписанию контракта.

Он предложил снабдить меня голографиями великих политиков и полководцев Соломона, ушедших в мир иной и ныне живущих, но в этом вопросе у меня был карт-бланш... и я нашел способ отомстить ему. Будучи примерным семьянином, жена, пятеро дочерей, губернатор, тем не менее держал на Новой Родезии любовницу, роскошную блондинку. На Соломоне сие не составляло тайны, иначе откуда бы я узнал об этом, но все, включая жену, делали вид, что никакой любовницы нет и в помине.

На изготовление пяти клише я получил год и первым же делом нанял корабль и полетел на Новую Родезию. Отыскал любовницу и выяснил, что ей обрыдла эта тайная жизнь. Он все обещал и обещал, что бросит семью и сделает ее первой леди Соломона, но она уже поняла, что дальше разговоров дело не пойдет. Потому что губернатор не хотел менять заведенный порядок, находя его очень удобным.

Она хотела насолить ему, жаждала известности, поэтому, когда в тот вечер я познакомил ее со своим замыслом, насколько я помню, за альфардским бренди, она тут же на все согласилась.

За последующие десять месяцев я нарисовал пять картин, на каждой изобразив ее в полный рост, потом уменьшил их до величины банкнот и перенес на клише.

На первой, достоинством в одну кредитку, она стояла в парадной военной форме, какую на Соломоне носили мужчины и женщины.

На второй, в десять кредиток, я изобразил ее в той же форме, но без шлема и брони.

На каждой из двух последующих банкнот количество одежды на ней уменьшалось, а на последней, в пятьсот кредиток, она предстала совершенно обнаженной, прикрывающей руками самые интимные местечки, вызывая ассоциации с «Рождением Венеры».

В оставшиеся два месяца я создал свой шедевр, величайшую картину всех времен. Та же женщина, по-прежнему обнаженная, но гордо выставляющая напоказ все то, что она прятала на пятисотенной банкноте.

Как точно мне удалось передать розовый оттенок ее кожи. И каждый зритель мог поставить свой последний грош на то, что смотрит она, естественно, только на него, следит за ним взглядом, пока он ходит по залу. Зритель буквально видел, как она дышит, потому что ее груди поднимались при каждом вдохе. А губы были такими влажными, что не оставалось сомнений: палец станет мокрым, если прикоснуться к ним.

Обычно, создавая шедевр, хочется дополнить его рамой и повесить на стену. Но на этой картине во всех четырех углах я оставил белые прямоугольники, а когда понял, что выложился полностью и никаких улучшений просто не может быть, провел последний день, рисуя в этих прямоугольниках число 10 000 000.

Наутро состоялась пышная презентация новых банкнот. Первой неистово аплодировали, на второй энтузиазм заметно увял, последующие три встречали молча. На губернатора было больно смотреть. Создалось ощущение, что его вот-вот хватит удар.

Когда презентация заканчивалась, два моих помощника вынесли мой шедевр. Я услышал, как ахнули присутствующие, а потом объявил, что эта банкнота в десять миллионов кредиток, единственная и неповторимая, коллекционный экземпляр, который я готов продать тому, кто даст самую высокую цену. Объяснил, что негоже исключать из числа желающих приобрести картину остальное население планеты, поэтому позволил местным средствам масс-медиа начать ее показ за пять минут до начала аукциона.

Кто-то поставил пять миллионов, кто-то поднял ставку до семи, а потом к губернатору вернулся дар речи.

— Арестуйте этого человека и прекратите трансляцию! — взревел он, и меня бросили в грязную камеру, где продержали двое суток.

Освободили глубокой ночью и велели покинуть Соломон и никогда не возвращаться. Я попросил охранника поблагодарить губернатора за его великодушие, но он объяснил мне, что великодушие тут ни при чем. Картина ушла за семнадцать миллионов кредиток, из которых пять, естественно, по решению суда, пошло губернатору в качестве компенсации за моральный ущерб, а двенадцать составили сумму залога, за который меня выпустили из тюрьмы.

Такая вот история, и я даже не знаю, цела ли до сих пор моя картина. Мои банкноты все еще в ходу, не на Соломоне, там губернатор запретил их хождение, а на Новой Родезии, где моя натурщица вышла замуж за самого богатого человека планеты, а потом стала его наследницей, когда месяцем позже он неожиданно умер, подавившись косточкой от вишни. Но это преступление, что редчайшую и самую дорогую банкноту теперь никто не может увидеть.

— Мне бы очень хотелось посмотреть на эту картину, — кивнул Катастрофа Бейкер. — Или хотя бы на натурщицу. Учитывая, что теперь она самая богатая женщина Новой Родезии.

— Посмотреть есть на что, — заверил его Маленький Майк. — Искусство, как известно, отражает жизнь, так что, глядя на нее, ты сможешь представить себе великолепие моей картины.

— У меня вопрос, — вмешался Макс, у которого, похоже, вопросов хватало на всех.

— Слушаю.

— Назови свое настоящее имя.

— Вроде бы я называл: Микеланджело Гоген Рембрандт ван Гог Рокуэлл Пикассо.

— Я про то, что дали тебе при рождении.

Маленький Майк молчал с минуту.

— Монтгомери Куиггл, — наконец ответил он, явно выбитый из колеи.

— То есть ты, как и все мы, прилетел во Внутреннее Пограничье и выбрал подходящее себе имя?

— У тебя есть возражения?

— Нет, но, как я и упомянул, есть вопрос. Я понимаю, что ты назвал себя в честь великих художников, но почему Маленький Майк? Почему не просто Майк?

— Потому что я мал ростом и нисколько этого не стыжусь.

— Тому нет причины, — согласился Макс. — Правда, и гордиться тут нечем.

— Я бы не спешил с такими утверждениями, — вступил в разговор Большой Рыжий, который отличился во многих традиционных видах спорта, но прославился в смертоболе, где его провозгласили лучшим игроком всех времен. Тело его, от пяток до макушки, покрывали бесчисленные шрамы, которые он выставлял напоказ.

— Да? И что ты об этом знаешь?

— Полагаю, что достаточно.

— Сам-то ты мужчина крупный, — Макс окинул взглядом высокого, мускулистого Рыжего, — и я знаю, что ты профессиональный спортсмен. Вот и скажи мне: нынче, после того, как скачки на лошадях канули в Лету, какой спортсмен предпочтет быть скорее маленьким, чем большим?

— Сейчас, в наши дни? — переспросил Большой Рыжий. — Величайший из всех.

— И кто он?

— Ты, возможно, о нем не слышал.

— Тогда как он может быть величайшим?

— Поверь мне, лучше него я не видел. Черт, да и никто не видел. — Большой Рыжий вздохнул и печально покачал головой. — Ярчайший огонь сгорает быстрее всего.

— Его спортивную карьеру оборвала травма, да?

— Его карьера оборвалась, все так, но не из-за травмы. — Большой Рыжий поерзал на стуле, пытаясь усесться поудобнее (всем известно, ветераны смертобола носят свои шрамы, как медали, и отказываются от болеутоляющих средств и протезов).

— Так ты собираешься рассказать нам о нем или нет?

— Разумеется, собираюсь. Я, возможно, последний, кто еще помнит его, и если перестану рассказывать о нем, выйдет так, будто он вовсе и не существовал.

КОРОТКАЯ ЗВЕЗДНАЯ КАРЬЕРА МЕЙДЖИКА АБДУЛ-ДЖОРДАНА

Никто не знает его настоящего имени (начал Большой Рыжий), да это и не важно, потому что ему не исполнилось и десяти лет, когда его переименовали в Мейджика Абдул-Джордана, в честь трех величайших баскетболистов древности. В кольцо он попадал с любой точки, а как прыгал! Скоростью не уступал денебийскому ласкакоту и постоянно оттачивал свое мастерство.

В двенадцать лет он дорос до семи футов и его семья перебралась в звездную систему Делфини, где еще играли в баскетбол на большие деньги. Наняли ему личного тренера и в тринадцать лет он стал профессионалом.

Первый раз я услышал о нем во Внешнем Пограничье. Среди спортсменов много говорили о пятнадцатилетнем вундеркинде восьми футов роста, который в прыжке мог поймать мяч на высоте в два раза большей. А еще через год или два его команда снялась с соревнований и отправилась в показательное турне по Внешнему Пограничью. И везде Мейджик Абдул-Джордан собирал полные залы. Не думаю, что молодой человек за время своих выступлений хотя бы раз увидел в зале пустое кресло.

Никто не понимал, как такое может быть, но парнишка продолжал расти. В семнадцать его рост достиг девяти футов и пришлось изменить правила, чтобы сохранить в игре состязательный элемент. Корзины подняли на пятнадцать футов, и в каждой четверти он мог положить сверху лишь два мяча. Третий и последующие наказывались техническим фолом.

Его это не волновало. Он с прежним трудолюбием отрабатывал броски и финты. Мне довелось сыграть против него

на Рагитуре II, когда ему только-только исполнилось двадцать. К тому времени уже ни одна закрытая арена не могла вместить всех желающих увидеть его, поэтому все игры проходили на открытых стадионах. Я думаю, в тот день посмотреть на его игру пришли двести тысяч людей и порядка ста тысяч инопланетян.

Когда он вышел на площадку, я просто не мог поверить своим глазам. Ростом почти в двенадцать футов, двигался он с грацией танцора. Этот парень забросал бы мячами корзину, даже если бы ее подняли на двадцать футов, а скорость позволяла ему возглавлять каждую контратаку.

В нашей команде я считался лучшим игроком, так что мне выпала честь держать Мейджика. По измененным правилам его соперники имели право на десять фолов. Свой лимит я исчерпал за шесть минут, и за это время он записал на свой счет тридцать семь очков. По окончании игры я подошел к нему и попросил автограф. Такого со мной не случалось ни до, ни после.

Он был славным, скромным молодым человеком, и все предрекали ему великое будущее. Вот и я следил за его карьерой, хотя больше нам встретиться не довелось.

Следующую весточку о нем я получил чуть больше года спустя. Он вымахал уже на четырнадцать футов и поиски очередного соперника его команде требовали все больших усилий. Правила все меняли, а он продолжал расти. Наконец кольца подняли так высоко, что он уже не мог положить мяч сверху, но зато другие игроки не могли добросить мяч до корзины.

Прошел еще год, его рост составлял уже восемнадцать футов, а он продолжал расти. Для него пришлось строить специальный корабль, но тут одна команда за другой стали отменять игры. Причины приводились разные, но суть от этого не менялась: никто просто не хотел играть против него. Рост и мастерство Мейджика Абдул-Джордана не оставляла его соперникам ни малейшего шанса на победу. В результате над его командой нависла угроза банкротства и с ним разорвали контракт.

Больше бедолагу никто не видел. И теперь всякий раз, когда я слышу о действительно высоком баскетболисте средних лет, играющем в какой-нибудь третьеразрядной лиге, я лечу через всю галактику, чтобы посмотреть, он ли это, но неизменно вижу какого-то парня семи футов роста, уже начавшего лысеть.

Вот тебе и ответ на вопрос, почему ты никогда не видел и не слышал о нем. Но, поверь мне, ни один человек, которому довелось увидеть Мейджика Абдул-Джордана в игре, не забудет его до конца своих дней. Возможно, он и сейчас где-то тренируется, как гора, возвышаясь над землей, отрабатывает броски, ждет и надеется, что его позовут на одну последнюю игру, чтобы он мог привести в восторг новое поколение.

Но, разумеется, никто его не позовет.

Закончив рассказ, Большой Рыжий достал из кармана белый платок, шумно высморкался.

— Этот человек действительно существовал? — спросил Макс Три Ствола.

— Я же только что об этом сказал, не так ли?

— Я подумал, а может, ты все выдумал. Впрочем, существовал он или нет, история хорошая.

— Хорошая, — согласился Большой Рыжий. — Но если я ее выдумал, то он забросил бы за всю игру только три мяча, а я получил один фол.

— Логично, — кивнул Катастрофа Бейкер. — Если бы историю выдумал я, вы бы услышали от меня именно эти слова.

— Наверное, это самый знаменитый спортсмен, о котором никто не слышал, — ввернул Макс.

— Именно так, — сказал Большой Рыжий. — Так что я сыграл против двух величайших спортсменов, самого неизвестного и самого известного.

— Ты играл против Макферсона? — с сомнением спросил Макс.

— А ты слышал о более известном спортсмене? — вопросом на вопрос ответил Большой Рыжий.

— Слушай, помнится, я полетел в звездную систему Пиластер, чтобы посмотреть на него! — На лице Никодемия Мейфлауэра заиграла ностальгическая улыбка.

— Даже я слышал о нем, — добавил Катастрофа Бейкер, — а ведь у меня, со всеми этими Королевами Пиратов и Девами Храма совершенно нет времени, чтобы следить за детскими играми. — Он помолчал. — Старина Железная Рука. — Он повернулся к Большому Рыжему. — А что с ним стало?

— Вообще-то эту историю должен рассказывать Эйнштейн, — ответил Большой Рыжий. — Но поскольку он говорит лишь на языке цифр и никому не понятных символов, я расскажу ее за него.

И рассказал.

ПИТЧЕР МАКФЕРСОН ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА

Я помню, как он, еще мальчишка (продолжил Большой Рыжий), начинал карьеру профессионального бейсболиста в звездном скоплении Квинтал. Говорили, что быстрее его двуногого существа нет и он побьет все рекорды бейсбола.

Я где-то даже обиделся, потому что и сам бегал очень даже быстро, до того, как раздробил левую коленную чашечку и сломал правое бедро в моем предпоследнем сезоне смертобола. Готов спорить, вы этого не знаете, но я взял свое имя от двух самых знаменитых скаковых лошадей, Солдата и Секретариата. Обоих пресса окрестила Большой Рыжий. Так вот, я решил выяснить, так ли быстр этот Макферсон? Не преувеличивает ли пресса.

Надо признать, пресса ничего не преувеличивала. Он творил чудеса. Соперники не успевали и глазом моргнуть, а он уже завершал круговую пробежку. Дело шло к полному разгрому, когда все и произошло. В очередной раз миновав первую базу, он споткнулся и упал, держась за колено. Я сразу понял, что больше рекордов скорости не будет.

Я уже и думать о нем забыл, но спустя пару лет узнал, что он вернулся и снова устанавливает рекорды: после каждой

игры на его счету прибавлялось не меньше одной круговой пробежки. Конечно, я вновь полетел взглянуть на него. С первым питчером он разделался без труда, как и с двумя следующими.

Тогда против него выпустили Мейлона-с-Прищуром. Старина Мейлон крепко обижался, если кто-то играючи расправлялся с его товарищами по команде, поэтому бросил мяч чуть выше, чем следовало, и он просвистел рядом с подбородком Макферсона. Надо отдать парню должное, он и бровью не повел, стоял как скала. Второй мяч Мейлон направил точно в голову парня. Он дернулся слишком поздно, все услышали чавкающий звук, когда мяч угодил точно в глазницу, я понял, что с искусственным глазом, который, конечно же, по характеристикам уступал настоящему, ему уже не удастся выйти на нынешний уровень, и искренне пожалел талантливого парня. На моих глазах ему второй раз катастрофически не повезло.

Больше я о нем не вспоминал, но четыре года спустя пошли разговоры о питчере, который бросает мяч с невероятной скоростью, и бэттеры просто его не видят, не говоря уж о том, чтобы отбить. Звался этот питчер Макферсон Железная Рука, и я, понятное дело, задался вопросом, а не имеет ли он отношения к тому парню, невероятно талантливому, но очень уж неудачливому.

Конечно, с такой игрой он не мог оставаться в заурядной команде, его контракт продали в Космическую лигу и скоро он уже играл за «Делуросских демонов», фаворитов лиги.

Я тогда выступал за «Спику II». Мы победили в нашем дивизионе и в серии плей-оф вышли на «Демонов». Отправились на Делурос VIII, где я и увидел Макферсона Железную Руку. Конечно же, это был тот самый парень. Я решил, что с той травмой колена и искусственным глазом он не столь уж силен, так что нам удастся с ним справиться.

Я — лучший в команде бэттер, поэтому первым выхожу на поле. Готовлюсь к приему мяча, Железная Рука замахивается, бросает, и я только успеваю услышать, как мяч шмякается о перчатку кэтчера. Судья засчитывает бросок, а я могу

лишь поклясться, что не видел мяча с того самого момента, как он покинул ладонь Макферсона.

Второй бросок, и вновь я не вижу мяча, третий, и я ухожу с площадки, осознав, что все, что я слышал о Макферсоне Железной Руке, — чистая правда.

В седьмом иннинге, когда я в третий раз выхожу против него, он посылает мяч чуть выше, на уровне моего лица. Я его опять не вижу, только слышу посвист, в отвращении бросаю биту на землю и иду к скамейке запасных.

— Эй, Рыжий, — говорит мне судья, — у тебя еще две попытки.

— Обойдусь, — отвечаю я.

— Ты собираешься продолжить игру?

— Нет, — отвечаю я. — Как я могу попасть по тому, чего не вижу?

— Ладно, удаляю тебя с поля! — кричит судья, и я отправляюсь в душевую. Меня это вполне устраивает — все лучше, чем чувствовать себя круглым идиотом на поле.

Мы все вздыхаем с облегчением, когда игра заканчивается, в надежде, что теперь увидим Макферсона Железную Руку только через пару дней, но и в следующей игре, на другой день, он занимает круг питчера.

Короче, через пятьдесят два часа после начала плей-оф мы проигрываем 0:3, до вылета из розыгрыша остается одна игра, и никто из нас еще не побывал даже на первой базе. Макферсон не выказывает ни малейших признаков усталости, мячи по-прежнему летят, как из пушки, местные газеты пишут, что средняя скорость полета составляла 287 миль в час, а рекордная — 303 мили.

В тот вечер, топя печаль в баре отеля и размышляя, чем занять себя в период межсезонья, который, судя по всему, начинался у меня с завтрашнего дня, я замечаю Эйнштейна, который сидит в одиночестве, изредка прикладывается к стакану и что-то записывает на компьютере. Я видел его голографии и думаю, если кто может мне помочь, так только он. Подхожу, представляюсь.

Он не реагирует, а кто-то говорит мне, что он глух, слеп и нем. Я спрашиваю, а как же с ним общаются, и мне объяс-

няют, что мой компьютер должен связаться с его компьютером, и тогда он мне ответит.

Я иду к регистрационной стойке, беру напрокат карманный компьютер, возвращаюсь в бар и прошу передать компьютеру Эйнштейна, кто я такой и как я восхищаюсь Эйнштейном, а потом добавить, что у меня возникли осложнения и мне нужна его помощь.

Он пробегается пальцами по клавишам своего компьютера, и тут же подает голос мой: «В чем, собственно, проблема?»

Я спрашиваю, знает ли он что-нибудь о бейсболе, он отвечает, что знания у него минимальные, и я рассказываю, с чем мне пришлось столкнуться, что этот Макферсон может придать мячу скорость 303 мили в час, а я не вижу мяча даже когда его скорость составляет 287 миль.

Он что-то просчитывает в уме, проверяет точность расчетов на своем компьютере, посылает мне следующее сообщение: «Человеческая рука не способна бросить бейсбольный мяч со скоростью, превышающей 127,49262 мили в час».

— Может, и так, — соглашаюсь я, — но замеренная скорость мяча после его броска более чем в два раза выше.

— Вывод очевиден, — отвечает Эйнштейн. — Бейсбольный мяч брошен не человеческой рукой.

И внезапно мне открывается истина. В результате травм у парня появились искусственные колено и глаз. Так чего ему не купить протез руки до того, как воспалились бы сухожилия или локтевой сустав? А если уж ставить протез, почему не остановить свой выбор на том, что своими характеристиками превосходит человеческую руку? Благо, наука позволяет.

Придя к этому выводу, я сообщил Эйнштейну, что он, безусловно, прав, но мне от его правоты пользы никакой, поскольку какой бы ни была рука Макферсона, никто не может отбить брошенный им мяч.

— Это интересная проблема, — ответил Эйнштейн, начал набивать цифры и символы и скоро его пальцы летали над клавиатурой едва ли не так же быстро, как и брошенные Макферсоном мячи. По прошествии пяти минут пальцы остановили свой бег, а на лице Эйнштейна заиграла довольная улыбка.

— Ты еще здесь? — спросил его компьютер.

— Да.

— Я собираюсь передать в твой компьютер сложную химическую формулу. Утром распечатай ее и отнеси в лабораторию местного университета, только там есть все необходимые ингредиенты. Пусть приготовят состав, точно выдержав все соотношения, и поместят в титановую пробирку. Этим составом намажешь биту.

— А что потом? — спросил я.

— Не споткнись на третьей базе, завершая круговую пробежку.

Я его поблагодарил, хотя и не верил, что какой-то мазью можно остановить Макферсона. Утром пошел в лабораторию, выполнил все указания Эйнштейна, получил титановую пробирку, а за час до игры втер ее содержимое в мою биту.

Увидев Макферсона в круге питчера, я без особой радости вышел на поле, потому что в противном случае меня просто бы удалили до конца игры. Встал на базу и приготовился отбивать мяч.

Макферсон размахнулся и бросил его. Что произошло потом, я, честно говоря, так и не понял, но услышал, как что-то грохнуло, будто пистолетный выстрел, и внезапно мяч полетел на левую трибуну, а я трусцой, глупо улыбаясь, побежал по базам. Макферсон же стоял, разинув рот, не веря, что я смог отбить брошенный им мяч.

Он вывел из игры восемь следующих бэттеров, но потом я вновь занял позицию перед кэтчером и опять отбил его мяч. То же самое повторилось и в шестом иннинге, а в девятом я сделал уже четвертую круговую пробежку. По ходу глянул на табло и увидел, что счет по-прежнему не в нашу пользу, 4:7, а на скамейке «Демонов» тишина и покой (действительно, с чего им было волноваться, если мяч отбивал только один бэттер соперников). Я ускорил шаг и догнал Шаку Нджобу до того, как он встал на базу перед кэтчером. Сказал, что он должен взять мою биту, если хочет, чтобы мы выиграли. Объяснять почему времени не было, да и Шака, суеверный, как и большинство бейсболистов, с радостью ухватился за возможность воспользоваться моей счастливой битой.

Макферсон покрутил мяч в ладонях, потер о штаны, поправил козырек бейсболки, изготовился и бросил. Я не увидел ни мяча в полете, ни встречного движения биты. Зато услышал, как первый встретился со второй, а мяч после этого контакта улетел в девятнадцатый ряд центральной трибуны. Тут уж я шепнул пару слов тренеру, и все стали выходить на поле с моей битой.

Еще шесть наших бэттеров отбили мячи и сделали круговые пробежки, прежде чем тренер «Демонов» отправил Макферсона в раздевалку (впервые в сезоне), но мы к тому времени уже выигрывали 11:7. Я здраво рассудил, что против других питчеров моя бита уже не так и нужна, и забрал ее до того, как кто-нибудь успел ее сломать. Как выяснилось, не ошибся. Мы выиграли 11:8.

На следующий день Макферсон вернулся в круг питчера и после его первых пяти бросков мы повели 5:0. Он ушел в раздевалку и больше мы его на поле не видели.

Ту игру мы выиграли, потом две последующие и стали чемпионами. Я нашел Эйнштейна, чтобы поблагодарить его, но он сказал мне, что после трех поражений «Спики II» ставки на исход серии для ставящих на «Спику» составляли тридцать к одному. Он поставил несколько тысяч кредиток и теперь полагал, что получил достаточное вознаграждение за свои труды.

Что же касается Макферсона Железная Рука, то ему в третий раз крупно не повезло на бейсбольном поле. Больше его не взяли ни в одну команду, несмотря на то что мяч после его броска летел со скоростью 303 мили в час.

— Что с ним стало? — спросил я.

— Насколько мне известно, у него мойка космических кораблей на одной из орбитальных станций Дальнего Лондона, — ответил Большой Рыжий.

— Так вот, значит, как тебе удавалось отбивать его мячи! — воскликнул Ставлю-Планету О'Грейди. — Будь я проклят!

— Ты видел игру? — спросил Большой Рыжий.

— Я принял ставку Эйнштейна тридцать к одному, — рассмеялся он. — Не сомневался, что твоей команде не выиграть.

— Вот что происходит, когда ставишь против Эйнштейна.

— То же самое обычно происходит, когда ставишь против меня, — ответил О'Грейди.

— Готов спорить, тебе приходилось играть на большие деньги, — предположил Макс Три Ствола.

— Случалось и такое, — согласился О'Грейди.

— Я слышал, ты поставил три сельскохозяйственные планеты против Тамальских драгоценностей, — вставил Никодемий Мейфлауэр.

— А я, помнится, читала, что ты проиграл в карты целую солнечную систему, а следующим вечером отыграл ее, — добавила Сахара дель Рио.

— Истинная правда.

— А где и когда ты сделал свою самую большую ставку?

— Вы действительно хотите услышать об этом? — Слова эти О'Грейди произнес с видом человека, которому можно заткнуть рот, лишь вырубив его ударом свинцовой трубы по голове.

— Потому и спрашиваем, — ответил за всех Макс.

О'Грейди прошел к стойке, повернулся лицом к аудитории.

— Тогда, пожалуй, я вам расскажу.

ВЕЧЕР, КОГДА СТАВЛЮ-ПЛАНЕТУ О'ГРЕЙДИ ВСТРЕТИЛСЯ С ЭДДИ ВЫСОКИЕ СТАВКИ

Почти что пять лет (начал О'Грейди) люди пытались усадить меня за один карточный столик с Эдди Высокие Ставки, который считался лучшим игроком в карты во всем звездном скоплении Белладонна. Был момент, когда два банка соглашались субсидировать меня на очень крупную сумму, и я слышал, что один корбелианский принц обещал Эдди компенсировать его проигрыш, если б такое случилось.

Однако мы никак не могли встретиться. Он потратил почти три месяца, чтобы поставить на место выскочку по имени Флеш Нижняя Вольта, а когда освободился, я уже уча-

ствовал в игре на звездную систему Уиллоби, которая затянулась на десять недель.

Наконец как-то утром я получил от него приглашение:

Эдди Стронгбоу Высокие Ставки сочтет за честь считать Ставлю-Планету О'Трейди своим гостем, если последний соблаговолит прибыть на планету-казино Монте-Карло IV. Все расходы, за исключением карточных проигрышей, будут оплачены хозяином.

— Вы полетите со мной? — спросила молодая женщина, доставившая мне приглашение.

— Да, почему нет? — Решение я принял мгновенно. — Если уж нам предстоит решить, кто из нас лучший, почему бы не позволить вашему боссу оплатить мои транспортные расходы и выпивку.

— Он надеялся, что вы примите такое решение, сэр, — ответила она.

— Между прочим, а где находится эта Монте-Карло IV?

— Неподалеку от Малого Магелланова Облака, — последовал ответ. — Мистер Стронгбоу выиграл звездную систему Кромвель и несколько месяцев тому назад официально переименовал ее. Позволите помочь вам собрать вещи?

Я похлопал по карману, в котором лежал мой бумажник, и по другому, с приносящими удачу игральными костями.

— Все необходимое при мне.

— Может, возьмете с собой что-нибудь из одежды? — предложила она.

— Новую одежду я куплю на Монте-Карло IV. Все равно платит ваш босс.

Она пожала плечами и повела меня к своему кораблю. В экипаж входили еще три женщины и звались они Королевами Червей, Бубен, Треф и Пик, хотя, по правде говоря, я так и не понял, кто есть кто. Думаю, они меняли имена каждые несколько часов, чтобы запутать меня.

Путь до Монте-Карло предстоял неблизкий, поэтому я воспользовался камерой Глубокого Сна, и они разбудили меня за час до прибытия. После Глубокого Сна мне всегда хочется

есть, оно и понятно, в ней обмен веществ лишь замедляется, но не останавливается, так что калории продолжают расходоваться, поэтому я с жадностью набросился на еду.

Только успел перекусить, как корабль приземлился и меня тут же доставили в пентхауз самого большого, самого сверкающего отеля планеты. С шестью спальнями, три уже с женщинами, восемью или девятью ванными комнатами, множеством каминов и головизоров, двумя набитыми бутылками барами, роботом-барменом (не такой дружелюбный, как Регги) и даже библиотекой с настоящими бумажными книгами, а не пленками, дисками и кубиками-кристаллами. Конечно, я бывал в пентхаузах и получше, но в Монархии, а не за ее пределами.

Только я успел оглядеться и познакомиться с женщинами, как появилась Королева Червей (а может, Бубен) и сообщила, что мой хозяин ждет меня внизу. Я пожелал дамам спокойной ночи и последовал за ней. На первом этаже располагалось огромное, элегантное казино. Я увидел настоящие карты, настоящие кости, реальных, живых дилеров и питбоссов — никаких тебе компьютеризированных голографических дублей, как на Новом Вегасе или Маленьком Монако. Мы пересекли зал, направляясь к стальной двери, по сторонам которой стояли охранники, ростом и статью не уступающие Катастрофе Бейкеру.

— За этой дверью игровая комната мистера Стронгбоу, — объяснила Королева Червей, когда охранники распахнули перед нами дверь. — Она зарезервирована для него самого и его персональных гостей.

Эдди Высокие Ставки сидел на обитом кожей стуле у дальнего конца стола из красного дерева, поверхность которого обтягивало зеленое сукно высочайшего качества. Перед ним стоял наполовину пустой стакан, в левой руке он держал бездымную сигару с Брендиса VII. Ростом ниже, чем я ожидал, с лысой, как бильярдный шар головой, в костюме-трансформере, который то становился римской тогой, то генеральской формой, то бендорианским фраком (надеюсь, вы такие видели? Они светятся в темноте), чтобы опять превратиться в тогу.

Возможно, костюм этот и был последним писком моды, но о самой комнате я такого сказать не мог. Стулья не принимали форму тела, стояли на полу, вместо того чтобы парить над ним, лампы светили с потолка, а не плавали над правым плечом. С другой стороны, комната принадлежала ему, так что интерьер определял он и никто другой.

— Ставлю-Планету О'Грейди, — улыбнулся он. — Вы и представить себе не можете, как мне не терпелось познакомиться с вами. Иногда мне уже начинало казаться, что мы никогда не встретимся.

— Я всегда полагал, что рано или поздно этого не избежать. — Я подошел к нему, пожал руку. — А потом получил ваше теплое приглашение. И решил не тянуть с приездом.

— Ваше присутствие — большая честь для моего скромного заведения. Я надеюсь, что вы согласитесь сыграть со мной.

— Для того я и прилетел.

— Великолепно! Некоторые из местных знаменитостей выразили желание стать свидетелями нашего соперничества. Вы не будете возражать, если...

— Приводите их, — прервал я его. — Я обожаю играть при зрителях.

— Вы не только игрок, но и джентльмен, — просиял Эдди Высокие Ставки. — Я действительно рад, что вы согласились приехать.

Он провел рукой над лежащим на столе кубиком, другая дверь растворилась в воздухе, в комнату вошли несколько мужчин и женщин. Эдди незамедлительно их представил: мэр, генерал, губернатор планеты... Я хорошо запомнил высокую толстуху — местную оперную приму.

Они заняли свои места, и Эдди предупредил: после начала игры никто не должен произносить ни слова. Нарушителю надлежало тут же уйти.

Женщина, которую в этот вечер звали Королева Бубен, принесла дюжину нераспечатанных карточных колод, полдюжины комплектов новеньких игральных костей и дала какие-то указания коренастому молодому человеку, который стоял у рулеточного колеса.

— Что выбираете, Ставлю-Планету О'Грейди? — спросил Эдди Высокие Ставки.

— Я всегда отдавал предпочтение покеру, — признал я.

— Покер так покер, — кивнул он. — Сыграем в настоящие карты? Я терпеть не могу компьютеров.

— Нет возражений.

Он бросил мне колоду, подождал, пока я открою ее. Я проверил карты, убедился, что они не меченые.

— По-моему, чистая колода, — объявил я. — Начнем?

— Во что играем?

— Пятикарточный покер.

— Ставка? — осведомился он.

— Какая вам угодно.

— Как насчет миллиона кредиток? Поднимать можно на пять миллионов минимум. Предела нет.

Шесть наших зрителей одновременно ахнули.

— Согласен. — Я выдержал паузу. — Надеюсь, с кредитом у меня проблем нет?

— До двадцати миллиардов, — ответил он. — Потом потребуется залог.

— Это справедливо, — кивнул я. — Подснимете?

Он сдвинул верхнюю треть колоды, и игра началась.

Я выиграл первую сдачу на парах валетов и шестерок, он — вторую, тремя королями, потом я выиграл четыре подряд, один раз — полной мастью, три — какой-то ерундой, оказавшейся выше его ерунды. Когда осела пыль, я стал богаче на двести миллионов кредиток.

— Вы действительно мастер. — Эдди Высокие Ставки отпил из своего стакана. — Продолжим?

— Ваша сдача.

Следующие шесть партий игра шла с переменным успехом, а потом я выиграл три партии подряд и мой выигрыш составил полмиллиарда кредиток.

— Давайте оживим игру, — предложил он.

— Готов вас выслушать, — ответил я.

— Миллиард за партию.

Коллективный «ах» зрителей я проигнорировал.

— Согласен.

Эту партию я тоже выиграл.

— Как насчет двух миллиардов?

— А потом четырех, восьми, шестнадцати и так до вашего выигрыша? — спросил я. — Это не игра. Математическая неизбежность.

— Хорошо, — кивнул он. — А что вы предлагаете?

— Вы действительно хотите оживить игру?

Он оглядел комнату и кивнул, чего я от него, собственно, и ждал. Не мог он потерять лицо в присутствии друзей.

— Сколько денег у вас под рукой? — спросил я.

— В этой комнате?

— Во всем казино.

Он прикинул в уме.

— Порядка восемнадцати миллиардов.

— И вам принадлежит звездная система Монте-Карло, так?

— Все четырнадцать планет.

— Включая права на добычу полезных ископаемых?

— Разумеется.

— Хорошо. Это будет ваша ставка. Я поставлю все деньги, выигранные здесь, плюс пятнадцать миллиардов на моем счету в банке Делуроса и право собственности на девять планет звездной системы Танигучи. В прошлом месяце в тамошнем астероидном поясе нашли алмазы.

— Во что играем? — подозрительно спросил он.

— Одна партия, в открытый покер, победитель получает все.

— Открытый покер? Никогда о таком не слышал.

— Правила очень простые. Все карты выкладываются картинками вверх, мы выбираем по пять карт. Потом каждый имеет право сбросить четыре и взять четыре других. Вот и все.

— Победителя не будет. Допустим, вы подберете себе стрит-масть, а я отвечу тем же.

— Вот что я вам скажу. Если карты будут одинаковые, победа остается за вами. Для выигрыша мои карты должны быть выше ваших.

— Повторите еще раз.

Я повторил.

— И никакого превосходства мастей, как в бридже? — не успокаивался он. — Тройка червей не старше тройки пик?

— Само собой, — ответил я. — И вот что еще. Я возьму карты первым, чтобы вы видели мой выбор, прежде чем сделать свой.

Он еще пять минут задавал вопросы, прежде чем мы подписали документ с предложенными мною условиями.

Вот так я сорвал банк в Монте-Карло.

— Одну минуту! — возбужденно воскликнул Макс Три Ствола. — Ты, похоже, держишь нас за дураков.

— Отнюдь. — О'Грейди самодовольно улыбнулся.

— Ты просто не мог выиграть эту партию!

— А ты не полагайся на мое слово, — ответил О'Грейди. — Кто в «Аванпосте» самый умный?

— Эйнштейн.

— Спроси его.

— Он слепой, глухой и немой, — фыркнул Макс. — А если этого мало, еще и никогда в жизни не играл в покер.

— Одну минуту, — Большой Рыжий повернулся ко мне. — Томагавк, твой Регги может передать все эти правила компьютеру, который Эйнштейн всегда держит в руке?

— Почему нет? — пожал плечами я.

— Ему потребуется не один час, чтобы овладеть только основами игры, — запротестовал Макс.

— Плохо ты знаешь Эйнштейна. — В голосе Большого Рыжего слышался укор.

Я отдал Регги соответствующие указания, он загудел и зажужжал, точно так же как и компьютер Эйнштейна, который потом начал что-то печатать на ладони левой руки владельца. Двадцать секунд спустя Эйнштейн улыбнулся, впервые за те несколько месяцев, что он провел в «Аванпосте», и его пальцы забегали по клавиатуре компьютера.

Регги вновь загудел, а потом сообщил монотонным голосом: «Эйнштейн говорит, что О'Грейди не мог проиграть».

— Что ж, если Эйнштейн не глупейший гений Пограничья, то я не знаю, кто может быть глупее его! — воскликнул Макс.

— Ты абсолютно уверен, что мы с Эйнштейном ошибаемся? — спросил О'Грейди.

— Именно так.

— И готов поставить сотню кредиток?

— Настоящие карты, как в Монте-Карло?

— Да.

— Новая колода, те же правила?

— Новая колода, те же правила, — согласился О'Грейди.

Макс вытащил из кармана сотенную, бросил на свой столик.

— Играем.

О'Грейди сел напротив него, я достал новую колоду, распечатал, принес им.

— Ты набираешь карты первым, — напомнил Макс.

— Знаю.

— И при одинаковых картах победа за мной.

О'Грейди разложил на столе пятьдесят две карты, картинками вверх. Я думал, он наберет стрит-масть или четырех тузов. Вместо этого он взял четыре десятки.

Потом повернулся к Сахаре дель Рио, которая нависла над его плечом.

— Выбери для меня пятую карту, дорогая.

— Но я не знаю правил игры, — запротестовала она.

— Это не имеет значения, — заверил ее О'Грейди. — Можешь брать любую.

Она пожала плечами, протянула руку и взяла двойку бубен.

— Спасибо, дорогая моя, — поблагодарил ее О'Грейди и посмотрел на Макса. — Твоя очередь.

Макс тут же схватил четырех тузов и короля.

— Значит, пустил в ход тяжелую артиллерию, — прокомментировал О'Грейди.

— Посмотрим, чем ты сможешь их перебить, — задиристо ответил Макс.

— Перебью, — пообещал О'Грейди. — Время сбрасывать карты и брать новые, не так ли?

— Валяй.

О'Грейди сбросил три десятки и двойку, а к оставшейся десятке подобрал стрит-масть, начиная с короля.

— Твоя очередь, Макс.

Макс посмотрел на свои карты, потом на карты О'Грейди, опять на свои.

— *Дерьмо!* — проревел он.

— Вот видишь. Моя стрит-масть бьет твоих четырех тузов, а поскольку десяток нет, ты не можешь набрать стрит-масть с картинками. Самой старшей твоей картой будет девятка.

— А если бы я сразу начал со стрит-масти, а не с четырех тузов?

— Какая разница? Все равно выше девятки ты бы не поднялся.

— Минутку, — вмешался Адский Огонь ван Винкль. — Допустим, он взял бы четыре девятки. Ты не смог бы оставить четыре десятки, потому что при сбросе он бы мог взять четыре туза или собрать стрит-масть. Что бы ты сделал?

— Сбросил бы три десятки и двойку и набрал бы королевскую стрит-масть, с тузом, — ответил О'Грейди. — Без десяток перебить ее ему бы не удалось. — Он протянул руку, взял сотенную, аккуратно сложил, сунул в карман. — Недорогой урок, учитывая, как часто каждый из вас, покинув «Аванпост», воспользуется им. — Он улыбнулся. — Только не в окрестностях Монте-Карло IV... С чувством юмора там не очень...

— У тебя есть и другие трюки, о которых ты мог бы нам рассказать? — спросил Макс.

— Только не за паршивую сотню кредиток. — Тут он заметил, что Вилли Бард торопливо заполняет очередную страницу блокнота. — Эй, вот этого записывать как раз и не надо.

— Он — Бард, — заметил я. — И записывает все.

— Записывает *все?* — переспросил Катастрофа Бейкер.

— Да. Он — наш летописец. Когда-нибудь благодаря ему ты станешь знаменитым.

— С этим у меня и так хорошо.

— И я не хочу, чтобы миллионы людей узнали о том, что я провернул на Монте-Карло, — поддержал его О'Грейди. — Могу рассказать об этом горстке людей, собравшихся у черта на куличках, но вот в книге писать об этом незачем. Возможно, этот трюк мне еще понадобится.

— Не волнуйтесь, — ответил Бард. — Пройдет двадцать, а то и тридцать лет, прежде чем я подготовлю книгу к публикации.

— И как давно ты работаешь над своим шедевром? — спросил Бейкер.

— С того дня, как Томагавк открыл «Аванпост».

— Сколько страниц ты исписал?

— Давно потерял счет. Но после правки надеюсь уложиться в четыре тысячи.

— До половины уже дошел?

— Еще нет.

Бейкер улыбнулся.

— И кто-то опубликует такую книгу?

— Это не моя забота. — Бард пожал плечами. — Мое дело — написать ее.

— Никогда не понимал людей искусства.

— Эй, здравого смысла у нас ничуть не меньше, чем у остальных, — вмешался Маленький Майк Пикассо. — А то и побольше, чем у многих.

— Возможно, — не стал спорить Бейкер. — По правде говоря, и среди моих знакомых был только один такой человек.

— Художник? — спросил Маленький Майк.

Бейкер покачал головой.

— Оперная певица. Слышал когда-нибудь о Мелоди Дуве?

— Скорее нет, чем да.

— Дива Дува. — В голосе Никодемия Мейфлауэра слышалось восхищение. — Я видел несколько ее голофильмов. У нее был потрясающий голос. Что с ней случилось?

— Она стала жертвой неудачного столкновения техники и искусства, — ответил Катастрофа Бейкер.

— Похоже, нас ждет неплохая история, — предположил преподобный Билли Карма.

— Да нет, рассказывать особо нечего, — качнул головой Бейкер. — Телосложением она не отличалась от других известных оперных певцов, другими словами, весила триста пятьдесят фунтов. Поэтому и любила планеты с низкой гравитацией, на которых могла передвигаться с грацией танцовщи-

цы. В последний раз она выступила на Новом Самарканде, в возобновленной постановке «Тоски».

— Я видел этот голофильм.

— Должно быть, ты видел более раннюю постановку, — возразил Бейкер. — Эта прошла только один раз и записать ничего не успели.

— А что произошло?

— Новый Самарканд — теплая планета, поэтому все постановки идут у них в огромном амфитеатре под открытым небом. Тоска, как известно, кончает жизнь самоубийством, бросившись с высокой башни. Обычно они укладывали за сценой несколько воздушных матрасов, чтобы певица не разбилась. Но габариты Дивы Дувы заставили их заменить матрасы гидробатутом.

— Гидробатутом? — хмурясь, переспросил Макс.

Бейкер кивнул.

— Она полетела вниз, ударилась о гидробатут и полетела вверх. Как я вам уже говорил, гравитация на Новом Самарканде низкая. Она набрала первую космическую скорость и столкнулась с грузовым кораблем около одной из лун планеты. — Он вздохнул. — На следующий день они убрали гидробатут и поставили водяной бассейн для ее дублерши. — Бейкер печально покачал головой. — Никто не удосужился спросить у бедной девушки, умеет ли она плавать.

Они переваривали историю в гробовом молчании. Первым подал голос Макс.

— Ты абсолютно уверен, что это правда?

Бейкер воинственно вскинул челюсть.

— Ты сомневаешься в моей честности?

— Нет, что ты, — заверил его Макс. — Только в твоей памяти.

— Конечно, некоторых память подводит. — Бейкер расслабился.

И тут в «Аванпост» вошел Ахмед Альфардский, в светящихся одеяниях и сверкающем тюрбане. Над Катастрофой Бейкером и Большим Рыжим он возвышался минимум на фут, и куда больше над остальными.

— Добрый вечер, господа, — поздоровался он, затем поклонился в сторону Золушки и Матери Земли. — И, разумеется, дамы. — Посмотрел на меня. — Война приближается, Томагавк.

— Кому-нибудь удалось определиться, с кем предстоит воевать? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Тогда с чего ты решил, что началась война?

— Они стреляют по кораблям Флота.

— Да, это похоже на войну, — вздохнул Макс.

— И сколь они далеко? — спросил я.

— Кто знает? — неопределенно ответил Ахмед. — Все зависит от того, как часто и как точно стреляет Флот.

— Я бы особо не беспокоился, — высказал свое мнение Могильщик Гейнс. — Ни одна война не забиралась в такую глушь.

— И эта не заберется, — уверенно заявил Никодемий Мейфлауэр и даже кивнул в подтверждение своих слов.

— А если заберется, они пожалеют о том, что не двинулись в каком-то другом направлении, — вставил Катастрофа Бейкер. — Пусть только посмеют помешать мне выпивать и общаться с друзьями. Я убивал людей за куда меньшие прегрешения.

— А разве есть большее прегрешение? — полюбопытствовал Макс Три Ствола.

— На ум вроде бы не приходит, — признал Катастрофа Бейкер.

Вновь открылась дверь и вошли Сидящий Конь и Неистовый Бык*. За стенами, как обычно, завывал ветер и их покрывала красная пыль, которая при тихой погоде толстым слоем лежит на поверхности Генриха II.

Одежда из кожи плюс головные уборы с перьями не очень-то вязались с шарообразными, оранжевыми, покрытыми гус-

* Автор переиначивает имена двух известных индейских вождей, одних из самых почитаемых героев народности сиу, Сидящего Быка и Неистового Коня.

той шерстью, трехногими инопланетянами, но за долгие годы мы к этому привыкли.

— Эй, Томагавк... — начал Неистовый Бык.

— Знаю, знаю, — оборвал я его. — Война надвигается.

— Какая война? — спросил он.

— Если б я знал, — ответил я. — Начнем еще раз.

— Конечно, — дружелюбно согласился Неистовый Бык. — Эй, Томагавк, пару «Синих ангелов» для меня и моего напарника.

— Занятное название, — отметил Бейкер. — Налей-ка и мне.

— Тебе не понравится. — Сидящий Конь взял стакан. — Для людей это яд.

— Правда?

— Правда.

— Отменяю заказ, Регги. Между прочим, с чего это трехногие оранжевые мохнатые мячи начали одеваться, как индейцы?

— Мы с Велитаса IV, — ответил Сидящий Конь.

— Никогда не слышал о такой планете.

— Потому что теперь она называется иначе, — объяснил Сидящий Конь.

— Нас колонизировали потомки великого племени сиу, — продолжил Неистовый Бык. — Но вместо того чтобы эксплуатировать нас, они разделили с нами свои знания и культуру, и в конце концов мы стали братьями по крови и взяли индейские имена. Мы даже переименовали планету. Теперь она называется Биг-Литтлхорн IV. — Он помолчал. — Сидящий Конь и я, мы стали завсегдатаями «Аванпоста», потому что нам нравится любой человек, называющий себя Томагавком.

— Спрашиваю только из любопытства, — не унимался Бейкер, — кто-нибудь из вас видел лошадь или быка?

— Нет, но мы видели много Неистовых людей и еще больше тех, кто проводил свое время сидя, когда следовало что-то делать.

— Ну, это не про меня, — ответил Бейкер. — А будь моя воля, я бы стал Джеронимо*.

* Джеронимо (1829—1909) — вождь племени чирикауа, возглавил сопротивление индейцев в 1885—86 гг.

— А я Джимом Торпом*, — вмешался Большой Рыжий.

— А я — Покахинтас**, — вставила Золушка.

— Так прилетайте на Большой Малый Рог и возьмите себе имена, какие хотите, — предложил Сидящий Конь.

— А в дополнение к именам каждую субботу вы сможете наносить на лицо боевой раскрас, — добавил Неистовый Бык.

— И сколько жен разрешено иметь индейцу? — спросил Бейкер.

— Со сколькими бы женщинами ты смог жить? — задал встречный вопрос Сидящий Конь.

— Если исходить из моего достаточно долгого и обширного опыта, в итоге получается, что меньше чем с одной, — ответил Бейкер.

— Видишь? — кивнул Сидящий Конь. — На поверку выходит, что ты совсем и не инопланетянин.

— Я вообще-то думал, что инопланетяне — вы.

— Для нас мы — не инопланетяне.

Они унесли стаканы с «Синим ангелом» за столик и начали играть в какую-то игру, с картами, камешками и перышками.

— Я вот думаю, а чего мы должны тревожиться из-за этой войны, — подхватил разговор преподобный Билли Карма.

— Они трижды подумают, прежде чем атаковать «Аванпост», — изрек Макс. — Все-таки здесь обретаются живые легенды. Им не захочется с нами связываться.

— Если это безбожные хлордышащие, они, возможно, и не знают о нас, — резонно указал Карма. — А может, у них другие легенды.

— Если они — безбожные хлордышащие, к Генриху II интереса у них не больше, чем у нас — к их родной планете. — Никодемий Мейфлауэр улыбнулся своей шутке и лицом, с вдовьим пиком и длинным крючковатым носом, превратился в

---

* Торп, Джеймс Френсис (1888—1953) — величайший спортсмен первой половины XX века, американец с индейскими корнями. Олимпийский чемпион, профессиональный футболист и бейсболист.

** Покахинтос (1595—1617) — дочь вождя Поухатана, вышла замуж за колониста, в 1616 году была с почестями принята королем и королевой Англии. В 1995 г. кинокомпания У. Диснея выпустила полнометражный мультфильм, посвященный Покахинтас.

дьявола, как я его представлял. Возможно, поэтому он и взял себя имя Никодемий.

— Я хочу прямо заявить, утверждений, если инопланетян — значит безбожник, я не приемлю. — Аргиль засиял, как рождественская елка.

— Ты веришь в Бога? — в лоб спросил его Карма.

— Я верю в тридцать различных и одинаково выдающихся богов, — гордо ответил Аргиль. — В моем пантеоне их на тридцать шесть больше, чем у тебя.

— То есть ты язычник.

— То есть у тебя ограниченный кругозор.

— Впрочем, совершенно не важно, во что ты веришь, — продолжал Карма. — Иисус все равно умер и за твои грехи.

— Никак не могу понять, как вы можете обожествлять того, кто не сумел даже спасти себя. Да еще носите изображение креста, который его убил. Это очень уж напоминает психическую некрофобию.

— За это ты мне ответишь! — вскричал Билли Карма, поднимая сжатые в кулаки руки.

Аргиль прыгнул вперед и нанес резкий удар в подбородок. Тут же отступил, а преподобный медленно осел на пол.

— Тебе не победить того, кто молится Балакстибо, богу самозащиты, — торжествующе воскликнул Аргиль.

— Он — один из тридцати семи? — осведомился Бейкер.

— Да, — кивнул Аргиль. — Хотя мой фаворит — Уилксибоет.

— Это еще кто?

— Бог сексуальной потенции.

Преподобный Билли Карма застонал, сел, потирая подбородок.

Аргиль протянул ему руку.

— Не обижаешься?

— Нет, — ответил Карма. — Помоги мне встать, а? — Встав, повернулся к Регги. — Эй, Регги, смешай мне и моему другу по высокому стакану. Пошли, Аргиль, удивительный ты наш инопланетянин. — Обнял его за переливающиеся разноцветьем плечи и повел к столику. — Нам надо о многом переговорить.

— Правда?

Карма кивнул:

— Давай начнем с Уилксибоета.

— Уилксибоет, — задумчиво повторил Бард, оторвавшись от блокнота. — Звучит.

— Как вышло, что ты не пользуешься ни диктофоном, ни компьютером? — спросил Катастрофа Бейкер, который подошел к нему и заглянул через плечо на исписанную страницу.

— Это не искусство.

— В чем разница между фиксацией наших разговоров на магнитный носитель и записью на бумаге?

— Я приукрашиваю текст.

— А с помощью компьютера это сделать нельзя?

Бард на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Не люблю машины.

— Если уж на то пошло, я их тоже не люблю, — признал Бейкер. — Просто подумал, что компьютер ускоряет процесс.

— Он может написать мою книгу в двести тысяч раз быстрее, чем мое перо, — согласился Бард. — Но, поверь мне, из-под пера вы выйдете куда более красивыми.

— Шлифуешь острые углы, да?

— Или добавляю, — ответил Бард. — Всяко бывает.

— Предлагаю тебе сделку, Вилли. — К ним присоединился Маленький Майк Пикассо. — Дай мне десять процентов аванса, и я проиллюстрирую твою книгу. Сделаю рисунки всех, кто бывает в «Аванпосте».

— Дельное предложение. При условии, что ты согласишься подождать, пока я не продам рукопись.

— Конечно. Нет проблем.

Бард долго смотрел на него.

— Тогда по рукам. А теперь поделись со мной истинной причиной, заставившей тебя сделать такое предложение.

Маленький Майк указал на Силиконовую Карни.

— Я умру, если не смогу нарисовать ее.

Бейкер проследил за его рукой и впервые увидел ее.

— Если ты хочешь только нарисовать ее, значит, у тебя не все в порядке с головой.

Силиконовая Карни поднялась, и в зале все замерло. Никто не говорил, не пил, не играл в карты. Напрягшись, можно было услышать, как одна молекула стукается о свою соседку. Такое впечатление производила она на мужчин.

Я кое-что о ней знал. Не много, но достаточно, чтобы понять, откуда взялось ее имя. С силиконовой половиной все было просто: редко кто из стройных женщин может похвастаться пятидесятидюймовым бюстом с торчащими вперед сосками. Карни, как я понимал, от карнавала: ее тело покрывали произведения искусства, не просто татуировки, а какие-то картины инопланетян, которые находились в непрерывном движении и переливались разными цветами, так что она сияла, как бесценное украшение.

Тишину нарушил Бейкер.

— Клянусь Богом! — воскликнул он. — Впервые вижу одно произведение искусства поверх другого, еще более красивого!

Силиконовая Карни одарила его улыбкой.

— Тебе нравится? — промурлыкала она с акцентом, происхождение которого мне за пять лет так и не удалось установить.

— Мэм, — он скинул жилетку и рубашку, — у меня тоже неплохие татуировки, как ты сама можешь в этом убедиться, но я признаю, что в сравнении с твоими они — ничто. И, уж конечно, нарисованы не на столь прекрасном холсте.

Насчет татуировок Бейкера я не ошибся: они встречались в страстном и порнографическом объятии на его груди, чтобы тут же убежать на руки и вернуться на грудь.

Силиконовая Карни посмотрела на него и захихикала. Как мне показалось, даже покраснела, хотя утверждать, со всеми этими переливающимися цветами, я не могу. Да и никакого значения это не имело. Когда она смеялась, она тряслась, а когда тряслась, у сильных мужчин перехватывало дыхание.

— Какой нежный, серебристый у тебя смех. — Голос Бейкера переполняло восхищение. Он надел рубашку. — Думаю, однажды я уже слышал такой же.

— И кто же так смеялся? — спросил Макс.

— Как ни странно, единственная татуированная танцовщица, которую я знал, — ответил Бейкер. — Женщина удивительной красоты, но не обладающая такими достоинствами, — он выразительно посмотрел на бюст, — как эта очаровательная дама.

— Так расскажи нам о ней, — попросил Макс.

Бейкер покачал головой.

— Это длинная и трагическая история, и мне совсем не хочется ее вспоминать.

— Я бы хотела послушать ее, — улыбнулась Силиконовая Карни.

Бейкер мгновение молчал, словно обдумывал ее просьбу, потом пожал плечами.

— Хорошо, мэм. Это болезненные воспоминания, но я взял за правило никогда не отказывать женщинам, особенно таким красивым, мэм. Если ты хочешь ее услышать, так и будет. Но сразу предупреждаю, не рассчитывайте на счастливый конец.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР И СИРЕНА СЕРЕБРЯНОЙ ЖИЛЫ

Все началось с того (повел рассказ Бейкер), что я решил проведать моего давнего друга, Кровавого Бена Мастерса, который первым добрался до месторождений серебра на Серебряной Жиле. Заработал несколько миллионов кредиток на самом металле, продал принадлежащие ему участки еще за несколько миллионов, построил замок, оградив его рвом, заполненным кислотой, и вышел на пенсию.

Прилетев на Серебряную Жилу, я к своему сожалению узнал, что бедняги Бена более нет среди живых. Как-то вечером он сильно набрался и решил проверить, сможет ли переплыть ров, ни разу не вдохнув. Полагаю, ему это удалось, потому что буквально через три секунды после того, как он нырнул в кислоту, дышать ему уже было нечем. Короче, у меня появилось свободное время, и я отправился в

город, чтобы посмотреть, как развлекаются местные жители, когда не режут друг другу глотки из-за фунта серебра. Как выяснилось, в городе гастролировал Карнавальный парк аттракционов Дока Небучаднеззара.

С типичным набором, включающим колесо обозрения с нулевой гравитацией, Вавилонскую башню для мужчин, Дворец Гоморры для женщин. Желающие могли померяться силой с трамболианцами, фокусник предлагал распилить любую женщину пополам, но, насколько я помню, не обещал собрать из половинок единое целое, народ развлекали шестирукие жонглеры, но меня все это как-то не заинтересовало.

Я уже собрался уходить, когда заиграла труба, на летающей платформе появился какой-то недомерок в золотом костюме и объявил, что наступил момент, которого мы все ждали. Так что теперь, всего за двадцать кредиток, каждый может лицезреть Сирену Серебряной Жилы во всем ее сексуальном великолепии.

Что ж, в последний раз я видел, чтобы так много людей так быстро переместились из одного места в другое, на Билбау II. Мы с Кровавым Беном в очередной раз повздорили, я вышвырнул пару столов для покера в окно, чтобы освободить место для доброй драки, а он отправил бармена следом за столами и признал, что это очень неплохая идея. Я и решил, раз народ так ломанулся на обещанное зрелище, значит, оно стоит двадцати кредиток, подвинул тех, кто мешался под ногами, не обращая внимания на вопли злобы и боли, и протянул кассиру деньги.

Войдя под купол, протолкался вперед, практически никого не задев, за исключением шести или семи мужчин, которые не соизволили быстро уступить дорогу гостю их планеты, и сел.

Ждать долго не пришлось. Едва я опустился на стул, заиграла музыка и на сцене появилась Сирена Серебряной Жилы. Можете мне поверить, на тот момент более прекрасной женщины я не видел. Волосы достигали талии и отдельные пряди она последовательно покрасила в разные цвета: красный, синий, желтый, зеленый. Получилось здорово.

Она подняла перед собой полупрозрачную простыню или полотенце и начала танцевать. Тут я заметил, что из одежды на ней только туфельки, а остальные ее волосы также раскрашены в несколько цветов. И в тот же момент без памяти в нее влюбился.

Просто не мог понять, как такая очаровашка может работать в бродячем парке развлечений, и вдруг мне пришло в голову, что старый Небучаднеззар, должно быть, похитил ее еще маленькой девочкой, до того, как она расцвела неземной красотой, и теперь она ждет появления героя, чтобы тот спас ее от этой рабской жизни и отвез домой, где она стала бы танцевать только для него, тем самым выражая свою благодарность.

Я подождал, пока танец закончится. Потом зрители еще минут пять выражали свой восторг аплодисментами, топаньем ног и свистом. Наконец купол опустел, я поднялся на сцену, нашел маленькую дверку, ведущую за кулисы, вошел в нее и через несколько секунд очутился в уборной Сирены.

В чем мать родила, она сидела на маленькой табуретке, парящей над полом перед туалетным столиком и трехмерным зеркалом, и расчесывала многоцветные волосы. На стенах висели многочисленные голографии, изображавшие ее в разной степени раздетости, на полке стояли куклы, на комоде тявкали уродливые фарфоровые собачки, там же стояли картинки инопланетных детей, большеглазых и очень похожих друг на друга, хотя среди них были четырехрукие, инсектоиды и даже хлордышащие.

Увидев мое отражение в зеркале, Сирена повернулась ко мне.

— Кто ты? — пожелала знать она, напрочь забыв о том, что полностью раздета, а может, ее это и не волновало.

— Я — Катастрофа Бейкер, пришел, чтобы признаться тебе в вечной любви и спасти от этой чудовищной рабской жизни.

— Я польщена, — она оглядела меня с головы до ног, — но не хочу, чтобы меня спасали.

— Только потому, что док Небучаднеззар зомбировал тебя, — объяснил я. — Несколько месяцев полетаем по галактике, и мозги у тебя прочистятся. Что скажешь, Сирена?

— Скажу — нет, и меня зовут не Сирена.

— Тогда как же? — спросил я. — Раз уж нам предстоит провести остаток жизни в интимной близости, полагаю, я должен знать твое имя.

— Я — Мелора, но никакой близости не будет.

— Мелора, — повторил я. — Это судьба.

— Почему?

— Я всегда таял перед обнаженными сиренами по имени Мелора, — ответил я. — По моему разумению, Мелора — самое чистое, самое добродетельное имя во Вселенной.

— Я тебя не звала. А теперь — уходи.

— Я не могу допустить, чтобы ты и дальше влачила столь жалкое существование.

— Я здесь безмерно счастлива. И мучаюсь только последние три минуты.

— Ты все не так поняла, — объяснил я. — Я — герой, по крайней мере когда не убегаю от всяких разных жандармов, и главное дело моей жизни — спасать непорочных дев, попавших в беду.

— Я не в беде, — стояла она на своем. — А теперь оставь меня одну.

— Оставить тебя одну? — переспросил я. — Но я тебя люблю.

— А я тебя — нет! — отрезала она.

— Только потому, что плохо меня знаешь. После десяти или двенадцати лет, проведенных вместе, ты влюбишься в меня по уши.

— Что мне нужно сделать, чтобы заставить тебя уйти? — спросила она.

И тут я понял, что происходит: она приняла меня за типичного немытого и необразованного старателя, которые составляли абсолютное большинство ее аудитории. Вот и решил, что пора показать ей, что я — другой, сказать какую-нибудь романтическую фразу, которая тронет ее сердце. Порылся в памяти, вспоминая любовные истории, которые читал в молодости, и наконец нашел то, что нужно.

— Мелора, — я приложил руку к сердцу, чтобы подчеркнуть мою искренность, — мой любовный двигатель жаждет тебя.

— Можешь взять свой любовный двигатель и засунуть его сам знаешь куда! — огрызнулась она.

— Именно об этом я и думаю. — Я порадовался, что мой план блестяще удался. — Так приятно осознавать, что наши намерения совпадают.

Она встала, подошла к стене, сняла с крючка халат, надела его, повернулась ко мне лицом, уперев руки в бока.

— В последний раз спрашиваю: ты уйдешь по собственной воле?

— По собственной — нет, — твердо заявил я. — Один — нет.

— Хорошо. Только потом не говори, что я тебя не предупреждала.

Она открыла рот и начала кричать, с каждым мгновением все громче и пронзительнее. Скоро треснуло зеркало, на туалетном столике затряслись и посыпались с него стеклянные безделушки, к тому времени, когда она добралась до соль, миновав фа, из моих зубов повыпадали все пломбы, а она продолжала двигаться к ля. Я еще услышал, как за куполом люди кричат от боли, а потом провалился в темноту. Когда очнулся, почувствовал, как она ладонью шлепает меня по щекам, услышал, как она говорит: «Пора просыпаться».

— Что произошло? — пробормотал я. Фарфоровые собачки больше не тявкали, от них остались одни осколки, маленькая, но радость.

— Меня не просто так зовут Сиреной Серебряной Жилы, — с самодовольной улыбкой ответила Мелора.

— Ладно, ты — сирена. — Я осторожно прошелся языком по дыркам в зубах. — Но зачем ты это сделала?

— Потому что я никуда не собираюсь уезжать, а тебя следовало в этом убедить.

— Но почему? — настаивал я.

Она посмотрела на меня.

— Потому что я — док Небучаднеззар. Мне принадлежит это шоу и Сирена Серебряной Жилы зарабатывает кучу денег.

— Так чего ты сразу мне этого не сказала? — удивился я. — Если ты не можешь уехать, я останусь с тобой.

На этот раз она таки добралась до си.

— Мне нравится жить одной, — объяснила она, когда вновь привела меня в чувство.

— Очаровать тебя трудно, — признал я, — но Катастрофа Бейкер не из тех, кто сразу сдается.

Еще три или четыре раза она вгоняла меня в небытие, но, наконец пришел кто-то из местных и попросил ее угомониться, потому что в радиусе трех миль не осталось ни одного целого окна.

— Теперь ты уйдешь? — спросила она, когда я снова пришел в себя.

— Хорошо, хорошо, я все понял. Но придет день, когда ты пожалеешь о том, что отвергла искреннюю и беззаветную любовь, которую я предлагал тебе всего лишь за пятьдесят процентов дохода твоего парка развлечений.

Но ничто не могло убедить ее, и скоро я осознал, что меня просто ослепила ее красота, а может, крашеные волосы. Поэтому, побывав у дантиста и приведя зубы в порядок, я вновь очутился среди звезд, как и прежде, в одиночестве, постарев на пару дней, но став гораздо мудрее.

Силиконовая Карни хохотнула:

— Теперь я понимаю, почему тебя зовут Катастрофа!

— Для того есть и другие, не менее веские причины, мэм, и я уверен, что выжившие перечислят их тебе... если кто-то из них смог покинуть больницу.

— Люди постоянно говорят и поют о неразделенной любви, — констатировала Сахара дель Рио.

— Разумеется, — согласился с ней Ахмед Альфардский, в котором человеческого было, возможно, меньше, чем в большинстве остальных. — Это самое облагораживающее чувство.

— И нет ничего более раздражающего, — вставил Макс Три Ствола.

— А какая от нее польза? — спросил Аргиль, который сидел в углу с преподобным Билли Кармой. — Когда приходит пора произвести потомство, когда у самки «течка», тогда самцы борются за право соединить свои гены с ее, а потом все успокаиваются до следующего сезона ураганов.

— У нас все по-другому, — ответил Катастрофа Бейкер.

— Хорошо, — не стал спорить Аргиль, — до следующего сезона буранов. Велика разница.

— Этот момент ты уловил, — вмешался Ставлю-Планету О'Грейди. — Мужчины борются за женщин. А иногда, как в случае, о котором рассказал наш друг Бейкер, просто за существование.

— Ты думаешь, женщины не должны бороться? — с застенчивой улыбкой спросила Золушка. — Мы прилагаем ничуть не меньше усилий, только все делаем тоньше.

— Со всей этой борьбой хочется задаться вопросом, а остаются у кого-нибудь силы на сам процесс? — спросил Аргиль.

— Бывает, что и нет, — согласился Макс. — Стыдно, конечно, но что делать?

Внезапно заговорил старик, сидевший в самом дальнем углу:

— Что ты об этом знаешь? Что вы все об этом знаете? Есть только одно слово, которое может сие описать. И слово это — трагедия.

— Что может быть трагичного в сексе? — удивился Бейкер.

— Я говорю не о сексе, — ответил старик. — О любви.

— Кто ты, и что ты об этом знаешь?

— Меня зовут Странник Джонс, и я ищу свою любовь больше сорока лет.

— Странник Джонс! — воскликнул Никодемий Мейфлауэр. — Не о тебе ли я слышал на Бараймие V?

— Не можешь ты быть тем Странником Джонсом, о котором я слышал на Сверкающей Синеве, — пробормотал Макс.

— Вроде бы Странник Джонс был на Новой Бирме, во Внешнем Пограничье, — добавил Могильщик Гейнс.

— Это все я, — ответил старик. — Я бывал на этих трех мирах и еще на семистах других.

— Ты — исследователь? — спросил Большой Рыжий.

— Нет, хотя на некоторые планеты моя нога ступала первой.

— Искатель приключений?

— Нет, хотя на мою долю их выпало немало.

— Тогда кто? — спросил Большой Рыжий.

— Я искал не приключения — человека. Вот моя грустная и трагическая история.

ТРАГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ СТРАННИКА ДЖОНСА

Я не собирался становиться первооткрывателем двухсот или трехсот планет, не было у меня желания стать миллионным человеком, ступившим на землю еще нескольких сотен планет. Я хотел лишь одного: найти мою Пенелопу.

Искать я ее начал... один момент... сорок три года, восемь месяцев и девятнадцать дней тому назад. Первая планета, на которую я прилетел, была Кастор XII. Ее там, естественно, не оказалось.

Потом я побывал в системе Нельсон, на всех кислородных планетах системы Рузвельт. Даже приземлился на Вальпургии III, едва ли не самой странной из увиденных мною планет, но не нашел ее и там.

Я продолжал искать. Обследовал Внутреннее Пограничье, Монархию, Спиральный Рукав, Внешнее Пограничье, даже Большое и Малое Облака, но нигде не обнаружил ее следа. После того как стало ясно, что это будет эпическое путешествие, я переименовал мой корабль в «Летучего голландца».

В этом путешествии чего я только не увидел. Однажды стоял на вершине самой высокой горы в галактике. В другой раз ходил по дну глубочайшего хлорного океана. Выбрасывал алмазы размером с грецкий орех, потому что набил карманы более крупными. Убивал животных, в сравнении с которыми кораземы Адского Огня ван Винкля — домашние зверушки.

Я отказался стать королем Пурпурной планеты, отверг ухаживания женщины, которая красотой превосходила Золушку и Силиконовую Карни. Дорогие дамы, только не подумайте, что я хочу вас обидеть, вы прекрасны. Потому что знал — нельзя связывать себя узами, политическими или романтическими, и, разумеется, Пенелопа должна была стать моей первой и единственной женщиной.

В какой-то момент я даже заручился поддержкой Золотой Банды. Они могли найти спрятанные сокровища и утерян-

ные шедевры, но с Пенелопой потерпели неудачу. Я отправился на Домар и оплатил услуги их Мастера-телепата. Он мог читать мысли всех людей в радиусе пятидесяти тысяч световых лет, но и он не сумел подсказать мне, где искать Пенелопу.

Вот я и странствовал от одной планеты к другой, надеясь найти ее или встретить человека, который видел Пенелопу или хотя бы слышал о ней. Не замечал, как бегут годы, не оставлял надежды, что когда-нибудь найду ее и тогда все мои страдания и одиночество окупятся сторицей.

Вы и представить себе не можете, как это ужасно, думать, что ты вот-вот найдешь свою единственную женщину, чтобы потом выяснить, что там, куда тебя послали, ее не было и нет. Так часто в моей груди вспыхивала, а потом гасла надежда...

— Одну минуту, — прервал его Макс Три Ствола. — А почему ты не обратился к нам?

— Не понял.

— К завсегдатаям «Аванпоста», — пояснил Макс. — В целом мы повидали куда больше миров, чем ты. Расскажи нам что-нибудь о ней и, готов спорить, один из нас укажет тебя правильный путь.

Джонс несколько раз моргнул.

— Ну, думаю, волосы у нее скорее всего светлые. Не соломенные. Пожалуй, песочно-желтые. И она, конечно, стройная. Очень хорошенькая, но не бросающаяся в глаза, как эти дамы. — Он помолчал. — Ничего плохого в этом, кстати, нет. Моя мать, к примеру, плохо одевалась и не была семи пядей во лбу, но мой отец с радостью отдал бы за нее жизнь и когда ей исполнилось восемьдесят пять, несмотря на весь ее жир и морщины. Красота определяется глазами того, кто смотрит, а для моих глаз Пенелопа — самая красивая женщина галактики. — Вновь пауза. — Платье у нее из льняной материи, в бело-синюю клетку, на шее — красный шелковый шарфик, на голове — большой бархатный берет. Таким, по моему разумению, должен быть ее наряд.

— Ты же не видел ее сорок три года, — заметил Макс. — Ее волосы могли поседеть, она — поправиться или похудеть на тридцать — сорок фунтов, и, уж конечно, она будет в другой одежде. Так что лучше назови нам те ее приметы, которые практически наверняка не изменились. Почему бы тебе не начать, скажем, с ее роста?

Джонс нахмурился, пробежался пальцами по густым, всклоченным седым волосам.

— Даже не знаю... — Потом коснулся указательным пальцем носа. — Думаю, вот здесь была бы ее макушка.

— Хорошо. Теперь перейдем к имени.

— Пенелопа, — ответил Странник Джонс. — Прекрасное имя, Пенелопа. Такое поэтичное.

— А второе? Которое теперь вместо фамилии?

Джонс пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Один момент, — нахмурился Макс. — Ты искал ее сорок три года и даже не знаешь ее полного имени?

— Разве роза пахла бы не столь нежно, если б звалась по-другому? — обиделся Джонс.

— Ты прав, но найти ее было бы проще, если бы ты говорил людям, что ищешь розу, — раздраженно бросил Макс. — Ладно... что ты вообще о ней помнишь?

— Мне ничего не нужно о ней помнить, — ответил Джонс. — Я знаю о ней все, что нужно знать.

— Кроме имени и местопребывания, — уточнил Макс. — Где ты с ней встретился? Где видел в последний раз?

Джонс смутился.

— Я никогда с ней не встречался, — наконец выдавил он из себя.

— Ты сорок три года ищешь женщину, которую никогда не видел? — недоверчиво спросил Макс.

— Судя по твоему голосу, ты думаешь, что это какая-то блажь, но ты ошибаешься!

— Об этом забудь. — Макс попытался зайти с другой стороны. — Должно быть, это выдающаяся женщина, раз ты разыскиваешь ее всю сознательную жизнь.

— Такого я сказать не могу.

— Ага... Похоже, я чего-то не понимаю. Может, ты объяснишь?

— Все дело в одной поэме.

— Поэме?

Джонс закрыл глаза.

— Она заканчивается вот такими строками:

Где-то там, за морями,
Светлоокую я найду Пенелопу,
Поцелуями губы покрою горячими,
На главу возложу цветочный венок.

Он помолчал.

— Как только я прочитал эти строки, так сразу понял, что где-то там меня ждет Пенелопа, и я должен ее найти.

— А если ее зовут Гертруда или Беатрис? — спросил Макс.

— В поэме сказано — Пенелопа.

— В поэме также сказано, что поэт ее и найдет.

— Поэт мертв уже семь тысячелетий. Я о нем читал. Ни на какой Пенелопе он так и не женился.

— Итак, из-за этих строк, ты потратил сорок три года на поиски женщины, которая или никогда не существовала, или уже семь тысяч лет как умерла?

— В поэме *множество* строк. Я процитировал только четыре. И она не где-то. Если есть женщина для каждого мужчины, то Пенелопа — моя женщина. *Единственная* женщина.

— Как же ты узнаешь ее, когда увидишь? — спросила Золушка.

— Я ее узнаю, — ответил Джонс с абсолютной, фанатичной уверенностью.

— Удачи тебе, Странник Джонс. — Золушка подошла к нему. — Но на случай, что ты ее не найдешь... я в ужасе от мысли, что ты можешь сойти в могилу, не познав поцелуя настоящей, из крови и плоти женщины.

Она обняла его за шею и наклонилась, чтобы поцеловать. Он чуть не упал со стула, пытаясь избежать ее губ.

— Извини, я не хочу тебя обидеть, — он поднялся на ноги, — но ради нее я должен блюсти себя в чистоте, потому что я знаю: она блюдет себя ради меня.

— У тебя какое-то странное понятие о чистоте, — заметил Макс.

— Что с того. — Джонс направился к двери. — С моей точки зрения, у всех вас странное понятие о любви. — Он помолчал. — Я потерял здесь целый день. Пора вновь отправляться на поиски.

— Будь осторожен, — предупредил Ахмед Альфардский. — Где-то рядом идет война.

Джонс улыбнулся.

— Если люди, инопланетяне, метеоритные дожди и суперновые не смогли удержать меня от поисков моей Пенелопы, неужели кто-то может подумать, что меня остановит какая-то война?

— Войны останавливали людей, занимавшихся более важными делами, — ответил Ахмед.

Джонс улыбнулся.

— Вы не знаете Странника Джонса. — Он открыл дверь. — Да и нет более важного дела.

С тем он и ушел.

В зале надолго повисла тишина. Наконец Ставлю-Планету О'Грейди достал блокнот.

— Кто-нибудь хочет сделать ставку?

— На то, что он ее найдет, или на то, что она существует? — спросил Бейкер.

О'Грейди пожал плечами.

— Все равно, — с улыбкой ответил он.

Никодемий Мейфлауэр вздохнул и покачал головой.

— Он — не самый умный из тех, кто путешествует в космосе, не так ли?

— Если у него есть домашняя зверушка, он не самый умный из обитателей корабля, — хохотнул Макс Три Ствола.

— А по мне он такой сладенький, — улыбнулась Золушка.

— Как и мешок сахара, — ответил Макс. — Но ты бы не захотела жить с ним.

— Очень уж ты циничен, — фыркнула Золушка. — Я бы хотела, чтобы кто-нибудь искал меня, как Странник Джонс ищет свою Пенелопу.

— Нет, ты бы не хотела, — возразил Макс.

— Это еще почему?

Макс рассмеялся:

— Он может тебя найти.

— Он гораздо лучше тебя! — воскликнула она.

— Черт, да мы все лучше Макса, — засмеялся Бейкер. — Но это не означает, что Странник Джонс — мистер Совершенство.

— Я создала мистера Совершенство. — Золушка на мгновение замолчала. — А теперь отдала бы предпочтение Страннику Джонсу.

— Ты хотела сказать, что встречала мистера Совершенство, — поправил ее Макс.

— Я сказала то, что хотела сказать.

— Ты понимаешь, что теперь тебе придется все нам рассказать и в подробностях.

— Почему нет? — ответила она после недолгого раздумья. — Кто знает? Может, вы чему-то и научитесь, хотя я в этом сомневаюсь.

СОЗДАНИЕ МИСТЕРА СОВЕРШЕНСТВО

Меня воспитали куртизанкой (начала Золушка). Обучили тантрическим искусствам, умению соблазняюще двигаться и одеваться. Я овладела всеми доступными способами, какими женщина могла ублажить мужчину, знала, чего не следует делать и говорить в их присутствии.

В шестнадцать лет я начала работать на Ксанаду, планете наслаждений в звездном скоплении Белиал. В число моих клиентов входили самые известные в галактике люди. Однажды со мной провел неделю Ланс Стерлинг, после того как освободил народ Гасиенды III.

Мне были открыты все тайны удовольствий, в вопросах секса я была непревзойденным экспертом. Поэтому ко мне записывались в очередь, а Мать Земля даже хотела выкупить мой контракт, чтобы я перешла в ее заведение на Прасепе III,

но, разумеется, мой работодатель не пожелал расстаться со мной.

Однажды, мне уже исполнилось двадцать лет, я шла по длинному коридору на встречу с очередным клиентом. И из-за каждой двери до меня доносились удовлетворенные стоны и крики, но исключительно те, что вырывались из мужских глоток. Вот тогда мне и открылась истина: Ксанаду — планета наслаждений для половины человечества. Женщины предоставляют его мужчинам, но сами ничего не получают.

Вот я и решила взять свои сбережения, сами понимаете, на Ксанаду женщина не могла потратить ни гроша, и положить начало индустрии, ориентированной на женщин, призванной дарить наслаждение им, а не мужчинам.

Я понимала, что для этого потребуются мужчины, которые умеют ублажить женщину не хуже, чем они — мужчину, и следующий год встречалась с тысячью тех, кто прислал лучшие резюме. И хотя, признаюсь, год этот я провела не без пользы для себя, в каждом я находила какие-то недостатки, у кого мелкие, у кого — существенные.

Именно тогда я пришла к выводу, что единственный способ найти идеального любовника — создать с нуля. Переговорила со многими женщинами, попросила их перечислить физические данные и поведенческие характеристики их идеального мужчины, а потом наняла Беллини, известнейшего в Монархии конструктора андроидов, и усадила его за работу.

Женщины никак не могли определиться с идеальным цветом глаз, поэтому мы решили, что при одном освещении глаза будут синие, при другом — серые, при третьем — карие.

Не сработало. Женщины, которых я приглашала на инспекцию нашего прототипа, нашли, что переменчивость цвета глаз им не по душе.

Та же проблема возникла и с длиной волос. Мы пробовали короткие волосы, длинные, даже их отсутствие, но к консенсусу так и не пришли.

Ситуация усугубилась, когда мы перешли к более важным частям мужского организма. Поскольку создавался идеальный мужчина, превосходящий всех остальных, мы снабдили его пятнадцатидюймовым фаллосом. Первые три женщины,

увидевшие его, с криком выбежали из демонстрационного зала. Четвертая его выкрала, и мы больше не видели ни ее, ни андроида.

Другой проблемой стала мускулатура. Кого следовало взять за образец — Геракла или Аполлона? Начали мы с Геракла. Но наш андроид сломал ребра первой женщине, которую обнял. Тогда мы обратились к стройному нежному Аполлону. Двое из трех его сексуальных партнерш в порыве страсти сломали ребра ему.

И с речью возникли трудности. Большая часть опрошенных нами женщин утверждала, что мужчины не могут сказать ничего интересного, что говорить они могут только о себе. Но другая, меньшая половина, настаивала на том, чтобы наш прототип умел говорить, потому что хотели слышать комплименты, дабы перед тем, как улечься в постель, создалась романтическая атмосфера.

Мы учли это пожелание, и день или два все вроде бы шло хорошо. Потом начались жалобы: несколько комплиментов, которые шепчут на ушко перед горящим камином, — это хорошо, но сорок восемь часов комплиментов — уже перебор, создается ощущение запрограммированности. А основа романтики — это спонтанность.

В результате мы вновь взялись за работу и вложили в электронный мозг нашего прототипа знания пятнадцати магистров. Теперь он мог поддерживать разговор практически на любую тему, а собственного эго мы его лишили напрочь, иначе он бы говорил только о себе.

Мне, конечно, следовало заранее просчитать, к чему это приведет. Теперь я в основном слышала следующее: «Если б я хотела переспать с моим профессором в колледже, я бы так и сделала». Один комментарий мне особенно запомнился: «Ты хоть представляешь себе, сколь быстро анализ годовой динамики поступления налогов на Сириусе V может погасить всякое сексуальное желание?»

Аналогичные проблемы возникли с музыкальными и художественными вкусами прототипа, даже с выбором женщин. Каждая хотела думать, что для него она — единственная, то есть всякий раз речь шла о перепрограммировании.

Поэтому в полдень он любил стройных блондинок, в два часа дня — пухлых рыженьких, в четыре — пьяных брюнеток.

У меня практически закончились деньги, но ни одна из женщин, добровольно принимавших участие в эксперименте, не согласилась с тем, что я создала мистера Совершенство. Потом мне сообщили, что Ланс Стерлинг хочет провести со мной еще одну неделю, я отдала андроида первой же женщине, которая обратилась ко мне с такой просьбой (потом она оскопила его мясницким ножом), и вернулась к прежней жизни, убежденная, что мистер Совершенство — такая же недостижимая мечта, как и Идеальная Женщина.

Так что не смотрите на Странника Джонса свысока. Такая любовь значит для женщины куда больше, чем многое из того, что я заложила в мистера Совершенство.

— В действительности во Вселенной девятнадцать идеальных женщин, — изрек Катастрофа Бейкер, обращаясь ко всем присутствующим. — С тринадцатью я уже встречался, и у меня есть еще полжизни, чтобы разыскать оставшихся шесть.

— Так ты действительно знала Ланса Стерлинга? — спросил Золушку Маленький Майк Пикассо.

— Да, знала, — кивнула Золушка.

— Он один из моих героев. — Взгляд Маленького Майка затуманился. — Я всегда хотел написать его портрет.

— Я бы тоже с удовольствием встретился бы с ним, — заявил Могильщик Гейнс. — Такие герои — большая редкость.

— Я слышал много самых разных рассказов о его смерти, — добавил Макс Три Ствола. — Интересно, кто-нибудь знает, как он умер?

— Один из нас знает, — ответил ему Никодемий Мейфлауэр.

— Ты слышал об этом?

— Я при этом присутствовал.

— Присутствовал, как же, — хмыкнул Макс.

— Это правда! — воскликнул Мейфлауэр, и вновь меня поразило удивительное сходство Никодемия с Сатаной, каким я его себе представлял. — Я провел рядом с ним десять лет, сражаясь со злодеями и негодяями.

— Я тебе не верю, — покачал головой Макс. — Есть такие герои, что затмевают звезды. Он был одним из них. Чего ему якшаться с тобой?

— Я могу выяснить, знал ли он Ланса, — предложила Золушка. Все повернулись к ней. — У него был шрам на плече. Опиши его.

— Шрам? — повторил Мейфлауэр. — Я всегда думал, что это татуировка. Она выглядела, как большая кровавая L.

— Это так? — спросил Макс.

Золушка кивнула.

— Так.

— Для того чтобы быть героем, не обязательно действовать на свой страх и риск или становиться солдатом удачи. — В голосе Мейфлауэра слышалась горечь. — Некоторым из нас лучше в рамках системы.

— Представить себе не могу почему, — выразил свое мнение Бейкер.

— Об этом мы поговорим в другое время. — Макс повернулся к Мейфлауэру. — Итак, ты его знал. Давай послушаем о том, как он умер, сколько при этом полегло его врагов.

— Насколько я слышал, — вмешался Маленький Майк Пикассо, — он дорого отдал свою жизнь. Убил так много людей, что пришлось рыть не одну братскую могилу.

— Вы хотите услышать, как это было, или сами будете рассказывать мне об этом? — раздраженно бросил Мейфлауэр.

— Давайте послушаем, — выразил общее мнение Макс.

БЕЗВРЕМЕННАЯ СМЕРТЬ ЛАНСА СТЕРЛИНГА

Начну с того (продолжил Никодемий Мейфлауэр), что родился он не Лансом Стерлингом. Его настоящее имя — Мортимер Смарч. Как-то раз я его спросил, почему он изменил имя, а он ответил другим вопросом: «Отдал бы ты жизнь за человека, которого зовут Мортимер Смарч?» Я

подумал несколько минут и больше вопросов об имени не задавал.

К девятнадцати годам он уже определился с целью жизни: освобождать угнетенных, людей или инопланетян, где бы то ни было. Он знал, что занятие это опасное, и решил носить маску.

— Если он не хотел привлекать к себе внимание, зачем надел на себя эту серебряную маску и плащ? — спросил Макс.

— Хочешь ты слушать или нет? — сурово зыркнул на него Мейфлауэр.

— Ладно, ладно, больше прерывать не буду.

— До следующего раза, — предсказал Бейкер.

Маска меня не волновала (вновь заговорил Мейфлауэр), в отличие от меча. Я хочу сказать, кто в здравом уме будет ходить с мечом, если его противники пользовались лучевиками, глушаками и пульсовиками. Но возглавив революции на Зеленой Изгороди II и Синей Аляске и не получив ни единой царапинки, Ланс решил, что Бог на его стороне, а он сам неуязвим.

К тому времени его имя уже гремело по всей галактике, и все знали, что под маской скрывается Ланс Стерлинг. Множество идеалистически настроенных молодых людей и женщин искали его, готовые отдать жизнь в борьбе за провозглашенные им цели. Я был одним из них.

Я до сих пор помню первое сражение, в котором я принял участие. Губернатор Пиастры VII отменил конституцию и практически поработил население планеты. Им приходилось по восемнадцать часов в сутки работать на его золотых копях, причем сутки на Пиастре длились двадцать два часа. При этом кормил их впроголодь, тогда как он сам и его армия жировали. Ланс Стерлинг не мог терпеть такого положения вещей, собрал своих последователей и объявил, что наутро мы атакуем Пиастру.

Когда я спросил, по какому мы будем действовать плану, он посмотрел на меня, как на чокнутого.

— Плану? — переспросил он. — План у меня простой: прийти туда со сверкающими мечами и слепящими лучевиками и не останавливаться, пока не умрет последний злодей.

Я собрался с духом и задал следующий вопрос:

— Я хотел сказать, что у них армия в двадцать тысяч человек, а нас меньше ста пятидесяти. Разве не требуется какая-то стратегия, чтобы победить превосходящие нас силы?

— Моя стратегия — освободить страждущих граждан Пиастры VII, — твердо ответил он. — У тебя есть возражения?

— Нет, должно быть, у меня что-то не так с математикой.

— Есть еще вопросы? — Он оглядел нас. — Нет? Хорошо. Уничтожение армии я оставляю вам, но губернатор — мой.

— То есть ты не поведешь нас в битву? — вырвалось у меня.

— Разумеется, поведу. Пока не замечу губернатора, который пусть и злодей до мозга костей, но далеко не трус. Мы с ним скрестим мечи на крепостной стене, на виду у всех, и когда я убью его, армия потеряет боевой дух, оставшиеся в живых тут же сложат оружие и принесут клятву верности тому, кого освобожденный народ назовет своим новым лидером.

Я мог привести восемьдесят три причины, по которым его план должен был провалиться, но не смог заставить себя в третий раз подряд высказать сомнения в его правоте. Поэтому оставил их при себе и приготовился наутро отдать жизнь за благое дело.

Все вы читали исторические книги или видели документальные голофильмы о битве на Пиастре VII, поэтому знаете, что все вышло, как и предсказывал Ланс Стерлинг. Он убил губернатора, а менее чем через минуту армия прекратила сопротивление.

Его репутация еще больше упрочилась, и мы не испытывали недостатка в добровольцах. Несколько лет спустя, когда мы освободили Гасиенду III, на нашей стороне сражались более двух тысяч мужчин и женщин.

Разумеется, успехи не изменили подхода Ланса Стерлинга к ведению боевых действий. В результате шесть победоносных революций унесли жизни сорока двух его самых близких

соратников. А я начал думать, что убить его можно лишь пронзив сердце серебряной пулей или заостренной палкой.

Я до сих пор помню день, когда он изложил свой план вторжения на Гасиенду. Нам предстояло, высадившись в пяти милях от императорского замка, отвлечь на себя армию, а он намеревался войти в ворота, проложить путь в личные покои императора и, пощекотав острием меча адамово яблоко последнего, потребовать немедленной сдачи.

Я спросил, не будет ли он чувствовать себя более уверенно, если его будут сопровождать несколько телохранителей.

— Зачем? — в удивлении спросил он.

— Мне кажется, логично предположить, что императора тщательно охраняют, даже в стенах замка.

— Разумеется, охраняют, — беззаботно ответил он. — Но тем веселее все пройдет.

— Ты думаешь, это весело, идти с одним мечом против шестидесяти человек?

— Я — Ланс Стерлинг, — ответил он, будто других объяснений и не требовалось. — А кроме того, мне доподлинно известно, что охранников всего пятьдесят пять.

— Очевидно, меня опять подвела математика. — В моем голосе зазвучали нотки извинения.

Он положил мне на плечо героическую руку.

— Ты — верный и порядочный человек, Никодемий, друг мой. Никто не требует, чтобы ты был еще и умным.

— Благодарю, блистательный лидер.

— Ну ладно, ладно, достаточно и Ланса. А если уж совсем официально, называй меня Ланселот.

Что ж, как всем известно, мы высадились на Гасиенде и Ланс Стерлинг убедил императора согласиться на его условия... но мы потеряли девяносто процентов личного состава.

— Они погибли за правое дело, — сказал Ланс Стерлинг на похоронах. — Их матери могут ими гордиться.

Я ожидал, что он продолжит речь, но Ланс, похоже, полагал, что все уже сказано. К тому же ему не терпелось вернуться на корабль и лететь на другие планеты, освобождать угнетенных.

За следующие два года мы освободили Меланхолию III, Зеленый Луг, Пшеничное Поле, Пия XIV и Новое Таити. Задержались на университетской планете Сорбонна, чтобы помочь студентам захватить Административный корпус... а потом пришел черед Брукмандора II.

Как вам известно, эту планету захватил маньяк, который называл себя Александром Великим. Он боялся восстаний населения, поэтому не держал армию в одном месте, а разделил на маленькие гарнизоны, стоящие во всех стратегически важных городах и районах.

Ланс Стерлинг решил, что желаемый результат принесет удар по штабу Александра. Действительно, уничтожение верхушки режима привело бы к обрушению всей структуры.

— Его окружает более двухсот охранников, — сказал я. — Мне бы очень хотелось, чтобы на этот раз ты взял с собой кого-нибудь из нас.

Он добродушно улыбнулся.

— Опять математика, Никодемий? — потом пожал плечами и согласился. — Хорошо. Ты и Занзибар Макшайн можете составить мне компанию. Теперь ты доволен?

Я заверил его, что да, и на следующее утро, до рассвета, мы втроем проникли в штаб Александра. Залезли на верхний этаж и миновали уже половину пути к его личным апартаментам, когда в коридоре, по которому мы шли, появился Александр и нацелил лучевик меж глаз Лансу Стерлингу.

— Я ждал тебя. — Александр злобно улыбнулся. — Мои люди сообщили мне, что ты готовишь полномасштабное нападение на планету, но я знал, что такой эгоист, как ты, не захочет делить славу со своим пушечным мясом. А теперь брось свой меч.

Меч Ланса Стерлинга упал, загремев по каменным плитам.

Александр Великий подошел к нему, развернул так, чтобы видеть нас, приставил лучевик к его уху.

— Прикажи своим людям бросить оружие.

— Делайте, что он говорит. — Ланс Стерлинг не выказывал страха. — Сила на его стороне... на текущий момент.

Занзибар Макшайн бросил пульсовик и глушак. Я же достал лучевик из кобуры, но не бросил.

— Брось его, а не то я убью вашего главаря, — предупредил Александр.

— Ты все равно его убьешь. — Я нацелил лучевик на Александра. — Если я брошу его, ты убьешь нас обоих.

— Я не шучу! — крикнул Александр. — Бросай, а не то ваш босс — труп!

— Это глупо, — ответил я. — Если я брошу лучевик, мы все — трупы.

— Считаю до трех! — взревел Александр.

— Считай хоть до пятисот, мне плевать, — ответил я. — Лучевик я не брошу... если ты убьешь его, я убью тебя.

— Тогда я убью и твоего друга. — Он указал на Занзибара Макшайна.

— Он мне не друг. Я его практически не знаю.

— Черт побери, Мейфлауэр! — не выдержал Ланс Стерлинг. — Брось этот чертов лучевик!

— Он застрелит тебя, если я брошу.

— Он застрелит меня, если ты не бросишь! — рявкнул Ланс Стерлинг.

— Пока лучевик у меня в руке, он может убить только одного из нас, — объяснил я, руководствуясь законами логики. — Как только брошу, он убьет двоих, а то и всех троих.

— Как же я ненавижу тебя и твою чертову математику! — успел сказать Ланс до того, как Александр Великий прострелил ему голову.

Я выстрелил мгновением позже. Александр повалился на пол, а Брукмандор II еще до полудня обрел свободу. Занзибар Макшайн остался там, заняв пост губернатора, а я отвез тело Ланса Стерлинга на его родную планету и похоронил на семейном кладбище.

— Так вот почему никто так и не нашел его могилы! — воскликнул Макс Три Ствола. — Ни у кого и мысли не возникло искать Мортимера Смарча.

— Я удивлен, что из всех вас только Мейфлауэр встал под его знамена, — заметил Ставлю-Планету О'Грейди. — Я хочу сказать, в свое время он был самым популярным революционером.

— Я отдал должное революционной борьбе, — ответил Макс. — Но так уж вышло, что наши пути с Лансом Стерлингом не пересеклись.

— Я думаю, посражаться удалось каждому из нас, — согласился Могильщик.

— Да, но не только в войнах и революциях, — уточнил Катастрофа Бейкер.

— Ты никогда не воевал? — спросил Макс.

— Я — волк-одиночка, ни в какие организации не вступаю.

— Иногда вступать и не приходится, — сказал Макс. — Иногда война незаметно подкрадывается к тебе. Вроде той, что приближается к «Аванпосту».

— Она и на войну-то не похожа, — покачал головой Могильщик. — Несколько десятков вражеских кораблей. Если вы хотите поговорить о настоящей войне, я могу рассказать вам о Пелопоннесской. Более сильного противника я не встречал.

— Ты в ней участвовал? — спросил Макс.

— Да.

— Я, черт побери, тоже!

— И ты? — воскликнул Никодемий Мейфлауэр. — Именно там я впервые понюхал пороха, до того, как присоединился к Лансу Стерлингу.

— Вы, парни, часом, не ошибаетесь? — спросил Бард.

— Разумеется, нет, — ответил за всех Макс.

— Но Пелопоннесская война шла на Земле, почти десять тысяч лет тому назад.

— Мы говорим не о той Пелопоннесской войне, — усмехнулся Макс.

— А была другая? — спросил Бард.

— Конечно. Пятнадцать, может, шестнадцать лет тому назад. В звездном скоплении Альбион.

— Мне бы хотелось о ней услышать. — Бард приготовился записывать.

— Как будто у тебя есть выбор, — фыркнул Катастрофа Бейкер.

— Кто начнет? — спросил Могильщик Гейнс.

— У кого-нибудь есть трехсторонняя монета? — полюбопытствовал Макс.

— У меня, кстати, есть, — откликнулся Ставлю-Планету О'Грейди.

— Почему я не удивлен? — пробормотал Макс.

О'Грейди положил монету на ладонь, поднял руку, чтобы все могли ее видеть.

— Это орел, это решка, а это кулак.

— Кулак?

О'Грейди пожал плечами.

— Должен я как-то назвать третью сторону. — Он подбросил монету в воздух. — Выбирайте.

Все трое выбрали кулак. Выпала решка.

— Похоже, тебе придется рассказывать историю, — хмыкнул Бейкер.

— Нет, я лишь установлю порядок. Никодемий Мейфлауэр, ты начинаешь.

— Почему он? — пожелал знать Макс.

— Потому что Могильщик из вежливости готов подождать, а тебя я слушать устал, — ответил О'Грейди.

Макс на мгновение задумался, потом кивнул.

— Хорошо, это веская причина.

ГЕНЕРАЛ, КОТОРЫЙ НЕНАВИДЕЛ СВОЕГО РЯДОВОГО

Я полагаю, войну назвали Пелопоннесской (начал Мейфлауэр), потому что противостояли людям инопланетяне, которые называли себя пелопоннесами.

Я служил в штабе ПЭКСа, то есть Пелопоннесского экспедиционного корпуса Содружества. Фактически был шофером, пилотом, денщиком и мальчиком на побегушках генерала Байглоу.

Байглоу производил впечатление, особенно если надевал парадный мундир. Медалями мог увешаться от груди до колен, так что всякий раз у него возникала одна и та же проблема: какие надеть и какие оставить в чемодане.

Войне на Пелопонне V предстояло стать лебединой песней генерала Байглоу: после ее победоносного завершения он намеревался выйти в отставку. Командовал генерал несколькими тысячами человек и ему поставили задачу навести на планете порядок. Но после того как добрая половина солдат и офицеров перешла на сторону противника, он понял, что с победой могут возникнуть проблемы.

— Что же, черт побери, происходит? — вопрошал он меня. — Люди не должны дезертировать! Ты бы дезертировал, если б я послал тебя на передовую?

— Думаю, что нет, сэр, — отвечал я. — Но ничего не могу сказать за остальных, сэр.

Он продолжал бушевать, потом открывал бутылку, выпивал ее, засыпал, а наутро выяснялось, что еще двадцать или тридцать человек ушли к врагам.

Наконец он решил, что неординарная ситуация требует неординарного решения, и связался с Ураганом Смитом. Уже тогда Ураган числился среди разыскиваемых преступников на пятидесяти мирах, за его голову назначили огромное вознаграждение, но генерал Байглоу обещал полностью амнистировать его, если тот прилетит на Пелопонн V и внесет перелом в ход войны. Ураган обдумал предложение генерала, попросил четверть миллиона кредиток вдобавок к амнистии и записался в армию, когда Байглоу согласился на его условия. Генерал послал за ним, как только Ураган ступил на землю Пелопонна, и он явился в штаб в своей обычной одежде, сшитой из шкур полярных животных различных планет.

— Почему ты не в форме? — спросил генерал.

— Я в форме, — ответил Ураган.

— Я хочу, чтобы ты надел военную форму.

— Вы наняли Урагана Смита. Это моя форма. По ней меня все узнают.

— В моей армии все носят военную форму.

Ураган повернулся и направился к двери.

— Рад нашему знакомству и удачи в войне.

Дверь охраняли шестеро вооруженных солдат, но ни один не попытался остановить его. Понятное дело, кому охота заступать дорогу Урагану Смиту.

— Подожди! — вскричал Байглоу.

Ураган обернулся.

— Хорошо. — Байглоу вздохнул. — Носи что хочешь.

— Благодарю, — ответил Смит. — Как скажете, так и будет.

— Я хочу, чтобы ты завтра утром отправился на фронт.

— И начал крушить инопланетян. Я знаю.

— Нет, я хочу, чтобы ты выяснил, почему мои люди дезертируют и переходят на сторону врага.

Ураган пожал плечами.

— Вы — босс. Но, будь моя воля, я бы сначала убил всех плохишей.

— Делай, что тебе говорят, — рявкнул генерал.

Ураган кивнул и шагнул к двери.

— Один момент, рядовой.

— Что теперь?

— Ты должен отдать честь.

— Я этого не делаю, — ответил Ураган. — Глупый обычай. — И вышел из кабинета.

— Наверное, я не все продумал, приглашая его, — сказал мне Байглоу. — Не думаю, что мне понравился этот человек.

— Он — один из лучших бойцов, сэр, — ответил я.

— Он умеет только грабить и убивать.

— Это армия, сэр. Здесь ему самое место.

Два дня мы его не видели. Большинство из нас склонялись к мысли, что армейская жизнь ему не понравилась и он покинул планету, но некоторые полагали, что он присоединился к перешедшим на сторону пелопоннесов. Но на рассвете третьего дня он появился в штабе.

— Я выяснил, почему дезертируют ваши люди, — объявил он. — Помимо очевидной, есть и другая причина.

— Очевидной? — повторил Байглоу.

— Они вас не любят, — пояснил Ураган. — И я их не виню. Но вторая причина более экзотичная. — Он выдержал паузу. — Вы когда-нибудь видели пелопоннеса?

— Я видел их голографии. Большие, отвратительные насекомоподобные.

— Да и нет.

— Что ты хочешь этим сказать? — пожелал знать Байглоу.

— Они трансформеры.

— Пусть так, но как им удается запугать моих людей до такой степени, что они дезертируют? — спросил генерал. — В каких страшилищ они превращаются?

— Они превращаются совсем не в страшилищ.

— Тогда в кого?

— В ядреных обнаженных женщин. Ядреных, страстных, обнаженных женщин. Везде, кроме позиций шестого батальона, который укомплектован исключительно женщинами. Там они принимают облик богатых, элегантно одетых джентльменов, которые пьют мартини с водкой и обожают танцевать румбу.

— Но наши мужчины и женщины... э... распознав их, конечно же, понимали, что враг дурит им головы, и воздавали должное этим омерзительным насекомоподобным инопланетянам.

— Для того, чтобы выяснить, с кем нам приходится воевать, мне пришлось войти в контакт с одной из пелопонесов.

Генерал не смог подавить дрожь отвращения, пробежавшую по его телу.

— И?

Ураган ответил после паузы:

— Должен признать, что как женщина она не то чтобы очень. — Тут он улыбнулся. — Но для двенадцатиногого, четырехглазого насекомого она — фантастика.

— Ты так же мерзок, как и она! — взревел генерал.

— Выбирайте слова, когда говорите о моей невесте. — В голосе Урагана слышались угрожающие нотки.

— Убирайся! — приказал Байглоу. — Не хочу я больше этого слышать!

— Напоследок хочу вас предупредить. Людей-солдат на их стороне уже больше, чем на нашей. Если вы в самое ближайшее время не покинете Пелопонн V, я думаю, они могут перейти в наступление.

— Это мерзко и отвратительно!

— Вы так думаете? Подождите, пока они вспорют вам живот и отложат там несколько тысяч яиц. Вот что действительно мерзко и отвратительно.

— Да как вы можете уйти с таким существом? — пожелал знать Байглоу.

— Красота — это лишь внешняя оболочка, — ответил Ураган Смит, уже выходя за дверь. — А вот уродство, оно может занимать все нутро, даже душу.

Я никак не мог забыть слова Урагана, и когда до меня дошла весть о том, что Ланс Стерлинг вербует добровольцев, я занял корабль и полетел к нему. Больше на Пелопонн я не вернулся.

— Я прибыл туда после отбытия Урагана Смита, — продолжил Макс.

— А я появился там после Макса, — добавил Могильщик. — Так что пусть он рассказывает вторым.

— Логично. — Макс приложился к бутылке. — Ситуация к моменту моего прибытия только ухудшилась.

— Генерал Байглоу все еще командовал экспедиционным корпусом? — спросил Катастрофа Бейкер.

— Конечно. Это была его последняя кампания, так что он не мог покинуть планету, не уничтожив всех пелопоннесов... разумеется, тех, кого смог бы отличить от обнаженных дам.

— Должно быть, очень интересная работа, отделять одних от других, — вставил Бейкер.

— Я и Бог с ней, конечно же, справились бы, — уверенно заявил преподобный Билли Карма.

— Я могу предложить несколько тестов, которые выявили бы отличия, — добавил Маленький Майк Пикассо.

— С эстетикой в отличие от вас у генерала было плохо, — ответил Макс. — Он отослал женщин домой, дождался, пока последняя из них покинула планету, а потом приказал стрелять по всему, что даже отдаленно напоминало женщину.

— Эффективно, — признал Маленький Майк. — Надо отдать ему должное.

— Расточительно, — высказал свое мнение Бейкер.

— Так как же закончилась война? — спросил Бард, не отрываясь от блокнота.

— Не так, как ты мог бы ожидать, — ответил ему Макс Три Ствола.

— Расскажешь ты нам или нет? — настаивал Бард.

— А ты попробуй помешать ему, — усмехнулся Бейкер.

РЯДОВОЙ, КОТОРЫЙ НЕНАВИДЕЛ СВОЕГО ГЕНЕРАЛА

К тому времени, когда я завербовался на эту войну (начал Макс), моральный дух упал ниже некуда. Пелопоннесов не убавилось, но всех женщин отослали домой, так что у большинства солдат, еще не перешедших на сторону противника, нервы были на пределе.

Генерал Байглоу начал терять надежду на победу и в отчаянии дал знать, что ищет наемников.

— Он действительно был в отчаянии, если согласился нанять тебя! — загоготал Сидящий Конь.

— Ты думаешь, мне не приходилось убивать инопланетян? — с угрозой спросил Макс.

— О, мы понимаем, убить инопланетянина для тебя — пустяк, — ответил Неистовый Бык. — Просто нам представляется, что ты и воинская дисциплина несовместимы.

Тогда я вас удивлю (продолжил Макс). Я оставался трезвым, не приводил инопланетных леди-трансформеров в казарму, какими бы аппетитными они ни казались, помнил о том, что надо отдавать честь, даже изредка застилал койку. Офицеров я ненавидел, поэтому настоял на том, чтобы в армию меня взяли рядовым, пусть и платили мне больше всех, за исключением генерала.

Надо сказать, генерал Байглоу мог бы использовать сорок или пятьдесят наемников моего калибра или пару дюжин та-

ких, как Ураган Смит. Но пошли разговоры о том, что, во-первых, дела у генерала идут неважно, а во-вторых, он выслал с планеты всех женщин. Поэтому, пусть он и предлагал отличное вознаграждение, желающих заменить людей, которых он терял каждый день, не находилось.

Наконец он решил бомбить позиции и тылы пелопоннесов, чтобы ни один из нас не мог напрямую контактировать с этими инопланетянками. Конечно же, линия фронта постоянно менялась, их войска находились в непрерывном движении, так что мы просто сбрасывали бомбы и надеялись, что они достигали цели.

Довольно быстро они сообразили, что до рукопашной дело не дойдет, доставили на передовую дальнобойные молекулярные деформаторы и начали превращать воздушные корабли в желе. Очень скоро известие об этом достигло Нового Вегаса и там начали делать ставки на то, сколько из нас сможет после вылета вернуться на базу. Поначалу мы бомбили вражеские позиции раз в день, но потом этот кретин Байглоу, несмотря на большие потери, увеличил число вылетов до двух.

— Да, — кивнул О'Грейди, — я это помню. Ставишь три доллара, получаешь пять.

— Ты ставил на нас? — спросил Макс.

— На вас? — переспросил О'Грейди. — Ни в коем разе. Вас же то и дело сбивали. Как любой умный игрок, я ставил с тем чтобы выиграть.

Не могу тебя в этом винить (продолжал Макс). Черт, если б я мог поставить деньги на пелопоннесов, сделал бы это не задумываясь. Поверьте мне, мы все с содроганием думали о ежедневных утренней и вечерней встречах с этими деформаторами. Мы умоляли генерала изменить стратегию, но наземных войск у него не осталось и он отказывался как признать поражение, так и провозгласить победу и убраться с Пелопонна V к чертовой матери. Поэтому мы продолжали летать на бомбежку.

К началу четвертой недели я остался единственным действующим пилотом. Остальных убили или ранили. Начинал он с

четыресто шестью воздушными кораблями и таким же числом пилотов, теперь же у него оставались сорок два корабля и один пилот, я, остальные дезертировали или выбыли из строя, большинство насовсем, некоторые — надолго. Я опять пошел к генералу Байглоу и заявил, что пришла пора придумать что-то новенькое, потому что прежняя стратегия провалилась.

Но от него требовали победы, при этом никто не посылал ему ни людей, ни технику, и располагал он только мною и парой взводов пехотинцев, которых не решался послать против врага, потому что с близкого расстояния враги выглядели совсем не врагами, а соблазнительными бабенками.

Мне, конечно, все это не нравилось, но он предложил удвоить мое жалованье, вот я и согласился еще на один вылет.

С трудом мне удалось вернуться на базу, и только я заказал себе пива в офицерском клубе, как появился Байглоу и сказал, что я должен вновь подняться в воздух.

— Вы уж не обижайтесь, генерал Байглоу, сэр, — ответил я, — но не пойти ли вам на хрен.

— Кроме тебя, у меня никого нет! — рявкнул он. — Я не могу проиграть мою последнюю войну.

— Видите воздушный корабль? — Я указал в окно. — Залезайте в кабину, и вперед.

— Я — генерал, — напомнил он. — И не могу непосредственно участвовать в боевых действиях. Для этого у меня есть ты.

— Меня больше нет. Я подаю в отставку. Найдите какого-нибудь другого идиота.

— Они все дезертировали.

— Все до одного? — спросил я.

Он кивнул.

— Вы хотите сказать, что я сбрасывал бомбы на наших людей?

— Они уже не наши. Они перешли на сторону врага.

Я их понимал. Враг наверняка кормил их лучше, а судя по тому, что говорили об Урагане Смите и его даме, по ночам они не могли пожаловаться на холод и одиночество.

Так вот, мы препирались большую часть второй половины дня. Я говорил, что больше не хочу служить мишенью для

пелопоннесов и не хочу сбрасывать бомбы на своих, он твердил, что не собирается сдаваться или начинать мирные переговоры, а тот, кто трахает самку насекомого, независимо от того, как она выглядит снаружи, не может считаться своим.

Наконец солнце покатилось к горизонту, мы по-прежнему не могли договориться, потому что договариваться было не о чем, но внезапно он выхватил лучевик, нацелил на меня и объяснил, что я еще могу выжить, пусть шансы невелики, если отправлюсь бомбить позиции пелопоннесов, а вот если откажусь, то шансов на спасение не будет никаких, потому что выстрел из лучевика с расстояния в шесть дюймов смертелен на все сто процентов. Оспаривать такой аргумент смысла не имело.

— Я полечу, — кивнул я. — Но при условии, что это будет последний вылет.

— Согласен, — ответил он. — И в подтверждение моих слов мы загрузим в твой воздушный корабль все бомбы, оставшиеся на базе.

Еще несколько минут мы спорили насчет бонуса, полагающегося мне за этот полет, а поскольку я не доверял ему, он перевел оговоренную сумму в мой банк на Биндере X до того, как я поднялся и направился к воздушному кораблю.

— Не будете возражать, если я сам выберу цель? — спросил я, поднимаясь по трапу.

— Нет, конечно. Только помни, надо сбросить все бомбы и поставить весомую точку в нашей благородной борьбе.

— Будет исполнено. — С тем я и закрыл фонарь кабины.

Оторвав воздушный корабль от взлетной полосы, я поднялся на высоту пять тысяч футов и направился в сторону вражеских позиций.

И вот какие мысли пришли мне в голову. Я не считал своими врагами ни пелопоннесов, ни людей, перешедших на их сторону. Возможно, познакомившись с пелопоннесами ближе, я бы изменил свое мнение о них, но я с ними не встречался. Зато хорошо знал генерала Байглоу.

Поэтому развернул воздушный корабль, лег на обратный курс и сбросил все бомбы на базу, поставив весомую точку в нашей борьбе.

Оценили это все, за исключением генерала Байглоу.

* * *

— Как-то не вяжется, — покачал головой Большой Рыжий.

— Что не вяжется? — воскликнул Макс Три Ствола. — Каждое мое слово — чистая правда, разве что я где-то что-то чуть приукрасил.

— Я не понимаю, каким ветром занесло туда Могильщика Гейнса, если ты закончил войну?

— А почему не спросить его? — Макс, рассказав свою часть истории, похоже, полностью потерял интерес к Пелопоннесской войне.

Большой Рыжий повернулся к Могильщику.

— Ну?

СЕРЖАНТ, КОТОРЫЙ НЕНАВИДЕЛ ВСЕ

Я прилетел туда не для того, чтобы участвовать в войне (начал Гейнс). Я тогда был охотником за головами — не солдатом.

Большую часть года я провел в поисках Чокнутого Джесса Уилкинса. Он убил больше тридцати мужчин в Монархии, а также немало женщин, детей, собак, кошек и инопланетных домашних зверушек. Узнав, что я охочусь за ним, он удрал в Пограничье. Я лишь на день разминулся с ним на Рузвельте III, он только на полчаса опередил меня на Дальнем Лондоне.

Оттуда отправился в звездное скопление Альбион, изменил внешность и завербовался сержантом на Пелопоннесскую войну — решил спрятаться на поле боя.

К тому времени, когда я добрался до Пелопонна V, война закончилась. На месте базы экспедиционного корпуса зияла огромная воронка...

— Теперь зовите меня Макс Меткий Стрелок! — загоготал Макс. — Если я хочу куда-то попасть, то никогда не промахиваюсь.

Я едва подавил желание попросить механического уборщика мужского туалета рассказать, всегда ли Макс попадает

в цель, но меня больше интересовала история Могильщика, и я промолчал.

Короче (продолжал Гейнс), я не мог найти никаких признаков жизни... но, зная способности Чокнутого Джесса, понимал, что убить его несколько сложнее, чем большинство людей, поэтому решил как следует обшарить планету.

Выяснил, что люди в основном живы и давно уже заключили мир с пелопоннесами, чего не удалось их главнокомандующему. Поначалу я подумал, что они, сами того не желая, готовят почву для новой войны, за тех пелопоннесских женщин, с которыми они жили, но потом узнал, что каждая самка-пелопоннес в год откладывает порядка десяти миллионов яиц, поэтому никто из самцов-пелопоннесов не будет возражать против того, что несколько сотен самок решили жить с прежними врагами.

Кстати, мужчин в большинстве своем решили вернуть на планеты, населенные людьми, поскольку их подругам было гораздо проще сойти за женщин, чем им — за насекомых. После официального завершения войны Монархия согласилась отстроить планету заново и не жалела денег на пелопоннесов. Даже выделила необходимые средства на переезд мужчин с их подругами на другие планеты.

Я проверил каждого из отъезжающих мужчин, но Джесса среди них не нашел. А выдать себя за другого очень нелегко, если веса в тебе четыреста фунтов, на одном глазу черная повязка, а зубы сплошь железные.

Обнаружил я его несколько дней спустя, в пещере на склоне горы. Он по-прежнему носил сержантскую форму. Я подождал, пока он отправится за хворостом, и удивил, выйдя навстречу из пещеры, когда он вернулся.

— Привет, Джесс. — Я направил на него глушак.

— Или стреляй, или прочь с дороги, — пробурчал он, не замедляя шага. — У меня полно дел.

— Заткнись и послушай меня. За твою голову назначено вознаграждение в миллион кредиток. Я делаю тебе то же предложение, что и всем, на кого охотился: заплати мне миллион, и можешь уйти отсюда, как свободный человек.

— Хорош слуга закона, — фыркнул он.

— Я не слуга закона, — ответил я. — Считай меня независимым подрядчиком. Я верен только тому, кто платит.

— Миллиона у меня нет, — ответил Чокнутый Джесс. — А если бы и был, я бы тебе все равно не заплатил.

— Ты потратил все деньги, полученные за убийства всех этих мужчин и женщин?

— Никто мне ничего не платил. Мне нравится убивать людей.

— Понятно. — Я огляделся. — Сообщников у тебя тут нет?

— Ты про этих трясущихся от страха перебежчиков?

— Ты говоришь про всех дезертиров в целом или только про тех, кто тебе не нравится?

— Мне они все не нравятся.

— А как насчет женщины?

— Мне они ни к чему. И потом, их всех давным-давно отправили домой.

— Я про пелопоннесов.

— Я ненавижу насекомых! — взорвался он. — А особенно ненавижу насекомых, которые выглядят, как женщины!

В таких вот разговорах мы провели полчаса, по истечении которых я так и не узнал, что же ему нравится. Он ненавидел мужчин, ненавидел женщин, ненавидел детей, армию, государство, инопланетян. Терпеть не мог собак, кошек, птиц.

Я предложил ему выпить, пытаясь определиться, как мне поступить: убить на месте или взять с собой, чтобы он пошел под суд. Он глотнул, выплюнул, отшвырнул фляжку.

— Я ненавижу пойло!

— Это настоящий сигнианский коньяк!

— Что ты понимаешь в коньяках, говнюк?

Дилемма передо мной стояла серьезная. Пристрелить и везти тело через треть галактики, когда от него уже воняло. С другой стороны, оставить в живых и всю дорогу его слушать, а я понимал, что больше чем на час меня не хватит, и я все равно его убью.

Но, к счастью, меня осенило.

Я поднялся, нацелив на него глушак, велел войти в пещеру.

— Прощай, Джесс.

Он недоверчиво таращился на меня.

— Я большую часть жизни был охотником за головами. Имел дело со всяким отребьем. И должен тебе сказать, более мерзкого типа, чем ты, мне встречать не доводилось.

— Ты не собираешься меня убивать? — спросил он.

— Нет.

— И не возьмешь с собой?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что я пришел к заключению, что не будет для тебя худшего наказания, чем оставить на планете, населенной гигантскими насекомыми, которые любят тебя не больше, чем ты — их. Прежде чем улететь, я расскажу им, где тебя найти, объясню, насколько ты опасен, чтобы никто не появлялся поблизости в одиночку и без оружия.

— Ты не можешь этого сделать! — заревел он. — А как же твое вознаграждение?

— Я решил, что самое лучшее мое вознаграждение — воспоминания о том, где тебе придется торчать до конца своих дней, — ответил я.

И отбыл.

— Люблю я истории о смерти и резне! — воскликнул преподобный Билли Карма. — Они такие религиозные, если вы понимаете, о чем я.

— Ты хоть вернулся, чтобы узнать, что стало с Чокнутым Джессом? — спросил Макс.

Могильщик покачал головой.

— Насколько я знаю, он все еще там, живет на фруктах и ягодах, иногда съедает червя, чтобы пополнить запасы белка. — Он улыбнулся, такое случалось с ним не чаще, чем раз в месяц. — Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Просто удивительно, что вы трое участвовали в этой войне и ни разу не встретились, — заметил Бард.

— Я не участвовал, — напомнил Могильщик. — Прилетел туда, когда война уже закончилась.

— А сколько она длилась от начала и до конца? — спросил Бард.

— Чертовски долго, — ответил Макс. — Хотелось бы мне добраться до тех, кто решил, что ее надо начинать. — Он задумался. — Едва ли идея принадлежала генералу Байглоу. Он хотел вырваться оттуда больше других.

— Кто знает? — пожал плечами Маленький Майк. — Но, с другой стороны, уже тысячи лет так повелось: одни придумывают войны, а потом отправляют других сражаться на них.

— Вот тут возникает интересный вопрос, — вставил Никодемий Мейфлауэр.

— Да? — вскинул брови Маленький Майк. — И что это за вопрос?

— Кто придумал самую первую войну?

— Черт, да кто вообще что придумал? — воскликнул Катастрофа Бейкер. — Нет никакой возможности это узнать. Скорее всего какой-нибудь пещерный человек с дубиной.

— Это не совсем так, — поправил его Бард. — О большинстве изобретений имеются подробные сведения. Все задокументировано.

— Правда?

— Абсолютно. Не верь мне на слово. Спроси Эйнштейна.

— Спросить его? — повторил Бейкер. — Да я понятия не имею, как дать ему знать о моем присутствии. Разве что воткнуть в него булавку.

— Просто задай вопрос. — Большой Рыжий достал из кармана компьютер. — Я его передам.

— Я не представляю себе, о чем спрашивать, — пробурчал Бейкер, на пару секунд задумался. — Пусть расскажет нам о некоторых самых важных изобретениях.

Большой Рыжий прошептал вопрос компьютеру, постучал по экрану. Мгновением позже зажужжал компьютер Эйнштейна и начал печатать ответ.

— Ну? — спросил Бейкер у Большого Рыжего, всматривающегося в экран.

— Домариец по имени Каббис Коба изобрел процесс поедания пищи три миллиарда двадцать семь лет тому назад, в воскресенье утром, в четверть десятого, — озвучил текст Большой

Рыжий. — Процесс получил очень широкое распространение, потому что раньше люди не знали, что делать со ртами все то время, когда они не разговаривали, и быстро перекинулся на другие планеты. — Он помолчал, глядя на маленький экран. — Вот еще одно. Моисей не только привел свой народ из рабства к Земле Обетованной, но и изобрел первый десерт. Насчет рецепта у Эйнштейна есть сомнения, но вроде бы в его состав входили инжир, мед и взбитые сливки.

— Ничего глупее за всю свою жизнь я не слышал, — фыркнул Бейкер. — Хотя чего только не наслушаешься в барах.

— Наверное, ты не прав, — заметил Аргиль. — Если человечество не систематизирует свою историю, сие не означает, что остальные тоже этим не занимаются.

— О какой истории ты ведешь речь? — пренебрежительно спросил Бейкер.

— Мой предок, Куиллот Тариот Третий, самолично изобрел чих.

— Чих не изобретают, — отрезал Бейкер. — Чихают, и все дела.

— Да, но кто-то должен был чихнуть первым.

— Я в это не верю.

— Ладно, — согласился Аргиль. — Тогда кто, по-твоему, изобрел чих?

— Откуда мне знать?

— Ха! — торжествующе воскликнул Аргиль. — И я повторяю: Ха!

— Это достижение, — вставил Неистовый Бык.

— Благодарю, — откликнулся Аргиль.

— Разумеется, наш народ изобрел каламбур и контекст, а также ссылку.

— И цвета, — добавил Сидящий Конь. — Не забывай — мы изобрели и цвета.

— И чертовски хорошо, что изобрели, — кивнул Неистовый Бык. — Вы и представить себе не можете, каким унылым местом была Вселенная до изобретения цветов. Совсем как черно-белый голоэкран, только побольше размером.

— Она и потом оставалась унылой, — встряла Сахара дель Рио. — До тех пор, пока мой народ не изобрел пения.

— Твой народ изобрел что? — в изумлении переспросил Неистовый Бык.

— Хочешь, чтобы я продемонстрировала?

— Естественно.

Она тут же взяла высокое ля, и шесть моих хрустальных стаканов разлетелись вдребезги.

— Ну, может, мы и не изобрели пение, — подал голос Адский Огонь ван Винкль, — но готов спорить, что изобретение йодля — это наше.

— Интересно, кто изобрел азартные игры? — промурлыкал О'Грейди. — Вот уж ради чего стоит жить.

— Одну минуту, — прервал дискуссию Большой Рыжий. — Еще одно сообщение от Эйнштейна.

Мы все замолчали, дожидаясь продолжения.

— Он говорит, что мы все не правы. Пение, цвета, азартные игры и йодль — это хорошо, но есть только одно изобретение, ради которого действительно стоит жить.

Все молчали, зная, что Эйнштейн никогда не ошибается.

— Он собирается рассказать нам о нем? — спросил Макс.

— Да, — кивнул Большой Рыжий, не отрывая глаз от экрана. — Уже рассказывает.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Вы знаете (начал Эйнштейн), что первые чертежи Бог сделал из рук вон плохо.

Рассмотрим, к примеру, Вселенную, а мы можем рассмотреть только ее, потому что другой нет. Ей семнадцать миллиардов лет, плюс-минус несколько месяцев, и при этом прошло четырнадцать миллиардов, прежде чем где-то зародилась жизнь.

И первые живые существа были не из тех, о ком хочется написать домой, какими можно гордиться. Одноклеточные, невидимые глазу, впрочем, это и хорошо, поскольку с микроскопом становилось ясно, что они страшны, как смертный грех.

Со временем у них появились руки, ноги, ноздри и прочее, они выползли из первозданного болота на сушу.

— Он говорит о Земле? — спросила Золушка. — Не думала, что человечеству столько лет.

— Я его спрошу. — Большой Рыжий отпечатал вопрос.

Вы думаете, у Земли монополия на первозданное болото (спросил Эйнштейн)? Между прочим, первыми из грязи и тины на сушу выбрались белдорианцы с Даникса IV. Гуманоиды, не без достоинств, но им потребовался миллиард лет, чтобы изобрести средства личной гигиены.

— Он думает, что средства личной гигиены — величайшее изобретение всех времен? — с саркастической улыбкой спросил Макс Три Ствола.

Если меня еще раз прервут, я перестану развлекать вас и сосредоточусь на своем стакане (передал компьютер слова Эйнштейна, который хмурился и своими невидящими глазами смотрел прямо на Макса).

Как я и говорил, белдорианцы были гуманоидами. Со стороны могло показаться, что у них всех под мышками опухоли, но опытный наблюдатель скоро бы заметил, что эти опухоли на самом деле — белдорианские зародыши, потому что размножались белдорианцы почкованием.

Наверное, нет нужды особо отмечать, что с каждым поколением их число уменьшалось. Действительно, кому охота таскать под мышками по неродившемуся ребенку. Среди прочего, они мешали бросать копье и, уж конечно, не способствовали изобретению баскетбола. Продолжение рода доставляло слишком много хлопот, и все меньше белдорианцев взваливали на себя такую ношу.

И вот тут Игглот, белдорианец, только-только достигший половой зрелости, случайно потерся о свою подругу Марлит, когда они спали в пещере, и обнаружил, что на ощупь она очень приятная. Поэтому прикоснулся к ней снова. Вообще-то она всегда крепко спала, но все эти прикосновения

разбудили ее, она пришла к выводу, что ей это нравится, и ответила ему взаимностью. Следующий месяц они только и делали, что трогали друг друга в разных местах, прерываясь лишь для того, чтобы съесть сандвич.

Прикосновения вообще были приятны, но, когда они потрогали друг друга *там*, по телу побежали искры. В тот же день сандвичи у них закончились и, поскольку рты остались не у дел, они изобрели целование. Еще семь лет ушло на то, чтобы методом проб и ошибок сделать следующий шаг, но в конце концов одним дождливым осенним днем они изобрели половой акт.

Конечно, если бы все эти изобретения остались достоянием только этой парочки, галактическая история пошла бы другим и существенно менее интересным путем. Но случилось так, что Барлотут, самый близкий друг Игглота, как-то раз заглянул к нему, чтобы узнать, не пойдет ли тот на рыбалку.

— Уходи, — пробормотал Игглот. — Я занят.

— И когда ты освободишься? — добродушно спросил Барлотут, который в общем-то никуда не торопился.

— Через год, начиная со следующего четверга, — рявкнула Марлит.

До этого момента Барлотут и не подозревал, что Игглот не один, в пещере было довольно темно, но теперь он прищурил все свои пять глаз и всмотрелся в темноту.

— А что это вы тут делаете? — полюбопытствовал он.

— Мы не знаем, как это называется, — ответил Игглот. — Но очень приятно! Тебе стоит попробовать.

— Нет ничего приятнее рыбалки! — уверенно заявил Барлотут.

— Отлично. — Игглот тяжело дышал. — Иди ловить рыбу и оставь нас одних.

Барлотут уже собрался ответить, но тут Марлит начала все громче и громче смеяться, а потом издала радостный (и рвущий барабанные перепонки) крик.

— Хорошо. — Барлотут повернулся и пошел прочь. — Если это действительно так приятно, я попробую.

Он попробовал, поделился своими впечатлениями, и скоро все белдорианцы делали это. Поначалу изобретение не при-

несло результатов, они по-прежнему носили неродившихся младенцев под мышками, но мутация — великая вещь, так что скоро младенцы больше не отпочковывались, а секс стал настолько популярен, что распространился по всей галактике среди как разумных, так и неразумных видов, хотя я предполагаю, что пересечь межгалактическую пропасть ему все же не удалось и в Туманности Андромеды размножение по-прежнему происходит почкованием.

Вот так все произошло и, появись сейчас перед нами Иглот и Марлит, я уверен, что мы все аплодировали бы им стоя. А если бы они перестали трогать друг друга, чтобы уделить нам минимум внимания, я в не меньшей степени уверен, что они испытывали бы законное чувство глубокого удовлетворения, узнав, с каким энтузиазмом все и каждый внедряют их изобретение в жизнь.

По моему разумению, они изобрели не только половой акт, они изобрели мутацию.

— Я ничего этого не знал, — признал Катастрофа Бейкер.

— Вселенная полна тайн, — изрек Ахмед Альфардский. — Странно, конечно, — задумчиво продолжил он, — но большинство из них может быть раскрыто в постели с представителем противоположного пола.

— И нет ничего более противоположного, чем женщины, — уточнил Никодемий Мейфлауэр, с восхищением глядя на Золушку.

— Только представьте себе, — продолжил Бейкер. — Если бы не эти двое белдорианцев, которые жили миллиарды лет тому назад, я бы сейчас смотрел на Силиконовую Карни и ничего не чувствовал.

— Сейчас ты ничего и не почувствуешь, — отрезала Карни. — Так что не распускай руки.

Все рассмеялись, Катастрофа Бейкер громче остальных.

Я сверился с часами за стойкой. Обычно мы начинали закрываться через полчаса, но герои спали меньше, чем обычные люди. Опять же, в этот вечер они настроились на долгий разговор. А кроме того, следовало приглядывать за вражес-

кими кораблями, вот я и велел Регги держать бар открытым до последнего клиента.

Бейкер допил стакан, подошел к Большому Рыжему.

— Спроси Эйнштейна, кто изобрел Бога.

Большой Рыжий передал вопрос и практически сразу получил ответ.

— Он говорит, что дебаты еще продолжаются и нет полной ясности в том, кто кого изобрел, Бог — нас или мы — Бога.

— Может кто-то третий изобрел и нас, и Бога, — предположил Макс, который просто не мог держать рот на замке.

— А может, Эйнштейн и должен направить все ресурсы своего мозга на поиски ответа на этот вопрос? — спросил Бейкер.

В молчании они дожидались ответа Эйнштейна. Пауза не затянулась.

— Он говорит, что предпочел бы поискать ответ на другой вопрос: что появилось первым, курица или яйцо?

— Даже представить себе не могу, — признался Бейкер. — Но в любом случае я снимаю шляпу перед тем, кто изобрел сковородку.

— Вы просто ничего не понимаете, — подал голос преподобный Билли Карма. — Бог изобрел все. Он просто использует людей и инопланетян как свои инструменты.

— Да? — вскинулся Макс. — Тогда, может, ты скажешь мне, зачем он изобрел прыщи и чесотку?

— Нельзя оценить добро, не познав зла, вот нельзя и оценить хорошее здоровье, не узнав, что есть болезнь.

— А почему я должен это оценивать? — не унимался Макс. — Почему я не могу просто наслаждаться хорошим здоровьем? Или Бог — эгоистичная примадонна и требует, чтобы все денно и нощно возносили Ему хвалу?

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу такие разговоры. — Билли Карма повернулся к Аргилю. — Давай лучше поговорим о боге сексуальной потенции. Может, это богохульство, но этот бог куда интересней всех философских вопросов.

— А меня очень интересуют философские вопросы, — ответил многоцветный инопланетянин.

— Я предчувствовал, что услышу от тебя такие слова, — пробормотал Билли Карма.

— Более того, — продолжил Аргиль, — в молодости я тратил все свои деньги на поиск ответов на вечные вопросы.

— И тебе удалось найти эти ответы?

— Случалось.

— Поделишься с нами?

Аргиль пожал плечами, превратившись в живой калейдоскоп.

— Почему нет?

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Рос я (начал Аргиль) очень любопытным. Доставал всех трех моих родителей бесконечными вопросами и наконец, чтобы отделаться от меня, они купили мне компьютер, который я тут же окрестил МО, то есть Машина Ответов.

Поначалу она могла отвечать практически на все мои достаточно простые вопросы. Разумеется, она не знала, почему все лифты приезжают вместе или почему ни один взрослый не может открыть бутылочку, снабженную специальной крышкой, предназначенной для того, чтобы до содержимого не добрались дети, но с большинством вопросов справлялась без труда.

К примеру, как и любой ребенок, я спрашивал, почему небо зеленое.

МО тратила на поиск ответа одну или две наносекунды, чтобы ответить, что на моей планете небо зеленое, потому что все континенты покрыты зеленой травой, а океаны — слоем быстро растущих и дурно пахнущих водорослей, но вообще-то небо бывает всех цветов, включая синий, лиловый, фиолетовый, индиго, желтый, красный, оранжевый, розовато-лиловый, бежевый, красновато-коричневый и лакричный.

Или я мог спросить: «Как высоко оно находится?» — еще один любимый вопрос подрастающих оболтусов.

МО объясняла, что все относительно, и высоко — оно разное, в зависимости от того, где ты находишься, на вер-

шине горы или в долине, тем самым побуждая меня к более конкретному мышлению и точному выражению своих мыслей.

А когда у меня появлялись лишние кредитки, я покупал МО новые блоки памяти и более мощные процессоры. Со временем усложнялись и вопросы.

— Например? — спросил Макс, который никак не мог избавиться от привычки прерывать рассказчика.

— Например, — ответил Аргиль, — я — не млекопитающее и у моего народа три пола, но почему меня тянет к грудастым женщинам?

— Чертовски хороший вопрос, — кивнул Макс. — И что ответила МО?

Что это универсальная константа (сказал Аргиль) и мне не стоит ломать над этим голову.

Подрастая и набираясь ума, я как-то спросил, сопровождается ли шумом падение дерева в пустом лесу. МО, как мне показалось, со вздохом объяснила, что без деревьев нет леса, и мой вопрос лишен здравого смысла.

Или я задавал вопрос: если Бог создал меня, то кто создал Бога? МО отвечала, что первая половина вопроса безосновательная, если только я не смогу доказать, что Бог создал меня, в чем она, МО, очень сомневается.

В общем, я покупал МО процессоры и блоки памяти, заставлял постоянно работать на пределе возможностей.

К примеру, поскольку я покланяюсь тридцати семи богам, а люди — одному, я решил доказать, что они не правы. Провел кое-какие исследования и выяснил, что человечество очень уж полагается на Первый причинный аргумент. Вы все его знаете: для каждого следствия есть причина, и когда, двигаясь назад, вы добираетесь до самой первой причины, за которой ничего нет, вы называете ее Богом. Вот я и спросил МО, сможет ли она опровергнуть Первый причинный аргумент.

— Безусловно, — без запинки ответила она. — Чтобы опровергнуть его, надо просто доказать, что не у всего есть первичность.

— Хорошо, значит, ты можешь его опровергнуть. — Тут я понял, что опять выражаюсь недостаточно ясно. — Опровергнешь?

— Если хочешь. Рассмотрим множество отрицательных целых чисел. Последнее, самое большое — минус один. Предпоследнее — минус два. А первого, минус бесконечность, не существует.

— Великолепно! — воскликнул я, но тут же у меня возникли сомнения. — А может, это всего лишь исключение? Единственное, которое только подтверждает правило, которым руководствовались тысячелетия?

— Хочешь получить другие доказательства — пожалуйста, — ответила МО. — Рассмотрим все правильные дроби. Последняя, самая большая, единица, поделенная на единицы. Следующая, единица, поделенная на два, то есть одна вторая. Потом одна третья и так далее. А первой дроби, единицы, поделенной на бесконечность, не существует.

— Спасибо, МО.

— Это слишком легкий вопрос. Задай какой-нибудь потруднее.

— Другим доказательством существования Бога является общепринятый постулат епископа Баркли*: Бог — невидимый наблюдатель. Можешь ты его опровергнуть?

МО задумалась на три наносекунды.

— Нет, но я могу показать, насколько тривиально это утверждение.

— Тривиально? В каком смысле?

— Подожди, пока я загляну в стихотворную библиотеку, — ответила МО. — Ага, вот оно. Итак, я могу сжать все сказанное епископом Баркли, каждый его довод, каждое слово его трудов, в простенькое стихотворение из четырех строк:

Мой отточен слух и всевидящ взгляд,
Он фиксирует все, что видит подряд.
И ночью, и днем, далек как звезда,
Я есть Бог, и я рядом всегда.

* Автор сознательно коверкает фамилию: все-таки прошло много тысячелетий. Речь идет о епископе Джордже Беркли (1685—1753), философе, представителе субъективного идеализма.

— Согласись, — продолжила МО, — то, что можно выразить фривольным стишком, никоим образом не тянет на вселенскую мудрость. И потом, при таком раскладе Бог превращается в Любопытного Тома*. Да кто захочет поклоняться божеству, постоянно подсматривающему за всеми?

— Раз ты это утверждаешь...

— Только что утвердила, — ответила МО.

Шли годы, я жаждал новых знаний, и наконец пришел день, когда я начал искать ответ на главный вопрос нашей жизни.

Но тут возникла проблема: МО не обладала достаточной мощностью, чтобы осознать этот вопрос. Да, она могла в полнаносекунды рассчитать диаметр электрона или указать время Большого Взрыва с точностью до семнадцати минут... но я требовал от нее невозможного.

Я понимал, что единственная возможность получить нужные мне ответы — увеличить мощность МО в тысячи, может, в десятки тысяч раз. На это требовались деньги, больше, чем я мог заработать за несколько жизней.

Однако я не сомневался, если я доведу мощность МО до требуемого уровня и она ответит на все мои вопросы, галактика от этого только выиграет. Вот почему я и ограбил крупнейший банк нашей планеты. План был безупречный: МО, которая также хотела повысить свой интеллектуальный потенциал, внесла в него свою лепту. Признаюсь, уже наполняя мешки деньгами, я вознес молитву Мориксомету, Богу гнусных деяний, совершаемых ради благородных целей. Я уверен, что Он услышал меня и простил, и искренне сожалею о шестнадцати невинных прохожих, так некстати оказавшихся рядом с банком.

---

* Любопытный Том — портной, подглядывавший за леди Годивой (леди Годива — легендарная покровительница г. Ковентри. В 1040 г. ее супруг наложил тяжелые повинности на горожан, пообещав отменить их, если леди Годива обнаженной проедет на коне через весь город. Она проехала, прикрытая лишь своими длинными волосами, все горожане, за исключением одного, закрыли глаза, и повинности были сняты) и внезапно ослепший. Нарицательное прозвище человека с нездоровым любопытством.

Все до последней кредитки я потратил на процессоры и блоки памяти для МО, с тем чтобы наконец-то задать Вопрос.

— Ты готова? — спросил я.

— Роджер*! — последовал ответ.

— Тогда слушай. — Я выдержал театральную паузу. — *Почему?*

Обычно на обдумывание ответа у МО уходило меньше секунды. Действительно сложные вопросы требовали порядка полминуты. На этот раз пауза затянулась на одиннадцать минут, после чего машина ответила:

— Почему нет?

Вот тогда я понял, что денег всей планеты не хватит для того, чтобы создать искусственный мозг, способный ответить на Главный вопрос. Полетел в Пограничье и стал известным преступником, хотя никто не знал, что я грабил, насиловал и убивал по благороднейшей из причин.

По прошествии шестнадцати лет я почувствовал, что собрал достаточно денег, и вложил их все в развитие мозга МО. После чего она стала как минимум в три раза умнее Центрального компьютера на Делуросе VIII.

Я активировал МО и вновь задал Вопрос:

— *Почему?*

На этот раз она гудела, урчала и мигала три дня и три ночи, рассматривая все возможные ответы, каждую альтернативу, все нюансы секрета нашего существования. И наконец наступил момент, к которому мы оба шли много лет: МО произнесла, а я услышал Главный ответ.

— *Потому что.*

— И это все? — изумился я.

— Это все, — подтвердила МО.

Вот тогда я понял, что Главный вопрос так и останется неотвеченным.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Всегда готова услужить, — ответила МО.

В итоге я полностью порвал с прошлым, расстался с МО, вернулся в Пограничье, на этот раз, чтобы больше не уезжать. И теперь задаю только один вопрос: «Где бар?»

Однако по-прежнему люблю грудастых женщин.

---

* Роджер — из армейского лексикона. В данном контексте: «Так точно».

* * *

— Значит, МО существует? — спросил О'Грейди.

— Да. А что?

— Она не может ответить на Главный вопрос, но, готов спорить, рассчитать вероятность результатов игр следующей недели ей вполне по силам.

— Я думаю, это так благородно, провести полжизни в поисках секрета нашего существования. — Золушка вздохнула. — Жаль только, что ради этого пришлось убивать и насиловать людей.

— Все это ерунда, — отмахнулся Макс. — Мы здесь только для того, чтобы наделать множество себе подобных и с чувством выполненного долга лечь в могилу.

— Тогда нам чертовски повезло, что белдорианцам удалось совместить полезное с приятным, — вставил Никодемий Мейфлауэр.

— Нет, я с этим не согласен, — покачал головой Большой Рыжий. — Я думаю, у каждого из нас своя цель. Если бы вы спросили Мейджика Абдул-Джордана, хочет ли он стать отцом выводка восемнадцатифутовых мальчиков и девочек, думаю, он ответил бы, что скорее бы застрелился, чем обрек на такие страдания своих отпрысков.

— Правильно, — поддержал его Маленький Майк Пикассо. — Воспроизводить себе подобных — это хорошо, но ради чего? Я бы скорее создал произведение искусства, которое останется в веках, чем способствовал появлению на свет десятка детей, обреченных на скучную, обыденную жизнь.

— Никто из тех, кто добирается до «Аванпоста», не может пожаловаться на скучную, обыденную жизнь, — заметил Бард. — Так с чего ты решил, что именно такая ждет их потомков?

— Ты же знаешь, что на детях природа отдыхает, — ответил ему Макс Три Ствола. — Так что это еще вопрос, какими уникумами будут наши дети. Я вот не могу припомнить никого из наших родителей, чья слава гремела бы по всему Пограничью. Мы просто выродки. Конечно, великие и героические, но все равно выродки.

Никодемий Мейфлауэр с ним не согласился.

— Ты хочешь сказать, что Эйнштейн и Золушка не могут родить ребенка с его умом и ее внешностью?

— Я полагаю, куда вероятнее, что у их ребенка будет ее ум и его внешность, — ответил Макс.

— И что ты хочешь этим сказать? — сверкнула глазами Золушка.

— Только не подумай, что я хотел тебя обидеть, — продолжил Макс. — Но разве кто-нибудь мог заранее предвидеть, что мы все, собравшиеся в этой таверне, станем такими? Твоя мать была самой сексуальной женщиной во всем секторе галактики? Отец Катастрофы Бейкера выкашивал целые батальоны, прежде чем улечься в постель со священной жрицей? Есть у Маленького Майка Пикассо пять братьев и сестер, ваяющих произведения искусства, которые могут сойти за творения старых мастеров? Я говорю, мы все уникумы, и не вижу в этом ничего странного.

— В этом и нет ничего странного, — отозвался Бард. — Но возникают серьезные сомнения насчет научности положений генетики.

— Велика беда, — пожал плечами Макс. — Ты когда-нибудь видел ген?

— Я никогда не видел и сверхнового, — ответил Бард. — Но у меня есть достоверные свидетельства их существования.

— Будешь и дальше спорить со мной, не позволю тебе писать обо мне в твоей книге, — пригрозил Макс.

— Будешь и дальше говорить глупости, я сам тебя вычеркну.

— Если вычеркнешь меня из этой книги, я размозжу тебе голову! — взревел Макс, который, похоже, был не в ладах с логикой.

— Размозжи мне голову, и эта книга никогда не будет написана, — парировал Бард.

— Я как-то об этом не подумал, — пробурчал Макс. — Ладно, живи. — Он помолчал. — Так о чем мы говорили?

— О глобальных истинах и смысле жизни, — ответил Никодемий Мейфлауэр. — О вечном.

— Только мы решили, что ответов никто не знает, — добавил Маленький Майк Пикассо.

— Кто-то знает, — возразил Катастрофа Бейкер, который долго молчал (во всяком случае, для него).

Аргиль покачал головой:

— Даже МО не знала.

— МО ошибалась. Есть один человек, который знает тайны Вселенной и цель жизни.

— А ты с ним знаком, не так ли?

— Если уж на то пошло, да.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР И МАГ КЛУБЯЩИХСЯ ТУМАНОВ

Я, как вы знаете, не философ (начал Бейкер). В моем деле универсальные истины большой роли не играют. Я хочу сказать, увидев злодея, творящего злодеяния, не останавливаешься, чтобы задаться вопросом, виновато ли общество в том, что он стал злодеем, и соответствует ли наказание его прегрешениям. Нет, просто отправляешь сукина сына к праотцам, а уж потом тревожишься о последствиях.

Вот почему я не стремился к встрече с Магом Клубящихся Туманов. Люди доверяли ему свои секреты, надежды, мечты, но меня это не трогало.

Зато меня очень интересовала Звезда Вифлеема, самая красивая синекожая девица, которую мне доводилось видеть. Мутант, с синей кожей и оранжевыми глазами, в остальном она могла дать фору Золушке. Уж извини, но это правда.

Впервые я увидел ее на Прего Миноулли IV. Она как раз выходила из отеля, и я влюбился в нее с первого взгляда. Сомневаюсь, что она заметила меня, но какое это имело значение? Мое сердце так и выпрыгивало из груди, в горле пересохло, ладони вспотели, и по собственному опыту я знал, что это симптомы вечной любви.

Пару часов я болтался в вестибюле отеля, чтобы выразить ей свои чувства, подхватить на руки и унести в номер, где мы могли провести медовый месяц, но она вернулась в со-

провождении плотного, коренастого мужчины в тюрбане и плаще, усеянных звездами и полумесяцами.

Я сразу подошел и галантно ей поклонился.

— Мэм, я восхищался вами издалека, но пришло время объявить о моей самозабвенной любви и восхититься вами вблизи.

— Оставь нас в покое! — буркнул мужчина, толкнув меня в плечо. Выше он просто не доставал.

Первым ударом я врезал ему по ребрам, вторым вышиб девять зубов, мягко намекая на то, что не след так разговаривать со мной, но, когда повернулся к синекожему идеалу женственности, она уже исчезла в кабине воздушного лифта. В отеле было порядка тысячи пятисот номеров и я уже собрался вышибить двери всех, но найти ее, когда подумал о более быстром и не столь утомительном способе. Шагнул к лежащему на полу парню в тюрбане, оттащил его к стене, присел рядом.

— Привет, сосед.

С криком ужаса он свернулся в позу зародыша.

— Да перестань. — Я развернул его, стараясь не обращать внимания на треск и хруст костей. — Я же не хотел причинять тебе вреда. Просто не люблю, когда меня толкают недомерки в тюрбанах, а потом, ты стоял между мной и самой прекрасной женщиной галактики.

— Мне нужен врач.

— Действительно, раньше я этого не замечал, но ты сильно шепелявишь, дружище.

— Я не шепелявил, пока ты не вышиб мне все зубы, — фыркнул он. Вернее, плюнул, потому что теперь ничто не мешало слюне вылетать изо рта.

— Ты ко мне несправедлив. — Я силком раздвинул ему челюсти. — У тебя осталось еще много зубов, как минимум дюжина... и если ты хочешь их сохранить, начинай-ка отвечать на мои вопросы.

Он хотел что-то сказать, но лишь всхлипнул.

— Эта синекожая леди, с который ты пришел. Как ее зовут?

— Звезда Вифлеема.

— Вифлеем — это что, пьеса, фильм? — спросил я в надежде услышать, что это стрип-шоу.

— Ее имя! — проверещал он. — А теперь отпусти меня.

— Скоро отпущу, — пообещал я. — Поверь мне, сидеть на твоей груди — удовольствие маленькое. Но, раз я собирался провести остаток дней с этой леди, хотелось бы узнать о ней побольше. Для начала скажи, где она работает?

— Она и я работаем на одной планете, — ответил он, а потом отключился, то ли от страха, то ли от недостатка воздуха.

Мне не хотелось общаться с местными жандармами, которые все еще злились на меня за стычку в баре «Аристотель», после которой полдесятка их коллег попали в больницу, поэтому я поднял парня в тюрбане, перекинул через плечо, вынес на свежий ночной воздух и бродил по городу чуть ли не час, пока не нашел пункт экстренной помощи, где его и оставил.

(Мне следовало задать вопрос-другой, когда я увидел, что остальные пациенты — животные, но по крайней мере ветеринар работал и ночью, чего я не мог сказать об этих богатых, закормленных врачах.)

Вернувшись в отель, я спросил портье, где мне найти Звезду Вифлеема. Он вытащил на трехмерный дисплей компьютера карту звездного неба и уже начал искать, но я схватил портье за шиворот, пару раз тряхнул, чтобы убедиться, что привлек его внимание, и вежливо сообщил ему, что Звездой Вифлеема может быть что угодно, включая и небесное тело, но интересующая меня носит обтягивающее платье и живет в отеле.

Он извинился и приказал механическому уборщику подтереть маленькую лужу, образовавшуюся на полу, после чего сверился с регистрационной книгой. И внезапно побледнел, как полотно.

— Такое ощущение, что ты увидел призрака, — заметил я.

— Я просто представил себе, что сейчас будет.

Я не понял, что он хотел этим сказать, да меня это и не интересовало.

— Так в каком она номере?

— Она выписалась полчаса тому назад, — ответил портье и сжался, будто ожидал, что потолок рухнет ему на голову.

— И куда она поехала? — спросил я.

— Сейчас посмотрю. — Он буквально уткнулся в компьютер носом.

— Знаешь, — заметил я, глядя на его руки, — тебе надо обратиться к врачу до того, как тремор усилится.

— Я так и сделаю, как только закончится смена. Ага, она успела на лайнер, улетевший на Данте II.

— Что еще ты о ней знаешь? — я надеялся, он скажет мне, замужем ли она, а если да — любит ли своего мужа.

— Только то, что ее спутник назвался ассистентом Мага Клубящихся Туманов.

— Мага Клубящихся Туманов? — повторил я, гадая, а есть ли хоть у кого из участников этой истории, за исключением меня, нормальные имя и фамилия.

— Да, — кивнул портье. — Я его никогда не видел, но говорят, что он может предсказывать будущее, объяснять все тайны Вселенной и даже знает, как лягут кости.

— С таким не грех и подружиться, — признал я. — Надеюсь, он не писаный красавец?

— Он — мастер магии, — ответил портье. — Для такого внешность ничего не значит.

Меня больше волновало другое: что значит внешность для Звезды Вифлеема, но я оставил эти мысли при себе, отправился в космопорт, поднялся на борт своего корабля и направил его к Данте II, планете звездной системы Вергилий, затерявшейся в Спиральном Рукаве.

Путь туда занял бóльшую часть двух недель, и за это время моя любовь к Звезде Вифлеема выросла и окрепла. Я уже все решил за нас обоих, и оставался только один вопрос: позволит ли она звать ее просто Звездой? Уж очень не хотелось всякий раз обращаться к ней Звезда Вифлеема.

После приземления я прошел через таможню, быстрее, чем обычно, потому что обо мне в такой глуши не слышали, и отправился на поиски Звезды. Остановил первого встречного с намерением спросить у него, где я смогу найти Мага Клубящихся Туманов, но он остался лежать там, где упал.

После восьми или девяти минут ожидания терпение мое лопнуло и я зашагал дальше.

Вскоре заметил еще одного пешехода и дал ему знак остановиться и поговорить со мной.

— Хорошо, хорошо, — он поднял руки над головой, — только не наставляйте на меня бластер. Я не вооружен и не собираюсь убегать от человека, у которого целый арсенал.

— Это благоразумно, друг мой, — похвалил я его. — Я задам тебе только один вопрос, а потом ты пойдешь по своим делам.

— Это не очень хитрый вопрос? — нервно спросил он. — И что будет, если я неправильно на него отвечу?

— Вопрос простой, — заверил я его. — Но очень важный для моей сексуальной жизни и хорошего настроения. Где мне найти «Клубящиеся Туманы»?

Я опасался, что он засмеется, но вместо этого на его лице отразилось облегчение и он тут же указал мне дорогу.

— Дойдете до Четвертой улицы, а там поверните налево.

— И все дела?

— Да.

Я его поблагодарил и поспешил в указанном направлении, потому что мне не терпелось прижать Звезду Вифлеема к своей широкой груди.

Дойдя до Четвертой улицы, я повернул налево, миновал полквартала, застроенного театрами, клубами и ресторанами, и оказался перед мигающей голографической вывеской ночного клуба «Клубящиеся Туманы».

— Добро пожаловать, путник. — Швейцар, одетый, как тот тип, которому я вышиб зубы на Прего Миноулли, распахнул дверь. — Войди в «Клубящиеся Туманы» и позволь знаменитому Магу удивить тебя своей проницательностью.

Я поблагодарил его и вошел.

Шоу как раз заканчивалось, по сцене мельтешили артистки кордебалета, одетые, точнее, раздетые, как ведьмы, выделывая что-то очень любопытное с метлами, но меня интересовал не высокий уровень искусства, каким, несомненно, гордилось это заведение, а Звезда Вифлеема. Убе-

дившись, что на сцене ее нет, я прошел за кулисы и начал поиски.

Заглянул в пять или шесть уборных, вызвав пару женских криков, которые сильно меня удивили, поскольку увидел я только то, что они с гордостью демонстрировали на сцене, наконец, добрался до самой большой, где перед туалетным столиком, глядя в зеркало, сидел мужчина с длинной седой бородой и в конической шапке мага. Его халат переливался всеми цветами радуги.

— Ты — не Звезда. — Я не пытался скрыть своего разочарования.

— Я безусловно звезда, — с достоинством ответил он. — Не верь мне на слово — выйди из клуба и взгляни на афишу. Маг Клубящихся Туманов — звезда ежевечернего шоу.

— Так ты — маг? — спросил я.

— Совершенно верно.

— Хорошо! Где я смогу найти Звезду Вифлеема?

На его лице отразилось недоумение.

— На небе.

— Она — женщина, — объяснил я.

— Не знал, что звезды бывают двух полов. Потрясающе!

— Я думал, ты знаешь все.

— Я? — Он рассмеялся. — Мне доступны только карточные фокусы. — Он взмахнул рукой и на его ладони появилась карточная колода. — Вот возьми карту, любую.

— Мне не до карточных фокусов! — взревел я.

— Хорошо, только не надо выходить из себя. — он потянулся за мое ухо и его рука вернулась с яйцом. — Вот! — гордо воскликнул он. — Что ты об этом думаешь?

— Это яйцо. Большое дело.

— Но откуда оно взялось? — Его глаза весело блеснули.

— Все говорят, что как раз это ты и знаешь, — ответил я. — Появилось оно до курицы или после? А раз уж разговор зашел о твоем всезнании, где женщина, которую я люблю?

— Откуда мне знать? — удивился маг.

— Мне сказали, что ты знаешь все.

— Ага! — У него зажглись глаза. — Теперь я все понял. Тебе нужен Маг Пурпурных Туманов. Он действительно зна-

ет все. Отвечает на все вопросы о жизни и смерти и еще ни разу не ошибался. Я лишь демонстрирую ловкость рук.

— Ты уверен? — Я пристально смотрел на него, пытаясь решить, шутит он или нет.

— Абсолютно, — ответил Маг. — Он работает в соседнем квартале на этой же улице, и я слышал, что у него очаровательная синекожая ассистентка...

Продолжения я слушать не стал. Выбежал через дверь черного хода до того, как он закончил предложение, и минутой позже барабанил в закрытую дверь ночного клуба «Пурпурные Туманы».

Наконец она приоткрылась, из нее высунулся костлявый старикашка.

— Хватит стучать! — проскрипел он. — Я тебя слышу.

— Дай мне войти!

— Мы закрылись, сезон закончился.

— Какой сезон? — выкрикнул я. — Что происходит? Когда вы откроетесь?

Старикашка пожал плечами.

— Откуда мне знать? Может, никогда.

— Что ты такое говоришь? Где Маг Пурпурных Туманов?

— Сегодня покинул планету вместе со своей красавицей ассистенткой.

— Когда вернется?

— Понятия не имею, — последовал ответ. — Не оставил и адреса, где его искать.

Я, конечно, отправился на поиски, уж очень хотелось признаться в любви Звезде Вифлеема. Почти год безрезультатно рыскал по галактике, но потом встретил пару Королев Пиратов и Верховную Жрицу, которые выглядели так, словно у каждой было по паре дополнительных легких, и в итоге образ Звезды стерся из моей памяти. Остались только синяя кожа и, понятное дело, красота.

Что же касается Мага Пурпурных Туманов, полагаю, все, что говорили о нем, — правда. Но он не умел показывать карточные фокусы, а те, кто его знал, отмечали, что он не так, чтобы очень, владел лучевиком или глушаком и, в силу своего возраста, не мог в полной мере насладиться прелестя-

ми Звезды Вифлеема. Поэтому, думая о нем, я задаюсь вопросом, а стоит ли знать все секреты Вселенной?

— Если б с твоей помощью мне удалось привезти его к Эдди Высокие Ставки, я бы показал тебе, сколько он стоит, — усмехнулся Ставлю-Планету О'Грейди.

— Знаешь, обо всей этой истории с тайнами Вселенной я могу сказать только одно, — заявила Золушка. — Много шума из ничего.

— Это в каком смысле? — спросил О'Грейди.

— Ты не слушал. Самая умная машина галактики дала Аргилю ответ, который он мог бы получить чуть ли не от любого пьяницы в близлежащем баре. А Маг Клубящихся Туманов, как выясняется, только и умеет, что показывать карточные фокусы.

— Это правда, — кивнул Бейкер. — Но Маг Пурпурных Туманов...

— Ты о нем ничего не знаешь, — оборвала его Золушка.

— Кроме того, что он умыкнул твою Звезду Вифлеема, — с ухмылкой добавил Макс.

— Она была слишком совершенна, — ответил Бейкер.

— Разве кто-то может быть слишком совершенным? — удивилась Золушка.

— Она была сама чистота, — уточнил Бейкер. — А как можно наслаждаться сексом, если не чувствуешь, что пачкаешься?

— Весомый аргумент, — согласился Никодемий Мейфлауэр. — Если ты не возбуждаешься, как дикий зверь, а потом не чувствуешь себя таким виноватым, что хочется пойти в церковь и облегчить душу, да только отказываешься от этой мысли, потому что вывалялся в грязи по самое не могу и ни один священник никогда больше не заговорит с тобой...

— Я никогда в жизни не видел, не слышал и не нюхал полового акта, который шокировал бы мои нежные чувства. Не говоря уж о тех, в которых участвовал, — прервал его преподобный Билли Карма. — Ты просто собирался пойти не в ту церковь, сын мой.

— Ну, если бы мои откровения не шокировали тебя, они шокировали бы Бога, — возразил Мейфлауэр.

— Бог все понимает, — ответил Билли Карма. — И по собственному опыту я знаю, что Он любит послушать пикантную историю ничуть не меньше, чем любой из нас.

— Неплохую ты проповедуешь религию, — хмыкнул Макс.

— Самую лучшую, — не стал спорить преподобный. — Я хочу сказать, только хорошая религия может привлечь грешников. На этом Бог и живет, за счет притока свежей крови.

— Никогда не смотрел на религию с этой позиции, — признал Бейкер.

— Мало кто смотрит, — ответил Билли Карма. — Иначе вы все рванули бы в проповедники.

— Значит, шокировать Бога нелегко?

— Шокировать Бога почти так же трудно, как и меня. Возьмем вот эту милую леди. — Он указал на Золушку. — Этим утром у нее возникло желание покаяться в своих грехах, а может, чуть-чуть похвалиться ими, и, пусть мы принадлежим к разным ветвям церкви, я сел и слушал ее три часа. — Он помолчал, оглядел зал. — Так вот, братья, у меня участилось дыхание, потекли слюни, руки начали дрожать, а раз или два я даже выходил наружу, чтобы взглянуть на солнце (луны по утрам не бывает). Я запинался, заикался, выл, как собака, но никакого шока не было. Да, я возбудился. Да, она меня распалила. Но шокировать? Никогда! — Тут он подмигнул Золушке. — В скором времени мы еще раз поговорим по душам, не так ли?

— Думаю, я всю жизнь ходил не в ту церковь. — Бейкер покачал головой.

— Даже не знаю, что тебе и сказать, — повернулся к нему Макс. — Исходя из того, что нам о тебе известно, ты мог зайти в церковь только для того, чтобы вынести из нее весталку-девственницу* или двух, и они недолго бы оставались весталками.

— Ты хотел сказать, девственницами, — уточнила Золушка.

---

* Вообще-то весталка и есть девственница, но по каким-то причинам автор разделяет эти термины.

— И ими тоже.

— Да, интересный у тебя взгляд на бытие, преподобный, — отметил Никодемий Мейфлауэр.

— Иначе и быть не может, — ответил Билли Карма. — В конце концов, я — глаза и уши Бога на этой временной стадии существования.

— Большую часть прошлой ночи он старался убедить меня, что он — и руки Бога, — добавила Силиконовая Карни.

— Ты никогда не слышала о возложении рук? — в насмешливом изумлении спросил преподобный.

— Нет, если говорить о тех местах, куда ты пытался их возложить.

— Чем больше я слышу о религии этого человека, тем больше она мне нравится, — объявил Бейкер.

— Чем больше я слышу о ней, тем больше мне кажется, что я практиковал ее двадцать лет, не зная об этом, — высказал свое мнение Макс.

— Что еще ты можешь рассказать мне о ней? — спросил Бейкер. — Есть ли в твоей религии святые?

— Разве ты не заметил? — удивился Билли Карма. — Этим утром я доказал свою святость тем, что, слушая Золушку, просто сидел, а не набросился на нее.

— Ну... — сурово начала Золушка.

— Не набросился в страстном порыве, — поправился Билли Карма.

— Слушай. Я там была! — воскликнула Золушка.

— Ладно, не встретил понимания, — признал Билли Карма. Повернулся к Бейкеру. — Святых нет.

— А как насчет пророков? — спросил О'Грейди, которого разговор начинал интересовать только в те моменты, когда речь шла о ставках и вероятностях.

— Людей, которые предсказывают будущее, полным-полно в любой брокерской фирме или букмекерской конторе, — усмехнулся Макс. — И все они нищие.

— Пророки у нас были, — ответил преподобный. — Включая двух, возможно, наиболее интересных в истории организованной религии.

— Организованной религии восемь или девять тысяч лет, — сухо заметил Макс.

— Ерунда, — отмахнулся Билли Карма. — Религия не была организованной, пока лет пятнадцать тому назад я не написал основные правила организации. С тех пор внес в них пятьдесят три поправки, необходимость в которых обычно появлялась после бурного вечера в борделе. — Он посмотрел на Силиконовую Карни. — Возможно, скоро придет время пятьдесят четвертой.

— Скорее тебя распнут на кресте, — ответила она.

— Что с тобой, женщина? — вскричал Билли Карма. — Религия должна приносить наслаждение, или какой смысл практиковать ее?

— Я бы получила наслаждение, увидев тебя на кресте.

— Как бы она не загнала тебя туда, преподобный, — вставил Макс.

— Так что насчет упомянутых тобой пророков? — спросил Бейкер.

— Не надо его подталкивать. — Макс усмехнулся. — Он и так все расскажет.

— Но вы только подумайте о всем том, что он не сможет делать, пока будет рассказывать, — воскликнула Золушка.

— Со мной он бы ничего этого делать не стал, не так ли? — спросил Макс преподобного.

— Будьте уверены, я сейчас не в том настроении, чтобы начать работать над новой поправкой, — заверил его Билли. — Так хотите услышать об этих пророках или нет?

— Не знаю, — покачал головой Макс. — Может, нам стоит проголосовать.

— Ты не предлагал голосовать, когда истории рассказывали другие.

— Они не тратили три миллиона слов, чтобы подойти к самой истории, — указал Макс. — Кто за то, чтобы Билли Карма рассказал об этих пророках, скажите да.

— Да, — сказал Катастрофа Бейкер.

— Кто против?

— Все, — хором взревели остальные.

Макс посмотрел на Бейкера, и увиденное в его глазах облегчило подведение итогов голосования.

— Слушаем тебя, преподобный.

ПРОРОК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ОШИБАЛСЯ

Совсем молодым (начал Билли Карма), только ступившим на путь проповедника, я наткнулся на двух братьев, сиамских близнецов, сросшихся бедрами. Я делал все, что мог, пытаясь поднять им настроение, но они уверовали, что Бог отвернулся от них, и однажды в грозу вышли на поле и попросили Его ударить в них молнией, чтобы избавить от страданий.

И Господь Бог откликнулся на их просьбу. Правда, чуть промахнулся, возможно, из-за плохой видимости, и вместо того, чтобы убить их молнией, разделил. От шока они впали в кому, потеряли много крови, но их нашли, привезли в больницу до того, как они успели умереть, где они долго лежали, облепленные трубочками и проводами.

Наконец один из них открыл глаза и спросил, где он и что с ним произошло. Медсестры и врачи успокоили его, объяснили что к чему, а Господь сотворил еще одно чудо: через неделю очнувшийся близнец полностью выздоровел.

А накануне выписки из больницы упомянул, что ему очень бы хотелось избавиться от уродливого шрама на левом бедре и, о чудо, шрам исчез еще до того, как слова слетели с губ.

— Я хочу, чтобы солнце светило сквозь облака, — сказал он, и через секунду его желание исполнилось.

Вот тут до него дошло, что он дважды благословлен Богом, и все, что он пожелает, свершится.

Он не обучался никакому ремеслу, поскольку рынок труда для сиамских близнецов ограничен, так что теперь он решил стать пророком. По большому счету, в работе он не нуждался, поскольку мог просто пожелать миллион кредиток или замок с

женской обслугой... но он хотел отблагодарить Бога за сотворенное чудо, вот и решил, что лучший способ — осчастливить других людей так, как Бог осчастливил его.

Прежде всего ему требовалось имя и он назвал себя Исаия Правый. Исаия — как пророк из Ветхого Завета, Правый, потому что в паре с братом-близнецом он был справа. Начал он с того, что женился на самой красивой девушке, а потом повесил на доме вывеску и начал пророчествовать.

Но проблема заключалась в том, что Бог, который обычно язвительные реплики предпочитал добродушным шуткам, частенько подкладывал ему свинью.

К примеру, если к нему приходил несчастный бедняк и просил предсказать будущее, Исаия Правый, вглядываясь в хрустальный шар, вернее, в его голограмму, говорил что-то вроде: «Ты станешь невообразимо богат». Бедняга благодарил и уходил, готовясь к тому, что деньги посыпятся с неба.

Но ничего не сыпалось. И действительно, если вдуматься в ответ Исаии, станет ясно, что для человека нет ничего невообразимого, а потому проситель ничего и не получал.

Однако все было бы не так плохо, если б его пророчества просто не реализовывались. Но иногда к нему приходила какая-нибудь девица весом за четыреста фунтов, вся в прыщах и с кривыми зубами, которая хотела стать красивой. Вновь Исаия всматривался в шар и объявлял: «Завтра утром ты станешь первой красавицей планеты».

Так и выходило... потому что наутро все женщины весили по пятьсот фунтов, кожу покрывала экзема, а во рту не было ни единого зуба.

Я думаю, хуже всего пришлось политику, который щедро расплатился с Исаией серебром и бриллиантами в двенадцать каратов каждый. Исаия сказал политику, что после выборов тот сможет подняться на самую высокую в мире гору и в его власти будет все, что он увидит. Понятное дело, бедняга ослеп в ночь перед выборами.

В общем, ситуация менялась от плохого к худшему, и как-то Исаия Правый подумал, что больше всего ему хочется вернуться в больницу и лечь рядом с братом, который по-прежнему спал как младенец.

В тот же вечер его ограбили и избили три старушки, вооруженные дубинками, и он таки оказался в больнице.

Но выяснилось, что его брат пробудился двумя днями раньше, и его уже обвинили в соблазнении нескольких медсестер. Он спал, когда прибыл Исаия, и, естественно, спал сном невинного младенца, потому что чуть раньше сумел доказать в суде, что лежал в кровати с женой Исаии в тот самый момент, когда должен был соблазнять медсестер.

Исаию, когда он об этом услышал, хватил удар и он вернулся в коматозное состояние. Все решили, что оно и к лучшему, и он до сих пор находится в той больнице, пророк, который никогда не ошибался.

— А что случилось с его братом? — спросил Макс.

— Я уж подумал, что ты так и не спросишь об этом, — ответил Билли Карма.

ПРОРОК, КОТОРЫЙ ОШИБАЛСЯ ВСЕГДА

Как выясняется, с чувством юмора у Бога получше, чем полагает большинство людей (продолжил Билли Карма). Потому что, если Исаия Правый никогда не ошибался, то его брат ошибался всегда. Если он говорил, что погода на диво хорошая, то через пять минут начинал идти снег. Если думал, что очередной матч по смертоболу закончится победой местной команды, в последние три минуты она теряла все семнадцать очков преимущества. Если в ресторане заказывал стейк, ему приносили салат... а когда он решал, что устраивать скандала не стоит, и просил принести соус, ему приносили хрен.

Какое-то время спустя он пришел к выводу, что тоже сможет зарабатывать на жизнь пророчествами, и взял себе имя Исаия Левый, чтобы все знали, что он — не его брат. Разумеется, ему потребовался толкователь, человек, который мог объяснить клиентам, как понимать его пророчества. Если, к примеру Исаия Левый говорил, что серому мерину никогда

не выиграть забег, сие означало, что на мерина следовало ставить последний грош.

Его следовало бы взять с собой на Новый Вегас в качестве советника. И, как только он посоветовал бы ставить на красное, передвигать все фишки на черное. А если кости бросал какой-нибудь удачливый четырехрукий дельфиниец, и он бы сказал, что этому лиловому мерзавцу никогда не выбросить шесть раз подряд по семь, именно на это следовало ставить.

Надо отметить, что очень скоро он почувствовал насущную необходимость сменить имя. Но хотел остаться противоположностью Исаии Правого, поэтому вместо Исаии Левого стал Исаия Неправый.

Он достиг впечатляющих результатов. Я помню один боксерский бой без правил, который закончился с результатом, прямо противоположным его пророчеству, лишь благодаря тому, что у рефери вылезла грыжа, а боксеры чудесным образом перенеслись на тридцать семь световых лет, где исход поединка решил жребий.

Он продолжал делать ошибочные пророчества и грести деньги. Так, разумеется, продолжаться не могло. Бог обычно не прочь пошутить, но Ему не нравится, когда кто-то шутит за его счет.

Однажды Исаия Неправый предрек клиенту неудачу в любви, и буквально на следующую ночь ему повезло и он удрал с невестой Исаии.

Следующему клиенту он сказал, что не видать тому ни славы, ни богатства. Два дня спустя агенты Управления сбора славы и богатства вышли на клиента и представили ему счет на три миллиона кредиток.

Исход двух последних пророчеств произвел на Исаию Неправого столь сильное впечатление, что, глядя на свое печальное отражение в зеркале, он сказал: «Я в тебя верю. Дела пойдут лучше».

Едва слова слетели с языка, как он понял, что натворил, но Бог не познакомил его с правилами игры и он не знал, как взять свои слова назад.

За очень короткий период времени четыре женщины подали на него в суд, требуя денег на содержание рожденных от

него детей, за неуплату очередного взноса по закладной у него отобрали дом, в офис залезли грабители и унесли все ценное, а бродячий кот укусил его за большой палец левой ноги.

Наконец он решил, что с него хватит, пошел в больницу, лег рядом с Исаией Правым и сделал последнее пророчество: «Мне так хорошо, что у меня никогда не возникнет желания поспать».

Слова эти он произнес более двадцати лет тому назад. И до сих пор похрапывает.

— Какое отношение имеет все это к твоей религии? — раздраженно спросил Макс.

— Ты просил пророков. Я тебе их дал, — ответил Билли Карма.

— Не тех, о ком хочется написать в Библии.

— Ты же не говорил, что тебе нужны ветхозаветные пророки.

— Я вообще не просил никаких пророков.

— Чего ты меня все время цепляешь? — рассердился Билли Карма. — Смотри, достанешь меня и я призову тебе на голову дождь из жаб.

— Такого не бывает.

— Мне бы твою уверенность, — вмешалась Золушка. — Стоит мне куда-нибудь пойти, так нельзя шагу ступить, чтобы не наткнуться на мерзопакостную жабу или лягушку.

— Какая пара упущенных возможностей. — Ставлю-Планету О'Грейди печально покачал головой.

— Ее возможности оставь в покое. — Максу, похоже, не терпелось с кем-то сцепиться.

— Я говорю о братьях Исаия, — ответил О'Грейди. — Человек, который смог бы использовать их потенциал за год, стал бы хозяином половины галактики.

Большой Рыжий переводил все разговоры Эйнштейну, и внезапно на его компьютере высветилось число, занявшее весь экран. Большой Рыжий показал его О'Грейди.

— Знаешь, что это?

— Понятия не имею.

— Годовая сумма налога, который платит половина галактики. Эйнштейн только что ее подсчитал. — Большой Рыжий улыбнулся. — По-прежнему хочешь стать хозяином половины галактики?

— Если бы она мне принадлежала, я бы прилетел на Делурос VIII, сел напротив Монарха, достал бы колоду карт и мы сыграли бы на налог, ничего против двойного.

— А если бы ты проиграл? — спросил Адский Огонь ван Винкль.

— С моей колодой? — По интонациям чувствовалось, что ничего более глупого О'Грейди не слышал за всю последнюю неделю. Возможно, так оно и было.

— Извини, — улыбнулся ван Винкль. — У меня что-то с головой.

— Так что, Катастрофа Бейкер, ты готов присоединиться к моей церкви? — спросил преподобный Билли Карма.

— Я об этом подумываю, — ответил Бейкер. — Должен же человек чем-то занять себя в воскресное утро.

— Помимо того, как насиловать, грабить, резать, убивать и спать допоздна? — раздался бас у дверей, и мы все повернулись, чтобы посмотреть, кто пришел. — Не могу представить себе чего-то еще.

Пара приковывала взор. Женщина высокая, стройная, с угольно-черными глазами и волосами, под цвет которых была и помада. Мужчина огромный, как Катастрофа Бейкер, с всклоченными рыжими волосами, окладистой рыжей бородой, в одежде из шкур инопланетных полярных животных. Я сразу понял, что перед нами сам Ураган Смит.

— Будь я проклят! — воскликнул Бейкер.

— Может, и будешь, — согласился Смит, — но сначала хотелось бы выпить.

Смит и его подруга проследовали к стойке, где он и Бейкер с такой силой замолотили друг друга по плечам и спине, что эти удары убили бы любого из присутствующих, за исключением разве что Могильщика Гейнса.

— Как я рад снова свидеться с тобой, Ураган! — Голос Бейкера переполняла радость. — А кто эта элегантная дама?

— Лангтри Лили, — ответил Смит. — У нас медовый месяц.

— Поздравляю! — проорал Бейкер. — Не будешь возражать, если я поцелую новобрачную?

— Ты помнишь, что случилось, когда ты в последний раз поцеловал мою спутницу? — с улыбкой ответил Смит. — А ведь с той дамой я познакомился лишь десятью минутами раньше.

Я подошел, чтобы поприветствовать их.

— Что будете пить? — спросил я. — Первый заказ за счет заведения.

— Мне денебской огненной воды, — ответил Смит. — Что тебе, дорогая?

Лангтри Лили что-то шепнула ему на ухо.

— Здесь найдется галлон кофе?

— Нет проблем.

— Пинта мороженого?

— Есть и мороженое.

— Фунт сахара?

— Сахара у нас полно.

— Она сладкоежка. Побалуем ее?

— Галлон кофе, пинта мороженого, фунт сахара, — повторил я. — Да, сейчас все будет.

— Хорошо. — Он повел Лангтри Лили к столику. — Кофе и мороженое не надо, остальное неси.

Пусть нечасто, но странные заказы случаются, так что я пожал плечами и отдал Регги соответствующие инструкции.

— Эй, ты — та самая пелопоннесская женщина, с которой ушел Ураган, не так ли? — спросил Никодемий Мейфлауэр.

— Она — моя жена, — рявкнул Смит. — Большего тебе знать не надо.

— У меня и в мыслях не было обидеть ее, — торопливо добавил Мейфлауэр. — Ураган и я служили в одной армии. Против пелопоннесов я ничего не имею.

— Так это она или не она? — прошептал Сидящий Конь.

Аккурат в этот момент мимо столика Смитов пролетала муха. Лангтри Лили открыла рот, ее язык «выстрелил» на добрые двадцать дюймов, ухватил муху, а мгновением позже мы услышали недостойный леди хруст, после чего Лангтри Лили шумно сглотнула.

— Она, — ответил Неистовый Бык.

— Это круто! — вздохнула Золушка. — Знаете, сколько бы я заработала денег, будь мой язык даже вдвое короче?

— Слуга Бога не может сидеть, сложа руки, когда его потенциальная прихожанка мучается от собственной неполноценности. — Билли Карма повернулся к Золушке. — Почему бы тебе не заглянуть ко мне чуть позже и испытать свои физические недостатки на мне?

— Потому что я не хочу, чтобы ты испытывал свои физические недостатки на мне, — фыркнула Золушка.

Когда смех стих, Бейкер сел за столик к Смиту и Лангтри Лили.

— Что привело тебя в «Аванпост»? — спросил он.

— По правде говоря, я направлялся вовсе не сюда, — ответил Смит. — Но буквально в соседней звездной системе шла жуткая стрельба, а поскольку я слышал об этом заведении, то решил скоротать здесь время, пока они не закончат эту войну.

— И какая сторона в вас стреляла? — спросил Бард.

— Черт, да обе палили по нам. Не пойму, на кого они так разозлились?

— Насколько я понимаю, практически на всех, — ответил Бейкер.

— Эй, Ураган, — позвал Могильщик Гейнс. — Ты представишь меня своей даме, даже если я не могу ее поцеловать?

— Как получится, — осторожно ответил Смит. — Ты все еще охотник за головами?

— Я уже много лет этим не занимаюсь.

— Рад слышать. Ты мне всегда нравился, за исключением тех моментов, когда стрелял в меня.

— Черт побери, и мне всегда казалось, что мы могли бы стать отличными друзьями, если бы ты не пытался меня убить.

— Так сейчас самое время стать ими. — Смит протянул свою лапищу.

— Полностью с тобой согласен. — Могильщик крепко ее пожал.

— Карамелька, — Смит повернулся к жене, — это мой...

Глаза ее широко раскрылись, руки забегали по столу.

— Э... не обращай внимания, использовал не то слово, — объяснил он Могильщику Гейнсу. — Лангтри, это мой друг Могильщик Гейнс, который раньше был моим лучшим врагом. Могильщик, это Лангтри Лили.

Лангтри Лили посмотрела на Могильщика и зашипела.

— Наша прежняя вражда — чистый бизнес, — объяснил Смит. — Против него лично я ничего не имел.

— Скажу честно, мэм, — добавил Гейнс. — Во всем Внутреннем Пограничье мне больше всего хотелось схватиться именно с Ураганом. Да еще, возможно, с этим светловолосым уродом. — Он ткнул кулаком в сторону Бейкера.

— В любом случае, теперь мы друзья, — заметил Смит.

— Мы никогда и не были врагами, всего лишь конкурентами.

— Можно сказать, спортсменами, выступающими за разные команды, — поддакнул Смит.

Лангтри Лили несколько секунд переводила взгляд с одного на другого, потом улыбнулась Гейнсу. Той самой улыбкой, увидев которую люди с радостью шли на смерть, а на Пелопонне — дезертировали тысячами.

— Не было ли актрисы Лангтри Лили в те времена, когда человечество еще жило на Земле? — спросил Маленький Майк Пикассо.

— Ее звали Лили Лангтри*, — ответил Смит. — Моя Лангтри — тоже актриса.

— Правда? — удивился Маленький Майк. — Я стараюсь следить за театром, где она сыграла в последний раз.

— Ставлю пятерку против десятки, что она играет прямо сейчас, — хохотнул О'Грейди.

— Мы не скрываем, кто она на самом деле, — отчеканил Смит. — Просто думаем, что вам будет приятнее видеть ее в таком виде. Но, если вы предпочитаете...

— Нет! — оборвал его Бейкер. — На этой неделе я собирался что-нибудь съесть. Не хочу портить себе аппетит.

---

* Лангтри, Лили (1853—1929) — уроженка острова Джерси, сводившая с ума мужскую половину сначала Лондона, потом Нью-Йорка. Любовница принца Уэльского, ставшая актрисой после разрыва с ним по настоянию Сары Бернар. В 1978 г. в Голливуде снят фильм «Лили», а любой желающий по приезде в Лондон может остановиться в отеле «Лили Лангтри».

Услышав слово «съесть», Лангтри Лили высыпала фунт сахара из миски на стол. Из уголка ее рта появилось что-то похожее на соломинку и она, с громким чавканьем, начала засасывать сахар.

— Тебя это не нервирует? — спросил Бейкер.

— Есть... э... компенсации, — ответил Смит.

— Да, одну я видела, когда она ухватила муху, — подала голос Золушка.

— Бог учит нас не завидовать, — повернулся к ней Билли Карма. — Я действительно думаю, что тебе пора обратиться ко мне за пастырским советом.

— Боюсь, что нет, преподобный, — покачала головой Золушка. — У меня есть дела поинтереснее, чем слушать, как ты хрипишь голосом полузадушенной утки: «Компенсируй меня, бэби! Компенсируй!»

— Забавно, — пожал плечами Билли Карма. — А по мне, лучшего использования моего времени просто не найти.

— Пойди пожертвуй девственницу на алтарь любви, — предложила Золушка.

— Я бы с радостью последовал твоей рекомендации, но ты и представить себе не можешь, как трудно найти в наши дни девственницу.

— Так было всегда, — не согласился с ним Макс.

— Мы с Ураганом знали парня, который нашел одну, — сказал Бейкер. — Помнишь?

— Как я могу забыть? — воскликнул Смит. — С тех пор прошло лет десять, может, двенадцать.

— Так давайте послушаем об этом, — предложил Бард.

— Если вы настаиваете. — Бейкер устало вздохнул.

ДЖОННИ ТЕСТОСТЕРОН И ХРАМОВАЯ ДЕВСТВЕННИЦА

Один парень, звали его Джонни Тестостерон (начал Бейкер), уничтожил армию инопланетян. И в награду ему дали Храмовую Девственницу.

Все.

* * *

— Стоило ли пересказывать эту историю? — сухо осведомился Макс.

— Ну, в общем, не такая уж это и история, — пробурчал Бейкер. — Я в ней практически не у дел.

— И все-таки она лучше, чем ты рассказал, — вставил Смит.

— Откуда ты знаешь? — взвился Бейкер. — Я опустошал винный погреб, а ты бог знает с кем занимался бог знает чем.

Лангтри Лили потянулась к руке Урагана Смита. Внезапно ее рука превратилась в мандибулу и вонзилась в его плоть.

— Он преувеличивает, дорогая моя. — Смит убрал руку и вытер кровь. Мандибула вновь стала женской ручкой. — И потом, это было так давно.

Она наклонилась и что-то шепнула ему на ухо.

— Хорошо, хорошо, если ты настаиваешь. — Он повернулся к нам. — Меня попросили рассказать правдивую историю.

— От начала и до конца? — уточнил Макс. — У меня сложилось впечатление, что Катастрофа опустил кое-какие детали.

— От начала и до конца, — пообещал Ураган Смит.

ДЖОННИ ТЕСТОСТЕРОН И ХРАМОВАЯ ДЕВСТВЕННИЦА

Прежде всего скажу (начал Смит), что его звали не Джонни Тестостерон. Имя это он взял себе в Пограничье, возможно, с тем чтобы произвести впечатление на женщин. Но я не заметил, чтобы его поведение чем-то отличалось от нашего или женщины липли к нему больше, чем к остальным.

В действительности его звали Джонни Поц. Действительно, имя не такое звучное, как Катастрофа Бейкер или Могильщик Гейнс, вот он и сменил его при первой возможности. Потом начал одеваться в соответствии с новым именем. Рубашки носил расстегнутыми до пупка, повязывал на шею шелковый платок, брюки больше напоминали трико балеру-

на. Даже на кожу накладывал тонирующий крем, чтобы она выглядела загорелой. Женщинам это нравилось, мужчины полагали его изыски глупостью.

Однако, когда доходило до дела, молотить кулаками или стрелять из лучевика он умел не хуже других и ничего не боялся, за исключением разве что выпившего Катастрофы Бейкера. Правильно, между прочим, боялся. Нам понравилось его здравомыслие, и мы позволили ему лететь с нами, когда отправились в звездное скопление Альбион.

До нас троих, Катастрофы, Джонни и меня, дошел слух, что религиозной колонии на Левитиции IV герои нужны больше, чем кому бы то ни было. Какие-то инопланетяне высадились там и установили свои порядки, а религия колонистов запрещала им поднять руку во злобе, даже для того чтобы защитить себя.

Однако религия эта была достаточно гибкая, поскольку не запрещала, чтобы кто-то еще поднял руку во злобе для их защиты. И вскоре мы узнали, что они сулят немалое вознаграждение тем, кто освободит их от ярма тирании инопланетян. Наши религиозные и философские убеждения не мешали нам противостоять инопланетянам и тирании, и мы твердо придерживались принципа: если где-то обещают вознаграждение, грех его не получить. Вот мы и дали знать, что летим на Левитиций IV и конкуренты нам не нужны. Как только люди услышали, что Катастрофа Бейкер и Ураган Смит не ищут попутчиков, у всех сразу нашлись срочные дела в других местах.

Мы приземлились рядом с храмом, который мог сойти за небольшой город. Глядя на арки, башни и шпили, я мог бы поспорить, что в храме есть и потайные ходы, и помещения, о которых никто не знает.

— Инопланетяне позволили вам приземлиться? — с сомнением спросил Макс.

— Храм окружала высоченная стена, а мы приземлились между ней и храмом, — ответил Ураган Смит.

— Как вышло, что инопланетяне не захватили храм? — не унимался Макс.

— Я к этому подхожу.

* * *

Как выяснилось, храм построили как крепость (продолжил Смит). Не то чтобы его обитатели сами собирались защищать его... но стены прикрывали силовые поля, которые поджарили бы любого нападавшего. Вероятно, религия не запрещала включать эти поля.

— А почему инопланетяне не могли приземлиться между стеной и храмом, как сделали вы? — спросил Макс.

— Кто рассказывает историю, ты или я? — раздраженно бросил Смит.

Макс уже хотел высказаться по этому поводу, но тут Лангтри Лили зашипела на него, и он решил, что молчание — золото.

Ларчик открывался просто (вновь заговорил Смит). Инопланетяне *не знали*, что колонисты не поднимут руки в свою защиту. Самые смелые из них пытались подняться на стены и превратились в кучки пепла. Они решили, что укрепления неприступные, и им в голову не пришло приземлиться между стеной и храмом и захватить его. Вместо этого они обложили храм со всех сторон.

Через несколько минут после приземления нас привели в огромный зал, более всего похожий на часовню. Там нас ждали три десятка мужчин и женщин. Возглавлял их Верховный Жрец, старик по имени Сандазар, в развевающихся одеяниях, сотканных из золотых нитей.

— Я благодарю Великого галактического духа за то, что он откликнулся на наши просьбы и в час беды прислал к нам трех настоящих героев, — воскликнул он.

— Давайте сразу исключим посредника, — ответил Катастрофа. — Поблагодарите нас и перейдем к переговорам.

— Переговорам? — в недоумении переспросил Сандазар.

— Даже герои должны есть, — напомнил Катастрофа.

— Ну конечно! — Сандазар хлопнул в ладоши. — Принесите еды нашим спасителям.

— Похоже, ты меня не понял, — продолжил Катастрофа. — Мы не работаем за бесплатно. Вроде бы упоминалось вознаграждение.

— Безусловно! — энергично кивнул Сандазар. — Изгоните инопланетян и можете брать все, что у нас есть.

— Я возьму твою рясу, — ответил Катастрофа.

— Считай, что она твоя, — тут же согласился Сандазар. — При условии, что ты выживешь.

И в этот момент к нам подошла великолепная девушка лет шестнадцати, в полупрозрачном синем платье. В руках она держала поднос с едой.

— Унеси! — приказал ей Сандазар. — Я неправильно понял наших гостей. Они не голодны.

— Знаешь, — подал голос Джонни Тестостерон, пристально глядя вслед девушке, — не все из нас настаивают на денежном вознаграждении.

— И хорошо, — ответил Сандазар. — Самый героический член вашей команды может потребовать и получить Храмовую Девственницу.

— Вот этот разговор мне по душе! — Джонни не отрывал взгляда от девушки, пока она не скрылась за дверью.

Я решил, что о вознаграждении мы могли поговорить позже, а сейчас следовало кое-что узнать и о противнике, поэтому выступил вперед, представился.

— А, Ураган Смит, — кивнул Сандазар. — Твоя репутация опережает тебя.

— Что опережает меня — это не важно, тревожит другое: кто может прокрасться за спину. Почему бы тебе не рассказать нам, что это за инопланетяне.

— Огромные амебы, — ответил Сандазар. — Скелета у них нет. Они раздуваются и сжимаются при каждом вздохе, каждом шаге.

— И чего, по-твоему, они добиваются?

— Разумеется, хотят править планетой и превратить нас в своих рабов, — ответил Сандазар с таким видом, будто объяснял очевидное маленькому мальчику.

— Обычно так и бывает, — согласился Катастрофа.

— И как они выразили свое желание? — спросил я.

— Конечно же, словами.

— То есть эти амебы умеют говорить?

— Абсолютно. И дикция у них лучше, чем у Катастрофы Бейкера.

— Они сказали, почему выбрали Левитиций IV?

— Вообще-то они летели на Вайдотту II, но, оказавшись здесь, решили захватить эту планету и превратить нас в рабов.

— Какое у них оружие? — спросил я.

— Не знаю. Они остаются по одну сторону стены, а мы — по другую. — Он помолчал. — Вы хотите знать что-нибудь еще?

— Возможно, — ответил я, — но пока не могу сказать, что именно нас может интересовать.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда резню и кровопролитие мы оставим вам, а сами спрячемся в наших секретных подземных камерах. Дайте знать, когда уничтожите их всех.

— Нет проблем, — заверил его Джонни. — Только предупредите своих, что Храмовая Девственница — моя.

— Обязательно, — заверил его Сандазар, повернулся и вышел, в сопровождении жрецов и жриц, так что герои остались одни.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Катастрофа.

— Тебе решать, — ответил я.

Он нахмурился.

— Да, проблема серьезная. Будь мы вдвоем, я бы предложил тебе разобраться с теми инопланетянами, которые справа, а на себя взял бы левых. Будь нас четверо, каждый из нас занялся бы теми, кто находится напротив соответствующей стены. — Он вздохнул. — Но я не знаю, как разделить инопланетную армию на троих.

— Как насчет того, чтобы разделить их на двоих, а я убью всех, кто сумеет прорваться мимо вас? — предложил Джонни.

— Мимо меня никто не прорвется, — ответил Катастрофа.

— Послушайте, а может, сначала надо с ними поговорить? — осенило меня. — Как только они узнают, кто им противостоит, они дважды подумают, прежде чем продолжать завоевательную войну, и улетят на Вайдотту II.

— Особенно, если мы дадим им карту, — поддакнул Джонни.

— Стоит попробовать, — кивнул Катастрофа. — Ураган, иди и поговори с ними.

— А ты со мной не пойдешь? — спросил я.

— Давай рассуждать здраво. Если твой план сработает, ты без нас обойдешься. А если идея окажется глупой, я-то думаю, так оно и есть, нас останется двое и мы сумеем уничтожить их армию.

С такой логикой не поспоришь, поэтому я нашел источник силового поля, отключил его, открыл ворота и вышел на поле перед храмом. Катастрофа и Джонни так быстро захлопнули ворота, что едва не прищемили мне каблук.

Я оказался лицом к лицу с несколькими сотнями амеб, поэтому вскинул руку к небу. Таков, как вы знаете, универсальный знак мира.

— На что ты указываешь, человек? — спросила ближайшая ко мне амеба.

— Ни на что. И намерения у меня дружеские.

— Если ты хочешь с кем-то подружиться, то тычешь пальцем в небо?

— Да, полагаю, что да, — признал я.

— Твой интеллектуальный уровень не впечатляет, — заметила амеба.

— Где вы научились говорить на терранском языке? — полюбопытствовал я.

— Мы записывали ваши коммерческие голопрограммы, — ответила амеба. — Особенно нам нравятся передачи про Королев Пиратов.

— Как и большинству людей.

— Ладно, хватит болтать. Пора тебя убить. Можем повесить, распять, бросить в котел с кипящим маслом, содрать кожу. Выбирай.

— А если я покажу вам, как добраться до Вайдотты II? — спросил я.

— Что ж, ты окажешь нам услугу, — ответила амеба. — Сначала мы захватим Левитиций IV, убьем людей, сотрем с лица земли храм, а потом начнем войну с Вайдоттой II.

— Вы не поняли. — Я покачал головой. — Я предлагаю *сделку*. Вы оставляете нас в покое, а мы отдаем вам карты, с помощью которых вы доберетесь до нужной вам планеты.

— Да, это недурная сделка, — вставила вторая амеба.

— Нет, — высказала свое мнение третья. — Давайте сначала убьем всех людей, а потом посмотрим, не сможем ли мы сами добраться до Вайдотты II.

Вскоре все амебы заспорили, а та, с которой я начал разговор, придвинулась ко мне.

— Нам придется поставить этот вопрос на голосование. На это уйдет весь день. Пойдем со мной, корзинку с ленчем я припрятала неподалеку.

Я последовал за ней в ближайший лесок. Остальные амебы не обращали на нас ни малейшего внимания. Слишком их увлек спор о том, принимать мое предложение или нет.

— Между прочим, а имя у тебя есть? — спросил я, когда мы наконец уселись под парой огромных деревьев.

— Винория, — ответила амеба.

— Это очень женственное имя для амебы, у которой нет пола.

— Очень даже есть, — возразила Винория. — Я — женщина.

— А как я смогу отличить женщину от мужчины?

— Есть способы. — Винория подсела ближе. — Например...

Это был хороший пример. И только я начал к нему приспосабливаться, она показала мне второй (не расстраивайся, Лангтри, все происходило задолго до нашей встречи).

Что ж, мы провели в лесу целый час, удовлетворяя наше естественное научное любопытство. Потом я услышал гудение лучевика, жужжание глушака и крики Джонни Тестостерона: «Жрите адский огонь, инопланетное отродье! Изыдьте, безбожные твари!»

Я вскочил и со всех ног побежал к храму. Увидел, что ворота открыты, а Джонни стоит перед ними с дымящимся оружием.

— Что, черт возьми, происходит? — воскликнул я.

— Мне надоело ждать, вот я их всех и перебил, — ответил он. — Клянусь Богом, настроение у меня лучше, чем после прохладного душа в жаркий день!

— Но они уже собрались отказаться от завоевания планеты.

— Да, я слышал, как они об этом спорили, — признал Джонни. — Потому-то и решил открыть огонь. Старый жрец

не отдал бы нам Храмовую Девственницу, если бы враг заключил с нами перемирие.

Я огляделся.

— А что с ними случилось?

— Они растаяли. Распались. Исчезли. — Внезапно он увидел Винорию. — Кроме одной.

Он нацелил на нее лучевик, но я вышиб его из руки Джонни до того, как он успел нажать на спусковой крючок.

— Почему ты это сделал? — пожелал знать Джонни.

— Оставь ее в покое.

— Ее? — переспросил он. — Откуда ты знаешь?

Я почувствовал, что краснею.

— Не твое дело.

Он посмотрел на Винорию, на меня, снова на Винорию.

— Это извращение. — Он поднял лучевик с земли, сунул в кобуру. Потом спросил: — Она хороша?

— Где Катастрофа? — Я проигнорировал его вопрос.

— Нашел их винный погреб, — ответил Джонни. — Полагаю, теперь его уже можно отскребать от пола.

Очевидно, Джонни не знал, на что способен Катастрофа Бейкер. Я прикинул, что к этому времени он не мог выпить больше восьми или десяти бутылок, а следовательно, вино только чуть ударило ему в голову, но уж никак не сшибло с ног.

— Сукины дети! — взревел Джонни. — Бейкер последний час пил, ты совершал грехи, название которым еще не придумано, а мне в одиночку пришлось уничтожать инопланетян! Так что Храмовая Девственница по праву принадлежит мне!

Я на нее и не претендовал. Та девица в прозрачном платье вдруг показалась мне такой ординарной. Что экзотического она могла предложить человеку галактики?

Я, однако, огорчился из-за того, что Джонни уничтожил народ Винории, поэтому, когда он направился к храму, повернулся и извинился.

— Ничего страшного, — заверила меня она. — Если ты дашь мне карты, я незамедлительно отправлюсь на Вайдотту II.

Я протянул ей карты.

— Вот они. Но ты наверняка страшно огорчена гибелью твоих спутников.

— С чего? — спросила она и тут же разделилась на полмиллиона кусочков, которые сразу же начали расти. — На корабль, дети мои, — приказала она. А когда они побежали, повинуясь ее приказу, повернулась ко мне. — Я навсегда запомню нашу встречу, Ураган Смит, но должна сказать, что ваш способ воспроизводства больно уж неэффективный, хотя, безусловно, очень приятен.

С тем она и ушла, а я вернулся в храм. С Катастрофой столкнулся на подходе к часовне, где мы беседовали с Верховным Жрецом.

— Джонни сказал мне, что ты хорошо провел время, — заметил я.

— О тебе он сказал то же самое, — ответил Катастрофа с многозначительной улыбкой.

— Мы еще те герои, — вздохнул я. — Похоже, Джонни в одиночку выиграл войну.

— Не стоит преувеличивать значимость его победы. Выглянув из-за стены и увидев, что амебы не могут носить оружия, я понял, что ты сможешь позаботиться о себе. — Он помолчал. — Я и представить себе не мог, что Джонни придет в голову сразиться с ними в одиночку.

— Он хотел получить вознаграждение больше нашего.

— Черт, я уже назвал свое вознаграждение. Я беру золотую рясу.

— А я, если говорить честно, свое уже получил, — признал я, думая о Винории.

Внезапно мы услышали крик ужаса, а мгновением позже Джонни Тестостерон выбежал из глубин храма и взял курс на горный хребет, который виднелся за лесом. Бежал, не поворачивая головы ни вправо, ни влево.

Пару минут спустя в зал вышел худощавый молодой человек с аккуратно подстриженной бородкой и двумя цветочками в волосах.

— Кто-нибудь из вас видел Джонни Тестостерона? — спросил он.

— Да, — кивнул Катастрофа. — Он направился прямо на запад. Бежал, словно за ним гнался дьявол.

— Черт! — Молодой человек топнул обутой в сандалию ногой.

— А ты кто? — спросил я его.

— Я? — Он посмотрел на меня. — Я — Храмовая Девственница.

Больше мы Джонни так и не увидели.

— Думаю, версия Бейкера мне понравилась больше, — нарушил паузу Макс Три Ствола.

— Не самое интересное приключение, — согласился с ним Бейкер. — Да и ничего мы с этого не выгадали. Когда вернулись в цивилизованный мир и я попытался продать рясу, выяснилось, что сделана она из пирита.

— Не самый худший исход, — заметил Макс. — Тебе мог достаться и Храмовая Девственница.

— Еще один пример того, что священникам нельзя доверять, — добавил Никодемий Мейфлауэр. — Лично я считаю, ниже уровня царя, может, даже императора, никому верить нельзя.

— Ты когда-нибудь встречался с императором? — спросил Макс.

— Еще нет, — ответил Макс. — Но у меня вся жизнь впереди.

— Кроме той части, которую ты уже растратил, — сухо уточнил Бейкер.

— Это само собой, — с достоинством ответствовал Мейфлауэр.

— ЧЕРТ ПОБЕРИ! — проревел Ураган Смит, и мы все повернулись к нему. Он прижимал шарф к щеке и из-под него сочилась кровь. — Я сказал тебе, что это случилось до нашего знакомства! — рявкнул он на Лангтри Лили.

Она зашипела и плюнула в него. Смит увернулся от плевка, слюна попала на стул и начала разъедать его. Мгновением позже дуло его лучевика оказалось в дюйме от ее носа.

— Еще раз плюнешь, и наш медовый месяц благополучно завершится.

— Ее первый плевок? — полюбопытствовал Маленький Майк Пикассо.

— Скорее, двухсотый, — ответил Смит. — А казалось бы, они не должны знать, что такое ревность, если учесть, сколько откладывают яиц.

Еще несколько секунд он подержал лучевик у ее носа, потом одним плавным движением вертанул на указательном пальце и убрал в кобуру.

Лангтри Лили наклонилась и снова что-то шепнула ему на ухо.

— Забудь об этом! — отрезал он. — Какой смысл извиняться, если я знаю, что через несколько минут ты снова плюнешь в меня или укусишь? Мы должны прямо здесь установить правила поведения или разбежаться.

Внезапно Лангтри Лили закрыла лицо руками, ее тело начали сотрясать рыдания.

— Видишь, что ты наделал, — упрекнул Смита Маленький Майк. — Ты разбил ее маленькое насекомье сердце. — Он помолчал, прежде чем добавить: — При условии, что оно у нее есть.

— Э... я не хочу показаться бесчувственным чурбаном, — вмешался я, — но не попортят ли ее слезы стол?

Смит мрачно глянул на меня, мгновением позже обнял ее, чтобы успокоить, но она продолжала плакать, выть и сотрясаться всем телом, и наконец он прошел к стойке и подозвал Регги.

— Есть у тебя мед?

Регги быстро поставил на стойку пластиковую бутылочку. Смит вернулся к столу, открыл ее, выдавил капельку на предплечье Лангтри Лили. Она подняла голову, чтобы посмотреть, что происходит, ноздри раздулись, плакать она перестала так же быстро, как и начала. И через мгновение она уже засасывала мед соломинкой, которая выдвигалась из уголка ее рта.

— Еще один кризис улажен, — констатировал Смит.

— Ты бы мог избежать многих кризисов, если б забыл об инопланетянках и сосредоточился на нормальных женщинах, — заметил Бейкер.

— А мне вот нравятся инопланетянки. — Смит воинственно выпятил челюсть.

— Это же твоя жизнь, — Бейкер пожал плечами, — и я не собираюсь говорить, что у тебя извращенный вкус, но он мог бы быть более практичным.

— Давай переменим тему до того, как она обратит внимание на наш разговор. — Смит наблюдал, как Лангтри Лили справилась с медом на предплечье и сунула соломинку в бутылочку. — Что ты поделывал с тех пор, как мы виделись в последний раз?

— Да занимался всякой ерундой, то тут, то там, — ответил Бейкер. — Даже побывал в Солнечной системе. — Он выдержал паузу. — Пусть и не на Земле.

— Почему нет?

Бейкер открыл новую бутылку с беларбанским виски стотридцатилетней выдержки.

— Меня занесло в Зал Нептунских Королей. — Он отхлебнул из горлышка. — История эта не столь короткая, как предыдущая, поскольку моя роль в ней главная, вот я и не хочу рассказывать ее на сухое горло.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР В ЗАЛЕ НЕПТУНСКИХ КОРОЛЕЙ

Прежде чем Бейкер успел продолжить, голос подал Макс Три Ствола.

— Нет никаких Нептунских королей.

— С чего ты так решил?

— Потому что на Нептуне ничего нет, кроме голой земли и воздуха, которым никто не может дышать.

— Ну, мне сказали, что это Нептун, — ответил Бейкер, — но, возможно, я попал на Юпитер.

— И там никого быть не могло. Все, как на Нептуне, только в большем количестве.

— Вообще-то была такая хоккейная команда, «Нептунские короли», — блеснул эрудицией Большой Рыжий. — Но

я не думаю, что они хоть раз подлетали к Нептуну ближе чем на две тысячи парсеков.

— Кто рассказывает историю? — прорычал Бейкер.

— Говори, говори, — ответил Макс. — Но я оставляю за собой право встать и уйти, если ты начнешь вешать лапшу на уши.

— Это справедливо. — Он погладил перламутровую рукоятку лучевика. — А я оставляю за собой право отстрелить тебе яйца, если ты вздумаешь подняться.

— Логично, — кивнул Никодемий Мейфлауэр. — Речь же пойдет не о Зале Нептунских Первосвященников.

— Или игроков в хоккей, — ввернул Большой Рыжий.

— Или гигантских убийц-тараканов, — пробормотал Ураган Смит.

— Будете вы слушать или нет? — проревел Катастрофа Бейкер, и внезапно в зале «Аванпоста» установилась мертвая тишина.

Произошло это года четыре тому назад (Бейкер сверлил взглядом Макса, пока не убедился, что прерывать его не будут). Я только что покинул Оом Пол, маленькую, богатую алмазами планетку неподалеку от Антареса, и услышал, что Форт-Нокс более не радиоактивен, а потому любой может войти и унести десяток-другой золотых слитков, не обращая особого внимания на тридцать или сорок охранников. Действительно, кого могли остановить эти коротышки?

Но мы с навигационным компьютером так заигрались в покер, что он забыл о своих основных обязанностях и пришел в себя, лишь когда мы уже вращались вокруг Нептуна (или Юпитера), но не Земли.

Я узнал об этом уже после посадки, когда компьютер предложил мне надеть скафандр и шлем, а уж потом отдраивать люк. Меня это удивило, но я решил, что мы приземлились около токсичной свалки. И, лишь выйдя из корабля, понял, что ландшафт ни в коей мере не напоминает земной, знакомый по многочисленным голографиям.

Я уже собрался вернуться на корабль и высказать компьютеру все, что я о нем думаю, когда увидел вдалеке огромное

здание. Необычной формы со странными окнами, оно не могло не разжечь моего любопытства, вот я и решил получше рассмотреть его.

Подошел, оказался перед огромной дверью, высотой не меньше семидесяти футов. Толкнул, но она не поддалась, вероятно, запертая изнутри. Тут уж мне тем более захотелось посмотреть, что находится в здании, и я пошел вкруг него, а тянулось оно как минимум на полмили, в поисках входа.

Когда не смог его найти, тыкался в десяток дверей, но ни одна не открылась, решил забраться на стену и войти через окно.

Подъем, доложу я вам, не потребовал особых усилий. Стены покрывали барельефы каких-то диковинных животных, так что было и куда поставить ногу и за что схватиться рукой. Добравшись до окна, на высоте где-то в сорок футов, я обнаружил, что и оно заперто, а стекло такое прочное, что вышибить его ударом ноги совершенно невозможно.

Я уж подумал о том, чтобы расплавить его лучевиком, но не знал точно состава атмосферы Нептуна. Если б она процентов на восемьдесят состояла из кислорода, я одним нажатием спускового крючка превратил бы Нептун в огромный костер.

Поэтому продолжил подъем и где-то через час добрался до крыши, которую от земли отделяли добрые триста футов. Начал ее обследовать в поисках вентиляционных шахт или дымовых труб, по которым мог бы спуститься. Посередине обнаружил какую-то трубу, но она уходила вертикально вниз, и я резонно предположил, что, воспользовавшись ею, могу разбиться насмерть или покалечиться. Поэтому продолжил поиски и нашел-таки люк, а под ним лестницу. Решил, что ею пользовались строители, а может, тот, кто чистил крышу. Но в любом случае, ростом эти ребята были ничуть не ниже тех, кто входил через семидесятифутовые двери, потому что перекладины отстояли друг от друга футов на пятнадцать.

Я зависал на верхней ступеньке на одной руке, потом разжимал пальцы, пролетал футов шесть, приземлялся ногами на следующую. Вот так и добрался до самого низа. Оказав-

шись в чернильной тьме, включил фонарь на шлеме, нашел дверь, толкнул... и она открылась.

Я вышел в огромный зал, в котором стояли два десятка высоченных резных стульев, предназначенных для существ ростом под семьдесят футов.

Чей-то голос прошептал мне в ухо: «Ты можешь дышать этим воздухом».

Я развернулся, выхватил лучевик.

— Кто это сказал?

— Я, — последовал ответ. — Твой скафандр. Я провел анализ воздуха, он пригоден для дыхания.

— Благодарю.

— Чертовски хорошо, что ты не сумел разбить окно.

Я понял, что у меня два варианта: или весь день проболтать со скафандром, или вылезти из него и начать обследовать зал. Остановился на втором.

Проходя мимо стульев, предположил, что каждый из них — трон, который не использовался после того, как король, восседавший на нем, покидал этот мир.

По правде говоря, Нептунские короли меня совершенно не интересовали, но я бы не отказался найти их драгоценности.

В зале, кроме стульев и каких-то странных гобеленов на стенах, ничего не было, но аккурат за девятым троном я обнаружил высокую арку, а за ней — примыкающую к залу комнату, где и нашел потрясающую голую женщину, которая стояла, уставившись на меня.

— Доброе утро, мэм, — поздоровался я. — Я — Катастрофа Бейкер, готов выполнить любое твое желание.

Женщина не произнесла ни слова, не повела и бровью и, должен признать, меня несколько удивила ее абсолютная неподвижность.

— Утром ты одевалась в спешке, не так ли? — спросил я, стараясь завязать дружеский разговор.

Ответа не получил и подошел ближе, чтобы посмотреть, а вдруг передо мной статуя.

Она определенно не дышала, глаза смотрели в одну точку в Зале Нептунских Королей, но выглядела она, как живая.

И тут до меня дошло, что я, конечно же, ошибаюсь, потому что ростом она была на фут ниже меня, тогда как здешние обитатели возвышались над землей как минимум на пятьдесят футов.

Я сильно огорчился. За свою жизнь я навидался прекрасных обнаженных женщин, но ни одна не могла сравниться с этой.

Собрался продолжить поиски драгоценностей, но сначала решил-таки подойти поближе, чтобы насладиться мастерством скульптора. Даже с расстояния в два фута меня не оставляло ощущение, что передо мной женщина. Кожа казалась такой гладкой, что я протянул руку, чтобы коснуться ее, чтобы посмотреть, мрамор это, камень или какой-то искусственный материал, но и на ощупь она ничем не отличалась от женщины.

Я задался вопросом, сколь реалистичны остальные детали, пощупал ее там, здесь, еще в одном месте... и вот когда положил руку на это самое место, она издала крик, который разбудил бы и мертвого, после чего отвесила мне оплеуху.

— Я думал, ты — статуя! — попытался оправдаться я.

— Была статуя, — отметила она ангельским голоском. — Извини, что ударила тебя. Это инстинктивная реакция.

— У тебя сильные инстинкты, мэм.

— В действительности я должна тебя поблагодарить. Замороженная, я простояла здесь пятнадцать тысячелетий. — По ее телу пробежала дрожь, а у меня глаза чуть не вылезли из орбит. — И простояла бы вечность, если б не ты.

— Может, объяснишь, что происходит, мэм. — Я действительно ничего не понимал.

— Я была любимой наложницей короля Торастера, и когда он подумал, что я вот-вот отдам свою сердце одному из королевских гвардейцев, он приказал техникам ввести меня в стасис. На случай, что он передумает, техники оставили только одну возможность вывести меня из этого состояния, но у него и мысли не возникало, что найдется посторонний человек, которому хватит наглости пощупать меня *там*.

— Как ему удалось заморозить тебя на пятнадцать тысяч лет? — спросил я.

Она начала объяснять, но для меня все эти научные термины — бред сивой кобылы, поэтому я перестал слушать и сосредоточился на любовании ее прелестями, удивляясь глупости короля Торастера, лишившего себя такого сокровища.

— Вот так он это и сделал, — заключила она.

— А какого он был роста? — спросил я.

— Такого же, как и остальные. — Чувствовалось, что вопрос вызвал у нее недоумение.

— Тогда, уж извини за нескромность, каким образом...

— Ага! Я понимаю! Пойдем в Зал Королей, там потолок повыше.

Я последовал за ней. Мы встали точно посреди зала.

— А теперь я хочу, чтобы ты оказал мне еще одну, последнюю услугу.

— Все, что в моих силах, мэм. Только попроси.

Внезапно она залилась краской.

— Я стесняюсь. Лучше шепну тебе на ухо.

— Как скажешь.

Она наклонилась и начала шептать.

— Ты хочешь, чтобы я?.. — вырвалось у меня.

Она покраснела еще сильнее и повторила просьбу.

— Ты уверена, мэм? Я думаю, едва ли во всей галактике наберется пять планет, на которых нас за такое не посадили бы в каталажку. — Я помолчал. — Но, если подумать, почему нет?

— Пожалуйста! — попросила она.

Я все и сделал, а потом, в самом разгаре, вдруг оттолкнула меня.

— Отойди!

— А что такое? Я что-то сделал не так?

— Ты все делал лучше, чем кто-либо! — Она вновь покраснела. — А теперь отойди!

Я отошел, и вовремя, потому что прямо у меня на глазах она начала расти и минутой позже рост ее составил шестьдесят футов плюс-минус пару дюймов.

— Спасибо тебе, Катастрофа Бейкер! — поблагодарила она меня. — Ученые Торастера позаботились о том, что только так я смогу вернуть себе нормальный рост. Они и предста-

вить себе не могли, что найдется извращенец, который мне поможет! — Свысока она улыбнулась мне. — Я тебя никогда не забуду.

— Но мы же не кончили! — запротестовал я.

— Увы, это невозможно. Я должна выяснить, остался ли кто живой из моего народа, а тебе пора надевать скафандр и возвращаться на корабль.

— Я не тороплюсь.

— Тебе надо торопиться. Механизм, управляющий Залом Королей, проанализировал твой обмен веществ и создал приемлемую для тебя атмосферу. Но теперь я ожила и скоро состав воздуха станет здесь таким же, как и за стенами.

— Я оказал тебе такую услугу, а ты вот так бросаешь меня, — огорченно воскликнул я.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Да, пожалуй, ты прав. — И подняла меня одной рукой.

Нормы приличия запрещают мне сказать, что она сделала потом. Кроме того, есть планеты, на которых дают от двадцати лет до пожизненного заключения только за рассказы об этом.

Когда мы поставили точку, я надел скафандр, вернулся к кораблю и улетел. И, лишь покинув пределы Солнечной системы, вспомнил, что так и не нашел драгоценности. Хотел развернуть корабль, но подумал, что никогда у меня не будет ничего драгоценнее полученных ощущений. Поэтому продолжил путь. Второй раз в Зал Нептунских Королей я уже не попал.

Я оглядел слушателей, и должен отметить, что, пусть мужчины и хотели узнать, чем занималась нептунская великанша с Бейкером, их любопытство не шло ни в какое сравнение с женским.

— Ты не откажешься пошептаться со мной о том, что вы там делали? — спросила Золушка.

— Мне бы не хотелось смущать тебя, мэм.

— А ты начни, и мы посмотрим, кто покраснеет первым, — решительно заявила она.

— Я всегда стремилась расширять свой кругозор, — подала голос Силиконовая Карни. — Может, мы с тобой сможем закончить то, что начали ты и эта женщина с Нептуна?

— Ты расскажешь мне, что она сделала после того, как выросла, — предложила Мать Земля, — а я расскажу тебе такое, за что можно получить все тридцать лет.

— Если мы будем делать то, о чем я думаю, — Золушка одарила Бейкера страстным взглядом, — готова спорить, что я тоже вырасту до шестидесяти футов.

— А если ты проиграешь? — внезапно оживился Ставлю-Планету О'Грейди.

— Я получу больше удовольствия, чем ты, проигрывая в карты, — улыбнулась ему Золушка.

— С этим не поспоришь, — согласился О'Грейди.

Внезапно ожил компьютер Большого Рыжего, и он посмотрел на голографический экран.

— Эйнштейн хочет знать, как ей удалось улететь с планеты.

— Понятия не имею, — ответил Бейкер. — Я даже не знаю, улетела ли она.

— Он говорит, что ей потребовался бы специальный корабль, а он не может представить себе, что этот корабль в заправленном состоянии дожидался бы ее пятнадцать тысяч лет.

— Я рассказываю историю о женщине, которая провела в стасисе пятнадцать тысяч лет, после чего внезапно выросла до шестидесяти футов, а его волнует только корабль? — изумился Бейкер.

— Он говорит, что все остальное имеет научное объяснение. А вот с кораблем у него ничего не выходит.

— Он догадался, чем они занимались? — спросила Силиконовая Карни.

— Да. Он говорит, что это самое простое.

— Скажи ему, что попозже я хотела бы с ним поговорить.

— Он это уже знает.

— Знает? — Глаза Силиконовой Карни широко раскрылись.

— Он — Эйнштейн, не так ли? — Других объяснений, по мнению Большого Рыжего, не требовалось.

— Шестьдесят футов! — Никодемий Мейфлауэр покачал головой. — Черт, она великовата даже для Мейджика Абдул-Джордана!

— По всему получается, что она скорее женщина Урагана, чем Бейкера, — отметил Макс.

— Это еще почему? — полюбопытствовал Бейкер.

— Кем бы она ни была, она, конечно же, не человек.

— Человеческого в ней хватало, — ответил Бейкер, улыбаясь воспоминаниям.

— Ты ведь ее нам не описал, только сказал, что она — красавица, — напомнил Маленький Майк Пикассо. — Как она выглядела? Может, я смогу нарисовать ее?

— Длинные каштановые волосы до плеч. — Бейкер уставился в далекое далеко. — Полные влажные алые губы. Высокие скулы. Миниатюрный нос. А глаза. Глаза — это что-то. — Он помолчал. — Голодные глаза.

— Толку от этого немного, — вздохнул Маленький Майк.

— Так она выглядела, — настаивал Бейкер.

— Ни у кого нет голодных глаз.

— У нее были.

— Послушай, глаза могут быть разными. Синими, коричневыми, серыми, зелеными, черными. Узкими, круглыми, прищуренными. Не будем забывать про косоглазие. Они могут даже сверкать. Но голодными быть не могут.

— Еще как могут, — подал голос Ураган Смит.

Маленький Майк повернулся к нему.

— Ты когда-нибудь встречал девушку с голодными глазами?

— Почти, — ответил Смит.

— Почти встречал?

— Она была почти девушкой.

— Чувствую, нас ждет еще одна история, — сказал Макс.

ГРИЛ С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ

Случилось это десять, может, одиннадцать лет тому назад (начал Смит), в звездном скоплении Самбакки. Есть там одна любопытная планета, которая называется Карнавал, вот я и заглянул на нее, посмотреть на тамошние развлечения.

Если бы Ставлю-Планету О'Грейди посетил этот мир, то подумал бы, что умер и попал на небеса. Нигде больше я не видел так много игорных домов и везде большие ставки предпо-

читали малым. Однажды начался дождь, так я увидел двух парней, спорящих на пятьдесят тысяч кредиток, какая капля быстрее сползет по стеклу.

Хватало и театров, от помпезных каменных сооружений до брезентовых шатров, в которых показывали и «Фигаро», и «Шекспира», и стрип-мюзиклы. А улицы кишели жонглерами, акробатами, магами, музыкантами. Вдалеке я видел фейерверки, которые раскрашивали небо во все цвета радуги над дюжиной тематических парков, предназначенных для инопланетян, детей, любящих острые ощущения людей.

Я решил снять номер в каком-нибудь отеле, хорошенько выспаться, а уж потом начать исследование Карнавала, и уже направлялся к одному из них, когда мимо прошла потрясающая женщина. Меня окутала волна ее духов, а уж взглянув на нее сзади, я двинулся следом, напрочь забыв про отель.

Дойдя до конца квартала, она остановилась, прежде чем пересечь улицу, и я ее догнал.

— Ты преследуешь меня. — В голосе не слышалось ни раздражения, ни вопроса. Она просто констатировала факт.

— Я не хотел ни докучать тебе, ни обидеть, — начал я, — но таких возбуждающих духов, как у тебя, ни у кого нет.

Она рассмеялась.

— Я не пользуюсь духами.

— Но...

— Это феромоны, — объяснила она. — Мои феромоны. Изготовители духов уже тысячи лет пытаются воспроизвести их.

— Тогда я не могу понять, почему за тобой не идут хвостом двести мужчин?

— Потому что я выпрыснула их рядом с тобой.

— Не понял?

— Ты — Ураган Смит, не так ли?

— Да.

— Твоя репутация обгоняет тебя. Хорошо известно, что ты отдаешь предпочтение, скажем, экзотике.

— Хлысты и кандалы как-то не по мне.

— Я хотела сказать, что ты предпочитаешь инопланетянок.

— То есть ты не человек?

— Я — грил*. Мы — древний народ, обитающий за Большим Магеллановым Облаком.

— Ты выглядишь, как настоящая женщина.

— О, я настоящая, можешь не сомневаться. Пойдем в мой номер, и я тебе это докажу.

— Я даже не знаю твоего имени.

— Ветазия.

Она взяла меня за руку и повела к «Чреву», так назывался ее отель.

— А чем ты отличаешься от женщин, помимо того, что можешь выстреливать свои феромоны? — спросил я.

— В мелочах, — ответила она. — Чуть позже ты это узнаешь. Но, — добавила она, прижимаясь ко мне, — в главном я точно такая же, как все женщины.

Меня это вполне устраивало, и в течение следующих двух часов она доказывала свою правоту.

Лишь наутро, проснувшись, я начал понимать, что Ветазия скорее инопланетянка, чем человек.

Она все еще лежала в постели, с маской для сна на глазах, а я на цыпочках, чтобы не разбудить ее, ходил по комнате, собирая одежду. Зайдя на ее сторону кровати, увидел что-то блестящее на тумбочке, подошел, чтобы посмотреть.

Оказалось, что это ее ногти.

Я, конечно, знаю, что некоторые женщины носят накладные ногти, но эти от накладных отличались. Я хочу сказать, что видел перед собой целиковые ногти, с кутикулами.

Потом, еще не успев прийти в себя, я увидел ее уши. Не на голове. На тумбочке, между ногтями и носом.

Я протянул руку к носу, чтобы посмотреть, из чего он сделан, поскольку он казался таким же настоящим, как и прошлым вечером, но он отскочил от моих пальцев на край тумбочки. Я вновь попытался его взять, но и на этот раз он от меня ускользнул.

Тут я потянулся к ушам, но в мою руку впились три ногтя.

Я понял, что без объяснений не обойтись, и легонько потряс мою новую подругу за плечо.

---

* Автор играет буквами. Девушка на английском — girl. Грил (gril) действительно, как и сказано выше, почти девушка.

— Эй, Ветазия, просыпайся.

Она села, с маской на глазах.

— Что такое, любовь моя? — спросила она.

(Черт побери, Лангтри, перестань так на меня смотреть! Это произошло до того, как твоя мамаша снесла яйцо, из которого ты вылупилась!)

Так на чем я остановился? Ага, она спросила: «Что такое?»

— Похоже, отдельные свои части ты на ночь кладешь на прикроватную тумбочку. Наверное, когда ты спишь, они тебе не нужны.

— Я же сказала тебе, что я — грил.

— Но ты не объяснила, кто такие грилы, — указал я. — Во всяком случае, я этого не знаю.

— Тебе плохо? — спросила она. — Я не удовлетворила твои животные потребности?

— Мне не плохо, просто я удивлен. И эти мои потребности я предпочитаю полагать романтическими.

— Тогда приди ко мне и перестань жаловаться, — скомандовала она.

В то же мгновение комната наполнилась ее неотразимым запахом, мы занялись тем же, что и прошлым вечером, и должен признать, что от отсутствия ногтей, носа и ушей ничего не изменилось.

Когда мы утолили страсть и лежали бок о бок, я погладил ее шелковистые волосы, где-то опасаясь, что они останутся у меня в руке, а потом попытался снять маску.

— Что ты делаешь? — подозрительно спросила она.

— Хочу заглянуть в твои глаза. Они такие синие и глубокие.

— Не надо.

— Но...

— Оставь маску в покое.

И тут я все понял: глаз у нее тоже нет. Должно быть, озвучил свою мысль, так как она ответила, что глаза у нее, конечно же, есть.

— Тогда дай мне на них взглянуть.

— Сейчас их нет.

— Кажется, я тебя не понимаю.

— Они охотятся.

Я почему-то решил, что этот разговор лучше продолжить, находясь у дальней стены, и быстренько оделся.

— Хорошо, для начала я хочу убедиться, что правильно тебя понял. Твои глаза не выпали, ты их не потеряла, их у тебя не украли. Они просто отправились на охоту.

— Совершенно верно.

— Извини за невежество, но за чем охотятся глаза?

— Естественно за завтраком.

С каждым таким вот бесстрастным ответом она все больше превращалась в инопланетянку.

— И где они охотятся за ним?

— Там, где смогут найти.

Я решил, что все-таки не хочу видеть ее без маски, да и с носом и ушами ей лучше, чем без оных. Как только я донес до нее эту мысль, она нащупала на тумбочке нос и уши и вернула на место. Потом прижала подушечки пальцев к поверхности тумбочки, и ногти скакнули куда положено.

Тут же до меня донесся странный звук. Повернув голову, я увидел пару катящихся по полу глаз. Добравшись до кровати, они принялись подпрыгивать, пока не забрались на одеяло. Тут же покатились к ее руке. Едва она их нащупала, как отвернулась от меня, сняла маску, вставила в глазницу один глаз, потом второй. После чего повернулась ко мне и улыбнулась.

— Так лучше? — спросила она.

— Гораздо.

Левый глаз рыгнул.

Я бочком двинулся к двери.

— Рад был познакомиться с тобой, Ветазия.

— Ты так быстро уходишь?

— Ну, уже поздно и у меня полно дел.

— Еще рано и делать тебе совершенно нечего.

— Найти какое-нибудь дело для меня — пустяк, — с жаром заверил я ее.

— Когда мы занимались любовью, моя компания была тебе очень даже приятна.

— Когда мы занимались любовью, я не знал, сколько у тебя съемных частей. — Я смотрел на нее с минуту, потом спросил: — Что еще ты можешь снять?

— Тебе не захочется это знать.

— Почему? Одним ночным кошмаром больше — одним меньше, велика ли разница?

— Ладно, — вздохнула она. — Я не хочу вести общее хозяйство с расистом, который ненавидит грилов.

— У меня нет ненависти к грилам, — возразил я. — Просто я не понимаю их куда больше, чем многое другое.

— Мы перепихнемся на дорожку, а потом разбежимся, — решила она.

— Никогда, — отрезал я.

Но, прежде чем я успел открыть дверь, меня окутал запах ее естественных духов и мы перепихнулись на дорожку.

— Прощай, Ураган Смит, — сказала она, когда я вновь оделся. — Позволь мне кое-что тебе дать, чтобы ты меня не забыл.

— Леди, я и так тебя не забуду, — отчеканил я.

— Ты уверен, что я могу не давать тебе сувенир?

— Мне придется нанять психоаналитика, чтобы избавиться от некоторых воспоминаний, связанных с тобой.

— Я могу заставить тебя остаться, знаешь ли.

— Знаю.

— И ты будешь наслаждаться каждой минутой.

— До тех пор, пока не простужусь и у меня не польет из носа.

Мой ответ показался ей забавным, ее затрясло от смеха, и я выскользнул за дверь до того, как от нее могло отделиться что-то совсем уж неожиданное. Минутой позже стоял на улице, гадая, в какой стороне космопорт. Рискнул вскинуть голову — и, конечно, она смотрела на меня через окно. Такая маленькая, одинокая, ранимая, что я, покинув ее, почувствовал себя последним подлецом.

А потом она подмигнула мне синим глазом, и я решил, что иной раз даже подлецы поступают правильно. Двадцать минут спустя покинул Карнавал, стараясь не вспоминать о тех чудесных минутах, которые провел с грилом.

— Не хочу наступать на больную мозоль, — первым заговорил Бейкер, — но ты мог бы избежать многих проблем, если бы держался женщин.

— Как ты — той нептунской наложницы? — раздраженно спросил Смит.

— Это случайность.

— Я, между прочим, не искал и не ищу инопланетных женщин.

Лангтри Лили зашипела.

— За исключением тебя, дорогая, — торопливо добавил он.

Внезапно Маленький Майк Пикассо вскочил и выглянул в окно.

— В чем дело? — спросил я.

— Что-то очень уж сильно рвануло, — ответил он. — То ли солнце превратилось в сверхновую, то ли стреляют совсем близко.

— Пятьдесят против одного, это война, — предложил поспорить Ставлю-Планету О'Грейди.

Желающих сделать ставку не нашлось.

— Любопытно, что это за инопланетяне? — задал риторический вопрос Бейкер.

— Кем бы они ни были, у меня предчувствие, что они — чужие, во всяком случае лишены сексуальной мотивации инопланетян, с которыми доводилось сталкиваться тебе и Урагану, — заметил Макс.

Никодемий Мейфлауэр повернулся к Катастрофе Бейкеру.

— Ты много кого повидал. Кто из них самый опасный?

— Женщины, — без запинки ответил Бейкер.

— Я про инопланетян.

— Я тоже. — Бейкер занялся проверкой своего арсенала.

— А что скажешь ты, Могильщик?

— Кто самый опасный — не знаю. Но домарианцы заставили меня попотеть больше других.

— Как так? — спросил Мейфлауэр.

— Двое из них разыскивались, вот я и полетел на Домар, чтобы посмотреть, не удастся ли получить вознаграждение. — Он помолчал, приложился к стакану. — Интересная планета — Домар. Ни автомобилей, ни поездов, ни самолетов, ни кораблей, ни тележек для гольфа, ни дорог. Одни домарианцы. Высотой в сорок футов, большая часть которых приходится на ноги. Ночь они ненавидят и всю жизнь ходят и ходят вокруг

планеты, следуя за солнцем. Останавливаются только для того, чтобы убивать друг друга.

— Ты нашел тех, кого искал?

— Да, но потерял тридцать фунтов, гоняясь за ними.

— А что скажешь ты, Ураган? — Мейфлауэр повернулся к Смиту.

— С большинством инопланетян я живу мирно, — ответил он под взглядом Лангтри Лили.

— Большой Рыжий? — продолжил опрос Мейфлауэр.

— Вы должны понимать, что я смотрю на все это с другой колокольни, — ответил Большой Рыжий. — Я — спортсмен, не герой, не охотник за головами, даже не солдат. Я бы сказал, что самые крепкие инопланетяне, физически, торкилы. Роста в них двенадцать футов, сплошные мышцы, и в смертоболе им нет равных. Последний раз они выиграли у людей шестнадцать, пять, восемь и три.

— Никогда не видела, как играют в смертобол, — призналась Сахара дель Рио. — И что означает этот счет?

— Торкилы шестнадцать раз занесли мяч в «город», люди — пять. Торкилы убили восьмерых людей, люди — троих торкилов. — Большой Рыжий улыбнулся. — Это мужская игра, мэм.

— Значит, им нет равных? — уточнила Сахара.

— Физически.

— То есть?

— Про их ум я такого сказать не могу. Любой грумарит может проиграть в шахматы только другому грумариту. А есть еще квинталанцы, которые изобрели пятимерные шашки.

— И как в них играют? — спросил О'Грейди.

— Понятия не имею. Об этом надо спрашивать квинталанца, а они так заняты исследованиями других измерений, что могут и не ответить.

— Так ты говоришь, что торкилы самые крепкие, а грумариты и квинталанцы — самые умные? — спросил Мейфлауэр.

— Самые крепкие в спортивных состязаниях, — поправил его Большой Рыжий. — Лично я выставил бы против них Эйнштейна.

— Ты говоришь про грумаритов и квинталанцев?

— Я говорю про всех.

— Да перестань, — отмахнулся Мейфлауэр. — Как может слепой человек победить торкила?

— Он — Эйнштейн, — ответил Большой Рыжий. — И найдет способ.

— Я бы поставил на торкила, — встрял О'Грейди.

— И проиграл бы.

— Да? — хмыкнул О'Грейди. — Спроси его, как бы он выиграл.

Большой Рыжий отпечатал вопрос, дождался ответа, прочитал его на экране.

— Он говорит, что легко.

— Он говорит — как? — настаивал О'Грейди.

— Да. Он говорит, что Е равно МС квадрат.

— И что? Это всем известно.

— Справедливо... но только он *знает*, как это можно использовать.

— Ерунда.

Экран компьютера Большого Рыжего вновь ожил.

— Он говорит, что докажет это прямо сейчас, если ты поставишь пятьсот кредиток против его десяти.

Вот тут по лицу О'Грейди пробежала тень сомнения.

— Скажи ему, я не хочу брать его деньги.

Компьютеры обменялись посланиями.

— Он говорит, что можешь не волноваться... они тебе не достанутся.

— Как-нибудь в другой раз.

— Он говорит, что проанализировал ситуацию и, если война доберется сюда, второго шанса, возможно, не будет.

— Я это переживу, — ответил О'Грейди.

— Чертовски жаль, — вздохнул преподобный Билли Карма. — Люблю наблюдать, когда Добро и Зло сходятся в открытом бою.

— И кто из них был бы Добром? — спросил Макс.

— Естественно, победитель, — ответил Билли Карма. — Бог в таких делах не оставляет Злу ни единого шанса.

— Определенность — это хорошо, — усмехнулся Макс.

— Безусловно, — согласился с ним преподобный.

— А что скажешь ты, Макс? — спросил Никодемий Мейфлауэр.

— Насчет чего?

— Кто, по-твоему, самые опасные инопланетяне?

— Которые опаснее сверхагрессивных рыжеволосых девиц, вроде Телмы? — переспросил Макс. — Знаешь, история Урагана Смита о голодных глазах напомнила мне о них.

— Рыжеволосых девицах?

— Нет. Об опасных инопланетянах.

— У твоих тоже были голодные глаза? — поинтересовался Смит.

Макс покачал головой:

— Нет. Нет, но они все равно могли нагнать страха. Черт, если бы не я, они, возможно, захватили бы всю галактику.

— Возблагодарим Господа за маленькие радости, — саркастически пробормотал Маленький Майк Пикассо.

— Возблагодари кого-нибудь еще, — сурово ответил ему преподобный Билли Карма. — Общаться с небесами позволено только мне.

— Так что это были за инопланетяне? — спросил Большой Рыжий.

ПИРАТЫ ЗАРИ

Слышали когда-нибудь об Офире (начал Макс)? Это горнорудная планета во Внешнем Пограничье. Много алмазов, еще больше других драгоценных камней. Неплохое, кстати, местечко. С кислородом порядок, гравитация — восемьдесят процентов от стандартной. Там построили больницу для пациентов с болезнями сердца, потому что пониженная гравитация способствовала их выздоровлению.

Но у них возникла проблема. Какую и можно ожидать для планеты, богатой алмазами.

Шахты хорошо охранялись, так что контрабандой алмазы с Офира практически не вывозились. Пару раз крупные банды пытались поживиться алмазами, но у них ничего не вышло.

А потом появились Пираты Зари, и для Офира наступили черные дни.

— Почему их звали Пиратами Зари? — спросил Большой Рыжий.

— Я к этому подхожу, — раздраженно ответил Макс.

Они были инопланетянами (продолжил Макс). Никто не знал, откуда они появились. Они никогда не нападали днем, никогда не устраивали ночных рейдов. Сумерки их тоже не привлекали. Всегда являлись вместе с зарей, на восходе солнца, и сразу показали себя крутыми парнями. В первый же раз убили семнадцать охранников, а их улов составили драгоценные камни стоимостью в сорок миллионов кредиток. При этом они не потеряли ни единого человека.

(Конечно же, не человека. У них было по три ноги, так что бегали они не очень, зато никому не удавалось и сшибить их с ног. Собственно, у них было и по три руки, и по три больших круглых глаза, с каждой стороны соответственно треугольных тела и головы. Рот, правда, был один и он не всегда смотрел в ту сторону, куда шел Пират Зари.)

Атаковали они без предупреждения. Падали с неба, стреляя из пульсаторов. До этого самого дня никто не знает, почему их интересовали алмазы, но, думаю, они продавали их ренегатам-людям за оружие и космические корабли.

В первый год совершили семь набегов, и когда пыль рассеялась, стало ясно, что человеческая колония на Офире на грани банкротства, не говоря уж о том, что ее население значительно уменьшилось.

Я услышал про беды Офира, а поскольку дел у меня особых не было, как-то утром прилетел туда и предложил свои услуги. От отчаяния они даже не попытались сбить назначенную мною цену: по одному алмазу за каждого Пирата плюс премию в десять алмазов, если я перебью их всех или прогоню раз и навсегда. Я поселился в лучшем отеле города, «Необработанном Бриллианте», и стал ждать.

К сожалению, я ничего не мог планировать, не зная заранее об их появлении, а, как я уже и говорил, они всегда

использовали фактор внезапности. Сваливались, как снег на голову, брали то, что хотели, и исчезали.

Я провел на Офире двадцать семь дней, прежде чем увидел их. Каждую ночь сидел в засаде, спать ложился в полдень, и вот наступило утро, когда пятнадцать Пиратов двинулись к вновь отстроенному зданию пробирной палаты, где хранились алмазы, подготовленные к отправке в Монархию. Некоторые из охранников открыли огонь, но Пираты не замедлили шаг. Сами же стреляли настолько точно, что через минуту восемь охранников лежали мертвыми.

Я внимательно разглядывал их. Знал, что одного удалось убить, то есть они смертны, но наше оружие, похоже, не причиняло им вреда. И тут до меня дошло, что их военная форма на самом деле бронекостюмы, которые каким-то образом отражают свет лучевиков и звуковые волны глушаков. Так что единственный способ убить Пирата — разнести ему голову, а с двухсот ярдов, с такого расстояния охранники открыли огонь, попасть в голову из ручного оружия — чистая случайность. У Пиратов оружие было куда точнее, а с такими большими глазами им не требовались оптические прицелы.

Я подождал, пока они войдут в пробирную палату. Затем подкрался к зданию и занял позицию за атомным утилизатором мусора, в тридцати ярдах от входа. Пять минут спустя они вышли из двери.

Я прицелился в голову первого, нажал на спусковой крючок и отправил его в мир иной. Успел разобраться со вторым, но остальные уже бежали, как крысы с тонущего корабля. Конечно, с тремя ногами большой скорости они набрать не могли, но на бегу все время вращались, так что я уже не смог попасть в голову.

А выходить из укрытия и преследовать их не хотел, поскольку зрение и оружие у них были лучше моего. Они благополучно скрылись вдали, чуть позже их корабль покинул планету и люди потянулись к убитым охранникам.

Что касается меня, то я первым делом обследовал тела убитых Пиратов, но без особой для себя пользы. От голов практически ничего не осталось, а искать в броне слабые точки не имело смысла.

Зато я попытался найти какой-нибудь религиозный символ и облегченно вздохнул, не обнаружив такового, поскольку его отсутствие подсказало мне, как разделаться с этими сукиными детьми.

Я подождал появления мэра, он пришел, лишь убедившись на все сто процентов, что Пираты покинули планету, и потребовал два алмаза за убитых Пиратов. Мэр возразил, что я должен Офиру восемь алмазов за убитых охранников, так что с учетом двух, упомянутых мной, за мной должок в шесть алмазов.

— Чушь! — отмахнулся я. — Не забывай, что ты разговариваешь с Максом Три Ствола. Если не заплатишь мне положенного, я не скажу тебе, как победить Пиратов Зари.

— А ты знаешь как? — удивился он.

— Да, знаю, — кивнул я. — И, если хочешь, чтобы я поделился своими знаниями с тобой, гони алмазы.

Мэр и члены городского совета пошептались пару минут, потом повернулись ко мне.

— Приходи в мой кабинет через полчаса, и я отдам тебе твои алмазы.

— Отлично.

— А теперь... как нам убить Пиратов?

— Приходи в свой кабинет через полчаса, и тридцатью секундами позже я с радостью тебе все расскажу. При условии, что в промежутке ты со мной расплатишься.

Вот тут он решил, что ничто не мешает ему пойти в свой кабинет прямо сейчас, я последовал за ним и терпеливо подождал, пока он откроет сейф и достанет два очень неплохих алмаза.

— Вот. — Он протянул алмазы мне. — Тебе уплочено. Так как нам убить Пиратов Зари?

— Признав, что они — Пираты Зари, и спросив себя, почему?

— Я не понимаю, — покачал головой мэр.

— Значит, так, пусть пока удача не на нашей стороне, они знают, что мы можем их убить. Исходя из этого, они могли остановиться на одном из следующих вариантов. Атаковать ночью, когда увидеть их практически невозможно.

Атаковать ясным днем, когда они могли бы перестрелять нас, как в тире. Однако они всегда атакуют на заре. Почему?

— Я не знаю.

— Я тоже не знал, — признал я. — Пока не обследовал убитых.

— И ты нашел причину? — спросил мэр.

— Да. Если б я обнаружил при них амулет, свидетельствующий о том, что они поклоняются солнцу или луне, то подумал бы, что именно этим объясняется их излюбленное время атаки. Но амулета не нашлось, следовательно, причина — в их огромных глазах. Они *не могут* нападать днем, потому что солнце их слепит.

— А что им мешает нападать ночью? — спросил мэр.

— У Офира нет луны, это единственная планета в вашей системе, до ближайшей звезды шестнадцать световых лет. Ночи у вас чернильно-черные, и даже Пираты Зари ничего не видят без источника света, который, конечно же, сразу выдаст их местонахождение.

— Это логично, — кивнул мэр. — Теперь понятно, почему они нападают только на заре. Но мне по-прежнему не ясно, как нам их победить.

Я печально покачал головой.

— Ты такой тупой, что мне стоило запросить двойное вознаграждение. Но сделка есть сделка. Дай мне десять человек, и мы подготовимся к их следующему прилету.

Мы подготовились. Они появились тридцать дней спустя, а мы поджидали их с самыми яркими прожекторами, которые можно купить за деньги. Включили их, когда Пираты приблизились на пятьдесят ярдов к зданию пробирной палаты, а потом, как в тире, перестреляли.

Одного оставили в живых, чтобы он мог вернуться к кораблю и сообщить другим Пиратам, что на Офире им ловить нечего. С того дня Пиратов Зари там больше не видели.

Что же касается меня, то я почти год жил, как король, пока не наткнулся на Ставлю-Планету О'Грейди, которому в один вечер и проиграл остаток алмазов.

— Об этом не грусти, — посоветовал О'Грейди Максу. — Не прошло и трех дней, как они перешли к Макнейру Ка-

менное Лицо. — Он печально покачал головой. — Вот уж кто умел блефовать. Сделал меня на пятьдесят миллионов.

— Макнейр Каменное Лицо, — повторил Катастрофа Бейкер. — Я слышал о нем.

— Он был букмекером, — продолжил О'Грейди. — Помните поединок за чемпионский титул по свободному боксу в тяжелом весе между Спиноломом Барнсом и Пенджакским Малышом?

— Кто может его забыть? — вмешался Большой Рыжий. — Единственный бой в истории, в котором оба упали замертво на ринге.

— Правильно, — кивнул О'Грейди. — А поскольку оба не смогли подняться, букмекеры никому не заплатили. Старина Каменное Лицо собрал ставок на пятнадцать миллионов и решил, что хватит ему принимать ставки и пора ставить самому.

— Я однажды видел Пенджакского Малыша, — сказал Могильщик. — Всегда думал, что только два человека в галактике смогут справиться с ним, Катастрофа Бейкер и я, правда, насчет себя полной уверенности у меня не было.

— Насчет Малыша ничего сказать не могу, — подал голос Ураган Смит, — но я присутствовал на матче, когда Спинолом Барнс разобрался с Джимми Стальным Кулаком, и, думаю, я сумел бы взять над ним верх.

Ожил компьютер Большого Рыжего.

— Эйнштейн говорит, что вы все ошибаетесь, — сообщил им Большой Рыжий. — Только один человек мог побить Барнса или Малыша.

— Кто же он? — спросил Гейнс.

Большой Рыжий передал вопрос Эйнштейну, улыбнулся, прочитав ответ.

— Совсем и не он.

— Инопланетянин? — спросил Гейнс.

— Нет, — ответил Большой Рыжий. — Женщина.

— Я в это не верю! — пренебрежительно бросил Гейнс.

— Эйнштейн никогда не ошибается.

— На этот раз ошибся.

На экране появилось новое послание Эйнштейна.

— Он хочет знать, слышал ли кто о Киборге де Мило? — озвучил его Большой Рыжий.

— Киборг де Мило? — повторил Гейнс. — Он ее не выдумал?

— Нет, — от противоположной стены ответил ему Ахмед Альфардский. — Я ее знаю. Она существует.

— И ее зовут Киборг де Мило?

— Теперь да. Я ее знал как Венеру.

— Только не надо напрягать меня ее полным именем, — пробурчал Гейнс.

— Да кому нужно ее имя? — согласился с ним О'Грейди. — Лучше скажи нам, почему Эйнштейн думает, что она могла бы справиться и со Спиноломом Барнсом, и с Пенджакским Малышом?

— Он не думает, — поправил его Большой Рыжий. — Знает.

— И он прав, — кивнул Ахмед.

— И все же, почему?

КИБОРГ ДЕ МИЛО

Ее настоящее имя (начал Ахмед Альфардский), или, вернее, имя, которое ей дали при рождении, — Венера Дельмонико. В те стародавние времена, когда мы встретились, Венера, симпатичная, вежливая, воспитанная девушка, только-только сдала вступительный экзамен и собиралась вылететь на Аристотель, вы знаете, университетскую планету. Изучать она хотела что-то очень уж экзотическое, кажется, поэзию третьего столетия Галактической эры. К тому моменту Венера и так обладала энциклопедическими знаниями по этому предмету, и только два человека, оба профессора с Аристотеля, могли ее чему-то научить.

Но за три недели до отлета на Аристотель грабители ворвались в дом ее родителей. Отец попытался остановить их, и его убили. Мать попыталась убежать, зовя на помощь, и ее тоже убили. Потом, чтобы замести следы, грабители сожгли

дом. В огне погибла и ее коллекция ценнейших раритетных томиков поэзии. Венера осталась жива только потому, что в это время занималась в местной библиотеке.

Я жил по соседству и стоял рядом с дымящимися развалинами, когда приехала Венера. Полиция сообщила ей о случившемся. Я думал, у нее начнется истерика, может, она упадет в обморок, но мои ожидания не оправдались. Ее лицо стало бесстрастным, голос смягчился, и она задавала вопросы следователю, пока не узнала от него все, что тот мог ей сказать.

Потом увидела меня, подошла, попросила связаться с Аристотелем и сообщить, что учиться не будет, ни в ближайшем семестре, ни в обозримом будущем.

— Но что ты собираешься делать? — спросил я. — Не можешь же ты из-за этой трагедии порвать все связи с обществом и уйти в себя?

— С обществом я не порву, — спокойно, холодно ответила она. — У меня есть дела.

— Будешь и дальше изучать поэзию?

Ее симпатичное личико перекосила гримаса презрения.

— Нет, Ахмед. Более важные дела. — Она бросила последний взгляд на пепелище, повернулась ко мне. — Я увижусь с тобой перед тем, как приступлю к ним.

И она ушла.

Исчезла почти на год. Я пытался навести справки, но никто не знал, что с ней сталось. Потом, безо всякого предупреждения, она объявилась в моем доме.

— Венера! — воскликнул я. — Где ты была?

— Готовилась, — ответила она, проходя в гостиную.

— Ты совершенно не изменилась. — Я оглядел ее с головы до ног.

Она хохотнула.

— Спасибо, Ахмед. С того дня как погибли мои родители, я смеюсь первый раз.

— А что такого забавного я сказал? — в недоумении спросил я.

— Ты и представить себе не можешь, как я изменилась.

Я вновь оглядел ее.

— Я ничего не вижу. Сомневаюсь, чтобы ты набрала или потеряла даже пару фунтов.

— Я потеряла больше двух фунтов. Я потеряла обе руки.

Я глянул на ее руки.

— Не понимаю.

Она постучала пальцами правой руки по левой. Послышались металлические щелчки.

— Я заменила обе руки протезами.

— Но зачем? — в изумлении воскликнул я.

— Потому что в обычных руках необходимость отпала. — Она вытянула руки перед собой. — Мне требовались *такие.*

— Для чего?

— Для моей работы.

— Я думал, твоя работа — изучение поэзии.

— Моя работа — убивать людей, которые заслужили смерть, — ответила она. Растопырила пальцы правой руки. — Этот палец стреляет лазерными лучами. Этот — звуковыми волнами. Вот этот — пульсатор. А этот стреляет пулями. — Она подняла левую руку. — Этот — огнемет, этот — атомный бур, этот выбрасывает нож, этот — прожектор, пробивающий не только темноту, но и туман.

Она постучала пальцем по своим прекрасным синим глазам. Раздался тот же звук.

— Мои глаза видят не только то, что видишь ты, но и в ультракрасном и ультрафиолетовом диапазонах. Левый, к тому же, телескоп, правый может использоваться как микроскоп.

— Господи! — воскликнул я. — Зачем ты все это сделала?

— Я сжала в один год миллионы поколений, которые потребовались бы эволюции для достижения такого же результата, и добилась максимальной эффективности своего тела. С этого дня я уже не Венера Дельмонико, а Киборг де Мило. Как Венера древних, я потеряла обе руки, но в отличие от нее нашла им достойную замену.

— У нас преступников ищет полиция, а в Пограничье этим занимаются профессиональные охотники за головами, вроде Могильщика Гейнса.

— Они работают за деньги, — ответила она. — Я — во имя справедливости.

— Но...

— Полиция год ищет убийц моих родителей. Результат есть?

— Не знаю, — признался я.

— А я знаю. Они не продвинулись ни на шаг.

— Что тебе сказать. — Я печально вздохнул. — У меня такое ощущение, что ты порушила свое будущее.

— Возможно, это ты порушил свое будущее, — предположила она, направляясь к двери, — не сделав всего, что в твоих силах, чтобы гарантировать себе это самое будущее.

Ей потребовалось три дня, чтобы разыскать убийц родителей. Я не знаю, что она с ними сделала, но слышал, что хоронить было нечего.

В звездной системе Альфард она задержалась еще на месяц. Перебив всех известных преступников, решила попробовать свои силы, схватившись с противником посерьезнее, и отправилась во Внутреннее Пограничье.

Время от времени я читал о ней или до меня доходили слухи о женщине-киборге, которая убивала людей, поединок с которыми не стал бы легкой прогулкой и для Катастрофы Бейкера, но не могу с уверенностью утверждать, что она до сих пор жива.

Если нет, я бы не хотел находиться в одной комнате, даже на одной планете, с человеком, который смог ее убить.

— Эйнштейн говорит, что она жива. — Большой Рыжий смотрел на экран. — В прошлом месяце он виделся с ней на Зеленом Лугу II.

— Зачем? — удивился Макс. — Что у них может быть общего?

— Само собой, ей требовался его совет, — ответил Большой Рыжий. — Зачем еще кому-либо хочется встретиться с Эйнштейном.

— Какой совет? — не унимался Макс.

— У нее оставались человеческие ноги. Она хотела посоветоваться с ним насчет их замены.

— Да она и так целый арсенал.

— Оружия ей хватает, — ответил Большой Рыжий. — Но сие не означает, что она не может повысить свою эффектив-

ность. Нужны ей ноги, на которых она сможет ходить при гравитации, в четыре раза больше стандартной? Которые позволят ей прыгать на сорок футов? С вакуумными присосками на стопах, чтобы ходить по стенам и потолку? С отделениями для запасных энергетических батарей? С холодильниками для хранения еды, если она окажется далеко от цивилизованного...

— Ладно, ладно, — раздраженно оборвал его Макс. — Я все понял.

— Знаете, — подал голос Могильщик, — а ведь я слышал о ней. Имени не знал, но некоторые из ее подвигов тянули на легенды. О женщине-киборге говорят уже многие годы, женщине, которой под силу все то, что, по словам Ахмеда, умеет Киборг Венера.

— Киборг де Мило, — поправил его Ахмед.

— Если она во Внутреннем Пограничье, почему ни разу не заглянула в «Аванпост»? — задал Макс более чем логичный вопрос.

— Может, ее не мучила жажда, — предположил Никодемий Мейфлауэр.

— А может, собиралась заглянуть на огонек, но флот или чужие разнесли ее корабль в клочья, — добавил Маленький Майк Пикассо. — На нас надвигается война, знаете ли.

— Если в нее кто-то выстрелил, мне не хочется думать о том, что с ним сталось в случае промаха, — заметил Ахмед.

— Давно она — киборг? — спросил Никодемий Мейфлауэр.

— Восемнадцать лет, — ответил Ахмед.

— Долгий срок, — вздохнул Ураган Смит. — Может, она уже мечтает о мужчине, который полюбит ее.

— Она не в твоем вкусе, — заметил Катастрофа Бейкер.

— Откуда ты знаешь?

— Она — человек.

Лангтри Лили зашипела на Смита.

— Это всего лишь теоретические рассуждения, дорогая моя, — быстро ответил он, готовясь уйти в сторону в случае очередного плевка. Она злобно глянула на него, и он принялся поглаживать ее руку. Мгновение спустя она расслаби-

лась и принялась добирать остатки меда из пластиковой бутылочки.

— Так или иначе, она — женщина крутая, — уверенно заявил Маленький Майк.

— Кто ж с этим спорит? — пожал плечами Могильщик. — Я-то думал, что встречался с самыми крутыми женщинами Пограничья, но, судя по всему, они не чета Киборгу де Мило.

— Кто они? — Вилли Бард оторвался от блокнота.

— Слышал когда-нибудь о сестрах О'Тул? — спросил Гейнс.

— Нет.

— Я слышал, — ввернул Никодемий Мейфлауэр.

— Я тоже, — присоединился к нему Бейкер. — Имена еще у них были такие странные, вроде бы Шелк и Атлас.

— Я думал, Резина и Кружево, — не согласился с ним Никодемий.

— Близко, но не в десятку, — покачал головой Могильщик.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАРХАТА И КОЖИ О'ТУЛ

Никто не знает, когда они появились в Пограничье (начал Гейнс). Черт, да они могли здесь родиться. Я знаю, что они выросли в Аллее Кошмаров, криминальном районе Порт Рейвена, маленькой планетки в секторе Уиллоби, а тот, кто может провести в Аллее Кошмаров больше суток и не отправиться на тот свет, обладает удивительными способностями к выживанию.

Умом сестры не блистали, я уверен, что вступительного экзамена на Аристотеле они в отличие от Киборга де Мило не сдали бы, но не нарушали закон, много работали, копили деньги.

Собственно, на почве последнего я с ними и познакомился. Так уж вышло, что мы пользовались услугами одного банка. В Порт Рейвене я не находил ничего привлекательного, но там располагалось отделение банка Спики, в котором у меня был счет.

Внешностью девушки тоже не могли похвастать. Симпатичные, конечно, но не из тех, ради кого мужчина готов достать луну с неба или отправиться убивать дракона. Прямо скажу, не чета Силиконовой Карни. Одна всегда одевалась в бархат, вторая в кожу, и вскоре их настоящие имена забылись, остались только Бархат и Кожа, сестры О'Тул.

Управлял банком тощий шкет, которого звали Трокмортон Льюис Фротингхэм. Клянусь, его имя весило больше, чем он сам. И всегда выглядел так, будто только что вышел от портного, невзирая на духоту и влажность. До сих пор иногда встречаются люди, которые носят очки, но он — единственный на моей памяти, кто носил пенсне — очки, которые крепятся на носу. Из левого рукава всегда торчал уголок шелкового носового платка, а туфли сияли, как два солнца.

Я проводил в банке много времени, дожидаясь, пока на Порт-Рейвен придет подтверждение, что банк Спики получил причитающиеся мне вознаграждения, и частенько сталкивался там с сестрами. Не знаю, какая у них была работа, но им платили наличными каждый день и перед закрытием банка они приходили, чтобы положить деньги на свои счета. Маленький Трокмортон Льюис Фротингхэм всегда появлялся в зале для клиентов, чтобы поздороваться с ними, они перекидывались парой слов, а потом он лично проводил все необходимые банковские операции.

И однажды, без всякого предупреждения, в банк заявилась банда Белларго, все семьдесят три человека.

— Банда Белларго? — переспросил Бейкер. — Не слышал о них уже лет двенадцать. Что с ними случилось?

— Не прерывай меня, и все узнаешь, — ответил Могильщик.

В банке находились девушки (продолжил Гейнс), еще два-три клиента, пара роботов-кассиров, Фротингхэм и, разумеется, я.

— Ты — охотник за головами! — прошептал Фротингхэм. — Неужели не попытаешься что-нибудь сделать?

— Все мои деньги на Спике, — ответил я. — Если они и выпотрошат весь твой банк, я не потеряю ни кредитки.

— Но твоя работа — вершить суд над этими негодяями.

— Я могу убить с полдесятка, но их тут больше пятидесяти. И мне представляется, что моя работа — остаться в живых и встретиться с ними при более благоприятных обстоятельствах.

Пока мы разговаривали, Белларго неотрывно смотрел на меня и наконец подошел.

— Ты — Могильщик Гейнс? — спросил он.

— Некоторые так меня называют, — признал я.

— Я уже не один год точу на тебя зуб, — продолжал он. — Ты убил шестерых моих людей, а пятеро дезертировали, чтобы избежать встречи с тобой.

— Чертовски жаль.

— Ты-то чего жалеешь? — удивился он.

— Раз они завязали, не видать мне вознаграждения за их головы.

Он расхохотался.

— Ты мне нравишься, Могильщик Гейнс. Буду сожалеть о том, что тебя пришлось убить.

Если он надеялся, что я попрошу его оставить меня в живых, то ждать ему пришлось бы долго, но тут он заметил сестер О'Тул и вперевалочку направился к ним.

— Привет, дамы. Я вижу, вы берегли себя для настоящего мужчины.

— Когда он появится, пожалуйста, дай нам знать, — ответила Бархат.

— Что-то у нас сегодня перебор юмористов! — прорычал Белларго. Я думал, что сейчас он ударит ее, но его взгляд упал на Фротингхэма. — Как насчет тебя?

— Я не нахожу ничего забавного в ограблении банка, — дрогнувшим голосом ответил он.

— Должно быть, здесь очень холодно, — заметил Белларго. — Посмотрите, как трясутся его руки.

— Оставь меня в покое! — взвизгнул Фротингхэм. — Вы пришли, чтобы ограбить мой банк. Грабьте и убирайтесь!

— Твой банк? — повторил Белларго.

— Он — президент, — с гордостью ответила Кожа.

— Хорошо. Тогда ты должен знать комбинации компьютерных замков сейфов.

— Их я тебе не назову, — ответил Фротингхэм. — Пусть меня ограбят, но способствовать этому я не буду.

— Ты сделаешь все, что тебе скажут! — прорычал Белларго и вот тут допустил роковую ошибку: врезал коротышке Фротингхэму по физиономии.

Двумя секундами позже Бархат уже летела по воздуху и с такой силой ударила ногой в голову Белларго, что едва не оторвала ее от плеч. Громко хрустнул позвоночник, и Белларго отправился к праотцам.

Кожа уже металась среди бандитов, работая руками и ногами, Бархат присоединилась к ней, и к тому моменту, когда я пришел в себя от изумления и выхватил лучевик, семнадцать человек лежали на полу. Двенадцать так и не встали, а я начал понимать, как сестрам О'Тул удалось выжить в Аллее Кошмаров.

Потом Бархат подняла с пола лучевик, Кожа — два глушака, и остатки банды Белларго они расстреляли, как в тире. Я тоже успел пару раз выстрелить, но в принципе в моей помощи они не нуждались.

Когда пыль рассеялась и все бандиты лежали на полу, мертвые или выведенные из строя, сестры бросились к Трокмортону Льюису Фротингхэму.

— Как ты? — озабоченно спросила Кожа.

— Бедняжка! — проворковала Бархат. — Они тебя напугали?

Поначалу я подумал, что все это — игра. Как могли такие воительницы питать какие-то чувства к этому сморчку?

Но ошибся. Две недели спустя, утром, Бархат О'Тул вышла замуж за президента банка, а тремя часами позже, на столь же торжественной церемонии, за него вышла замуж и Кожа О'Тул. Потом втроем они уехали на медовый месяц.

— Это все? — лихорадочно записывая, спросил Бард.

— Не совсем.

— А о чем ты не упомянул? — спросил Бард. — Они ушли от него?

Гейнс покачал головой.

— Я побывал на Порт-Рейвене в прошлом году. Они все живут в огромном доме, в каком и может жить банкир. Девушки (вернее, женщины) по-прежнему обожают своего мужа. У Бархат семь детей, у Кожи — восемь. Я бы хотел сказать, что дети похожи на матерей, но на самом деле все они — вылитый отец.

— Бедные крошки, — покачал головой Большой Рыжий.

— Ну, не знаю, — продолжил Могильщик. — Каждый унаследует по миллиону кредиток и, несмотря на невзрачную внешность, другие дети в школе их не третируют.

— Не третируют? — удивился Большой Рыжий. — Почему?

— Потому что Бархат и Кожа работают в этой школе. Кожа преподает основы рукопашного боя, Бархат — тренер команды по смертоболу. Позвольте вас заверить: ни у кого не возникает желания дернуть за косичку их дочерей и дать подзатыльник сыновьям.

— Могу в это поверить, — кивнул Маленький Майк Пикассо. — Жаль, что у меня не было такой матери.

— Ты хорошенько подумай, — посоветовал ему Адский Огонь ван Винкль. — Возможно, она защитила бы тебя от школьных хулиганов, но так ли тебе хотелось бы ходить по струнке, выполняя все ее указания?

— В этом ты прав.

— Безусловно. Мать, которая добивается повиновения угрозой наказания, может превратить ребенка в законченного лжеца.

— Насколько я понимаю, здесь в защите никто не нуждается, — язвительно ввернул Макс Три Ствола.

— Каждое слово, сказанное сегодня вечером, — правда. — Я счел, что пора вступиться за клиентуру «Аванпоста».

— Это факт? — спросил Макс.

— За исключением тех, что являются ложью. — Я внес необходимое уточнение.

— Как я понимаю, «Аванпост» слышал и первое, и второе, — логично предположил Аргиль.

— Ты думаешь, здания обладают разумом, да? — Максу все хотелось поспорить.

— Откуда мне знать? — спросил Аргиль.

— Тогда поверь мне. Не обладают.

— Ерунда. — Лицо Никодемия Мейфлауэра стало еще более сатанинским. — Я знавал целый разумный город.

— Быть такого не может, — отрезал Макс.

— Ладно. — Мейфлауэр пожал плечами. — Не хочешь слушать — не надо.

— Эй! — воскликнул Бард. — Я хочу послушать.

— Я тоже, — поддакнул я, чтобы позлить Макса.

— Если Макс не хочет слушать, за окном идет война. — Катастрофа Бейкер указал на очередной взрыв неподалеку от одной из наших лун. — Он может спасти галактику, пока мы посидим здесь и послушаем.

На том возражения Макса и прекратились.

ГОРОД, СТАРЕЕ ВРЕМЕНИ

Мы нашли его в Другом Рукаве, не в том, где расположена Земля (начал Никодемий Мейфлауэр).

Туда направились две конкурирующие группы археологов, каждая из которых не доверяла другой, а потому обе наняли телохранителей, дабы телохранители противоположной стороны не напали на них.

(Да, я понимаю, такие действия только провоцировали нападение. Но какого здравомыслия можно ждать от людей, которые летят на противоположный край галактики, чтобы копаться в земле?)

Так или иначе, мы прилетели в бинарную систему, которая не значилась ни на одной звездной карте. Поскольку я обнаружил ее первым, они сказали, что я вправе дать им названия. Поэтому более яркая звезда теперь Альфа Никодемий, а вторая — Бета Мейфлауэр. Если не верите, справьтесь с навигационным компьютером, перепрограммированным после 6519 года Галактической эры.

По какой-то только им ведомой причине мои археологи решили, что больше всего их интересует третья планета, вра-

щающаяся вокруг Беты Мейфлауэра. Мы приземлились и действительно обнаружили древний город с хрустальными шпилями, мраморными мостовыми и кварцевыми окнами, сконструированными как призмы и превращающими солнечный свет в радугу.

Мы пробыли в городе не больше двух дней, когда прибыла вторая команда археологов. Наш руководитель сказал им, что мы оформили все необходимые документы, какие оформляет старатель или ученый, если не хочет, чтобы по облюбованной им территории шастали посторонние. Наши конкуренты ответили, что все это хорошо, но, поскольку планета не картографирована, а звезда не включена в официальные каталоги, они собираются остаться и проводить свои раскопки, что бы мы ни говорили.

Разговор уже пошел на повышенных тонах, и вдруг мы услышали громкий стон. Исходил он из центра города, но, прибыв туда, источника стона мы не обнаружили. Один из наших археологов предположил, что стонал ветер, обдувая самую высокую башню города. Представитель другой группы заявил, что мы слышали шум газа, вырывающегося из какой-то расщелины. Наш человек возразил, что если газ и вырывается, то из наших конкурентов. Телохранители все это время таращились на своих работодателей, гадая, почему они так странно себя ведут, а те уже едва не набрасывались друг на друга.

Остановил их еще один стон, донесшийся с северной окраины. Мы все поспешили туда, но опять же ничего не нашли.

Уже начало смеркаться, и обе стороны решили, что утро вечера мудренее. Моя группа вернулась в свой лагерь на восточной окраине города, наши конкуренты разбили лагерь на западной.

Я долго лежал на койке без сна, задаваясь вопросом, а что я здесь делаю (и стараясь решить, на кого из знакомых девушек я произведу наибольшее впечатление, сказав ей, что в мою честь названы звезды бинарной системы), и тут у меня в голове зазвучал голос:

— Никодемий Мейфлауэр.

Я сел, огляделся, чтобы понять, слышал ли голос еще кто-нибудь, но все археологи мирно похрапывали.

— Никодемий Мейфлауэр, — повторил голос.

— Я здесь, — тихонько ответил я. — Что ты хочешь?

— Боль непереносима.

— Может, тебе принять таблетку, — посоветовал я. — И, между прочим, кто ты и где?

— Я — Несбуданн.

— Уж извини, но твое имя мне ничего не говорит.

— Я — город, — ответил Несбуданн.

— Не понял.

— Ты спрашиваешь, где я, — продолжал Несбуданн. — Вокруг тебя. Я — это устремленные ввысь башни, сверкающая мостовая, светящиеся стены, витые лестницы, автострады, пешеходные дорожки, улицы. Я — дренажная система под твоими ногами, мозаичные панно на стенах церкви, витражи на потолке.

— Хорошо, с этим все ясно. Но с чего ты страдаешь от боли?

— Моими создателями, которые давным-давно покинули меня ради более современных городов на далеких мирах, я наделен даром сочувствия. Я могу улавливать потребности и реагировать на них. Тебе холодно? Я согрею воздух. Ты голоден? Я активирую кухню. Хочется спать? Я притушу свет и включу успокаивающую музыку. — Несбуданн замолчал и до меня донесся почти человеческий вздох. — Но у сочувствия есть недостаток. Твои ученые ненавидят своих конкурентов, те ненавидят их, и всю вторую половину дня и вечер меня бомбардировала эта взаимная ненависть. У меня нет защитных механизмов, чтобы нейтрализовать ее. И я страдаю, ужасно страдаю.

— Сочувствую. — Что еще я мог ответить? — Но чем, по-твоему, я могу тебе помочь?

— За моей северо-западной окраиной есть каньон, который называется Долина грез, — ответил Несбуданн. — Там растут галлюциногенные растения. Найди возможность отвести туда и тех и других до того, как я умру от боли.

— А что случится после того, как они попадут в Долину?

— Они вдохнут аромат этих растений. А потом, поскольку им неведомо само понятие дружбы, возможно, представят себе, что жить друг без друга не могут, и начнут работать вместе, ради общей цели.

— Пожалуй, стоит попробовать, — признал я.

Поднялся, разбудил телохранителей, объяснил им план, предложенный городом. Они согласились, и тогда я, под покровом ночи, отправился в другой лагерь и обо всем договорился с тамошними телохранителями. Наутро под дулом лучевиков и глушаков мы привели обе группы ученых к Долине грез. Сами туда не пошли, но их заставили. И буквально через минуту-другую археологи, которые ненавидели друг друга десятилетиями, уже бросались друг другу на грудь. Они провели там целый день, смеялись, как дети, клялись в вечной преданности.

А вечером, когда мы повели их в город, по пути к центральной площади пять раз начинались драки. Вражда вспыхнула с новой силой.

Вновь раздался стон, только теперь я знал, кто стонет.

— Несбуданн! — крикнул я. — Ты в порядке?

— Ты сделал все, что мог, Никодемий Мейфлауэр, — печально ответил Несбуданн, и на этот раз его услышали все. — Но я больше не могу выносить эту ненависть.

Высочайшая башня города завибрировала и рухнула, распавшись на тысячи кусков.

— Меня построили, чтобы служить вам, — продолжал Несбуданн. — Я любил вас, как собственных детей, а вы причинили мне вреда больше, чем заклятый враг.

Рухнула еще одна башня, а в двух кварталах от нас начала разваливаться церковь.

— Возможно, оно и к лучшему. — Голос Несбуданна с каждой секундой слабел. — Вы — ученые. Теперь вы на практике доказали, что сочувствие не способствует выживанию. Придет день, когда ваши микрохирурги смогут оперировать молекулу ДНК. Проследите за тем, чтобы следующие поколения не знали, что есть сочувствие.

Здания уже рушились по всему городу, по мостовым побежали длинные трещины. Мы сломя голову помчались к ок-

раине, выбежали за пределы города, повернулись, чтобы посмотреть на результаты нашей ненависти.

Знаете, я частенько гордился тем, что человечество покорило галактику.

Но только не в тот день.

— Почему у этого Несбуданна не разбилось сердце, когда его строители покинули планету? — спросил Макс. Циник, он и есть циник.

— Он умер не от разбитого сердца, — ответил Никодемий Мейфлауэр. — Его чувствительная психика не выдержала нашей ненависти.

— Чертовски хорошо, что он не пошел в политику, — хмыкнул Макс.

— Или в искусство, — поддакнул Маленький Майк Пикассо.

— Или в спорт, — добавил Большой Рыжий.

— Или в любую сферу человеческой деятельности, где твое совершенство заставляет остальных чувствовать свои недостатки, — подвел черту Бард.

— Это одна из причин, по которым мы здесь отираемся, не так ли? — заметил Могильщик. — Потому что те, кто собирается в «Аванпосте», не завидуют друг другу.

— Ну, не знаю. — Золушка указала на Силиконовую Карни. — Если бы я хотела, то обзавидовалась бы ей.

— На то нет причин, — успокоила ее Мать Земля. — Никто не знает, где заканчивается она и начинается силикон.

— Совершенно верно, — согласилась с ней Сахара дель Рио. — Ни у одной женщины не может быть такого бюста.

— Я знал женщину, у которой бюст был побольше, — возразил ей Ураган Смит.

Лангтри Лили злобно глянула на него.

— Это было до того, как мы встретились, дорогая. Черт, все они были до того, как мы встретились.

— Больше, чем у Силиконовой Карни? — спросил преподобный Билли Карма.

— Да.

— Вот вам и еще одно доказательство существования Бога! — торжествующе воскликнул Билли Карма.

— Я не думаю, что Бог имеет к этому какое-то отношение, преподобный.

— А вот это святотатство! — прошипел Билли Карма.

— Ты расскажи всю историю, — предложил Катастрофа Бейкер, — а уж мы решим.

— Это справедливо, — кивнул Смит.

КОРОЛЕВА ПИРАТОВ С БОЛЬШИМИ БУФЕРАМИ

Произошло все это восемь лет тому назад (начал Ураган Смит). Я как раз сбежал с планеты-тюрьмы Бастилия, куда меня совершенно несправедливо заточили за непонятно что означающие «преступления против Бога и Природы», и решил покинуть Монархию, чтобы попытать счастья во Внешнем Пограничье.

Приземлился на заправочной станции Самовар, расположенной за Поясом Тервиллигера, и коротал время в баре, пока обогащали уран атомного реактора моего корабля, когда услышал шум в одном из коридоров, ведущих в административный сектор. Естественно, я поднялся, чтобы посмотреть, что там творится, и как раз выходил из бара, когда увидел бегущую ко мне самую роскошную женщину из всех, что когда-либо попадались мне на глаза (дорогая, это было до того, как я встретил тебя).

В сапожках, облегающих голени, миниатюрных трусиках-танго и бюстгальтере, который едва удерживал феноменальную грудь. Добавьте к этому длинные растрепанные волосы, рукоятки ножей, торчащие из сапог, глушак в набедренной кобуре, лучевик в одной руке и бластер в другой. Она стреляла в преследующих ее солдат, и я с первого взгляда понял, что передо мной Королева Пиратов.

— Помоги мне, — выдохнула она, — и все, что у меня есть, станет твоим!

Что ж, от таких предложений не отказываются и в нормальной ситуации. А в случае, когда армейский сброд пыта-

ется убить писаную красавицу, прийти ей на помощь — долг каждого джентльмена.

Я выхватил лучевик и прожег пол перед солдатами. Плитки расплавились, став огненно-красными, и они едва успели остановиться перед ними. Я потянул девушку в бар, чтобы нас не превратили в головешки, мы побежали к служебному выходу и по лабиринту коридоров добрались до моего корабля... чтобы узнать, что процесс обогащения урана еще не закончился.

— Вон мой корабль! — выдохнула Королева Пиратов, указав на тот, что стоял рядом с моим.

Мы помчались к нему и успели взлететь буквально перед носом у солдат. Как только корабль набрал световую скорость, она включила автопилот и повернулась ко мне.

— Я хочу отблагодарить тебя за то, что ты сделал на заправочной станции.

— Я рад, что смог помочь. Может, нам пора познакомиться? Я — Ураган Смит.

— Ураган Смит? — повторила она. — Я много слышала о твоих подвигах.

— А ты...

— Можешь называть меня Зенобия.

— Похоже, это популярное имя среди Королев Пиратов, — отметил я. — Ты на моей памяти третья.

— Правда? Я никогда не встречалась с другими Королевами Пиратов. Думала, что я — единственная.

Теперь я абсолютно уверен, что у Королев Пиратов нет ни профсоюза, ни ассоциации, но в принципе даже тогда мне следовало понимать, что каждая из них считает себя единственной. Но тут она глубоко вздохнула, отчего ее буфера так сладострастно заколыхались, что все прочие мысли вылетели у меня из головы.

— Возможно, ты не откажешься присоединиться ко мне в моих личных апартаментах и немного отдохнуть? — спросила она.

Я полагал, что весь корабль — ее личные апартаменты, но уточнять не стал, просто кивнул, не отрывая глаз от ее груди, и последовал за ней в каюту.

И какая это была каюта! Никаких кроватей, на полу десятки мягчайших шкур, зеркальные стены и потолок.

Она встала посередине, повернулась ко мне.

— Знаешь, Ураган Смит, мне нужен такой мужчина, как ты.

— Я надеялся услышать от тебя эти слова.

Она хохотнула, и очередное колыхание груди привело меня в экстаз.

— Я про работу, — уточнила она.

— И какая у тебя работа?

— Грабить космические станции, нападать на конвои, воровать драгоценности, уничтожать жандармов.

— Стандартный набор Королевы Пиратов, — констатировал я.

— Ну? Ты присоединишься ко мне?

— Как полноправный партнер?

— Как младший партнер. Даже знаменитый Ураган Смит не может начинать с самого верха.

— Я должен об этом подумать.

Она расцепила застежку бюстгальтера, и он упал на пол.

— Я помогу тебе принять решение.

— И это правильно. — Я начал снимать тунику.

Она улыбнулась и освободилась от трусиков.

— Насчет того, чтобы избавиться от оружия, мыслей у тебя, похоже, нет? — полюбопытствовал я.

— Только после того, как получше тебя узнаю.

— И насколько лучше ты собираешься меня узнать?

Она подошла ко мне, обняла за шею, прижалась всем телом, насколько могла прижаться, учитывая размеры великолепных буферов.

— Увидишь сам, — прошептала она.

Последующие два часа мы узнавали друг друга. Ничем особенным она меня, надо сказать, не удивила, но значительно приблизила к решению стать ее младшим партнером.

А вот проснувшись чуть позже, я вдруг понял: что-то не так. Встал, посмотрел на мою Королеву Пиратов и увидел, что груди у нее плоские и напоминают надувной матрац, в который не закачали воздух.

— Что тут, черт побери, происходит? — проорал я.

Она проснулась, попыталась сесть, получилось не очень, и тут она поняла, что произошло. Мгновенно ее буфера обрели начальную форму.

— Доброе утро, дорогой, — улыбнулась мне Зенобия.

— Кто ты? — спросил я в лоб.

— Ты не помнишь? — удивилась она. — Твоя старшая партнерша.

— Кто еще? — настаивал я. — Давай облегчим задачу. Начнем с того, что ты — не женщина.

— Несколько часов тому назад для тебя это не имело никакого значения, — резонно указала она.

— Несколько часов тому назад твоя красота слепила меня. Или то, что я принимал за твою красоту.

— Разве тебе не понравилось заниматься со мной любовью?

— Вот это тут совершенно ни при чем! — отрезал я. — Я хочу знать, кто ты!

— Я же тебе говорила, Королева Пиратов.

— Какая именно Королева Пиратов?

— Разумеется, прекрасная. Разве не такие влекут тебя?

— Вот тут я, похоже, чего-то не понимаю.

Она вздохнула, и хотя я знал, что с грудью у нее что-то не так, не мог оторвать глаз от этих колышущихся холмов.

— Ладно. Мне требовался напарник. Я увидела тебя на космической станции, узнала, благо постеров с твоей физиономией и надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» хватает, застрелила солдата и устроила все так, чтобы ты меня спас.

— Как ты могла предугадать, что я соглашусь рискнуть жизнью ради женщины, которую никогда не видел?

— Потому что все представители мужской половины человечества готовы отдать что угодно за это. — И тут же ее груди удлинились и погладили меня по щекам. С одной стороны, мне хотелось их поцеловать, с другой — бежать в дальний конец корабля, и не побежал я только потому, что боялся: а вдруг груди достанут меня и там? Поэтому остался стоять, дрожа как осиновый лист.

— Бедненький. — В ее голосе слышалось сочувствие. — Я тебя напугала?

— Еще нет, но к этому все идет. Как ты в действительности выглядишь?

— А какое это имеет значение? — спросила она. — Для тебя я всегда буду выглядеть вот так.

— Господи, я надеюсь, что нет! — вырвалось у меня.

Она улыбнулась и чуть покраснела.

— Я забыла. — И тут же ее груди стали уменьшаться в размерах, пока не превратились в два внушительных полушария.

— Итак, Ураган Смит, составишь ты мне компанию на космических дорогах? Будешь грабить богатых и наслаждаться моими ласками?

— Думаю, что нет.

— Почему нет? — спросила она. — Хоть одна человеческая женщина ублажала тебя лучше, чем я?

— Нет, — признал я. — Но и расстраивали они меня куда меньше.

— Но ты будешь видеть во мне женщину! — не отступалась она.

— Всякий раз, прикасаясь к тебе, а такое будет случаться очень и очень часто, я буду обязательно задаваться вопросом, к чему, собственно, я прикасаюсь.

— Если это приятно, а я уверена, что прикасаться ко мне приятно... чего об этом тревожиться?

— Человек всегда найдет, о чем тревожиться, — объяснил я. — Если я свяжусь с тобой, тревог мне хватит на пару жизней, а может, останется и на часть третьей.

— Жаль, что у тебя такой настрой. — Она покачала головой. — Мы бы отлично сработались.

— У тебя по щеке катится настоящая слеза, или ты опять устраиваешь шоу?

— Прошлой ночью было шоу, — печально ответила она. — Слеза настоящая.

Вот такой я всегда буду помнить ее: самая прекрасная женщина на свете, которую мне доводилось видеть (за исключением тебя, дорогая), и настоящая слеза, катящаяся по ее щеке.

Из этой встречи я извлек полезный урок, понял, что внешность — не главное. Если б не Зенобия, я бы и сейчас оставался холостяком, мотающимся по галактике в поисках любви. А так я женат и счастлив.

Внезапно слеза появилась на щеке Лангтри Лили, она наклонилась и нежно поцеловала Урагана Смита в губы.

— Как это трогательно, — умилился Катастрофа Бейкер.

— Безусловно, — согласился с ним преподобный Билли Карма. — Даже забываешь, что она — безбожное насекомое, которое откладывает яйца и, возможно, пожирает своих детенышей.

Ему повезло: произнеся эти слова, он наклонился, чтобы высморкаться, и ядовитая слюна, которую выплюнула Лангтри Лили, не угодила ему в голову.

— Я знавал одну женщину-насекомое. — О'Грейди повернулся к Лангтри Лили. — Не твоего вида, мэм. Ярко-серебристую, с многочисленными длинными лапками и огромными красными мультифасеточными глазами. Как-то вечером она появилась в казино на Мутаре II и начала выигрывать все подряд. Мне потребовалось несколько часов, чтобы понять, как ей это удается.

— Ее глаза, не так ли? — предположил Маленький Майк.

— Поначалу я тоже так подумал, — ответил О'Грейди. — Но глаза оказались ни при чем. В отличие от этих чертовых антенн. Она получала сигналы от другого насекомого, которое стояло в двадцати футах за нашими спинами.

— И что вы сделали? — спросил преподобный Билли Карма. — Бросили в кипящую смолу и изваляли в перьях или отрезали антенны?

— Ни то и ни другое, — ответил О'Грейди. — Забрали деньги и выжгли большую красную букву А на ее хитиновом панцире.

— Зачем?

— Как я понимаю, ты не сведущ в классике, — отметил О'Грейди. — Мы решили, что всякий раз, когда она будет появляться в игорном заведении, где большинство игроков — люди, им будет достаточно одного взгляда, чтобы понять,

что она — инопланетная Эстер, решившая сорвать банк, и они, во всяком случае те, кого не зовут Ураган Смит, будут держаться от нее подальше.

Большой Рыжий смотрел на компьютерный голоэкран.

— Эйнштейн говорит, что это хорошая идея.

— Потому что Эйнштейн более начитан, чем преподобный, — пожал плечами О'Грейди.

— Я читаю только Книгу Добра, — ответил Билли Карма. — Прежде всего о том, кто кого породил.

— Похоже, тебя очень интересует генеалогия, — вставил Ахмед Альфардский.

— Его больше интересует процесс порождения, — поправила его Золушка.

— Где Господь сказал, что человек не имеет права немного поразвлечься? — вопросил Билли Карма.

— Как насчет Книги Бытия? — полюбопытствовал Адский Огонь ван Винкль.

— Кроме нее!

— Разве этого мало? — не унимался ван Винкль. — Он выгнал Адаму и Еву из рая.

— Ну, на этот счет у меня есть своя версия, — уверенно заявил Билли Карма. — Знаешь, что на самом деле покусывала Ева?

— Я не хочу этого слышать, — воскликнула Золушка.

— Я не хочу даже думать об этом, — присоединился к ней ван Винкль.

— Если бы Господь не хотел, чтобы вы получали новые знания, он бы не отправил меня сюда, чтобы я мог проповедовать вам, — гнул свое Билли Карма. — Я уже довольнотаки давно думаю о том, что Библия нуждается в радикальной переработке.

— Могу себе представить, — усмехнулся Маленький Майк Пикассо. — Ветхий Завет — Версия Добра, от преподобного Билли Кармы.

— Звучит неплохо, — высказал свое мнение преподобный.

— А что-нибудь грязное или отвратительное на вкус когда-нибудь казалось тебе плохим? — спросила Золушка.

— Недостаточно информации.

— Это ты о чем?

— Если ты дашь мне, покусывая, подняться вверх по твоему бедру или спуститься по животу, тогда я буду знать, какая ты на вкус, добрая или ужасная.

— Я уж и не знаю, смогу ли донести до тебя эту мысль, преподобный, — вмешался Маленький Майк, — но есть разница между женщиной с хорошим вкусом и женщиной, которая хороша на вкус.

— По мне разницы никакой, — отмахнулся Билли Карма.

— Могу в это поверить, — кивнул ван Винкль.

— Я думаю, может, тебе лучше помолиться Господу, чтобы он послал тебе ограничители, — предложила Золушка.

— Так ты любишь, когда мужчина ограничен в движениях? — спросил преподобный.

Золушка уже хотела резко ответить, но передумала и повернулась к нему спиной.

— Нет никаких сомнений в том, что Бог обладал даром предвидения. — Билли Карма по-прежнему смотрел на нее. — Посмотрите на эту прекрасную круглую попку. Конечно, бóльшую часть своего внимания Бог уделил фасаду, но Он помнил, что и к заду надо отнестись серьезно, дабы Его одинокому слуге было чем полюбоваться.

— Сегодня у тебя все мысли направлены в одну сторону, не так ли? — спросил Бейкер.

— В одну сторону — это точно, — согласился с ним Могильщик Гейнс.

— Эй, преподобный, — продолжил Бейкер, когда очередной взрыв осветил ночное небо, — может, тебе следует быстренько переговорить с Господом и посоветовать Ему на время оставить женщин в покое и сосредоточиться на завершении войны?

— Не по Его части, — ответил Билли Карма. — Бог создал женщин. Войны — дело рук людей. Людей и безбожников-инопланетян.

— Знаешь, мы в любую минуту можем обидеться, — подал голос Сидящий Конь.

— Ты все равно не захотел бы попасть на небеса, — повернулся к нему Билли Карма. — Я полагаю, если там и есть инопланетяне, все они живут в дешевых муниципальных домах, а на поле для гольфа их пускают в самое неудачное время.

— Не знаю почему, но у меня такое ощущение, что нынче для того, чтобы стать проповедником, нужно знать гораздо меньше, чем в мои дни, — изрек Адский Огонь ван Винкль.

— Для этого требуется Библия, черная одежда и личная договоренность с Богом, — уточнил Билли Карма.

— И, уж конечно, не знание литературы Земли, — усмехнулся Большой Рыжий. — Черт, даже я знаю, кто такая Эстер.

— Он, возможно, думает, что Дом Ашера — то самое место, где роботов учат показывать места старикам на стрип-шоу, — поддакнул Маленький Майк Пикассо.

— А ты считаешь, что это не так? — спросил Билли Карма.

— Одну минуту, — вмешался Катастрофа Бейкер. — Вы говорите, что Дом Ашера — выдумка?

Маленький Майк уставился на него.

— А ты говоришь, что нет?

— Я там *был*, — ответил Бейкер.

— Я говорю об истории, которая называется «Падение дома Ашера»*, — уточнил Маленький Майк.

— А я в ней есть? — спросил Бейкер.

— Нет.

— Странно, а должен быть, потому что я находился там, когда он упал.

— Почему-то мне представляется, что мы говорим о разных домах, — заметил Маленький Майк.

— А сколько могло быть Домов Ашера? — спросил Бейкер.

— Расскажи мне о своем, а потом я тебе отвечу.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР И ПАДЕНИЕ ДОМА АШЕРОВ

Случилось все это на Мебиусе IV (начал Бейкер). Я как раз возвращался с охоты на дьявольских котов. Они считаются самыми опасными крупными хищниками в галактике. Мне они таковыми не показались, однако одному едва не удалось

* На русском языке этот рассказ Эдгара По публиковался под названием «Падение дома Ашеров».

добраться до меня, и я решил, что имею право расслабиться. То есть потрахаться.

Я прослышал, что лучший публичный дом в этом секторе держит Уродина Джим Ашер, и расположен он на Мебиусе. Туда я, само собой, и полетел. Как выяснилось, слухи не расходились с действительностью. Уродина Джим собрал в своем публичном доме представительниц самых симпатичных народов, населявших галактику. Тут были женщины, балатаи, парочка пелопоннесов (хотя с тобой, миссис Смит, мэм, они не шли ни в какое сравнение). Самой необычной по праву считалась Леди Паук. У нее было восемь ног, а в остальном она ничем не отличалась от женщины.

— Э... извини, что прерываю, — подал голос Ураган Смит, — но, если у нее было восемь ног, сколько... э...

— Четыре, — ответил Бейкер.

— Фантастика! — воскликнул Большой Рыжий.

— И как ты... э?.. — начал Смит.

— Обычным способом, — ответил Бейкер. — Только вчетвером и не мешая друг другу. Если, конечно, она оставалась на ногах.

— Подумать только! — воскликнул Смит. — Интересно...

Лангтри Лили предупреждающе зашипела.

— Это чисто теоретический интерес, дорогая моя.

Она наклонилась и что-то прошептала ему.

— У меня и мыслей таких не было, — обиженным тоном ответил он. — Собственно, я и думать забыл, что ее можно найти на Мебиусе IV.

Вновь шипение.

— Я оговорился. — Теперь в голосе Смита слышались нотки отчаяния. — Я и думать забыл, что ее можно найти на Макбете IX.

Она не отрывала от него глаз.

— Регги! — заорал Смит. — Сахара для дамы! — Когда Регги принес фунт сахара, повернулся к Бейкеру. — Продолжай.

— Ты уверен? — Бейкер изо всех сил старался подавить улыбку. — Я могу подождать, пока она растворит тебя в слюне или разорвет на куски.

— Нет, продолжай. — Чувствовалось, что Смиту явно не по себе. — Ты перечислил всех инопланетных проституток?

— Я рассказывал о незабываемых впечатлениях, полученных в публичном доме Джима Ашера, — поправил его Бейкер. — Остальное не более чем фон.

— Правда? — разочарованно спросил Смит.

— Да. Тебе по-прежнему интересно или мне ставить точку?

Смит осторожно глянул на Лангтри Лили, которая, похоже, готовилась плюнуть ему в глаз, если б он дал неправильный ответ.

— Нет, ужасно хочется узнать, что было дальше.

— Ладно. — Бейкер более не скрывал улыбки. — Не хочется думать, что все эти разговоры об инопланетных проститутках вызывают у тебя зевоту.

— Рассказывай свою гребаную историю! — рявкнул Смит.

Почем нет (продолжил Бейкер)? В общем, все шло к тому, что я отменно потрахаюсь. Заглянул я, значит, в заведение Уродины Джима, выпил пару пинт виски, завезенного с Нью-Кентукки, и оглядел девочек, дабы определить, кому отдать предпочтение.

И тут у меня что-то случилось со зрением, хотя я точно знал, что ни одному дьявольскому коту не удалось повредить мне роговицу: я увидел перед собой трех сексуальнейших женщин и даже под дулом пистолета не смог бы найти, чем одна отличается от второй и третьей. В общем, таращился на них с отвисшей челюстью, пока все три не захихикали.

— Не смущайся, — успокоила меня левая. — По первому разу все так реагируют.

— И я понимаю — почему, — заговорил я после долгой паузы, когда ко мне вернулся дар речи. — Я мог бы поклясться, что две из вас — голографии третьей.

— Да нет, мы все реальные, из плоти и крови, — возразила правая.

— Хочешь, чтобы мы это доказали? — спросила та, что стояла по центру, с шаловливой улыбкой.

— Само собой, — ответил я. — На мою долю выпало множество интересных приключений, но теперь, похоже,

меня ждет самое интересное. Между прочим, имена у вас есть?

— Я — Фатима, — представилась левая.

— Я — Фифи, — представилась правая.

— Я — Фелисити, — представилась центральная. — А вместе мы Тройняшки Демарко.

— Идентичные во всем, — добавила Фатима.

— Меня в этом убеждать не надо.

— Подожди, пока ты уложишь нас в кровать. Там и увидишь, что я идентичнее остальных, — пообещала Фифи.

— Это очень серьезное заявление, — отметил я.

— Хочешь проверить? — полюбопытствовала Фелисити.

— Я думаю об этом с того самого мгновения, как увидел вас, — признался я.

Решил, что нечего тратить время на разговоры, подошел к Уродине Джиму и сказал, что нам нужна маленькая комната и большая кровать.

— Хочешь взять всех троих? — спросил он.

— Естественно.

— Одновременно?

— Всех вместе, но последовательно.

Он назвал цену, по моему разумению, в пять раз превысившую предельно высокую. Я заплатил, не торгуясь, и мы отбыли вчетвером.

Ну, не буду описывать то, чем мы занимались последующие два часа, чтобы не вызывать зевоту у моего друга Смита, но скажу, большего удовлетворения я никогда не получал, не говоря уж о том, что вымотался донельзя.

И чем больше я думал об этом, тем сильнее укреплялся в мысли, а почему бы мне не удовлетворяться и не выматываться подобным образом каждую ночь до конца своей жизни. А потому, перед тем как мы покинули комнату, я предложил тройняшкам выйти за меня замуж. Понятное дело, они тут же согласились.

Уродина Джим страшно обрадовался, когда я сказал ему, что угощаю всех, кто есть в его доме, мужчин и женщин, людей и инопланетян, чтобы отметить самую большую удачу в моей жизни. А вот когда я растолковал ему, что это за

удача, от злости он чуть не выпрыгнул из штанов и так побагровел, что я испугался, как бы его не хватил удар.

— Ты не можешь так поступить со мной! — вскричал он. — Они — мои главные добытчицы!

— Да перестань, — отмахнулся я. — Я без них не могу, вот и увожу с собой.

— Это невозможно!

— Для Катастрофы Бейкера ничего невозможного нет. Но, поскольку человек я здравомыслящий, назови свою цену и я выкуплю их у тебя.

— Я не торгую человеческой плотью, — с достоинством ответил он. — Только предоставляю в аренду.

— Ладно, — кивнул я. — Я их арендую на ближайшие пятьдесят лет.

— Я решительно отказываю тебе! — отчеканил Уродина Джим. — Моему заведению без них не выжить.

— Оно выживет, — заверил я его. — Я иду на корабль за деньгами. Прикинь сумму к моему возвращению, мы немного поторгуемся, я заплачу тебе больше, чем следовало бы, и мы все расстанемся счастливыми, особенно я и Тройняшки Демарко.

Прежде чем он успел ответить, я направился к кораблю, открыл сейф, вытащил пачку денег, которая не поместилась бы и в пасти динозавра. Решил дать Уродине Джиму пару минут, чтобы он успокоился, поэтому выпил виски, благо в корабельном баре его хватало, досчитал до пятисот и вернулся в публичный дом.

Уродина Джим поджидал меня с торжествующей улыбкой на лице.

— Я принес деньги, которыми хочу поделиться с тобой, — сказал я. — А ты так улыбаешься, словно хочешь поделиться со мной отменной шуткой.

— Это шутка, точно, — кивнул Уродина Джим. — Только смеяться буду я один.

— Это ты о чем?

— Девушки Демарко. Никуда они с тобой не едут.

— Я поверю, услышав об этом от них. Где они?

— В своих комнатах наверху.

Лестницу я одолел в два прыжка, а мгновением позже уже вышиб первую попавшуюся мне на пути дверь. Пару секунд извинялся, больше перед мужчиной, привязанным к кресту, чем перед монахиней, которая хлестала его четками.

Мне пришлось вышибить еще две двери, прежде чем я попал в комнату первой из тройняшек. Она лежала на кровати с правой рукой, прикованной к штырю, который уходил в стену над изголовьем.

— Я тебя вызволю отсюда, Фифи, — пообещал я.

— Я — Фелисити, — ответила она.

— Как мне узнать, кто есть кто? — спросил я.

Она обняла меня за шею, наклонила к себе, прошептала на ухо: «Я та, что...»

Как только она напомнила мне о том самом, что проделывала в постели, я сразу понял, она — Фелисити.

Потом уперся ногой в стену, схватился за цепь обеими руками, потянул... и ничего не изменилось.

Для меня это редкость, за что-то тянуть и не добиваться результата. Я потянул снова, даже чуть сильнее, но штырь остался в стене.

Вот я и решил, если нельзя вытащить штырь из стены, то можно попытаться разбить стену вокруг штыря. Прикрыл Фелисити одеялом, чтобы ее не ушибло обломками, и начал методично долбить стену. Хватило двенадцати ударов, чтобы развалить ее, и штырь остался на цепи. Я снял с Фелисити одеяло и сказал ей, что разберусь с цепью, как только мы попадем на мой корабль.

Вышиб еще три двери, увидев за ними много неожиданного и интересного, прежде чем нашел комнату Фатимы, которая находилась в том же положении, что и Фелисити. На этот раз даже не стал дергать за цепь, сразу принялся за стену, и, само собой, под моими ударами она не простояла и двадцати секунд.

Добираясь до комнаты Фифи, я уже серьезно повредил здание, сломав две стены и вышибив как минимум десяток дверей. Две или три минуты колотил по стене, прежде чем сообразил, что эта стена — не чета первым двум, и штырь Фифи вогнан сквозь стену в несущую колонну. Даже после

того, как стена развалилась, штырь и не думал вылезать из этой чертовой колонны. Но там, где многие отступают, я обычно удваиваю усилия, поэтому увеличил силу и частоту ударов, и наконец колонна переломилась надвое, а Фифи обрела свободу. Я собрал девушек и мы уже спускались по лестнице, когда все здание затряслось. И только выскочили за дверь, как оно рухнуло... Вот так и произошло падение дома Ашера.

— Что случилось с Тройняшками Демарко? — спросил Бард.

— Я — человек слова, — с достоинством ответил Бейкер. — Я женился на них.

— Так у тебя были три жены?

— У меня и сейчас шесть жен, — ответил Бейкер. — К сожалению, Фифи, Фатимы и Фелисити среди них больше нет.

— Почему?

— Полагаю, наша сексуальная жизнь показалась им слишком уж активной. Вот они и сбежали с коммивояжером, который продавал средства от потенции.

— Ты хотел сказать, средства от импотенции? — уточнил Бард.

— Я сказал именно то, что хотел. Кто-то убедил его, что на секс люди растрачивают больше времени, чем на еду, вот он и собирался положить этому конец.

— И он действительно зарабатывал на жизнь продажей этих средств?

— Нет, — покачал головой Бейкер, — зато привлекал к себе внимание множества женщин. Черт, я и сам частенько думаю, а не заняться ли мне продажей средств от потенции.

— Если займешься, первым делом предложи их преподобному, — сказала Золушка. — Я заплачу.

— Эй, ты и сама можешь уменьшить мою потенцию, — заметил Билли Карма. — Во всяком случае, на несколько минут.

— Знаете, я не хочу сообщать вам дурные новости, — вмешался Адский Огонь ван Винкль, — но то ли утро на-

ступило на несколько часов раньше, то ли небо подсвечивается очень уж яркими взрывами.

— Наше небо? — спросил Макс Три Ствола.

— А о каком еще я могу говорить? — спросил ван Винкль.

— Ты уверен, что это небо Генриха II, а не Генриха III или Генриха IV?

— Я не могу даже разглядеть других Генрихов. Но чего верить мне на слово, выгляни в окно и скажи, что ты видишь?

Макс подошел к окну, выглянул.

— Вижу женщину, которая идет к «Аванпосту».

— Она одна? — спросил Бейкер.

— Похоже на то.

— И как она выглядит?

— Подожди десять секунд и все увидишь сам. — Макс повернулся к ван Винклю. — Между прочим, небо темное.

— Но минуту тому назад оно было яркое, как днем, — возразил ван Винкль.

Макс уже собрался ответить, но распахнулась дверь и в бар вошла женщина. Высокая, стройная, с суровым взглядом, короткой стрижкой, без косметики, и как-то сразу чувствовалось, попробуй Катастрофа Бейкер, или преподобный Билли Карма, или кто-то еще подкатиться к ней, через пару секунд они бы беседовали с Богом или Сатаной.

Внезапно Ахмед Альфардский поднялся из-за столика.

— Это ты! — воскликнул он.

— Привет, Ахмед, — поздоровалась женщина. — Что ты делаешь в Пограничье?

— Прячусь от Бога, Жасмин Канделлы и налоговых инспекторов, — ответил Ахмед. — Не обязательно в таком порядке.

— Ты собираешься представить нам свою знакомую? — вмешался Катастрофа Бейкер.

— Естественно, — ответил Ахмед, хотя практически все уже догадались, кто перед ними. — Дамы, господа и инопланетяне, это Киборг де Мило.

Ожил компьютер Большого Рыжего.

— Эйнштейн передает привет.

— Передай привет и ему, — ответила Киборг де Мило.

— Что привело тебя в «Аванпост»? — спросил Ахмед.

— Корабль, который оказался получше тех, что преследовали меня, — ответила она.

— Преследовали тебя? — повторил Маленький Майк Пикассо. — Ты хочешь сказать, что здесь с минуты на минуту могут показаться новые гости?

— Это вряд ли. — Она помолчала. — Три корабля инопланетян бросились в погоню за мной, когда я появилась в этой звездной системе. Я слышала об «Аванпосте», поэтому направилась на Генрих II, таща их на хвосте. Они не знали, что у моего корабля тепловая защита последнего поколения. Я вошла в атмосферу под крутым углом. При этом выделяется огромное количества тепла, спасибо трению о молекулы воздуха. Они последовали за мной и минутой позже взорвались. Такого яркого пламени мне видеть еще не доводилось.

— Видите? — торжествующе воскликнул ван Винкль. — Я же говорил, что за окном светло, как днем.

— И какова ситуация? — спросил Маленький Майк. — Как идет война?

— Какая война?

— Что значит, какая война? Между чужими и Флотом.

— Флота я не видела, — ответила Киборг де Мило. — То ли все их корабли уничтожены, то ли ретировались. Вокруг только корабли инопланетян, или, как ты говоришь, чужих. — Она подошла к стойке, махнула мне рукой. — Принеси мне пива.

— Хорошо, мисс де Мило, — ответил я.

— И зови меня Венера.

— Как скажешь. — Я приказал Регги налить пива в высокий стакан. Протянул ей, и она осушила его одним глотком, в скорости ничуть не уступая Катастрофе Бейкеру, потом вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Спасибо. Очень хотелось пить.

— Убивать чужих — работа не из легких, — покивал Бейкер. — Вызывает жажду.

— Я намерена перебить их в куда большем количестве, — мрачно ответствовала Венера.

— Но спешить-то некуда, — заметил Бейкер. — Присядь, расслабься, выпей еще пива. Они и потом никуда не денутся.

— Разве тебя не волнует, что где-то рядом обретаются твари, жаждущие перебить нас всех, хотя мы с ними никогда не встречались?

— Черт, да если я проснусь утром и рядом не окажется тех, кому хочется убить меня, я просто умру от изумления. — Он ей улыбнулся. — Катастрофа Бейкер к твоим услугам, мэм.

— Ты — Катастрофа Бейкер? — переспросила она. — Я еще маленькой девочкой слушала рассказы о тебе.

— Каждый из них — чистая правда, — заверил ее Бейкер. — Кроме тех, которые не соответствуют действительности.

— Для меня честь сражаться бок о бок с тобой в смертельной схватке с чужими.

— Я много чего могу делать бок о бок с женщинами всех типов, форм и размеров, — ответил Бейкер. — А вот сражаться я предпочитаю в одиночку.

— Бок о бок или порознь, мы уничтожим мерзавцев! — воскликнула она.

— А может, пригласим их пропустить стаканчик и попытаемся выяснить, с чего они такие злобные?

Венера рассмеялась:

— У тебя потрясающее чувство юмора, Катастрофа.

— Знаю, — ответил он. — Но у него еще есть резервы для развития.

— Может, нам следует подумать о том, чтобы выступить против чужих? — спросил Большой Рыжий.

— Неужели тебе так не терпится встретиться со своим Создателем, сынок? — осведомился преподобный Билли Карма. — Не думай, что ты воссядешь по Его правую руку, если что-то пойдет не так. Я говорил с Ним этим утром, и про тебя Он не упомянул. — Он оглядел зал. — Не стоит сломя голову бросаться в драку, которой можно избежать.

— *Мужчины!* — пренебрежительно фыркнула Золушка. — Одни слова и никаких действий!

— Я постоянно предлагаю тебе действие, сладенькая, — напомнил ей Билли Карма, — но ты отвергаешь меня.

— Тебе следовало сказать «да», — вмешалась Мать Земля. — Ставлю на то, что он ничего сделать не сможет.

— Да? — повернулся к ней Билли Карма. — И откуда ты это знаешь?

— По опыту.

— Со мной у тебя ничего не было.

— Опыта по части мужчин у меня больше чем достаточно, и я давно уже пришла к выводу, что мужчины — ни на что не способные никчемности.

— Я — исключение из твоего правила! — рявкнул преподобный.

— Видишь? Золушка права... одни слова и никаких действий.

— А о каких действиях ты ведешь речь? — спросил Билли Карма. — Я могу вышибить тебе зубы, если ты этого хочешь.

— Только попробуй и десять секунд спустя ты узнаешь, есть жизнь после жизни или нет, — предупредила Мать Земля.

Преподобный ответил долгим взглядом, а потом решил не выяснять, говорит ли она правду.

— Да и что ты знаешь о действиях? — Он решил ограничиться вопросом.

— Больше, чем ты, можешь не сомневаться.

— Ха! — пренебрежительно бросил он. — Да кому ты была нужна?

— Многим.

— Назови хоть одного.

— С радостью, — ответила Мать Земля. — Моисей Яков Занзабель.

Как только прозвучало это имя, в «Аванпосте» воцарилась тишина.

— Тот самый Моисей Яков Занзабель? — спросил наконец преподобный Билли Карма.

— Он единственный.

— Но он — самый богатый человек Галактики!

— Совершенно верно.

— И ты ему приглянулась?

— Приглянулась — не то слово, — ответила Мать Земля. — Он так хотел меня, что *купил*.

— Я бы с удовольствием об этом послушал, — признал преподобный Билли Карма.

— Я тоже, — присоединился к нему Макс.

ИГРУШКА ТРИЛЛИАРДЕРА

Знаете (начала Мать Земля), лет двадцать пять, может, тридцать тому назад, я была очень красивой женщиной. Я понимаю, сейчас в это трудно поверить, но рано или поздно гравитация разбирается с каждым из нас. Но в том далеком прошлом я потрясала воображение. Выглядела, как Золушка, только была блондинкой (или, скажем так, блондинкой была чаще, чем брюнеткой или рыженькой).

Большинство людей, когда слышат о Моисее Якове Занзабеле, первом и единственном триллиардере галактики, не могут поверить, что можно быть таким богатым. Как раз с этим у меня проблем не возникало. Зато я не представляла себе, что могут быть такие уроды.

Я работала в «Вавилонской Башне», первоклассном борделе на Зеленом Сыре, луне Пирелли VII, когда впервые увидела его. Я знала, кто он, такие люди обычно широко известны.

Короче, он вошел в «Башню», оставив телохранителей у двери, несколько минут определялся с выбором и указал на меня.

Мало того, что он был на удивление уродлив, от него еще жутко воняло. И когда он объявил, что хочет провести ночь со мной, я отказалась. Его мои слова только позабавили, поскольку он не привык, чтобы люди ему в чем-то отказывали. Он подошел, вытащил бумажник, сунул мне в руку толстую пачку банкнот.

— Миллион кредиток за одну ночь. — Он улыбнулся, и я заметила, что ему давно уже следует обратиться к дантисту.

— Не пойдет.

— Но ты здесь работаешь! — настаивал он. — Ты не имеешь права отказать клиенту, который платит.

— Я только что отказала.

— Но закон запрещает рекламировать услугу, а потом не предоставлять ее.

— Хорошо, — кивнула я. — Считай, что я уволилась.

— Одну минуту! — воскликнул он. — Раньше мне никто ни в чем не отказывал.

— Все когда-то случается впервые.

— Ты и представить себе не можешь, как это возбуждает, — признал он. — Новые ощущения, это так приятно.

— Я не пытаюсь тебя возбудить, — ответила я. — Наоборот.

— У тебя не получилось. Что надо сделать, чтобы заставить тебя передумать?

— Ни слова, ни дела не помогут, — заверила я его.

— Я бы не поднялся так высоко, если бы смирялся с тем, что мне говорят нет. — Он двинулся к двери. — Я вернусь.

И, понятное дело, он вернулся следующим вечером. Сразу направился ко мне.

— Пошли.

— Куда? — спросила я.

— У меня дворцы по всей галактике. Я только что построил еще один на Нью-Фиджи. Думаю, полетим туда.

— Я никуда не полечу.

— Наоборот, полетишь. Спроси у правительства.

— А при чем здесь правительство?

— Оно объявило тебя живым памятником в обмен на десятимиллионное пожертвование, — ответил Занзабель. — А поскольку оно контролирует продажу всех памятников, то тебя продали еще за сорок миллионов. — Он улыбнулся. — Ты — моя собственность.

Я попросила моего адвоката разобраться с этим, и выяснилось, что все — правда. Я полагала, что это безумие — тратить пятьдесят миллионов на женщину, любую женщину, но он объяснил, что зарабатывает такую сумму каждые десять секунд, поэтому ни о каком безумии речи быть не могло.

В итоге я полетела с ним на Нью-Фиджи, и он показал мне мою комнату, где могли разместиться два поля для смертобола и ипподром. В ванной хватало места для небольшого озера, а водопад там просто был. Занзабель остался на пороге и сказал мне, что придет через час.

Я едва успела осмотреть мои новые апартаменты, как он появился с бутылкой сигнианского коньяка. Пахло от него так же отвратительно, как и прежде, поэтому я предложила сначала выпить. Он наполнил бокалы и осушил свой, пожирая меня глазами. Я сделала только один маленький глоток, а он уже успел ополовинить второй бокал.

На третьем язык у него начал заплетаться, на четвертом глаза съехали к носу. Я продолжала заговаривать ему зубы, пока он не допил бутылку. Наконец решил, что пора вести меня в постель, поднялся, протянул мне руку и рухнул на пол. Отключился.

Я дотащила его до кровати, уложила в нее, а сама отправилась в ванную. Потом вывела на дисплей компьютера хороший роман и читала его несколько часов, пока не услышала, что Занзабель зашебуршился в кровати.

— Где ты? — пробормотал он.

— Здесь. — Я подошла к нему.

— Я ничего не помню.

— Зато я помню все. Ты показал себя настоящим жеребцом.

— Да?

— Лучше тебя у меня никого не было. Неужели ты не помнишь?

— Ах да. Теперь вспоминаю. Я мужчина хоть куда, не так ли? — Он с трудом вылез из кровати. — Увидимся вечером.

И когда он пришел, я позаботилась о том, чтобы все повторилось, как прошлым вечером.

На третий раз вместе с коньяком он принес наркотики. Я только притворилась, что приняла их, тогда как он закинулся по полной программе.

Так продолжалось почти два месяца. Каждый вечер он отключался, то ли от спиртного, то ли от наркотиков, а каждое утро я хвалила его за подвиги в постели, взахлеб говорила об удовольствии, которое он мне доставил, а он притворялся, что вроде бы все вспоминает, лишь бы не признаться, что ничего не помнит.

Я, однако, понимала, что вечно так продолжаться не может, и по прошествии шестидесяти дней попросила дать мне свободу.

Он отказался.

Я могла бы попытаться сбежать, но всюду стояли охранники и едва ли мне удалось бы добраться до ворот. Я могла бы обратиться в суд, но мой адвокат заверил меня, что процесс растянется на много лет. Я могла бы дождаться когонибудь из героев, вроде Катастрофы Бейкера или Урагана Смита, чтобы они спасли меня, но тогда я не водила знакомства с героями.

И я решила вновь воспользоваться знаниями мужской психологии, которые пока спасали меня.

Как только Занзабель вновь появился у меня, я бросилась ему на шею, извинилась за то, что мне хватило глупости требовать свободу, поклялась ему в вечной любви. Он высвободился из моих рук, чувствовалось, что ему как-то не по себе.

— Кроме тебя, мне никого не надо! — вещала я. — Кроме тебя, я никого не хочу видеть! Почему ты приходишь ко мне только вечером? Я требую, чтобы ты приходил ко мне три раза в день, и я убью любую женщину, которая попытается тебя остановить!

— Никто не отдает мне приказов! — рявкнул он. — Отойди от меня!

— Но я живу только для тебя! — не унималась я. — В постели ты еще лучше, чем в бизнесе, и я не хочу делить тебя с кем-либо!

Теперь он напоминал попавшееся в западню животное.

— Отстань от меня!

— Никогда! — Я упала на колени, схватила его за ноги.

Что ж, он приказал своим людям оторвать меня от него и запереть в моей комнате. Следующую неделю я ежедневно повторяла этот спектакль, он все больше напоминал затравленное животное и наконец велел охранникам вернуть мне свободу и отвезти в «Вавилонскую Башню».

Я продала все драгоценности, которыми он одаривал меня в обмен на полученные, как ему казалось, сексуальные услуги, и денег хватило, чтобы купить собственный бордель. А благодаря знаниям мужской психологии бизнес оказался очень прибыльным.

* * *

— Значит, он так и не уложил тебя в постель? — спросила Золушка.

— Совершенно верно.

— Если преподобный не угомонится, нам будет о чем поговорить.

— Да что здесь, черт возьми, происходит? — зло воскликнула Киборг де Мило.

— Я не понимаю вопроса, мэм, — ответил ей Катастрофа Бейке.

— Идет война! Чужие уничтожили Флот! Они уже высадились на Генрихах V и VI и летели на Генрих II. А здесь все хотят только одного — разговаривать.

— Мы хотим не только разговаривать, сладенькая, — просюсюкал преподобный Билли Карма.

— Только прикоснись ко мне пальцем, и я прикоснусь к тебе. — В голосе Венеры слышалась неприкрытая угроза. — Тогда и посмотрим, у кого палец крепче. — Она повернулась к Бейкеру и Смиту. — Я еще могу понять всех этих клоунов, но вы-то — настоящие герои. Так почему вы сидите здесь, вместо того чтобы уничтожать это чужеродное отродье?

— А куда ты так спешишь? — полюбопытствовал Смит. — Пока по «Аванпосту» никто не стреляет.

— Точно, — кивнул Бейкер. — По моему опыту, нет таких срочных дел, которые нельзя отложить на завтра.

— А кроме того, — добавил Ставлю-Планету О'Грейди, — все знают, что насилие — последнее прибежище неумех.

— Умелые не ждут так долго, — пренебрежительно отпарировала Венера.

— Я еще не слышал о войне, на которую следовало спешить, — выразил свое мнение Смит.

— Тут и спорить не о чем, — поддержал друга Бейкер. — Если война не подкатывается тебе под бок, идти ей навстречу нет никакого смысла.

Киборг де Мило встала и направилась к двери.

— И черт с вами! Есть паразиты, которых надо уничтожить. Если уж на то пошло, я справлюсь с ними и сама.

Она вышла из «Аванпоста» и зашагала к своему кораблю.

— Никогда не встречал человека, которому так не терпелось остаться без головы, — хмыкнул Макс Три Ствола.

— Но мужества ей не занимать, — заметил Могильщик Гейнс.

— К тому же и симпатяга, — добавил преподобный Билли Карма.

— Здорово, — ввернула Золушка. — Чего бы тебе не побежать за ней?

— Она же отправилась воевать с чужими, — напомнил Билли Карма. — Разве я похож на сумасшедшего?

— Хочешь получить честный ответ или дружеский? — осведомилась Золушка.

— Я снимаю вопрос, — смутившись, ответил преподобный.

— Эта очень храбрая дама хочет сразиться с противником, силы которого многократно превосходят ее. — Смит посмотрел на Бейкера. — Ты думаешь, мы должны пойти с ней?

— Еще есть время пропустить пару стаканчиков, — ответил Смит. — Может, они выстрелят в нас, и появится повод вступить в войну.

— Да, — задумчиво кивнул Смит. — Пожалуй, ты прав.

— *Он не прав.*

Этот голос я никогда раньше не слышал.

— Кто это сказал? — спросил я.

Регги, робот-бармен, подкатился ко мне.

— Я, Томагавк.

— Ты? — изумился я. — Не знал, что ты можешь говорить.

— Всегда мог, — ответил Регги.

— Но ты работаешь в моем баре со дня открытия и ни разу не произнес ни слова!

— До этого момента сказать мне было нечего.

— А теперь есть?

— Да. Я слушал истории остальных, а теперь могу рассказать свою.

— Мы внимательно слушаем, — выразил общее мнение Бейкер.

— Названия у нее нет, потому что я всего лишь робот и с воображением у меня не очень. С вашего разрешения, назову ее просто, История Регги.

ИСТОРИЯ РЕГГИ

Когда-то давно (начал Регги), существовало место, где собирались самые неординарные люди галактики. Оно влекло героев и бандитов, художников и спортсменов, священников, гениев, проституток, охотников за головами, азартных игроков, даже инопланетян. Поскольку я робот и творческий элемент в мою программу не заложен, давайте называть это место «Аванпост», так как другого названия я придумать не могу.

Уникальные люди приходили в «Аванпост», чтобы выпить, рассказать историю-другую, но главным образом, чтобы пообщаться с себе подобными. Место это воспринималось ими как рай, здесь они могли укрыться от мирской суеты и рутины, от обожания и иррационального негодования, какое иной раз испытывали к ним обыкновенные обитатели галактики.

Будучи экстраординарными людьми, они иной раз забывали про существование галактики людей обыкновенных, галактики, которая не могла обойтись без тех, кого притягивал «Аванпост».

Однажды корабли чужих вторглись в звездную систему, где находился «Аванпост». Флот попытался им противостоять, но чужие его уничтожили. И наступил момент, когда герои «Аванпоста» могли бы изменить ход войны, могли изгнать чужих не только из звездной системы, но и из всей Галактики. Но вместо того чтобы делать то, ради чего они родились, эти герои разговаривали, пили, снова разговаривали и упустили момент. Чужие воспользовались их летаргией, чтобы уничтожить «Аванпост» и всех, кто в нем находился, и не прошло и пяти лет, как вся Монархия рухнула под их ударами.

Вот и вся история. Разумеется, она не имеет никакого отношения к *этому* «Аванпосту» и *этим* героям.

Спасибо, что выслушали.

Катастрофа Бейкер поднялся из-за столика.

— Ладно, Регги. — Он направился к двери. — Я все равно собирался уходить.

Регги не ответил.

— Ты меня слышишь? — спросил Бейкер.

Вновь ответа не последовало.

— Что это с ним?

— Он говорит, лишь когда ему есть что сказать, — объяснил Маленький Майк Пикассо.

— А он уже все сказал, — добавил Никодемий Мейфлауэр.

Встал Могильщик Гейнс.

— Я провожу тебя к кораблям.

— Я с вами! — воскликнул преподобный Билли Карма. — Я и Бог идем охранять эту милую леди-киборга.

Ураган Смит повернулся к Лангтри Лили.

— Я должен идти с ними.

Она что-то прошептала ему.

— Конечно, дорогая моя, — кивнул Смит. — Я буду счастлив, если ты полетишь со мной.

Не прошло и минуты, как за ними последовали Адский Огонь ван Винкль, Маленький Майк Пикассо, Сахара дель Рио, Золушка, Никодемий Мейфлауэр, Ставлю-Планету О'Грейди, Сидящий Конь и Неистовый Бык, Мать Земля, Ахмед Альфардский, Силиконовая Карни.

— Как насчет тебя? — спросил Макс Вилли Барда.

— Кто-то должен остаться здесь и записать истории оставшихся в живых, — ответил Бард.

— Если кто-то останется в живых. — Макс повернулся к Большому Рыжему. — Идешь или остаешься?

— Иду. Только отдам компьютер Томагавку.

— На хранение? — спросил я.

— Чтобы общаться с Эйнштейном. — Большой Рыжий указал на слепого гения, в одиночестве сидевшего за столиком. — Возможно, его мозг сумеет обратить поражение в победу.

Он попрощался с Эйнштейном, набрав соответствующие слова на клавиатуре, протянул мне компьютер и двинулся к двери.

— А ты, Макс? — спросил я.

— О, я собираюсь сразиться с чужими. Тут двух мнений быть не может. Но я вижу, на столах стоят недопитые бутылки, а выливать их содержимое в раковину — преступление.

И он двинулся от столика к столику, допивая все, что оставили другие.

— Береги ее, Макс, — вдруг сказал Регги.

— Ее?

— Киборга де Мило, — уточнил Регги. — Она наполовину робот. Я чувствую, что симпатизирую ей.

— У тебя встало на леди-киборга? — спросил Макс.

— Выполни мою просьбу.

— Если хотя бы половина из того, что мы слышали о ней, правда, скорее, она будет защищать меня.

— Пожалуйста. — В голосе Регги слышались человеческие интонации.

Макс долго смотрел на него, потом кивнул.

— Хорошо, Регги... пусть будет по-твоему.

— Благодарю, Макс.

— И помни об этом, когда Томагавк велит тебе разбавить водой заказанное мной виски.

С тем Макс зашагал к своему кораблю, а Бард, Регги и я остались одни, не считая Эйнштейна. Помолчали, думая о том, сможет ли эта разношерстная компания героев противостоять мощи чужих.

У меня появилось предчувствие, что ответ мы узнаем в самом скором времени.

ЧАСТЬ 2

ФАКТЫ

АХМЕД АЛЬФАРДСКИЙ И ЧУЖИЕ

Пролетев сквозь Свадебные Кольца, Ахмед Альфардский направил свой корабль к Генриху VIII, холодной, темной, непригодной для жизни человека планете, со средней температурой минус 93 градуса по Цельсию, силой тяжести порядка половины галактической стандартной и атмосферой из аммиака.

Приборы его корабля зафиксировали источник нейтрино там, где его быть не могло, и он включил радары. Естественно, обнаружил ремонтный завод и заправочную станцию, которые чужие смонтировали среди скал и громадных глыб льда.

Ахмед убедился, что электрические батареи лучевика и глушака полностью заряжены, сунул за пояс три энергетические гранаты и приземлился в двенадцати милях от заправочной станции. Кислородные баллоны могли обеспечить его воздухом на десять часов. С учетом пониженной гравитации путь до станции не мог занять больше двух. Он намеревался снять часовых выстрелами из лучевика (не имело смысла пускать в ход глушак и, тем самым, выдавать свое присутствие звуковыми волнами), а потом подорвать станцию гранатами. Даже если бы он столкнулся с непредвиденными препятствиями, которые чуть задержали бы его, кислорода хватало с лихвой.

Прежде чем надеть скафандр и выйти из корабля, он связался с Киборгом де Мило по субпространственному радио.

— Где ты? — спросила она.

— На Генрихе VIII.

— Каким ветром тебя туда занесло?

Он объяснил.

— Хорошо. Сиди тихо, пока я не закончу свои дела, а потом прилечу, чтобы уничтожить их.

— Я собираюсь сделать это сам, — ответил Ахмед.

— Не дури. Ты — не коммандос. Оставь это дело тем, кто ему обучен.

— Как можно сказать, не попробовав, обучен ты чему-то или нет?

— Ты когда-нибудь убивал?

— Спроси меня через десять часов.

— Слушай, у меня нет времени убеждать тебя. Ты — не Катастрофа Бейкер. Сиди тихо, пока я не прилечу.

— Я ценю твою заботу, Венера, — ответил Ахмед, — но я не могу позволить другим сражаться за меня в моих битвах.

— Кто говорит, что это твоя битва? — спросила она.

— Ты сказала, в «Аванпосте».

— Я говорила не про тебя.

— Я тоже хочу внести свою лепту. Не волнуйся. Я буду осторожен. Подкрадусь к ним, прежде чем они узнают о моем присутствии.

— Они уже знают. Нельзя посадить корабль в десяти милях от противника, чтобы он об этом не узнал.

— В двенадцати милях, — поправил он ее.

— Девять, двенадцать, какая разница. — В голосе Киборга де Мило послышалось раздражение. — Если ты посадил корабль на одном с ними полушарии, твое присутствие для них не секрет.

— Я их не боюсь.

— Твоя храбрость говорит не в твою пользу. Она идет от невежества. Оставь убийства киллерам.

— Я хочу, чтобы ты мной гордилась. — И он прервал связь.

В последний раз проверил оружие, надел скафандр и открыл люк.

Даже не увидел вспышку. Выстрел пульсовика разнес ему шлем и голову, прежде чем он успел выйти из корабля.

ЗОЛУШКА И ЧУЖИЕ

Золушка поймала корабль чужих в перекрестье прицела.

— Зафиксируй цель, — приказала она.

— Цель зафиксирована, — ответил компьютер.

— Стреляй.

— Стреляю.

Корабль чужих превратился в огромный красный бутон, потом исчез.

— Туда им и дорога. Три ноль в нашу пользу. А теперь сматываемся, пока нас не засекли.

— Мне нужно направление.

— Полетели к Свадебным Кольцам.

— К какому из шести?

— Выбери сам.

— Я не запрограммирован на принятие решений. Мне нужны инструкции.

— Хорошо. Анна Болейн.

— Курс проложен. Перехожу на световую скорость.

— Хорошо. И пока ты этим занимаешься, посмотри, с кем можно связаться по защищенному каналу.

— Выполняю...

— Это Никодемий Мейфлауэр, — услышала она знакомый голос. — Как дела?

— Пока хорошо, — ответила Золушка. — Возможно, физически я чужим не соперник, но мой корабль справляется с ними неплохо. Я уничтожила троих по пути от Генриха IV к Генриху VII.

— Отлично! — воскликнул Мейфлауэр. — А теперь, если ты не умеешь заметать следы, немедленно убирайся оттуда. Один корабль еще можно уничтожить и остаться незамеченным, но не три.

— Не волнуйся, я лечу к Свадебным Кольцам. Там буду в безопасности. Не думаю, что у них есть время и людские ресурсы, в смысле, чужие ресурсы, отыскать меня среди всего этого хлама.

— Правильно, — одобрил ее решение Мейфлауэр. — Лучшего места, чтобы пересидеть войну, не найти.

— Я ничего не собираюсь пересиживать, — возразила Золушка. — Выдержу паузу, чтобы они занялись чем-то еще, а потом нанесу новый удар.

— Это пожалуйста, но не напрягайся. У нас и так хватает героев. Не пытайся стать в один ряд с ними.

— Эти мерзавцы уничтожили Флот. Чем больше будет у нас героев, тем лучше.

— Героями не становятся, ими рождаются, — ответил Мейфлауэр. — Ты уничтожила три вражеских корабля, и этим можно гордиться... но скорее всего они не ожидали нападения на свои тыловые коммуникации. Теперь они начеку и на карту поставлена твоя задница.

— Это моя задница, — фыркнула она.

— Да, конечно, но те из нас, кто привык восхищаться ею, хотят, чтобы она осталась целой и невредимой.

— Спасибо, Никодемий Мейфлауэр. Я не краснела уже лет двенадцать, но, если б могла, от твоих слов кровь точно прилила бы к щекам.

— Береги свои щечки, — ответил Мейфлауэр. — Все, какие есть.

— Не волнуйся. Кто будет преследовать меня на пути к Свадебным Кольцам?

— Торможу, — объявил корабль. — Мы прибыли к Анне Болейн.

— Ладно, Никодемий. Я прерываю связь, потом съем сандвич, приму молекулярный душ и... — Пауза. — Черт!

— В чем дело?

— Их пятеро! Поджидают! Должно быть, подслушали наш разговор по защищенному каналу!

Вновь пауза.

— Они стреляют в меня! В Кольцах спрятаться, конечно, легко, но маневрировать среди всего этого дерьма — удовольствие маленькое. — Пауза. — В корабль попали. Не знаю, кусок скалы или чужие.

— Где ты? Я уже лечу, но Кольцо чертовски большое!

— Ты не успеешь! Они...

Связь оборвалась, а мгновением позже корабль Золушки начал вращаться совсем как каменные глыбы Свадебного Кольца, известного, как Анна Болейн.

ПРЕПОДОБНЫЙ БИЛЛИ КАРМА И ЧУЖИЕ

Преподобный Билли Карма крался по долине, гадая, а что он, собственно, тут делает. Одно дело — призывать гнев Божий на головы инопланетных безбожников и совсем другое — самолично обрушивать на них этот самый гнев.

Но каким-то образом он смог перебороть нерешительность, и теперь перед ним лежал вражеский лагерь на Генрихе VI, а ему оставалось лишь надеяться, что его никто не заметил. Конечно, было бы еще лучше, если б Бейкер или эта леди-киборг напали на чужих и не только отправили бы в ад, но и, что более важно, отвлекли бы их внимание на себя, позволив ему найти спокойное, безопасное местечко, где он бы и остался до конца войны.

Он сел под огромным синим деревом, чтобы отдышаться и попытаться успокоить скачущее галопом сердце.

«Господи, сейчас я бы многое отдал за сигарету! Или стакан чего-нибудь крепкого. Или за роскошную маленькую Золушку».

Он огляделся. Кругом растительность. Но не привычного зеленого цвета. На этой планете все было синее: деревья, кусты, листья, даже трава и цветы.

И, конечно же, эти кусты и деревья не выделяли кислорода, иначе его с лихвой хватило бы для дыхания. Должно быть, эту планету Бог сотворил одной из первых, до того, как понял, что нужно для жизни людям.

Внезапно преподобный увидел, как слева поднялся фонтанчик пыли.

«Черт! Если бы Ты снабдил этот гребаный мир приемлемой атмосферой, я бы не носил этот паршивый шлем и услышал бы, не подходит ли кто ко мне».

Билли Карма распластался на земле, в надежде, что кусты прикроют его. Он не слышал, приближаются ли чужие, поднявшие пыль, или удаляются, а поднять голову не решался. Просто лежал, крепко закрыв глаза, и молился Богу.

Потом шестипалая рука схватила его за плечо и поставила на ноги.

Преподобный Билли Карма увидел перед собой трех пришельцев, определенно гуманоидов, как и он, в скафандрах и шлемах.

— Кто ты и почему шпионишь за нами? — спросил пришелец, голос его звучал в шлемофоне холодно и бесстрастно.

— Разве я похож на шпиона? — спросил Билли Карма. — Я, между прочим, священник, слуга Бога.

— Тут какое-то противоречие, — заметил второй пришелец. — Мы созданы Богом по его образу и подобию. Ты — нет.

— Глупости, — возразил Билли Карма. — Бог создал человека, а Сатана — всех остальных разумных существ, только не подумайте, что я хочу вас оскорбить. — Он оглядел чужих. — Если уж на то пошло, выглядите вы, как големы.

— Кто такой голем?

— Голем — вид дьяволов.

— Любопытно, — сказал первый пришелец. — А ты выглядишь как Бикстел.

— Кто такой Бикстел?

— Дьявол.

— Хватит с меня вашего святотатства! — взревел Билли Карма. — У меня на корабле несколько экземпляров Библии. Я с радостью раздам их вам, чтобы вы наконец познали истину.

— Истина в том, что ты — великий лжец, — заявил ему первый пришелец. — Возможно, ты являешь собой Принца лжи.

— Ха! — воскликнул Билли Карма. — Я повторяю: Ха! Мой Бог сможет победить вашего идола одной рукой, даже не вспотев.

— Посмотрим, как у него получится. — Первый пришелец направил на Билли Карму оружие. — Иди.

— Куда?

— Я тебе скажу, когда останавливаться.

Они двинулись к лагерю, потом вошли в Купол. После закрытия люка, чужие подождали минуту, потом сняли шлемы, велели Билли Карме проделать то же самое.

— То есть Бог создал вас кислорододышащими? — спросил он, снимая шлем и кладя его на пол. — Должно быть, одно из Его немногих упущений.

Первый пришелец указал на странного вида стул.

— Садись.

— Сюда? Его сделали не для людей.

Пришелец подтолкнул его к стулу.

— За это Бог поджарит тебя на раскаленных углях, — пообещал Билли Карма, усаживаясь и ерзая в поисках более удобного положения.

Второй и третий пришельцы зафиксировали его руки на подлокотниках стула.

— Что происходит? — пожелал знать Билли Карма с легкой дрожью в голосе.

— Мы собираемся допросить тебя, — ответил первый пришелец.

— Как вышло, что вы говорите на терранском? Я думал, вам понадобится переводное устройство.

— Я могу говорить на нем. Мои компаньоны — нет.

— Где ты его выучил?

— Вопросы задаю я. — Пришелец наклонился вперед. — Что ты делал около нашего лагеря?

— Я не знал, что у вас здесь лагерь! — ответил Билли Карма.

— Хорошо. Что ты делал на Джамбликсте?

— Что такое Джамбликст?

— Эта планета.

— Эта планета, безбожный пришелец, Генрих VI, — поправил его Билли Карма.

— Ты не ответил на мой вопрос. — Пришелец наставил на Билли оружие.

— Я же сказал тебе, я — слуга Бога. Путешествую по галактике, ищу людей и инопланетян, готовых обратиться в истинную веру.

— Обратиться в кого?

— В богобоязненных христиан... о которых ты ничего не знаешь.

— Я тебе не верю. Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, ты — шпион, оставленный Флотом человечества после того, как мы вышибли его из этой звездной системы. Я думаю, твоя задача — сообщать своему командованию о всех наших действиях.

— Единственный мой командир — Бог, — отчеканил Билли Карма. — И Он не нуждается в том, чтобы я сообщал Ему о ваших действиях, как не нуждается во Флоте, чтобы остановить вас. Он сотрет вас с лица земли в любое удобное Ему время.

— Ты по-прежнему настаиваешь на этой глупой выдумке, будто ты — голос Бога?

— Это не выдумка! Я — священник.

— Действительно, вроде бы ты это уже говорил.

Инопланетянин поднял оружие, нацелив его на источник искусственного света над головой. Преподобный Билли Карма в ужасе смотрел на него.

— Если ты действительно голос Бога, ничто не заставит тебя отказаться от Него, так? — спросил пришелец.

— Куда ты клонишь?

— Хочу докопаться до истины. А истина в том, что я никогда не откажусь от своего Бога, поскольку верю в Него всеми фибрами души. Если ты говорил мне правду, я не смогу заставить тебя отказаться от твоего.

— Об этом я ничего не знаю. — Билли Карма не мог оторвать глаз от оружия. — Бог понимает, что человек несовершенен.

— У моего народа много общего с твоим Богом. Мы понимаем, что ты несовершенен.

Билли Карма наблюдал, как поблескивает на свету металлический торец оружия.

— Что ты собираешься делать с этой штуковиной?

— Я собираюсь проверить крепость твоей веры.

Он приблизился к Билли Карме, медленно опустил оружие, прикоснулся металлическим торцом к ногтю на большом пальце правой руки.

— Господь — мой пастырь... — начал Карма.

Пришелец чуть надавил, и металлический торец прошел сквозь ноготь и палец. Преподобный завопил от боли.

— Пастырь — это кто? — спросил пришелец.

— Пошел к дьяволу! — фыркнул Билли Карма. Из пальца хлынула кровь.

— Эта процедура отнимает много времени, — продолжил пришелец. — Ты понимаешь, что я могу проткнуть все твои пальцы?

Билли Карма предпочел промолчать.

— Но проделывать одно и то же скучно и утомительно. У тебя слишком много пальцев. — Пришелец выдержал паузу. — Но глаз только два.

Билли Карма, как мог, подался назад.

— Тебе не очень удобно? — участливо спросил пришелец. — Я думал, ты уже приспособился к стулу.

Он приблизился еще на шаг.

— Оставь мои глаза в покое! — прокричал Билли Карма.

— Само собой. Только откажись от своего Бога и признай, что ты — шпион, оставленный Флотом в нашем тылу.

Преподобный Билли Карма бросил взгляд на окровавленный торец оружия чужих.

— Бог — это выдумка. От Него мне никакой пользы и я в Него не верю. Я — шпион, оставленный здесь Флотом.

— Кто твой командир?

Билли Карма тяжело вздохнул.

— Кто тебе больше нравится.

Пришельцы сгрудились, пошептались. Повернулись к Билли Карме.

— Что вы намерены со мной делать? — спросил он, предчувствуя дурное.

— Мы собираемся ампутировать тебе кисти и стопы, чтобы ты не мог болтаться по округе и управляться с оружием, — ответил первый. — А потом, когда ты не будешь представлять для нас ни реальной, ни потенциальной угрозы, вернем на борт твоего корабля.

— А если я пообещаю не шпионить и не стрелять в вас?

— Раз ты предал своего Бога, откуда у нас будет уверенность, что ты не предашь нас?

— Как насчет моих глаз?

— Это решать тебе и твоему Богу, — ответил пришелец. — В какой-то момент тебе придется посмотреть Ему в глаза и объяснить, почему ты отказался от Него.

Шестью часами позже они перенесли преподобного Билли Карму на его корабль. Он не мог ходить, не мог передвигать рычажки и нажимать на клавиши пульта управления, но голосом отдал компьютеру необходимые указания, и корабль взлетел с Генриха VI.

Задача стояла простая: не умереть от голода до прибытия в больницу, где его снабдили бы протезами кистей и стоп. Билли Карма полагал, что решит ее без труда.

Проблема заключалась в другом: он не знал, что скажет Богу, когда ему придется предстать перед Ним и объяснить свое поведение.

САХАРА ДЕЛЬ РИО И ЧУЖИЕ

Сахара дель Рио вывела корабль на орбиту вокруг Генриха VII и приказала компьютеру сканировать планету в поисках живых существ.

Прошло уже много лет с тех пор, как ей приходилось лицезреть военные действия, а уж участия в них она не принимала никогда. Когда Землю атаковала Империя Сеттов, всех инопланетян, сеттов и несеттов поместили в лагеря, где они и находились до завершения этой короткой войны.

Надо отметить, она проводила много времени в местах, где ей совершенно не нравилось. Расизм в Монархии объявили вне закона, но всегда находились «юридически чистые исключения из правил» и «экстраординарные ситуации». К примеру, в Спиральном Рукаве она не могла купить билет первого класса на космический лайнер. Или на Спике II ей приходилось останавливаться в Инопланетном квартале. Или ее не пускали в «Откормленного теленка», лучший ресторан Делуроса VIII.

Разумеется, ее заверяли, что расизмом тут и не пахнет. На том же космическом лайнере стулья, кресла и кровати в каютах первого класса проектировались под людей, а не гуманоидов, к которым относилась она. Компания получила столько жалоб от обитателей других планет на неудобство мебели, что теперь предлагала билеты первого класса только людям, поскольку раньше ей слишком часто приходилось возвращать деньги за проезд.

(«Означает ли это, что я могу получить деньги, если мне покажется неудобной мебель в каютах экономкласса?» — спросила она. Сотрудник агентства по продаже билетов загоготал и объяснил, почему это невозможно.)

На Спике II губернатору неоднократно грозили смертью. На посланиях отсутствовали человеческие отпечатки пальцев, поэтому служба безопасности решила, что их автор — инопланетянин. И хотя в правительстве расисты отсутствовали напрочь, она, конечно, должна понимать, что до поимки потенциального киллера необходимо держать всех инопланетян под наблюдением.

(«И сколько времени инопланетяне будут оставаться под наблюдением?» — поинтересовалась она, когда ее препровождали в Инопланетный квартал. Конкретного ответа она не получила... но узнала, что последняя записка с угрозой получена тридцать четыре года тому назад, однако никаких изменений в миграционной политике властей Спики II не предвиделось.)

Метрдотель «Откормленного теленка» объяснил ей, что меню рассчитано на человеческий организм и может вызвать у инопланетян серьезные пищеварительные проблемы.

(«Но я жила на Земле шесть лет и все время ела человеческую пищу», — объяснила она.

«У меня нет причин сомневаться в ваших словах, — ответил метрдотель, — но, сделав исключение в вашем случае, нам придется пускать в зал каждого инопланетянина, который заявит, что его организм способен переварить человеческую пищу, а поскольку далеко не все правдивы, как вы, нас завалят судебными исками».)

Она подумала об этих и многих других оскорблениях, как мелких, так и серьезных, и выключила сканер. Она слишком долго пробыла в «Аванпосте» и забыла, какие из себя обыкновенные люди.

Последний раз взглянув на показания сканера, Сахара дель Рио увидела, что он засек наличие живых существ около экватора, и приказала навигационному компьютеру проложить курс на ее родную планету.

Она прожила среди дикарей достаточно долго, чтобы не испытывать ни малейшего желания воевать на их стороне.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР И ЧУЖИЕ

Катастрофа Бейкер, выпрямившись во все свои шесть футов и девять дюймов, гордо вошел в военный лагерь пришельцев на Генрихе III.

— Меня зовут Бейкер! — проревел он. — Катастрофа Бейкер! Я здесь для того, чтобы сразиться с вашим чемпионом... победитель получает все!

Его мгновенно окружили вооруженные пришельцы. Сто неизвестных ему орудий нацелились на него. Наконец один пришелец, с большим количеством медалей и с более яркими погонами, выступил вперед.

— Твоя репутация опережает тебя. Но как нам узнать, что ты — тот самый герой?

— Если нет, ваш чемпион побьет меня, даже не вспотев, — ответил Бейкер.

— Это справедливо, — кивнул пришелец. — Но мы уже выиграли войну, так что ты предлагаешь нам бессмыслицу.

— Вы ничего не выиграли, пока я стою на ногах, — возразил Бейкер.

— Оторвите ему ноги, — послышался женский голос.

Бейкер повернулся и увидел прекрасную молодую женщину.

— Пленницам не положено давать такие советы, мэм. Только не обижайся.

— Я не пленница.

— Если так, перебежчикам тоже негоже предлагать отрывать ноги своим соплеменникам.

— Я — деловая женщина. Этим парням нужно оружие. Я им его продаю. Мы удовлетворяем взаимные потребности. — Она сверлила его взглядом. — А чего ты заявился сюда один?

— С героями по-другому не бывает, мэм, — ответил Бейкер. — Я пришел, чтобы вызвать на бой их чемпиона, победить его и поставить точку в этом затянувшемся конфликте.

Она еще долго смотрела на него, прежде чем спросить: «И ты действительно в это веришь, не так ли?»

— Нет во вселенной живого существа, которое смогло бы взять надо мной верх. Я и представить себе не могу, что эти пришельцы — исключение.

— А чего им с тобой бороться? — удивилась женщина. — Они уже победили Флот, ты здесь один. Почему бы им просто не убить тебя и на том поставить точку?

Бейкер встретился с ней взглядом.

— Ты действительно женщина или созданный какими-то инопланетянами андроид?

— Я женщина.

— По тебе не скажешь, что мы с тобой одной крови. У тебя есть имя, мэм?

— У меня много имен, — ответила она. — В моей профессии без этого не обойтись.

— Есть ли одно, которому ты отдаешь предпочтение?

— Скорее нет, чем да.

— Тогда, раз уж мы на Генрихе III, я буду называть тебя Элеонор Прованская.

— Разве это не название луны?

— В нужных местах ты такая же круглая, как луна.

— Лесть тебе не поможет.

— Я не льщу тебе, мэм. Ты остаешься красавицей, пусть и помогаешь врагам человечества. Ты все равно радуешь глаз.

— Ты не ответил на вопрос дамы, Катастрофа Бейкер, — вмешался командир пришельцев. — Почему бы нам просто не убить тебя?

— Потому что вы не захотите, чтобы я упал.

— Неужели?

Бейкер распахнул тунику, открыв взрывчатку, закрепленную на теле.

— Если я упаду, то же самое случится со всеми пришельцами и их постройками в радиусе десяти миль.

— Тогда зачем нам выставлять против тебя своего чемпиона? — спросил командир. — Если он собьет тебя с ног, эффект будет тем же самым, как если бы мы сейчас расстреляли тебя.

— Ты дашь мне слово чести пришельца и офицера, что не отдашь приказа открыть огонь, а я перед поединком сниму с себя все эти бомбы.

— Допустим, мы откажемся, что тогда?

— Так далеко я не заглядывал, — признал Бейкер. — Но народ, решившийся сразиться с нашим Флотом, по моему разумению, никак не тянет на трусов.

— Умеешь же ты находить слова. Даже комплимент звучит в твоих устах, как оскорбление.

— Так пусть ваш чемпион заставит меня извиниться. — Бейкер самодовольно ухмыльнулся.

— Ты гораздо крупнее нас. Не думаю, что такой поединок будет честным.

— Вот что я тебе скажу. Я не в два раза крупнее вас. Я сражусь одновременно с двумя вашими чемпионами.

— Это интересное предложение. — Командир пришельцев помолчал. — Но ставки нереальны. У меня нет права прекратить войну, а когда твой Флот получит подкрепление, подозреваю, так оно и будет, едва ли тебе удастся убедить их вернуться на базу.

— Что ж, где-то ты прав, — кивнул Бейкер. — Так какие будут ставки?

— Нам не нужны деньги и нам не нужно оружие, — ответил пришелец. — И я понятия не имею, что приглянется тебе. Так может, ты и предложишь ставку?

— Ладно, — согласился Бейкер. — Пожалуй, предложу, а не то нам не сдвинуться с места. — Он огляделся, потом его взгляд вновь замер на Элеонор Прованской. — Вот мое предложение. Если я выиграю, ты отдашь мне эту женщину.

— Почему? — изумилась она.

— Мы, люди, должны держаться вместе. — Бейкер улыбнулся Элеонор, подмигнул. — Чем ближе, тем лучше.

— Это немыслимо!

— Герою и положено сражаться за немыслимые ставки.

— Одну минуту, — вмешался командир пришельцев. — Ее мы дадим тебе, если ты победишь. А что в случае победы получим мы?

— Я до конца войны буду сражаться на вашей стороне.

— Как-то это не вяжется с заявленными тобой намерениями, — заметил командир.

— Безусловно. Поэтому я приложу максимум усилий, чтобы взять верх над твоими чемпионами.

— Но, если ты проигрываешь, то становишься моим подчиненным?

— Именно так. — Он пожал плечами. — Вы не пожалеете. Сражаться я люблю.

— По рукам, — кивнул командир.

— Но погодите! — вскричала Элеонор.

Пришелец повернулся к ней.

— Я уверен, что победа будет за нами. А если и нет, как я могу отказаться от такого предложения? Если наши чемпионы проиграют, мне, конечно, будет недоставать твоего остроумия и очарования, но ты, в конце концов, всего лишь продавец, который верен только тому, кто даст самую высокую цену, и заменить тебя не составит труда. А вот в случае победы на нашей стороне будет воевать знаменитый Катастрофа Бейкер. — Он повернулся к Бейкеру. — Когда ты будешь готов?

— Как только сниму эти бомбы.

— Мы тоже успеем подготовиться к этому времени.

За Бейкером пристально наблюдали, пока он снимал взрывчатку и осторожно укладывал на землю. Потом огляделся, чтобы посмотреть, появились ли его оппоненты.

Появились. Один — невысокого роста и мускулистый, второй — высокий и стройный с грацией танцора.

— Каковы правила? — спросил командир пришельцев, когда два чемпиона подошли к Бейкеру.

— Какие еще правила? — удивился тот. — Свободный бой. Можно бить кулаками, пинать, кусаться, душить, все законно. В том числе и удары по почкам, если у вас есть почки.

— Когда бой закончится?

— Когда на ногах останется только один из нас.

— Я согласен с твоими правилами... или с их отсутствием, — кивнул командир. Его солдаты образовали круг диаметром примерно в тридцать футов, внутри которого остались только участники поединка. — Начнем!

Мускулистый бросился на Бейкера. Тот ушел в сторону, схватил пришельца за руку, завернул за спину, а потом поддал грудью с такой силой, что пришелец отлетел футов на восемь.

Высокий приближался осторожно, танцуя на мысочках, словно боксер. А потом нанес резкий удар ногой в пах. Бейкер перехватил ногу, прежде чем она опустилась на землю, поднял как можно выше и вывернул. Пришелец взмыл в воздух, а потом тяжело шмякнулся на спину.

Бейкер улыбнулся.

— Подходите! — звал он своих противников. — Покажите, на что вы способны.

Оба пришельца бросились на него. Он получил два удара в лицо, один — в шею. Врезал с правой высокому в корпус, и тот покатился по земле. Почувствовав струйку крови на губе, Бейкер слизнул ее и повернулся к мускулистому.

— Для коротышки бьешь ты неплохо. Теперь посмотрим, как ты держишь удар.

Он погонял пришельца по кругу, отрезал путь к отступлению и провел прямой в челюсть. Пришелец рухнул как подкошенный.

И когда Бейкер уже думал, что поединок окончен, высокий прыгнул ему на спину, кусая в шею, пальцами вырывая глаза. Бейкер мотнул массивной головой, и пришельца отнесло в сторону. Потом поднял его и зашвырнул как можно дальше. Пришелец улетел за круг солдат, сильно ударился о землю, попытался встать, упал и застыл.

Бейкер повернулся к командиру.

— Для инопланетян они сражались достойно. Когда очнутся, скажи им, что они продержались дольше, чем большинство других. — Он подошел к женщине и взял ее за руку. — Пошли, королева Элеонор. Нам пора.

Они уже направились к кораблю, когда командир крикнул им вслед:

— Ты забыл бомбы, Катастрофа Бейкер. Мы — благородный народ. Мы разрешаем тебе забрать их с собой.

— Оставь их себе, — обернувшись, ответил Бейкер.

— Ты уверен?

— Да. Пару лет тому назад они попали в воду на Серебряном Листе II и теперь толку от них никакого. Не взрываются даже с новыми детонаторами.

СИДЯЩИЙ КОНЬ, НЕИСТОВЫЙ БЫК И ЧУЖИЕ

— Твой флагман, корабль, что надо! — По голосу Сидящего Коня чувствовалось, что увиденное произвело на него неизгладимое впечатление.

— Да ведь длиной он не меньше мили, — поддакнул Неистовый Бык.

— Это самый большой дредноут, когда-либо построенный, — ответил капитан корабля чужих.

— У людей нет ни единого шанса, — добавил Неистовый Бык. — Против такой махины — ни единого. И какое у него вооружение?

— Сто двадцать одна атомная боеголовка, семьдесят семь пульсирующих боеголовок, шестнадцать лагерных орудий, более трехсот торпед, — с гордостью перечислил капитан.

— Да одного этого корабля, должно быть, хватит, чтобы выиграть войну! — воскликнул Сидящий Конь.

— Вполне возможно, — согласился капитан.

— Я знаю, мы сделали правильный выбор, — продолжил Сидящий Конь. — Я только глянул на этот корабль, как

сказал моему другу, что мы сражались не на той стороне, что у людей нет ничего подобного.

— Да и потом, — в голосе Неистового Быка явно слышались нотки презрения, — что сделали для нас люди?

— Вы — одни из многих, кого человечество подмяло под себя, — уточнил капитан. — Я удивлен, что вы хотели сражаться на их стороне.

— Хотеть — сильно сказано, — поправил его Неистовый Бык. — Мы просто представить себе не могли, что они могут проиграть. Если вы думаете, что люди жестоки к тем цивилизациям, которые сдались на их милость, вам надо посмотреть, что они сделали с другими, которые решились на сопротивление.

— Вот почему мы и ведем эту освободительную войну, — кивнул капитан.

— Да? — удивился Сидящий Конь. — Я думал, вы просто хотите захватить несколько звездных систем.

— Это другая причина, — спокойно признал капитан.

— И, разумеется, логично атаковать человечество здесь, на краю Пограничья, где вы можете взять верх над застигнутой врасплох, не готовой к отражению атаки эскадрильей Флота.

Капитан долго смотрел на них.

— Вы сомневаетесь в нашей храбрости?

— Отнюдь, — заверил его Сидящий Конь. — Мы хвалим вашу стратегию. Зачем до поры до времени нападать на главные силы Флота? Ваша мощь увеличивается с каждым днем, тогда как они становятся слабее благодаря политическому и моральному разложению.

— Никогда об этом не думал, но, если разобраться, вы абсолютно правы.

— Будьте уверены, — добавил Сидящий Конь, — придет день, когда вы пойдете в атаку на Делурос VIII в сердце Монархии, и никто не сможет остановить вас.

— Вы на удивление четко оцениваете ситуацию. Я восхищен логикой вашего мышления.

— А мы восхищены вами, — ответил Неистовый Бык. — Потому-то и решили перейти на вашу сторону.

— Мы рады, что два столь интеллектуальных существа теперь будут сражаться в наших рядах. — Капитан помолчал. — Я хочу, чтобы вы чуть позже выступили перед командой, рассказали о страданиях, которые принесло с собой человеческое иго.

— На это уйдут многие часы, — предупредил Неистовый Бык.

— Может, и дни, — вставил Сидящий Конь.

— Великолепно! — воскликнул капитан. — Запись вашей речи мы отправим на нашу родную планету, чтобы наш народ знал, почему мы должны победить эту злобную и одиозную цивилизацию.

— Мы с радостью внесем свою лепту в эту борьбу, — сказал Сидящий Конь. — В конце концов, если человечеству противостоит вся галактика, о чем так часто говорили его лидеры, для галактики более чем естественно объединиться против человечества.

— И если по окончании войны вы будете контролировать на несколько сотен миров больше, это малая цена, которую галактика с радостью заплатит за освобождение от угнетателей, — добавил Неистовый Бык.

— А кроме того, вы заслужите право контролировать эти планеты, тогда как люди просто их захватили, — заметил Сидящий Конь.

— Это тонкое различие, — признал капитан. — Я удивлен, что вы его уловили.

— У нас были хорошие учителя.

Капитан не знал, как реагировать на последнюю фразу, поэтому просто позвал стюарда и велел открыть бутылку лучшего алкогольного напитка родной планеты. Следующий час они провели, желая друг другу отменного здоровья и клянясь в вечной дружбе.

Потом Сидящий Конь поднялся, его заметно качало, и спросил, где находится туалет. Когда он вернулся, тот же путь проделал Неистовый Бык, после чего они подписали официальные прошения о предоставлении убежища.

— Великолепно! — воскликнул капитан. — Теперь я покажу вам ваши каюты.

— Сначала мы должны принести вещи с нашего корабля, — остановил его Неистовый Бык.

— Разве вы не захватили их с собой?

— Мы же не знали, какой нас ждет прием, — ответил Сидящий Конь. — Вдруг мы решили бы, что вы ничем не лучше людей.

— Если бы вы отказались перейти на нашу сторону, я мог бы подвергнуть вас пыткам, а потом посадить на гауптвахту.

— Но почему? — спросил Сидящий Конь. — В конце концов, мы же не враги, а представители бедного, угнетенного народа.

— Так как нам добраться до нашего корабля? — спросил Неистовый Бык.

Капитан вновь кликнул стюарда, и тот показал им дорогу.

Вскоре их корабль отвалил от флагмана.

— Отвратительное пойло, не так ли? — заметил Неистовый Бык, глядя на обзорный экран, на котором флагман быстро уменьшался в размерах.

— Человеческое куда лучше, — согласился Сидящий Конь. — Как по-твоему, сможет он найти бомбу?

— Сомневаюсь, — ответил Неистовый Бык. — Знаешь, мне потребовалось две минуты, чтобы отыскать ее и включить таймер, а я ведь знал, что она в туалете. А кроме того, с какой стати ему заглядывать за унитаз?

— Когда она взорвется?

Неистовый Бык сверился с часами.

— Через десять секунд. Не волнуйся, мы уже на безопасном расстоянии.

Оба вновь повернулись к обзорному экрану, и через девять секунд флагман чужих взорвался. Одно мгновение он светился так же ярко, как сверхновая.

— Будь я проклят! — воскликнул Сидящий Конь. — Тот же генерал Кастард и Биг-Литтлхорн*!

---

* 15—25 июня 1876 г. индейцы племени тетонов в битве на реке Литтл-Бигхорн победили 7-й кавалерийский полк, которым командовал генерал Кастер. Это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением. Театрализованное представление битвы дается каждый год в конце июня на месте событий в резервации Кроу. Автор намеренно (все-таки прошло много времени и упоминают об этом инопланетяне) искажает и название реки, и фамилию генерала.

АДСКИЙ ОГОНЬ ВАН ВИНКЛЬ И ЧУЖИЕ

Адский Огонь ван Винкль летел к Эдит Шотландской, меньшей из двух лун Генриха I.

— Значит, вы думали, что сможете спрятаться здесь? — пробормотал он, глядя на военный лагерь, показавшийся на обзорном экране. — Черт, да если я смог отыскать последнего коразема в джунглях Пепони, я, уж конечно, найду военный лагерь на безжизненной луне.

Он замолчал, настоящее на несколько мгновений стало для него куда менее реальнее прошлого. В нос ударили запахи Пепони, он чувствовал, как скребут шипы кустарников о куртку, вспоминал вкус холодной воды в жаркий день, волнение, какое испытывал, выслеживая зверя, впрыск адреналина в кровь, когда удавалось поймать в перекрестье прицела дьявольского кота, саблерога или коразема.

И что он вообще здесь делает, сражаясь с пришельцами, которых никогда не видел, сидя в корабле, который для него чужой, находясь в секторе галактики, которого в дни его молодости не было на карте? Мало того, что он находился там, где ему быть совершенно не хотелось, так еще и во времени, на тысячелетия опережавшем то, в котором он должен был умереть.

Время сыграло с ним злую шутку. В этой эре он везде чувствовал себя чужаком, за исключением, может, «Аванпоста», где мог общаться и обмениваться историями с такими же, как он, неприспособленными к обычной жизни людьми. Но даже они не испытывали столько неудобств, как Адский Огонь Карлсон (точнее, Адский Огонь ван Винкль, поправил он себя, мрачно усмехнулся, еще одно доказательство зловредности времени).

Да, он пережил свое время, тут двух мнений быть не могло. А теперь ему предстояло доказать, что он еще может принести пользу.

Проблема заключалась в том, что ему надоело жить в окружении всего чужого. Ему полагалось умереть и лечь в землю 4 700 лет тому назад. Последние двенадцать лет не дос-

тавили ему радости, и он не питал надежды, что следующие двенадцать лет будут чем-то лучше.

«Так что, что я буду делать остаток жизни, если я останусь в живых в этой битве? Сидеть, вспоминать прошлое и чувствовать себя обманутым, потому что его отняли у меня до того, как я успел его прожить? Такой жизни не пожелаешь и злейшему врагу».

Решение созрело. С криком «Джеронимо!» Адский Огонь ван Винкль направил свой корабль в центр вражеского лагеря и увеличил скорость.

За мгновение до взрыва успел подумать, а будет ли видна вспышка из «Аванпоста». И не слишком удивился, придя к выводу, что ему на это, в сущности, наплевать.

БОЛЬШОЙ РЫЖИЙ И ЧУЖИЕ

В холодном и сыром туннеле пахло, как в канализационном коллекторе. Маленькие инопланетные животные сновали взад-вперед, отвратительные инопланетные насекомые ползали по потолку. Большой Рыжий старался их не замечать.

Он приземлился на Генрихе IV достаточно далеко от расположения основных сил пришельцев. Ураган Смит попросил оставить их ему, а Большой Рыжий с радостью согласился. Его сканер обнаружил тюрьму в брошенном городе на другом полушарии, туда он и направил свой корабль, чтобы освободить томящихся там людей.

В миле от городских стен обнаружил вход в туннель. Прошел по нему уже две мили и полагал, что находится неподалеку от центра города. Пока ему встретились только два ответвления, но он предпочел продолжить путь по основному коридору.

Конечно, отшагав еще две мили, он мог выйти на поверхность по другую сторону города, но Большой Рыжий в этом сомневался. В туннеле воняло, как в канализационном коллекторе, но он явно служил для других целей. Определенно

куда-то вел, и Большой Рыжий намеревался выяснить, куда именно.

Через три сотни футов коридор резко повернул налево. А пройдя еще двадцать футов, Большой Рыжий уперся в металлическую дверь.

Толкнул. Дверь не подалась. Не нашел он ни ручки, ни рычага.

Тогда достал лучевик и выжег дверь. Подождал несколько минут, пока остынет расплавленный металл, чтобы не прожечь подошвы, и проследовал дальше.

Туннель плавно поднимался. Вскоре Большой Рыжий услышал голоса пришельцев и замер. Но так и не смог определить, сколько их. Подождал, пока не услышал удаляющиеся шаги, проверил, перезарядился ли лучевик, и двинулся дальше.

Двое пришельцев, стоявших к нему спиной, так и не узнали, как выглядела их смерть. Он оттащил трупы в темный угол, огляделся.

Коридоры уходили в нескольких направлениях. Пока он гадал, какому отдать предпочтение, до него донесся сильный мужской голос, поющий похабную песню о молодой мутантке, у которой всего было по три.

Большой Рыжий осторожно двинулся на голос, с лучевиком на изготовку, всматриваясь в темноту. Голос становился громче (песня похабнее), и наконец коридор вывел Большого Рыжего в большой зал, по стенам которого разместились тюремные камеры. Дверей не было, но по мерному гудению он понял, что их роль выполняет силовое поле.

Песня оборвалась на самом интересном месте, когда герой принялся утолять страсть мутантки.

— Осторожнее! Тут все под напряжением!

— Знаю, — ответил Большой Рыжий. — Где контрольная панель?

— На дальней стене. Ты — авангард или вся армия?

— Вся армия. — Большой Рыжий осторожно двинулся к контрольной панели.

— Эй! Я тебя знаю!

Большой Рыжий повернулся, заглянул в камеру.

— Я тебя тоже знаю! — воскликнул он. — Ты — Спинолом Барнс! Я видел, как ты боролся за титул чемпиона.

— Лучше б ты увидел меня в одном из поединков, где я победил. — Барнс печально вздохнул. — А тебя прозвали Четырехсторонний. Потому что ты одинаково хорошо играл в баскетбол, бейсбол, хоккей и... что-то еще.

— Смертобол, — уточнил Большой Рыжий, указал на контрольную панель. — Не знаешь, я могу ее выжечь или она заминирована?

— Они не ждали гостей. Выжигай.

Большой Рыжий поднял лучевик. Контрольная панель заискрила и превратилась в груду оплавленного металла.

Спинолом Барнс подошел к краю камеры, осторожно вытянул руку. Не получив болевого шока, улыбнулся, шагнул вперед.

— Уж не знаю, что привело тебя сюда, но страшно рад, что ты здесь. Большой Рыжий, не так ли?

— Точно. Ты здесь один?

— Теперь да.

— А что случилось с остальными?

— Я попался им на пути.

— Не понял.

— Они захватили с дюжину людей и заперли здесь. Раз или два на день выводили двоих из нас на поверхность и заставляли драться насмерть.

— Ты убил их всех?

— Если б не я, их убили бы пришельцы. Такие они установили правила: на арену выходят двое, уходит один. В первый день я отправил капитана Мазурски в нокаут и отказался убивать лежащего без сознания человека. Так один из пришельцев пристрелил его. Во второй день я так отделал Муканде Ндоло, что он едва держался на ногах и ничего не соображал. Я прервал поединок, хотя они мне и угрожали. Я думал, они пристрелят меня за то, что я ослушался приказа, но они решили, что назавтра Ндоло не сможет выйти на арену, и пристрелили его. После этого я точно знал, что живым арену может покинуть только один, я или мой соперник, поэтому убил всех, по возможности быстро и безболезненно.

— Да, пожалуй, нельзя винить тебя за то, что ты остался в живых, — признал Большой Рыжий.

— Проблем у меня не возникало, — признал Барнс. — Мне не пришлось биться с таким, как ты. — Он задумчиво оглядел Большого Рыжего. — Любопытно, кто бы победил?

— Давай порадуемся, что нам не пришлось это выяснять, — ответил Большой Рыжий. — Так как будем отсюда выбираться?

— Проще всего — подняться наверх, но, даже если ты отдашь мне свой глушак, каждому из нас будет противостоять больше сотни пришельцев. Полагаю, уходить надо тем же путем, по которому ты попал сюда.

— Точно, — кивнул Большой Рыжий. — Тогда пошли. Мне пришлось убить пару охранников. Их могут хватиться.

— Дорогу знаешь? — спросил Барнс. — Нас привели сюда в цепях и с повязкой на глазах. Так что я знаю, как попасть на арену.

— Полагаю, не заблужусь. Коридор один, с парой ответвлений.

— Хорошо, иди первым.

Большой Рыжий бросил ему глушак.

— Держи.

— Отличный глушак, — восхищенно воскликнул Барнс. — Лежит на ладони как влитой.

— Поверишь ли, мне его вручили на одном из бейсбольных матчей как лучшему игроку.

— Ты поддерживаешь форму?

— Более или менее. А что?

— Вопрос не праздный. Вроде бы я слышу приближающиеся шаги. Не будем терять времени.

Большой Рыжий побежал, сначала по наклонному коридору, потом по туннелю. Спинолом Барнс, тяжело дыша (силы ему хватало, скорости — нет) старался не отставать, но не получалось. И Большой Рыжий, видя, что расстояние между ними слишком уж увеличивается, замедлял бег, чтобы не терять Барнса из виду.

Пробежав милю, они остановились, прислушались.

— Я думаю, им надоело гнаться за нами. — Барнс тяжело дышал.

— Успокаиваться нам рано, — покачал головой Большой Рыжий. — Они могут добраться к выходу из туннеля поверху.

— Сколько нам еще осталось?

— Мили полторы.

— Я уже без сил, — признал Барнс. — Больше бежать не могу. — Внезапно до них донеслись шаги и голоса. — Они все равно настигнут нас. Лучше остаться здесь.

— Что ты несешь? — возмутился Большой Рыжий.

— Я — непобедимый. Потому они и оставили меня в живых. — Он принял боевую стойку. — И потом, мне нравится быть чемпионом.

— Ты сошел с ума? — Большой Рыжий не верил своим ушам. — Они будут здесь через минуту.

— И найдут меня стоящим над твоим телом.

Барнс прыгнул на него, но в скорости движения Большой Рыжий его превосходил. Он ушел в сторону и швырнул Барнса в стену. Барнс взвыл от боли, повернулся лицом к своему сопернику и тут же получил два удара, в пах и колено. Изрыгая проклятия, повалился на землю.

— Я же говорил тебе, что играл в смертобол, — напомнил Большой Рыжий.

Голоса пришельцев становились все громче.

— Помоги мне встать! — Барнс держался за раздробленную коленную чашечку. — Они уже рядом!

— Передай им мои наилучшие пожелания, чемпион. — И Большой Рыжий побежал дальше.

Немного вспотел, пока добирался до корабля. Взлетел, не теряя ни секунды.

МАТЬ ЗЕМЛЯ И ЧУЖИЕ

В маленькой комнате для допросов на Элизабет Йоркской, единственной луне Генриха VII, Мать Земля сидела лицом к лицу с двумя пришельцами.

— Имя?

— Единственное имя, на которое я отзываюсь, — Мать Земля.

— В твоем паспорте указано другое.

— За это я ответственности не несу, — спокойно ответила она.

— Какова цель твоего приезда сюда?

— Идет война. Я — не солдат. Я слышала, у вас здесь госпиталь. Я хочу помочь.

— Этот госпиталь для нас и работаем в нем мы. Почему бы тебе не поработать в человеческом госпитале?

— В этой звездной системе его нет. Вы или уничтожили корабли нашего Флота, или заставили их ретироваться в другие звездные системы, остающиеся под нашим контролем, где они могут получить необходимую помощь.

— А с чего ты решила, что мы нуждаемся в помощи? — спросил один из пришельцев.

— Потому что маленькая группа людей вступила в борьбу, и вы скоро поймете, что воюют они куда эффективнее, чем Флот. Если вам пока не нужна медицинская помощь, то скоро наверняка потребуется.

— Почему мы должны тебе верить? — спросил второй пришелец.

— Я без оружия. Возраст у меня близок к преклонному, вешу я на семьдесят фунтов больше, чем следует. У меня высокое кровяное давление и диабет. Конечно же, вы понимаете, что угрозы для вас я не представляю. Но я обладаю медицинскими знаниями, возможно, неизвестными у вас.

— Ты — врач?

— Нет.

— Медицинская сестра?

— Нет. Но я и другие представительницы моей прежней профессии играли немалую роль в реабилитации раненых.

— Почему ты не отправляла их к врачам?

— Наше социальное устройство, возможно, покажется вам галиматьей. Просто поверьте мне, что были веские причины, по которым они не хотели, чтобы кто-нибудь знал об их контактах со мной.

Пришельцы многозначительно переглянулись.

— Возможно, мы понимаем больше, чем ты можешь себе представить, — сказал ей первый. — Хорошо, Мать Земля. Ты можешь работать в нашем госпитале медсестрой.

— Но знай, что ты будешь находиться под постоянным наблюдением, — предупредил второй.

— Это естественно. — Мать Земля встала. — Куда мне идти?

Поднялся и один из пришельцев.

— Я тебе покажу.

Он проводил ее в маленькую комнату-раздевалку, подождал, пока она наденет неудобный синевато-серый наряд медсестры, а потом повел в палату, где представил старшей медсестре.

Ей поручили выливать и мыть судна. Собирая их, она внимательно присматривалась к анатомии раненых пришельцев. Потом, в общежитии медсестер, пошла с несколькими в душ и пристально разглядывала их, как, впрочем, и они — ее.

«Да, — решила она, — все получится. Через несколько дней я буду все знать. Мы не очень-то отличаемся, люди и пришельцы, поэтому есть все основания полагать, мой немедицинский опыт будет востребован. Благо в госпитале есть несколько пустых палат с новенькими кроватями. И теперь надо только прикинуть, сколько я буду брать за то, чтобы они пустовали».

Она выглянула из палаты. Солдат с оторванной ногой, весь в бинтах, ущипнул за зад проходящую мимо медсестру.

Мать Земля улыбнулась: «*Все будет даже легче, чем я думала*».

АРГИЛЬ И ЧУЖИЕ

— Я приближаюсь к Генриху V, — передал Аргиль. — В любой момент могу установить контакт с пришельцами.

— Ты рехнулся? — спросил на субпространственной радиочастоте Могильщик Гейнс. — Большая часть их войск сосредоточена на Генрихах IV и V.

— Тогда тем более нет смысла лететь на Генрих I, не так ли? — ответил Аргиль.

— Макс Три Ствола уже на Пятом, и я думаю, что Венера летит туда. Пусть воюют они, а ты выметайся оттуда.

— Я — не воин, — признал Аргиль.

— Тогда чего ты не остался в «Аванпосте»?

— Они — инопланетяне, я тоже. Возможно, они прислушаются ко мне.

— Идиот! — рявкнул Гейнс. — Для них ты такой же инопланетянин, как и для нас.

Аргиль нахмурился.

— Я как-то об этом не подумал, — признал он.

— Тогда, может, ты начнешь думать и уберешься из этой системы.

— Спасибо за заботу, но я считаю, что кто-то должен их вразумить.

— Вразумлять их следовало до того, как они обратили в пыль сотню кораблей Флота. — Гейнс помолчал. — Я вынужден разорвать связь. Пусть мы и говорим по защищенному каналу, ты слишком близко от планеты и они могут тебя засечь.

— Я и не пытаюсь скрыть моего присутствия. Должен же кто-то на той стороне внять голосу разума.

— Твой гигантский компьютер внимал, но пользы это не принесло ни одному из вас, не так ли?

— Мы — не дикари. Они — тоже. Конечно, история на нашей стороне.

— История обычно на стороне тех, у кого лучше оружие, — ответил Гейнс. — Конец связи.

Аргиль оставался на круговой орбите, пока пришельцы не установили с ним контакт.

— Назовитесь.

— Меня зовут Аргиль. Я уроженец...

— Начинай с корабля, кретин!

— Это космолет. Что вы хотите о нем знать?

— Регистрационный номер. Порт приписки. Продолжительность текущего полета. Пункт назначения. Вооружение.

— Я отдаю указание компьютеру передать вам эти данные.

— Цель твоего прилета в эту звездную систему?

— Я выпивал с приятелями на Генрихе II, — ответил Аргиль.

— Ты — человек?

— Нет.

— Представитель цивилизации, поддерживающей союзные отношения с Содружеством?

— Да.

— Оставайся на орбите. Два боевых корабля сопроводят тебя при посадке на планету.

— Я выполню все ваши указания. А потом хотел бы поговорить с кем-нибудь из командования.

— Это приказ, а не указание.

— Тогда я выполню ваш приказ, — поправился Аргиль. — Но я все равно хотел бы поговорить с кем-нибудь из командования.

Ответа не последовало, спустя несколько минут показались два боевых корабля пришельцев. Пристроились с флангов и посадили в строящемся космопорте.

После приземления под дулом пистолета Аргиля отвели в комнату для допросов, где его поджидал скучающий пришельский бюрократ.

— У нас нет сведений об Аргиле, владеющем кораблем с регистрационным номером RP1034CB.

— Потому что мое настоящее имя не Аргиль. Так меня называют мои друзья-люди.

— С чего представителю другой цивилизации водить дружбу с людьми?

— С ними интересно, они не лишены благородства и сострадания.

Пришелец произнес что-то непереводимое.

— Отвечаю на ваш вопрос: мое настоящее имя, упомянутое в регистрационном талоне, — Куилбот Филнкс Куилбит.

— Почему ты прилетел сюда, Куилбот Филнкс Куилбит?

— Я прилетел, чтобы урезонить вас.

— Мы воюем, а потому очень заняты. Почему мы должны тратить время, выслушивая тебя?

— Потому что я — не человек.

— Но ты, очевидно, сагитирован людьми.

— Они не хотят воевать.

— Меня это не волнует.

— Если у вас есть какие-то претензии, я уверен, вы можете высказать их, не начиная войны. Нельзя оправдать цивилизации, убивающие представителей друг друга.

— Ерунда, — отмахнулся пришельский бюрократ. — Ты знаешь, сколько рабочих потеряют работу и сколько предприятий разорится, если мы остановим войну только потому, что некоторые пацифисты думают, будто мы можем уладить наши разногласия путем переговоров?

— Но есть же мирные средства улаживания разногласий!

— Мирные, возможно. Приносящие славу — нет, экономически выгодные — никогда.

— В смерти нет ничего славного.

— Ну почему мне достаются одни пацифисты? — пробормотал пришелец. — Я трачу свое время. Я не устраиваю истерик. Я заслуживаю лучшего.

Он вздохнул и нацелил пистолет в голову Аргиля.

— Ты меня не застрелишь, — уверенно заявил Аргиль. — Это иррационально.

— А что такого хорошего в рационализме? — спросил пришелец, снимая пистолет с предохранителя. — Он просто делает тебя более предсказуемым. Это едва ли не первая аксиома, которую мы зазубрили в офицерском училище.

— Но я — ваша последняя надежда! — настаивал Аргиль. — Все остальные готовы сражаться. Только я хочу предложить альтернативу.

— Возблагодарим Господа за маленькие радости, — вздохнул пришелец. — На мгновение я уж испугался, что остальные ничем не отличаются от тебя.

Он выстрелил, и последняя надежда установить мир, более того, единственная, мертвым рухнул на пол.

КИБОРГ ДЕ МИЛО И ЧУЖИЕ

Киборг де Мило кралась по извилистым улицам древнего мегаполиса на Генрихе V. Город десять тысяч лет тому назад построила давно исчезнувшая цивилизация, и он пустовал, пока пришельцы, изгнав Флот, не превратили его в штаб-квартиру.

Ей хотелось зажечь факел, вмонтированный в один из ее пальцев, но факелы привлекали внимание, а людям с факелами находиться здесь не полагалось, поэтому она не поддалась искушению.

Киборг не ставила перед собой какую-то конкретную цель, просто намеревалась уничтожить побольше пришельцев. Но и не стремилась начинать слишком рано. Общее число пришельцев в мегаполисе переваливало за пятьсот, и ей хотелось подравнять шансы до того, как им станет известно о ее присутствии.

Она рассчитывала держаться проулков, но их не было. Не могла она воспользоваться и подземными коммуникациями, прежде всего из-за отсутствия их карты. Так что не оставалось ничего другого, как красться вдоль древних зданий.

Впереди улица резко поворачивала и, приблизившись к повороту, Киборг де Мило услышала впереди голоса пришельцев.

Голоса становились все громче, и она поняла, что пришельцев отделяет от поворота не больше тридцати футов. Попятилась с намерением нырнуть в ближайший подъезд, но подъездов в домах не было. Она отступала, пока не нашла маленькую нишу между двумя домами и втиснулась в нее. Присела на корточки, замерла.

Пятеро пришельцев в военной форме показались из-за угла. Одного из них отличал очень уж пронзительный голос, но в остальном они казались ей близнецами.

Киборг посмотрела направо, налево, убедилась, что на улице больше никого нет, и вытянула два пальца. Троих убили выстрелы лучевика, двоих — глушак.

Она вновь, согнувшись в три погибели, забилась в нишу, дожидаясь, не прибежит ли кто на шум падающих тел. Скоро

бедра и голени начала сводить судорога, и она осторожно подалась вперед, приняв положение спринтера на стартовых колодках, вытянула сначала одну ногу, потом другую.

Киборг выждала три минуты, потом поднялась, вновь посмотрела направо, налево и быстрым шагом направилась к углу.

За поворотом улица начала сужаться и скоро стены домов разделяли лишь десять футов. Борясь с клаустрофобией, Киборг де Мило продолжала идти, а улица все сужалась и сужалась. Через сотню ярдов ей пришлось повернуться боком, прижимаясь спиной к одной стене и едва не задевая грудью противоположную.

Затем улица расширилась, не постепенно, а одномоментно. Из узкого коридора Киборг попала на большущую площадь.

Фонарей на площади не было, но над ней висела луна Кэтрин де Валуа, так что света хватало даже для того, чтобы читать. Киборг де Мило прикинула, что до следующего сужения улицы ей надо пройти триста ярдов. Укрытия, как-то: столбы, скамейки, мусорные контейнеры, отсутствовали напрочь, и, кроме нее, никого живого на площади не просматривалось.

Она подумала о том, чтобы продолжить путешествие по крышам, но дома сильно разнились по высоте. О подземных коммуникациях тоже не могло быть и речи: во-первых, у нее не было карты, во-вторых, она понятия не имела, как в них проникнуть.

Наконец решила, что ей не остается ничего другого, как быстро пересечь площадь, что она и сделала, держась ее левой стороны. На полпути заметила пришельца, уставившегося на нее из окна четвертого этажа.

Наставила на него палец, и он вывалился из окна, с дымящейся дырой между глаз. Она ожидала услышать крики, вой сирен охранной сигнализации, приближающиеся шаги — напрасно, и девяносто секунд спустя она завернула за угол, попав на другую улицу, не широкую, но и не узкую.

Отступила в тень, заметив двух пришельцев. Уже прицелилась в них, но они вошли в какое-то здание. Заинтересо-

вавшись, она подошла ближе, но окна оказались слишком высоко.

Появились еще трое пришельцев, она вновь отступила в тень, наблюдая, как и они вошли в здание.

И пришла к выводу, что перед ней — казарма пришельцев.

Пошла вкруг здания в поисках другой, не столь приметной двери, но не нашла ее. Несколько минут размышляла над тем, как проникнуть в здание, но так и не смогла найти приемлемое решение. Привалилась спиной к стене, продолжая гадать, как же ей подобраться к врагу, и чуть не упала, потому что часть стены отошла в сторону. Киборг де Мило решительно шагнула вперед, в полную темноту, до того, как отошедшая часть стены вернулась на место. На мгновение включила фонарик в одном из пальцев, увидела узкую лестницу. Осторожно начала подниматься, считая ступени. Восемнадцатая вывела ее на площадку. Вновь Киборг включила фонарик, чтобы увидеть четыре двери, три закрытых, одну — открытую. Направилась к последней, выглянула. Никого.

Вернулась на площадку, осмотрела три закрытых двери, наугад толкнула одну, увидела перед собой двадцать пришельцев, спящих или раздевающихся, и начала стрелять. На этот раз некоторые, умирая, успели вскрикнуть, и Киборг де Мило бегом бросилась на лестничную площадку, ожидая, что пришельцы выбегут из-за других дверей.

Они выбегали, чтобы тут же умереть.

— Кто ты? — успел крикнуть один из пришельцев, еще не выбежавший на площадку.

— Я — ваша смерть, — ответила Киборг де Мило. — Пришла за теми, кто посмел поднять руку на человека.

Пришелец что-то крикнул на своем языке, и ему тут же ответили из другой комнаты.

Киборг решила, что прятаться уже нет нужды, поскольку весь город знает о ее присутствии, нацелила палец, выстрелила энергетическим зарядом, услышала крики, доносящиеся из рушащихся комнат, и сбежала по лестнице.

Выйдя на улицу, удивилась, не встретив целящегося в нее батальона.

— Очень уж легко, — пробормотала она. — Так не бывает.

И не ошиблась.

Обогнув угол, увидела дюжину пришельцев. Услышала шаги за спиной, обернулась. Сзади к ней приближались еще пятеро.

— Ты — наша пленница, — крикнул один из тех, что стоял перед ней. — Не делай резких движений.

Она посмотрела на пришельцев, приближающихся сзади. Шансы укрыться в здании до того, как они расстреляли бы ее, равнялись нулю.

— Где твое оружие? — пожелал знать пришелец.

— У меня его нет.

— Не лги мне. Ты убила больше двадцати наших.

— Точнее, больше сорока, — ответила Киборг де Мило.

— Где они?

— За этим зданием.

— Каким зданием?

Она указала на вооруженных пришельцев за его спиной. Те расслабились, видя, что оружия у нее нет, а командир полностью контролирует ситуацию.

Она же наставила на него палец.

— Вот этого.

И прежде чем кто-нибудь понял, что происходит, она срезала пришельцев лазерным лучом. Мгновенно развернулась и убила тех пятерых, что стояли за ее спиной. Лишь один успел нажать на спусковой крючок, но, конечно же, не попал в цель.

— Я не верю своим глазам! — воскликнул командир пришельцев. — Ты же простая женщина!

— Нет во мне ничего простого. — В голосе Киборга де Мило звучала угроза. — Оружие на землю!

Он подчинился.

— У тебя есть нож или кинжал?

Он наклонился, поднял нож.

— Ты сейчас увидишь, на что способна женщина, решившая чего-то добиться. — И из одного ее пальца выскочило сверкающее лезвие.

— Ты не воспользуешься другим оружием? — спросил он.

— Мне больше ничего не нужно.

Улыбка осветила лицо пришельца, он бросился на нее, выставив перед собой нож. Она ушла от удара и полоснула его по предплечью.

Он повторил атаку, которая кончилась еще одним ранением.

— Не хотел бы я быть твоей парой, — пробормотал он, приближаясь к ней с куда большей осторожностью.

— Об этом можешь не волноваться. — Она имитировала удар и одновременно пнула его в колено.

— Ты все равно мертва, — прошипел пришелец, едва держась на ногах. — Просто ты этого не знаешь.

— Не люблю хвастунов. — Она полоснула его по щеке. — Особенно мужчин.

— Я не хвастаю: Знаю, что с тобой мне не справиться. Но в этом нет необходимости. Мне надо задержать тебя еще на минуту, а потом прибегут мои солдаты, так много, что тебе не поможет все твое оружие.

— Тогда не будем терять времени. — Она шагнула к нему и вогнала лезвие в грудь пришельца. Он со стоном повалился на землю.

Киборг де Мило вытерла лезвие, убрала его в искусственный палец.

Начала считать. Сначала убила пятерых, потом еще одного. На улице лежали семнадцать. Не меньше пятидесяти остались в казарме.

Всего семьдесят три. Может, даже семьдесят пять или семьдесят семь. Не так уж и плохо.

Ночь ведь только началась. Она посмотрела направо, налево, готовая пополнить счет жертв.

Но пришельцев не увидела. Возможно, они прятались. Или перегруппировывались. Или готовили атаку.

Не важно. Где бы они ни были, она знала, что найдет их. Какую бы ни готовили атаку, она знала, что отразит ее. Она — Киборг де Мило и создана для того, чтобы сражаться с врагами человечества. Создана сю самой.

Она медленно пошла вдоль улицы.

— Выходите, выходите, где вы там затаились?

СТАВЛЮ-ПЛАНЕТУ О'ГРЕЙДИ И ЧУЖИЕ

Казино на Моцарте II практически опустело. Там уже знали о начавшейся войне.

Ставлю-Планету О'Грейди хотелось бы, чтобы народу было побольше. Нравилась ему суета большого казино, особенно обнаженные девушки, танцующие неподалеку от игральных столов. Не то чтобы он интересовался ими (если только они не выказывали интереса к азартным играм), но они отвлекали оппонентов, а О'Грейди знал, что частенько достаточно самой малости, чтобы обратить проигрыш в выигрыш.

Впрочем, думал он, обнаженные девушки не произведут должного впечатления на пришельцев, которым он предложил сразиться за карточным столом. Знал он о них только одно, их лютую ненависть к человеку, и резонно полагал, что раздевающаяся девушка вызовет у них не больше эротических эмоций, чем у него — чирикающая птица.

О'Грейди отпил из стакана и начал разогреваться. Потасовал колоду, сдал карты на четверых, перевернул картинками вверх, убедился, что не потерял хватки: у всех королевская стрит-масть.

Снова потасовал колоду. Подснял на туза, второго, третьего. На четвертого не стал, он и так лежал у него на ладони.

Размяв пальцы, он прошел в мужской туалет, вставил в глаза специальные линзы, которые позволяли видеть любые метки, нанесенные на колоде.

Вернулся за стол, еще несколько минут играл сам с собой, уже начал гадать, а появятся ли пришельцы, когда открылся люк и в воздушный шлюз вошли четверо гуманоидов. Как только люк загерметизировался, они сняли скафандры и проследовали в казино.

Один, по виду командир, оглядел пустые столы. Наконец его взгляд остановился на О'Грейди.

— Добро пожаловать, — улыбнулся О'Грейди. — Я вас жду.

— Мы не опоздали. — Пришелец направился к нему.

— Раз вы здесь, это уже и не важно. У тебя есть имя?

— У меня их одиннадцать, в зависимости от ситуации, — ответил пришелец.

— Каким ты хочешь воспользоваться?

— Ты все равно не сможешь произнести ни одного, — ответил пришелец. — Может, сам подберешь мне имя?

— Почему нет? — пожал плечами О'Грейди. — С этого момента ты — Ник Грек.

— Человеческое имя?

— Он, возможно, менее человечен, чем многие, но, да, имя человеческое.

— А ты, естественно, Ставлю-Планету О'Грейди?

— Точно.

— Позволишь присесть? — спросил Ник Грек.

— Конечно. — О'Грейди указал на стулья остальным пришельцам. — И вы присаживайтесь.

— Они постоят.

— Как скажешь.

— Ставлю-Планету О'Грейди, ты действительно ставил на карту целые планеты? — спросил Ник Грек.

— Ставил, и не только на карту. На бросок костей, на исход спортивных состязаний, на все, где могут быть победитель и проигравший.

— Очень интересно.

— Но ты и так об этом знаешь, иначе не прилетел бы сюда.

— Мы досконально тебя проверили, — признал Ник Грек.

— И тебе дано право ответить на мои ставки?

— Да.

— Должно быть, твой генерал считает тебя классным игроком.

— Я стараюсь, — скромно ответил Ник Грек.

— Где ты научился играть в человеческие игры? — спросил О'Грейди.

— Я много путешествовал по Внутреннему Пограничью. И учился у одного из лучших игроков.

— Кто тебя учил?

— Твой давний приятель, — ответил Ник Грек. — Эдди Стронгбоу Высокие Ставки.

— Эдди Высокие Ставки? — воскликнул О'Грейди. — Будь я проклят! Как поживает старый мерзавец?

— Его более нет среди живых. К сожалению.

— Печально.

— Как я понимаю, человеческий этикет требует предварительного словесного обмена. Начнем игру или надо еще поговорить?

— Можем и начать. — О'Грейди дал знак роботу-бармену. — Полдюжины новых колод, пожалуйста.

— Я смогу их проверить, не так ли?

— Проверяй, сколько душе угодно. При условии, что у тебя есть душа.

— В какую игру будем играть? — спросил пришелец.

— Я предпочитаю покер, но готов выслушать любое предложение.

— Покер меня устроит.

Бармен принес колоды. О'Грейди через стол подтолкнул одну к Нику Греку.

— Проверяй.

Пришелец распечатал колоду, внимательно проверил карты, одобрительно кивнул.

— Какая будет ставка?

— Давай начнем с пятидесяти тысяч, — предложил О'Грейди. — На эти деньги ты сможешь купить немало оружия, если выиграешь.

— Согласен.

— Потянем на сдачу?

Ник Грек вытянул девятку. О'Грейди улыбнулся и вытянул валета.

— Итак, пятикарточный покер, — объявил он.

О'Грейди выиграл две первые сдачи, проиграл третью, чтобы не сильно расстраивать пришельца, выиграл еще две.

— Карты сегодня настроены против тебя, Ник, старина, — заметил он. — Похоже, не твой вечер.

— Мне приказали принять твой вызов и сыграть с тобой в покер, — ответил пришелец. — Нам нужны деньги на покупку оружия и топлива.

— То, что нужно, и то, что получаешь, зачастую две большие разницы, — изрек О'Грейди.

Он проиграл три следующие сдачи, потом они играли еще два часа и практически остались при своих. Наконец О'Грейди вздохнул, откинулся на спинку стула.

— Судя по всему, никому из нас сегодня не разбогатеть. Вот что я тебе скажу, давай поставим все на одну сдачу.

— Уточни понятие все, — попросил пришелец.

— Если я выигрываю, ты отдаешь мне все деньги, которые у тебя с собой, а ваши солдаты покидают Кэтрин де Валуа, луну, на которой расположен ваш лагерь.

— А если выигрываю я?

— Ты получаешь все деньги, которые у меня с собой, все планеты, которые принадлежат мне, а я до конца войны сижу в одной из ваших тюрем.

Пришелец вроде бы колебался.

— Очень уж большая ставка на одну сдачу.

— Попробую убедить тебя. Ты когда-нибудь играл в открытый покер?

— Открытый покер? Никогда о таком не слышал. Каковы правила?

— Очень простые. Обычный покер, только все карты выкладываются картинками вверх, мы выбираем по пять карт. Потом каждый имеет право сбросить четыре и взять четыре других.

— Каждый из нас подберет себе стрит-масть, и победителя не будет.

— Может, и нет.

— Точно не будет.

— Вот что я вам скажу. Если карты будут одинаковые, победа остается за тобой. Для выигрыша мои карты должны быть выше твоих.

— Позволь убедиться, правильно ли я тебя понял. Никакого превосходства мастей. Королевская стрит-масть в червях не выше королевской стрит-масти в бубнах или трефах.

— Точно.

— И при одинаковых картах победа за мной?

— Да.

— Я согласен на твои условия.

— Закрепим нашу договоренность. — О'Грейди протянул руку.

Пришелец ее пожал.

— А поскольку ты мне не до конца доверяешь, я возьму карты первым. — О'Грейди улыбнулся. — Чтобы ты видел мой выбор, прежде чем сделать свой.

Внезапно спутники пришельца ожили, их пистолеты нацелились в голову О'Грейди.

— Нет, Ставлю-Планету О'Грейди, — подал голос Ник Грек. — Думаю, карты первым возьму я.

— Но...

— Так посоветовал мне Эдди Высокие Ставки, прежде чем я его убил.

О'Грейди вздохнул и вжался в спинку стула. У него возникло ощущение, что «Аванпост» он увидит еще очень не скоро.

НИКОДЕМИЙ МЕЙФЛАУЭР И ЧУЖИЕ

Корабль Никодемия Мейфлауэра мчался к Анне Болейн, второму из Свадебных Колец, вращающихся вокруг холодного, расположенного далеко от солнца, Генриха VIII. Каждые несколько минут он вызывал Золушку по защищенному каналу, в надежде получить ответный сигнал, свидетельствующий о том, что она жива.

Но Золушка не откликалась.

На подходе к Генриху его попытались перехватить два корабля пришельцев. Он открыл огонь, едва они возникли на обзорном экране. Одного уничтожил, второй ушел от лазерного луча и открыл ответный огонь.

Никодемий тоже избежал попадания энергетического сгустка и направил корабль к Кэтрин Парр, наружному Свадебному Кольцу. Оказавшись среди скал и глыб льда, отключил все системы, дабы пришелец не смог засечь его по выбросу нейтрино. Он знал, что пришелец будет его искать, мо-

жет, призовет на помощь другие корабли, из тех, что атаковали Золушку на Анне Болейн, и готовился к бою. Никодемий пережил достаточно битв и прекрасно понимал, что один корабль может выстоять против двух или даже трех, но в случае, если на стороне противника четыре или больше кораблей, его шансы на победу стремительно приближались к нулю, поскольку враги могли окружить одиночку со всех сторон.

Но Никодемий все-таки не терял надежды. Потому что среди всего этого мусора окружить его просто не представлялось возможным. Кольцо не являлось поясом астероидов, а представляло собой редкий феномен, состоя из миллиардов камней и ледяных глыб, вращающихся по четкой орбите. Спрятаться в кольце не составляло труда, но ни о каких боевых маневрах не могло быть и речи.

Никодемий терпеливо ждал, каждую минуту активируя датчики ровно на две секунды. Этого времени хватало, чтобы засечь приближение кораблей пришельцев, и оставалось надеяться, что датчики противника не обладают такой чувствительностью, то есть его местонахождение останется для пришельцев тайной.

Его стратегия оправдалась: через шестьдесят семь минут он засек корабль пришельцев, осторожно пробирающийся среди космического мусора в шестнадцати милях от него. Уже собрался активировать все системы и открыть огонь, но вовремя понял, что между кораблями сотни, может, тысячи камней и льдин, которые отразят и поглотят лучи и энергетические разряды его орудий, и он лишь выдаст себя пришельцам.

Никодемий продолжал ждать, прошла, должно быть, вечность, корабль пришельцев продолжал сближаться с ним, пока расстояние не сократилось до мили. Инопланетянин, говоривший на чистом терранском, вызывал и вызывал его по радио, но Никодемий предпочел отмолчаться. Пусть думают, что корабль мертв. Пусть подходят еще ближе и попытаются проникнуть внутрь. Пусть хоть на мгновение ослабят бдительность.

И когда корабль пришельцев приблизился на тридцать ярдов, Никодемий мгновенно активировал лазерные орудия и

пульсаторы. Корабль пришельцев стал красным, потом белым и исчез с обзорного экрана.

Датчики подсказали Никодемию, что пришелец находился на связи с другими кораблями. Расшифровать послания он, конечно, не мог, но догадался, о чем шла речь: пришелец докладывал, что обнаружил земной корабль и теперь сближается, чтобы проверить, есть ли в нем кто живой. Так что теперь ему предстояло иметь дело с остальными кораблями, пилоты которых наверняка проявят большую осторожность, учитывая, что связь с первым установить не удается.

О скольких кораблях говорила Золушка? Пяти? Он уничтожил два, следовательно, оставалось как минимум три. Никодемий полагал, что сможет, прикидываясь мертвым, избавиться как минимум от одного, может, от двух, а уж потом, когда шансы сравняются, перестанет прятаться и попытает счастья в открытом бою.

Но тут ожил защищенный канал.

— Кто-нибудь! Кто-нибудь! — раздался голос Золушки. — У меня беда! Энергетический блок выведен из строя, корпус разгерметизирован. Я не могу маневрировать, системы жизнеобеспечения не функционируют, орудия не стреляют. Я...

— Я знаю, где ты! — прервал ее Никодемий. — Пусть это останется между нами.

— Никодемий! — вскричала она. — Ты близко? Через полчаса я останусь без воздуха.

— Надень скафандр. В зависимости от конструкции, кислорода в нем от шести до четырнадцати часов.

— Хорошо.

— У тебя есть сигнальные ракеты?

— В корабле?

— Нет, на скафандре.

— Сейчас проверю. — Долгая пауза. — Две.

— Отлично. Отключи радиосвязь до того, как они смогут определить твое местоположение. Я свяжусь с тобой, как только доберусь до нужного Кольца. Тогда ты покинешь корабль и пустишь первую ракету. При удаче я ее увижу. Если нет, воспользуемся второй.

— Поняла.

Связь оборвалась. Никодемий понял, что после минутного радиоразговора нет смысла прикидываться покойником. И не мог он и дальше сидеть в засаде, зная, что у Золушки заканчивается кислород.

Он приказал кораблю подняться над плоскостью эклиптики. Понимал, конечно, что подставляется под удар, выходя из-под защиты кольца, но не мог допустить, чтобы корабли пришельцев добрались до Анны Болейн первыми. Его преимущество заключалось лишь в том, что они не знали, где находится Золушка... но тут же до него дошло, что все они прекрасно знают. Все-таки именно они вывели из строя ее корабль.

Так или иначе, он выбрался с Кэтрин Парр и помчался к Генриху VIII. Не прошло и минуты, как три корабля устремились следом. Он проскользнул между Кэтрин Говард и Анной Клевской, увидел пустотную прогалину на Джейн Сеймур и нырнул в нее. Все три корабля пришельцев бросились туда же. Два проскочили, третий не разминулся с глыбой льда.

Уверенности у Никодемия прибавилось, он понял, что его корабль более быстрый и маневренный. Ему очень хотелось сразиться с оставшимися двумя, но на такой риск он пойти не мог. Через несколько минут Золушке предстояло покинуть корабль, и она очутилась бы в открытом космосе, беззащитная, с ограниченным запасом кислорода. И он не мог вступить в бой, потому что уничтожение и даже повреждение его корабля убило бы и Золушку.

Несколькими маневрами он попытался оторваться от преследователей, но ничего не вышло, а времени на новые не оставалось. Поэтому он направил корабль к Анне Болейн, а в нескольких сотнях миль от кольца вышел на связь.

— Ты все еще на корабле?

— Да.

— Ладно, когда закончим разговор, выходи из него и, используя ранцевый двигатель, доберись до края кольца.

— А что потом? Стрелять ракетой?

— Я думаю. У меня нет возможности затормозить и подхватить тебя, потому что в этот момент я превращусь в отличную

мишень для двух кораблей, которые меня преследуют. — Он помолчал, прикидывая альтернативные варианты. — Ладно. Придется усложнять задачу.

— А раньше ты предлагал что-то совсем простое? — В голосе Золушки слышались саркастические нотки.

— Забудь о том, что я говорил. Если ты выберешься на край Кольца, они заметят тебя с той же легкостью, что и я. Оставайся в середине и там зажги ракету. Если я ее замечу, не свяжусь с тобой, а потом тебе придется подождать, пока я доберусь до тебя. Если в течение десяти секунд после того, как ты выпустишь ракету, я не дам о себе знать, значит, я ее не увидел. Тогда ты свяжись со мной по радио скафандра, и мы предпримем вторую попытку.

— Ты уверен, что это правильное решение? — спросила Золушка. — Вокруг полно метеоров. Они опасны ничуть не меньше пришельцев.

— Пришельцы пытаются меня убить. Метеоры — нет.

— Как скажешь. Я выхожу из корабля.

— Удачи, — пожелал ей Мейфлауэр.

И направил корабль параллельно Анне Болейн. Через минуту радио ожило:

— Чего молчишь?

— Ты выпустила ракету?

— Да.

— Черт! Мои датчики ее не зафиксировали.

— У меня осталась только одна. Пускать и ее?

— Подожди, пока я перемещусь на сто восемьдесят градусов вдоль кольца... вернее, перемещусь на сто восемьдесят градусов от того места, где сейчас нахожусь, поскольку Кольцо тоже вращается.

Ему хотелось перейти на световую скорость, чтобы побыстрее добраться до нужного места и, возможно, сбросить с хвоста преследователей, но он понимал, что такой маневр «выбросит» его далеко за пределы системы Колец, а при возвращении он не найдет нужную точку. Поэтому он лишь увеличил скорость до семидесяти процентов световой и помчался вкруг Анны Болейн. Когда почувствовал, что миновал половину Кольца, связался с Золушкой по радио.

— Выпускай.

— Готово.

Вновь датчики не зафиксировали никаких вспышек.

— Ты ее засек?

— Нет.

— Дерьмо! Что же нам делать? Ты можешь найти меня по радиосигналу?

— Датчики определят твое местоположение с точностью сорок миль плюс-минус десять. Это все, на что они способны. — На мгновение он задумался. — Ладно, оставайся на связи. Для начала постараюсь подобраться поближе.

— А что потом? — спросила Золушка.

— Как далеко ты от своего корабля?

— В нескольких милях.

— Возвращайся к нему.

— Зачем?

— Выведи из реактора стержни-замедлители и убирайся оттуда. Он взорвется через четыре минуты, и уж эту вспышку я увижу, можешь не сомневаться.

— Ты окажешься ближе, но все равно не заметишь меня. Слишком много скал и ледяных глыб.

— Зато ты увидишь меня, поскольку мой корабль куда больше любой глыбы. Как только засечешь, доставай лазерный пистолет и стреляй в мой нос.

— А если попаду?

— Никакой пистолет не сможет пробить корпус, а мои датчики точно определят, откуда произведен выстрел, и я тебя подберу.

— Ты уверен, что твой план сработает?

— Теоретически, да.

— Что значит — теоретически?

— Если разлетевшиеся от взрыва камни и осколки не снесут тебе голову, если тебя не отбросит на сотню миль, если пришельцы не подстрелят меня до того, как я доберусь до тебя, если я смогу прорваться сквозь метеоритное облако, если ничего не случится с системами жизнеобеспечения твоего скафандра, тогда у нас отличные шансы остаться в живых.

— Твой пассаж об отличных шансах я нахожу излишне оптимистичным, — мрачно заметила Золушка.

— В такой ситуации лучше быть оптимистом, чем пессимистом. Приступай. Один из них снова стреляет в меня.

— Не хотелось бы мне рассчитывать на компьютере вероятность нашего выживания.

— Вот и повод для того, чтобы ты отблагодарила меня за свое спасение.

— Если мы выберемся отсюда целыми и невредимыми, я отблагодарю тебя так, что мало не покажется, — пообещала Золушка.

— Я на это рассчитываю, — ответил Никодемий Мейфлауэр.

МОГИЛЬЩИК ГЕЙНС И ЧУЖИЕ

Планета Генрих VIII не представляла для людей ни малейшего интереса. Атмосфера из аммиака, температура — почти минус сто по Цельсию. Сила тяжести — на семнадцать процентов выше стандартной галактической. День длился 1 273 часа, ночь — столько же. К достоинствам можно было отнести только небо, освещенное шестью Свадебными Кольцами, сверкающими отраженным светом далекого солнца.

«Почему только кому-то пришла в голову мысль окопаться здесь? — гадал Могильщик Гейнс, бредя по скалистой равнине. — Особенно тем, кто изгнал из звездной системы Флот». Лично он не мог найти ни одного аргумента в пользу Генриха VIII.

Однако знал, что завсегдатаи «Аванпоста», мужчины и женщины, наводят порядок на остальных Генрихах (за исключением Первого, поверхность которого представляла собой океан расплавленного металла, и нескольких лун, на которых не высаживались пришельцы), и, поскольку на Генрихе VIII датчики его корабля обнаружили небольшое вражеское поселение, а он сам привык выслеживать киллеров на планетах с самыми разными атмосферами и различной грави-

тацией, Могильщик решил самолично разобраться с этими пришельцами.

Видимость едва отличалась от нулевой, но датчики подсказывали, что до лагеря пришельцев полмили, а до их корабля и того меньше. Ориентирование по приборам вполне устраивало Гейнса: пусть он не видел пришельцев, но и они не могли его видеть.

Он нашел их корабль, расплавил стартовый блок, уничтожил систему жизнеобеспечения, двинулся к лагерю. Подошел на двести ярдов и уже различал силуэты двенадцати Куполов, в которых находились пришельцы. В молодости он бы ворвался в лагерь, стреляя с двух рук, с тем чтобы лицом к лицу схватиться с врагами. Но за долгие годы повидал смерть во всех ее проявлениях и знал, к чему приводит ненужный героизм. Могильщик Гейнс давно уже решил для себя, что ему нравится жизнь, и расстаться с ней намеревался лишь в самом крайнем случае. Поэтому с давних пор заботился прежде всего о собственной безопасности, что, как ни странно, приводило все к новым и новым успехам в карьере охотника за головами. В итоге он обеспечил себе безбедную старость и отошел от дел.

Вот почему он снял с плеча лазерную винтовку, улегся на землю, положил винтовку на камень, прицелился и выстрелил.

Ничего не изменилось, то есть луч не задел ни один из Куполов. Гейнс пожал плечами. Не попасть с двухсот ярдов, когда враги даже не знали, что по ним стреляют, куда лучше, чем промахнуться с десяти ярдов, нарвавшись на ответный огонь.

Он прицелился вновь и нажал на спусковой крючок. На этот раз Купол развалился, и из него выскочили четверо пришельцев, чтобы тут же схватиться за грудь, аммиак — не кислород, и умереть.

Он словно стрелял по мишеням в тире. Прежде чем первый из пришельцев надел скафандр и начал стрелять, он уже уничтожил десять Куполов из двенадцати. Потом сменил позицию, переместившись на пятьдесят футов, и разделался с одиннадцатым. Снова сменил позицию и собирался по-

кончить с двенадцатым, когда в наушниках услышал голос: «Это ты, Гейнс?»

Ему не хотелось, чтобы его засекли по радиосигналу, поэтому он промолчал.

— Мы остались вдвоем, — продолжил голос. — Можешь и ответить, Гейнс. Я знаю, что это ты.

Могильщик молчал.

— Давай, — не унимался голос. — Если уж мне суждено умереть, я хочу знать, кто меня убил.

Гейнс переместился на двадцать ярдов левее.

— Мы остались вдвоем. Остальные мертвы.

— С чего ты вдруг решил, что я — Гейнс? — наконец спросил Могильщик.

— Я знаю, что ты обретался в «Аванпосте», — ответил пришелец. — И я знаком с твоими методами.

— Откуда?

— Я — тот, кого люди называют Серая Саламандра.

— Я же отвез тебя на Барракуду IV, — удивился Гейнс. — Вроде бы тебе дали пожизненный срок.

— Дали.

— Тогда как ты здесь оказался?

— Сбежал.

— И сколько убил охранников?

— Достаточно.

Гейнс опять сменил позицию, на случай, если Саламандра найдет его по радиосигналу.

— На этот раз мне придется тебя убить.

— Но почему? Ты же уже не охотник за головами.

— Идет война, помнишь?

— Я ни с кем не воюю, — ответил Саламандра.

— А что ты тут делаешь?

— Мне нравится убивать.

— Всех, кого мог, ты уже убил, — заявил Гейнс. — Только один из нас покинет планету, и, будь уверен, не ты.

— Смелые слова для человека, у которого бóльшая часть жизни позади, Могильщик Гейнс. Я-то во цвете сил и в отличие от тебя хорошо здесь ориентируюсь.

Гейнс разнес в клочья последний Купол и тут же отбежал на тридцать ярдов, так что пульсовик Саламандры ударил по пустому месту.

А потом направился к своему кораблю, перемещаясь зигзагом, стараясь не проходить по прямой больше десяти ярдов. Саламандра что-то говорил ему, он отвечал, но думал только о том, как вернуться к кораблю целым и невредимым.

Наконец где-то через полчаса увидел корабль. Осторожно приблизился, на случай, если Саламандра добрался до корабля первым и поджидает его. Впрочем, в это верилось с трудом. Если бы инопланетянин нашел корабль, он бы не преминул похвалиться.

Поднявшись на борт, Могильщик Гейнс задраил люк, проверил все закоулки, чтобы убедиться, что кроме него на корабле никого нет.

— Мне надоело играть с тобой в кошки-мышки, — послышался голос Саламандры.

— Мне тоже, — ответил Гейнс.

— Так ты встретишься со мной лицом к лицу?

— Нет. С игрой я завязал. Улетаю с планеты.

— Я не понимаю. О чем ты говоришь?

— Прощаюсь с тобой.

— У тебя много недостатков, Могильщик, но ты не трус. Ты не можешь улететь, не побив меня.

— Я тебя уже побил.

— Побил? Да ты меня еще не видел!

— Встречаться с тобой лицом к лицу — это для молодых с ненасытным эго. Моя работа — победить, и я победил.

— Ты рехнулся!

— Это возможно, — согласился Гейнс, — но я уничтожил все двенадцать Куполов, а до того вывел из строя ваш корабль. У меня на корабле кислорода хватит на год, а сколько его в твоем скафандре?

Серая Саламандра еще сыпал ругательствами, когда Могильщик Гейнс вывел корабль на орбиту, оборвав радиоконтакт.

МАКС ТРИ СТВОЛА И ПРИШЕЛЬЦЫ

Макс Три Ствола пребывал в отвратительном настроении.

По просьбе Регги он последовал за Киборгом де Мило на Генрих V. Связавшись с ним по радио, она велела ему не приземляться, но он проигнорировал слова Киборга и посадил корабль рядом с ее.

— Перестань таскаться за мной! — потребовала она.

— Я лишь хочу убедиться, что ты не попала в беду, — ответил он.

— Здесь только один человек, который может попасть в беду, и я говорю не о себе.

— Послушай, я лишь выполняю обещание, которое дал роботу-бармену.

— Которого звать Регги?

— Он в тебя влюбился, — усмехнулся Макс. — И хочет, чтобы я оберегал тебя.

Она встретилась с ним взглядом.

— Я не верю ни одному твоему слову.

— Зачем мне тебя разыгрывать?

— Впрочем, значения это не имеет. Я работаю одна.

— Я обратил внимание, что ты на это не упирала, когда предлагала Катастрофе Бейкеру составить тебе компанию.

— Он — герой, известный всей галактике. Ты — всего лишь трехрукий завсегдатай баров.

Макс сверкнул глазами.

— Не доставай меня. В гневе я страшен.

— Ты и так не из красавцев, — сухо отметила Киборг де Мило. — А теперь отвали или пеняй на себя.

— Это ты о чем?

Она подняла палец и луч лазера сверкнул у самой его головы.

— А, об этом. — Макс развернулся и поднялся по трапу на борт своего корабля.

Киборг де Мило осталась на месте, уперев руки в бок, словно ожидала, что он появится вновь. Он подождал, пока не убедился, что первой она не улетит, дал компьютеру команду на взлет и ретировался на орбиту.

Он пытался сдержать слово, данное роботу, и улетал с чистой совестью. Теперь он имел полное право сам выбирать маршрут.

Однако он находился на Генрихе V и не имело смысла лететь на другие планеты, раз уж он мог сразиться с пришельцами на этой. Макс включил сканеры и обнаружил лагерь пришельцев в шестистах милях к западу от города, который Киборг де Мило объявила своей территорией.

Посадил корабль в двадцати милях от лагеря и задумался над тем, что делать дальше. Он не располагал достаточной огневой мощью, чтобы обрушиться на пришельцев и уничтожить их. Кроме того, такие атаки имели место быть в хвастливых рассказах Катастрофы Бейкера, но не в реальной жизни.

Будь у него бомбы, он бы прошел над лагерем на бреющем полете и сбросил их на врага, но его корабль относился к классу легких звездолетов и на нем отсутствовало даже оборонительное вооружение. Если б он знал, где пришельцы складировали свое оружие, он бы подкрался туда и подорвал арсенал, пусть и не очень представлял себе, как это делается. Ему редко приходилось иметь дело с взрывчаткой.

В итоге, пусть идея ему и не глянулась, Макс понял, что нанести урон пришельцам он сможет одним-единственным способом: вступив с ними в бой. Он проверил глушак, лучевик и бластер, убедился, что они полностью заряжены, и зашагал к лагерю.

Отмахал семь миль, когда увидел приближающееся к нему двуногое существо. Поначалу решил, что наткнулся на человека, но вскоре понял, что перед ним пришелец.

Вытащил лучевик и нацелил пришельцу в грудь.

— Стоять на месте! — гаркнул он.

Пришелец вздрогнул от неожиданности, остановился.

— Я тебя не видел, — ответил он на терранском, с сильным акцентом.

— Брось оружие, — приказал Макс.

— У меня его нет.

— Я не шучу! — прорычал Макс.

— Я тоже. Я — дезертир.

Макс подошел к пришельцу, убедился, что тот говорит правду.

— Будь я проклят! — воскликнул он. — И куда держишь путь?

— Куда подальше.

— Подальше от чего?

— Я — поэт, — пояснил пришелец. — И на войне мне не место.

— По правде говоря, я могу придумать множество мест, которые предпочел бы этому. — Макс вытащил из кармана фляжку, отхлебнул. — Держи. Для твоего организма это не яд?

— Не попробовав, не узнаешь. — Пришелец взял фляжку, поднес к губам.

— Знаешь, а ты неплохой парень для безбожного, грабящего планеты пришельца.

Пришелец вытер рот, вернул фляжку Максу.

— Да и ты тоже очень даже ничего. Для представителя империалистической цивилизации ксенофобов, цель которой — покорение галактики.

— Имя у тебя есть?

— Конечно, есть. Ты не сможешь его произнести, но наиболее точный перевод — Стихоплет.

— Ты с ним родился?

— Разумеется, нет. Взял его, когда стал взрослым.

— Хорошо, — кивнул Макс. — Одному Богу известно, сколько бы я нарушил галактических законов, предложив выпить несовершеннолетнему инопланетянину.

— Кстати о выпивке. Нельзя ли повторить?

— Конечно. — Макс протянул ему фляжку. — Для того выпивка и нужна.

— Спасибо, — поблагодарил его Стихоплет. — Очень стимулирует, не так ли?

— Одни говорят — да, а другие — абсолютно.

— А у тебя имя есть?

— Макс. А если официально, Макс Три Ствола.

— Ты не комплексуешь из-за трех рук?

— Черт, да нет же! Если начнем выяснять, кто сильнее в рестлинге, у меня будет лишняя рука. Соображаешь?

— Никогда не встречал человека с тремя руками.

— Мы — маленькая, но избранная группа суперменов.

— И сколько вас здесь?

— Полностью подсчет еще не закончен, но пока я один.

— Ты — мутант?

— Я предпочитаю называть себя уникумом.

— А что ты здесь делаешь? — спросил Стихоплет. — Вроде бы ты здравомыслящий человек. Чего участвовать в войне, если есть целая галактика, где можно укрыться от нее?

— Знаешь, — признался Макс, — тридцать минут тому назад я задавал себе тот же вопрос.

— И каков твой ответ?

Макс пожал плечами.

— Мне нравится воевать.

— Ясно, — кивнул Стихоплет. — Этот ответ я могу принять.

— Правда? — удивился Макс. — Я думал, ты его не одобришь.

— Я бы не одобрил, скажи ты, что веришь в благородство войны или жаждешь славы военных побед. Но ты происходишь от хищных обезьян. У тебя на роду написано — убивать, вот ты и реагируешь на раздражитель точно так же, как бесчисленные поколения твоих предков.

— Ты так думаешь?

Стихоплет кивнул:

— Ты такой, какой есть, и с этим ничего не поделаешь.

— А ты тоже происходишь от хищников?

— Разумеется. Как и практически все разумные существа. — Стихоплет улыбнулся. — Вот это нас всех и оправдывает.

— А как вышло, что ты не любишь воевать? — спросил Макс.

— Я — поэт в четвертом поколении, — с достоинством ответил Стихоплет. — Мы создали новую генетическую ветвь на эволюционном древе моей цивилизации.

— То есть по тебе лучше сочинять стихи, чем насиловать? — предположил Макс.

— Я ничего такого не говорил, — поправил его Стихоплет. — По мне лучше сочинять стихи, чем убивать. Изнасилование — это совсем другое дело.

— Знаешь, если б не эта гребаная война, думаю, мы стали бы близкими друзьями.

— Я тоже с радостью подружился бы с тобой.

— Тогда пошли на мой корабль и разопьем еще пару бутылочек.

— Я как раз хотел спросить, есть ли у тебя что-нибудь выпить, помимо содержимого этой фляжки. — Стихоплет пристроился рядом.

— Между прочим, если ты согласен обсудить этот вопрос, как началась война?

Стихоплет пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Но ты был здесь, участвовал в ней.

— Меня призвали в армию.

— То есть ты не знаешь, кто выстрелил первым?

— Нет, но я знаю, что следующая тысяча выстрелов была наша. Мы — мужественная, ничего не боящаяся цивилизация, тестостерон из нас так и хлещет.

— Похоже, у нас много общего.

— Конечно, — кивнул Стихоплет. — Цивилизации, которые не могут этим похвастать, сдаются сразу же.

— Полностью с тобой согласен.

Внезапно пришелец остановился, покачнулся.

— Что-то не так? — спросил Макс.

— Похоже, у моего организма возникли небольшие проблемы с перевариванием твоего отравляющего вещества, — ответил Стихоплет. — Сейчас все образуется. — Он перестал качаться. — Ну вот, голова больше не кружится.

— А что вы пьете? — спросил Макс.

— Все, что мокрое.

— Крепко закладываете, да?

— Особенно поэты.

— Тогда у тебя много общего со знакомыми мне поэтами-людьми.

— У тебя есть женщина, Макс? — спросил Стихоплет.

— Которой я могу поделиться с тобой?

— Нет. Я про подругу жизни.

— Еще нет. Может, скоро и появится. Но пока я только пробую воду.

— Вы совокупляетесь в воде?

— Бывает и такое, но я имел в виду другое. Это образное выражение. Смысл его в том, что я еще ищу подругу жизни, просматриваю потенциальных кандидаток. — Макс помолчал. — А как насчет тебя? Дома тебя ждет женщина?

— Да, мне ужасно ее недостает. Наверное, поэтому я и дезертировал. Мне не терпится вернуться к ней.

— Ты уж извини, что я об этом говорю, но, уходя из того места, где стоят все звездолеты, ты только оттягиваешь свидание с любимой.

— Я подумал об этом, лишь отшагав от лагеря несколько миль, — признал Стихоплет. — А теперь возвращаться поздно.

— Ну и хрен с ним, — махнул рукой Макс. — Войну просидим в моем корабле, выпьем все запасы спиртного, а потом я отвезу тебя к твоей подружке.

— Ты это серьезно, Макс? — спросил пришелец.

— Конечно, — кивнул Макс. — А для чего еще нужны друзья?

Стихоплет снял с шеи металлическую цепочку и протянул Максу.

— Я хочу, чтобы ты принял ее в знак моей дружбы.

— А что это?

— Мой солдатский жетон. Я понимаю, это дешевый подарок, но больше у меня ничего нет.

— Тогда я сочту за честь принять его.

Они продолжали идти и разговаривать и через какой-то час добрались до корабля. Макс открыл пару бутылок лучшего виски, вынес из корабля два кресла, и они прекрасно провели вторую половину дня, выпивая и рассказывая всякие истории. Но перед закатом Стихоплет вдруг схватился за живот.

— Что-то не так, — начал он. — Мне как-то нехорошо... — Он поднялся, шагнул к кораблю и упал, лишившись чувств.

Макс затащил его на борт, уложил на койку. Не знал, чем помочь, но на всякий случай клал на лоб пришельца холодные компрессы.

Стихоплет оставался без сознания двадцать часов. Потом открыл глаза.

— Виски плохо воздействует на мой обмен веществ, — прошептал он.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил Макс. — Пульс у тебя в два раза чаще нормального и цвет кожи изменился. Уж не знаю, хорошо это или плохо.

— Позволь мне полежать, пока не вернутся силы.

— Как скажешь.

Пришелец вновь отключился, пришел в себя через пять часов и его вырвало. Макс как мог подтер блевотину и предложил пришельцу воды. Тот отказался, а поскольку Макс не знал, пьют ли пришельцы воду, то настаивать не стал.

Стихоплет провел то ли во сне, то ли в забытьи еще сутки, прежде чем вновь открыл глаза.

— Я ужасно себя чувствую, — простонал он.

— Давай я вызову врача, — предложил Макс.

— Нет. Они расстреляют меня за дезертирство, а тебя убьют как врага.

— Ты же не можешь просто лежать, слабея с каждым часом?

— Почему нет? Койка удобная, и тебе не приходится воевать.

И он снова лишился чувств.

Макс провел рядом с ним неделю. Но однажды утром не смог прощупать пульс пришельца. Поднес зеркальце ко рту Стихоплета: оно не затуманилось. Макс знал, что смерть пришельца — не его вина, но мучился угрызениями совести, потому что виски ставил он.

Вырыв могилу, Макс положил в нее тело и присыпал землей. Потом проверил оружие, как и в прошлый раз, и вновь направился к лагерю.

Придя, обнаружил, что пришельцы его покинули.

Вернулся к кораблю и полетел в город, где оставил Киборга де Мило. Нашел сотни вражеских трупов, но не ее.

«Черт побери, — подумал он, — неужели пока я пил и ухаживал за Стихоплетом, межзвездная война успела закончиться?»

УРАГАН СМИТ И ЧУЖИЕ

— Реализация нашего плана полностью зависит от тебя, дорогая, — говорил Ураган Смит, оглядывая голую, каменистую поверхность Генриха IV. — Ты действительно сможешь принять облик пришельца?

Лангтри Лили кивнула.

— Тогда у нас обязательно все получится. Ты изобразишь одного из них, направишь на меня винтовку и поведешь, будто пленного. Тем самым мы сможем войти через парадный вход. Потом, как только нас отведут к командиру, ты станешь его или ее двойником, и вот тут мы наведем шороху. Под скафандром я спрячу пару пистолетов. Если мы точно сыграем свои роли, то вернемся сюда целыми и невредимыми.

Она вопросительно взглянула на него.

— Невредимыми — значит без единой царапины.

Лангтри Лили улыбнулась.

— Но помни, — продолжил Смит, — только выглядеть пришельцем недостаточно. Ты должна оставаться в образе. Толкать меня, пинать, вести себя так, будто я — твой смертельный враг, не отрывать от меня глаз, постоянно держать на мушке. Я — Ураган Смит. Таких удается взять в плен не каждому. Твои акции резко возрастут. Возможно, тебя сразу повысят в звании. — Он еще раз глянул в обзорный экран, потом на жену. — Ты готова? Тогда пошли.

Лангтри Лили направилась к люку.

— Подожди! — остановил ее Смит. — Ты же еще не изменилась. Выглядишь, как Лангтри.

Она повернулась к нему, и сквозь прозрачный щиток он увидел лицо пришельца.

— Черт побери, это круто! Я забыл, как быстро ты меняешь облик. — Он помолчал. — Пожалуй, я выйду первым, на случай, если кто-то наблюдает за кораблем. Если они увидят, как мы выходим вдвоем, сочиним байку о том, что ты пробралась на корабль и захватила меня врасплох. А вот если ты выйдешь первой, не держа меня на прицеле, они сообразят, что это все розыгрыш.

Лангтри Лили отступила в сторону, и он первым медленно спустился по трапу. Она тут же последовала за ним.

— Отлично, а теперь толкай меня стволом в спину, словно стараешься заставить идти быстрее.

Она толкнула, он поднял руки и двинулся к лагерю пришельцев. Смиту потребовалось несколько шагов, чтобы приспособиться к меньшей силе тяжести. Так они и шли вдвоем, друг за другом, и лишь когда до гигантского Купола осталось пятьсот ярдов, к ним бросились вооруженные пришельцы. Он не обращал на них ни малейшего внимания, как и Лангтри Лили.

Они вошли в шлюз, подождали, пока он не наполнится воздухом, сняли шлемы. Лангтри вновь уперла дуло лучевика ему в спину и двинулась дальше.

Они подошли к маленькому домику, из которого вышел офицер. Он сразу все понял и по лицу пришельца расползлась широкая улыбка.

— Ураган Смит! Это наш счастливый день! Ты знаешь, сколько готова заплатить за тебя Монархия?

— Они не заплатят тебе больше, чем предлагают особо отличившимся охотникам за головами, — ответил Смит.

— Заплатят, — уверенно заявил офицер. — Герои сейчас в дефиците, или ты об этом не слышал?

— Ты, должно быть, говоришь о Катастрофе Бейкере или Киборге де Мило, — ответил Смит. — Я ушел из героев, когда женился.

Пришелец расхохотался.

— Ты? — недоверчиво переспросил он. — Ураган Смит, большущий любитель инопланетных красоток. И на ком ты женился? На гигантской рогатой жабе или, может, на

двадцатиногой паучихе, которая съела последнего мужа на завтрак?

Смит искоса глянул на Лангтри Лили. Она оставалась в образе пришельца, но улыбки на лице не просматривалось.

— Я женился на самой удивительной женщине на свете. Редкой красоты, с утонченными манерами, беззаветно меня любящей и обладающей железным самоконтролем. — Последнее прежде всего предназначалось для ушей Лангтри Лили.

— Ты описываешь ее или составляешь характеристику для работодателя?

— Если я перегибаю палку, извини, — ответил Смит. — Очень уж ее люблю.

— Я рад, что ты познал такую любовь. Теперь-то на твою долю придутся только боль и унижения. Ты их получишь сполна, пока мы будем ждать предложений Монархии. Возможно, к тому времени что-то от тебя и останется.

— Если ты действительно хочешь получить за меня выкуп, я бы советовал хорошо меня кормить и носить на руках, — ответил Смит. — Монархия не покупает поврежденный товар.

Офицер огляделся.

— А где тут Монархия? — Вновь рассмеялся. — Они не узнают, что тебя повредили.

— Они не узнают и о том, что я — это я.

— Об этом они как раз узнают. Когда придет время, мы отрежем тебя палец или вытащим глаз, чтобы они могли сравнить их с твоими отпечатками пальцев или ретинаграммой.

— Какой ты, однако, предусмотрительный, — сухо заметил Смит.

— Я окончил офицерское училище с отличием, — последовал ответ.

— А что ты изучал, садизм или изуверство?

Офицер опять рассмеялся.

— У тебя отменное чувство юмора, Ураган Смит! Я даже сожалею о том, что придется отдать тебя в руки палачу.

— А кто сказал, что это необходимо?

— Захваченного в плен врага пытают. Таковы правила.

— Не обращай на них внимания.

— Для этого мое сожаление не столь велико.

Офицер приказал двум солдатам связать руки Смита у него за спиной. Они подошли, и Лангтри Лили заметно напряглась.

Громоздкий скафандр Смита не обладал достаточной гибкостью. Когда солдаты завели ему руки за спину, он поморщился от боли.

Мгновением позже Лангтри зашипела и плюнула в солдат. Одному попала в лицо, второму — в грудь. Жидкость зашипела, начала прожигать во плоти дыры.

— Я не знаю, кто он, но точно не из наших! — закричал офицер. — Убейте его!

Смит прыгнул на офицера и перехватил его оружие, но опоздал. Полдюжины лазерных лучей и энергетических разрядов пронзили Лангтри Лили. Ее облик на мгновение расплылся, и, упав на землю, она превратилась в мертвую самку-пелопоннеса.

— Мерзавцы! — проревел Смит. — Я любил эту женщину!

Он убил офицера и, используя тело как щит, нацелил лучевик на остальных. Фактор внезапности сработал в его пользу, и он подстрелил полдюжины пришельцев, но остальные быстро перегруппировались и открыли ответный огонь.

Лучи и энергетические разряды буквально разорвали труп на куски, и Смит попятился, оглядываясь в поисках оборонительной позиции.

А потом, прежде чем пришельцы сообразили, что к чему, они полегли под выстрелами своей соотечественницы, которая напала на них сзади. Многие так и не поняли, кто отправил их к праотцам.

Когда врагов не осталось, она вышла из тени и через трупы направилась к Смиту.

Указала на Лангтри:

— Твоя жена?

— Да, — ответил Смит, не зная, опускать оружие или нет.

— Я так и думала. — Пришельская женщина посмотрела на него. — Мне очень жаль.

— Это не твоя вина.

— Из-за них мне стыдно, что я с ними одной крови. — Она шагнула к Смиту. — Я знаю, что ты чувствуешь. Сама потеряла любимого в битве.

— Правда?

Она кивнула:

— У нас так много общего.

Смит оглядел ее с ног до головы.

— Может, прибавим еще чуть-чуть?

— Ты думаешь?

— Прогуляемся к моему кораблю и обсудим варианты.

— Если они меня там найдут, то расстреляют как дезертира.

— Если ты не уйдешь со мной, тебя расстреляют как предателя, — сказал Смит.

Она вздохнула.

— Пожалуй, ты прав.

Оба направились к шлюзу.

— Знаешь, а ведь ты красивая, — нарушил затянувшуюся паузу Смит.

— Но ведь я с тобой не одной крови.

— Надо быть выше этого, иначе мира в галактике не будет.

— Ты выразил мои чувства! — воскликнула она. — Но так странно слышать такое от великого воина.

— Я не воин.

— Тогда кто? — спросила она.

Он обнял пришельскую женщину за талию. Они продолжали шагать, и ее кожа под пальцами странным образом возбуждала его.

— Я предпочитаю видеть себя миротворцем, — ответил Ураган Смит.

МАЛЕНЬКИЙ МАЙК ПИКАССО И ЧУЖИЕ

Маленький Майк Пикассо смотрел на обзорный экран. И видел одни скалы.

— Смогу я дышать этим воздухом?

— Да, — ответил компьютер. — Разумеется, первый вдох убьет тебя через пять секунд, но...

— Где мы находимся?

— Понятия не имею, — последовал ответ.

— Ты же *должен* знать! — возмутился Маленький Майк.

— В этом я не могу с тобой согласиться. Ты мог снабдить меня навигационным блоком НТ10547 перед тем, как лететь во Внутреннее Пограничье, но предпочел без этого обойтись. И не моя вина, что ты заставляешь меня выполнять действия, на которые я не запрограммирован.

— Я лишь попросил доставить меня на один из Генрихов, где высадились пришельцы.

— Я знаю, о чем ты просил. У меня есть аудио-, видео- и голографическая запись твоей просьбы, и при необходимости я могу мгновенно их воспроизвести. Но сие не изменяет одного простого факта: в моей комплектации отсутствует навигационный блок НТ10547. Я сделал все, что мог, с учетом обстоятельств.

— Ты не смог бы найти пальцем свой нос, — пожаловался Маленький Майк.

— У меня нет ни пальца, ни носа, — указал компьютер.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, — фыркнул Маленький Майк. — Ты не только не смог найти планету, на которую высадились пришельцы, ты даже не знаешь, где мы находимся.

— Я никогда не отрицал, что у меня ограниченные возможности. Но это несправедливо, постоянно мне на них указывать, не говоря уж о том, что это жестоко и... уж позволь сказать начистоту, нагло.

— Пошел на хрен.

— И вульгарно.

— Послушай, я — лучший художник галактики, возможно, лучший художник всех времен и цивилизаций. Рядом со мной Микеланджело, Пикассо и Морита выглядят дилетантами. Я не могу достичь совершенства во всем, и я не думаю, что прошу слишком многого, когда хочу, чтобы мой звездолет знал, где мы находимся.

— В твоих аргументах есть логический изъян, — гнул свое компьютер. — То обстоятельство, что ты лучший в галактике художник, не имеет...

— Это не аргумент, это заявление! — прорычал Маленький Майк. — Мы собираемся уничтожить этих мерзавцев. Черт, если Катастрофа Бейкер, Ураган Смит и Могильщик Гейнс сражаются по одну сторону баррикады, тогда пришельцы обречены. Я должен найти их до окончания войны, чтобы успеть нарисовать и сохранить для вечности.

— Если ты хочешь сохранить их для вечности, почему не зарисовать тех, кого возьмешь в плен?

— Роста во мне пять футов и три дюйма, вешу я сто двадцать фунтов, никогда не держал в руках оружия. Как я могу взять в плен пришельцев, которые справились с Флотом? Моя работа — создать шедевр или два, пока они еще живы.

— Возможно, тебе следовало сразу зацепиться за Катастрофу Бейкера или Урагана Смита. Судя по тому, что ты мне рассказал, они обязательно найдут пришельцев. — Компьютер выдержал паузу. — Собственно, я могу подать одному из них сигнал и...

— А если пришельцы находятся ближе, чем Бейкер или Смит, ты выдашь им наше местоположение.

— Э... но я же не знаю нашего местоположения, — торжествующе ответил компьютер.

— Тогда как Бейкер или Смит смогут нас найти?

— Они — герои. Герои всегда найдут способ.

— Кто тебе это сказал? — полюбопытствовал Маленький Майк.

— Так написано в библиотечных кристаллах.

— В беллетристике или документалистике?

— Я не могу дифференцировать одно от другого.

— Хорош компьютер, — хмыкнул Маленький Майк.

— Ты получаешь, за что платишь, — спокойно ответил компьютер. — Ты мог бы снабдить меня блоком, позволяющим проводить глубокий анализ, необходимый для того, чтобы отличить вымысел от факта. Ты предпочел обойтись без оного. А теперь наглядно видишь, к чему приводит скупость.

— Давай вернемся к конкретной проблеме вместо того, чтобы предъявлять беспочвенные обвинения. Где мы, черт побери, находимся?

— Мои обвинения небеспочвенны, — не унимался компьютер.

— Ладно, они небеспочвенны. — Маленький Майк понял, что спорить с машиной бесполезно. — А теперь где мы находимся?

— Я не знаю.

— Проверь расход топлива и хронометраж. Как далеко мы улетели? Сколько времени находились в полете? Можешь ты это определить?

— Все относительно, — ответил компьютер. — Мне известно, сколько использовано топлива, как и, разумеется, время полета. Но, чтобы точно определить наше местоположение, я должен рассчитать скорость, с которой звездная система Тюдор-Плантагенет движется относительно галактики, и, конечно, скорость, с которой наша галактика движется относительно других галактик. Чтобы ответить на твой вопрос, я приступаю к расчетам. Пожалуйста, не мешай.

Майк терпеливо прождал пять минут, потом десять, наконец час. Больше не выдержал.

— И сколько тебе понадобится времени?

Ответа не последовало. На мгновение Майк решил, что компьютер вышел из строя, но потом услышал мерное жужжание: рассчитывались размер и скорость каждого движущегося объекта Вселенной.

— Между прочим, идет война, — напомнил Майк.

Компьютер мигнул лампочками, давая понять, что знает об этом, и продолжил расчеты.

Маленький Майк сделал себе сандвич, открыл контейнер пива, посмотрел голошоу, лег спать. Когда проснулся, компьютер все считал.

— Это нелепо! — воскликнул Майк. — Отменяю задание.

Компьютер вновь мигнул лампочками, показывая, что все слышал, но не прекратил своего занятия.

Через шесть дней у Майка закончилась еда, еще через один — пиво.

И когда у него отпали последние сомнения, что ему суждено умереть от голода, компьютер ожил.

— С радостью готов доложить, что мы находимся на Маргарет Анжуйской, луне Генриха VI.

— Отлично! — воскликнул Маленький Майк. — А теперь выметаемся отсюда!

— И куда летим?

— Туда, где идут боевые действия.

— Ой! Разве я тебе не сказал? Война уже закончилась.

«АВАНПОСТ» И ПРИШЕЛЬЦЫ

Я вновь начал подметать пол.

— За последний час ты подметаешь пол в пятый раз, — заметил Вилли Бард. — Насколько чище должно стать это заведение, чтобы ты угомонился?

— Просто я нервничаю, — признал я. — Они воюют, а мы вынуждены сидеть здесь.

Бард глянул в окно.

— Э... не хочется, конечно, приносить дурную весть, но война не так далеко, как ты думаешь.

— Что случилось? — спросил я.

— Только что приземлился корабль. — Он по-прежнему смотрел в окно. — Таких я еще не видел.

— Черт! — воскликнул я. — Нам придется защищать «Аванпост»!

— Нам? — повторил Бард. — Я — историк. Никогда не держал в руках оружие.

— Я не смогу справиться с ними в одиночку, — указал я. — Эйнштейн слеп, глух и нем. Остаешься только ты.

— Пусть тебе поможет Регги.

— Он — робот. Робот не может причинить вред разумному существу или своим бездействием допустить, чтобы оному был причинен вред.

— Большей глупости мне слышать не доводилось, — пробурчал Бард.

И тут Регги подал голос:

— Наоборот, у меня нет ни моральных, ни этических ограничений, которые не позволят мне причинить вред врагам человечества.

— Нет?

— Никаких.

— Хорошо. Тогда хватай оружие и...

— Но я умею только смешивать напитки. Я ничего не знаю ни об оружии, ни о тактике ведения боя. Однако четырнадцать часов перепрограммирования позволят мне...

— Не думаю, что у нас есть столько времени.

— Нет, — подтвердил Бард. — Они уже выходят из корабля. Семнадцать... нет, восемнадцать.

— Понятно, — кивнул я, — обычным оружием мне с ними не справиться. Надо воспользоваться чем-то особенным.

Я нагнулся и достал из-под стойки молекулярный деформатор.

— Не знал, что у тебя есть деформатор, — удивился Бард.

— Не было повода воспользоваться им.

— Вид у него впечатляющий. И каков принцип действия его энергетической батареи?

— Расщепление атомов, слияние ядер, кто знает? Мне известно одно — он все превращает в желе: пришельцев, людей, звездолеты, дома, все.

Я подошел к двери, прицелился, включил.

Ничего не изменилось.

— Он заряжен? — спросил Бард.

— Деформатор не надо заряжать! — рявкнул я. — Просто прицеливаешься и стреляешь.

— Может, батарея разрядилась?

Я глянул на приборный щиток.

— Полный порядок. Все должно работать. Ничего не понимаю.

— Давай спросим эксперта, — предложил Бард. — Брось мне компьютер.

Я бросил, и он изложил Эйнштейну суть проблемы. Тот ответил через мгновение.

— Он говорит, что они создали атомный нейтрализатор, который воздействует на энергетическую батарею, так что тебе

лучше воспользоваться лазерной пушкой или торпедным пульсатором.

— Это «Аванпост», а не гребаный арсенал! — взревел я. Пришельцы находились уже в двухстах ярдах. — У меня нет такого оружия.

Последовал новый обмен посланиями.

— Что он говорит?

— Сказал, что еще не сталкивался с неразрешимой задачей. Он просто не знает, успеет ли решить ее за оставшееся время.

Пришельцы, похоже, почувствовали, что мы беззащитны, и прибавили шагу.

— Ну?

— Он говорит, что работает.

— Скажи ему, что на все про все у него десять секунд.

Эйнштейн уложился в восемь. Я последовал его совету, и на том вторжение пришельцев закончилось, как, насколько мне известно, и вся война.

ЧАСТЬ 3
ИСТОРИЯ

Война закончилась.

Они начали возвращаться, по двое, по трое. Следуя моему указанию, Регги наливал им первый стакан бесплатно, а Бард терпеливо ждал, пока у всех возникнет желание поговорить, и он сможет записать правдивую историю войны с пришельцами.

Когда Ураган Смит пришел один, никто не спросил, что случилось с его обожаемой Лангтри Лили. По выражению лица Смита чувствовалось, что такие вопросы не приветствуются, более того, могут сурово пресекаться.

Макс Три Ствола лишился привычной ему говорливости. Взял стакан, не помню, чтобы он отказался от выпивки, отнес к столику, сел и уставился в него.

Индейцы, так мы зовем Сидящего Коня и Неистового Быка, появились следом за ним. Несомненно, в прекрасном расположении духа. Как и Большой Рыжий.

Золушка и Никодемий Мейфлауэр вошли вместе, держась за руки, переглядываясь и вздыхая, как пара подростков, только-только открывших для себя, насколько отличается одна половина человечества от другой.

За ними заявились и остальные, радостные, депрессивные, уставшие, торжествующие. Но для того, чтобы завязался общий разговор, не хватало катализатора, человека, способного вернуть «Аванпосту» привычную атмосферу.

И вот тут появился Катастрофа Бейкер.

Вошел, прямиком направился к стойке, прогремел:

— Привет, Рег! Налей-ка мне стакан, да побольше. — Повернулся ко мне: — Как дела, Томагавк?

— Грех жаловаться.

— Я увидел на площадке корабль пришельцев. Обрадовался, а вдруг они захватили «Аванпост». Вышвырнул бы их с превеликим удовольствием.

— С ними уже разобрались, — ответил Бард.

— Жаль, — вздохнул Бейкер. — Это ужасно, когда война заканчивается, а у меня еще бурлит кровь. — Он смотрел на Барда. — Как я понимаю, у тебя нет ни малейшего желания переломать с десяток рук и ног и вышибить столько же глаз?

— Никакого, — ответил Бард. — Моя задача — увековечивать, а не творить историю.

— Вроде бы ты себя сильно ограничиваешь.

— Не все могут быть героями.

— А мы можем! — воскликнул Неистовый Бык. — Нам с напарником это под силу.

— Да? — осведомился Бейкер.

— Да, — ответил Неистовый Бык. — Конечно, мы не полномасштабные герои, как некоторые, но становимся героями, когда нужно.

— Или хитрецами, — добавил Сидящий Конь.

— Иногда хитрость все и решает, — согласился Бейкер.

— Они не такие уж плохие парни, — впервые подал голос Макс. — Я про пришельцев.

— Они — чудовища, — ответили ему от двери.

Мы повернулись и увидели преподобного Билли Карму. Он изменился. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело: кисти рук заменили протезы, один из золота, второй — из серебра.

— Если кто-нибудь тебя убьет, в качестве трофеев ему достанутся не только уши и хвост, — восхищенно воскликнул Бейкер. — С тебя есть, что взять, преподобный.

— У меня и новые стопы. — Билли Карма глянул на ноги. — Спасибо этим безбожным тварям, которые, похоже, очень понравились Максу.

— Я не сказал, что они мне понравились, — ответил Макс. — Как в стаде хороших овец обязательно встретится

одна паршивая, так и среди паршивых найдется одна хорошая.

— Твои слова противоречат четвертой и седьмой заповедям! — вскричал Билли Карма, нахмурился. — Или второй и девятой?

— Макс прав, — кивнул Ураган Смит. — Они не все плохие.

— Позволь высказать догадку, — повернулся к нему Бейкер. — По крайней мере одна из тех, кто не плохие, дама, не так ли?

Смит мрачно глянул на него.

— Знаешь, я помню время, когда ты мне нравился.

— А что во мне может не нравиться? — спросил Бейкер. — Я сильный, красивый, жизнерадостный, благородный, верный, да еще любимчик женщин.

— Шесть признаков ты уже перечислил, — вставил Макс.

— Мне он не кажется неотразимым. — Мать Земля вошла в зал и направилась к ближайшему столику.

— Мне тоже. — Киборг де Мило возникла в дверях буквально через секунду.

— Я рад, что ты в полном здравии, Венера, — подкатился к ней Регги. — Я беспокоился о тебе.

— Правда?

— У нас столько общего. — Она с любопытством смотрела на него.

— Я — полностью машина, ты — частично. А все остальные всего лишь из плоти и крови.

— Ты мог не волноваться, — заметил Макс. — Я же сказал тебе, что буду защищать ее, так?

— Защищать меня? — удивилась Венера. — Я практически не видела тебя после того, как покинула «Аванпост».

— Я позаботился о том, чтобы в древнем городе тебе ничего не угрожало.

— Тогда, полагаю, я должна тебя поблагодарить? — В голосе Венеры слышался неприкрытый сарказм.

— Само собой.

— Правда, ты не заметил больше шестисот вооруженных пришельцев.

— Видишь ли, уложив пять тысяч, я решил, что при твоем вооружении с жалкими шестью сотнями ты справишься, даже не вспотев.

Она повернулась к Вилли Барду, который лихорадочно записывал.

— Почему ты все это записываешь?

— Кто-то же должен, — ответил он.

— Но он лжет!

— Сегодня это ложь, — указал Бард, — но она станет правдой после публикации книги.

— Разве тебя не интересует, что действительно произошло?

— Меня интересует все, — ответил Бард. — Вы делитесь со мной вашими впечатлениями, а я их сортирую.

— Но ты там не был! — воскликнула Венера. — Как ты можешь отсортировать правду от лжи?

— Я оставлю то, что украшает историю, и выброшу остальное.

— Ты можешь это делать?

— История пишется победителями, — ответил Бард. — Вот почему она так хорошо читается, прямо-таки дышит благородством.

— Она не так хорошо читается, как Книга Добра, — вставил преподобный Билли Карма.

— Что есть Книга Добра, как не божественная версия истории? — спросил Бард.

Внезапно Билли Карма улыбнулся.

— Знаешь, я никогда не смотрел на нее под таким углом.

— Сие означает, что тебе не очень-то и хотелось переписать ее, — изрек Бейкер.

— Ерунда, — отмахнулся Билли Карма. — Бог очень занят, у него и так хватает забот. Я уверен, что кое-какие изменения только пойдут Книге на пользу.

— Не знала, что Бог — мужчина, — проворчала Мать Земля.

— Конечно же, нет, — согласилась с ней Киборг де Мило.

— Одну минуту! — вскричал Билли Карма, вскочив из-за стола.

— Сядь, преподобный. — Венера наставила на него смертоносный палец. — Или ты хочешь носить на каждой руке по оплавленному слитку?

— Может, у каждого есть свой Бог, — примиренчески заметил Сидящий Конь.

— Ты предполагаешь, что у каждого существа во Вселенной есть собственный Бог? — полюбопытствовал Бейке.

— Разумеется, нет, — ответил Сидящий Конь. — Неистовый Бык и я поклоняемся одному Богу.

— Этот Бог — мужчина или женщина? — спросил Билли Карма.

— Не думаю, что это важно, — ответил Сидящий Конь.

— Но, чтобы удовлетворить твое любопытство, скажу, у Нее действительно большие сиськи, — добавил Неистовый Бык.

— Это святотатство! — проревел преподобный.

— Ты не думаешь, что у Бога есть груди? — спросила Киборг де Мило.

— Черт, да нет же! Более того, у него член, как у жеребца.

— И эти слова тебе не кажутся святотатством? — удивилась Киборг.

— Разумеется, нет. Бог создал мужчину по своему образу. Черт, я и Бог можем сойти за близнецов!

— Я уверен, что вот это включать в книгу не надо, — сказал Бейкер Барду. — Прочитав эти слова, никто не будет читать остальное.

— Я еще ничего не включил, — ответил Бард. — Но, полагаю, пора начинать. — Он повернулся к Киборгу де Мило. — Так ты убила шестьсот пришельцев?

— Да.

— Расскажи мне об этом.

— Хорошо. Я убила шестьсот пришельцев.

— И все?

Она кивнула:

— И все.

— Получится очень уж короткая глава.

— Мое дело — убивать врагов, а не хвастать.

Бард вздохнул.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но никто не узнает, что их убила ты.

— Что мне до этого? — Киборг пожала плечами.

— Речь идет о твоем бессмертии. Для этого и пишется история. Она показывает, что ты жила, что ты оставила отметку на тропах времени.

— Я знаю, что жила.

— Но больше никто об этом не узнает.

— Как только я умру, что это изменит? — спросила Киборг.

— Это единственный способ гарантировать, что тебя не забудут, что память о тебе будет жить в песнях и словах.

— Но мне от этого какая польза?

— Правильно, — поддержал ее преподобный Билли Карма. — Она отправится в хорошее место или в плохое, но в любом случае ей будет обеспечено бессмертие.

— Но если этих мест не существует, тогда вот это... — Бард постучал пальцем по блокноту, — для нее единственная возможность обессмертить себя.

— Придержи язык! — рявкнул Билли Карма. — Бог не изобретал бы секс, если б не хотел дать нам намек, что нас ждет, если мы будем вести добропорядочную жизнь.

— Ты думаешь, небеса — это сплошной секс? — спросила Мать Земля.

— А что же еще? — удивился преподобный. — Потому они и называются небесами.

— Почему бы тебе не присесть и не обсудить этот вопрос с Богом? — спросила она. — Или с хорошим психиатром?

— Нет нужды, — ответил Билли Карма. — Это самоочевидно.

— Не знаю, интересуют ли меня ваши виды бессмертия. — Киборг де Мило осушила стакан, махнула Регги рукой, чтобы тот вновь его наполнил.

— Хорошо, — смирился Бард, — если ты хочешь, чтобы тебя помнили, пусть так и будет. — Он повернулся к Максу. — Ты был на той же планете, так?

— Генрихе V, да.

— Хочешь рассказать об этом?

— Эти воспоминания по-прежнему причиняют боль, но, черт побери, почему нет?

МАКС ТРИ СТВОЛА НАХОДИТ ДРУГА

Случилось это после того, как моими стараниями город больше не представлял для Венеры никакой опасности (начал Макс, тогда как Киборг де Мило пренебрежительно хмыкнула). Я посадил корабль в нескольких сотнях миль, с тем чтобы собственноручно уничтожить находившуюся там небольшую армию пришельцев.

Но прежде чем сразиться с ними, решил подкрепиться, поскольку бой в городе отнял у меня немало калорий. Я сидел у корабля, поджаривал на костре несколько стейков, достаточно далеко от пришельцев, чтобы их датчики могли засечь меня, когда мне между лопаток уперлось дуло глушака.

— Подними руки. — По сильному акценту я понял, что голос принадлежит одному из пришельцев.

— Если я подниму руки, стейки сгорят, — ответил я, не поворачиваясь.

— И что? — спросил пришелец.

— Если ты все равно собираешься меня убить, не имеет значения, что я буду делать со своими руками... а если убивать не собираешься, сжечь стейки — это преступление.

— Я об этом как-то не подумал, — признал он, обошел костер с другой стороны, держа меня на мушке. Похоже, никак не мог решить, что ему со мной делать.

— Если ты не собираешься меня убивать, то можешь составить мне компанию, — предложил я. — Еды хватит на двоих.

— Я не возражаю. — Он взял тарелку и скрестив ноги сел у костра. — День выдался долгим, а я не ел с рассвета.

— У тебя есть имя? — спросил я.

— Стихоплет, — ответил он. — А ты кто?

— Макс.

— У меня такое ощущение, что рук у тебя больше, чем у обычного человека.

— Никогда не считал это недостатком, — ответил я.

— Любопытно. Из того, что я узнал о вашем обществе, вытекает следующее: столь значительное отличие превращает тебя в выродка, которого все отторгают.

— Да что ты знаешь о нашем обществе? — возмутился я.

— Я прочитал все книги и просмотрел все образовательные голофильмы. Особенно отвратительным я нахожу ваш обычай есть новорожденных младенцев.

— Впервые слышу о том, что люди едят детей, — удивился я.

— Полагаю, это тайный ритуал, — сочувственно пояснил он.

— У меня складывается впечатление, что ты — жертва ложной доктрины.

— Ложной доктрины? — переспросил он.

— Пропаганды.

— Но я видел голофильмы!

— Ты видел чудеса компьютерной анимации и спецэффектов, — безапелляционно заявил я.

Он ответил долгим взглядом.

— Ну, не знаю, — наконец вырвалось у него.

— Ты видел голофильмы, в которых люди поджаривали или варили младенцев?

— Нет, ели их сырыми.

— То-то и оно. Я — живое свидетельство, что люди всегда готовят пищу.

— Да, пожалуй. Ты и представить себе не можешь, как я рад.

— Почему?

— Я — не воин, — признался он. — Поэт. Пошел в армию, лишь узнав, что вы проделываете со своими младенцами. Думаю, теперь я вернусь домой и закончу работу над первым сборником стихов. Мой конек — нерифмованный гекзаметр.

— Почему ты думаешь, что они тебя отпустят?

— Почему нет? От поэта пользы им никакой. — Он помолчал, потом печально продолжил: — Собственно, им нет пользы от любого, кто не убивает, калечит, пытает.

— Может, тебе стоит подумать о том, чтобы перейти на нашу сторону? — спросил я.

— Не могу. Люди презирают всех, кто отличается от них.

— Опять пропаганда. — Я покачал головой. — В нескольких милях отсюда находится женщина-киборг, у которой в пальцах огневой мощи больше, чем у многих боевых звездолетов. У нее искусственные глаза и по окончании войны она, возможно, заменит настоящие ноги на протезы. Тем не менее она сражается на нашей стороне. И не стала бы этого делать, если бы мы третировали ее, не так ли?

— Да, — согласился он. — Полагаю, не стала бы.

— Безусловно. Может, я должен познакомить тебя с нашей версией истории человечества?

— У меня есть вся ночь.

Вот я и рассказал, как Томас Джефферсон* написал Magna Carta**, папа Иоанн XXIII освободил марсианские колонии и, как мог, процитировал «Геттисбергское послание»*** Бейба Рута****. Вскоре он начал засыпать меня вопросами, и мы проговорили до утра.

А когда над Генрихом V взошло солнце, он потянулся ко мне, пожал руку и объявил, что ему с детства промывали мозги, но уж оставшуюся жизнь он посвятит борьбе за свободу, равенство, капитализм и другие высшие ценности.

Два дня мы провели вместе, стараясь лучше узнать друг друга. Он читал мне свои стихи, в которых не было рифмы, но чувствовался напор и, конечно, талант. Я рассказывал

* Джефферсон, Томас (1743—1826), 3-й президент США (1801—1809), один из отцов-основателей страны. Далее автор нарочито все путает, поскольку дело происходит в далеком будущем, с высоты которого события прошлого заметно перемешиваются.

** Magna Carta — Великая хартия вольностей в Англии (1215).

*** «Геттисбергское послание» — короткая (268 слов и 10 предложений), но самая знаменитая речь президента Линкольна, произнесенная 19 ноября 1863 г. на открытии национального кладбища в Геттисберге. Полностью высечена на пьедестале памятника Линкольну в Вашингтоне.

**** Рут, Джордж Герман («Бейб») (1895—1948) — легендарный бейсболист.

ему, как функционирует свободное общество, и почему мы, жители Пограничья, не платим налоги, не участвуем в выборах и не проводим много времени за изучением уголовного кодекса.

— Но, если вы добровольно отказываетесь от права участвовать в голосовании, почему вы сражаетесь за Содружество? — спросил он.

— Я не сражаюсь за Содружество или Монархию, как ни назови, — ответил я. — Я сражаюсь потому, что вы вторглись на Генрихи, а именно здесь я могу хорошо провести время за выпивкой.

Он нахмурился, насколько представитель его вида мог хмуриться, и попытался зайти с другой стороны.

— Как государство может выжить, если все убегут в Пограничье и перестанут платить налоги?

Я мог бы объяснить, что выход очень простой: покорить еще несколько цивилизаций и обложить их налогами по самое не хочу, но почувствовал, что такое объяснение не покажется убедительным. Поэтому сказал, что на одного смельчака, решающегося улететь в Пограничье, приходятся миллионы, остающиеся дома.

— Логика проста, — добавил я. — Если б образовался недостаток налогоплательщиков, они бы или присоединили к Содружеству часть Пограничья, или увеличили бы налоги.

— Разумно.

— Да... если только не тебе приходится платить повышенный налог.

— А если тебе?

Я пожал плечами.

— Тогда ты отправляешься в Пограничье, возможно, открываешь планету-другую, которые государство в конце концов прибирает к рукам. Вот так галактика и становится цивилизованной.

— И этот процесс бесконечен! — воскликнул Стихоплет. — Всегда найдутся недовольные, но ваша цивилизация организована такие образом, что недовольство ведет к экспансии, которая приводит к усилению давления государства, что результируется в появлении новых недовольных и новой экс-

пансии... — Он помолчал. — В такой ситуации пройдет не так уж много времени, прежде чем человечество освоит Андромеду и другие соседние галактики.

— Ты находишь сие угрожающим? — спросил я.

— Я нахожу сие захватывающим!

— Твоя цивилизация не знакома с Манифестом судьбы?

Он не знал, что означает это понятие, и я ему объяснил.

— Как это красиво, Манифест судьбы! — воскликнул он. — Мне нравится. Мои соотечественники думают только о том, как бы захватить одну-другую звездные системы да пролить побольше крови. Их устремления не идут ни в какое сравнение с грандиозностью ваших.

Короче, он решил лететь в «Аванпост» и просить политического убежища. Я ему сказал, что здесь нет никого, кто может предоставить ему такое убежище, за этим надо лететь в Монархию и разыскивать одно из государственных ведомств, которые занимаются дезертирами. А с учетом количества государственных ведомств, на поиски могут уйти две жизни. Вот я и убедил его отправиться в «Аванпост» лишь для того, чтобы привыкнуть к людям, свободе и раннему капитализму на первых стадиях его развития.

Мы решили отбыть ранним утром, но, когда я жарил яичницу, чтобы подкрепиться перед отлетом, нас окружили соотечественники Стихоплета.

— Сматываемся отсюда! — крикнул я, бросаясь к кораблю.

— Берегись, Макс! — раздалось в ответ.

Я оглянулся и увидел пришельца, который целился в меня из пульсатора. Я понял, что жить мне осталось доли секунды, но, когда он выстрелил, Стихоплет заслонил меня собой, и предназначенный мне энергетический заряд угодил в него.

Тут я, признаюсь, обезумел. Уложил пришельца выстрелом из глушака, а потом с пистолетом в каждой руке двинулся на остальных, крича, чтобы они выползали из-за укрытий и схватились со мной. Пара дюжин выползли, и я их убил, не обращая внимания на легкие ранения, без которых, увы, не обошлось. Перебив всех, я вернулся к кораблю и похоронил Стихоплета как человека.

Он был моим другом, возможно, лучшим из всех. Знает Бог, внешность у него была не очень, и стихов, которые он сочинял, я не понимал, но он подставил грудь под выстрел, предназначавшийся мне, а на такое люди не способны.

Мать Земля вытерла слезу.

— Я думаю, это прекрасно.

— Я тоже, — присоединилась к ней Киборг де Мило. — Но, когда я, очистив город, попала в тот военный лагерь, мне не попались две дюжины трупов.

— Возможно, оставшиеся в живых похоронили их, — ответил Макс. — А может, они разложились под солнечным светом.

— Те шестьсот, которых я убила в городе, не разложились, — сухо заметила Киборг де Мило.

— Послушай, это моя история! — рявкнул Макс. — Если ты ей не веришь, дело твое!

Киборг де Мило пожала плечами.

— Мне без разницы, что ты болтаешь.

Макс повернулся к Барду.

— Ну? Ты ее используешь?

— В отсутствие противоречащего варианта выбора у меня нет. А кроме того, Стихоплет — украшение книги.

— Какое там украшение! Он был страшен, как смертный грех... и при этом показал себя самым верным другом.

— Разве можно требовать от друга большего? — задал Бард риторический вопрос.

— Уверен, что нет, — твердо заявил Макс.

В зал вошли Большой Рыжий и Могильщик Гейнс.

— Макс как раз закончил рассказ, — уведомил их Бард.

— Уж не знаю, как мы это переживем, — буркнул Гейнс. — Два пива, Рег.

Они направились к стойке.

— Война завершена? — спросил меня Большой Рыжий.

— Похоже на то, — ответил я.

— Мы победили?

— Насколько мне известно.

— Что ж, значит, оно того стоило.

— Ты про что?

— Про то, что мне пришлось сделать, чтобы вырваться с Генриха IV.

— Ты собираешься рассказать нам об этом? — спросил я.

— Пусть кто-нибудь попробует его остановить, — ввернул Макс.

— У меня пересохло в горле, так что сначала надо его промочить. — Большой Рыжий поднес к губам большущую кружку пива и осушил одним глотком. Вытер рот рукавом. — Да, вот чего мне недоставало!

— Если это все, чего тебе недоставало, у тебя серьезные проблемы, сын мой, — подал голос преподобный Билли Карма.

— Не все же мы зациклены на сексе, как ты, преподобный, — ответил Большой Рыжий.

— Конечно же, все, — возразил тот. — Только некоторые честнее и откровеннее других.

— Любопытно, а у Бога не возникало сомнений в том, что именно ты должен Его представлять? — спросил Могильщик.

— Никогда. — Преподобный Билли Карма поднял золотую кисть, сложил указательный и средний пальцы. — Я и Бог — два сапога пара.

— Должно быть, это утешает, — покивал Могильщик.

— Во всяком случае, успокаивает, если иной раз тебе отказывают в сексе.

— Иной раз? — Золушка рассмеялась.

— Жены ваши в церквах да молчат*! — процитировал Билли Карма.

— На случай, если ты этого не заметил, здесь не церковь, — заметила Золушка.

— Если я здесь — церковь.

— Он хочет, чтобы женщины молчали, с тем чтобы они не сказали ему «нет», — вставил Макс.

— Будь я проклят! — вскричал Билли Карма. — Знаешь, я как-то об этом не подумал!

— Меня это не удивляет, — пожал плечами Макс.

---

* Первое послание к Коринфянам, 14:34.

— Так ты собираешься рассказать нам, как тебе удалось покинуть Генрих IV? — спросила Большого Рыжего Мать Земля.

— Когда остальные перестанут болтать, — ответил он.

— Тебе придется дожидаться вечность, — хмыкнул Катастрофа Бейкер. — Начинай рассказывать, и все разговоры смолкнут.

— Ладно, — кивнул Большой Рыжий. — Пожалуй, начну.

МАТЧ ПО РЕСТЛИНГУ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬЮ В СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ЧАСА

Признаюсь честно (начал Большой Рыжий), первые два дня на Генрихе IV прошли очень даже неплохо. Я знал, что Ураган Смит и его дама тоже на планете, сражаются в нескольких тысячах миль от того места, где находился я, и отвлекают на себя основные силы.

Мой метод борьбы оказался достаточно эффективным. Глубокой ночью я подкрадывался к ним сзади и убивал ударом ножа, прежде чем они успевали сообразить, что происходит. Я мог бы продолжать в том же духе еще несколько недель, но мой нож наткнулся на что-то металлическое, может, патронташ, и лезвие со звоном переломилось. Но, разумеется, еще громче завопил пришелец. В мгновение ока меня окружили и взяли на мушку десяток солдат.

— Вот кто убивал нас! — воскликнул их командир. — Он мне нужен живым!

Я выждал несколько секунд, чтобы его приказ дошел до солдат, решил, что убивать меня не станут, солдаты обычно слушаются командира, и бросился на ближайшего. Я, конечно, не Катастрофа Бейкер, но тоже могу постоять за себя. В общем, многих я разметал, прежде чем удар приклада лазерной винтовки по затылку не отправил меня в небытие.

Очнулся я в сырой подземной темнице, прикованный за одну руку к стене. У другой стены увидел другого человека, также прикованного за руку.

— Как самочувствие? — спросил он меня.

— Бывало и получше, — ответил я. — Где мы?

— Под ареной.

— У них есть арена? — удивился я. — На спортсменов они не похожи.

— Ее построили в стародавние времена, — пояснил мой собрат по несчастью. — Но наши тюремщики нашли ей применение.

Его лицо показалось мне знакомым, я пригляделся и вспомнил, где я его видел.

— Эй, ты же Спинолом Барнс, не так ли?

— Да, это я.

— Пару раз видел тебе в деле. До сих пор помню, как ты размазал по полу Мучителя Мейера.

— Один из моих лучших боев, — улыбнулся он.

— Несколько минут он держался с тобой на равных, — вспомнил я. — А потом ты просто озверел.

— Этот сукин сын позволил себе сказать пару слов о моей матери, вот я и вышел из себя.

— Оскорбил ее?

— Нет, — ответил Барнс. — Сказал, что она умная, симпатичная и прекрасно готовит. — Его перекосило. — Я *ненавидел* свою мать.

— Да, сразу понял, что он сболтнул лишнее.

Он всмотрелся в меня.

— Кажется, я тоже тебя знаю. Уж не ты ли играл против Макферсона Железной Руки.

— Это было так давно, — ответил я.

— Я все помню, словно игра проходила вчера. Ты... черт, вот имя вылетело из головы.

— Распутин Раскольников Секретариат Ленин Военачальник Троцкий к твоим услугам. Можешь звать меня Большой Рыжий.

— Большой Рыжий! — повторил он. — Именно так. Не понимаю, как ты запомнил свое настоящее имя.

— Признаюсь тебе, я положил на это семь лет.

— Так вот, Большой Рыжий, мне бы хотелось сказать, что я рад нашей встрече, но, по правде говоря, я сожалею о том, что тебя взяли в плен.

— Я тоже. Но по крайней мере у нас есть возможность поговорить.

— Увы, долго нам говорить не придется.

— Как так?

Он печально покачал головой.

— К сожалению, одному из нас придется убить другого.

— Почему? Я на тебя не злюсь, да и ты, похоже, не сердит на меня.

— Я не об этом. Пришельцы развлекаются, выводя нас на арену и заставляя биться друг с другом.

— А если мы откажемся?

— Тогда они убьют нас обоих.

— И давно это продолжается? — спросил я.

— Две недели. Точнее, шестнадцать дней.

— С чего такая уверенность?

— Потому что здесь сидело семнадцать человек.

— И ты убивал по одному в день?

— А что мне оставалось? Если б не я, их убили бы пришельцы. Зато я жив и остается шанс, пусть и очень маленький, что придет день, когда я смогу им отомстить.

— А если один из участников прикинется мертвым?

— Они бросают тело в реку, которая течет через город. В ней полным-полно хищных рыб, которые сжирают плоть с костей. Если тебя бросят живым, через десять секунд ты все равно умрешь.

— Понятно.

— Я постараюсь, чтобы ты умер быстро и без боли, — пообещал он мне.

— Спасибо за заботу. Но я-то сам хотел обеспечить тебе быструю и безболезненную смерть.

— Мне? — Он рассмеялся. — Я же Спинолом Барнс.

— А я — Большой Рыжий. — И уже хотел расхохотаться, как и он, откинув голову, но подумал, что пользы от этого не будет, поэтому продолжал смотреть ему в глаза.

— Послушай, — прервал он паузу, — если мы затеем борьбу, я не смогу убить тебя сразу. Мне придется сломать тебе руку или ногу, может, и ребра, применив медвежий захват.

Будет проще, если ты позволишь сразу свернуть тебе шею. Клянусь, я буду всегда чтить твою память.

— Не то чтобы я не хочу уважить тебя, Спинолом, — ответил я. — Но я — спортсмен. Меня учили выступать на арене в полную силу. Зрители заплатили за билеты и того заслуживают.

— У нас не будет зрителей, заплативших за билеты. Только безбожные пришельцы.

— Все равно, я не могу их разочаровать.

— Что ж, решение ты принял сам.

— А если ты почувствуешь, что слабеешь, — продолжил я, — дай мне знать, и я постараюсь, чтобы бой закончился для тебя безболезненно, насколько это будет возможно.

— Что ты знаешь о смертельных ударах? — пренебрежительно спросил он.

— Я учусь быстро. Особенно, если на карту поставлена моя жизнь.

— Ты когда-нибудь участвовал в боях без правил, профессиональных или в колледже?

— Нет, — ответил я. — Пару семестров занимался рестлингом, чтобы поддерживать форму в межсезонье.

— Да? — внезапно он улыбнулся. — Знаешь, может, нам удастся устроить для этих мерзавцев настоящее шоу?

— Ты это о чем?

— Если мы начнем бросать другу друга на ринге и применять захваты, которые так нравятся зрителям, может, они захотят продолжения, а какое может быть продолжение, если один из нас умрет?

— Черт, а ведь действительно стоит попробовать, — согласился я. — Все лучше, чем пытаться убить друг друга.

— Жаль, что мы прикованы к стене, — вздохнул Барнс, — а не то могли бы потренироваться.

— Но мы можем все обговорить, — заметил я. — Ты понимаешь, разработать сценарий, чтобы знать, кто кого и когда бросает.

— Почему нет?

И мы занялись сценарием, обговорили каждое движение, каждый бросок, каждый захват. Мы не хотели причинять

друг другу вреда, поэтому придумали, что надо делать, чтобы пришельцам казалось, будто мы вырываем друг другу глаза или колотим соперника головой о металлическую стойку, тогда как на самом деле мы лишь имитировали поединок.

Мы решили, что сможем проделывать все это час или два, тогда как настоящая схватка закончилась бы гораздо раньше. И пришли к выводу, что пришельцам это зрелище очень понравится, а потому они настоят на втором поединке, то есть в этот день оба участника покинут арену живыми.

Что ж, они накормили нас обедом, добровольно такую еду есть не будешь, но все лучше, чем пустой желудок, а потом мы немного поспали. Наступило утром, с нас сняли цепи и по длинному пандусу вывели на огромную арену, где уже собрались зрители, тысяча с небольшим пришельцев.

Один из них вышел на середину ринга (я зову эту площадку рингом, хотя она находилась на уровне земли и никаких канатов не было и в помине), поднял руку, призывая толпу успокоиться.

— Оружия у вас нет, следовательно, нет и правил. Выживший отправится обратно в камеру. — Он попятился. — Пусть победит сильнейший!

Я бросился на Барнса и позволил ему перебросить меня через себя. Пришельцы никогда такого не видели и разразились одобрительными криками.

Я поднялся, сблизился с ним и кинул через бедро. Он пролетел через весь ринг и зрители взвыли от восторга.

Примерно час мы по очереди бросали друг друга. Если уставали, один из нас ухватывал второго за шею руками или за талию ногами. Мы кричали от боли, которой не чувствовали, а на самом деле получали передышку.

— И как долго мы будет бороться? — спросил я Барнса, когда он прижимал меня к себе медвежьим захватом.

— Понятия не имею, — ответил он. — Им давно пора развести нас по углам.

Но такого желания у них не возникало, так что поединок продолжался. К четвертому часу домашних заготовок у нас не осталось и мы начали импровизировать. Я швырнул его

оземь, и он забился в агонии. Я даже опустился рядом с ним на колени, испугавшись, а не сломал ли ему чего.

— Все нормально, — прошептал он. — Но я понял, если падать раскинув руки и ноги, шуму больше, а зрителям кажется, что от тебя осталось мокрое место.

— Давай попробуем, — шепнул я в ответ.

Он поднялся, вроде бы с огромным трудом, швырнул меня оземь, и оказалось, что он абсолютно прав, так что следующие полчаса мы поочередно летели на ринг.

Но зрителям это наскучило, вот и пришлось изобретать новые приемы. С выдумкой у нас обоих все было в порядке, и мы так увлеклись, что и не заметили, как наступило новое утро, то есть боролись мы уже двадцать четыре часа.

— Как ты? — спросил он, в очередной раз зажав мне голову под мышкой.

— Проголодался, — ответил я.

— Ну, если мы с тобой проголодались, значит, они тоже проголодались. Ничего, мы их пересидим.

Мы боролись еще одни сутки, и вот тут зрители уже начали выказывать нетерпение, как от голода, так и от желания справить нужду. Но они настолько увлеклись поединком, что некоторые из них, когда после броска Барнса я оказался во втором ряду, стали молотить меня кулаками и колоть острыми предметами, так что я поспешил вернуться на ринг.

— Они меня ненавидят! — прошептал я ему, когда мы «намертво» зажали друг друга.

— Половина освистала меня, когда я выбросил тебя за пределы ринга, — ответил он.

— Правда? — удивился я. — Давай я выброшу тебя и поглядим, что получится.

Я выбросил, и половина зрителей, которые не трогали меня, принялись колотить Барнса.

— Знаешь, — сказал я ему, когда он вернулся на ринг и мы прикидывались, что очень хотим оттоптать пальцы друг другу, — вид спорта, который мы придумали, несет в себе огромный потенциал. Я думаю, эти пришельцы предпочли бы наблюдать за нами, а не воевать.

— В твоих словах что-то есть. — Он схватил меня за ногу и вывернул ее. Пока я падал, добавил: — Как я понимаю, мы уже боремся двое с половиной суток. Не знаю, как ты, а мне скоро захочется отлить.

— Не думаю, что они позволят нам покинуть арену. — Я сделал вид, будто втыкаю большой палец ему в глаз.

— Не спросив, не узнаешь, — ответил он и, шатаясь, направился к пришельцу, который открывал поединок. Что-то ему сказал, тот задумался, потом вышел на ринг.

— Объявляется десятиминутный перерыв, чтобы участники поединка могли перекусить.

И нас отвели в подземную тюрьму.

— Насчет еды я ему ничего не говорил! — пожаловался Барнс.

— Знаю, — ответил я, — но он, возможно, не хотел объявлять во всеуслышание, что останавливает поединок, чтобы ты смог облегчиться.

Десять минут истекли, и мы вновь «набросились» друг на друга. Но я знал, что долго мы не протянем, потому что не могли придумать ничего нового и едва не падали с ног от недосыпа.

Мы «сражались» друг с другом семьдесят два часа, когда я рухнул после удара Барнса, хотя его кулак прошел в двух дюймах от моей головы. Он присел рядом со мной и сделал вид, что метелит меня кулаками.

— Ты переигрываешь, — предупредил он меня. — В первых двух рядах видели, что я промазал.

— Черт, да меня может сбить с ног дуновение воздуха от твоего удара, — ответил я. — Не знаю, сколько я еще смогу бороться, Спинолом. Может, тебе лучше прямо сейчас сломать мне шею.

— Мы начали вместе, вместе и закончим, — ответил он. Огляделся. — У меня идея.

— Какая?

— Видишь большой ящик у дальней стены?

— И что?

— Думаю, в нем силовой щиток, с которого подается энергия на лампы. Как насчет того, что я брошу тебя в

толпу, а ты, поднимаясь, позаимствуешь у зрителей лучевик или бластер и разнесешь этот ящик? В суматохе мы могли бы сбежать.

— И как далеко смогут убежать двое безоружных людей на планете, контролируемой пришельцами? — спросил я, «врезав» ему коленом в живот.

— Под ареной проложено множество туннелей, — ответил он. — Один ведет за городские стены и выходит на поверхность неподалеку от того места, где ты оставил свой корабль.

— Может сработать, — согласился я.

Что ж, он схватил меня одной рукой за волосы, второй за пояс, высоко поднял над головой и зашвырнул в толпу. Я приземлился на зрителей третьего ряда, а пока поднимался на ноги, вытащил из чьей-то кобуры лучевик.

Выстрелил в ящик у дальней стены, и арена погрузилась во мрак. И тут же пальцы Барнса сжали мое запястье и потащили налево.

— Сюда! — прошептал он.

Я последовал за ним, и минутой позже мы уже бежали по подземному коридору. Некоторые из пришельцев попытались нас преследовать, но после семидесяти трех часов, проведенных у ринга, догнать уже не смогли.

Мы прибежали к моему кораблю, и вот я здесь.

— А где же Спинолом Барнс? — спросил Макс. — Я думал, вы оба серьезно займетесь рестлингом, благо спрос на такое зрелище есть.

— Он сказал, что в рестлинге больше искусства, чем спорта, его прельщают лавры атлета, а не актера, поэтому наши пути разошлись, — пояснил Большой Рыжий. — Но я думаю, что на рестлинге можно заработать большие деньги, и займусь им, как только найду подходящего напарника. — Он посмотрел на Катастрофу Бейкера. — Как насчет тебя?

— Я чувствую, что моего старого тела еще хватит на несколько лет подвигов, — ответил Бейкер, — но спасибо за предложение. Я его рассмотрю, как только мне надоест спасать невинных дев от всяческих напастей.

— Ты действительно думаешь, что люди будут тратить деньги на псевдопоединки вроде рестлинга? — спросил Могильщик.

— Конечно, почему нет?

— Но рано или поздно они поймут, что это все игра.

— Слушай, люди платят деньги, чтобы пойти в театр, не так ли? Или ты хочешь сказать мне, что они действительно думают, будто перед ними Гамлет?

— Это не одно и то же.

— Тут ты прав. Если ходить на пьесу два дня подряд, во второй день ты будешь точно знать, что за чем ты увидишь. Но два поединка по рестлингу будут отличаться как небо и земля.

— Что ж, может, инопланетяне и заплатят за это кувыркание, но люди — нет, — стоял на своем Могильщик.

— По моему разумению, — подала голос Мать Земля, — провести людей куда проще, чем кого бы то ни было.

— Истину говоришь, — поддержала ее Золушка.

— Кого тут собрались провести? — полюбопытствовал Ставлю-Планету О'Грейди, входя в зал.

— Рег, налей ему стакан, — распорядился я. — Как все прошло?

— Не так, чтобы плохо, — ответил О'Грейди, направляясь к бару.

— Ты кого-нибудь провел или провели тебя? — скучающим голосом спросил Макс.

— Сегодня мы только и говорим о том, кто кого провел?

— Некоторые просто пьют и надеются, что остальные не будут докучать им пустой болтовней, — ответил Макс.

— Напрасно пришелец подставился под выстрел, предназначенный тебе, — фыркнул преподобный Билли Карма. — Ни один человек не повел бы себя так глупо.

— Иногда я задаюсь вопросом, а до чего же в своей глупости могут дойти люди. — Макс в упор смотрел на Билли Карму, который быстренько вытащил Книгу Добра, раскрыл и уткнулся в нее.

— А у тебя, похоже, есть что рассказать насчет того, кто кого провел? — спросил Катастрофа Бейкер Ставлю-Планету О'Грейди.

— Сколько угодно.

— Может, поделишься с нами?

— Как насчет самого последнего случая?

— Действительно. — Бейкер откинулся на спинку стула. — С какого же еще начинать?

ВЕЧЕР, КОГДА СТАВЛЮ-ПЛАНЕТУ О'ГРЕЙДИ ВСТРЕТИЛСЯ С НИКОМ ГРЕКОМ

— Ты шутишь, не так ли? — загоготал Макс.

— Что-то ты очень рано начал прерывать рассказчика, а? — В голосе Катастрофы Бейкера явственно слышались угрожающие нотки, и Макс тут же заткнулся.

Я не очень-то любил добрую драку и когда был на тридцать лет моложе и на сто фунтов легче (вновь заговорил О'Грейди). Это не мой стиль.

Поэтому, когда мы все покинули «Аванпост», чтобы вступить в бой с пришельцами, я решил встретиться с ними на наиболее близком и знакомом мне поле боя — за карточным столом.

Дал им знать, что готов сразиться с их лучшим игроком в казино Моцарта II. Эта планета находится так далеко от зоны боевых действий, что там нам не могли помешать ни бомбы, ни ракеты.

Я прибыл чуть раньше, проверил, все ли в порядке, и стал дожидаться моего оппонента. Он показался два часа спустя, в сопровождении трех телохранителей. Я не мог произнести его имя, поэтому он позволил звать его, как мне захочется, и я, естественно, окрестил его Ником Греком, решив, что с более достойным соперником мне уже никогда не встретиться.

Мы сели за стол, началась игра, я уговорил его на открытый покер, но этот мерзавец где-то прослышал о моем трюке и настоял на том, что первым карты будет набирать он.

* * *

— И что стояло на кону? — прервал его Бард.

— Он поставил все свои деньги и пообещал вывести солдат с Кэтрин де Валуа, а я поставил все свои деньги плюс принадлежащие мне планеты, разумеется, на тот момент у меня не было ни одной, и согласился в случае проигрыша просидеть всю войну в одной из их тюрем.

— Ты просидел всю войну в тюрьме?

— Не совсем.

Видите ли (продолжил О'Грейди), Ник Грек страшно разозлился, узнав, что никакими планетами я не владею. Он продолжал обвинять меня во лжи, тогда как я снова и снова указывал, что не лгал, а всего лишь неправильно оценил свои активы. Он, к сожалению, так и не смог уловить разницы.

Я видел, что результат совершенно его не радует, лихорадочно пытался найти, на что бы еще сыграть, и внезапно вспомнил, что мне принадлежат два казино во Внешнем Пограничье и одно — в Спиральном Рукаве. Я не бывал там многие годы, но документы лежали в сейфе моего корабля, вот я и решил уговорить его еще на одну партию.

— Во что будем играть на этот раз? — спросил он, и по голосу чувствовалось, что уверенности ему не занимать. Он не сомневался, что я опять попытаюсь провернуть знакомый ему трюк.

— Значит, так, — начал я. — Мы берем новую колоду. Я к ней не прикасаюсь. Ты тасуешь ее, пока не надоест.

— Что потом?

— Кладешь ее между нами и мы начинаем брать карты, по одной. Я ставлю на то, что ты откроешь фигурную карту раньше меня. — Я выдержал паузу, чтобы он уяснил смысл моих слов, потом добавил: — Ставлю три казино и корабль против всех твоих денег.

— Но это игра на удачу. — Мое предложение его разочаровало. — Почему бы просто не бросить монетку и покончить с этим?

— С монеткой я могу и не выиграть, — ответил я. — В карты не могу проиграть.

— Ты проиграл пятью минутами раньше, — указал он.

— Только потому, что пытался провести тебя. Это неэтично, и я получил по заслугам. А здесь будет честная игра.

— Что-то твоя идея меня не заинтересовала, — ответил он. — Я уже выиграл все твои деньги. Какой смысл мне ими рисковать?

— Ладно, я увеличу ставку.

Я успел заметить улыбку, мелькнувшую на лице пришельца, прежде чем оно превратилось в непроницаемую маску, и понял, что он у меня на крючке.

— У тебя больше нет денег. Что еще ты можешь поставить на кон?

— Скажи мне, чего бы тебе хотелось.

— Ладно, я поставлю все, что у меня есть, против упомянутой тобой ставки... с одним добавлением. Если я выиграю, ты поможешь мне убить всех в «Аванпосте» и в суде подтвердишь мое право собственности на это заведение.

— Заметано, — ответил я.

— Что значит — *заметано?* — взревел я. — Ты согласился убить меня, Барда и, возможно, Эйнштейна?

— Я же собирался провести его, — улыбнулся О'Грейди. — Вы все знаете поговорку, что честного человека надуть невозможно. С инопланетянами она справедлива вдвойне.

Я наблюдал, как Ник Грек тасует карты (перешел к рассказу О'Грейди), а поскольку умел тасовать не хуже его, то понял, что первой фигурной картой будет валет пик, после которого шла девятка бубен.

— Раз уж в открытом покере я брал карты первым, — сказал Ник Грек, — право начать эту игру принадлежит тебе.

Я видел, что он рассчитывает на мой отказ. Этим я подсказал бы ему, что точно знаю, как лежат карты, а потому он просто не стал бы играть дальше, забрал деньги, а меня упек в военную тюрьму. Поэтому я согласился.

В казино, помимо троих телохранителей пришельца, находилось десятка два людей, пара канфоритов и домирианец. Я подождал, пока они соберутся у нашего стола, объяснил им, как и на что играем, вскрыл первую карту, тройку, и положил перед собой.

Ник вскрыл шестерку. Я вскрыл еще одну тройку, Ник — восьмерку, я — двойку, он — пятерку, я — десятку, он — четверку.

И он и я знали, что следующая карта — валет. Я ее взял, приподнял, чтобы взглянуть, и тут же положил перед собой рубашкой вверх.

— Эй, что происходит? — воскликнул Ник.

— Ничего, — ответил я. — Тяни карту.

— А что у тебя?

— Девятка. Твоя очередь.

— Я тебе не верю. — Ник потянулся через стол и перевернул валета картинкой вверх. — *Ага!* — торжествующе воскликнул он.

Я повернулся к ближайшему зрителю.

— Что он только что сделал?

— Он открыл валета пик, — ответил мужчина.

— Что ты видел? — спросил я другого.

— То же самое. Он вскрыл твоего валета.

— А на что я ставил?

— На то, что он вытащит фигурную карту раньше тебя.

— Нет! — возразил я. — Я ставил на то, что он откроет фигурную карту раньше меня. Так и вышло.

Ник, конечно, поднял шум, но на моей стороне было двадцать человек, все с оружием, и его трое телохранителей, конечно же, не могли им противостоять. Поэтому, потратив полчаса, чтобы найти хоть одного, кто подтвердит, что его провели (а так, собственно, и было), он расплатился и в ярости отбыл.

Что же касается меня, я проиграл все, что выиграл у него, и вернулся, чтобы узнать, как идет война. Можете представить себе мое разочарование, когда я узнал, что она закончилась до того, как я смог сделать ставку на ее исход.

* * *

— Потрясающе! — вырвалось у Барда, который лихорадочно заполнял страницу за страницей.

— Слушай, я не хочу, чтобы этот трюк стал широко известен до моей смерти. Я чуть не потерял все, потому что они узнали про открытый покер. На этом трюке я рассчитываю хорошенько заработать.

— Люди, которые купят книгу Вилли, едва ли сядут с тобой за карточный стол, — хмыкнул Макс.

— Все равно, я хочу, чтобы до моей смерти эти сведения хранились в тайне.

— Мы можем тебя убить, — предложил Макс, — и все разрешится наилучшим образом.

— Я никак не могу понять, а чего мы участвовали в этой войне? — ответил О'Грейди. — Я не разбогател, ты не стал более приятным собеседником.

— Время от времени надо выпускать пар, — объяснил необходимость войны Катастрофа Бейкер.

— Но есть же и другие способы, — возразил преподобный Билли Карма. — Потому-то Бог и создал два пола.

— Тебе бы еще раз заглянуть в учебники по биологии, преподобный, — посоветовал ему Большой Рыжий. — Там черным по белому написано, что есть планеты, где Бог создал пять полов.

— Неужто ты в это веришь? — спросил Билли Карма.

— Я на них бывал.

— Да? На днях я общался с Богом на эту тему, так Он говорит, что создал два и на этом остановился. Если где-то и больше полов, то остальные созданы дьяволом, чтобы запутать тебя.

— Если ты думаешь, что меня это запутало, тебе надо бы посмотреть на них, — хохотнул Большой Рыжий.

— Может получиться любопытное исследование по групповой динамике, — вставил О'Грейди. — Оставить их одних холодной ночью и... ВАУ!

— В каком смысле, вау? — недоуменно переспросил преподобный Билли Карма.

— ВАУ никак не связано с темой... — О'Грейди замолчал, вытаращившись на вошедшую Силиконовую Карни.

Белоснежный наряд сидел на ней, как вторая кожа, хотя и с первой у нее был полный порядок.

— Никогда не видел тебя в белом, — отметил Макс, когда она продефилировала к пустому столику и села. — Мы подались в девственницы?

— Мы были медсестрой, — ответила она. — По крайней мере до недавнего времени.

— Не знал, что на Генрихах есть госпитали, — удивился я.

— На Элизабет Йоркской был госпиталь пришельцев, — ответила Мать Земля. Повернулась к Силиконовой Карни. — Но я тебя там не видела.

Сие означало, что Карни там не было. Такого зрелища люди не забывали, даже женщины.

— Когда мы все покинули «Аванпост», я рассудила так, — объяснила Силиконовая Карни. — Вы, в большинстве своем, герои и воины, когда как у меня совсем другие таланты.

— Готов под этим подписаться! — воскликнул преподобный Билли Карма.

— В общем, полетела на Траян III, — продолжила она, игнорируя вдохновившегося ее словами преподобного, — где развернули военный госпиталь, и попросилась в медсестры.

— И как у тебя пошли дела? — спросила Мать Земля.

— Поначалу неплохо, — ответила Силиконовая Карни. — Старшая медсестра сказала, что я пробуждала в умирающих желание жить, лишь проходя мимо их кроватей.

Даже Макс, который всегда находил возможность прокомментировать сказанное другим, принял слова Карни как должное. Кивнул, словно бы говоря: «*Естественно, они хотели пожить еще, наконец-то увидев, за что сражались*».

— Так почему ты до сих пор не повышаешь боевой дух наших воинов? — спросил О'Грейди.

— Меня попросили уволиться.

— Кто? — в недоумении спросил Макс.

— Старшая медсестра.

— Почему?

— Восемь остальных медсестер, увидев меня, впали в глубокую депрессию.

— В это легко поверить, — кивнул Макс.

— Что же касается меня, я страшно рад твоему возвращению, — воскликнул О'Грейди.

Аналогичным образом высказались практически все мужчины, потом преподобный заказал выпивку для всех, его примеру последовал Катастрофа Бейкер, Макс, и тот от них не отстал, и я решил, что останусь с немалой прибылью, даже если буду платить Карни за пребывание в «Аванпосте», очень уж мужчины старались произвести на нее впечатление.

Когда Регги развез стаканы и народ уже не так откровенно таращился на прелести Карни, преподобный Билли Карма перебрался за ее столик.

— Как насчет того, чтобы сыграть в карты? — спросил он. — Первый, кто открывает фигурную карту, проигрывает.

— Каковы ставки? — осведомилась Карни.

— Мы что-нибудь придумаем, когда придет время, — пообещал он.

— Что бы он ни предложил, я утраиваю ставку, — вмешался Большой Рыжий.

— А я учетверяю, — тут же откликнулся Макс.

— Почему мне кажется, что результат игры известен заранее? — спросила Силиконовая Карни.

Билли Карма улыбнулся.

— Разве мужчина с таким лицом, как у меня, позволит себе обмануть невинную девушку вроде тебя?

— Еще как! — Она поднялась и пересела за другой столик.

— Между прочим, — подал голос Бард, — во время войны никто не видел Странника Джонса?

— А что? — полюбопытствовал Бейкер.

— Хочется знать о тех, кто упомянут в книге.

— Я его не видел.

— Я тоже, — поддакнул Ураган Смит.

— И я, — покачал головой Большой Рыжий.

— Кстати, а где Аргиль, Адский Огонь ван Винкль? — спросил Никодемий Мейфлауэр.

— Я разговаривал с Аргилем по субпространственному радио аккурат перед тем, как он собирался приземлиться на Генрихе V, — ответил Могильщик. — Потом ничего о нем не слышал.

— Кого еще нет? — спросила Мать Земля.

Я оглядел зал.

— Сахары дель Рио.

— И Маленького Майка Пикассо, — добавил Макс.

— Я ничего не слышала об Ахмеде Альфардском с тех пор, как он посадил свой корабль на Генрихе VIII, — заметила Киборг де Мило.

— Я был на Генрихе VIII, но не видел его. — Могильщик пожал плечами. — С другой стороны, планета большая.

— Я пыталась отговорить его от участия в боевых действиях, — добавила Киборг. — Он не из тех, кто может выжить в любой ситуации.

— Не можем мы все быть героями, — напомнил я.

— Уж не знаю, стоит ли с тобой соглашаться, — покачал головой Большой Рыжий. — Я вот обратил внимание, что около твоего заведения припарковался большущий звездолет пришельцев, аккурат на том месте, где была бы лужайка, расти на Генрихе II трава. И кто-то, похоже, совершил что-то героическое, иначе за стойкой этого бара сейчас стоял бы пришелец.

Я повернулся к Барду.

— Ты хочешь рассказать или рассказывать мне?

— Рассказывай ты, — ответил он. — Мне надо все записать.

— Но ты уже знаешь, что случилось. Ты здесь был. Почему не записал раньше?

— Ничего не случается, пока кто-то не скажет, что так было, — ответил он. — Начинай.

— Это же глупость.

— Это жизнь, — возразил он.

— Вы будете спорить всю ночь или кто-нибудь все-таки расскажет, что произошло? — гаркнул Бейкер.

— Хорошо, хорошо, — кивнул я. — Не надо горячиться.

КАК ЭЙНШТЕЙН СПАС «АВАНПОСТ»

Точно не знаю, когда приземлился их корабль (начал я). Только что мы вчетвером были в «Аванпосте» одни, и вдруг у нас появилась компания.

Тридцать или сорок пришельцев высадились у «Аванпоста», в котором находились робот-бармен, историк, слепоглухонемой гений и я, вот я и решил, что основная тяжесть борьбы с ними ляжет на меня.

Подумал, что нет смысла соревноваться с пришельцами в меткости стрельбы из лучевиков и бластеров, поэтому достал из-под стойки молекулярный деформатор. Мне ни разу не приходилось пользоваться им, но я следил за тем, чтобы он всегда был в рабочем состоянии. Кроме того, другого действительно мощного оружия у меня не было. А вот молекулярный деформатор мог за наносекунду превратить в желе хоть тысячу пришельцев, вместе с их звездолетом.

Я нацелил его на приближающихся солдат, снял с предохранителя, нажал на спусковой крючок... и ничего не произошло. Приборы подсказывали мне, что энергетическая батарея заряжена, все системы функционируют нормально, но он определенно не выполнял задач, ради решения которых его и разработали.

Я предпринял вторую попытку, но пришельцы как ни в чем не бывало шагали к «Аванпосту». Поэтому я спросил у Эйнштейна, что не так, и он, после короткого анализа, сообщил, что пришельцы вооружены атомным нейтрализатором, устройством, которое может приостановить работу любого оружия с атомной энергетической батареей.

Самое печальное состояло в том, что в этот самый момент пришельцев отделяли от «Аванпоста» какие-то сто ярдов. Они видели, что я пытался выстрелить в них из деформатора, поняли, что их нейтрализатор работает, и даже не стали строиться в боевой порядок. Смеясь, толпой шли к двери.

Я сказал Эйнштейну, что только он может спасти ситуацию, при условии, что решение будет найдено в течение минуты. Он ответил, что незамедлительно займется этой проблемой.

Расстояние до пришельцев сократилось до восьмидесяти ярдов, шестидесяти, сорока. Я все пытался выстрелить из деформатора, но с прежним результатом.

— Эйнштейн! — проорал я. — Или ты найдешь решение за десять секунд, или думать тебе больше не придется.

Через восемь секунд на дисплее компьютера появились инструкции, которые Бард тут же и озвучил.

— Отойди на двадцать футов влево и выстрели снова.

Ничего более глупого слышать мне не доводилось, но времени спорить не было, я отбежал на двадцать футов и выстрелил снова, на этот раз через окно, около которого сейчас сидит Золушка. Деформатор выстрелил, и от роты пришельцев осталась лужица желе.

Я взял у Барда компьютер, сообщил Эйнштейну, что его идея сработала.

— Как ты это сделал? — спросил я через компьютер. — А главное, что ты сделал?

— Твое оружие использует атомную энергию, не так ли? — спросил Эйнштейн.

— Да.

— А базовый принцип атомной энергии Е равно МС квадрат, правильно?

— Насколько мне известно, да.

— Далее, у пришельцев был атомный нейтрализатор, который препятствовал нормальному функционированию твоего оружия.

— Ты мне это уже говорил.

— Но это, как ты понимаешь, и есть ответ.

— Какой ответ? Как ты узнал, что молекулярный деформатор начнет стрелять, если я отойду на двадцать футов влево?

— Полагаю, ты мог бы отойти и на двадцать футов вправо, — ответил Эйнштейн. — Но в слове «вправо» больше букв, чем в слове «влево», а мне дали понять, что с временем напряженка, и я это учитывал, когда писал, что надо сделать.

— Ты мне не ответил, — упорствовал я. — Как ты узнал, что оружие заработает, если я отойду вправо или влево?

— Как указывал мой прапрапрапредок Альберт, относительность может быть и локальным феноменом. Ты нейтрализовал действие нейтрализатора локальным перемещением на двадцать футов.

— Я всю жизнь слушаю глупости, но глупее просто ничего не слышал! — воскликнул Макс.

— Ты так думаешь? — задумчиво спросил Никодемий Мейфлауэр. — Я вот слышал много чего и куда глупее. Причем прямо здесь, в «Аванпосте».

— Э... я никого не хочу критиковать, — Вилли Бард оторвался от блокнота, — но все было совсем не так.

— Теперь так, — возразил я.

— Но...

— Эйнштейн не видел, что произошло, Регги у нас неразговорчивый. И по всему выходит, что я — единственный очевидец.

— Одну минуту. Я тоже при этом присутствовал! — вскричал Бард.

— Ты всего лишь летописец, — напомнил я. — Ничего не происходит, пока кто-нибудь, в данном случае я, не рассказывает историю.

— Томагавку не откажешь в логике, — вступился за меня Катастрофа Бейкер. — В конце концов, это твои правила.

— То есть ты хочешь, чтобы я записал его версию, а не настоящую? — спросил Бард.

— Его версия и есть настоящая, — ответил Бейкер. — Во всяком случае, станет таковой, когда ляжет на бумагу.

Эйнштейн что-то нам написал, а Большой Рыжий тут же озвучил.

— Он говорит, что находит версию Томагавка очень изящной, но надеется, что ни один специалист по атомной физике ее не прочитает.

Бард поднялся, подошел к стойке.

— Я обращаюсь к тебе, Регги, скажи им, что Томагавк лжет.

Регги продолжал молча мыть грязные стаканы, а покончив с этим, принялся вытирать стойку.

— Похоже, ему нечего сказать в ответ на твое обращение, — рассмеялся Макс.

— Ладно, ваша взяла. — Бард вернулся к лежащему на столике блокноту. — Именно так Эйнштейн и спас «Аванпост».

— Черт, да знай я, что история такой интересный предмет, остался бы в школе! — прогремел Катастрофа Бейкер.

— А когда ты ее бросил? — спросил Большой Рыжий.

— Лет в восемь или девять.

— Они не попытались остановить тебя?

— Разумеется, попытались. — Бейкер печально покачал головой. — Бедняжки. Но я надеюсь, что практически всех уже выписали из больницы.

— Ты уже тогда знал, что станешь героем? — спросила Мать Земля.

— Насчет этого я ничего не знал, — признал он. — Но нисколько не сомневался, что ученым мне не быть.

— Он к десяти годам определился с будущим. — В голосе Большого Рыжего слышалась зависть. — А у меня ушло полжизни, чтобы решить, что мне прямая дорога в профессиональный рестлинг.

— Я могу научить тебя рестлингу, — предложил преподобный Билли Карма Силиконовой Карни. — Пойдем со мной, и я покажу тебе наиболее интересные захваты.

— А я могу продемонстрировать тебе удары ногой по яйцам, отмашки ногтями и тычки в солнечное сплетение.

— Я восхищаюсь твоим чувством юмора, — воскликнул Билли Карма.

— Я, по-твоему, улыбаюсь? — мрачно спросила она.

— Оставь ее в покое, преподобный, — повернулся к ним Бейкер. — Или хочешь, чтобы тебе подрезали оставшиеся конечности?

— Ты про это? — Билли Карма поднял золотую и серебряную руки. — Чего только не сделаешь во славу Господа.

— Да?

— Да. — Он посмотрел на Барда. — Готовь перо, Вилли. Эта история станет украшением твоей книги. Не упусти ни слова.

НЕПОБЕДИМЫЕ ПРОПОВЕДНИКИ

Я ничего не имею против войны (начал преподобный Билли Карма). Это один из лучших способов избавиться от безбожников и дать выход сексуальной энергии. Вот и Бог, конечно же, сторонник войны. Он же сражается с Сатаной триллион лет плюс-минус пара столетий.

Но, с другой стороны, я не воин. Нельзя же ожидать, что Катастрофа Бейкер будет цитировать Книгу Добра с той же легкостью, что и я, или Макс Три Ствола сможет, под стать мне, очаровывать женщин, зато и я кое в чем не могу сравниться с ними. Это им по силам одной рукой уничтожить вражескую армию, не мне.

Но, как есть много способов освежевать кошку, наверное, поэтому их осталось так мало, выиграть войну тоже можно по-разному. Вот я и полетел на Генрих VI, одну из планет, которую Бог в спешке забыл снабдить водой, электричеством и пригодным для дыхания воздухом, чтобы разобраться с окопавшимися там пришельцами.

Приземлился и через несколько часов нашел их лагерь. Мы обменялись любезностями: я узнал, что они называют планету Джамбликст, они — что я их — големами. Ими они и выглядели.

Я уже решил, что мы нашли общий язык, когда они вдруг вытащили оружие, наставили на меня и пожелали знать, что я делаю на Джамбликсте. Я пришел к выводу, что лгать смысла нет, вот и признал, что прибыл на Генрих VI, чтобы обратить их в свою веру.

— У нас есть свой Бог, — ответил их командир. — Чего нам поклоняться твоему?

— Мой — крупнее, сильнее и умнее, и Он покажет вам, как заполучить больше женщин, — объяснил я.

— Наш Бог создал Вселенную, — заявил их командир.

— Да? — удивился я. — Ладно, тогда мой Бог создал вашего.

— Святотатство! — возопил он. — Наш Бог — творец всего созданного!

— Мой Бог — творец этой и всех других вселенных, от начала до конца времен, — ответил я. — Более того, он прекрасный гольфист и за последние пятьдесят семь столетий не проиграл ни одного матча.

Мои слова не произвели на них должного впечатления, и они под дулом пистолета отвели меня в один из Куполов, где мы сняли скафандры и шлемы.

— А теперь назови мне истинную причину твоего прибытия сюда, Билли Карма, — отчеканил командир.

— Я уже все сказал, — ответил я. — Я прибыл с тем, чтобы привести вас к Иисусу.

— Иисус? Это кто?

— Ну, необразованному мирянину понять это сложно, но Иисус — сын Бога.

— Ладно, — кивнул пришелец, — приведи Иисуса на Джамбликст и мы обсудим с ним все вопросы.

— Это невозможно. — Я покачал головой. — Он умер более восьми тысяч лет тому назад.

— Вы поклоняетесь мертвецу?

— Ну, он не был обычным человеком, — объяснил я.

— Он был богом?

— Не совсем.

— Очень уж все запутано, — признал командир. — Как он умер?

— Его распяли.

— Объясни, пожалуйста.

Я объяснил, как распинали людей, и пришельцы одобрительно закивали.

— Видите? — обратился командир к солдатам. — Я же говорил, что мы сможем многому научиться у врага. Надеюсь, кто-нибудь из вас все записал. — Он повернулся ко мне. — Думаю, ты и сам понял, что идешь ложным путем, преподобный Билли Карма. Твой Бог не смог защитить даже собственного сына, тогда как наш Бог помог нам победить Флот.

— Моего Бога занимали дела Монархии, котировки фондовой биржи и исход некоторых спортивных состязаний, — отрезал я. — Такую мелочевку, как вы, Он пока просто не

заметил. Но когда заметит, вы узнаете, кто во Вселенной хозяин.

Командир долго смотрел на меня, я уже решил, что он собирается согласиться со мной и извиниться за развязанную войну, но услышал от него совсем другие слова.

— Думаю, наш департамент пропаганды будет очень доволен, если ты откажешься от своего Бога и поклянешься в вечной преданности нашему.

— Никогда! — проревел я.

— Нам потребуется десять минут, чтобы расставить голокамеры.

— Приносите камеры, если вам угодно. Но меня и Бога вам победить не удастся.

— Не понял.

— Ты меня слышал! Мы размажем вас по земле. Мы скинем вас с обрыва! Мы обрушим на вас наводнения и болезни, мы убьем всех ваших первенцев. Так что дважды подумай перед тем, как пытаться разлучить меня с моим Богом!

— Ты отказываешься отречься от своего Бога?

— Абсолютно.

— Даже если мы отрежем тебе руки и ноги?

— Отрезайте, что угодно. Они — всего лишь плоть. Вы не сможете отрезать мою бессмертную душу.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты — бессмертная душа? — спросил он.

— Именно так.

— Ты, возможно, думаешь, что я ничего тебе не отрежу, что мои слова — пустая угроза?

— Я надеюсь на это, потому что я привык к своим конечностям, но это и не важно. Ничто не заставит меня повернуться спиной к Богу, и я знаю, что Он никогда не повернется спиной ко мне.

— Любопытная версия. Думаю, мы сейчас ее проверим.

И он нацелил пистолет на мою руку.

— Одну минуту!

— Что такое? — В его голосе слышалось разочарование. — Ты отрекаешься от своего Бога еще до первого выстрела?

— Нет, — ответил я, — но разве ты не подождешь, пока принесут голокамеры?

— Нет. — Он покачал головой. — Гражданскому населению моей планеты неинтересно наблюдать невероятно жестокий и болезненный процесс расчленения. Их интересует только результат — твое согласие служить нашему Богу.

Он вновь прицелился.

— Ты кое-что забываешь! — в отчаянии воскликнул я.

— Что? — Он проверил пистолет. — Я забыл снять его с предохранителя?

— Ты забываешь, что я не говорю на твоем языке, поэтому, даже если я отрекусь от своего Бога, чего я никогда не сделаю, твой народ все равно меня не поймет.

— Мы переведем твои слова. А теперь, если пока тебе больше нечего сказать...

Я пытался найти какой-нибудь способ оттянуть неизбежное, когда он отстрелил мне левую кисть.

— Теперь у тебя появилось, что сказать?

— Да, — ответил я. — Чертовски больно.

— Это все?

— Нет.

— Продолжай.

— Может, кто-нибудь перевяжет мне руку?

— Мужества тебе не занимать, Билли Карма, нельзя этого не признать. — Он прицелился и отстрелил мне правую кисть.

— Сукин сын, больно же! — проревел я.

— Ты готов поклясться в верности нашему Богу?

— Продолжай стрелять, гребаный мерзавец!

Он продолжал, и я остался без обеих стоп.

— Господи, — взмолился я, — прости их, ибо не ведают они, что творят. — А потом добавил: — Но сначала заставь их немножко пострадать.

— Ты действительно веришь в то, что говоришь? — спросил командир.

— Можешь не сомневаться.

— Любое божество, которому так преданы, достойно уважения, — сказал он. — Расскажи мне о своем Боге.

— Я бы с удовольствием, — ответил я, — но кровь вытекает быстро и, боюсь, я потеряю сознание, не успев дойти до самого интересного.

Он согласился, кликнул врачей, и пока они перевязывали мне раны, я рассказывал им о Боге, и Святой Дух в тот момент действительно пребывал во мне, потому что еще до того, как они закончили меня штопать, я обратил в свою веру командира, солдат и всю медицинскую бригаду.

Я оставался на планете, пока все пришельцы не поверили в нашего Бога, после чего решил, что внес свою лепту в победу, на короткое время завернул в госпиталь, где мне сделали протезы кистей и стоп, и вернулся в «Аванпост».

— Богу, несомненно, повезло в том, что ты на Его стороне, — саркастически бросил Макс.

— Твоими устами глаголет истина, — согласился Билли Карма.

— Просто не понимаю, как Он справлялся со всеми делами до твоего появления, — продолжил Макс.

— Действительно, ему приходилось нелегко. Потому-то, возможно, Он потерял контроль над собой и завел роман с Марией.

— Ты про Деву Марию?

— Ну, она была девственницей, когда Он повстречал ее, — задумчиво заметил Билли Карма. — Черт, если бы я не остановил Его, он бы, возможно, в эту самую минуту делал предложение Силиконовой Карни.

— Я в этом сомневаюсь, — покачал головой Большой Рыжий.

— Почему? — спросил Билли Карма. — Вкус у него такой же отменный, как и у меня, и именно с ней я хотел бы уединиться.

— Возблагодарим небеса за маленькие радости. — С губ Золушки сорвался вздох облегчения.

Билли Карма посмотрел на нее.

— Извини. Не страдай из-за того, что тебя отвергли.

— Я это переживу.

— Если тебе будет легче, мы можем провести вместе часок-другой, пока Силиконовая Карни осознает, какое ей выпало счастье.

— Если ты к ней прикоснешься, — предупредил Никодемий Мейфлауэр, — я отрежу тебе конечность, о которой забыли пришельцы.

Билли Карма положил ногу на ногу и пискнул, как мышка:

— Что ты такое говоришь!

— Ты меня слышал.

— Докажи всем, что он блефует. — Макс ехидно усмехнулся.

— Точно, — поддержал его Катастрофа Бейкер. — А если он приведет угрозу в исполнение, ты сможешь заменить отрезанный член алмазным. Во-первых, он будет отлично смотреться с золотой и серебряной руками, а во-вторых, никогда не упадет.

И скоро все начали убеждать преподобного Билли Карму прикоснуться к Золушке, чтобы посмотреть, что за этим последует. Он вроде бы уже задумался, а может, стоит, но пожал плечами и решительно покачал головой.

— Я не могу этого сделать. Совершенно очевидно, что ее влечет к этому невзрачному молодому человеку. Одному только Богу известно, почему, поскольку она могла остановить свой выбор на таком неотразимом слуге Господа, как я, и мне не хочется думать, что я могу изувечить его, а то и убить, если он нападет на меня. Нет, я думаю, что лучше мне не мешать любви молодых. — Он подмигнул Золушке. — Но, если тебя потянет на зрелых, опытных мужчин, ты знаешь, к кому обратиться, не так ли?

Золушка улыбнулась.

— К Катастрофе Бейкеру?

Все засмеялись. Все, за исключением Билли Кармы. Он сидел и хмурился, словно не понимал, как она могла так ошибиться.

— Если ты хочешь, чтобы женщина стала твоей, любая женщина, надо найти к ней особый подход и точно выбрать момент, — заметила Мать Земля.

— Немалую роль играют внешность и манеры, — вставила Силиконовая Карни.

— А также одежда, плавность речь и личная гигиена, — добавила Золушка.

— На это уйдут годы! — запротестовал Билли Карма.

— Значит, придется потратить эти годы, — ответил Никодемий Мейфлауэр. — Не зря же говорят: бесплатных ленчей не бывает.

— Черта с два. Томагавк раздает их каждый день.

— Лучше оставайся самим собой. — Макс все улыбался. — Я просто представить себе не могу, что ты будешь здесь делать, если превратишься в денди, как они тебе советуют.

— А что ты вообще здесь делаешь? — пожелал знать Никодемий Мейфлауэр. — Почему ты не с паствой, которую должно вести по пути истинному?

— Моя церковь — галактика. — Билли Карма взмахнул рукой. — И каждое разумное существо — мой прихожанин. — Он помолчал, потом добавил: — Прежде всего, с большими буферами.

— Это ты тонко подметил, — хмыкнул Макс.

— Я учился у эксперта, — фыркнул Билли Карма. — Филистимлянин! — И уткнулся в свой стакан.

— Его послушать, так получается, что филистимляне — исключительно люди, — заметила Мать Земля.

— А разве нет? — спросил Бейкер.

— Разумеется. Или ты думаешь, что это единственный вид разумных существ, у которого мужские особи плохо воспитаны, беспринципны, грубы и вообще отвратительны?

— Как-то не думал об этом, — признал Бейкер.

— Уверяю тебя, не единственный.

— А кто хуже?

— Я не говорила, что есть кто-то хуже, — напомнила Мать Земля. — Просто есть и другие.

— Понятно, и ты готова о них нам рассказать?

— Естественно.

ГОСПИТАЛЬ — НЕ ДОМ РОДНОЙ

Как вы сами видите (начала Мать Земля), я не сложена для битвы. Черт, и тридцать лет назад на войне мне делать было нечего, пусть и выглядела я не хуже Золушки.

Вот я и решила поработать медсестрой в госпитале пришельцев на Элизабет Йоркской, спутнике Генриха VII. Подумала, что моей лептой в победу станут знания об анатомии пришельцев, которые я каким-нибудь способом смогу передать Катастрофе, Урагану и остальным.

Как выяснилось, пришельцы не слишком отличались от нас.

— Они точно выглядели иначе, — прервал ее Большой Рыжий.

— А больших садистов среди людей я просто не встречал, — добавил преподобный Билли Карма. — За исключением разве что Бейкера, Смита, Гейнса, Макса да дамы-киборга.

Вы путаете социальные различия с физиологическими (продолжила Мать Земля). Но, кстати, одно важное социальное различие имело место быть.

Я увидела, как солдат ущипнул за зад медсестру, когда она проходила мимо его кровати. Я подождала, пока врачи и медсестры уйдут из палаты, потом подошла к нему.

— Я заметила, что ты сделал чуть раньше.

— Ничего особенного, стонал и спал, — ответил он.

— Я про медсестру.

— Так уж вышло. — В голосе слышались извиняющиеся нотки. — В должное время меня отправят домой, я найду подругу жизни и утолю свой голод.

— А чего ждать так долго? — спросила я.

— Никто из медсестер не захочет стать моей подругой жизни. До того, как меня призвали в армию, я был простым фермером.

— Кто говорит, что они должны стать твоей подругой жизни?

— Ты рехнулась? — У него округлились глаза. — Ты знаешь, как наказывается изнасилование?

— Я не говорю про изнасилование.

Мои слова поставили его в тупик.

— Тогда о чем ты говоришь?

— У людей все устроено следующим образом. Если у мужчины возникает сильное желание утолить свои сексуальные потребности, всегда находится женщина, готовая ему в этом помочь.

— Подруга жизни, так?

— Точнее, вечерняя подруга.

— Ты хочешь сказать, что они не должны оставаться вместе всю жизнь?

— Именно это я и хочу сказать.

— Но... почему женщины готовы в этом участвовать?

— Потому что им за это платят.

— Ты хочешь сказать...

— В нашем обществе это древняя и уважаемая профессия.

— Madre de Dias*! — воскликнул он, разумеется, на своем языке. — Потрясающая идея!

— Ты думаешь, ваши мужчины ее одобрят? — спросила я.

— Еще как!

— А женщины?

— Безусловно. Многие из них требуют от потенциальных женихов детального финансового плана обеспечения их нужд на всю жизнь. Думаю, они поддержат это революционное предложение еще активнее, чем мужчины.

— Хорошо, — кивнула я. — У меня есть опыт в управлении подобными заведениями. Если ты познакомишь с моей идеей других солдат, я введу в курс дела медсестер.

— Но это же госпиталь! — Он вдруг погрустнел. — Где мы сможем... ну, ты понимаешь.

— Видишь ли, люди отличаются от многих, если не от всех, тем, что рождают героев. Большая часть из них личности слишком независимые, чтобы действовать в рамках жесткой армейской структуры. Но я только что рассталась с ними, и они готовились к тому, чтобы изгнать вас из этой солнечной системы. Я буду удивлена, если госпиталь не будет эвакуирован в течение ближайших сорока восьми часов. Оста-

* О Матерь Божия! (*исп.*)

нутся только те медсестры, которые захотят работать в моем заведении, и солдаты, достаточно здоровые, чтобы оплачивать их услуги. И, разумеется, как только станет известно, что мы в деле, основным полем нашей деятельности станет твоя планета, а здесь останется маленький филиал для тех, кто захочет стравить пар перед возвращением домой.

— Ты уверена, что герои своего добьются? — спросил он. — Мне бы не хотелось заниматься всем этим, чтобы потом узнать, что мы выиграли войну.

— Думаю, я могу это гарантировать.

— Но нас в сотни раз больше.

— Их это только подстегнет. Поверь, я их знаю. Противостоять им не удастся никому.

— Будем надеяться, что ты права.

И, конечно же, я не ошиблась. Через тридцать шесть часов пришельцы очистили Элизабет Йоркскую (за исключением девяти медсестер, которые согласились сменить профессию). Решили остаться половина ходящих раненых и немалое число здоровых солдат, которых даже страх перед военным трибуналом, куда, как известно, попадают дезертиры, не удержал от посещения «Заведения мадам Элизабет».

Здесь я, кстати, только по одной причине: чтобы перевести все мои деньги в банк их планеты. Сегодня же отправляюсь туда, чтобы определиться с местоположением новых отделений.

И кто говорит, что война — это ад?

— Я слышал о проститутках, которые шли за войском, — прокомментировал Макс рассказ Матери Земли. — Но должен снять перед тобой шляпу. Ты — первая, кто организовал бордель в самой армии.

— Видишь ли, — ответила Мать Земля, — каждый делает то, что умеет.

— Истину говоришь, — воскликнул преподобный Билли Карма с похотливой улыбкой.

— И умеет хорошо, — добавила она.

— Ты собираешься провести остаток жизни, управляя борделем для пришельцев? — спросил Макс.

— Разумеется, нет. Я проведу там четыре или пять месяцев, чтобы наладить дело, а потом собираюсь продавать лицензии на право работать под моей маркой. Через год я снова буду жить среди людей и купаться в деньгах. Черт, может, даже куплю этот бар.

— Он не продается, — ответил я.

— Ты еще не слышал моего предложения, — не унималась Мать Земля.

— Мне без разницы. Этот бар — моя жизнь. Что я буду делать, если продам его?

— Считай, я ничего не предлагала. Завидую тебе.

— Правда? — удивился я. — Почему?

— У тебя есть что-то такое, что ты ценишь выше денег.

— У меня тоже, — вставил Билли Карма.

— Да, но ты находишь что-то новое всякий раз, когда мимо проходит другая женщина, — усмехнулся Макс.

— Я говорю про Книгу Добра, — с достоинством, доступным только ему, ответил Билли Карма.

— Я предлагаю тебе за нее двести кредиток, — сказал Макс.

— Двести? — повторил Билли Карма. — Договорились.

Макс рассмеялся.

— Я думал, ты ценишь ее выше денег.

— Да, — кивнул Билли. — Поэтому я выучил ее наизусть. Сам экземпляр, физическая оболочка книги, — ничто. Главное — ее содержимое.

— А что ты скажешь насчет физической оболочки женщины? — спросил Макс.

— Мы с Богом как раз пытаемся найти ответ на этот вопрос. — Он вытащил из кармана потрепанную Библию. — Так где мои двести кредиток?

— Забудь о них. Я лишь хотел проверить тебя.

— Слушай, сделка есть сделка.

— Отвали.

— Ты не собираешься отдавать мне деньги?

— Нет.

— Сатана отвел в аду особый уголок для людей, которые не держат слова.

— Он лично сообщил тебе об этом, не так ли? — спросил Макс.

— Лично я никогда с ним не разговаривал. Но он приходит ко мне в видениях и рассказывает, какие кары уготовил грешникам. — Он помолчал, пристально глядя на Макса. — В последний раз он упомянул тебя.

— Странно, — пожал плечами Макс. — Со мной он никогда не говорит. Собственно, единственное сверхъестественное существо, которое обращает на меня внимание, — Уилксибоет.

— Это еще кто?

— Бог сексуальной потенции Аргиля. — Тут Макс подмигнул мне и Регги.

— Да? — Билли бросил свою Библию Максу. — Ладно. Держи.

— За что?

— В награду за то, что ты расскажешь мне, как связаться с этим Уилксибоетом.

— Значит, так. Я об этом подумаю, если ты проведешь здесь целые сутки, не оскорбляя женщин.

— Двадцать четыре часа? За это ты должен предложить мне что-то большее, чем обещание подумать. Как минимум личную встречу с Уилксибоетом.

Макс бросил ему Библию.

— Забудь об этом. Или ты принимаешь мои условия, или говорить не о чем.

— Хорошо. — Преподобный вздохнул, вернул Библию Максу. — Пусть будет по-твоему. — Он повернулся к Силиконовой Карни. — Извини, любовь моя. Тебе придется потерпеть еще день, а потом я с радостью оценю твои прелести.

— Неплохо, — усмехнулся Макс. — Ты продержался почти десять секунд. — Библия в очередной раз полетела через зал.

— Один момент, — запротестовал Билли Карма. — Просто сорвалось с языка!

— Ты проиграл.

Билли Карма склонил голову, признавая поражение, но в печали пребывал лишь несколько мгновений.

— Ладно. — Он улыбнулся Силиконовой Карни. — Я просто должен найти моему языку другое занятие.

Она вытащила нож.

— Один шаг ко мне, и я найду, что с ним сделать.

— Что ты за чудовище! — воскликнул Билли Карма.

— Из тех, что само выбирает себе партнеров.

— Это не лучший год для радикальных идей, — вздохнул он.

— Как и для склизких проповедников.

Билли Карма предпринял еще одну попытку:

— Я склизкий только снаружи.

— Точно, — вставил Макс. — Внутри ты тошнотворно мерзкий.

— Спасибо за помощь. — Билли Карма злобно глянул на него. — Я это ценю.

— Обращайся в любой момент.

И тут в зал вошел Маленький Майк Пикассо.

— Добро пожаловать, — поприветствовал его я. — Рег, налей ему.

— До чего же хорошо вернуться! — воскликнул Маленький Майк. — Я последний? — Он огляделся. — Вижу, Аргиля еще нет. И Ахмеда. — Он повернулся к Урагану Смиту. — Я надеюсь, Лангтри Лили отдыхает, а может, вышла по зову природы?

— Она погибла, — ответил Смит.

— Как жаль.

Бейкер подошел, обнял Смита за плечо.

— Мне тоже, Ураган. Тебе следовало сказать об этом раньше.

Смит пожал плечами.

— Такое случается.

— Да, — кивнул Бейкер. — Любая женщина, которая связывается с одним из нас, укорачивает свою жизнь на пятьдесят лет. А Лангтри была насекомым, только не подумай, что я хочу оскорбить ее память, она была очень красивым, обаятельным насекомым, но мы все знаем, что насекомые живут два, может, три года.

— Это тяжело, но время лечит сердечные раны, и ты научишься жить без нее. — Голос Золушки переполняло сочув-

ствие. — А потом, когда боль утихнет, ты даже сможешь найти кого-то еще.

— Уже нашел, — ответил Смит.

— Но во всей звездной системе Плантагенет только три женщины, и все они здесь, — удивилась Золушка.

Бейкер рассмеялся.

— Ты же не думаешь, что он нашел человеческую женщину, не так ли?

— Может, для радикальных идей этот год не так уж и плох? — пробормотал Билли Карма.

— Ты встретил ее в «Заведении мадам Элизабет»? — спросил Бейкер.

— Конечно же, нет! — возмутился Смит. — Она — хорошая, чистая, честная, прекрасная, приличная!

— Ладно, так где же этот идеал добродетели и женственности? — спросил Бейкер. — Нам не терпится увидеть ее.

— Она на Аделаиде Лувайн.

— Историю Англии я не изучал, — признал Бейкер. — О чем речь?

— О второй луне Генриха I, — ответил Бард.

— И что она там делает?

— Все здесь сидящие только что вернулись с войны с пришельцами, к которым принадлежит и она. Мы решили, что ей надо побыть там, пока я не смогу гарантировать, что ее появление здесь не встретят в штыки.

— Как ты можешь такое говорить? — В голосе Бейкера слышалась обида. — О каком враждебном приеме может идти речь, если ты ручаешься за нее?

— Тебя я знаю, Катастрофа, — ответил Смит. — А вот некоторых — нет.

— Где ты ее нашел? — спросил Бейкер.

— Она спасла мне жизнь на Генрихе IV.

— Даже пришельцы совершают ошибки, — ввернул Макс.

— Заткнись! — рявкнул Бейкер. Вновь повернулся к Смиту. — Именно там погибла Лангтри Лили?

— Да.

— Ты хочешь рассказать нам об этом?

— Пожалуй. — Смит тяжело вздохнул. — Они обе заслуживают упоминания в книге Барда. Если он не услышит мою историю, через пятьдесят или сто лет о героической смерти Лангтри Лили все забудут, а этого допустить нельзя.

Бард взял ручку на изготовку.

— Я внимательно слушаю.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ ЛАНГТРИ ЛИЛИ

Мы с Лангтри Лили разработали план действий задолго до того, как приземлились на Генрихе IV (начал Ураган Смит). Поскольку она могла принять любой образ и дышать тем дерьмом, который считается на Генрихе IV воздухом, мы решили, что она обернется пришельцем, а я буду выдавать себя за ее пленника. Потом она отвела бы меня к их командиру, я бы его убил, а она превратилась бы в него. Пришельцы не знали, что она — трансформер, у них не возникло бы никаких вопросов. А уж став их командиром, она отдала бы приказ возвращаться на родную планету или нашла способ убить их всех.

Начиналось все очень хорошо. Мы приземлились, она наставила на меня пистолет и повела в лагерь. Нам встретился отряд солдат, в сопровождении которого мы и прибыли к командиру. Он начал допрос, но при этом солдаты пустили в ход руки и ноги, чего я не предполагал.

— Ты же храбрейший человек в галактике, за исключением разве что меня, — прервал его Бейкер. — Я не могу поверить, что пара тычков, может, даже пытка, вывели бы тебя из себя.

— Не вывели.

— Тогда что случилось?

— Я был не один... помнишь?

При каждом ударе или пинке (продолжил Смит) я видел, что Лангтри едва сдерживается, чтобы не прийти мне на по-

мощь. И наконец они перестарались. От ярости она потеряла контроль над собой и на глазах у всех стала пелопоннесом.

Я воспользовался общим замешательством, врезал локтем по физиономии ближайшего пришельца, пока он падал на землю, выхватил из кобуры лучевик. Застрелил еще двоих, прежде чем остальные сообразили что к чему.

— Убейте его! — крикнул командир, а секундой позже добавил: — Убейте их обоих!

Через секунду я снес ему голову, а Лангтри Лили начала плеваться, и скоро мы стояли среди трупов пришельцев.

— Все идет не так, как мы планировали, — сказал я, — но вроде бы мы движемся к поставленной цели.

И тут же увидел новый отряд пришельцев, выходящих из казармы, вооруженных и опасных. Велел Лангтри спрятаться, потому что находились они вне досягаемости ее плевков, а я не мог одновременно сражаться с ними и защищать жену.

Бой завязался нешуточный. Я убил не меньше двадцати пришельцев, но тут один из тех, кого я счел убитым, уже лежащий на земле, схватил меня за ноги. Я потерял равновесие и упал рядом с ним, и каким-то образом мой лазерный пистолет отлетел на десять футов. Я попытался подползти к нему, но умирающий пришелец не отпускал моих ног.

Я поднял голову и увидел другого пришельца, бегущего ко мне с ножом в руке. Я знал, что еще не родился инопланетянин, способный победить меня в бою без правил, но по-прежнему не мог встать, и до меня дошло, что разгерметизация моего защитного костюма от удара ножа будет стоить мне жизни.

Он находился в двадцати футах, потом расстояние сократилось до пятнадцати, десяти, я все не мог освободить ноги, и тут, словно из-под земли, между мной и пришельцем появилась Лангтри Лили. Плюнула ему в лицо, но он, уже умирая, по инерции добежал до нее и она приняла на себя удар ножом, предназначавшийся мне.

Я наконец вырвался и успел подхватить ее на руки. Умирая, она прошептала, что любит меня и счастлива, что смогла пожертвовать своей жизнью ради меня.

Скорбеть времени у меня не было, потому что оставшиеся в живых пришельцы уже целились в меня, а я оставался безоружным. Но внезапно один из них закричал, схватившись за грудь, второму развоpотило голову, третий просто упал как подкошенный.

Откуда-то протянулась рука, подняла меня на ноги. Рука принадлежала пришельской женщине.

— Следуй за мной, если хочешь выжить! — крикнула она, отступая к одной из казарм.

При этом она продолжала стрелять по моим врагам, прикрывая меня, поэтому я воспользовался моментом, чтобы снять с трупов оружие, благо понадобиться им оно уже не могло, и последовал за ней.

— Кто ты? — спросил я. — И почему пришла мне на помощь?

— Я слышала легенды о великом Урагане Смите, — ответила она. — А теперь увидела, как бесстрашно ты сражался с врагами, и решила, что нельзя допустить твоей смерти.

— Даже ценой предательства собственного народа? — спросил я.

— Я об этом не думала. Ты мне нравишься больше, чем они все, вместе взятые.

Меня переполняли вопросы, но пришельцы вновь открыли стрельбу, так что несколько последующих минут мы думали только о том, как бы остаться в живых.

Я заметил, что она отлично стреляет, почти так же метко, как я, и напрочь лишена страха. Когда пару минут спустя лазерный луч задел ей плечо, она выругалась, как старый космический волк.

— Ты в порядке? — спросил я.

— С этим разберемся позже, — ответила она, перебросив лучевик в другую руку.

— Спрячься за меня и займись раной, — предложил я. — Я их сдержу.

— Мы вместе их сдержим. — Она уложила еще одного пришельца. — Мне очень жаль твою подругу.

— Мою жену, — поправил я ее.

— Тогда вдвойне жаль. У нас много общего, у тебя и меня. Если она была твоей женой, значит, у тебя нежное сердце. — Она помолчала, чтобы пристрелить еще одного пришельца. — Ты ее очень любил?

— Да.

Вновь последовала пауза.

— Как по-твоему, ты сможешь полюбить вновь?

— Возможно.

— Я очень на это надеюсь.

— Давай разберемся с врагами, а уж потом поговорим о любви, — сказал я, и именно этим мы занимались следующие полчаса, по прошествии которых, кроме нас двоих, живых в лагере никого не осталось. Я подошел к ней.

— Позволь еще раз поблагодарить тебя за помощь.

— Я сожалею, что нам не удалось спасти твою жену. Я знаю, каково терять любимого.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она произнесла свое имя два или три раза, но я выговорить его не смог.

— Как бы ты хотел меня называть? — наконец спросила она. — Я доверяю твоей мудрости.

Я решил, что будь у меня мудрость, я бы звался Соломоном. Но что ж, поскольку мы стали напарниками, я решил назвать ее Шебой.

— Шеба, — повторила она. — Мелодичное имя. Кем она была?

— Древней царицей.

— Для меня это большая честь.

Я решил не говорить ей, сколько всего жен было у Соломона. Мы провели вместе несколько дней, чтобы узнать друг друга поближе... если преподобный сейчас сподобится на одну из его типичных реплик, я поджарю ему яйца... а потом я решил оставить ее на Аделаиде Лувайн и выяснить, какой ее здесь ждет прием.

Вот и вся история о том, как Лангтри Лили пожертвовала собой ради любви... или меня, потому что для нее первое не разделялось со вторым.

Также это история и о том, как я встретил Шебу, которая шестым чувством увидела во мне родственную душу.

— Знаете, у меня однажды была подруга-инопланетянка, — подал голос преподобный Билли Карма.

— Само собой, — хмыкнул Макс.

— Это почему?

— Потому что ни одна человеческая женщина не скажет тебе «да».

— Истину говоришь! — хором воскликнули Карни и Золушка.

— Одну минуту! — остановил их Бард. — Возможно, это интересная история. Я не знаю ни одного человека, кроме Урагана Смита, который занимался этим делом с инопланетными женщинами. — Он повернулся к Билли Карме. — Хочешь рассказать?

— Рассказывать особо нечего.

— Само собой, — ввернула Силиконовая Карни.

— Да ладно, — настаивал Бард. — Не скромничай.

— Это далеко не счастливая история, — вздохнул Билли Карма. — Мы потерпели трагическую неудачу в попытке наладить общение.

— Что ж тут может быть трагичного, если она уже не с тобой? — спросила Золушка.

— Если ты будешь шутить, я ничего не расскажу.

— С шутками покончено. — Бейкер сурово сдвинул брови, показывая, что настоит на своем. — Я хочу послушать.

— Что ж, это была женщина из вандаев, — начал преподобный. — Я познакомился с ней, когда нес слово Божье по Внешнему Пограничью. Все у нас складывалось, как нельзя лучше, и когда я покинул Ванду, она полетела со мной.

— Вандайская женщина? — уточнил Бейкер.

— Совершенно верно.

— Я слышал, с детства их учат только одному — ублажать своих мужчин.

— Так мне говорили.

— И хотя на Ванде полно своих мужчин, она выбрала тебя?

— В некотором смысле. — Билли Карма смутился. — Вообще-то я выиграл ее в карты.

Ставлю-Планету О'Грейди разом оживился.

— В общем, я решил, что заслужил отпуск, и полетел на курорт Морской Пейзаж, это на Альфа Райбот III, где и арендовал на неделю виллу. Как только мы устроились, я подумал, что пора моей вандайке и мне познакомиться поближе. — Он выдержал паузу, отпил из стакана. — Она подошла ко мне и спросила, какой секс я предпочитаю. Таким голосом, будто знает семьсот, а то и больше видов секса. Я-то знаком лишь с несколькими, вот и сказал, что, насколько мне известно, нет такого мужчины, который, если он честен с самим собой, не предпочел бы оральный секс.

— А что ты поставил против нее в той игре? — с профессиональным интересом спросил О'Грейди.

— Заткнись! — рявкнул Бейкер. — Продолжай, преподобный.

— Так вот, в следующий момент она сидела рядом со мной и вслух читала мне «Фанни Хилл». Я ничего не говорил, думая, что это прелюдия... вы понимаете, чтобы завести меня, распалить, подготовить к самому действу. — Он нахмурился. — Только она читала, читала и продолжала читать, а в итоге я заснул.

Силиконовая Карни расхохоталась.

— Это не смешно! — фыркнул Билли Карма.

— А по мне, еще как смешно.

— Не отвлекайся, — одернул преподобного Бейкер.

— На следующий вечер, когда мы готовились лечь спать, она Открыла «Историю О» и опять читала, пока я не заснул. Потом пришел черед «Автобиографии Фли», а на четвертый вечер, когда она взяла «Тропик Рака», я не выдержал и спросил, что, черт побери, происходит?

— Разве я не ублажаю тебя, любовь моя? — удивилась она.

— Послушай, — ответил я, — я люблю эротические книги, как и любой другой мужчина, но когда мы доберемся до секса?

— Но мы и занимаемся сексом, — запротестовала она.

— Что ты такое говоришь? — пожелал знать я. — Вот я лежу, готовый к оральному сексу, а ты мне все читаешь.

— Но я делаю то, о чем ты просил.

— Черта с два! — воскликнул я.

— Но как же так. — Она мне нежно улыбнулась. — Что может подразумеваться под оральным сексом, как не ублажающее слух чтение классических эротических книг?

— Теперь я понимаю, что происходит, — кивнул я. — Ты неправильно истолковала понятие «оральный секс». — Я стянул штаны. — Доверься эксперту и я тебя всему научу.

При виде моего детородного органа ее глаза широко раскрылись.

— Ты же не собираешься вставлять мне это в ухо! — только и спросила она, бросилась к двери и с криком выбежала на морской берег.

Преподобный Билли Карма вздохнул.

— Возможно, она кричит и бежит до сих пор.

— Не так трогательно, как многие из романтических историй Урагана.

— Думаю, наш Катастрофа все очень тонко чувствует, — согласился с Бейкером Бард. — Я также думаю, что для сохранения приличий не стану включать в книгу это маленькое происшествие.

— Это правильно! — Золушка рассмеялась. — Мы с Силиконовой Карни и так расскажем о нем всей галактике.

Бейкер повернулся к Урагану Смиту.

— Тебе когда-нибудь делала минет инопланетянка?

— Однажды, — ответил Смит.

— Да? И что?

— Да ничего. Она была нексарианкой, так что у нее осталось еще пять голов.

— Слушай, а земные женщины тебя не привлекали?

— Знаешь, я пытался увлечься ими, — ответил Смит. — Честное слово. Но они такие... такие одинаковые.

— Вот это мне нравится! — негодующе воскликнула Силиконовая Карни.

Смит посмотрел на нее.

— Должен признать, ты менее одинаковая, чем остальные.

— Я думаю, среди нас есть человек, который не согласится с твоей оценкой человеческих женщин, — заметил Макс.

— Кто?

Макс ткнул пальцем в Никодемия Мейфлауэра.

— Он смотрит на Золушку и вздыхает, как школьник, с того самого момента, как вошел в этот зал. Я собственными глазами видел, как они держались за руки.

— По крайней мере у него две руки, как и у любого нормального человека, — огрызнулась Золушка.

Макс усмехнулся.

— Видите? Должно быть, это любовь. Какие у нее еще причины для того, чтобы оскорблять меня?

— Не думаю, что для этого нужны причины. — вставила Киборг де Мило, которая за время войны сильно невзлюбила Макса Три Ствола.

— Они же улетели каждый на своем корабле и в разные стороны, — вспомнил Неистовый Бык. — Что же произошло?

— Да, — поддержал напарника Сидящий Конь, — как вышло, что вы улетели на двух кораблях, а вернулись на одном?

Никодемий Мейфлауэр встретился взглядом с Золушкой.

— Рассказать им?

Золушка пожала плечами, приковав к себе взгляды мужчин.

— Почему нет?

СВАДЬБА В СВАДЕБНЫХ КОЛЬЦАХ

Я не собиралась обосноваться в Свадебных Кольцах (начала Золушка). Но, уничтожив три корабля пришельцев, направлявшихся к Генриху VII, решила, что спрятаться в Кольцах, пока пришельцы не найдут более интересного занятия, чем гоняться за мной, не самая плохая идея.

Однако пришельцы нашли ее даже на этой космической свалке (вставил Мейфлауэр), и я полетел туда, чтобы попытаться ее спасти.

Чтобы помочь мне (поправила его Золушка).

Чтобы помочь ей (согласился Мейфлауэр). Проблема заключалась в том, что найти корабль, спрятавшийся в Кольцах, чрезвычайно трудно. Сами знаете, в каждом Кольце миллиарды камней и ледяных глыб и, пока я добирался туда, они повредили ее корабль.

По правде говоря, я думаю, корабль повредил кусок скалы (уточнила Золушка). Но значения это не имеет. Все равно в результате столкновения вышли из строя все основные системы и разгерметизировался корпус.

Другими словами (продолжил Мейфлауэр), корабль стал терять воздух. Но радио работало, поэтому она сумела сообщить мне, что находится в Анне Болейн, втором Свадебном Кольце. Я и пришельцы бросились туда, и каждый пытался добраться до цели первым. По моей просьбе она выпустила пару ракет, но кольцо, сами знаете, большое, ракеты — маленькие, так что вспышек я не заметил. Наконец меня осенило: я предложил ей надеть скафандр и покинуть корабль, предварительно вытащив из атомного реактора стержни-замедлители. Я решил, что уж взрыв реактора я обязательно замечу, подхвачу ее и мы улетим вместе.

Конечно, вспышку я увидел. Думаю, ее заметили и на поверхности Генриха VIII. Используя показания приборов, я изменил курс корабля, но...

Но возникла другая проблема (вмешалась Золушка). При взрыве я находилась достаточно близко от корабля, так что ударная волна придала мне немалую скорость. Я понимала, что любое столкновение станет для меня фатальным, и вдруг увидела, что на меня несется айсберг. Мне удалось сманеврировать, выпустив половину имеющегося в скафандре воздуха, но я по-прежнему со скоростью, отличной от скорости всех этих камней и ледяных глыб, а использовать воздух в качестве рабочего тела управляющих двигателей больше не могла. А тут еще крошечный камешек угодил в радио скафандра, связь с Никодемием оборвалась, и я уже решила, что жизнь кончена.

Но датчики моего корабля засекли ее (продолжил Мейфлауэр), и я начал приближаться к ней, маневрируя на Анне

Болейн. Через десять минут я уже видел Золушку и готовился к открытию воздушного шлюза, когда она вдруг достала лазерный пистолет и открыла беспорядочную стрельбу. Так мне, во всяком случае, показалось. Видите ли, раньше я говорил ей, чтобы она, завидев мой корабль, начала стрелять в нос. Корпус она бы не повредила, зато я смог бы точно установить ее местонахождение.

Но она стреляла чуть выше и левее, а так как находилась всего в нескольких сотнях ярдов, я не мог понять, что не так, пока до меня не дошло: она сигнализировала о появлении корабля пришельцев. Я развернул лазерную пушку и выстрелил за секунду до того, как пришелец выпустил в меня пульсационную торпеду. Корабль пришельца развалился, а обломки полетели к Золушке.

И тут я увидел, что сможет ее спасти. Направил лазерный луч на громадную скалу, прямо-таки астероид, который приближался к ней.

Она тут же все поняла и, вместо того чтобы избежать столкновения с астероидом, осторожными маневрами синхронизировала с ним свою скорость, чтобы сблизиться. Силы тяжести астероида, конечно же, не хватало, чтобы удержать Золушку, но двигался он быстро и, находясь перед ним, она не могла с него свалиться.

Он же своей массой прикрыл Золушку от осколков корабля пришельца, а тут и я смог подобраться к астероиду.

Никогда не думала, что воздушный шлюз может выглядеть, как рай (добавила Золушка), но этот точно выглядел, когда Никодемий открыл люк. Он стоял внутри и бросил мне канат. То есть попытался бросить, но в отсутствие силы тяжести вышло не очень. Тогда он дал мне знак оттолкнуться от астероида и «плыть» к нему. Я, конечно, едва не потеряла сознание от страха, но сделала все, как он хотел, и несколько мгновений спустя почувствовала, как его рука сжимает мою.

Последующие два дня мы охотились за оставшимися кораблями пришельцев, которые пытались убить меня. Пилоты на них были хорошие, но мой Никодемий превосходил их по

всем статьям, так что в результате мы их нашли и уничтожили. А потом выбрались из Колец и вернулись сюда.

Как муж и жена (гордо изрек Мейфлауэр). Покажи им свое кольцо, дорогая.

— И кто вас поженил? — спросил Макс.

— Я, — ответил Никодемий Мейфлауэр.

— Ты не священник, — резонно указал преподобный Билли Карма.

— Но это мой корабль, а капитан корабля имеет полное право регистрировать браки.

— Жаль, — вздохнул Билли Карма. — Я бы зарегистрировал вас в лучшем виде за минимальное вознаграждение.

— Да, — кивнул Мейфлауэр, — но ты, возможно, поцеловал бы новобрачную, так что мне пришлось бы тебя убить.

— Святой Боже, но почему? — воскликнул Билли Карма.

Золушка ослепительно улыбнулась.

— По моему настоянию.

— Хорошо, что у вас под рукой оказалось обручальное кольцо, — заметил Макс. — Далеко не все люди заранее готовятся к столь знаменательному событию.

— В общем-то мы тоже не готовились, — ответил Мейфлауэр. — Но после того, как мы уничтожили корабли пришельцев и решили пожениться, я вытащил поврежденное радио из ее скафандра и сделал кольцо из деталей. — Он улыбнулся. — И теперь, взглянув на него, она вспоминает, как мы сражались плечом к плечу, и знает, что вместе мы непобедимы.

— До чего же благородная и трогательная история, — подал голос Могильщик Гейнс.

— По правде говоря, мы вернулись в «Аванпост», чтобы убедиться, что война выиграна, — продолжил Мейфлауэр. — Выпьем еще стаканчик-другой, а потом отправимся в свадебное путешествие. Все-таки у нас медовый месяц.

— И куда собираетесь? — спросила Мать Земля.

— Какая разница, лишь бы быть вместе, — ответила Золушка.

— Я слышал, Серенгети — отличная планета, — предложил Большой Рыжий.

— Планета-зоопарк? — переспросил Мейфлауэр.

— Да. Там собраны животные со всей галактики, только живут они не в клетках, а на свободе.

— Если он не придумает ничего лучшего, как весь медовый месяц смотреть на животных, значит, я ошиблась в выборе мужа, — вздохнула Золушка.

— Раз уж ты сама об этом упомянула, — подал голос Билли Карма, — скажу, что ты действительно ошиблась с выбором, и теперь тебе не остается ничего другого, как бросить его и убежать со мной.

— Теперь я понимаю, почему мы обратили в христианство обитателей стольких планет, — хмыкнул Большой Рыжий. — Ответа «нет» для этого человека просто не существует.

— Знаешь, что я тебе скажу, — повернулся к нему Бейкер. — Насколько мне помнится, я никогда не видел инопланетянина-евангелиста. Наверное, их боги не столь нуждаются в проповедниках, как наши.

— А как насчет вас, индейцы? — спросил Макс. — На кого похож ваш Бог?

— Понятия не имею, — ответил Сидящий Конь.

— Вы не знаете?

— Он по домам не ходит, — ответил Неистовый Бык.

— Могло быть и хуже, — заметил Макс. — Он мог выглядеть, как Билли Карма. Считает же он, что именно так выглядит наш Бог.

Мать Земля переводила взгляд с Билли Кармы на Катастрофу и обратно.

— Трудно поверить, что вы оба созданы по божьему подобию. — Она помолчала. — Если Бог действительно есть, скорее Он выглядит, как Катастрофа Бейкер.

— С чего ты так решила? — осведомился преподобный.

— Потому что я предпочитаю поклоняться Богу, у которого хороший вкус, — ответила Мать Земля. Помолчав, добавила: — Хотя, возможно, Он выглядит, как Золушка или Силиконовая Карни.

— Опять ты начинаешь нести эту сексистскую чушь! — взвился Билли Карма.

— В этом зале только один сексист, и это не я. — Мать Земля пожала плечами. — Ну, может, пять или шесть. — Она посмотрела на портрет Шестиглазой Салли над стойкой, словно увидела его впервые. — Включая Томагавка.

Маленький Майк Пикассо заулыбался.

— Видишь? Я же говорил тебе, что заказ на портрет Салли для «Аванпоста» надо отдать мне.

— Он получился бы менее сексистским, если б ее нарисовал ты? — спросил я.

— Может, и нет, — признал он. — Но выглядела бы она куда лучше. Я, скажем, сразу избавил бы ее от четырех глаз.

— Но у нее шесть глаз!

— Искусство не должно копировать природу, — ответил Маленький Майк. — Иногда его задача — улучшить природу.

— Но разве этим оно не входит в противоречие с истиной? — спросил Бард.

— Ты же веришь всем, кто рассказывает тебе о войне, не проверяя их слова, — ответил Маленький Майк. — Разве тут нет противоречия с истиной?

— Мы говорим о разном. История никогда не пытается улучшить природу.

— Нет... но твоими стараниями улучшается история.

— Я немного приукрашиваю ее, чтобы она не лежала в пыльной библиотеке или в пыльном компьютере, где до нее добирались бы одни академики, — оправдывался Бард.

— Я думал, академики только и могут, что с важным видом вещать не пойми о чем. Ты полагаешь, они действительно что-то читают?

— Дождливыми вечерами, когда их не приглашают на коктейль-пати, — ответил Бард.

— Ты уходишь от ответа, — не унимался Маленький Майк. — Я хочу знать, в чем этическая разница между моим портретом Салли с двумя глазами и записанными тобой рассказами о том, чего не было.

— Ты изменяешь ее внешность, — ответил Бард. — Это нечестно. Я же лишь приукрашиваю рассказы Катастрофы,

Урагана и остальных. Занимаюсь простой литературной обработкой.

— А если они тебе лгут?

— С какой стати кому-либо лгать летописцу?

— Может с тем, чтобы выглядеть более героическими, — предположил Маленький Майк. — А может, им просто нравится лгать.

— Очень маловероятно. — Голосу Барда недоставало уверенности.

— Давай проверим мои гипотезы, — продолжил Майк. — Я расскажу историю о том, что я делал во время войны. Часть, возможно, правда, часть — ложь. Когда я закончу, ты скажешь мне, что ты собираешься записать и почему.

— Я согласен, — ответил Бард, принимая вызов.

ПОТЕРЯННОЕ СОКРОВИЩЕ МАРГАРЕТ АНЖУЙСКОЙ

Я направлялся на Генрих IV, надеясь сражаться плечом к плечу с Ураганом Смитом, когда на орбите Генриха III нарвался на пару кораблей пришельцев (начал Маленький Майк). Начал маневрировать, и когда, находясь неподалеку от Генриха VI, уже вроде бы оторвался от них, удачный выстрел вывел из строя субпространственное радио и навигационный компьютер.

Я решил, что в такой ситуации лучше всего посадить корабль и заняться ремонтом. Зная, что гарнизон пришельцев расположился на Генрихе VI, я приземлился на Маргарет Анжуйской.

Радиопередатчик превратился в груду металлолома, тогда как повреждение навигационного компьютера не выглядело серьезным. Но я — художник, не компьютерщик, поэтому понятия не имел, с чего начать ремонт.

Я понял, что мне остается только одно — вернуться в «Аванпост» и либо занять у кого-нибудь корабль, либо попроситься к кому-то в напарники. Однако начать я решил с

прогулки по окрестностям, на случай, если попадется какой-нибудь фантастический вид, зарисовки которого я смогу использовать в будущем.

Я влез в скафандр, открыл люк, спустился на землю и отправился на прогулку. Скалы мне понравились, но я видел и зарисовывал и более интересные. На Маргарет не было ни воздуха, ни воды, и я уже подумал, что делать мне там больше нечего, когда увидел вдали что-то необычное. Создавалось ощущение, что объект этот не здешний, и я начал осторожно приближаться к нему.

И действительно, передо мной выросло здание, построенное инопланетянами. Не пришельцами, с которыми мы сражались, нет, построили его гораздо раньше. Судя по всему, я никогда не встречал существ, которые могли без труда проходить через эту причудливо изогнутую дверь.

Из-под моих ног с каменного пола поднималась пыль столетий. Я включил фонарь на шлеме и огляделся. Я находился в огромном зале, в который выходило множество изогнутых дверей. Каждая вела в маленькую комнатушку.

В первой я ничего не нашел. Как и во второй. Зато третья приятно удивила. Вероятно, это здание служило сейфом, который построили богатые жители Генриха VI с тем, чтобы хранить в нем свои ценности от воров. А может, его построили воры, чтобы хранить украденное до продажи на черном рынке.

Я словно попал в египетскую гробницу. Грабители могил (конечно, на Генрихе VI их звали иначе) украли все драгоценности, но оставили произведения искусства. Должно быть, понятия не имели, сколько они стоили. А стоили они целое состояние. Я нашел скульптуру Мориты, бронзу Тобина, два голографических пейзажа Далиримпла. Вы не поверите — даже одну картину Рокуэлла с самой Земли!

Одно за другим, я начал переносить все в корабль, на что ушла большая часть дня. Целую неделю я провел на Маргарет Анжуйской, надеясь найти еще один клад, но тщетно. Однако, учитывая сумму, которую выложат музеи и художественные галереи за мои находки, я не могу считать, что время потрачено зря.

Я подождал, пока последний из кораблей пришельцев покинул Генрих VI. Резонно предположил, что они улетели, получив соответствующий приказ, а сие означало, что война закончилась. Поэтому я вернулся сюда, рассчитывая курс с помощью логарифмической линейки и карманного калькулятора.

А теперь собираюсь отпраздновать мое возвращение бутылкой лучшего сингианского коньяка, какой только найдется у Томагавка, после чего полечу в Содружество, чтобы выяснить, сколько дадут за мои находки на аукционе.

— Это все? — спросил Бард.

— Все, — ответил Маленький Майк Пикассо. — Что ты используешь в своей книге?

— Ничего.

— Почему?

— Совершенно очевидно, что ты все выдумал, от начала и до конца.

— Как скажешь, — пожал плечами Майк. — Ты пробудешь здесь еще пару минут?

— Я здесь живу.

— Хорошо. — И Маленький Майк направился к двери.

— Ты действительно не собираешься включить в книгу его рассказ? — спросил я.

— Это потрясающая история! — воскликнул Бард, более не сдерживаясь. — Конечно же, она будет в моей книге. Просто не хотелось делиться своими планами с этим маленьким наглецом!

Маленький Майк вернулся с голографическим инопланетным пурпурным пейзажем.

— Подлинный Далиримпл! — объявил он. — В Содружестве стоит как минимум три миллиона кредиток. — Он повернулся к Барду. — Так что ты пиши свою историю, а я продам это сокровище, и посмотрим, кто будет счастливее.

— Красивая картина. — Макс протянул руку. — Особенно вот это странное дерево.

— Не трогай! — Маленький Майк ударил Макса по руке.

— Извини.

— Я бы хотел посмотреть, что еще находится на твоем корабле?

— Пусть даже ты не собираешься написать об этом в книге? — осведомился Маленький Майк.

— Я не из породы упрямцев, — ответил Бард. — Убеди меня, что я ошибаюсь.

— Пошли. — С картиной в руках Маленький Майк зашагал к двери, Бард — за ним.

— Красивая картина, — заметил Бейкер. — При условии, что тебе нравятся уродливые инопланетные пейзажи.

— Между прочим, краска еще влажная. — Макс улыбнулся, демонстрируя всем пурпурную подушечку пальца.

— Сказать ему? — спросил Большой Рыжий.

— И лишить книгу такой истории? — вопросом на вопрос ответил Макс.

Бард вернулся через несколько минут.

— А где Маленький Майк? — полюбопытствовал я.

— Упаковывает картины. Такие сокровища нельзя оставлять где придется. — Бард раскурил бездымную сигару.

— И что ты можешь сказать? — спросил Макс.

— По моему разумению, вся его история — правда, за исключением места, где он нашел эти сокровища. Скорее всего его нога не ступала на Маргарет Анжуйскую. Он это выдумал, чтобы у нас не возникло желания поискать другие клады там, где он нашел картины. Должно быть, он обнаружил это загадочное здание на одной из лун Генриха I.

— Твои слова многое объясняют.

Едва эта фраза слетела с губ Макса, как вернулся Маленький Майк и сел рядом с Киборгом де Мило. Она тут же поднялась и пересела за пустой столик.

— Мне пора. — Мать Земля встала, направилась к двери. — До свидания, Томагавк. Я вернусь месяцев через шесть—восемь.

— Удачи тебе.

— Знаете, и нам пора отправляться в свадебное путешествие. — Никодемий Мейфлауэр повел Золушку к двери. — Еще увидимся. — И вслед за Матерью Землей они зашагали к взлетной площадке.

— Наш маленький коллектив становится все меньше, — отметил Макс.

— А вот мы никуда не полетим, — откликнулся Неистовый Бык.

— Пока нам дают здесь кредит, — добавил Сидящий Конь.

— Эй! — вдруг воскликнул Бард. — Вы двое не рассказали о том, чем занимались во время войны.

— Ты не спрашивал, — ответил Неистовый Бык.

— Как видишь, спрашиваю.

— Слишком поздно. Теперь тебе придется заплатить.

— Точно, — кивнул Сидящий Конь. — Хочешь услышать нашу историю, заплати за спиртное, которое мы выпьем, рассказывая ее.

Бард кивнул мне.

— Запиши их выпивку на мой счет.

— Ты — джентльмен и ученый, — похвалил Барда Неистовый Бык.

— Как я понимаю, сие означает, что мы не собираемся снять с него скальп? — спросил Сидящий Конь.

Регги принес им по полному стакану.

— Ладно, выпивку я вам поставил, — сказал Бард. — Теперь рассказывайте.

— Кто будет говорить? — спросил Сидящий Конь.

— Последнюю историю рассказывал ты, так что теперь моя очередь.

— Какую последнюю? — переспросил Бард. — Вы, парни, еще ничего не рассказывали мне о своих приключениях.

— Ты мнишь себя единственным летописцем Пограничья? — спросил Барда Неистовый Бык. — Напрасно. Тот парень с Модесто III не только ставит нам выпивку, но и платит за наш номер, когда мы останавливаемся там.

— Да, — кивнул Сидящий Конь, — он платит за первоклассные истории, и только такие мы ему и рассказываем. Я не могу сказать, какую получишь ты, потому что ставишь нам только виски... и это дешевое виски.

— Знаешь, если б мое виски было чуть дешевле, — добавил Неистовый Бык, — я бы рассказал тебе историю, в которой победили пришельцы.

— Вы собираетесь рассказывать или так и будете жаловаться?

— Искусство не терпит спешки, — назидательно изрек Неистовый Бык.

Бард махнул мне рукой.

— Скажи Регги, чтобы больше он за мой счет им не наливал.

— С другой стороны, с историей ситуация прямо противоположная, — быстро добавил Неистовый Бык.

— Так начинай.

— Слушай внимательно.

БИТВА ПРИ БИГ-ЛИТТЛХОРНЕ

Спустились сумерки (начал Неистовый Бык) и с запада дул легкий ветерок. Мы, Сидящий Конь и я, ползли на животах вверх по склону холма, чтобы посмотреть, что находится по другую сторону вершины. Джеронимо находился слева от нас, Витторио вел своих воинов по правую руку.

Мы увидели вражеских солдат, сидящих у костров, но не генерала Кастарда, и...

— О чем ты говоришь? — пожелал знать Бард.

— Ты хотел услышать историю про войну, вот я тебе и рассказываю.

— Но ты все выдумываешь! Святой Боже, ты же рассказываешь о том, что произошло на Земле!

— Никто из завсегдатаев «Аванпоста» никогда не выдумывал для тебя историю? — спросил Неистовый Бык.

— Такую — нет!

— Естественно. Много сюда заглядывает индейцев?

— Ты же выдумываешь историю про битву, которая произошла более семи тысяч лет тому назад!

— Конечно... но битва-то знаменитая.

— Ты никак не хочешь меня понять! — Бард не скрывал раздражения. — Я хочу знать, что произошло после того, как вы покинули «Аванпост», чтобы сразиться с пришельцами.

— Мы победили, — ответил Неистовый Бык. — Но история о битве на реке Биг-Литтлхорн куда более захватывающая.

— Вы сведете меня с ума! — пробормотал Бард.

— Может, ему не нравятся имена Джеронимо и Витторио? — предположил Сидящий Конь.

— Ну, я могу заменить их на Тонто и Шоц-Диджиджи, — ответил Неистовый Бык.

— Да кто они, черт побери? — выкрикнул Бард.

— Выдуманные персонажи, но ничем не хуже, чем Джеронимо и Витторио, — пояснил Неистовый Бык. — В конце концов, главные действующие лица в этой истории — я и мой напарник. Остальные просто подносили дротики.

— Луки и стрелы, — поправил его Сидящий Конь.

— Вы, похоже, не понимаете моей задачи, — Бард покачал головой. — Как я могу включить эту историю в сагу о борьбе с пришельцами в звездной системе Плантагенет?

— Измени имена, — предложил Неистовый Бык.

— Это нечестно!

— А кто узнает? — спросил Сидящий Конь. — Мы никому не скажем, ты — тоже.

— Послушайте, — Бард едва не плакал, — я хочу знать лишь одно: что произошло, когда вы отправились на войну?

— Это скучно.

— Не вся история захватывающе интересная, — ответил Бард.

— Ты действительно хочешь знать? — осведомился Неистовый Бык.

— Да.

— И не хочешь услышать о том, как сиу победили генерала Кастарда в сражении у Биг-Литтлхорна?

— Нет! — взревел Бард.

— Хорошо. — Сидящий Конь пожал плечами. — Мы нашли флагман пришельцев и взорвали его.

— Так себе история, — добавил Неистовый Бык.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что вы двое взорвали самый большой корабль неприятельского флота?

— Я не знаю, самым ли он был большим, — засомневался Сидящий Конь.

— Но мог и быть, — предположил Неистовый Бык. — Все-таки с милю длиной.

— И вы вдвоем уничтожили его?

— Совершенно верно.

— Как?

— Подложили бомбу в туалет капитана.

Бард переводил взгляд с Сидящего Коня на Неистового Быка и обратно.

— Вы держите меня за полного идиота?

— Насколько честного ответа ты ждешь? — спросил Сидящий Конь.

— Мне проще поверить, что вы действительно участвовали в сражении при Литтл-Бигхорне.

— Биг-Литтлхорн, — поправил его Неистовый Бык. — И мы говорили тебе, что та история лучше.

Бард повернулся ко мне.

— С этого момента они сами платят за свою выпивку.

И направился к своему столику.

— Мы действительно его взорвали, — повторил Неистовый Бык для присутствующих.

— Я тебе верю, — откликнулся преподобный Билли Карма.

— Правда? — удивился Неистовый Бык. — Тогда, наверное, я что-то перепутал.

— Ну почему все начинают ненавидеть меня с первого взгляда? — Голос Билли Кармы переполняла жалость к себе.

— Чтобы экономить время, — ответила Силиконовая Карни.

Вилли Бард расхохотался.

— Если ты вздумаешь записать вот это в свой опус, мы с Иисусом достанем тебя даже из могилы, — пригрозил преподобный.

— Я думал, один из вас уже вернулся оттуда, — заметил Большой Рыжий.

— Он вернулся, — согласился Билли Карма. — Но он не может надолго задерживаться среди нас. А вот вдвоем мы будем преследовать этого горе-историка днем и ночью.

— Приятно осознавать, что ты собираешься решить с ним все вопросы.

— Как я ни стараюсь, он все равно записывает в свою книгу всю ложь обо мне.

— Я имел в виду Иисуса — не Барда.

— С Иисусом найти взаимопонимание гораздо легче, чем с Бардом, — ответил Билли Карма.

— Это радует, учитывая, что Ему все еще поклоняются несколько миллиардов людей.

— По-моему, не столько поклоняются, как надеются, что Он будет таскать за них каштаны из огня, — вставил Макс.

— Не каштаны, а души, — поправил его Билли Карма.

Макс пожал плечами.

— Что в лоб, что по лбу.

— Знаете, — подал голос Катастрофа Бейкер, — мы должны пустить шапку по кругу и купить подарок Никодемию Мейфлауэру и его даме.

— Мне нравится эта идея, — откликнулся я. — Рег, достань из сейфа сотенную и передай Катастрофе.

Остальные поддержали меня, и вскоре Бейкер подсчитал всю собранную сумму.

— Две тысячи шестьсот кредиток. Мы сможем купить на них что-нибудь красивое.

— Мы сможем купить что-то более красивое на пять тысяч двести кредиток, — заметил Ставлю-Планету О'Грейди.

— Ты хочешь внести недостающие две тысячи шестьсот кредиток? — спросил Бейкер.

— Не совсем, — ответил О'Грейди. — Ты готов поставить эти деньги на условиях, что выигравший получает вдвое больше, а проигравший — ничего?

— Против тебя? Ни в коем разе!

О'Грейди пожал плечами.

— Ты упустил выигрыш.

— Скорее, остался при деньгах, которые в противном случае перекочевали бы к тебе, — с абсолютной уверенностью отрезал Бейкер.

— А во что ты хотел сыграть? — спросил Билли Карма.

— Во что-нибудь простенькое. — Глаза О'Грейди сузились. — Есть у тебя деньги?

Билли Карма вывернул карманы.

— У меня семьдесят три кредитки, четыре рубля Нового Сталина и шесть талеров Марии-Терезии.

— Именно та сумма, на которую я и хотел сыграть. — О'Грейди подошел к стойке. — Регги, у тебя есть книжечка спичек?

— О чем ты? — ответил за Регги я. — Он никогда в жизни не видел книжечки спичек.

— Ясно, придется идти другим путем. Регги, найди кусок картона и вырежи полоску в два дюйма длиной и восьмую часть дюйма шириной.

Регги выполнил просьбу и протянул О'Грейди полоску картона.

— У обычной спички стороны разного цвета. Поэтому я беру ручку и закрашиваю одну сторону нашей суррогатной спички черным.

— Что теперь? — спросил Билли Карма после того, как одна сторона полоски почернела.

— Теперь я бросаю «спичку» в воздух и до того, как она упадет на стойку бара, ты называешь сторону, которая будет обращена кверху. Ставим по одной кредитке.

— Белая, — воскликнул Билли Карма, и точно, «спичка» легла белой стороной кверху.

О'Грейди бросил спичку четыре раза: дважды белой стороной кверху и дважды — черной.

— У меня такое ощущение, что мы можем бросать эту псевдоспичку целый день, а в итоге кто-то из нас разбогатеет максимум на три кредитки, — заметил преподобный.

— Давай сделаем игру более интересной, — предложил О'Грейди.

— А как можно сделать ее более интересной? — удивился Билли Карма. — Все, что мы можем, это называть белое или черное.

— Не совсем, — покачал головой О'Грейди. — Что, если я скажу, что псевдоспичка ляжет на торец?

— Ты рехнулся! — вырвалось у Билли Кармы.

— Ты готов поставить семьдесят три кредитки, четыре рубля Нового Сталина и шесть талеров Мари-Терезии, чтобы это доказать?

— Позволь сначала убедиться, что я тебя правильно понял. Ты собираешься подбросить эту полоску картона, как подбрасывал раньше, и она должна приземлиться на торец. Если она приземлится на черную или белую сторону, я выиграл?

— Совершенно верно.

Преподобный Билли Карма оглядел «Аванпост».

— Вы его слышали. — И он положил деньги на стойку.

О'Грейди ухмыльнулся, сложил картонную полоску буквой V, подбросил в воздух и, само собой, она приземлилась на торец.

— Одну минуту! — взревел Билли Карма. — В правилах этого не было.

— Вы все меня слышали, — ответил О'Грейди. — Разве я говорил, что не могу согнуть псевдоспичку перед тем, как подбросить ее?

— Нет, — мотнул головой Бейкер.

— Нет, — поддержал его Ураган Смит.

— Похоже, преподобному придется собирать милостыню, — добавил Могильщик.

— Ты меня провел! — Билли Карма нацелил обвиняющий перст в О'Грейди.

— Нельзя провести честного человека, — ответил О'Грейди.

— То есть, если я признаюсь, что я — мошенник, ты признаешь, что жульничал?

— Может, признаю, может — нет, но деньги я тебе не отдам.

Преподобный Билли Карма возвел очи горе, но потолок помешал ему увидеть небеса.

Ставлю-Планету О'Грейди тем временем повернулся к Барду.

— Я разрешаю тебе написать об этом трюке в книге. За последние двадцать лет спички я видел не больше пять раз.

Могильщик подошел к двери, что за последнее время он проделывал неоднократно.

— Кого ты там высматриваешь? — спросил Бейкер.

— Аргиля, — ответил Гейнс. — Я не оставляю надежды, что он послушался моего совета, но, наверное, напрасно. — Он вздохнул и вернулся к стойке.

— Ты видел его после того, как мы вступили в бой?

Могильщик покачал головой.

— В последний раз связывался с ним по субпространственному радио, когда он намеревался приземлиться на Генрихе V. Пытался его отговорить. Он же был философом — не солдатом. А вернувшись с Генриха VIII, я его следов не нашел.

— На Генрихе VIII было жарко? — спросил Бард.

— Как я себе представляю, не жарче, чем на остальных Генрихах.

— Хочешь рассказать нам об этом?

Гейнс пожал плечами.

— Почему нет?

ПОЛДЕНЬ НА ГЕНРИХЕ VIII

Я надеюсь, Никодемий и Золушка не будут проводить свой медовый месяц на Генрихе VIII. Атмосфера там из аммиака, видимость практически нулевая, сила тяжести выше стандартной, а температура чуть ли не минус сто по Цельсию.

Я выбрал Генрих VIII, потому что на планетах с непригодной для дыхания атмосферой мне приходилось бывать чаще других, за исключением разве что Урагана Смита. Я знал, что пришельцы оставили там маленький гарнизон, и решил уничтожить его.

Обнаружил жилые Купола с помощью датчиков моего корабля, приземлился в полумиле от их лагеря, а когда спустился на каменистую землю, с полдюжины пришельцев уже ждали меня с оружием на изготовку.

— Убейте его! — приказал один из офицеров.

— Нет! — раздался другой голос. — Он — мой!

Я оглянулся и увидел за щитком скафандра физиономию знакомого мне инопланетянина. Звали его Серая Саламандра.

— Я думал, он умер на Дедале IV несколько лет тому назад, — удивился Бейкер.

— Я слышал, его казнили в звездной системе Рузвельта, — высказал свое мнение Ураган Смит.

— Когда я в последний раз видел его физиономию на постерах со словом «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», за него, живого или мертвого, предлагали полмиллиона кредиток, — добавил Бейкер.

— И имелась приписка, что живым он никому не нужен, — уточнил Смит. Повернулся к Могильщику. — Так это действительно был он?

Да, он (продолжил Гейнс). Проложил путь сквозь окруживших меня пришельцев и остановился в двух футах.

— Ты арестовал меня на Барракуде IV, — прошипел он. — Этого я тебе никогда не забуду. Ежедневно и ежечасно я проклинал твое имя. Молил Бога и дьявола, чтобы мне представился шанс вновь увидеть тебя, и кто-то из них услышал мои молитвы. Наконец-то ты стоишь передо мной.

— Что ж, сегодня сила на твоей стороне, — признал я. — И что ты собираешься со мной сделать?

— Разумеется, убить.

Я не видел способа остановить его, учитывая дюжину нацеленных на меня лучевиков и бластеров, поэтому предпочел промолчать, ожидая, что он еще скажет.

— Ты — единственный, кому удалось победить меня.

Я уже понял, куда он клонит, и подумал, что мне будет предложен далеко не самый худший в создавшейся ситуации вариант.

— Никакого труда это не составило. Я знаю десять или пятнадцать людей, которым такое точно по силам, да и пять-шесть инопланетян.

— Мы это увидим! — взревел он. — Последние десять лет я мечтал о том дне, когда мы встретимся и я смогу потребовать реванша.

— Ты снова проиграешь.

Тут он просто обезумел. Начал скакать, метаться из стороны в сторону, речь его стала нечленораздельной, во всяком случае транслейтор не мог перевести его слов.

Наконец он чуть успокоился, наклонился вперед, едва не коснувшись моего шлема своим.

— Тебе разрешат оставить оружие, если ты дашь слово не использовать его против моих соратников.

— Если они не будут стрелять в меня, я не буду стрелять в них, — ответил я.

Он повернулся к пришельцам.

— Под страхом смерти не вмешивайтесь. — Вновь посмотрел на меня: — Мы встретимся, когда солнце будет в зените. В этот период видимость чуть получше.

— Где? — спросил я.

Он указал налево.

— Вон там, в полумиле отсюда, двенадцать Куполов, в которых базируется наш гарнизон. Мы встретимся на нейтральной территории, на полпути между твоим кораблем и Куполами.

— Логично, — кивнул я. — И когда солнце будет в зените?

— Примерно через час. Не опаздывай. В следующий раз зенита оно достигнет только через две тысячи пятьсот часов.

С этим он повернулся и увел пришельцев к Куполам. Я потерял их из виду, едва расстояние между нами достигло каких-то пятидесяти ярдов.

Поскольку до поединка оставался час, я побродил по округе, знакомясь с местностью. Минут через двадцать наткнулся на корабль пришельцев, мысленно запомнил, где он находится, и зашагал к «Главной улице», так я назвал место, где предстояло сразиться с Серой Саламандрой.

Он, возможно, мог застрелить меня до того, как я заметил его, зрение у него, особенно в том супе, который на Генрихе VIII считался атмосферой, было куда острее, чем у людей, но гордость не позволила расправиться со мной исподтишка, он появился из тумана и двинулся на меня.

— Как давно я ждал этого дня! — воскликнул он, когда нас разделяло двадцать ярдов.

— Я не знал, что тебе так хочется умереть, а не то выследил бы гораздо раньше, — ответил я.

Он потянулся за лучевиком, но в силу моего опыта на планетах с повышенной силой тяжести я обладал неоспоримыми преимуществами. Так что выхватил глушак первым, а мгновением позже шлем Серой Саламандры разлетелся на куски, и он умер. Я подумал, а не получить ли за него вознаграждение, но голова Серой Саламандры превратилась в бесформенное месиво и я засомневался, что кто-либо сумеет его опознать.

Я обещал ему не стрелять в пришельцев и сдержал слово. Вернулся к их кораблю, вывел из строя системы жизнеобеспечения и стартер, после чего пошел к своему кораблю. Если у них не закончился воздух, они до сих пор на Генрихе VIII... и останутся там до официального окончания войны.

— Но, если он провел на Генрихе VIII больше времени, чем ты, как вышло, что он не приспособился к повышенной гравитации? — спросила Силиконовая Карни.

— Он, конечно, приспособился, — ответил Могильщик, — но оружие — особое дело. Тут срабатывает рефлекс. Когда он потянулся за лучевиком, повышенная сила тяжести привела к тому, что его рука опустилась на полфута ниже.

Ураган Смит внимательно изучал настенные часы.

— Неужели такая скучная история? — спросил Гейнс.

— История отличная, — ответил Смит, — но она напомнила мне о Шебе.

— Почему? — полюбопытствовал Бейкер.

— Она на Аделаиде Лувайн с ограниченным запасом воздуха. Я должен вылететь к ней через несколько минут.

— Есть время еще для одного стаканчика? — спросил Бейкер. — Я угощаю.

Смит опять глянул на часы, висевшие левее портрета Шестиглазой Салли.

— Да, пожалуй.

Могильщик повернулся к Барду.

— Так ты включишь мою историю в свою книгу?

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнул тот. — Прямо-таки перестрелка на Диком Западе. Благодаря мне она станет такой же известной, как те, в которых участвовали Билли Кид* и Джесси Джеймс** — Он помолчал. — Пожалуй, твои слова о гравитации приводить не буду.

— Почему? — спросил Гейнс.

— Людям нужны герои, а не научные объяснения, — ответил Бард. — С историей та же ситуация.

— Я думал, истории нужны факты.

— История *истолковывает* факты, — ответил Бард. — Это в корне меняет дело.

— И помогает тебе соскочить с крючка, — сухо заметил Макс.

— Нет, если я неправильно их истолковываю.

— Теперь ты запутал даже меня, — продолжил Макс. — Если ты истолковываешь факты вместо того, чтобы сообщать о них, как ты можешь неправильно их истолковать?

— Ты никогда не слышал, чтобы кто-то что-то истолковывал неправильно?

— Да... но происходило это при мне и я мог указать на ошибку. А по прошествии сотни лет кто будет знать о том, правильно или неправильно Вилли истолковывал факты?

— Если я истолкую их неправильно, никто об этом не узнает, потому что ни у кого не возникнет желания раскрыть мою книгу, — терпеливо объяснил Бард. — Работа летописца заключается в том, чтобы история казалась живой для тех, кто не присутствовал при описываемых событиях. При неправильном толковании она куда больше напоминает мертвую рыбу.

— Я думал, работа летописца — как можно точнее описывать происходящее, — вставил Ураган Смит.

— Самая великая летопись — Книга Добра, которую преподобный Билли Карма таскает в кармане, — ответил Бард. — Как ты думаешь, насколько она точна?

---

* Билли Кид (1859—1882) — прозвище знаменитого главаря банды в Калифорнии. Настоящее имя Уильям Бонни.

** Джесси, Джеймс (1847—1882) — знаменитый бандит, герой многочисленных вестернов, баллад и преданий.

— Достаточно точна для того, чтобы узнать факты.

— Иногда, чтобы докопаться до истины, надо отмести факты в сторону.

— Я думал, что факты и истина — одно и то же, — удивился Бейкер.

Бард покачал головой.

— Если я что-то и почерпнул, выслушивая истории «Аванпоста», то лишь одно: зачастую факты — враги Истины. И я говорю про истину с большой буквы.

— Ты хочешь сказать, что я могу и дальше рассказывать свои истории, а ты будешь переписывать их, чтобы они соответствовали твоему видению истины? — спросил Бейкер.

— Я тебе уже говорил: я не переписываю, я приукрашиваю.

— Какая разница?

— Я сохраняю каркас ваших историй: кто, что, где, когда, с кем. Но я стараюсь сделать их более значимыми, чтобы будущие поколения понимали величие того, что вершилось сейчас.

— А если ничего великого не вершилось? — спросил Макс.

— Они все равно проникнутся гордостью за ваши достижения, какими бы тривиальными они сейчас ни казались, — ответил Бард. — Разве это грешно?

— Я и не говорил, что грешно, — напомнил Макс. — Просто нечестно.

— Ну почему мне не удается доказать тебе, что есть разница между ложью и приукрашиванием? — В голосе Барда слышалось раздражение.

— Может, потому, что в своей жизни он не разделяет первое и второе? — предположил Бейкер.

— Послушай, он — историк, летописец, — гнул свое Макс. — Он должен говорить правду. Он лжет. Это неправильно. Все просто.

— Тебе приходилось убивать из пистолета, спрятанного в твоей третьей руке? — спросил Бейкер.

— Конечно, — кивнул Макс. — Но это совсем другое.

— Но ты же поступал нечестно.

— Вопрос стоял о жизни и смерти.

— Вот об этом и пишет Вилли.

— С чего ты так решил?

— Только это не его жизнь и смерть, — пояснил Бейкер. — Наша. Кто-то возьмет эту книгу через пару сотен лет, и я буду жить до тех пор, пока обо мне будут читать. Как только закроется книга, я снова умру. Это я тебе про жизнь. А смерть наступит, если он не продаст рукопись или никто никогда не откроет книгу.

— Сукин ты сын, я себе такого и представить не мог. — Он повернулся к Барду. — Разрешаю тебе писать, что вздумается.

— Приукрашивать, — настаивал Бард.

— Как ни назови.

— Есть одна история, которую у меня не было возможности приукрасить, потому что я ее еще не слышал. Как насчет нее, Катастрофа?

— А я тут при чем?

— Ты же участвовал в войне, не так ли?

— Самую малость, даже не успел вспотеть.

— Все равно я хочу об этом слышать. — Бард уже приготовил блокнот.

— Как скажешь, — пожал плечами Бейкер.

КАТАСТРОФА БЕЙКЕР И КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ МУРЛЫКАЛ

Я решил, что именно мне по силам закончить эту войну (начал Бейкер). Подумал, что лучший способ — нанести удар в самое сердце. Я знал, что главный лагерь пришельцев расположен на Генрихе III, вот и полетел туда, как только покинул «Аванпост».

Я не пытался подкрасться к ним незаметно. Наоборот, вошел в лагерь, сказал, кто я есть, и предложил сразиться с их чемпионом в рукопашном бою.

Я исходил из того, что победитель боя выиграет и войну, но их командир со мной не согласился, прежде всего потому, что не располагал необходимой властью. Во время раз-

говора с ним меня представили миловидной женщине, которая занималась торговлей оружием, и я выдвинул контрпредложение: если их чемпион победит, я буду всю войну сражаться на их стороне, а если победа останется за мной, они отдадут мне королеву Элеонор Прованскую, такое имя я дал этой женщине.

Они решили, что при моей силе я должен одновременно драться с двумя их чемпионами, а поскольку в росте и габаритах они уступали людям, я согласился. Насколько я помню, поединок занял не больше двух минут. Я уверен, что тощий когда-нибудь снова сможет ходить, а вот насчет плотного, коренастого, сильно сомневаюсь.

Пришельцы повели себя благородно и отдали мне королеву Элеонор. Ее это не очень порадовало, но я повел ее к своему кораблю, чтобы не дать ей сбежать. Оставался на земле, пока она открывала люк и входила в воздушный шлюз. А потом, прежде чем я успел остановить ее, Элеонор задраила люк и взлетела, оставив меня на земле с отвисшей челюстью.

Пришельцы смеялись до слез, а я так разозлился, что уже хотел вызвать их всех на бой без правил, но потом сообразил: нет их вины в том, что я нашел лимон в саду любви. Я попросил их показать мне ее корабль, которому теперь предстояло стать моим.

Выглядел звездолет на удивление странно, таких мне видеть еще не доводилось, но я не видел причин отказываться от него, звездолет есть звездолет, поэтому, раздав двадцать автографов, попрощался с хихикающими пришельцами и поднялся на борт.

Такого пульта управления с надписями на непонятном мне языке я тоже никогда не видел, кресла и переборки казались живыми, впрочем, я не обращал на них особого внимания. Куда больше меня занимало другое: как активировать корабль и взлететь.

Ураган Смит встал и направился к двери.

— Ты уж меня извини, Катастрофа, но я все время поглядываю на часы и чувствую, что мне пора. Иначе Шеба,

оставшаяся на Аделаиде Лувайн, израсходует весь запас воздуха.

— Нет проблем, — ответил Бейкер. — Будет нехорошо, если твоя дама задохнется, пока ты пьешь и проводишь время в свое удовольствие.

— Я рад, что ты меня понимаешь. Увидимся через день-другой.

Одна кнопка на пульте управления привлекла мое внимание (продолжил Бейкер). Она выделялась своей яркостью, вот я и нажал на нее, поскольку не мог весь день таращиться на пульт управления.

И услышал пронзительный женский вскрик.

— Кто здесь? — Я выхватил лучевик, огляделся.

— Я, — ответил женский голос.

— Где ты прячешься?

— Я не прячусь, — ответил голос. — Я — корабль.

— Ты — киборг или искусственный интеллект?

— Ни то и ни другое.

— У меня больше вариантов нет.

— Я — живое существо, созданное с помощью генной инженерии.

— По голосу ты — женщина.

— Я — женщина.

Бейкер поднял голову и увидел стоящего в дверях Урагана Смита.

— Я думал, ты ушел.

— Ушел, — кивнул Смит, — но услышал, что ты рассказываешь, и вернулся, чтобы дослушать до конца.

— Я рассказываю об инопланетном звездолете. Или об инопланетянине, который был звездолетом.

— Инопланетянке.

— Я думал, у тебя есть инопланетянка.

— Ты про Шебу?

— Да. Разве у нее не заканчивается воздух на Аделаиде Лувайн?

— У нее большие легкие. — Смит пожал плечами. Вернулся к своему столику, сел, наклонился вперед, чтобы не пропустить ни единого слова. — Продолжай.

Бейкер долго смотрел на него.

— Как скажешь.

— Эти кнопки помогут нам взлететь? — спросил я, нажимая на две или три.

— О Боже! — выдохнула она.

— Я причинил тебе боль, мэм?

— Сделай это еще раз.

Я вновь нажал на кнопки, и корабль замурлыкал, как кошка.

— У тебя есть имя?

— Леонора, — прошептали в ответ.

— Так вот, Леонора, мэм, можешь ты сказать, как мне убраться с Генриха III до того, как пришельцы нарушат заключенное мной и ими перемирие.

— Сядь, — сказала она. — Я обо всем позабочусь.

Я сел и не успел пристегнуть ремни безопасности, как они сами притянули меня к спинке кресла, а взглянув на обзорный экран, я увидел, что мы уже за пределами стратосферы.

Ремни освободили меня и кое-где погладили, прежде чем уползти в пазы. Я встал, огляделся.

— Как тебя зовут? — спросила Леонора.

— Бейкер, — ответил я. — Катастрофа Бейкер.

— Какое романтичное имя, — проворковала она.

— Ты действительно так думаешь? Мне-то казалось, что лучшие имена расхватали Ураган Смит и Могильщик Гейнс. — Я отошел к дальней стене рубки. — А где камбуз? Последний раз я поел еще до того, как приземлился на Генрихе III.

Стена отошла в сторону.

— Иди по коридору. Первая комната налево.

Едва я ступил в коридор, корабль чуть задрожал, словно мы попали в легкий ионный шторм, и я уперся руками в переборки, чтобы не упасть.

— О! — вскрикнула Леонора. А потом. — О! О! О!

— Извини, если сделал что-то не так, мэм, — сказал я. — Я не хотел доставлять тебе неудобств.

— Ты не доставляешь мне неудобств, — ответила она, и я мог поклясться, что услышал учащенное дыхание.

Что ж, я продолжал идти по коридору, а она вскрикивала при каждом моем шаге. Наконец я подошел к дверному проему по левую руку, вошел и очутился на камбузе, хотя такой камбуз я увидел впервые. По центру стояли стол и стул, а всю стену занимал пульт управления.

— Что будешь есть, Катастрофа Бейкер? — спросила Леонора.

— Сандвич и пиво, если тебя это не затруднит, мэм, — ответил я.

— Не затруднит. Видишь розовую кнопку, левее голографической надписи?

— Да.

— Нажми.

— А не надо говорить ей, что мне надо?

— Просто нажми, — повторила Леонора.

Я подошел и нажал.

— Вау! — промурлыкала Леонора.

— Что мне делать теперь, мэм? — спросил я.

— Теперь ты поешь.

— А где моя еда?

— На столе, — ответила Леонора.

Я сел, принялся за сандвич.

— Ты куда заботливее моей последний владелицы, — сообщила она.

— Я не твой владелец, мэм. Скорее, временный пользователь.

— Мы составили бы замечательную пару! Ты так не думаешь?

— Да, конечно, если ты захочешь, чтобы я и дальше пользовался тобой.

— О да! — прошептала она.

— А теперь, раз уж мы мужчина и корабль, как насчет того, чтобы проложить курс к Барликорну II?

— Исполнено.

— Так просто?

— Ну, мы могли бы добраться туда быстрее, настроив навигационный управляющий блок.

— Как это сделать?

Стенная панель ушла в пол, открыв новые мигающие лампочки, кнопки, диски приборов и тому подобное.

— Видишь маленькое колесо над Кью-клапаном? — спросила она.

— Да.

— Поверни налево.

— Как скажешь, мэм.

Я подошел, повернул.

— О, о, о! — вскричала она.

— Я причинил тебе боль, мэм!

— Не-е-ет!

— Это все или мне надо сделать что-то еще?

Я не представлял себе, что настройка навигационного компьютера требует стольких телодвижений, но в конце концов я, должно быть, причинил ей боль, так как она сказала, что больше не может, и я отошел от панели со словами, что задержка на пару часов — не проблема.

Полет занял два дня, но в ее компании я мог бы лететь и дольше. Она настаивала, чтобы я ел три раза в день, а я при первой возможности настраивал навигационный блок. Наконец мы приземлились на Барликорне II и вот тут я уловил нотки озабоченности в голосе Леоноры.

— Куда ты идешь?

— Хочу навестить давнего друга.

— Я еще увижу тебя?

— Конечно. Я не собираюсь провести остаток дней на Барликорне II.

В общем-то я намеревался провести здесь одну ночь, возобновив знакомство с Вечерней Звездой, большим специалистом по чужим сейфам, которая в свободное от основного занятия время танцевала в ночных клубах, благо внешность позволяла. Я пригласил ее на обед, мимоходом упомянул про Леонору, и, конечно же, она уговорила меня в тот же вечер показать ей живой корабль.

— Она мила, — отметила Вечерняя Звезда, оглядев Леонору с носа до кормы.

— Как и ты. — Я поцеловал ее в шею, потом в ушко и начал раздевать. — А формы у тебя более возбуждающие.

— О, да ты шустрик! — Она захихикала и шлепнула меня по руке, но не так сильно, чтобы я ее убрал.

— Возможно, — ответил я, потому что не видел своего свидетельства о рождении, — но друзья зовут меня Катастрофой.

В общем, мы возобновили близкое знакомство друг с другом в тени корабля, а когда я вез ее домой, она заявила, что ни одна женщина в здравом уме не назвала бы меня Катастрофой.

Но по возвращении на корабль меня ждал неприятный сюрприз.

— Никогда в жизни меня так не оскорбляли! — заявила Леонора.

— О чем ты говоришь?

— Стоило мне повернуться к тебе спиной, как ты соблазнил эту уродливую шлюху!

— Во-первых, она не уродливая, во-вторых, я от тебя не прятался. — Я решил, что должен заступиться за Вечернюю Звезду, поскольку она, в силу своего отсутствия, ничего не могла сказать в свое оправдание.

— И ты грязный! — продолжила Леонора. — Сними эту одежду и немедленно прими ванну!

— Можно подумать, что ты — мать, а не корабль.

— Ты сердишься?

— Да, есть немного.

— Хорошо! — фыркнула она. — Тогда мы квиты.

С того момента ситуация стала изменяться от плохого к худшему. Всякий раз, когда я говорил ей, куда надо лететь, она устраивала мне допрос с пристрастием на предмет женщин, с которыми я хотел повидаться. Она не посылала и не принимала субпространственные сообщения, если адресатом и, соответственно, отправителем значилась женщина. Если я разговаривал во сне и упоминал женское имя, она будила меня, чтобы узнать, о ком я говорил.

Наконец через три или четыре дня она объявила, что везет меня в звездную систему Плантагенет.

— Что происходит? — пожелал узнать я.

— Я так больше не могу! — ответила она. — Не могу сосредоточиться на навигации! Не могу рассчитать потребление топлива! Не могу вовремя засечь метеорные дожди и ионные штормы!

— У тебя болит голова? — посочувствовал я.

— Я страдаю от неразделенной любви, которая сводит меня с ума. Я постоянно думаю о тебе и при этом ничего для тебя не значу.

— Конечно же, значишь, — ответил я.

— Как женщина?

— Как звездолет.

Исторгшийся из нее крик переполняла боль.

— Пожалуйста, извини, — попытался я загладить свою вину. — Я сожалею, что ни одна женщина не может устоять передо мной, но это происходит помимо моей воли. Такова участь всех героев.

Она не произнесла ни единого слова, пока мы не вошли в атмосферу Генриха II. А потом все-таки попросила, очень жалобно:

— Ты не смог бы настроить мои гироскопы, ради того, что между нами было?

— Конечно, — ответил я. — Где они?

Замигала пара круглых рукояток.

Я взялся за них, начал поворачивать.

— М-м-м-м!

Я посильнее крутанул левую.

— О-о-о-о!

Правую.

— О Боже! Боже! Боже! — А потом она спросила: — Тебе тоже было хорошо?

Через пару минут мы приземлились, я по трапу спустился на землю, а она унеслась в небо.

Вот и вся история корабля, который мурлыкал.

— Она не сказала тебе, куда летит? — спросил Ураган Смит.

— Нет, — ответил Бейкер. — Но вроде бы она взяла курс на звездное скопление Квинтал.

— Какая у нее фора?

— Перед кем?

— Передо мной, черт побери!

— Разве у твоей подруги на Аделаиде Лувайн не заканчивается кислород?

— Никогда не лезь в чужие дела, — очень серьезно ответил Смит. Оглядел зал, остановил взгляд на Билли Карме.

— У тебя нет ни гроша, так, преподобный?

— Со мной всегда Бог и Книга Добра, — ответил Билли Карма, — но, по правде говоря, в ломбарде за них много не дадут.

— Хочешь быстро заработать две тысячи кредиток?

— Кого я должен распять?

— Просто слетай на Аделаиду, забери мою... э... эту женщину-инопланетянку по имени Шеба и привези сюда.

— Аделаида большая, а эта безбожная инопланетянка, как я понимаю, обычных размеров. Как я ее найду?

— Я сообщу ее координаты компьютеру твоего корабля.

— Твое предложение мне нравится, — ответил Билли Карма. — Но деньги вперед.

Ураган Смит достал толстую пачку тысячных, отделил две купюры. Одну протянул преподобному, вторую — мне.

— Половину — сразу, а вторую получишь у Томагавка, когда привезешь сюда Шебу. И вот что еще, преподобный...

— Что?

— Вылетай немедленно и постарайся добраться туда как можно быстрее. Если она задохнется, деньги тебе придется вернуть.

— Уже лечу. — Билли Карма повернулся к двери.

— Пожалуй, я составлю ему компанию. — Большой Рыжий поднялся из-за стола.

Ураган Смит вопросительно глянул на него.

— Как я понимаю, ты хочешь, чтобы он привез ее не только живой, но и в целости и сохранности.

— Возможно. — В голосе Смита не чувствовалось заинтересованности.

— Тогда ты должен знать, что без сопровождающего посылать преподобного нельзя. — Большой Рыжий взял Билли Карму за руку и двинулся к двери. — Пошли, преподобный.

Ураган Смит посмотрел на Бейкера.

— Так ты говоришь, звездное скопление Квинтал.

Бейкер кивнул:

— Совершенно верно.

Смит направился к двери.

— Пожелай мне удачи. — И ушел.

— Я могу пожелать ему только одного: чтобы он никогда с ней не встретился. — Бейкер допил свой стакан.

— Но история получилась бы хорошая, — ответил ему Бард.

— Это точно. — Внезапно Бейкер повернулся к нему. — Я хочу, чтобы ты продал эту чертову книгу до того, как отправишься в мир иной.

— Я постараюсь. — В голосе Барда слышалось изумление. — А что тебе до этого?

— Эта книга — мое бессмертие. — Бейкер глубоко вдохнул. — А в такие дни мне хочется жить вечно.

— Поверь мне, так и будет. — Бард похлопал по блокноту. — Я об этом позабочусь.

Те, кто остался, продолжали пить и рассказывать истории до глубокой ночи. А потом начали расходиться.

Маленький Майк Пикассо предложил Силиконовой Карни нарисовать ее портрет. Идея ей понравилась, и они отправились в его студию на Бетховене IV.

Ставлю-Планету О'Грейди вспомнил, что на Каллиопе намечалась игра по крупным ставкам, и отбыл, чтобы успеть к ее началу.

Сидящий Конь и Неистовый Бык полетели домой, чтобы побыть среди других индейцев и пополнить денежные запасы.

По правде говоря, не знаю, куда подевалась Киборг де Мило. Только что сидела в зале и вдруг исчезла. Когда — я не заметил.

Эйнштейн объявил, что придумал новый эффективный способ превращения тяжелых металлов в золото, и Могильщик Гейнс предложил отвезти его в Содружество, чтобы он смог оформить соответствующий патент.

Катастрофа Бейкер задержался еще на несколько часов, но я видел, что и ему не сидится на месте. Наконец он объявил, что давно не встречался с Королевами Пиратов, занял корабль и отправился искать их на краю галактики.

И к полудню в зале остались лишь Макс Три Ствола да постоянные резиденты: я, Регги и Бард. Но «Аванпост» никогда не пустует.

Во второй половине дня появился Док Арктур, за ним Каланча Куатермейн и Сапфир Сафо, которая мало в чем уступала Силиконовой Карни. А уж к закату в зале сидели Циклон Джим, инопланетянин Бръер Рэббит, Паутинка Салли, Билли Нож, Титановый Малыш и с полдюжины других живых легенд.

Прошло еще немного времени, и пустых стульев в зале не осталось. Наконец широким шагом вошел Мейлон Змеиная Кожа и сразу попросил Регги налить ему виски.

— Привет, Змеиная Кожа, — поздоровался с ним Макс. — Давно не виделись. Чем занимался?

— Творил историю, — ответил Мейлон.

— Давай об этом послушаем. — Бард достал ручку и блокнот, приготовившись записать еще одну главу для своей эпической хроники, дабы и само событие, и его участники остались в веках.

Собственно, этим мы в «Аванпосте» и занимаемся: сами — живая история, творим историю, рассказываем истории. Найти это место нелегко, но те, кому удается, и, я думаю, вы с этим согласитесь, уверены, что усилия потрачены не зря.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ ЛЕДИ 5
АВАНПОСТ 267

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ" ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

Книжный ряд: Рецензии на фантастические книги, обзоры жанров и грандиозных авторских вселенных.

Контакт: Интереснейшие беседы с писателями-фантастами, редакторами издательств и другими деятелями фантастической культуры.

Машина времени: Популярные статьи о средневековом быте, оружии, о передовых технологиях и науке завтрашнего дня.

Бестиарий: Чудовища и разумные расы фэнтези и научной фантастики.

А также: Рассказы известных авторов, Видеодром, Игровой клуб, Врата миров, В центре вселенных, Комната смеха и другие рубрики!

Часть тиража журнала комплектуется компакт-диском с оригинальными материалами.

www.mirf.ru

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики» второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Резник Майк

Черная Леди
Аванпост

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

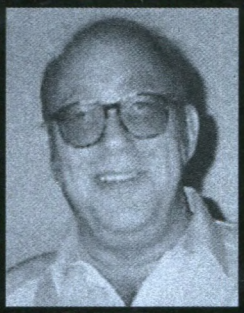
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



«Крутые парни» и опасные женщины с доброй сотни планет...
Стрелки, шулеры, охотники за наградами, наемные убийцы — и просто бандиты всех возможных видов и рас...
Завсегдатаи самого лихого, самого веселого, самого разудалого кабака Дальнего Фронтира, не боящиеся ни Бога, ни черта, ни сил Закона.
И ВОТ ЭТА пестрая компания спасет мир от захватчиков-«чужих»?!
В Галактике Майка Резника случается и не такое!..

ISBN 5-17-027451-3

МАЙК РЕЗНИК

ЧЕРНАЯ ЛЕДИ

АВАНПОСТ